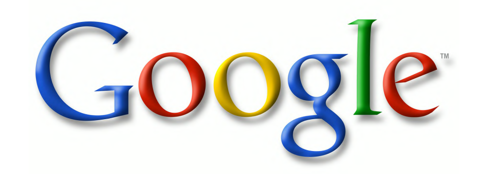
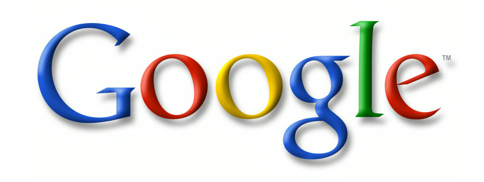
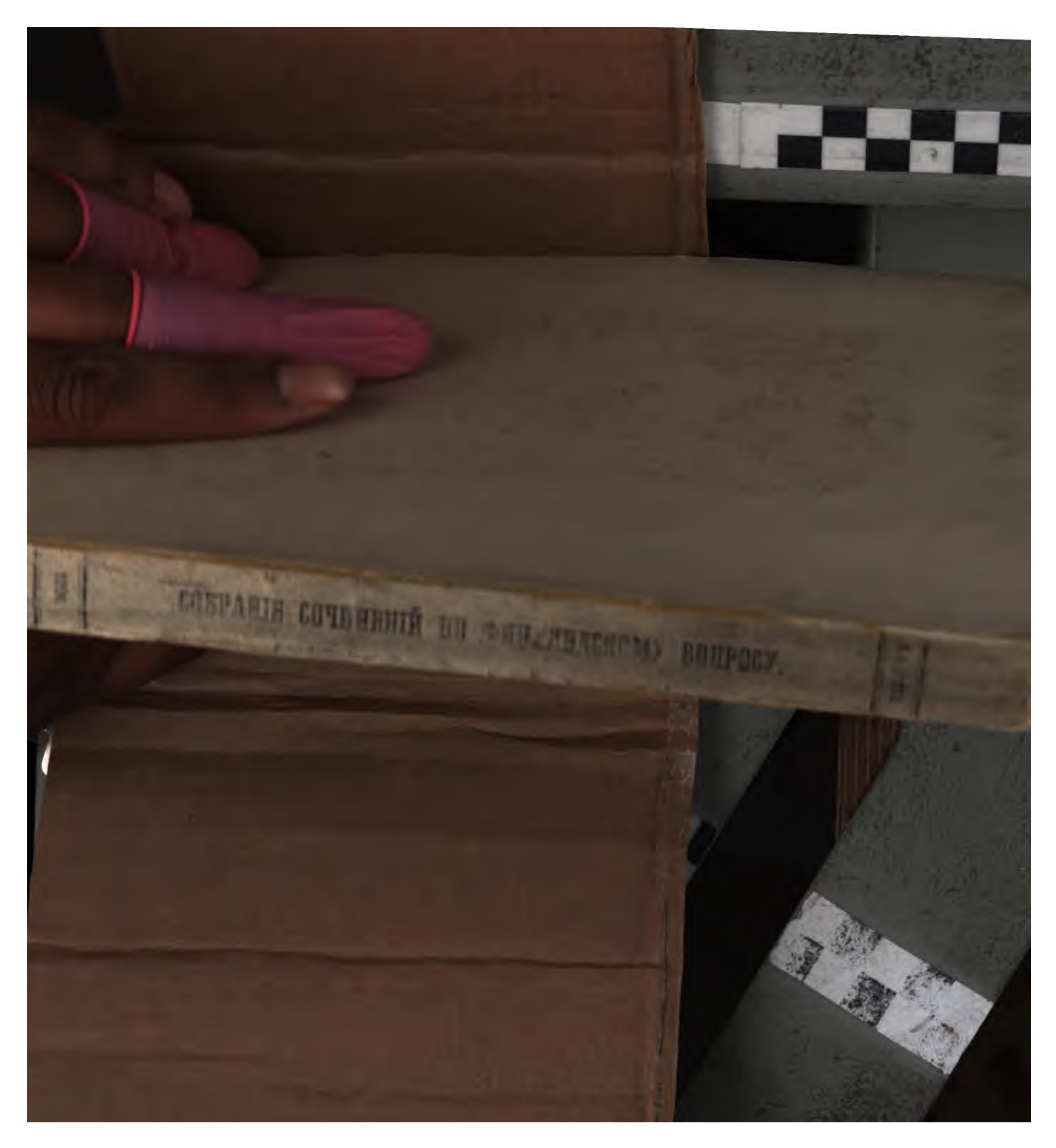





СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ПО ФИНЛЯНДСКОМУ ВОПРОСУ.

К. Ф. ОРДИНЪ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
по
ФИНЛЯНДСКОМУ ВОПРОСУ.

ТОМЪ I

ПОКОРЕНІЕ ФИНЛЯНДІИ.

Императорскою Академіею Наукъ удостоено преміи Митрополита Макарія. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія рекомендовано для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

„La Finlande était nécessaire [illegible] Russie. C'était le projet de Pierre [illegible] n'aurait pas placé sa capitale là, où elle est".

Изъ отвѣта [illegible] графа Ш[illegible] Наполеону I (Т. III, стр. [illegible]).

„Найдутся могутъ [illegible] согласно съ пользою нашей Имперіи".

Слова Императрицы Екатерины II [illegible]скому депутату [illegible] (Т. II, стр. 147).

ТОМЪ (часть) I.

съ картою Финляндіи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Государственная Типографія.
1909.

ФИНЛЯНДСКОМУ ВОПРОСУ.

ТОМЪ I

ИЗСЛѢДОВАНІЯ, СТАТЬИ, ЗАПИСКИ И ПИСЬМА.

СЪ ПОСЛѢДНИМЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

....Такъ какъ край этотъ, „Финляндія, — что давно показала исторія, самостоятельно существовать не въ силахъ...

.....и такъ какъ Финляндія во всѣхъ отношеніяхъ тѣсно связана съ Россіей, то включена мною въ общій сводъ русскихъ данныхъ"...

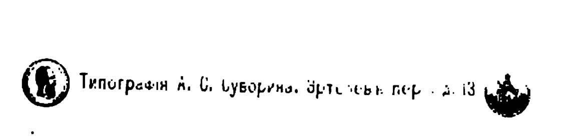
Д. Менделѣевъ.

(„Къ познанію Россіи".)

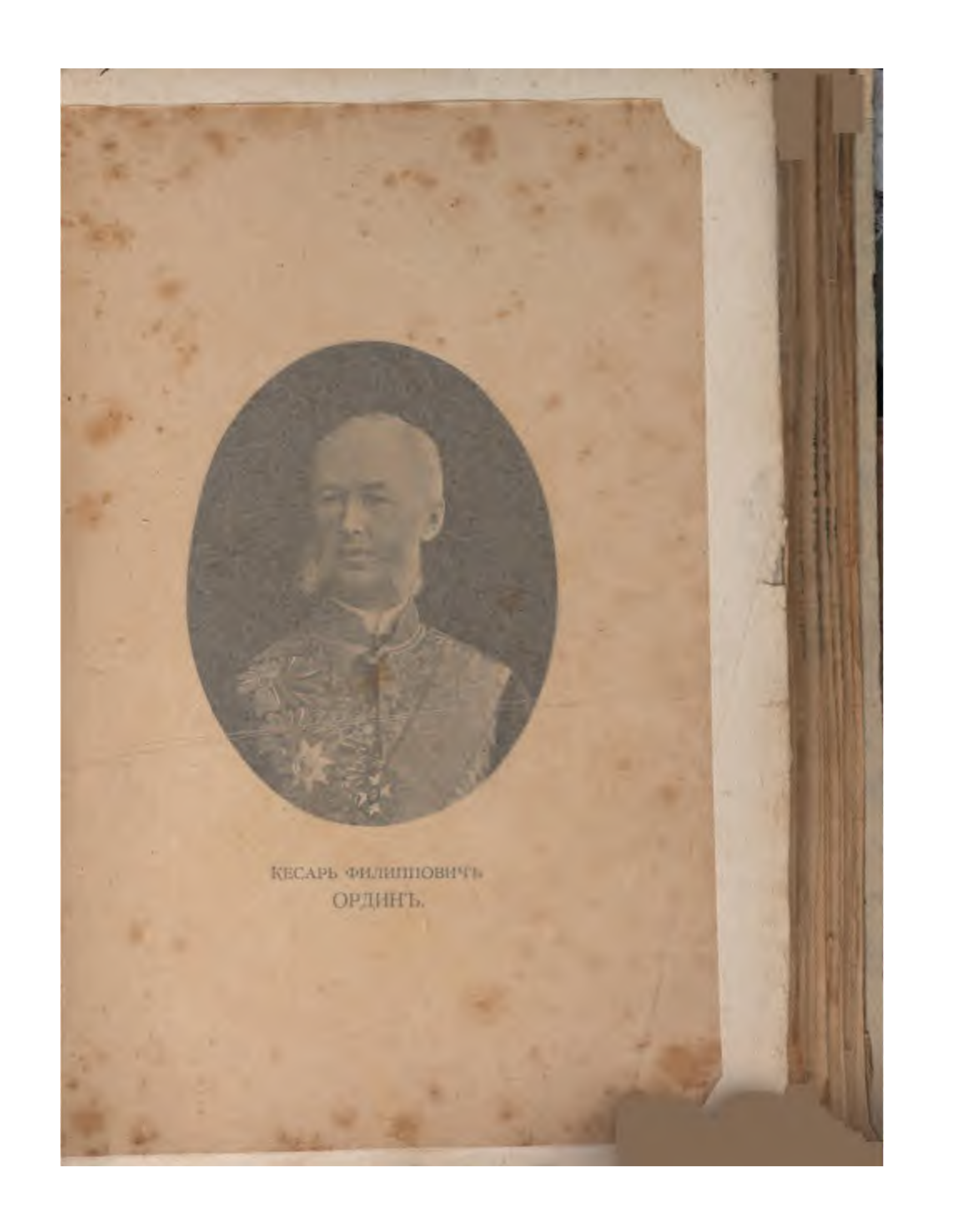
спб. 1906 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

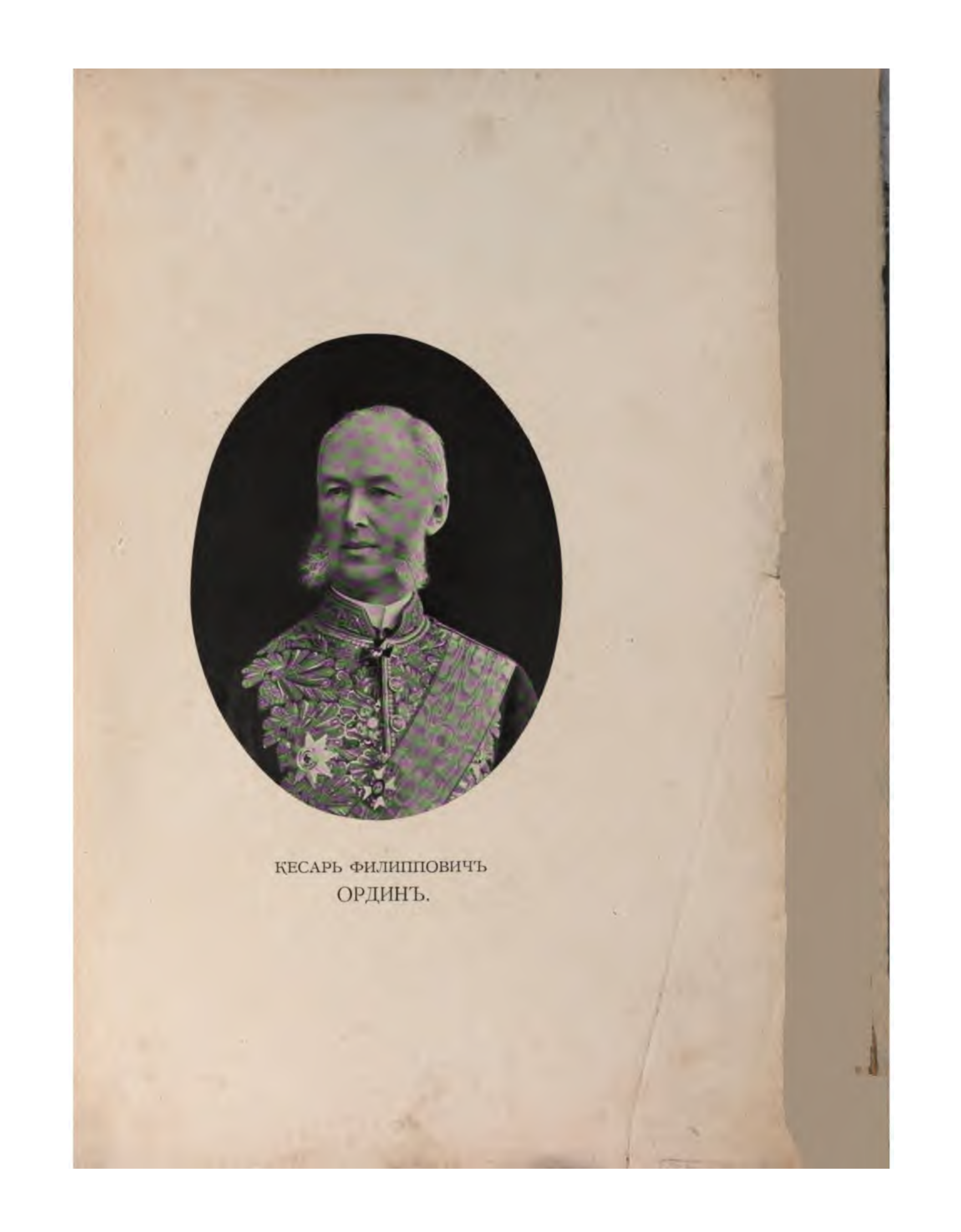
1908



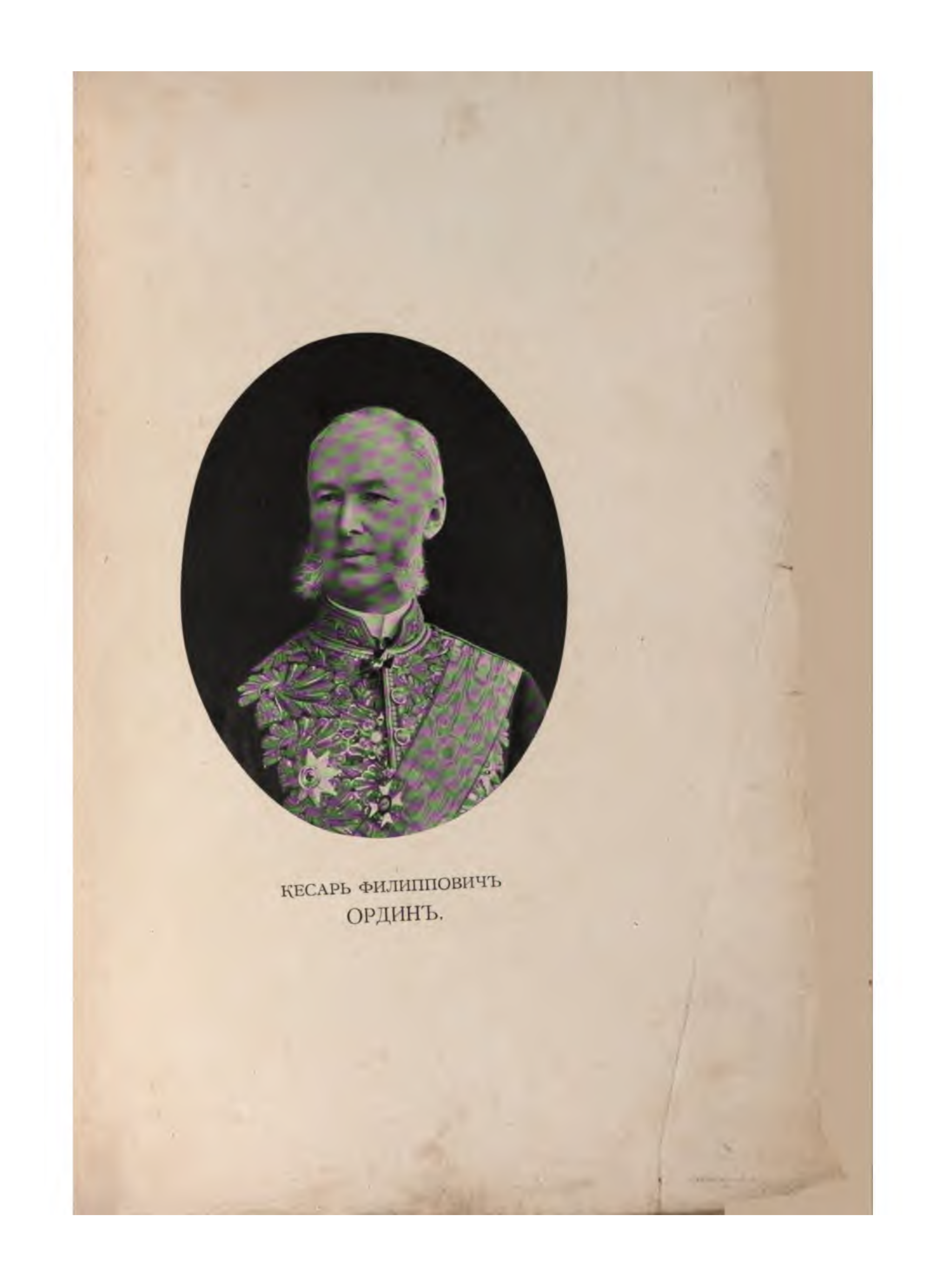
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13



КЕСАРЬ ФИЛИППОВИЧЪ
ОРДИНЪ.



КЕСАРЬ ФИЛИППОВИЧЪ
ОРДИНЪ.



КЕСАРЬ ФИЛИППОВИЧЪ
ОРДИНЪ.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Одна изъ статей, посвященныхъ памяти покойнаго[1]), прекрасно характеризуетъ значеніе близкаго знакомства съ Финляндіею для автора, работающаго надъ выясненіемъ русско-финляндскихъ отношеній.

«К. Ф. Ординъ, сказано въ упомянутой статьѣ, — весь отдался изученію избраннаго предмета. Такое рвеніе, надо полагать, развилось благодаря тому обстоятельству, что онъ попалъ на финляндскую окраину, гдѣ лично испыталъ полное русское безправіе, перенесъ обиды, наносимыя обыкновенно нашему національному самолюбію, и воочію наблюдалъ ненормальныя отношенія этой провинціи къ центру Имперіи. Финляндскій вопросъ не достаточно изучить, его надо еще прочувствовать. Петербургская канцелярія никогда не пойметъ поэтому многаго изъ того, что само собою дается русскому человѣку, попавшему въ финляндскую среду, подышавшему атмосферою разныхъ мѣстныхъ учрежденій и пришедшему въ непосредственное соприкосновеніе съ обособленниками. Русскому дѣлу можно особенно учиться на финляндской окраинѣ, куда мы пріѣзжаемъ, какъ въ иностранную землю».

По дѣламъ только что пріобрѣтенной земли онъ сразу встрѣтился съ двумя поразившими его обстоятельствами. Во-первыхъ, потребовалось представленіе удостовѣренія о принадлежности къ потомственному дворянству, т. к. русскій, не дворянинъ, не могъ непосредственно пріобрѣсти недвижимаго имущества въ Финляндіи: отъ него потребовалось бы, чтобы онъ предварительно прожилъ въ предѣлахъ Великаго Княжества пять лѣтъ, внесъ значительную сумму въ финляндскую казну, и только тогда ему было бы разрѣшено купить за свои деньги участокъ земли, т. е. даровано было бы то право, которое каждый финляндецъ имѣетъ всегда по всему простору Россійской Имперіи[2]). Во-вторыхъ, когда онъ по дѣлу о той же землѣ отправился къ Выборгскому губернатору Океръ-Блому, то встрѣтился съ новымъ курьезомъ. Его удивленіе

[1]) «К. Ф. Ординъ»—статья въ № 9428 «Новаго Времени» отъ 5/18 іюня 1902 года.

[2]) Въ 1907 г. вышла въ С.-Петербургѣ весьма цѣнная по собранному въ ней матеріалу брошюра П. Суворова «Къ вопросу о равноправіи. Положеніе русскихъ въ Финляндіи и финляндцевъ въ Имперіи».

номъ актѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ склонили генералъ-губернатора къ кодификаціи финляндскихъ законовъ и подъ этимъ именемъ сочинили сводъ такъ, что онъ разрывалъ послѣднюю связь между Финляндіею и Россіею»[1]).

«Одновременно сенаторъ Мехелинъ[2]) нашелъ нужнымъ дѣйствовать въ этомъ смыслѣ на общественное мнѣніе, для чего и издалъ на французскомъ языкѣ книжку объ основахъ финляндской конституціи—«Précis du droit public du Grand Duché de Finlande».

«Видя, что и это не встрѣчаетъ препонъ, я счелъ своимъ долгомъ сдѣлать, что могу, и на публичное слово отвѣтилъ публичнымъ же. Съ этою цѣлью перевелъ и издалъ своими средствами книжку[3]) Мехелина, дополнивъ примѣчаніями и документами, о коихъ онъ умолчалъ.

«Желая повергнуть экземпляръ моего труда предъ Его Величествомъ[4]), я просилъ о томъ графа Воронцова-Дашкова,—бывшаго тогда Министромъ Императорскаго Двора—и въ письмѣ по этому случаю поставилъ себѣ обязанностью указать на опасное качество финляндской кодификаціонной работы».

Въ то же время проводилось, помимо русскихъ учрежденій, изготовленное финляндцами уголовное уложеніе Финляндіи.

О разныхъ его частяхъ, прямо посягавшихъ на русскія права, Кесарь Филипповичъ говорилъ и писалъ неоднократно тѣмъ, кому вѣдать надлежало, однако, безуспѣшно. «Тогда вовсе не догадывались о цѣляхъ, которыя преслѣдовались финляндскими политиками, и только невѣдѣніемъ того, что во всеуслышаніе читалось

---

[1]) Вслѣдствіе просьбы бывшаго тогда генералъ-губернаторомъ графа Гейдена К. Ф. Ординымъ было высказано мнѣніе по поводу проекта этой кодификац и устно,и въ письмѣ, помѣщенномъ на стр. 121 сего изданія.

[2]) О Л. Мехелинѣ и его дѣятельности см. брошюры: Евг. Федорова «Подготовка Финляндской революціи 1899 и 1905 гг.» (изд. 1907 г.). стр. 72 и слѣд., и А. Румянцева «Финляндія вооружается» (изд. 1907 г.), стр. 43 и слѣд.

[3]) См. стр. 34 и слѣдующія этого тома.

[4]) К. Ф. Ординъ имѣлъ счастье быть лично извѣстнымъ Императорамъ Александру II и Александру III. Еще въ 1868 г. онъ былъ производителемъ дѣлъ въ «комиссія доставленія пособія жителямъ Россіи, пострадавшимъ отъ неурожая хлѣба», Предсѣдателемъ которой былъ Наслѣдникъ Цесаревичъ, впослѣдствіи Императоръ Александръ III».

нія, которое за симъ, по повелѣнію Государя, было передано Министру Юстиціи (Н. А. Манасеину), заключеніе котораго вмѣстѣ съ заключеніемъ статсъ-секретаря Э. В. Фриша установили все несоотвѣтствіе этого акта, появившагося уже послѣ переработки его въ комиссіи сенатора Н. С. Таганцева лишь въ 1894 году [1]). Эта Высочайшая мѣра, по мнѣнію Н. С. Таганцева, представляется событіемъ первостепенной важности, котораго общегосударственное значеніе еще не достаточно оцѣнено.

Въ нашей прессѣ было разсказано о томъ, какъ событіе это совершилось благодаря знанію и патріотической твердости К. Ф. Ордина [2]). Уголовное уложеніе было удостоено Высочайшаго одобренія по довѣрію къ докладчику министру статсъ-секретарю. Засимъ оно появилось напечатаннымъ въ «Сборникѣ постановленій Великаго Княжества Финляндскаго», и гельсингфорсскія газеты, давно уже обсуждавшія это посягавшее на права и достоинство Россіи уложеніе, не скрывали своего ликованія [3]).

Изучившій шведскій языкъ и по шведскимъ газетамъ видѣвшій успѣхи вожаковъ сепаратистовъ Кесарь Филипповичъ поспѣшилъ ознакомиться съ уложеніемъ въ окончательной его редакціи и, убѣдившись, что оно составлено несомнѣнно вредно для интересовъ Россіи и унизительно для русскаго государства, рѣшился на отважный шагъ.

Въ качествѣ гофмейстера Высочайшаго Двора онъ поѣхалъ на выходъ въ Зимній Дворецъ, 26 ноября 1889 года, въ день Георгіевскаго праздника, и обратился къ Министру Императорскаго Двора съ горячею просьбою довести до свѣдѣнія Государя о содержаніи и значеніи новаго финляндскаго уложенія.

Графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ внимательно выслушалъ его и выразилъ готовность доложить объ этомъ Императору, если

---

[1]) Судьба этого уголовнаго уложенія разсказана Н. С. Таганцевымъ въ «Юридической Лѣтописи за 1891 г. (Январь) и описана въ № 2 «Библіотеки окраинъ Россіи» Н. Д. Сергѣевскаго за 1907 годъ. Сообщаемыя нами свѣдѣнія дополняютъ существеннымъ образомъ упомянутыя описанія.

[2]) Статья «Новаго Времени» отъ 20 сентября 1898 года за № 8105—«Къ новѣйшей исторіи Финляндіи».

[3]) См. стр. 151 и слѣд. этого тома.

Кесарь Филипповичъ дастъ ему памятную записку въ удостовѣреніе вреднаго характера дѣла.

Въ чрезвычайномъ, понятномъ, волненіи Кесарь Филипповичъ пріѣхалъ домой и, спѣшно, въ краткой запискѣ изложилъ суть дѣла. Записку эту онъ немедленно послалъ графу Воронцову-Дашкову [1]).

Въ письмѣ своемъ на имя матери моей, С. А. Ординой, отъ 8 августа 1898 года, графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ собственноручно такъ описываетъ происшедшее:

«На Георгіевскомъ праздникѣ Вашъ мужъ мнѣ передалъ о недопустимости новаго уложенія и готоваго уже къ обнародованію Манифеста; я его просилъ составить записку, которую я въ тотъ же день передалъ Государю, и лишь послѣ того послѣдовалъ разговоръ съ графомъ Гейденъ и призывъ Манасеина, которому Государь поручилъ ознакомиться съ новымъ уложеніемъ и съ финскимъ текстомъ, какъ уложенія, такъ и манифеста, не соотвѣтствовавшимъ, на сколько мнѣ помнится, докладу статсъ-секретаря. Долженъ добавить, что Эрнрота я лично зналъ и считаю его совершенно порядочнымъ человѣкомъ, неспособнымъ на малѣйшій подвохъ, или компромисъ съ совѣстью; но подвохъ былъ совершенъ, а гдѣ—и кѣмъ,—это для меня тайна.

«Вашему мужу принадлежитъ честь иниціативы въ этомъ дѣлѣ; я явился лишь передаточною инстанціей, Манасеинъ же былъ призванъ Его Величествомъ къ разбору уже послѣ разоблаченія, сдѣланнаго Вашимъ мужемъ, безъ котораго уложеніе было бы издано, а подписанный манифестъ обнародованъ».

Какъ сказано выше, Кесарь Филипповичъ прибѣгъ къ посредничеству графа Воронцова-Дашкова послѣ того, какъ убѣдился, что ни бесѣды съ Министромъ Юстиціи и Управляющимъ Кодификаціоннымъ Отдѣломъ, ни обращеніе къ финляндскому генералъ-губернатору не привлекли ихъ вниманія на это дѣло. Въ письмѣ къ графу Гейдену, отъ 27 ноября 1890 года, Кесарь Филипповичъ писалъ: «Полтора года назадъ я тщетно предупреждалъ Васъ объ уголовномъ уложеніи,—а теперь его негодность вышла офиціально наружу»...

---

[1]) Записка эта помѣщена на стр. 148—149 настоящаго сборника.

Разъясненіе пріемовъ и стремленій финляндскихъ дѣятелей, составлявшихъ и проводившихъ это уложеніе, сняло покровъ съ неприглядной дѣйствительности. Русскимъ государственнымъ людямъ, по документамъ изучившимъ дѣло, стало ясно, куда направлены усилія заправилъ финляндской политики и какія послѣдствія можетъ породить слѣпое къ нимъ довѣріе.

Между тѣмъ Кесарь Филипповичъ неустанно, по 14 часовъ въ сутки, работалъ, какъ по изданію главнаго своего труда «Покореніе Финляндіи», такъ и сотрудничая въ газетахъ и составляя записки по разнымъ, касавшимся Финляндіи, вопросомъ для желавшихъ ознакомиться съ дѣломъ финляндскаго генералъ-губернатора графа Ф. Л. Гейдена и министровъ—Н. Х. Бунге, Н. А. Манасеина, П. С. Ванновскаго.

По просьбѣ послѣдняго Кесаремъ Филипповичемъ была написана въ 1890 году записка по документамъ Главнаго Штаба о томъ, какъ былъ составленъ и утвержденъ уставъ о воинской повинности въ Финляндіи. Рядомъ съ всеподданнѣйшею запискою, представленною въ 1878 году бывшимъ Военнымъ Министромъ Д. А. Милютинымъ, записка эта занимаетъ первыя страницы «Сборника матеріаловъ по составленію и пересмотру устава о воинской повинности въ Финляндіи», отпечатаннаго въ 1899 г. въ военной типографіи и легшаго въ основу матеріаловъ, бывшихъ въ разсмотрѣніи Государственнаго Совѣта при сужденіи объ упомянутомъ уставѣ.

Графъ Милютинъ съ живою симпатіей относился къ работамъ Кесаря Филипповича, понимая всю справедливость его стремленій: «Искренно желаю Вамъ успѣха въ Вашей патріотической работѣ,—такимъ добрымъ пожеланіемъ окончилъ фельдмаршалъ письмо свое отъ 13 марта 1890 г. изъ Симеиса, его имѣнья въ Крыму. Въ другомъ письмѣ отъ 9 апрѣля третьему лицу графъ Милютинъ пишетъ: «Вы упоминаете въ письмѣ Вашемъ о трудѣ К. Ф. Ордина. Сочиненіе это я имѣю и теперь занимаюсь чтеніемъ его; вмѣстѣ съ тѣмъ веду переписку съ самимъ авторомъ. Вполнѣ сочувствуя его взгляду на финляндскія дѣла, искренне желаю полнаго успѣха его дальнѣйшимъ работамъ по этому предмету».

Ваши безпристрастныя изслѣдованія. Рано или поздно правда должна же одолѣть кривду»... «Ваши изслѣдованія о Финляндіи составляютъ богатый вкладъ въ нашу литературу. Горячо желаю, чтобы труды Ваши, значеніе которыхъ признано людьми науки, находили все болѣе и болѣе сочувствія и чтобы Вы вышли побѣдителемъ изъ борьбы, на которую Вы обрекли себя ради возстановленія исторической истины».

Бывшій посолъ нашъ въ Константинополѣ и позже Министръ Внутреннихъ Дѣлъ графъ Н. П. Игнатьевъ мѣтко оцѣнилъ характерную сторону трудовъ Кесаря Филипповича: «Добросовѣстный трудъ Вашъ», — писалъ онъ 29 декабря 1889 г., — «приноситъ Вамъ честь, какъ предусмотрительному борцу за правое дѣло».

Большинство, проникнутое искусно навязанными и повсюду распространенными финляндцами восторженными отзывами о финляндскихъ порядкахъ и добродѣтеляхъ, по печальной склонности многихъ русскихъ бранить свое и хвалить всякіе, даже неизвѣстные, чужіе порядки, относилось къ трудамъ покойнаго Кесаря Филипповича съ предвзятымъ раздраженіемъ, повторяло критику финляндскихъ публицистовъ, безъ зазрѣнія совѣсти громившихъ труды покойнаго и усердно сообщавшихъ рѣзкую брань въ иностранныя изданія, причемъ множество, какъ финляндскихъ критиковъ, такъ и повторявшихъ ихъ нападки иностранцевъ, даже и не читало сочиненій автора «Покоренія Финляндіи». Пускались въ ходъ всѣ средства — и интрига, и перо, и каррикатура.

О враждѣ шовинистически настроенной финляндской прессы распространяться не стоитъ. Но и въ Петербургѣ Кесаря Филипповича встрѣчало недоброжелательство или равнодушіе. Какъ правительственные круги, такъ и столичное общество давно привыкли смотрѣть на финляндскія дѣла чрезъ подставленные финляндцами очки въ видѣ всякихъ ихъ увѣреній о финляндской лояльности [1]) и въ видѣ журнальныхъ и газетныхъ статей, которыя охотно принимали на свои страницы многія русскія изданія, за враждой къ

---

[1]) Желающимъ ознакомиться ближе съ пріемами финляндскихъ политическихъ дѣятелей рекомендуемъ прочесть брошюру Евг. Федорова «Подготовка финляндской революціи», Спб. 1907 г. Ц. 35 коп.

правительству совершенно забывавшія коренные интересы русскаго народа.

Ѳ. П. Еленевъ, одинъ изъ лучшихъ русскихъ знатоковъ вопроса, въ своемъ сочиненіи «Ученіе о финляндскомъ государствѣ» (стр. 15) такъ описываетъ эту травлю: «Имя Ордина, этого самоотверженнаго труженика и въ высшей степени правдиваго изслѣдователя, было предано поруганію во всѣхъ финляндскихъ газетахъ, а для поколебанія силы приведенныхъ имъ фактовъ, первѣйшими финляндскими учеными авторитетами стали печататься на русскомъ языкѣ брошюры и помѣщаться статьи въ нѣкоторыхъ русскихъ журналахъ. Сказанныя брошюры были разсылаемы въ Петербургѣ всѣмъ значительнымъ лицамъ подъ бандеролью и безплатно».

Финляндскій генералъ-губернаторъ того времени графъ Ѳ. Л. Гейденъ, поминавшій намъ Кесаря Филипповича добрымъ словомъ послѣ его кончины, при жизни его болѣе слѣдовалъ внушеніямъ своихъ финляндскихъ совѣтниковъ. Впослѣдствіи, однако, какъ это видно изъ работъ по кодификаціи основныхъ законовъ Финляндіи, подготовлявшихся комиссіею А. Вейсенберга, мотивы, выдвинутые графомъ Гейденомъ, совершенно примкнули къ тому, что проводилъ въ своихъ трудахъ Кесарь Филипповичъ.

Весною 1889 г. произошло нѣчто необыкновенное: въ № 100 «Правительственнаго Вѣстника», отъ 9-го Мая, была напечатана «Всеподданнѣйшая докладная записка генералъ-губернатора Финляндіи», которая начиналась такъ: «По поводу появлявшихся въ послѣднее время въ русской печати, особенно въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», статей о Финляндіи и о правительственныхъ ея лицахъ, генералъ-губернаторъ Великаго Княжества, какъ предсѣдатель Императорскаго Финляндскаго Сената, считаетъ нужнымъ разъяснить слѣдующее». Затѣмъ слѣдовали возраженія, которыми въ Гельсингфорсѣ хотѣли опровергнуть то, что было напечатано въ русскихъ газетахъ.

Разъясненіе это, какъ и «Письмо къ издателю «Московскихъ Вѣдомостей» А. фонъ-Вейсенберга, прокурора Императорскаго Финляндскаго Сената», помѣщенное въ № 203 этихъ вѣдомостей за 1889 же годъ, оказались весьма близкими по духу и тону.

Однако, оба эти опроверженія сами очень скоро были опровергнуты [1]), и была лишній разъ доказана правильность сужденія Кесаря Филипповича, писавшаго въ началѣ того же года:... «при нынѣшнемъ положеніи, финляндскому генералъ-губернатору, несмотря на самыя лучшія его намѣренія, нельзя бороться противъ мѣстнаго чиновничества».

Въ одной изъ своихъ статей Кесарь Филипповичъ такъ описываетъ отношеніе къ нему бюрократическихъ сферъ [2]).

«Въ Петербургѣ, и въ довольно высокихъ чиновничьихъ кружкахъ, и въ иныхъ довольно извѣстныхъ профессорскихъ сферахъ, достается на мою долю не мало и осужденій, и насмѣшекъ: «Patriotisme du clocher! Квасной охранитель!» И приговоръ мой подписанъ.

«Что же? Возражать не стану. Охотно признаю себя патріотомъ колокольни, положимъ Ивана Великаго, этого памятника и эмблемы единаго русскаго государства, мощь котораго росла и крѣпла только благодаря единенію всѣхъ его частей подъ единою Самодержавною властью русскихъ царей. Не отказываюсь и отъ квасного охранительства — въ смыслѣ хотя бы кваса евангельскаго. Малъ квасъ все смѣшеніе квиситъ»—говоритъ Слово Божіе,—и это поистинѣ и въ точности примѣнимо къ дѣлу, за которое я скорблю и посильно ратую. Надо блюсти себя отъ кваса фарисейскаго... Но все это, въ сущности, довольно беззубая злоба. Гораздо хуже и ядовитѣе нѣчто иное, что при всякихъ пересудахъ съ видомъ скорби высказывается нѣкоторыми какъ бы авторитетными людьми. Меня винятъ въ томъ, что я силюсь будто бы раздуть вражду между русскимъ и финскимъ народами, тогда какъ, по мнѣнію этихъ господъ, слѣдовало бы стараться о «примиреніи и соглашеніи». Такія рѣчи напоминаютъ собою время лѣтъ за 10, за 15, тому назадъ. Лишь только появлялось тогда на столбцахъ газетъ что нибудь не въ родѣ благоуханнаго фиміама Финляндіи и ея правителямъ, тотчасъ же изъ Гельсингфорса выставлялось пугало международной вражды и на правдивые, но непріятные голоса, налагался запретъ. Забота была тоже о «примиреніи и соглашеніи»,—

---

[1]) См. «Финляндская окраина Россіи», изд. С. Петровскаго. Выпускъ первый, Москва. 1891 г., стр. 79—84, 90—108, 115—120, 125—143.

[2]) «Радѣтели соглашенія съ Финляндіею»—статья эта была напечатана въ № 63 «Московскихъ Вѣдомостей» за 1889 годъ.

и эта «бѣдная» Финляндія обходила вовсе не богатую Россію рѣшительно во всемъ [1]), чего желала. Не домогаются ли миротворцы такого же veto и теперь?»

Въ той же статьѣ авторъ горячо протестуетъ противъ обвиненія его во враждѣ къ финскому народу.

«О финнахъ, какъ о народѣ, лишь изрѣдка и то едва-едва упоминалось мною. За долгую жизнь среди этого народа я привыкъ цѣнить въ немъ его хорошія черты и, если не могу не признать русскаго человѣка счастливѣе одареннымъ, болѣе пріятнымъ по характеру, болѣе теплымъ и отзывчивымъ по сердцу, то охотно признаю за финномъ его бо̀льшую порядливость, выдержку, систематичность, даже долю добродушія, хотя и довольно холоднаго. Вездѣ есть, какъ хорошіе, такъ и дурные люди».

«Но я возстаю противъ большинства финской интеллигенціи и тамошняго чиновничества, мнящаго опредѣлиться въ особое отъ Россіи государство. Противъ ихъ хитрости, обходовъ, подлоговъ, злоупотребленія довѣріемъ, упорно и, къ нашему несчастью, успѣшно направляемыхъ къ этой цѣли, долженъ дѣйствовать всякій честный русскій человѣкъ. Такъ повелѣваетъ присяга въ вѣрности Государю и Отечеству, любовь къ нимъ и самая честь. На этотъ счетъ не можетъ быть двухъ мнѣній. Проявись такія чувства раньше и единодушнѣе, правительство было бы своевременнѣе и лучше освѣдомлено и никакого финляндскаго вопроса не было бы.

«Но и теперь еще можетъ въ простомъ изложеніи дѣйствительныхъ фактовъ, раскрывающихъ упомянутые пріемы финляндскихъ дѣльцовъ, заключаться не малая сила; а бывшая шведская провинція, по вѣрному слову Великой Екатерины, только предъ силою и преклоняется.

«Кстати припоминается и другое слово мудрой Императрицы,— это по адресу рачителей о примиреніи и соглашеніи,—сказанное ею въ наставленіе князю Вяземскому, при назначеніи его генералъ-прокуроромъ. Рѣчь шла о провинціяхъ, коимъ сохранены были привилегіи, въ томъ числѣ и о Финляндіи: «Нарушить оныя

---

[1]) Поразительныя документальныя данныя, подтверждающія это мнѣніе, даетъ вышедшая въ 1907 г. въ С.-Петербургѣ брошюра П. Суворова «Къ вопросу о равноправіи. Положеніе русскихъ въ Финляндіи и финляндцевъ въ Имперіи».

отрѣшеніемъ всѣхъ вдругъ весьма непристойно было бы», полагала Императрица,—«однакожъ и называть ихъ чужестранными и обходиться съ ними на такомъ же основаніи есть болѣе нежели ошибка, а можно назвать съ достовѣрностью глупость.»

«И представьте себѣ, что въ самомъ финскомъ народѣ,—говорю не о тысячѣ—другой чиновниковъ и именуемыхъ интеллигентами, благоденствующихъ на счетъ злоупотребленія правами Россіи, а о двухъ милліонахъ работающаго и довольно таки бѣдствующаго народа,—вы нерѣдко услышите голоса, вполнѣ солидарные со мною [1]). Они не только недовольны своимъ чиновничествомъ, но и прямо клянутъ свой сенатъ и к°, высасывающіе изъ простого народа послѣдніе соки. Одинъ этотъ сенатъ стоитъ финнамъ (и Россіи) ежегодно больше 1¹/₂ милліоновъ марокъ или франковъ. Не скрою, что въ народѣ винится и русское правительство, но пока еще не въ посягательствахъ на quasi-конституцію, о которой онъ имѣетъ очень смутное понятіе, а, напротивъ, въ послабленіи чиновничеству, угнетающему народъ.

«Нѣтъ, вражды противъ финскаго народа русскіе люди не питаютъ и не возбуждаютъ».

Неосвѣдомленность и косность правительства и общества, нежеланіе ихъ заинтересоваться дѣломъ, на выясненіе котораго Кесарь Филипповичъ положилъ столько силъ и труда, наконецъ, совершенно ясное для него будущее пораженіе русскаго достоинства и русскихъ интересовъ въ Финляндіи, если будетъ продолжаться столь же слѣпое отношеніе къ Финляндіи и къ работающему надъ умами ея населенія ученію сепаратистовъ,—всѣ эти печальныя обстоятельства, столь явно выгодныя врагамъ Россіи,

---

[1]) Это относится къ 1889 г. Съ тѣхъ поръ число этихъ голосовъ значительно уменьшилось, вслѣдствіе многихъ причинъ и главнымъ образомъ вслѣдствіе усиленной дѣятельности сепаратистовъ, широко распространяющихъ свои вредныя для будущаго Финляндіи идеи чрезъ враждебныя Россіи прессу и школу. Еще въ 1888 г., 9 декабря, комендантъ Выборгской крѣпости генералъ М. Л. Духонинъ писалъ Кесарю Филипповичу: «Гг. финляндцы, подъ камертонъ г. Мехелина, вездѣ, гдѣ могутъ и какъ умѣютъ, не упускаютъ случая отмѣтить свою самостоятельность. Можно, конечно, примириться съ бреднями финляндцевъ, но не слѣдуетъ прощать имъ систематическаго обмана подъ личиною преданности. Идея автономности Финляндіи явленіе сравнительно недавняго происхожденія; распространенію этой идеи много способствовали народныя школы...»

удручающе дѣйствовали на Кесаря Филипповича, а препятствія и непріятности, которыя онъ встрѣчалъ, разрушительно вліяли на его надломленное здоровье. Въ какомъ настроеніи былъ тогда Кесарь Филипповичъ, видно изъ письма его отъ 17 января 1891 года къ С. А. Петровскому, издателю «Московскихъ Вѣдомостей» и сборника «Финляндская Окраина Россіи».

«Мнѣ приходится переживать, благодаря финляндскому вопросу и «Московскимъ Вѣдомостямъ», очень трудное время. По поводу всякой мелкой статьи въ высшихъ сферахъ обращается неудовольствіе прямо на меня. За все про все я козлище отпущенія, хотя, какъ вамъ очень хорошо извѣстно, въ большинствѣ и понятія не имѣю о томъ, что въ газетѣ печатается, пока не прочту наравнѣ съ другими читателями. За послѣднюю недѣлю у меня были съ двумя министрами очень тяжелыя объясненія, грозящія еще тяжелѣйшими для меня послѣдствіями...

«Въ настоящемъ скверномъ моемъ положеніи я не могу вовсе работать...»

«Скверное положеніе», кромѣ приведенныхъ выше причинъ, проистекало и отъ печальнаго состоянія здоровья Кесаря Филипповича [1]). Онъ только что окончилъ громадный трудъ по написанію «Покоренія Финляндіи» и переутомился. Въ февралѣ 1890 г. было собраніе у покойнаго вице-президента Императорской Академіи Наукъ Я. К. Грота, состоявшаго въ свое время профессоромъ въ гельсингфорсскомъ университетѣ и сочувственно относившагося къ Кесарю Филипповичу [2]). На этомъ собраніи зашли горячіе споры о Финляндіи, которые такъ разволновали его, что его поразилъ ударъ: на нѣсколько дней онъ потерялъ способность движенія правою рукою и рѣчь. Тягостенъ былъ въ его жизни 1891 годъ. Онъ поправился, опять принялся за работу,

[1]) Здоровье Кесаря Филипповича было надломлено рядомъ тяжкихъ заболѣваній, полученныхъ имъ во время тифозныхъ эпидемій, начиная съ 1864 года, когда онъ, будучи правителемъ дѣлъ Попечительнаго Совѣта заведеній общественнаго призрѣнія и попечителемъ нѣсколькихъ больницъ, сомоотверженно организовалъ дѣло помощи тифознымъ больнымъ. Съ упраздненіемъ Попечительнаго Совѣта, очеркъ 50-ти лѣтней исторіи котораго составленъ и изданъ въ 1878 г. имъ же, его выдающаяся служебная дѣятельность окончилась. До конца дней онъ оставался лишь попечителемъ богадѣльни въ память Цесаревича Николая.

[2]) См. въ 1 приложеніи извлеченія изъ его писемъ къ К. Ф. Ордину.

боролся, но прежнихъ силъ уже не было. Въ 1892 году, въ апрѣлѣ послѣдовалъ второй ударъ, окончательно сломившій Кесаря Филипповича; третій ударъ, 5 іюня того же 1892 года, свелъ его преждевременно въ могилу. Ему было лишь 55 лѣтъ отъ роду. Любившимъ его близкимъ ясно было, какъ пагубно отозвались на немъ финляндскія дѣла.

«Вся дѣятельность К. Ф. Ордина въ области русско-финляндскихъ отношеній,—читаемъ мы въ статьѣ, посвященной памяти его въ десятую годовщину его смерти [1]),—составляетъ его великую государственную заслугу, подвигъ, который навсегда останется несокрушимымъ памятникомъ этому истинно русскому человѣку, глубоко любившему всю свою великую родину съ ея нераздѣльною частью, Финляндіею, свои силы положившему на вѣрную службу своему Царю и отечеству». «Главною заслугою К. Ф. Ордина въ сферѣ финляндскихъ дѣлъ было написаніе и изданіе капитальнаго труда въ двухъ объемистыхъ томахъ «Покореніе Финляндіи».

Объ этомъ трудѣ мы находимъ слѣдующія строки въ отчетѣ о присужденіи Академіею Наукъ премій митрополита Макарія въ 1889 году, читанномъ 19 сентября того же года въ публичномъ засѣданіи Академіи непремѣннымъ ея секретаремъ академикомъ К. С. Веселовскимъ.

«Г. Ординъ является первымъ русскимъ изслѣдователемъ въ этой области, тѣмъ болѣе счастливымъ, что обладаетъ знаніемъ шведскаго языка, необходимаго при изслѣдованіи такого вопроса, какъ присоединеніе Финляндіи. Получивъ разрѣшеніе пользоваться архивными документами, авторъ не оставилъ безъ вниманія печатной литературы и изслѣдованій своихъ предшественниковъ, а это, конечно, придаетъ особое значеніе его изслѣдованію... Разбирая вопросы политическіе и внутренней жизни, г. Ординъ даетъ въ своемъ изслѣдованіи столь много новаго и до сихъ поръ неизвѣстнаго, что его трудъ, поистинѣ, является выдающимся прі-

---

[1]) «Кесарь Филипповичъ Ординъ», статья въ № 84 за 1902 годъ «Финляндской газеты». Мысль о важности созданія русскаго органа въ Финляндіи, осуществленная при покойномъ генералъ-губернаторѣ Н. И. Бобриковѣ, была высказываема и развивалась Кесаремъ Филипповичемъ.

обрѣтеніемъ для русской исторической науки; при этомъ самое обиліе архивнаго, никому неизвѣстнаго матеріала, побудило автора снабдить свое изслѣдованіе большимъ числомъ драгоцѣнныхъ приложеній».

«Нѣтъ историческаго событія, для котораго авторъ не представилъ бы новыхъ документовъ».

Самою важною и интереснѣйшею частью труда рецензентъ, Н. Ф. Дубровинъ, впослѣдствіи непремѣнный Секретарь Академіи Наукъ, извѣстный историческій писатель и издатель архивныхъ матеріаловъ, признаетъ описаніе внутренняго устройства Финляндіи, созваніе Боргоскаго сейма и заключеніе Фридрихгсамскаго мира—«здѣсь все ново и основано на документахъ, до сихъ поръ неизданныхъ». Другой рецензентъ, въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія пишетъ [1]: «Неопредѣленность существующихъ у насъ представленій о политическихъ отношеніяхъ Россіи и Финляндіи побудила г. Ордина выяснить, по преимуществу на основаніи имѣющихся въ Россіи источниковъ, исходную точку этихъ отношеній, иначе говоря, составить историческій очеркъ завершеннаго въ 1809 году покоренія Финляндіи. Такимъ образомъ явился почтенный ученый трудъ, можно сказать единственный въ своемъ родѣ въ нашей литературѣ. Достоинства его уже оцѣнены Академіею Наукъ, удостоившею его преміи митрополита Макарія». Далѣе критикъ подробно знакомитъ читателей своихъ съ содержаніемъ «этого любопытнаго и поучительнаго изслѣдованія» и послѣднія слова своего разбора сопровождаетъ такими заключительными строками:

«Этими словами и закончимъ мы сдѣланное нами извлеченіе изъ въ высшей степени добросовѣстнаго и любопытнаго изслѣдованія г .Ордина. Авторъ опровергаетъ всѣ неосновательныя толкованія и притязанія, появляющіяся нерѣдко, особенно въ послѣднее время, въ финляндской печати. Онъ горячо отстаиваетъ неприкосновенныя права нашего отечества, и въ этомъ большая его заслуга».

---

[1]) «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1890 г., статья П. М. въ отдѣлѣ «Критика и библіографія», озоглавленная «Покореніе Финляндіи. Опытъ описанія по неизданнымъ источникамъ К. Ордина. Два тома. СПБ. 1889».

«Спокойное и безпристрастное отношеніе автора къ излагаемымъ событіямъ, читаемъ мы въ третьей рецензіи [1]), и непререкаемая достовѣрность приводимыхъ имъ новыхъ фактовъ и новыхъ документовъ устраняютъ всякое сомнѣніе въ предвзятости его труда и вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаютъ полнѣйшую безпочвенность вождѣленій финляндскихъ сепаратистовъ, которымъ до сихъ поръ удавалось достигать цѣли подъ покровомъ мнимыхъ правъ, выговоренныхъ будто бы «финскимъ народомъ» въ самый моментъ присоединенія къ Россіи ея оружіемъ завоеванной страны».

«Хотя военныя собственно операціи занимаютъ въ трудѣ г. Ордина второстепенное мѣсто, однако, найденные, особенно въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, богатые матеріалы дали автору возможность пролить новый свѣтъ и на военныя событія, особенно въ кампанію 1790 года. Нѣкоторые эпизоды послѣдней, напримѣръ, Выборгская побѣда 22 іюня и Роченсальмское пораженіе 28 іюня, имѣвшія важное вліяніе и на заключеніе вскорѣ мира, являются изъ подъ пера г. Ордина впервые въ самостоятельномъ изложеніи. При этомъ онъ вполнѣ документально возстановилъ честь и достоинство русской арміи, на трусость будто бы которой легкомысленный предводитель принцъ Нассау-Зигенъ сваливалъ всю вину страшнаго пораженія».

Министръ иностранныхъ дѣлъ Н. К. Гирсъ 5 января 1890 г. писалъ: «Сочиненіе это составляетъ пріобрѣтеніе для нашей исторической науки, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, представляетъ несомнѣнно и политическій интересъ, и я очень радъ, что могъ оказать Вамъ нѣкоторое содѣйствіе при собраніи матеріаловъ для Вашего замѣчательнаго труда».

Финляндскій генералъ-губернаторъ Н. И. Бобриковъ, убитый въ 1904 году на своемъ посту въ Финляндскомъ Сенатѣ, считалъ чрезвычайно важнымъ для генералъ-губернатора основательно изучить литературу, имѣющуюся по финляндскому вопросу. Онъ высоко ставилъ сочиненія Кесаря Филипповича, о чемъ неоднократно говорилъ. Въ письмѣ отъ 1 февраля 1901 года онъ писалъ мнѣ: «Замѣчательные труды покойнаго отца Вашего, снявшіе съ окраины

---

[1]) «Статья М. Павлова «Покореніе Финляндіи» въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1890 г.

завѣсу, останутся навѣки незабвенными для истинныхъ сыновъ Россіи. «Покореніе Финляндіи» служитъ мнѣ настольною книгою здѣсь (въ Петербургѣ), въ Гельсингфорсѣ и въ деревнѣ. Она учитъ меня, облегчая службу родинѣ».

Заслуги Кесаря Филипповича предъ русскимъ обществомъ и значеніе его трудовъ болѣе подробно охарактеризовалъ одинъ изъ лучшихъ, нынѣ здравствующихъ, знатоковъ финляндскихъ дѣлъ, М. М. Бородкинъ [1]), знавшій лично Кесаря Филипповича во время его горячей работы.

Въ своемъ очеркѣ, посвященномъ памяти Кесаря Филипповича [2]), онъ говоритъ слѣдующее: «До начала восьмидесятыхъ годовъ въ Россіи почти ничего не знали о «финляндскомъ вопросѣ», т. е. о тѣхъ политическихъ притязаніяхъ, которыя успѣли къ тому времени разростись въ краѣ до весьма значительныхъ размѣровъ и стать національною задачею финскаго народа. Наша печать вообще очень рѣдко заводила рѣчь о Финляндіи по разнымъ причинамъ. Изъ этого онѣмѣнія русскую печать вывелъ К. Ф. Ординъ».

«Еще въ 1877 году онъ писалъ, что на русской печати, послужившей уже своему отечеству, лежитъ обязанность привлечь общественное вниманіе и возбудить интересъ къ Финляндіи» [3]).

«Онъ первый громко и вѣско заговорилъ о Финляндіи въ своемъ капитальномъ трудѣ «Покореніе Финляндіи» и въ цѣломъ рядѣ прекрасныхъ статей. Онъ первый раскрылъ длинную цѣпь неправильныхъ толкованій финляндскихъ ученыхъ и публицистовъ, начиная съ перваго ея звена—Боргоскаго сейма.

---

[1]) Среди многочисленныхъ работъ и статей М. М. Бородкина по финляндскому вопросу особенно важны для всякаго желающаго ознакомиться съ этимъ вопросомъ—библіографическій сборникъ «Финляндія въ русской печати» и «Изъ новѣйшей исторіи Финляндіи»—богатый фактами очеркъ времени генералъ-губернаторства Н. И. Бобрикова. Только что вышла изъ печати новая его книга, чрезвычайно интересная и богатая матеріаломъ: «Исторія Финляндіи. Время Императора Александра II». Съ портретами, иллюстраціями и приложеніями. 504 стр.

[2]) Очеркъ этотъ напечатанъ въ іюньской и іюльской книжкахъ «Русскаго Вѣстника» за 1902 годъ.

[3]) «К. Ф. Ординъ», статья въ № 9428 «Новаго Времени» отъ 5/18 іюня 1902 года. Эти слова см. на стр. 4 нашего сборника.

«По отношенію къ финляндскому вопросу К. Ф. Ординъ былъ тѣмъ, чѣмъ былъ Юрій Самаринъ для вопроса прибалтійскаго. Тотъ же благородный патріотизмъ отличаетъ Ордина, какъ и Самарина.

«Исторія должна сохранить имя Ордина, какъ перваго сильнаго гражданина-борца, отважно ринувшагося отстаивать русское государственное достоинство и русскіе имперскіе интересы на финляндской окраинѣ, гдѣ они давно и систематически попирались преимущественно правившею шведоманскою партіею обособленниковъ.

«Онъ палъ среди этой борьбы, не выпустивъ изъ своихъ рукъ того знамени, которое онъ съ такимъ достоинствомъ несъ въ теченіе многихъ лѣтъ.

«Ординъ являетъ собою прекрасный примѣръ безкорыстнаго ратоборца за идею. На свой рискъ и страхъ онъ выступилъ въ походъ и велъ всю кампанію, не отступая предъ трудностями и препятствіями».

«Около книги его завязалась серьозная борьба, оживилась русская печать и весь, если позволено будетъ такъ выразиться, финляндскій публицистическій и ученый муравейникъ пришелъ въ движеніе отъ той рѣзкой черты, которою онъ перечеркнулъ всю взлелѣянную ими государственную теорію. «Въ нашей періодической печати появилось до двадцати большихъ и серьозныхъ отзывовъ о книгѣ Ордина «Покореніе Финляндіи».

Цѣлый рядъ писателей воспользовались для своихъ трудовъ новымъ матеріаломъ, добытымъ покойнымъ.

Рядомъ съ «Покореніемъ Финляндіи» нельзя не упомянуть собранныхъ въ настоящемъ томѣ многочисленныхъ изслѣдованій Кесаря Филипповича, которыя коснулись разныхъ вопросовъ: и кодификаціи финляндскихъ законовъ, и введенія особой монеты, и выработки уголовнаго уложенія, и воинскаго устава; онъ знакомитъ съ законодательствомъ и управленіемъ въ краѣ; церковь и торговля, таможня и почта, желѣзныя дороги и порты, сеймовые порядки, многоразличныя стороны русско-финляндскихъ отношеній изучены, очерчены или затронуты въ его статьяхъ, появлявшихся въ «Русскомъ Вѣстникѣ», «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», «Русскомъ Архивѣ», «Новомъ Времени», «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и другихъ изданіяхъ.

«Всѣ изслѣдователи финляндскаго вопроса послѣ Ордина,—говоритъ М. М. Бородкинъ [1]),—повторяли приведенные имъ доводы на разные лады, варіировали и комбинировали посвоему, и первоначальный источникъ сихъ доводовъ и положеній—замѣчательная книга Ордина точно затерялась или позабыта. Повторилось въ нѣкоторомъ родѣ то, что мы наблюдаемъ надъ мѣткими выраженіями и удачными стихами... эти выраженія и стихи постоянно въ ходу, но, чьи они, не всѣмъ даже извѣстно».

«Все это показываетъ, какъ глубоко онъ изучилъ предметъ и какъ вѣрно онъ подмѣтилъ его особенности. Онъ обладалъ широкой подготовкою, большимъ умомъ, а русское сердце вѣрно подсказывало ему то направленіе, въ которомъ надлежало итти».

Къ отзывамъ сочувствовавшихъ покойному Кесарю Филипповичу соотечественниковъ присоединяемъ интересное для безпристрастнаго читателя мнѣніе шведскаго писателя.

Офицеры шведскаго генеральнаго штаба составили сочиненіе подъ заглавіемъ «Шведская война 1808 и 1809 годовъ»; [2]) критику объ этомъ сочиненіи написалъ профессоръ Іерне [3]). Онъ указываетъ на то, что при изложеніи обстоятельствъ, которыми сопровождался самый фактъ присоединенія Финляндіи къ Россійской Имперіи, шведскій генеральный штабъ широко пользовался капитальнымъ трудомъ К. Ордина «Покореніе Финляндіи».

Профессоръ Іерне признаетъ эту книгу особенно поучительной (synnerligen lärerik) съ шведской точки зрѣнія, въ качествѣ противовѣса одностороннимъ изслѣдованіямъ скандинавскихъ писателей. По мнѣнію шведскаго профессора, русскій изслѣдователь вполнѣ правъ, когда въ своемъ трудѣ указываетъ на вѣроломную политику финляндцевъ, неоднократно ими обнаруженную по отношенію къ шведамъ за время владычества послѣднихъ надъ Финляндіею, и предостерегаетъ въ этомъ смыслѣ русское правительство. «Можно не соглашаться со взглядами г. Ордина,—продолжаетъ профессоръ Іерне,—но невозможно не признавать, что сообщаемые имъ факты заслуживаютъ нашего полнаго вниманія».

---

[1]) Въ вышеупомянутомъ его очеркѣ.
[2]) «Sveriges krig åren 1808 och 1809».
[3]) Напечатана въ Стокгольмской газетѣ «Svenska Dagbladet» 13 августа 1902 г.

«Удивительно во всей этой исторіи (присоединенія Финляндіи къ Россіи),—говоритъ въ концѣ своей статьи г. Іерне, только то, что нашлись люди въ Финляндіи, которые полагали возможнымъ основать правомѣрный политическій порядокъ на явной измѣнѣ (trohetsbrott)[1]), совершенной съ полнымъ презрѣніемъ къ требованіямъ международнаго права».

Приближаются 1908—1909 годы, когда исполняется столѣтіе съ того времени, какъ русскія доблестныя войска своими подвигами, лишеніями и пролитою кровью окончательно отвоевали у Швеціи «финляндскія губерніи» со всѣми жителями, со всѣми правами и выгодами «въ собственность и державное обладаніе Имперіи Россійской», какъ сказано въ Фридрихсгамскомъ мирномъ договорѣ. Эти историческія воспоминанія, желаніе удовлетворить многихъ лицъ, обращавшихся къ намъ въ поискахъ сочиненій покойнаго отца, надежда на пробужденіе здравой русской государственной мысли, а вмѣстѣ съ нею и интереса къ изученію исторіи русско-финляндскихъ отношеній — все вмѣстѣ побудило насъ взять на себя трудъ по изданію сочиненій К. Ф. Ордина по финляндскому вопросу.

Мы сочли своевременнымъ и полезнымъ ранѣе повторенія изданія «Покоренія Финляндіи», первое изданіе котораго давно разошлось,—выпустить въ свѣтъ собраніе статей, записокъ и писемъ Кесаря Филипповича, которыя частью не были вовсе напечатаны, частью были помѣщены, по мѣрѣ ихъ появленія, въ разныхъ изданіяхъ, изъ коихъ многія имѣли мало читателей.

Будучи въ свое время хорошо освѣдомленнымъ въ финляндскихъ дѣлахъ, Кесарь Филипповичъ въ статьяхъ своихъ и запискахъ, какъ уже упомянуто выше, коснулся почти всѣхъ вопросовъ, которые послѣ его кончины частью уже были разрѣшены, частью же стоятъ на очереди и несомнѣнно вновь будутъ затра-

---

[1]) Профессоръ Н. Д. Сергѣевскій въ № 39 «Окраинъ Россіи» за 1907 г. (статья подъ заглавіемъ «Финляндская сказка про бѣлаго бычка») въ ссылкѣ на одно изъ сочиненій Л. Мехелина изъ его же словъ выводитъ подтвержденіе аналогичной мысли (стр. 559).

гиваться. Поэтому труды его, интересные, какъ матеріалъ для возстановленія въ исторіи положенія вещей времени ихъ описанія, вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ быть цѣннымъ пособіемъ для всѣхъ тѣхъ, кому придется работать по финляндскимъ дѣламъ.

Предлагаемый благосклонному вниманію читателей томъ содержитъ въ себѣ все то, что сохранилось изъ написаннаго и обработаннаго Кесаремъ Филипповичемъ по финляндскому вопросу и что не утратило своего значенія понынѣ. Не напечатаны тѣ статьи и замѣтки, которыхъ принадлежность перу его не установлена достовѣрно, или которыя содержатъ повторенія, или, по нашему мнѣнію, не были бы перепечатаны самимъ авторомъ, какъ имѣющія лишь второстепенное значеніе.

Кромѣ капитальнаго, отдѣльно изданнаго труда «Покореніе Финляндіи» и «Конституція Финляндіи», перевода книжки Л. Мехелина, предисловіе къ которой мы приводимъ въ этомъ изданіи, отдѣльными очерками были напечатаны: «Выборгская побѣда и Роченсальмскій погромъ, эпизодъ изъ шведской кампаніи 1790 г.», съ двумя картами—въ 1881 г. въ Журналѣ Мин. Народн. Просв. (ч. CCLII, отд. 2, № 1); «Спренгтпортенъ, герой Финляндіи»—въ «Русскомъ Архивѣ» (1887, I, № 4) и «Финляндское посольство»—въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (1888 г., № 4). Эти, заслуживающіе большого вниманія, очерки не включены нами въ сборникъ въ виду того, что они, хотя и въ нѣсколько сжатомъ и сокращенномъ видѣ, вошли въ I и II томы «Покоренія Финляндіи».

Затѣмъ въ бумагахъ Кесаря Филипповича была найдена біографія ближайшаго совѣтника Императора Александра I по дѣламъ Финляндіи Густава-Морица Армфельта, извлеченная имъ изъ сочиненія шведскаго писателя Тегнéра. Рукопись эта была обработана, дополнена и издана другимъ лицомъ—Г. А. Абовымъ—въ 1901 г. подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Густавъ-Морицъ Армфельтъ и его русско-финскія отношенія».

Въ нашей книгѣ, въ видѣ перваго приложенія, мы помѣщаемъ извлеченія изъ писемъ, полученныхъ отцомъ отъ покойнаго вице-президента Императорской Академіи Наукъ Я. К. Грота. Широко извѣстныя высокія качества справедливости и беспристрастія, отличавшія Якова Карловича, вмѣстѣ съ интереснымъ содержаніемъ

этихъ писемъ, характеризующихъ и финляндскій вопросъ, и отношеніе автора ихъ къ трудамъ отца, смѣемъ думать, оправдываютъ включеніе ихъ въ нашъ сборникъ.

Покойный К. Ф. Ординъ всѣмъ сердцемъ любилъ Россію и признавалъ, что, для разрѣшенія финляндскаго вопроса справедливо и правильно, необходимо основательное изученіе документовъ и исторіи русско-финляндскихъ отношеній.

Съ глубокимъ благоговѣніемъ къ свѣтлой памяти почившаго издавая труды его, вѣримъ, что они послужатъ на благо нашему отечеству и въ огражденіе достоинства его, о чемъ такъ заботился онъ при жизни, и что тѣсно связанная съ Россіею во всѣхъ отношеніяхъ Финляндія будетъ выведена на тотъ необходимый для русскихъ интересовъ прямой путь, который, пролегая вдали отъ пагубныхъ заблужденій, обезпечитъ ей мирное развитіе и процвѣтаніе.

Б. Ординъ.

1907 г.

Нѣчто о Финляндіи съ точки зрѣнія русскаго человѣка [1].

«Я видѣлъ страну, близкую къ полюсу, сосѣднюю гиперборейскому морю...» Такъ писано было о Финляндіи полстолѣтія назадъ, такъ учили мы десятки лѣтъ тому по хрестоматіямъ наизустъ, въ числѣ образцовъ стиля, и не болѣе какъ стиля. Знали, что природа тамъ «дика и угрюма», что финскія «хладныя скалы» нагромождены одна на другую, что зимы суровы, и только. Къ несчастію, едва-ли мы знаемъ о Финляндіи много больше и въ наши дни, хотя времени прошло много. Мы какъ-то систематически игнорируемъ этотъ край, закрываемъ или отводимъ глаза, если случайно на него взглянемъ, какъ будто боимся прикоснуться къ тому, что насъ должно непремѣнно касаться, и рано или поздно не только коснется, но быть можетъ и дастъ намъ сильный, непріятный толчокъ. Тогда мы встрепенемся, спохватимся, торопливо перекрестимся на неожиданный будто-бы громъ,—но не будетъ ли поздно...

Отъ нашего государственнаго центра, отъ нашей столицы, отъ императорской резиденціи вы отъѣзжаете всего на часъ разстоянія по другому, сѣверному берегу Финскаго залива, ближе, чѣмъ на линію Ораніенбаума, много ближе, чѣмъ до Гатчины,—и уже вы въ странѣ, намъ невѣдомой. И не только невѣдомой, но и совершенно чужой. И не только чужой...

Точность требуетъ, впрочемъ, сказать, что за послѣднее время, когда на пользу Финляндіи и противъ ея воли, ее соединила съ Петербургомъ желѣзная дорога,—стали отъ времени до времени появляться въ печати замѣтки и статьи, касающіяся этой невѣ-

---

[1]) Статья эта была напечатана въ 1877 году въ «Собесѣдникѣ» и не окончена вслѣдствіе прекращенія этого журнала. Прим. изд.

домой страны, но и то болѣе въ видѣ выдержекъ или компиляцій изъ мѣстныхъ шведскихъ изданій, или же изрѣдка въ видѣ единичныхъ протестовъ по поводу задѣтаго за живое національнаго русскаго чувства. И на томъ спасибо. Недавно общество содѣйствія промышленности и торговли поставило даже прямо на обсужденіе несчастное положеніе въ Финляндіи нашей русской торговли. И земной ему за это поклонъ. Правда, что изъ этого выйдетъ,— это вопросъ другой...

Въ населеніи или, точнѣе, въ публикѣ, свѣдѣнія о Финляндіи самыя поверхностныя, неопредѣленныя или превратныя. Какъ-то инстинктивно чувствуется большинствомъ, что что-то неладно, что взаимныя отношенія ненормальны, и хуже того—намъ неблагопріятны. Но это же большинство какъ будто замерло съ тѣми понятіями, какія оставилъ полвѣка назадъ поэтъ о странѣ, сосѣдней гиперборейскому морю.

Иной, на сѣтованія о невозможности существующихъ отношеній между финляндскими и русскими губерніями, скажетъ: «Изъ-за чего хлопотать? Камня да воды что ли у насъ мало?»—И думаетъ, что сказалъ дѣло.

Другой, съ рѣшительнымъ видомъ и даже какъ бы съ негодованіемъ махнетъ рукой, отвернется и процѣдитъ сквозь зубы: «Что тутъ толковать о чужомъ, когда и со своимъ не справиться».

О чужомъ! въ 30 верстахъ отъ столицы...

Да, въ 30 верстахъ граница, и не только граница, но и таможня: тамъ финляндская, здѣсь русская...

Какъ-то я встрѣтился, на этой самой станціи, гдѣ таможня, съ однимъ дѣятелемъ, слывущимъ за весьма умнаго и стоящимъ на довольно высокой ступени въ одной изъ самыхъ вліятельныхъ нашихъ сферъ, и въ продолженіе 20 минутъ остановки поѣзда разговоръ естественно зашелъ объ этой оскорбительной и едва-ли окупающей себя обрядности и о другихъ подобныхъ сторонахъ взаимныхъ отношеній. Я говорилъ объ уравненіи этихъ отношеній, объ отмѣнѣ того, что коробитъ русскаго человѣка.

— О, съ этимъ надо быть очень осторожнымъ,—возразилъ мой будущій министръ,—не надо задѣвать ихъ національной гордости!

— Я и не думаю задѣвать. Но нашею національною гордостью, нашимъ народнымъ чувствомъ поступаться можно, и оскорблять его тоже?

— Положимъ, нѣтъ; но надо стараться это сглаживать, а не возбуждать острыхъ вопросовъ. Финляндцы были всегда вѣрными подданными...

— Не отрицаю, что они, вѣроятно, питаютъ добрыя чувства къ нашему Государю: не любить его было бы грѣшно; но это только

переходъ отъ столицы, что мы опять-таки имѣемъ самое смутное понятіе о самой этой странѣ, столь къ намъ близкой и въ то же время далекой. Въ нашихъ познаніяхъ она отдалена отъ насъ больше, чѣмъ прибалтійскій край, больше, чѣмъ бывшая Польша, хотя до послѣдней тысяча верстъ.

Правда, еще до сихъ поръ между нами, русскими, и этими окраинами стоитъ большая стѣна; но въ ней есть хотя небольшія бреши. Со стороны же Финляндіи мы отдѣлены громаднымъ, нетронутымъ и все болѣе крѣпнущимъ монолитомъ, пробить который можно только упорными и дружными усиліями, притомъ безъ потери времени. Есть условія, тому способствующія именно теперь, хотя, нельзя скрывать отъ себя, есть другія, могущія служить помѣхой...

На русской печати, послужившей уже своему отечеству, лежитъ обязанность привлечь общественное вниманіе и возбудить интересъ къ настоящему предмету, важность котораго не оцѣняется довольно потому только, что его не знаютъ и о немъ не думаютъ. А слѣдуетъ знать и слѣдуетъ думать: взгляните на карту и оцѣните всю слабость всей нашей западной и сѣверо-западной границы, начиная съ привислянскихъ губерній, переходя далѣе черезъ губерніи балтійскія и кончая финляндскимъ полуостровомъ. Все это, въ двухъ третяхъ, примыкаетъ къ морю, и все это—чужое, а Финляндія—самая чужая. Постараемся же, если не сродниться, то хотя нѣсколько познакомиться съ этимъ чуждымъ сосѣдомъ, котораго, по странной случайности, офиціально называютъ «своимъ» человѣкомъ. Пусть люди свѣдующіе вложатъ въ это ознакомленіе десять талантъ; я приношу свою лепту въ видѣ нѣсколькихъ замѣтокъ, касаясь, главнымъ образомъ, такъ называемой «старой» Финляндіи, то-есть ближайшей къ намъ ея части; той части, которая принадлежала Россіи со временъ Петра Великаго, а теперь отдѣлена вышеупомянутой монолитной стѣной. На основаніи данныхъ объ этой части можно и должно сдѣлать соотвѣтственный выводъ и о прочихъ частяхъ, ибо силу тяготѣнія ихъ къ русскому государственному тѣлу можно, въ нѣкоторой мѣрѣ, уподобить силѣ свѣта и тепла: она ослабѣваетъ, говоря языкомъ математическимъ, пропорціонально квадрату разстоянія: отдаленность увеличилась только вдвое, а сила свѣта ослабѣла уже вчетверо.

Каковы наши отношенія къ Финляндіи или, вѣрнѣе, ея населенія къ русскому? Хороши они, или дурны?

Едва-ли можно быть настолько оптимистомъ, чтобы не видѣть существенной розни между русскимъ человѣкомъ и финномъ. Трудно съ точностью опредѣлить причину тому; еще труднѣе сказать, чѣмъ устранить эту рознь.

Въ числѣ причинъ ея, прежде всего, теоретически, можно указать на племенное различіе. Если русскіе ведутъ свое происхожденіе, вмѣстѣ съ большинствомъ Европы, отъ арійскаго корня и принадлежатъ къ славянскому племени, то финны идутъ отъ туранскаго корня и отъ чудскаго племени.

Они сродни венгерцамъ, которые своимъ величіемъ въ наши дни не даютъ спать финноманамъ: они мечтаютъ объ основаніи самостоятельнаго финскаго государства и неуклонно идутъ къ достиженію этой цѣли. Въ этомъ имъ отличные помощники наше незнаніе, невниманіе и равнодушіе къ бѣдной, какъ думаютъ, окраинѣ. Разумѣется, массы не имѣютъ никакого понятія о лингвистическихъ тонкостяхъ, и, что̀ арійское, что̀ туранское, имъ рѣшительно все равно; самыя названія извѣстны въ средѣ людей образованныхъ. Масса народа, особенно крестьяне, въ Финляндіи болѣе, чѣмъ въ Россіи, совершенно равнодушна къ самымъ элементарнымъ вопросамъ жизни, если они идутъ далѣе заботъ о кускѣ насущнаго хлѣба.

Тѣмъ не менѣе племенное различіе инстинктивно чувствуется. Чудское племя занимало нѣкогда весь востокъ и сѣверо-востокъ Европы и западъ Азіи,—и его нѣтъ болѣе; какіе-то жалкіе остатки уцѣлѣли въ видѣ остяковъ и вогуловъ въ Сибири, или мордвы на Волгѣ, или кореловъ у Бѣлаго моря. Все поглотилось славянствомъ. Болѣе сохранилась часть племени на финскомъ полуостровѣ, прижатая къ двумъ заливамъ—Финскому и Ботническому; но и той угрожаетъ съ одной стороны скандинавское вліяніе, съ другой—то же славяно-русское движеніе. Правда, разнаго рода ошибки и уступки на время, и на долгое время, позадержали это послѣднее движеніе, но едва-ли мы будемъ продолжать ошибаться цѣлыми вѣками. Какъ бы то ни было, но племенная рознь чувствуется осязательно, и сближеніе дѣлается очень медленно и непрочно, даже при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Языкъ, нравы, вѣрованія, самая пища и одежда—во всемъ разница болѣе или менѣе существенная. Русскій, по характеру, болѣе мягокъ, уживчивъ и добръ; чухонецъ держится въ сторонѣ, угрюмъ и болѣе золъ, нежели добръ. Подъ пьяную руку онъ такъ же угрюмо и молча изобьетъ своего собесѣдника русскаго въ отвѣтъ на его задушевныя изліянія. Если русскій отзывается о финнѣ, какъ о чухнѣ, о нехристѣ, то чухонецъ при всякомъ удобномъ случаѣ назоветъ нашего мужичка, «ты, русскій, свинья», хотя бы ничего больше по-русски не зналъ. И это не только въ Финляндіи, но и въ самой Россіи, въ Петербургѣ, гдѣ финны живутъ десятками тысячъ, являясь сюда добывать хорошую деньгу. Это прискорбно, но, тѣмъ не менѣе, вѣрно.

Далѣе, причину розни нужно искать въ исторіи, въ тѣхъ условіяхъ, которыя слагались многими вѣками. Еще 600—700 лѣтъ назадъ, во времена Великаго Новгорода и Александра Невскаго, велись между Русью и шведами постоянныя войны и театромъ ихъ были, главнымъ образомъ, берега Финскаго залива, территорія нынѣшней южной и восточной Финляндіи. Шведы ли нападали на русскихъ, русскіе ли на шведовъ, они шли все въ ту же Финляндію, и, разумѣется, и тѣ и другіе ничего не щадили: огню и мечу предавалось все, что встрѣчалось на пути. Въ этихъ постоянныхъ своихъ войнахъ Швеція, кромѣ того, истощала Финляндію несообразными наборами для пополненія своей арміи. Въ народномъ же сознаніи, разумѣется, первая вражда и ненависть были не противъ Швеціи, сосавшей кровь, а противъ врага ея русскаго, который заставлялъ воевать.

Дѣйствительно, ближайшія къ намъ мѣстности Финляндіи имѣютъ и до сего времени пустынный, печальный видъ. Онѣ были въ первомъ огнѣ. Жизнь въ нихъ была своего рода каторгой, и недаромъ финляндцы называли этотъ край Сибирью. Немудрено, что съ молокомъ матери всасывалось враждебное чувство къ этому сосѣду, который, казалось, только разорялъ и губилъ.

Но, думается, и племенная рознь, и историческія преданія уступили бы давленію времени, и оба сосѣда, и финнъ и русскій, сжились бы въ концѣ концовъ по пословицѣ: худой миръ лучше доброй ссоры, если бы не одно, и притомъ особенное вліяніе. Это вліяніе шведской части населенія, къ которой принадлежитъ мѣстная аристократія, бюрократія, духовенство и интеллигенція. Правда, въ послѣдней замѣчается нѣкоторое движеніе въ пользу самостоятельной финской культуры и уклоненіе отъ шведскаго вліянія. Но, тѣмъ не менѣе, фактъ остается фактомъ, несмотря на эти поползновенія, и та часть—хотя небольшая—населенія, которая преобладаетъ, направляетъ и управляетъ, остается несомнѣнно шведскою.

Это не значитъ, чтобы шведскіе и ошведившіеся классы тяготѣли теперь къ Швеціи въ смыслѣ политическомъ. Напротивъ. Едва-ли было бóльшее единеніе между финскимъ народомъ и шведскимъ отечествомъ даже и тогда, когда Финляндія была частію монархіи Густава Адольфа и Карла XII. Историки передаютъ, что шведскіе короли недолюбливали своихъ за-ботническихъ подданныхъ, признавая въ нихъ грубыхъ, угрюмыхъ и дерзкихъ мужиковъ. Проходило по полуторасто лѣтъ прежде, нежели скандинавскіе владыки соберутся взглянуть на житье-бытье своихъ финновъ. Кромѣ того, какъ сказано, постоянныя войны, начиная славными для шведовъ временами побѣдъ даже на югѣ Германіи и на бере-

гахъ Рейна и кончая бѣдственными полями Полтавскими и 1809 годомъ, эти войны истощали Финляндію, не давая ничего взамѣнъ. Финскія войска шли воевать за-море, а свои дома и поля оставляли почти беззащитными на произволъ врага. И за это, кто ни преобладалъ въ Швеціи—«шапки»-ли, «шляпы»-ли,—мало думали о благѣ финляндцевъ и еще меньше допускали ихъ къ распоряженію судьбами ихъ общаго отечества. Съ другой стороны, послѣ 1809 года и такъ называемаго присоединенія Финляндіи къ Россіи, ей, Финляндіи, живется привольно; населеніе не только не вымираетъ, но значительно прирастаетъ; въ голодные годы не приходится матерямъ поѣдать своихъ дѣтей, какъ было въ одинъ изъ годовъ голода незадолго до завоеваній Петра, и Россія широкой рукой шлетъ туда свой хлѣбъ, когда только понадобится. И за такое улучшеніе своего положенія Финляндія не только ничѣмъ не жертвуетъ, но даже и не платитъ. Чего же лучше. Зачѣмъ шведско-финской интеллигенціи думать о возвращеніи къ прежнему худшему? Очевидно, не расчетъ.

Другое дѣло не политическая, а умственная, или, пожалуй, нравственная связь со Швеціей. Эта связь существовала и продолжаетъ существовать неразрывно и крѣпнетъ еще болѣе, въ прямой пропорціи съ тѣмъ, насколько сама Финляндія плодится и множится подъ охраной Россіи. Вся цивилизація пришла въ Финляндію изъ Швеціи; христіанство сперва католическое, а потомъ лютеранское, явилось оттуда же. Правда, часть финновъ была вначалѣ обращена новгородцами въ греческое православіе; но крестовые походы храбрыхъ шведскихъ епископовъ остановили его успѣхи. До нашихъ дней [1]) на 1.800.000 населенія осталось, можетъ быть, только 40.000 православныхъ финновъ, да и тѣ православные лишь по записи въ метрическихъ книгахъ. Епископы и духовенство, въ свое время полновластное въ краѣ и до нынѣ занимающее весьма вліятельное положеніе даже въ гражданскихъ дѣлахъ,—чиновничество, наука, все пришло къ финнамъ изъ Швеціи и должно было оставить и оставило неизгладимый слѣдъ на всемъ бытѣ тѣхъ слоевъ, которые съ нимъ имѣли соприкосновеніе. Бойкіе мореходцы, прибрежные финны постоянно и легко плавали на западъ и юзо-западъ, въ Швецію и Германію, торговали съ ними и заимствовались отъ нихъ всѣмъ, что было доступно. Они сжились этимъ путемъ съ Европой и стали считать себя европейцами.

Понятно, что уже одинъ этотъ титулъ давалъ имъ въ ихъ собственныхъ глазахъ несомнѣнное право относиться къ восточнымъ

---

[1]) Статья написана въ 1877 г.

ихъ сосѣдямъ, какъ къ варварамъ, ибо таково представленіе европейской цивилизаціи о насъ грѣшныхъ, даже до сего дня. Безпрерывныя войны, при которыхъ о гуманности, разумѣется, не могло быть и рѣчи, какъ не было и самаго этого слова, только усугубляли понятіе о варварахъ.

А историческія судьбы своими неизслѣдимыми путями прибавили къ характеру финскихъ шведовъ такую черту, которая высокомѣрное презрѣніе не ослабила, а претворила и усилила. Будь русскіе побѣждены этими самыми шведами, послѣдніе стали бы передѣлывать ихъ по своему шаблону, и, по мѣрѣ успѣха, въ побѣдителѣ презрѣніе постепенно смѣнялось бы снисходительнымъ покровительствомъ къ побѣжденному. Но судьбѣ было угодно распорядиться иначе: въ концѣ концовъ одолѣвали, и не одинъ разъ, не шведы русскихъ, а русскіе шведовъ съ финнами вмѣстѣ, и европейцы очутились подъ пятой варваровъ... Большаго униженія превыспреннему самомнѣнію быть не могло,—и презрѣніе усугубилось ядомъ ненависти. Надо, впрочемъ, сказать, что мы, русскіе, какъ только имѣли надобность обращаться къ шведофиннамъ, непремѣнно надѣвали бѣлыя перчатки и говорили съ ними самымъ мягкимъ, заискивающимъ тономъ. Желая снискать ихъ доброе расположеніе, поступались даже самыми кровными своими интересами. Но это не только не помогало, но усиливало и ненависть, и презрѣніе. Въ нашихъ ухаживаніяхъ, въ нашемъ самопожертвованіи они видѣли только пущую мѣру нашего варварства, неумѣющаго держать себя на подобающей высотѣ, не имѣющаго къ себѣ должнаго уваженія. «Если они не умѣютъ оцѣнить и охранить свои интересы,—разсуждали шведы,—то какъ смогутъ они быть справедливыми къ намъ? И если сегодня они не задавили насъ, то что ручается, что завтра они не возьмутъ насъ подъ кнутъ? Вѣдь восточные деспоты осыпали дарами тѣхъ, кому вслѣдъ затѣмъ посылали шелковый снурокъ».

Таковы, примѣрно, разсужденія и чувства того шведскаго слоя финскаго населенія, который стоитъ выше низменности и интересуется кое-чѣмъ, кромѣ дневного заработка. Таковы они были 70 лѣтъ назадъ, таковы они и теперь. Три четверти вѣка всяческихъ уступокъ, вредныхъ для Россіи, не могли расположить ихъ въ нашу пользу, потому что они—надо отдать имъ эту справедливость—умѣютъ мыслить. Они не могутъ признать сообразнымъ съ логическимъ мышленіемъ такой ходъ дѣлъ, при которомъ сильное, самостоятельное государство постоянно, изъ года въ годъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, отдаетъ часть своего существованія на постепенный, систематическій вредъ себѣ самому. Это не въ порядкѣ вещей, какъ ненормаленъ былъ бы капризъ здороваго человѣка

поддерживать на тѣлѣ своемъ раздражающую язву. За капризомъ, за безпорядкомъ наступаетъ реакція, которая, какъ маятникъ, отшатнетъ интересы съ одной стороны на другую, и все полетитъ прахомъ. Финскіе шведы не могутъ не сознавать, что въ одинъ непрекрасный для нихъ день проснется русское сознаніе и скажетъ: «довольно, пора мнѣ вступить въ свои права, давно купленныя дорогою цѣною моей крови и моихъ интересовъ...»

Вотъ, думаю, въ чемъ основа недобрыхъ отношеній Финляндіи къ намъ, русскимъ. Нужно ли доказывать, что эти отношенія дѣйствительно недобрыя?

Прежде всего взглянемъ поближе: въ какія взаимныя отношенія поставила Россію и Финляндію исторія послѣднихъ двухъ столѣтій. Отвѣтъ въ самыхъ событіяхъ.

Наполеонъ I обращалъ вниманіе Императора Александра на то, что Финляндія всегда была естественнымъ врагомъ Россіи по самому географическому своему положенію. Наполеонъ только повторялъ то, что удостовѣряли 700 лѣтъ безпрерывныхъ почти войнъ. Да и взглядъ на карту прямо указываетъ на то, что естественная граница Россіи на сѣверо-западѣ должна итти по Ботническому заливу.

Великій Петръ находилъ нужнымъ поправить эту погрѣшность въ географіи Россіи и, положивъ въ 1703 году основаніе Петербургу и Кронштадту, немедленно, въ то же лѣто пошелъ далѣе по сѣверному берегу Финскаго залива. Его геній ясно видѣлъ, что этотъ заливъ долженъ быть русскимъ заливомъ и что оба берега должны быть непремѣнно «свои», а не чужіе. Военныя дѣйствія въ Финляндіи шли съ перемѣннымъ счастіемъ; Петръ не могъ сосредоточить здѣсь всего своего вниманія и силъ. Тѣмъ не менѣе, русскія войска подвигались все далѣе и далѣе, и съ 1714 по 1721 годъ Петръ овладѣлъ всею Финляндіею.

Ништадтскій миръ оставилъ за Россіей часть со включеніемъ Выборга при Финскомъ заливѣ и Кексгольма при Ладожскомъ озерѣ. Кромѣ того, Россія получила весь южный берегъ Финскаго залива. Прочее возвращено было Швеціи.

Ближайшая цѣль—обезпеченіе Петербурга—была достигнута: поясъ въ полтораста верстъ прикрылъ его съ сѣвера, а съ юга вся страна была отнынѣ русская. Съ того времени цѣлыя 100 лѣтъ этотъ край былъ въ тѣсной связи съ коренной Россіей. Впослѣдствіи, съ устройствомъ губерній, изъ него образована была Выборгская губернія, которая до 1812 года управлялась на общихъ съ прочими русскими провинціями основаніяхъ. Тамъ были и гу-

бернаторъ и вице-губернаторъ и всѣ другія мѣста и лица по русскому положенію.

Черезъ 20 лѣтъ послѣ Ништадтскаго мира русскіе опять владѣли на всемъ Финскомъ полуостровѣ. На этотъ разъ, казалось, хотѣли занять его прочно. Сдавшіяся войска принесли присягу не только Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, но и наслѣднику Петру Өеодоровичу. Однако, впослѣдствіи расчеты нашей политики на Скандинавскомъ полуостровѣ и заботы о замѣщеніи шведскаго престола взяли верхъ надъ соображеніями непосредственной пользы Россіи. Абовскій миръ 1743 года опять отдалъ обратно Швеціи завоеванную во второй разъ Финляндію въ награду за признаніе наслѣдникомъ шведскимъ принца Адольфа-Фридриха Гольштейнъ-Готторпскаго. Только пограничная черта русская отодвинута болѣе на западъ, до рѣки Кюмени, такъ что къ Выборгу присоединили еще Кюменегордскую область съ городами Вильманстрандомъ и Фридрихсгамомъ; на сѣверѣ осталась въ русскихъ рукахъ Нейшлотская крѣпость.

Въ царствованіе Екатерины Великой цѣлыя двадцать пять лѣтъ все было тихо со стороны Финляндіи и Швеціи. Но война Россіи съ Турціею дала Густаву III надежду вернуть потерянную часть Финляндіи, и война возгорѣлась снова и на сушѣ, и на морѣ.

Предполагалось ни болѣе ни менѣе, какъ нападеніе на Петербургъ и изгнаніе насъ изо всего Финскаго залива. Однако, война кончилась въ 1790 г. нивчью, и границы остались безъ перемѣны. Не мѣшаетъ упомянуть здѣсь, что во время этой войны составился между шведо-финскими офицерами заговоръ объ отдѣленіи Финляндіи отъ Швеціи, съ цѣлью образовать изъ нея особое государство подъ покровительствомъ Россіи. Однако, населеніе, и особенно низшіе классы, не сочувствовали заговору, подтвердили свою вѣрность королю Густаву, а самое предпріятіе разрѣшилось казнями.

Тильзитскимъ миромъ кончился до поры до времени разладъ между Россіей и Франціей, съ тѣмъ, чтобы первой начать новую и рѣшительную войну со Швеціей. Отзывы Наполеона о Финляндіи, какъ о врагѣ въ силу географіи, подобные приведенному выше, только подливали масла въ огонь.

Война началась зимою того же 1807 года, въ расчетѣ лишить Швецію возможности получить морскія подкрѣпленія отъ Англіи, а 9-го мая слѣдующаго года въ Петербургѣ было уже отслужено благодарственное молебствіе по поводу сдачи Свеаборга—этой незыблемой твердыни Финляндіи.

Европейскіе дворы тогда же были извѣщены о присоединеніи Финляндіи на вѣчныя времена къ Россіи. Манифестъ Императора

Александра отъ 5 (17) іюня давалъ знать всѣмъ о включеніи новой «провинціи» въ русское государство.

Между тѣмъ финскій народъ вездѣ еще брался за оружіе, и въ концѣ іюля вооруженныя толпы переходили даже въ русскіе предѣлы, война безспорно продолжалась. Непріятельскія войска ушли зимою 1808—1809 гг. на дальній сѣверъ, а наши силы, несмотря на страшныя затрудненія и рискъ, сдѣлали знаменитый переходъ по льду черезъ Ботническій заливъ и напали на Аландскіе острова и на самую Швецію.

Стычки тянулись и въ 1809 году, и только съ перемѣною шведскаго правительства приступлено къ переговорамъ о мирѣ, который и заключенъ, наконецъ, 5 (17) сентября въ Фридрихсгамѣ.

Необходимо обратить вниманіе на приведенныя хронологическія цифры. Еще война была въ полномъ разгарѣ, внутри Финляндіи происходила жестокая рѣзня, счастье могло не разъ измѣнить оружію Александра—и, между тѣмъ, только занятъ былъ Свеаборгъ, онъ спѣшитъ объявить міру, что онъ присоединяетъ къ своему государству «новую провинцію» на вѣчныя времена.

Такая невиданная поспѣшность свидѣтельствовала о необходимости безповоротнаго навсегда присоединенія той окраины, которая Россіи нужна и въ теченіе столѣтія три раза была завоевываема. Въ этомъ лежитъ цѣлая система, историческая задача, разрѣшавшаяся непрестанно съ самой той минуты, какъ Петръ прорубилъ окно черезъ Финскій заливъ. Поколѣніе за поколѣніемъ, Государь за Государемъ, лили потоки русской крови для того, чтобы Финляндія была своя, а не чужая. Богатый домъ съ обширными покоями, принадлежалъ намъ, и только въ парадномъ подъѣздѣ, на самомъ видномъ мѣстѣ, водворился съ своимъ скарбомъ чужой человѣкъ, загораживая дорогу. Ясно, что ему тутъ было не мѣсто. 1-го октября 1809 года былъ обнародованъ манифестъ Императора Александра о заключеніи Фридрихсгамскаго мира [1]).

«Путь къ побѣдамъ, не взирая на всѣ сопротивленія, еще былъ отверзтъ», — гласилъ онъ, — «но какъ скоро надежда къ прочному миру представилась возможною, Мы, съ удовольствіемъ, оставивъ всѣ выгоды воинскаго Нашего положенія, обратились къ миру. Въ основаніяхъ его мы постановили оградить Имперію Нашу естественными и твердыми предѣлами, отдалить и пресѣчь разъ навсегда причину и предлогъ браней»... «Сею твердою надеждою, постановленіемъ Имперіи Нашей непреложныхъ и

[1]) Полный текстъ этого манифеста читатель найдетъ въ этомъ же томѣ въ приложеніи. Прим. изд.

безопасныхъ границъ»,—говорилось далѣе,—«измѣряемъ мы наипаче выгоды сего мира. Новыя владѣнія Наши, съ одной стороны огражденныя Свеаборгомъ и другими крѣпостями, обезпеченныя весьма важнымъ для морской силы положеніемъ Аландскихъ островов, съ другой окруженныя Ботническимъ заливомъ и отдѣленныя отъ сосѣдей большими рѣками Торнео и Муоніо, всегда будутъ составлять твердую и незыблемую ограду Имперіи Нашей». «Обладая всѣми портами и пристанями въ Финскомъ заливѣ, на Аландскихъ островахъ и во всей восточной части Ботническаго залива до самаго Торнео, въ странѣ плодоносной, изобилующей лѣсами и разными произведеніями земли, населенной народомъ трудолюбивымъ и къ мореходной промышленности издревле пріобыкшимъ, торговля Наша воспріиметъ новое расширеніе, купеческое мореплаваніе получитъ новую дѣятельность, а съ тѣмъ вмѣстѣ и воинское Наше морское ополченіе пріобрящетъ новыя силы».

Что могло, дѣйствительно, представляться Россіи лучше, полезнѣе этой перспективы! Душа великаго основателя Петербурга должна была возрадоваться и возликовать, видя, что планы его такъ свято исполняются его правнукомъ... Онъ, столько положившій въ основаніе Петербурга труда и жертвъ, онъ, осыпавшій всякими знаками вниманія иностранцевъ, пріѣзжавшихъ въ новую столицу, ласкавшій и привлекавшій ихъ туда всячески, онъ, полагавшій всю душу въ русское морское дѣло,—онъ могъ теперь спать спокойно въ своемъ гробѣ: царственный правнукъ его на всю Россію, болѣе—на всю Европу, возвѣщалъ, что торговля наша воспріиметъ новое расширеніе, купеческое мореплаваніе получитъ новую дѣятельность... Это были великія обѣщанія, отрадныя надежды, послѣдствія войны, съ лихвою окупавшія ея бремя. Да, великія обѣщанія!..

А мы, дѣти и внуки тѣхъ, кто съ восторгомъ слушалъ эти прекрасныя слова, исходившія отъ Благословеннаго Императора,—мы не съ умиленіемъ, а съ горечью въ сердцѣ слушаемъ и читаемъ печальную повѣсть нашихъ дней, не сказку, а быль, о томъ, что̀ съумѣли сдѣлать изъ этихъ отрадныхъ обѣщаній люди, глухіе къ пользамъ нашего отечества. «Обладая всѣми портами и пристанями въ Финскомъ заливѣ и въ восточной части Ботническаго залива, въ странѣ плодоносной, изобилующей лѣсами»... и пр. Гдѣ оно, это обладаніе, кому оно приноситъ пользу? Кто его сознаетъ?.. Насколько намъ, т. е. вообще Россіи, принесли выгоду эти въ своемъ родѣ богатыя земли, когда намъ буквально нельзя и вступить на нихъ?..

«Оградить Имперію естественными и твердыми предѣлами». Прежде граница была на рѣкѣ Кюмени, двѣсти или около того верстъ отъ Петербурга, а по манифесту должна отодвинуться совсѣмъ далеко, на самый сѣверъ, къ «большимъ рѣкамъ Торнео и Муоніо»... Передвиженіе границы дѣйствительно состоялось, только... ошиблось направленіемъ и, вмѣсто большихъ рѣкъ Торнео и Муоніо, она утвердилась на ручьѣ, называемомъ Сестрой-рѣкой, въ 30-ти верстахъ отъ Петербурга. Границу закрѣпили здѣсь, какъ слѣдуетъ, строгой таможней съ той и съ другой стороны.

«Наша торговля восприметъ новое расширеніе»... А наши купцы поднесь стучатъ во всѣ двери, чтобы ихъ пустили торговать въ этой «новой провинціи», «въ естественныхъ предѣлахъ Имперіи»—и имъ не отворяютъ. Поднимаютъ они на ноги всѣ русскія министерства, отстаивая свои права,—и на это имъ говорятъ, что русская торговля влечетъ за собою бродяжничество, вредъ, чуть не евангельскую проказу...

Дѣло въ томъ, что въ Финляндіи явилось свое правительство, которое вовсе не считаетъ нужнымъ знать о правительствѣ русскомъ. Финляндское государство, за идею котораго поотрубали головы при Густавѣ III, существуетъ воочію и заявляетъ о своемъ существованіи, обращая въ ничто манифесты и трактаты русскихъ государей... И все это сдѣлано втихомолку, подъ шумокъ, какъ дѣлаются дѣла, которыя боятся свѣта.

Взглянемъ теперь на самый мирный трактатъ 1809 года [1], по которому Финляндія отошла къ Россіи, и на то, что дало основу учрежденію особаго финляндскаго «государства». Статья IV трактата: «Его величество король Шведскій, какъ за себя, такъ и за преемниковъ его престола и королевства шведскаго, отказывается неотмѣняемо и навсегда въ пользу Его Величества Императора всероссійскаго и преемниковъ его престола и Россійской Имперіи отъ всѣхъ своихъ правъ и притязаній на губерніи, ниже сего означенныя, завоеванныя оружіемъ Его Императорскаго Величества въ нынѣшнюю войну отъ державы шведской»... «Губерніи сіи, со всѣми жителями, городами, портами, крѣпостями, селеніями и островами, а равно ихъ принадлежности, преимущества, права и выгоды, будутъ отнынѣ состоять въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской и къ ней навсегда присоединяются». Вотъ буквальный текстъ основаній, на которыхъ послѣдовало присоединеніе.

Прочія статьи касаются подробностей. Изъ нихъ можно упомянуть о статьѣ X, по которой жителямъ Швеціи и Финляндіи

---

[1] Полный текстъ Фридрихсгамскаго мирнаго договора напечатанъ въ этомъ же томѣ въ приложеніи. Прим. изд.

безопасныхъ границъ»,—говорилось далѣе,—«измѣряемъ мы
паче выгоды сего мира. Новыя владѣнія Наши, съ одной
роны огражденныя Свеаборгомъ и другими крѣпостями, обезпе
ныя весьма важнымъ для морской силы положеніемъ Аланд
острововъ, съ другой окруженныя Ботническимъ заливо
отдѣленныя отъ сосѣдей большими рѣками Торнео и Муоніо,
будутъ составлять твердую и незыблемую ограду Имперіи Наш
«Обладая всѣми портами и пристанями въ Финскомъ заливѣ
Аландскихъ островахъ и во всей восточной части Ботничес
залива до самаго Торнео, въ странѣ плодоносной, изобилую
лѣсами и разными произведеніями земли, населенной народ
трудолюбивымъ и къ мореходной промышленности издревле
быкшимъ, торговля Наша восприметъ новое расширеніе, к
ческое мореплаваніе получитъ новую дѣятельность, а съ
вмѣстѣ и воинское Наше морское ополченіе пріобрящетъ
выя силы».

Что могло, дѣйствительно, представляться Россіи лучше,
лезнѣе этой перспективы! Душа великаго основателя Петерб
должна была возрадоваться и возликовать, видя, что планы
такъ свято исполняются его правнукомъ... Онъ, столько
жившій въ основаніе Петербурга труда и жертвъ, онъ, осы
шій всякими знаками вниманія иностранцевъ, пріѣзжавшихъ
новую столицу, ласкавшій и привлекавшій ихъ туда всяче
онъ, полагавшій всю душу въ русское морское дѣло,—онъ
теперь спать спокойно въ своемъ гробѣ: царственный прав
его на всю Россію, болѣе—на всю Европу, возвѣщалъ, что
говля наша восприметъ новое расширеніе, купеческое море
ваніе получитъ новую дѣятельность... Это были великія обѣщ
отрадныя надежды, послѣдствія войны, съ лихвою окупа
ея бремя. Да, великія обѣщанія!..

А мы, дѣти и внуки тѣхъ, кто съ восторгомъ слушалъ
прекрасныя слова, исходившія отъ Благословеннаго Имп
тора,—мы не съ умиленіемъ, а съ горечью въ сердцѣ слушае
читаемъ печальную повѣсть нашихъ дней, не сказку, а бы
томъ, что̀ съумѣли сдѣлать изъ этихъ отрадныхъ обѣщаній
глухіе къ пользамъ нашего отечества. «Обладая всѣми порта
пристанями въ Финскомъ заливѣ и въ восточной части Бот
скаго залива, въ странѣ плодоносной, изобилующей лѣса
и пр. Гдѣ оно, это обладаніе, кому оно приноситъ пользу?
его сознаетъ?.. Насколько намъ, т. е. вообще Россіи, при
выгоду эти въ своемъ родѣ богатыя земли, когда намъ буква
нельзя и вступить на нихъ?..

Оградить Имперію естественными и твердыми предѣлами».
де граница была на рѣкѣ Кюмени, двѣсти или около того
ъ отъ Петербурга, а по манифесту должна отодвинуться со-
ь далеко, на самый сѣверъ, къ «большимъ рѣкамъ Торнео и
іо»... Передвиженіе границы дѣйствительно состоялось, только...
лось направленіемъ и, вмѣсто большихъ рѣкъ Торнео и Муоніо,
утвердилась на ручьѣ, называемомъ Сестрой-рѣкой, въ 30-ти
ахъ отъ Петербурга. Границу закрѣпили здѣсь, какъ слѣ-
, строгой таможней съ той и съ другой стороны.
Наша торговля воспріиметъ новое расширеніе»... А наши
ы поднесь стучатъ во всѣ двери, чтобы ихъ пустили торго-
въ этой «новой провинціи», «въ естественныхъ предѣлахъ
ріи»—и имъ не отворяютъ. Поднимаютъ они на ноги всѣ
іи министерства, отстаивая свои права,—и на это имъ го-
ъ, что русская торговля влечетъ за собою бродяжничество,
, чуть не евангельскую проказу...
ѣло въ томъ, что въ Финляндіи явилось свое правительство,
ое вовсе не считаетъ нужнымъ знать о правительствѣ рус-
. Финляндское государство, за идею котораго поотрубали
ы при Густавѣ III, существуетъ воочію и заявляетъ о своемъ
ствованіи, обращая въ ничто манифесты и трактаты русскихъ
арей... И все это сдѣлано втихомолку, подъ шумокъ, какъ
отся дѣла, которыя боятся свѣта.
зглянемъ теперь на самый мирный трактатъ 1809 года [1]), по
ому Финляндія отошла къ Россіи, и на то, что дало основу
кденію особаго финляндскаго «государства». Статья IV трак-
«Его величество король Шведскій, какъ за себя, такъ и за
никовъ его престола и королевства шведскаго, отказывается
ѣняемо и навсегда въ пользу Его Величества Императора все-
йскаго и преемниковъ его престола и Россійской Имперіи отъ
своихъ правъ и притязаній на губерніи, ниже сего озна-
ыя, завоеванныя оружіемъ Его Императорскаго Величества въ
шнюю войну отъ державы шведской»... «Губерніи сіи, со
жителями, городами, портами, крѣпостями, селеніями и остро-
а равно ихъ принадлежности, преимущества, права и выгоды,
ъ отнынѣ состоять въ собственности и державномъ обладаніи
ріи Россійской и къ ней навсегда присоединяются». Вотъ бук-
ый текстъ основаній, на которыхъ послѣдовало присоединеніе.
рочія статьи касаются подробностей. Изъ нихъ можно упо-
ъ о статьѣ X, по которой жителямъ Швеціи и Финляндіи

Полный текстъ Фридрихсгамскаго мирнаго договора напечатанъ въ этомъ
ѣ въ приложеніи. Прим. изд.

безопасныхъ границъ»,—говорилось далѣе,—«измѣряемъ мы наипаче выгоды сего мира. Новыя владѣнія Наши, съ одной стороны огражденныя Свеаборгомъ и другими крѣпостями, обезпеченныя весьма важнымъ для морской силы положеніемъ Аландскихъ островов, съ другой окруженныя Ботническимъ заливомъ и отдѣленныя отъ сосѣдей большими рѣками Торнео и Муоніо, всегда будутъ составлять твердую и незыблемую ограду Имперіи Нашей». «Обладая всѣми портами и пристанями въ Финскомъ заливѣ, на Аландскихъ островахъ и во всей восточной части Ботническаго залива до самаго Торнео, въ странѣ плодоносной, изобилующей лѣсами и разными произведеніями земли, населенной народомъ трудолюбивымъ и къ мореходной промышленности издревле пріобыкшимъ, торговля Наша воспріиметъ новое расширеніе, купеческое мореплаваніе получитъ новую дѣятельность, а съ тѣмъ вмѣстѣ и воинское Наше морское ополченіе пріобрящетъ новыя силы».

Что могло, дѣйствительно, представляться Россіи лучше, полезнѣе этой перспективы! Душа великаго основателя Петербурга должна была возрадоваться и возликовать, видя, что планы его такъ свято исполняются его правнукомъ... Онъ, столько положившій въ основаніе Петербурга труда и жертвъ, онъ, осыпавшій всякими знаками вниманія иностранцевъ, пріѣзжавшихъ въ новую столицу, ласкавшій и привлекавшій ихъ туда всячески, онъ, полагавшій всю душу въ русское морское дѣло,—онъ могъ теперь спать спокойно въ своемъ гробѣ: царственный правнукъ его на всю Россію, болѣе—на всю Европу, возвѣщалъ, что торговля наша воспріиметъ новое расширеніе, купеческое мореплаваніе получитъ новую дѣятельность... Это были великія обѣщанія, отрадныя надежды, послѣдствія войны, съ лихвою окупавшія ея бремя. Да, великія обѣщанія!..

А мы, дѣти и внуки тѣхъ, кто съ восторгомъ слушалъ эти прекрасныя слова, исходившія отъ Благословеннаго Императора,—мы не съ умиленіемъ, а съ горечью въ сердцѣ слушаемъ и читаемъ печальную повѣсть нашихъ дней, не сказку, а быль, о томъ, что̀ съумѣли сдѣлать изъ этихъ отрадныхъ обѣщаній люди, глухіе къ пользамъ нашего отечества. «Обладая всѣми портами и пристанями въ Финскомъ заливѣ и въ восточной части Ботническаго залива, въ странѣ плодоносной, изобилующей лѣсами»... и пр. Гдѣ оно, это обладаніе, кому оно приноситъ пользу? Кто его сознаетъ?.. Насколько намъ, т. е. вообще Россіи, принесли выгоду эти въ своемъ родѣ богатыя земли, когда намъ буквально нельзя и вступить на нихъ?..

«Оградить Имперію естественными и твердыми предѣлами». Прежде граница была на рѣкѣ Кюмени, двѣсти или около того верстъ отъ Петербурга, а по манифесту должна отодвинуться совсѣмъ далеко, на самый сѣверъ, къ «большимъ рѣкамъ Торнео и Муоніо»... Передвиженіе границы дѣйствительно состоялось, только... ошиблось направленіемъ и, вмѣсто большихъ рѣкъ Торнео и Муоніо, она утвердилась на ручьѣ, называемомъ Сестрой-рѣкой, въ 30-ти верстахъ отъ Петербурга. Границу закрѣпили здѣсь, какъ слѣдуетъ, строгой таможней съ той и съ другой стороны.

«Наша торговля воспріиметъ новое расширеніе»... А наши купцы поднесь стучатъ во всѣ двери, чтобы ихъ пустили торговать въ этой «новой провинціи», «въ естественныхъ предѣлахъ Имперіи»—и имъ не отворяютъ. Поднимаютъ они на ноги всѣ русскія министерства, отстаивая свои права,—и на это имъ говорятъ, что русская торговля влечетъ за собою бродяжничество, вредъ, чуть не евангельскую проказу...

Дѣло въ томъ, что въ Финляндіи явилось свое правительство, которое вовсе не считаетъ нужнымъ знать о правительствѣ русскомъ. Финляндское государство, за идею котораго поотрубали головы при Густавѣ III, существуетъ воочію и заявляетъ о своемъ существованіи, обращая въ ничто манифесты и трактаты русскихъ государей... И все это сдѣлано втихомолку, подъ шумокъ, какъ дѣлаются дѣла, которыя боятся свѣта.

Взглянемъ теперь на самый мирный трактатъ 1809 года [1]), по которому Финляндія отошла къ Россіи, и на то, что дало основу учрежденію особаго финляндскаго «государства». Статья IV трактата: «Его величество король Шведскій, какъ за себя, такъ и за преемниковъ его престола и королевства шведскаго, отказывается неотмѣняемо и навсегда въ пользу Его Величества Императора всероссійскаго и преемниковъ его престола и Россійской Имперіи отъ всѣхъ своихъ правъ и притязаній на губерніи, ниже сего означенныя, завоеванныя оружіемъ Его Императорскаго Величества въ нынѣшнюю войну отъ державы шведской»... «Губерніи сіи, со всѣми жителями, городами, портами, крѣпостями, селеніями и островами, а равно ихъ принадлежности, преимущества, права и выгоды, будутъ отнынѣ состоять въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской и къ ней навсегда присоединяются». Вотъ буквальный текстъ основаній, на которыхъ послѣдовало присоединеніе.

Прочія статьи касаются подробностей. Изъ нихъ можно упомянуть о статьѣ X, по которой жителямъ Швеціи и Финляндіи

---

[1]) Полный текстъ Фридрихсгамскаго мирнаго договора напечатанъ въ этомъ же томѣ въ приложеніи. Прим. изд.

безопасныхъ границъ»,—говорилось далѣе,—«измѣряемъ мы паче выгоды сего мира. Новыя владѣнія Наши, съ одной стороны огражденныя Свеаборгомъ и другими крѣпостями, обезпеченныя весьма важнымъ для морской силы положеніемъ Аландскихъ острововъ, съ другой окруженныя Ботническимъ заливомъ и отдѣленныя отъ сосѣдей большими рѣками Торнео и Муоніо, всегда будутъ составлять твердую и незыблемую ограду Имперіи Нашей». «Обладая всѣми портами и пристанями въ Финскомъ заливѣ, на Аландскихъ островахъ и во всей восточной части Ботническаго залива до самаго Торнео, въ странѣ плодоносной, изобилующей лѣсами и разными произведеніями земли, населенной народомъ трудолюбивымъ и къ мореходной промышленности издревле пріобыкшимъ, торговля Наша воспріиметъ новое расширеніе, купеческое мореплаваніе получитъ новую дѣятельность, а съ тѣмъ вмѣстѣ и воинское Наше морское ополченіе пріобрящетъ новыя силы».

Что могло, дѣйствительно, представляться Россіи лучше, полезнѣе этой перспективы! Душа великаго основателя Петербурга должна была возрадоваться и возликовать, видя, что планы его такъ свято исполняются его правнукомъ... Онъ, столько положившій въ основаніе Петербурга труда и жертвъ, онъ, осыпавшій всякими знаками вниманія иностранцевъ, пріѣзжавшихъ въ новую столицу, ласкавшій и привлекавшій ихъ туда всячески, онъ, полагавшій всю душу въ русское морское дѣло,—онъ могъ теперь спать спокойно въ своемъ гробѣ: царственный правнукъ его на всю Россію, болѣе—на всю Европу, возвѣщалъ, что торговля наша воспріиметъ новое расширеніе, купеческое мореплаваніе получитъ новую дѣятельность... Это были великія обѣщанія, отрадныя надежды, послѣдствія войны, съ лихвою окупавшія ея бремя. Да, великія обѣщанія!..

А мы, дѣти и внуки тѣхъ, кто съ восторгомъ слушалъ эти прекрасныя слова, исходившія отъ Благословеннаго Императора,—мы не съ умиленіемъ, а съ горечью въ сердцѣ слушаемъ и читаемъ печальную повѣсть нашихъ дней, не сказку, а быль, о томъ, что̀ съумѣли сдѣлать изъ этихъ отрадныхъ обѣщаній люди, глухіе къ пользамъ нашего отечества. «Обладая всѣми портами и пристанями въ Финскомъ заливѣ и въ восточной части Ботническаго залива, въ странѣ плодоносной, изобилующей лѣсами»... и пр. Гдѣ оно, это обладаніе, кому оно приноситъ пользу? Кто его сознаетъ?.. Насколько намъ, т. е. вообще Россіи, принесли выгоду эти въ своемъ родѣ богатыя земли, когда намъ буквально нельзя и вступить на нихъ?..

«Оградить Имперію естественными и твердыми предѣлами». Прежде граница была на рѣкѣ Кюмени, двѣсти или около того верстъ отъ Петербурга, а по манифесту должна отодвинуться совсѣмъ далеко, на самый сѣверъ, къ «большимъ рѣкамъ Торнео и Муоніо»... Передвиженіе границы дѣйствительно состоялось, только... ошиблось направленіемъ и, вмѣсто большихъ рѣкъ Торнео и Муоніо, она утвердилась на ручьѣ, называемомъ Сестрой-рѣкой, въ 30-ти верстахъ отъ Петербурга. Границу закрѣпили здѣсь, какъ слѣдуетъ, строгой таможней съ той и съ другой стороны.

«Наша торговля воспріиметъ новое расширеніе»... А наши купцы поднесь стучатъ во всѣ двери, чтобы ихъ пустили торговать въ этой «новой провинціи», «въ естественныхъ предѣлахъ Имперіи»—и имъ не отворяютъ. Поднимаютъ они на ноги всѣ русскія министерства, отстаивая свои права,—и на это имъ говорятъ, что русская торговля влечетъ за собою бродяжничество, вредъ, чуть не евангельскую проказу...

Дѣло въ томъ, что въ Финляндіи явилось свое правительство, которое вовсе не считаетъ нужнымъ знать о правительствѣ русскомъ. Финляндское государство, за идею котораго поотрубали головы при Густавѣ III, существуетъ воочію и заявляетъ о своемъ существованіи, обращая въ ничто манифесты и трактаты русскихъ государей... И все это сдѣлано втихомолку, подъ шумокъ, какъ дѣлаются дѣла, которыя боятся свѣта.

Взглянемъ теперь на самый мирный трактатъ 1809 года [1]), по которому Финляндія отошла къ Россіи, и на то, что дало основу учрежденію особаго финляндскаго «государства». Статья IV трактата: «Его величество король Шведскій, какъ за себя, такъ и за преемниковъ его престола и королевства шведскаго, отказывается неотмѣняемо и навсегда въ пользу Его Величества Императора всероссійскаго и преемниковъ его престола и Россійской Имперіи отъ всѣхъ своихъ правъ и притязаній на губерніи, ниже сего означенныя, завоеванныя оружіемъ Его Императорскаго Величества въ нынѣшнюю войну отъ державы шведской»... «Губерніи сіи, со всѣми жителями, городами, портами, крѣпостями, селеніями и островами, а равно ихъ принадлежности, преимущества, права и выгоды, будутъ отнынѣ состоять въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской и къ ней навсегда присоединяются». Вотъ буквальный текстъ основаній, на которыхъ послѣдовало присоединеніе.

Прочія статьи касаются подробностей. Изъ нихъ можно упомянуть о статьѣ X, по которой жителямъ Швеціи и Финляндіи

---

[1]) Полный текстъ Фридрихсгамскаго мирнаго договора напечатанъ въ этомъ же томѣ въ приложеніи. Прим. изд.

безопасныхъ границъ»,—говорилось далѣе,—«измѣряемъ мы наипаче выгоды сего мира. Новыя владѣнія Наши, съ одной стороны огражденныя Свеаборгомъ и другими крѣпостями, обезпеченныя весьма важнымъ для морской силы положеніемъ Аландскихъ острововъ, съ другой окруженныя Ботническимъ заливомъ и отдѣленныя отъ сосѣдей большими рѣками Торнео и Муоніо, всегда будутъ составлять твердую и незыблемую ограду Имперіи Нашей». «Обладая всѣми портами и пристанями въ Финскомъ заливѣ, на Аландскихъ островахъ и во всей восточной части Ботническаго залива до самаго Торнео, въ странѣ плодоносной, изобилующей лѣсами и разными произведеніями земли, населенной народомъ трудолюбивымъ и къ мореходной промышленности издревле пріобыкшимъ, торговля Наша воспріиметъ новое расширеніе, купеческое мореплаваніе получитъ новую дѣятельность, а съ тѣмъ вмѣстѣ и воинское Наше морское ополченіе пріобрящетъ новыя силы».

Что могло, дѣйствительно, представляться Россіи лучше, полезнѣе этой перспективы! Душа великаго основателя Петербурга должна была возрадоваться и возликовать, видя, что планы его такъ свято исполняются его правнукомъ... Онъ, столько положившій въ основаніе Петербурга труда и жертвъ, онъ, осыпавшій всякими знаками вниманія иностранцевъ, пріѣзжавшихъ въ новую столицу, ласкавшій и привлекавшій ихъ туда всячески, онъ, полагавшій всю душу въ русское морское дѣло,—онъ могъ теперь спать спокойно въ своемъ гробѣ: царственный правнукъ его на всю Россію, болѣе—на всю Европу, возвѣщалъ, что торговля наша воспріиметъ новое расширеніе, купеческое мореплаваніе получитъ новую дѣятельность... Это были великія обѣщанія, отрадныя надежды, послѣдствія войны, съ лихвою окупавшія ея бремя. Да, великія обѣщанія!..

А мы, дѣти и внуки тѣхъ, кто съ восторгомъ слушалъ эти прекрасныя слова, исходившія отъ Благословеннаго Императора,—мы не съ умиленіемъ, а съ горечью въ сердцѣ слушаемъ и читаемъ печальную повѣсть нашихъ дней, не сказку, а быль, о томъ, что съумѣли сдѣлать изъ этихъ отрадныхъ обѣщаній люди, глухіе къ пользамъ нашего отечества. «Обладая всѣми портами и пристанями въ Финскомъ заливѣ и въ восточной части Ботническаго залива, въ странѣ плодоносной, изобилующей лѣсами»... и пр. Гдѣ оно, это обладаніе, кому оно приноситъ пользу? Кто его сознаетъ?.. Насколько намъ, т. е. вообще Россіи, принесли выгоду эти въ своемъ родѣ богатыя земли, когда намъ буквально нельзя и вступить на нихъ?..

«Оградить Имперію естественными и твердыми предѣлами». Прежде граница была на рѣкѣ Кюмени, двѣсти или около того верстъ отъ Петербурга, а по манифесту должна отодвинуться совсѣмъ далеко, на самый сѣверъ, къ «большимъ рѣкамъ Торнео и Муоніо»... Передвиженіе границы дѣйствительно состоялось, только... ошиблось направленіемъ и, вмѣсто большихъ рѣкъ Торнео и Муоніо, она утвердилась на ручьѣ, называемомъ Сестрой-рѣкой, въ 30-ти верстахъ отъ Петербурга. Границу закрѣпили здѣсь, какъ слѣдуетъ, строгой таможней съ той и съ другой стороны.

«Наша торговля воспріиметъ новое расширеніе»... А наши купцы поднесь стучатъ во всѣ двери, чтобы ихъ пустили торговать въ этой «новой провинціи», «въ естественныхъ предѣлахъ Имперіи»—и имъ не отворяютъ. Поднимаютъ они на ноги всѣ русскія министерства, отстаивая свои права,—и на это имъ говорятъ, что русская торговля влечетъ за собою бродяжничество, вредъ, чуть не евангельскую проказу...

Дѣло въ томъ, что въ Финляндіи явилось свое правительство, которое вовсе не считаетъ нужнымъ знать о правительствѣ русскомъ. Финляндское государство, за идею котораго поотрубали головы при Густавѣ III, существуетъ воочію и заявляетъ о своемъ существованіи, обращая въ ничто манифесты и трактаты русскихъ государей... И все это сдѣлано втихомолку, подъ шумокъ, какъ дѣлаются дѣла, которыя боятся свѣта.

Взглянемъ теперь на самый мирный трактатъ 1809 года [1]), по которому Финляндія отошла къ Россіи, и на то, что дало основу учрежденію особаго финляндскаго «государства». Статья IV трактата: «Его величество король Шведскій, какъ за себя, такъ и за преемниковъ его престола и королевства шведскаго, отказывается неотмѣняемо и навсегда въ пользу Его Величества Императора всероссійскаго и преемниковъ его престола и Россійской Имперіи отъ всѣхъ своихъ правъ и притязаній на губерніи, ниже сего означенныя, завоеванныя оружіемъ Его Императорскаго Величества въ нынѣшнюю войну отъ державы шведской»... «Губерніи сіи, со всѣми жителями, городами, портами, крѣпостями, селеніями и островами, а равно ихъ принадлежности, преимущества, права и выгоды, будутъ отнынѣ состоять въ собственности и державномъ обладаніи Имперія Россійской и къ ней навсегда присоединяются». Вотъ буквальный текстъ основаній, на которыхъ послѣдовало присоединеніе.

Прочія статьи касаются подробностей. Изъ нихъ можно упомянуть о статьѣ X, по которой жителямъ Швеціи и Финляндіи

---

[1]) Полный текстъ Фридрихсгамскаго мирнаго договора напечатанъ въ этомъ же томѣ въ приложеніи. Прим. изд.

безопасныхъ границъ»,—говорилось далѣе,—«измѣряемъ мы наипаче выгоды сего мира. Новыя владѣнія Наши, съ одной стороны огражденныя Свеаборгомъ и другими крѣпостями, обезпеченныя весьма важнымъ для морской силы положеніемъ Аландскихъ островов, съ другой окруженныя Ботническимъ заливомъ и отдѣленныя отъ сосѣдей большими рѣками Торнео и Муоніо, всегда будутъ составлять твердую и незыблемую ограду Имперіи Нашей». «Обладая всѣми портами и пристанями въ Финскомъ заливѣ, на Аландскихъ островахъ и во всей восточной части Ботническаго залива до самаго Торнео, въ странѣ плодоносной, изобилующей лѣсами и разными произведеніями земли, населенной народомъ трудолюбивымъ и къ мореходной промышленности издревле пріобыкшимъ, торговля Наша воспріиметъ новое расширеніе, купеческое мореплаваніе получитъ новую дѣятельность, а съ тѣмъ вмѣстѣ и воинское Наше морское ополченіе пріобрящетъ новыя силы».

Что могло, дѣйствительно, представляться Россіи лучше, полезнѣе этой перспективы! Душа великаго основателя Петербурга должна была возрадоваться и возликовать, видя, что планы его такъ свято исполняются его правнукомъ... Онъ, столько положившій въ основаніе Петербурга труда и жертвъ, онъ, осыпавшій всякими знаками вниманія иностранцевъ, пріѣзжавшихъ въ новую столицу, ласкавшій и привлекавшій ихъ туда всячески, онъ, полагавшій всю душу въ русское морское дѣло,—онъ могъ теперь спать спокойно въ своемъ гробѣ: царственный правнукъ его на всю Россію, болѣе—на всю Европу, возвѣщалъ, что торговля наша воспріиметъ новое расширеніе, купеческое мореплаваніе получитъ новую дѣятельность... Это были великія обѣщанія, отрадныя надежды, послѣдствія войны, съ лихвою окупавшія ея бремя. Да, великія обѣщанія!..

А мы, дѣти и внуки тѣхъ, кто съ восторгомъ слушалъ эти прекрасныя слова, исходившія отъ Благословеннаго Императора,—мы не съ умиленіемъ, а съ горечью въ сердцѣ слушаемъ и читаемъ печальную повѣсть нашихъ дней, не сказку, а быль, о томъ, чтò съумѣли сдѣлать изъ этихъ отрадныхъ обѣщаній люди, глухіе къ пользамъ нашего отечества. «Обладая всѣми портами и пристанями въ Финскомъ заливѣ и въ восточной части Ботническаго залива, въ странѣ плодоносной, изобилующей лѣсами»... и пр. Гдѣ оно, это обладаніе, кому оно приноситъ пользу? Кто его сознаетъ?.. Насколько намъ, т. е. вообще Россіи, принесли выгоду эти въ своемъ родѣ богатыя земли, когда намъ буквально нельзя и вступить на нихъ?..

«Оградить Имперію естественными и твердыми предѣлами». Прежде граница была на рѣкѣ Кюмени, двѣсти или около того верстъ отъ Петербурга, а по манифесту должна отодвинуться совсѣмъ далеко, на самый сѣверъ, къ «большимъ рѣкамъ Торнео и Муоніо»... Передвиженіе границы дѣйствительно состоялось, только... ошиблось направленіемъ и, вмѣсто большихъ рѣкъ Торнео и Муоніо, она утвердилась на ручьѣ, называемомъ Сестрой-рѣкой, въ 30-ти верстахъ отъ Петербурга. Границу закрѣпили здѣсь, какъ слѣдуетъ, строгой таможней съ той и съ другой стороны.

«Наша торговля воспріиметъ новое расширеніе»... А наши купцы поднесь стучатъ во всѣ двери, чтобы ихъ пустили торговать въ этой «новой провинціи», «въ естественныхъ предѣлахъ Имперіи»—и имъ не отворяютъ. Поднимаютъ они на ноги всѣ русскія министерства, отстаивая свои права,—и на это имъ говорятъ, что русская торговля влечетъ за собою бродяжничество, вредъ, чуть не евангельскую проказу...

Дѣло въ томъ, что въ Финляндіи явилось свое правительство, которое вовсе не считаетъ нужнымъ знать о правительствѣ русскомъ. Финляндское государство, за идею котораго поотрубали головы при Густавѣ III, существуетъ воочію и заявляетъ о своемъ существованіи, обращая въ ничто манифесты и трактаты русскихъ государей... И все это сдѣлано втихомолку, подъ шумокъ, какъ дѣлаются дѣла, которыя боятся свѣта.

Взглянемъ теперь на самый мирный трактатъ 1809 года [1]), по которому Финляндія отошла къ Россіи, и на то, что дало основу учрежденію особаго финляндскаго «государства». Статья IV трактата: «Его величество король Шведскій, какъ за себя, такъ и за преемниковъ его престола и королевства шведскаго, отказывается неотмѣняемо и навсегда въ пользу Его Величества Императора всероссійскаго и преемниковъ его престола и Россійской Имперіи отъ всѣхъ своихъ правъ и притязаній на губерніи, ниже сего означенныя, завоеванныя оружіемъ Его Императорскаго Величества въ нынѣшнюю войну отъ державы шведской»... «Губерніи сіи, со всѣми жителями, городами, портами, крѣпостями, селеніями и островами, а равно ихъ принадлежности, преимущества, права и выгоды, будутъ отнынѣ состоять въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской и къ ней навсегда присоединяются». Вотъ буквальный текстъ основаній, на которыхъ послѣдовало присоединеніе.

Прочія статьи касаются подробностей. Изъ нихъ можно упомянуть о статьѣ X, по которой жителямъ Швеціи и Финляндіи

---

[1]) Полный текстъ Фридрихсгамскаго мирнаго договора напечатанъ въ этомъ же томѣ въ приложеніи. Прим. изд.

безопасныхъ границъ»,—говорилось далѣе,—«измѣряемъ мы наипаче выгоды сего мира. Новыя владѣнія Наши, съ одной стороны огражденныя Свеаборгомъ и другими крѣпостями, обезпеченныя весьма важнымъ для морской силы положеніемъ Аландскихъ острововъ, съ другой окруженныя Ботническимъ заливомъ и отдѣленныя отъ сосѣдей большими рѣками Торнео и Муоніо, всегда будутъ составлять твердую и незыблемую ограду Имперіи Нашей». «Обладая всѣми портами и пристанями въ Финскомъ заливѣ, на Аландскихъ островахъ и во всей восточной части Ботническаго залива до самаго Торнео, въ странѣ плодоносной, изобилующей лѣсами и разными произведеніями земли, населенной народомъ трудолюбивымъ и къ мореходной промышленности издревле пріобыкшимъ, торговля Наша воспріиметъ новое расширеніе, купеческое мореплаваніе получитъ новую дѣятельность, а съ тѣмъ вмѣстѣ и воинское Наше морское ополченіе пріобрящетъ новыя силы».

Что могло, дѣйствительно, представляться Россіи лучше, полезнѣе этой перспективы! Душа великаго основателя Петербурга должна была возрадоваться и возликовать, видя, что планы его такъ свято исполняются его правнукомъ... Онъ, столько положившій въ основаніе Петербурга труда и жертвъ, онъ, осыпавшій всякими знаками вниманія иностранцевъ, пріѣзжавшихъ въ новую столицу, ласкавшій и привлекавшій ихъ туда всячески, онъ, полагавшій всю душу въ русское морское дѣло,—онъ могъ теперь спать спокойно въ своемъ гробѣ: царственный правнукъ его на всю Россію, болѣе—на всю Европу, возвѣщалъ, что торговля наша воспріиметъ новое расширеніе, купеческое мореплаваніе получитъ новую дѣятельность... Это были великія обѣщанія, отрадныя надежды, послѣдствія войны, съ лихвою окупавшія ея бремя. Да, великія обѣщанія!..

А мы, дѣти и внуки тѣхъ, кто съ восторгомъ слушалъ эти прекрасныя слова, исходившія отъ Благословеннаго Императора,—мы не съ умиленіемъ, а съ горечью въ сердцѣ слушаемъ и читаемъ печальную повѣсть нашихъ дней, не сказку, а быль, о томъ, что̀ съумѣли сдѣлать изъ этихъ отрадныхъ обѣщаній люди, глухіе къ пользамъ нашего отечества. «Обладая всѣми портами и пристанями въ Финскомъ заливѣ и въ восточной части Ботническаго залива, въ странѣ плодоносной, изобилующей лѣсами»... и пр. Гдѣ оно, это обладаніе, кому оно приноситъ пользу? Кто его сознаетъ?.. Насколько намъ, т. е. вообще Россіи, принесли выгоду эти въ своемъ родѣ богатыя земли, когда намъ буквально нельзя и вступить на нихъ?..

«Оградить Имперію естественными и твердыми предѣлами». Прежде граница была на рѣкѣ Кюмени, двѣсти или около того верстъ отъ Петербурга, а по манифесту должна отодвинуться совсѣмъ далеко, на самый сѣверъ, къ «большимъ рѣкамъ Торнео и Муоніо»... Передвиженіе границы дѣйствительно состоялось, только... ошиблось направленіемъ и, вмѣсто большихъ рѣкъ Торнео и Муоніо, она утвердилась на ручьѣ, называемомъ Сестрой-рѣкой, въ 30-ти верстахъ отъ Петербурга. Границу закрѣпили здѣсь, какъ слѣдуетъ, строгой таможней съ той и съ другой стороны.

«Наша торговля воспріиметъ новое расширеніе»... А наши купцы поднесь стучатъ во всѣ двери, чтобы ихъ пустили торговать въ этой «новой провинціи», «въ естественныхъ предѣлахъ Имперіи»—и имъ не отворяютъ. Поднимаютъ они на ноги всѣ русскія министерства, отстаивая свои права,—и на это имъ говорятъ, что русская торговля влечетъ за собою бродяжничество, вредъ, чуть не евангельскую проказу...

Дѣло въ томъ, что въ Финляндіи явилось свое правительство, которое вовсе не считаетъ нужнымъ знать о правительствѣ русскомъ. Финляндское государство, за идею котораго поотрубали головы при Густавѣ III, существуетъ воочію и заявляетъ о своемъ существованіи, обращая въ ничто манифесты и трактаты русскихъ государей... И все это сдѣлано втихомолку, подъ шумокъ, какъ дѣлаются дѣла, которыя боятся свѣта.

Взглянемъ теперь на самый мирный трактатъ 1809 года [1]), по которому Финляндія отошла къ Россіи, и на то, что дало основу учрежденію особаго финляндскаго «государства». Статья IV трактата: «Его величество король Шведскій, какъ за себя, такъ и за преемниковъ его престола и королевства шведскаго, отказывается неотмѣняемо и навсегда въ пользу Его Величества Императора всероссійскаго и преемниковъ его престола и Россійской Имперіи отъ всѣхъ своихъ правъ и притязаній на губерніи, ниже сего означенныя, завоеванныя оружіемъ Его Императорскаго Величества въ нынѣшнюю войну отъ державы шведской»... «Губерніи сіи, со всѣми жителями, городами, портами, крѣпостями, селеніями и островами, а равно ихъ принадлежности, преимущества, права и выгоды, будутъ отнынѣ состоять въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской и къ ней навсегда присоединяются». Вотъ буквальный текстъ основаній, на которыхъ послѣдовало присоединеніе.

Прочія статьи касаются подробностей. Изъ нихъ можно упомянуть о статьѣ X, по которой жителямъ Швеціи и Финляндіи

---

[1]) Полный текстъ Фридрихсгамскаго мирнаго договора напечатанъ въ этомъ же томѣ въ приложеніи. Прим. изд.

безопасныхъ границъ»,—говорилось далѣе,—«измѣряемъ мы наипаче выгоды сего мира. Новыя владѣнія Наши, съ одной стороны огражденныя Свеаборгомъ и другими крѣпостями, обезпеченныя весьма важнымъ для морской силы положеніемъ Аландскихъ острововъ, съ другой окруженныя Ботническимъ заливомъ и отдѣленныя отъ сосѣдей большими рѣками Торнео и Муоніо, всегда будутъ составлять твердую и незыблемую ограду Имперіи Нашей». «Обладая всѣми портами и пристанями въ Финскомъ заливѣ, на Аландскихъ островахъ и во всей восточной части Ботническаго залива до самаго Торнео, въ странѣ плодоносной, изобилующей лѣсами и разными произведеніями земли, населенной народомъ трудолюбивымъ и къ мореходной промышленности издревле пріобыкшимъ, торговля Наша воспріиметъ новое расширеніе, купеческое мореплаваніе получитъ новую дѣятельность, а съ тѣмъ вмѣстѣ и воинское Наше морское ополченіе пріобрящетъ новыя силы».

Что могло, дѣйствительно, представляться Россіи лучше, полезнѣе этой перспективы! Душа великаго основателя Петербурга должна была возрадоваться и возликовать, видя, что планы его такъ свято исполняются его правнукомъ... Онъ, столько положившій въ основаніе Петербурга труда и жертвъ, онъ, осыпавшій всякими знаками вниманія иностранцевъ, пріѣзжавшихъ въ новую столицу, ласкавшій и привлекавшій ихъ туда всячески, онъ, полагавшій всю душу въ русское морское дѣло,—онъ могъ теперь спать спокойно въ своемъ гробѣ: царственный правнукъ его на всю Россію, болѣе—на всю Европу, возвѣщалъ, что торговля наша воспріиметъ новое расширеніе, купеческое мореплаваніе получитъ новую дѣятельность... Это были великія обѣщанія, отрадныя надежды, послѣдствія войны, съ лихвою окупавшія ея бремя. Да, великія обѣщанія!..

А мы, дѣти и внуки тѣхъ, кто съ восторгомъ слушалъ эти прекрасныя слова, исходившія отъ Благословеннаго Императора,—мы не съ умиленіемъ, а съ горечью въ сердцѣ слушаемъ и читаемъ печальную повѣсть нашихъ дней, не сказку, а быль, о томъ, что̀ съумѣли сдѣлать изъ этихъ отрадныхъ обѣщаній люди, глухіе къ пользамъ нашего отечества. «Обладая всѣми портами и пристанями въ Финскомъ заливѣ и въ восточной части Ботническаго залива, въ странѣ плодоносной, изобилующей лѣсами»... и пр. Гдѣ оно, это обладаніе, кому оно приноситъ пользу? Кто его сознаетъ?.. Насколько намъ, т. е. вообще Россіи, принесли выгоду эти въ своемъ родѣ богатыя земли, когда намъ буквально нельзя и вступить на нихъ?..

«Оградить Имперію естественными и твердыми предѣлами». Прежде граница была на рѣкѣ Кюмени, двѣсти или около того верстъ отъ Петербурга, а по манифесту должна отодвинуться совсѣмъ далеко, на самый сѣверъ, къ «большимъ рѣкамъ Торнео и Муоніо»... Передвиженіе границы дѣйствительно состоялось, только... ошиблось направленіемъ и, вмѣсто большихъ рѣкъ Торнео и Муоніо, она утвердилась на ручьѣ, называемомъ Сестрой-рѣкой, въ 30-ти верстахъ отъ Петербурга. Границу закрѣпили здѣсь, какъ слѣдуетъ, строгой таможней съ той и съ другой стороны.

«Наша торговля воспріиметъ новое расширеніе»... А наши купцы поднесь стучатъ во всѣ двери, чтобы ихъ пустили торговать въ этой «новой провинціи», «въ естественныхъ предѣлахъ Имперіи»—и имъ не отворяютъ. Поднимаютъ они на ноги всѣ русскія министерства, отстаивая свои права,—и на это имъ говорятъ, что русская торговля влечетъ за собою бродяжничество, вредъ, чуть не евангельскую проказу...

Дѣло въ томъ, что въ Финляндіи явилось свое правительство, которое вовсе не считаетъ нужнымъ знать о правительствѣ русскомъ. Финляндское государство, за идею котораго поотрубали головы при Густавѣ III, существуетъ воочію и заявляетъ о своемъ существованіи, обращая въ ничто манифесты и трактаты русскихъ государей... И все это сдѣлано втихомолку, подъ шумокъ, какъ дѣлаются дѣла, которыя боятся свѣта.

Взглянемъ теперь на самый мирный трактатъ 1809 года [1]), по которому Финляндія отошла къ Россіи, и на то, что дало основу учрежденію особаго финляндскаго «государства». Статья IV трактата: «Его величество король Шведскій, какъ за себя, такъ и за преемниковъ его престола и королевства шведскаго, отказывается неотмѣняемо и навсегда въ пользу Его Величества Императора всероссійскаго и преемниковъ его престола и Россійской Имперіи отъ всѣхъ своихъ правъ и притязаній на губерніи, ниже сего означенныя, завоеванныя оружіемъ Его Императорскаго Величества въ нынѣшнюю войну отъ державы шведской»... «Губерніи сіи, со всѣми жителями, городами, портами, крѣпостями, селеніями и островами, а равно ихъ принадлежности, преимущества, права и выгоды, будутъ отнынѣ состоять въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской и къ ней навсегда присоединяются». Вотъ буквальный текстъ основаній, на которыхъ послѣдовало присоединеніе.

Прочія статьи касаются подробностей. Изъ нихъ можно упомянуть о статьѣ X, по которой жителямъ Швеціи и Финляндіи

---

[1]) Полный текстъ Фридрихсгамскаго мирнаго договора напечатанъ въ этомъ же томѣ въ приложеніи. Прим. изд.

предоставлено полное право въ теченіе трехъ лѣтъ окончательно водвориться тамъ или здѣсь и продать оставшееся въ покинутомъ краѣ имущество. Статья XVII оставляетъ торговлю между обѣими странами, т. е. Финляндіею и Швеціею, настолько же свободною, насколько она была и до войны. Этотъ пунктъ заслуживаетъ особеннаго вниманія въ параллели съ тѣмъ, въ какомъ положеніи очутилась торговля Россіи съ ея «новой провинціею».

Но затѣмъ нѣтъ нигдѣ никакихъ условій или даже оговорокъ относительно сохраненія, или огражденія, или предоставленія завоеванному краю особыхъ правъ, или же ограниченія правъ и преимуществъ побѣдителя. Никакихъ въ этомъ отношеніи обязательствъ ни единымъ словомъ не возложено на русскую Имперію или ея Государя и нельзя найти ихъ при самомъ казуистическомъ толкованіи трактата. Такова сущность условій Фридрихсгамскаго мира.

Но защитники финляндской обособленности находятъ, что этотъ трактатъ имѣлъ второстепенное значеніе, а что самая сущность дѣла заключается въ Боргоскомъ сеймѣ 1809 года, на которомъ состоялось «добровольное соглашеніе страны» съ Императоромъ Александромъ. Остановимся, поэтому, на боргоскомъ сеймѣ, или на ландтагѣ, и на томъ, что ему предшествовало. Но здѣсь умѣстно будетъ припомнить, что пресловутый сеймъ засѣдалъ въ первой половинѣ 1809 года, а трактатъ со Швеціею заключенъ 5 сентября, т. е. послѣ сейма. Онъ, слѣдовательно, уже обнималъ собою сущность боргоскихъ соглашеній или рѣшеній. Если бы эти послѣднія имѣли силу высшую, или, по крайней мѣрѣ, равную съ условіями трактата, то, разумѣется, они прямо или косвенно нашли бы себѣ мѣсто въ договорѣ, пріобрѣтавшемъ значеніе юридическое, и обязательность котораго не подлежитъ никакому спору. Онъ имѣетъ полный вѣсъ не только въ исторіи, но и въ области права. Между тѣмъ по трактату Императоръ Александръ оставилъ за собою полную свободу дѣйствій. Всѣ «права и преимущества» Финляндіи, какъ бы они ни были трактованы въ мартѣ въ Борго, въ сентябрѣ въ Фридрихсгамѣ онъ принялъ въ «собственность и державное обладаніе Имперіи Россійской» безусловно.

Какъ сказано выше, уже манифестомъ 5 (17) іюня 1808 года Финляндія включена въ составъ Россіи. Но самое событіе это слѣдуетъ считать совершившимся еще ранѣе. Объявленіемъ, послѣдовавшимъ тогда, именно 8 (20) апрѣля, отъ министра иностранныхъ дѣлъ графа Румянцева, по Высочайшему повелѣнію, всѣ жители Финляндіи извѣщались объ этомъ присоединеніи. Въ концѣ мая повелѣно присутственнымъ мѣстамъ именоваться «Императорскими». Потребовано принесеніе жителями присяги въ вѣрности Императору. Затѣмъ вмѣнено въ обязанность финляндцамъ, состоявшимъ

на службѣ въ шведскихъ войскахъ, въ теченіе шести недѣль принять русское подданство и возвратиться въ отечество.

Требованіе это было принято населеніемъ съ неудовольствіемъ, весьма, впрочемъ, понятнымъ. Война еще не была кончена, а сердца всѣхъ лежали естественно къ Швеціи. Тѣмъ не менѣе, присягу приносили впередъ, не считая себя ею связанными. Другіе брались за оружіе, захватывали русскихъ, расквартированныхъ въ странѣ. Профессоръ права въ абоской академіи, Калоніусъ, въ рѣчи своей при одномъ торжественномъ случаѣ, оплакивая тяжкія времена, когда подданные отрываются отъ ихъ законной власти, выражалъ надежду, что твердость шведскаго короля возстановитъ прежнее положеніе Финляндіи.

«Если же, говорилъ онъ, превратности военнаго счастія и отдали насъ матеріально въ руки врага, то души наши все-таки съ непреложной вѣрностью и съ неизмѣннымъ послушаніемъ принадлежатъ нашему прирожденному королю». Подобныя рѣчи и повсемѣстная борьба, въ которой приняли участіе поднявшіеся крестьяне, подъ предводительствомъ мѣстныхъ пасторовъ и чиновниковъ, вовсе не говорили о желаніи населенія мирно разрѣшить вопросъ о своемъ будущемъ. Въ половинѣ іюля военное счастіе какъ будто даже склонялось мѣстами на сторону финновъ, и это, разумѣется, не могло способствовать умиротворенію ихъ намѣреній.

Поэтому, если вслѣдъ затѣмъ начались въ Петербургѣ нѣкоторые переговоры относительно устройства финляндскихъ дѣлъ, то ихъ никакимъ образомъ нельзя приписать инціативѣ самой страны. Нужно было принять рѣшительныя мѣры къ установленію какого-нибудь порядка въ управленіи ея дѣлами. И русское правительство нашло полезнымъ посовѣщаться объ этомъ съ нѣсколькими представителями тѣхъ, кто фактически, если не душою, то тѣломъ, стали русскими подданными.

Въ этихъ видахъ въ іюлѣ было объявлено требованіе, чтобы изъ каждаго округа высланы были въ Петербургъ, для изложенія ихъ нуждъ и желаній, по одному дворянину, одному горожанину и одному крестьянину; духовенство требовалось по одному лицу отъ каждой изъ двухъ епархій.

Нѣкоторые округа не замедлили исполнить это требованіе; другіе возражали противъ порядка назначенія, указывая на существующія въ Швеціи основныя законоположенія для созыва государственныхъ чиновъ. Только послѣ повтореннаго требованія и разъясненія, что рѣчь идетъ вовсе не о ландтагѣ, депутаты стали дѣятельнѣе избираться; но и при этомъ многіе уклонялись отъ принятія на себя роли представителей, вѣроятно руководимые, между прочимъ, и тѣмъ соображеніемъ, что война еще не кончена

предоставлено полное право въ теченіе трехъ лѣтъ окончательно водвориться тамъ или здѣсь и продать оставшееся въ покинутомъ краѣ имущество. Статья XVII оставляетъ торговлю между обѣими странами, т. е. Финляндіею и Швеціею, настолько же свободною, насколько она была и до войны. Этотъ пунктъ заслуживаетъ особеннаго вниманія въ параллели съ тѣмъ, въ какомъ положеніи очутилась торговля Россіи съ ея «новой провинціею».

Но затѣмъ нѣтъ нигдѣ никакихъ условій или даже оговорокъ относительно сохраненія, или огражденія, или предоставленія завоеванному краю особыхъ правъ, или же ограниченія правъ и преимуществъ побѣдителя. Никакихъ въ этомъ отношеніи обязательствъ ни единымъ словомъ не возложено на русскую Имперію или ея Государя и нельзя найти ихъ при самомъ казуистическомъ толкованіи трактата. Такова сущность условій Фридрихсгамскаго мира.

Но защитники финляндской обособленности находятъ, что этотъ трактатъ имѣлъ второстепенное значеніе, а что самая сущность дѣла заключается въ Боргоскомъ сеймѣ 1809 года, на которомъ состоялось «добровольное соглашеніе страны» съ Императоромъ Александромъ. Остановимся, поэтому, на боргоскомъ сеймѣ, или на ландтагѣ, и на томъ, что ему предшествовало. Но здѣсь умѣстно будетъ припомнить, что пресловутый сеймъ засѣдалъ въ первой половинѣ 1809 года, а трактатъ со Швеціею заключенъ 5 сентября, т. е. послѣ сейма. Онъ, слѣдовательно, уже обнималъ собою сущность боргоскихъ соглашеній или рѣшеній. Если бы эти послѣднія имѣли силу высшую, или, по крайней мѣрѣ, равную съ условіями трактата, то, разумѣется, они прямо или косвенно нашли бы себѣ мѣсто въ договорѣ, пріобрѣтавшемъ значеніе юридическое, и обязательность котораго не подлежитъ никакому спору. Онъ имѣетъ полный вѣсъ не только въ исторіи, но и въ области права. Между тѣмъ по трактату Императоръ Александръ оставилъ за собою полную свободу дѣйствій. Всѣ «права и преимущества» Финляндіи, какъ бы они ни были трактованы въ мартѣ въ Борго, въ сентябрѣ въ Фридрихсгамѣ онъ принялъ въ «собственность и державное обладаніе Имперіи Россійской» безусловно.

Какъ сказано выше, уже манифестомъ 5 (17) іюня 1808 года Финляндія включена въ составъ Россіи. Но самое событіе это слѣдуетъ считать совершившимся еще ранѣе. Объявленіемъ, послѣдовавшимъ тогда, именно 8 (20) апрѣля, отъ министра иностранныхъ дѣлъ графа Румянцева, по Высочайшему повелѣнію, всѣ жители Финляндіи извѣщались объ этомъ присоединеніи. Въ концѣ мая повелѣно присутственнымъ мѣстамъ именоваться «Императорскими». Потребовано принесеніе жителями присяги въ вѣрности Императору. Затѣмъ вмѣнено въ обязанность финляндцамъ, состоявшимъ

на службѣ въ шведскихъ войскахъ, въ теченіе шести недѣль принять русское подданство и возвратиться въ отечество.

Требованіе это было принято населеніемъ съ неудовольствіемъ, весьма, впрочемъ, понятнымъ. Война еще не была кончена, а сердца всѣхъ лежали естественно къ Швеціи. Тѣмъ не менѣе, присягу приносили впередъ, не считая себя ею связанными. Другіе брались за оружіе, захватывали русскихъ, расквартированныхъ въ странѣ. Профессоръ права въ абоской академіи, Калоніусъ, въ рѣчи своей при одномъ торжественномъ случаѣ, оплакивая тяжкія времена, когда подданные отрываются отъ ихъ законной власти, выражалъ надежду, что твердость шведскаго короля возстановитъ прежнее положеніе Финляндіи.

«Если же, говорилъ онъ, превратности военнаго счастія и отдали насъ матеріально въ руки врага, то души наши все-таки съ непреложной вѣрностью и съ неизмѣннымъ послушаніемъ принадлежатъ нашему прирожденному королю». Подобныя рѣчи и повсемѣстная борьба, въ которой приняли участіе поднявшіеся крестьяне, подъ предводительствомъ мѣстныхъ пасторовъ и чиновниковъ, вовсе не говорили о желаніи населенія мирно разрѣшить вопросъ о своемъ будущемъ. Въ половинѣ іюля военное счастіе какъ будто даже склонялось мѣстами на сторону финновъ, и это, разумѣется, не могло способствовать умиротворенію ихъ намѣреній.

Поэтому, если вслѣдъ затѣмъ начались въ Петербургѣ нѣкоторые переговоры относительно устройства финляндскихъ дѣлъ, то ихъ никакимъ образомъ нельзя приписать инициативѣ самой страны. Нужно было принять рѣшительныя мѣры къ установленію какого-нибудь порядка въ управленіи ея дѣлами. И русское правительство нашло полезнымъ посовѣщаться объ этомъ съ нѣсколькими представителями тѣхъ, кто фактически, если не душою, то тѣломъ, стали русскими подданными.

Въ этихъ видахъ въ іюлѣ было объявлено требованіе, чтобы изъ каждаго округа высланы были въ Петербургъ, для изложенія ихъ нуждъ и желаній, по одному дворянину, одному горожанину и одному крестьянину; духовенство требовалось по одному лицу отъ каждой изъ двухъ епархій.

Нѣкоторые округа не замедлили исполнить это требованіе; другіе возражали противъ порядка назначенія, указывая на существующія въ Швеціи основныя законоположенія для созыва государственныхъ чиновъ. Только послѣ повтореннаго требованія и разъясненія, что рѣчь идетъ вовсе не о ландтагѣ, депутаты стали дѣятельнѣе избираться; но и при этомъ многіе уклонялись отъ принятія на себя роли представителей, вѣроятно руководимые, между прочимъ, и тѣмъ соображеніемъ, что война еще не кончена

предоставлено полное право въ теченіе трехъ лѣтъ окончательно водвориться тамъ или здѣсь и продать оставшееся въ покинутомъ краѣ имущество. Статья XVII оставляетъ торговлю между обѣими странами, т. е. Финляндіею и Швеціею, настолько же свободною, насколько она была и до войны. Этотъ пунктъ заслуживаетъ особеннаго вниманія въ параллели съ тѣмъ, въ какомъ положеніи очутилась торговля Россіи съ ея «новой провинціею».

Но затѣмъ нѣтъ нигдѣ никакихъ условій или даже оговорокъ относительно сохраненія, или огражденія, или предоставленія завоеванному краю особыхъ правъ, или же ограниченія правъ и преимуществъ побѣдителя. Никакихъ въ этомъ отношеніи обязательствъ ни единымъ словомъ не возложено на русскую Имперію или ея Государя и нельзя найти ихъ при самомъ казуистическомъ толкованіи трактата. Такова сущность условій Фридрихсгамскаго мира.

Но защитники финляндской обособленности находятъ, что этотъ трактатъ имѣлъ второстепенное значеніе, а что самая сущность дѣла заключается въ Боргоскомъ сеймѣ 1809 года, на которомъ состоялось «добровольное соглашеніе страны» съ Императоромъ Александромъ. Остановимся, поэтому, на боргоскомъ сеймѣ, или на ландтагѣ, и на томъ, что ему предшествовало. Но здѣсь умѣстно будетъ припомнить, что пресловутый сеймъ засѣдалъ въ первой половинѣ 1809 года, а трактатъ со Швеціею заключенъ 5 сентября, т. е. послѣ сейма. Онъ, слѣдовательно, уже обнималъ собою сущность боргоскихъ соглашеній или рѣшеній. Если бы эти послѣднія имѣли силу высшую, или, по крайней мѣрѣ, равную съ условіями трактата, то, разумѣется, они прямо или косвенно нашли бы себѣ мѣсто въ договорѣ, пріобрѣтавшемъ значеніе юридическое, и обязательность котораго не подлежитъ никакому спору. Онъ имѣетъ полный вѣсъ не только въ исторіи, но и въ области права. Между тѣмъ по трактату Императоръ Александръ оставилъ за собою полную свободу дѣйствій. Всѣ «права и преимущества» Финляндіи, какъ бы они ни были трактованы въ мартѣ въ Борго, въ сентябрѣ въ Фридрихсгамѣ онъ принялъ въ «собственность и державное обладаніе Имперіи Россійской» безусловно.

Какъ сказано выше, уже манифестомъ 5 (17) іюня 1808 года Финляндія включена въ составъ Россіи. Но самое событіе это слѣдуетъ считать совершившимся еще ранѣе. Объявленіемъ, послѣдовавшимъ тогда, именно 8 (20) апрѣля, отъ министра иностранныхъ дѣлъ графа Румянцева, по Высочайшему повелѣнію, всѣ жители Финляндіи извѣщались объ этомъ присоединеніи. Въ концѣ мая повелѣно присутственнымъ мѣстамъ именоваться «Императорскими». Потребовано принесеніе жителями присяги въ вѣрности Императору. Затѣмъ вмѣнено въ обязанность финляндцамъ, состоявшимъ

на службѣ въ шведскихъ войскахъ, въ теченіе шести недѣль принять русское подданство и возвратиться въ отечество.

Требованіе это было принято населеніемъ съ неудовольствіемъ, весьма, впрочемъ, понятнымъ. Война еще не была кончена, а сердца всѣхъ лежали естественно къ Швеціи. Тѣмъ не менѣе, присягу приносили впередъ, не считая себя ею связанными. Другіе брались за оружіе, захватывали русскихъ, расквартированныхъ въ странѣ. Профессоръ права въ абоской академіи, Калоніусъ, въ рѣчи своей при одномъ торжественномъ случаѣ, оплакивая тяжкія времена, когда подданные отрываются отъ ихъ законной власти, выражалъ надежду, что твердость шведскаго короля возстановитъ прежнее положеніе Финляндіи.

«Если же, говорилъ онъ, превратности военнаго счастія и отдали насъ матеріально въ руки врага, то души наши все-таки съ непреложной вѣрностью и съ неизмѣннымъ послушаніемъ принадлежатъ нашему прирожденному королю». Подобныя рѣчи и повсемѣстная борьба, въ которой приняли участіе поднявшіеся крестьяне, подъ предводительствомъ мѣстныхъ пасторовъ и чиновниковъ, вовсе не говорили о желаніи населенія мирно разрѣшить вопросъ о своемъ будущемъ. Въ половинѣ іюля военное счастіе какъ будто даже склонялось мѣстами на сторону финновъ, и это, разумѣется, не могло способствовать умиротворенію ихъ намѣреній.

Поэтому, если вслѣдъ затѣмъ начались въ Петербургѣ нѣкоторые переговоры относительно устройства финляндскихъ дѣлъ, то ихъ никакимъ образомъ нельзя приписать инціативѣ самой страны. Нужно было принять рѣшительныя мѣры къ установленію какого-нибудь порядка въ управленіи ея дѣлами. И русское правительство нашло полезнымъ посовѣщаться объ этомъ съ нѣсколькими представителями тѣхъ, кто фактически, если не душою, то тѣломъ, стали русскими подданными.

Въ этихъ видахъ въ іюлѣ было объявлено требованіе, чтобы изъ каждаго округа высланы были въ Петербургъ, для изложенія ихъ нуждъ и желаній, по одному дворянину, одному горожанину и одному крестьянину; духовенство требовалось по одному лицу отъ каждой изъ двухъ епархій.

Нѣкоторые округа не замедлили исполнить это требованіе; другіе возражали противъ порядка назначенія, указывая на существующія въ Швеціи основныя законоположенія для созыва государственныхъ чиновъ. Только послѣ повтореннаго требованія и разъясненія, что рѣчь идетъ вовсе не о ландтагѣ, депутаты стали дѣятельнѣе избираться; но и при этомъ многіе уклонялись отъ принятія на себя роли представителей, вѣроятно руководимые, между прочимъ, и тѣмъ соображеніемъ, что война еще не кончена

предоставлено полное право въ теченіе трехъ лѣтъ окончательно водвориться тамъ или здѣсь и продать оставшееся въ покинутомъ краѣ имущество. Статья XVII оставляетъ торговлю между обѣими странами, т. е. Финляндіею и Швеціею, настолько же свободною, насколько она была и до войны. Этотъ пунктъ заслуживаетъ особеннаго вниманія въ параллели съ тѣмъ, въ какомъ положеніи очутилась торговля Россіи съ ея «новой провинціею».

Но затѣмъ нѣтъ нигдѣ никакихъ условій или даже оговорокъ относительно сохраненія, или огражденія, или предоставленія завоеванному краю особыхъ правъ, или же ограниченія правъ и преимуществъ побѣдителя. Никакихъ въ этомъ отношеніи обязательствъ ни единымъ словомъ не возложено на русскую Имперію или ея Государя и нельзя найти ихъ при самомъ казуистическомъ толкованіи трактата. Такова сущность условій Фридрихсгамскаго мира.

Но защитники финляндской обособленности находятъ, что этотъ трактатъ имѣлъ второстепенное значеніе, а что самая сущность дѣла заключается въ Боргоскомъ сеймѣ 1809 года, на которомъ состоялось «добровольное соглашеніе страны» съ Императоромъ Александромъ. Остановимся, поэтому, на боргоскомъ сеймѣ, или на ландтагѣ, и на томъ, что ему предшествовало. Но здѣсь умѣстно будетъ припомнить, что пресловутый сеймъ засѣдалъ въ первой половинѣ 1809 года, а трактатъ со Швеціею заключенъ 5 сентября, т. е. послѣ сейма. Онъ, слѣдовательно, уже обнималъ собою сущность боргоскихъ соглашеній или рѣшеній. Если бы эти послѣднія имѣли силу высшую, или, по крайней мѣрѣ, равную съ условіями трактата, то, разумѣется, они прямо или косвенно нашли бы себѣ мѣсто въ договорѣ, пріобрѣтавшемъ значеніе юридическое, и обязательность котораго не подлежитъ никакому спору. Онъ имѣетъ полный вѣсъ не только въ исторіи, но и въ области права. Между тѣмъ по трактату Императоръ Александръ оставилъ за собою полную свободу дѣйствій. Всѣ «права и преимущества» Финляндіи, какъ бы они ни были трактованы въ мартѣ въ Борго, въ сентябрѣ въ Фридрихсгамѣ онъ принялъ въ «собственность и державное обладаніе Имперіи Россійской» безусловно.

Какъ сказано выше, уже манифестомъ 5 (17) іюня 1808 года Финляндія включена въ составъ Россіи. Но самое событіе это слѣдуетъ считать совершившимся еще ранѣе. Объявленіемъ, послѣдовавшимъ тогда, именно 8 (20) апрѣля, отъ министра иностранныхъ дѣлъ графа Румянцева, по Высочайшему повелѣнію, всѣ жители Финляндіи извѣщались объ этомъ присоединеніи. Въ концѣ мая повелѣно присутственнымъ мѣстамъ именоваться «Императорскими». Потребовано принесеніе жителями присяги въ вѣрности Императору. Затѣмъ вмѣнено въ обязанность финляндцамъ, состоявшимъ

на службѣ въ шведскихъ войскахъ, въ теченіе шести недѣль принять русское подданство и возвратиться въ отечество.

Требованіе это было принято населеніемъ съ неудовольствіемъ, весьма, впрочемъ, понятнымъ. Война еще не была кончена, а сердца всѣхъ лежали естественно къ Швеціи. Тѣмъ не менѣе, присягу приносили впередъ, не считая себя ею связанными. Другіе брались за оружіе, захватывали русскихъ, расквартированныхъ въ странѣ. Профессоръ права въ абоской академіи, Калоніусъ, въ рѣчи своей при одномъ торжественномъ случаѣ, оплакивая тяжкія времена, когда подданные отрываются отъ ихъ законной власти, выражалъ надежду, что твердость шведскаго короля возстановитъ прежнее положеніе Финляндіи.

«Если же, говорилъ онъ, превратности военнаго счастія и отдали насъ матеріально въ руки врага, то души наши все-таки съ непреложной вѣрностью и съ неизмѣннымъ послушаніемъ принадлежатъ нашему прирожденному королю». Подобныя рѣчи и повсемѣстная борьба, въ которой приняли участіе поднявшіеся крестьяне, подъ предводительствомъ мѣстныхъ пасторовъ и чиновниковъ, вовсе не говорили о желаніи населенія мирно разрѣшить вопросъ о своемъ будущемъ. Въ половинѣ іюля военное счастіе какъ будто даже склонялось мѣстами на сторону финновъ, и это, разумѣется, не могло способствовать умиротворенію ихъ намѣреній.

Поэтому, если вслѣдъ затѣмъ начались въ Петербургѣ нѣкоторые переговоры относительно устройства финляндскихъ дѣлъ, то ихъ никакимъ образомъ нельзя приписать инціативѣ самой страны. Нужно было принять рѣшительныя мѣры къ установленію какого-нибудь порядка въ управленіи ея дѣлами. И русское правительство нашло полезнымъ посовѣщаться объ этомъ съ нѣсколькими представителями тѣхъ, кто фактически, если не душою, то тѣломъ, стали русскими подданными.

Въ этихъ видахъ въ іюлѣ было объявлено требованіе, чтобы изъ каждаго округа высланы были въ Петербургъ, для изложенія ихъ нуждъ и желаній, по одному дворянину, одному горожанину и одному крестьянину; духовенство требовалось по одному лицу отъ каждой изъ двухъ епархій.

Нѣкоторые округа не замедлили исполнить это требованіе; другіе возражали противъ порядка назначенія, указывая на существующія въ Швеціи основныя законоположенія для созыва государственныхъ чиновъ. Только послѣ повтореннаго требованія и разъясненія, что рѣчь идетъ вовсе не о ландтагѣ, депутаты стали дѣятельнѣе избираться; но и при этомъ многіе уклонялись отъ принятія на себя роли представителей, вѣроятно руководимые, между прочимъ, и тѣмъ соображеніемъ, что война еще не кончена

и что при измѣнившихся обстоятельствахъ положеніе ихъ будетъ болѣе чѣмъ щекотливо.

Только поздно осенью прибыла въ Петербургъ эта, такъ называемая, финляндская депутація, и то не въ полномъ составѣ; выборные отъ двухъ губерній прибыли даже въ началѣ слѣдующаго года. Изъ медленности, съ которою она собралась, изъ тѣхъ возраженій, которыя противъ ея состава дѣлались, и изъ двукратныхъ настояній правительства о присылкѣ выборныхъ ясно видно, насколько само населеніе желало входить и по своему будто бы побужденію входило въ переговоры о присоединеніи къ Россіи. Изъ этого же видно, насколько умѣстно присваивать этой, силою вытребованной, депутаціи названіе «посольства», которымъ финляндскіе историки, не стѣсняясь, окрестили ее.

Безспорно, совѣщаніе съ представителями завоеванной страны не было дѣломъ совсѣмъ ординарнымъ; но не должно забывать, что запутанныя отношенія и неоконченная война могли побуждать выслушать этихъ представителей, хотя бы для того, чтобы нѣсколько уладить отношенія.

Съ другой стороны, тогдашнее политическое новаторство съ Сперанскимъ во главѣ было въ апогеѣ своихъ увлеченій. Конституціонныя мечты въ отношеніи ко всей Россіи, очень смутныя, разумѣется, по неимѣнію подъ ногами почвы, находили возможность вылиться хотя сколько-нибудь въ реальную форму.

Финляндія, которая извѣдала на себѣ разныя перипетіи шведскаго представительства, давала счастливую возможность эксперимента, результатъ котораго облагодѣтельствовалъ бы затѣмъ въ широкомъ примѣненіи и всю Россію.

Депутація представилась Императору 18 (30) ноября 1808 г. въ зимнемъ дворцѣ, съ фрейгеромъ Маннергеймомъ во главѣ. Рѣчь его, произнесенная на французскомъ языкѣ, была предварительно просмотрѣна графомъ Салтыковымъ, и нѣкоторыя мѣста, напр., о нѣжныхъ связяхъ, существовавшихъ шестьсотъ лѣтъ между Финляндіею и Швеціей, выкинуты. Сущность рѣчи Маннергейма состояла въ увѣреніи, что они, депутаты, явившіеся по Высочайшему повелѣнію, представляютъ собою свободный, но покорный закону народъ; что этотъ народъ являлъ менѣе подвиговъ, достойныхъ удивленія, но болѣе вѣрности и преданности законноустановленной власти, несмотря на всѣ превратности судьбы въ теченіе шестивѣковой связи со Швеціею; что теперь, при перемѣнѣ участи, когда, благодаря великодушію побѣдителя, открываются Финляндіи новые горизонты счастія и процвѣтанія, онъ, Государь, найдетъ въ жителяхъ ея вѣрныхъ подданныхъ, особенно, когда Его Величество, внушивъ удивленіе всей Европѣ и любовь своимъ прежнимъ под-

даннымъ, намѣренъ уготовать счастіе и финскому народу. Представители разныхъ мѣстностей говорили отъ лица своихъ земляковъ, благодаря за полученныя увѣренія въ томъ, что ихъ религія, законы, права и преимущества останутся нетронутыми. Въ отвѣтъ на эти заявленія Императоръ Александръ приказалъ передать свое благоволеніе за выраженныя вѣрноподданническія чувства и удостовѣрилъ, что благо финляндцевъ и ихъ права приметъ подъ свое покровительство. Тѣмъ кончился пріемъ. Какъ во дворецъ, такъ и изъ дворца депутаты были отправлены въ придворныхъ экипажахъ, что одинъ финляндскій историкъ отмѣчаетъ съ особеннымъ удареніемъ.

Онъ видитъ въ этомъ, вѣроятно, несомнѣнный признакъ того, что депутаты были не простые люди, вытребованные по волѣ Государя, а настоящіе посланники финской державы.

На другой день депутація представила записку, въ которой, изложивъ существующія экономическія отношенія, предлагала, по мѣрѣ силъ и разумѣнія, способы къ улучшенію бѣдственнаго положенія страны. При этомъ повергалось на милостивое усмотрѣніе Государя, насколько было бы нужно созвать сословія въ самой странѣ, чтобы быть въ извѣстности о взглядахъ самого народа въ дѣлѣ, касающемся общаго блага. Къ заявленію этому присоединялись самыя изысканныя выраженія почитанія и любви къ его Величеству, повиновенія его повелѣніямъ и благодарности за его благодѣянія.

Отвѣтъ на представленія депутаціи послѣдовалъ 4 (16) января 1809 г. чрезъ Спренгпортена,—бывшаго заговорщика 1788 года, искавшаго спасенія въ Россіи и нынѣ назначеннаго генералъ-губернаторомъ Финляндіи. Нѣкоторые пункты удостоились утвержденія; другіе отложены до установленія правильныхъ властей; по инымъ предположено спросить заключенія земскихъ чиновъ.

Затѣмъ «посланники» получили позволеніе отправиться по домамъ, бывъ осыпаны орденами, перстнями и т. п. Дворяне получили, кромѣ того, по 500 червонцевъ на путевыя издержки.

Спрашивается: гдѣ же, во всемъ этомъ, тотъ договоръ, такъ сказать, контрактъ, который, по мнѣнію финномановъ, былъ заключенъ съ Императоромъ Александромъ. Просили, дѣйствительно, очень просили; благодарить—очень благодарили, даже за одни только обѣщанія;—но гдѣ же д о г о в о р ъ, т. е. соглашеніе на равную ногу? Его нѣтъ, и быть не могло, потому что говорилъ побѣдитель съ побѣжденнымъ, власть имѣющій съ подвластнымъ, Государь 50-ти милліоновъ съ представителями покоренныхъ имъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ народа.

и что при измѣнившихся обстоятельствахъ положеніе ихъ будетъ болѣе чѣмъ щекотливо.

Только поздно осенью прибыла въ Петербургъ эта, такъ называемая, финляндская депутація, и то не въ полномъ составѣ; выборные отъ двухъ губерній прибыли даже въ началѣ слѣдующаго года. Изъ медленности, съ которою она собралась, изъ тѣхъ возраженій, которыя противъ ея состава дѣлались, и изъ двукратныхъ настояній правительства о присылкѣ выборныхъ ясно видно, насколько само населеніе желало входить и по своему будто бы побужденію входило въ переговоры о присоединеніи къ Россіи. Изъ этого же видно, насколько умѣстно присваивать этой, силою вытребованной, депутаціи названіе «посольства», которымъ финляндскіе историки, не стѣсняясь, окрестили ее.

Безспорно, совѣщаніе съ представителями завоеванной страны не было дѣломъ совсѣмъ ординарнымъ; но не должно забывать, что запутанныя отношенія и неоконченная война могли побуждать выслушать этихъ представителей, хотя бы для того, чтобы нѣсколько уладить отношенія.

Съ другой стороны, тогдашнее политическое новаторство съ Сперанскимъ во главѣ было въ апогеѣ своихъ увлеченій. Конституціонныя мечты въ отношеніи ко всей Россіи, очень смутныя, разумѣется, по неимѣнію подъ ногами почвы, находили возможность вылиться хотя сколько-нибудь въ реальную форму.

Финляндія, которая извѣдала на себѣ разныя перипетіи шведскаго представительства, давала счастливую возможность эксперимента, результатъ котораго облагодѣтельствовалъ бы затѣмъ въ широкомъ примѣненіи и всю Россію.

Депутація представилась Императору 18 (30) ноября 1808 г. въ зимнемъ дворцѣ, съ фрейгеромъ Маннергеймомъ во главѣ. Рѣчь его, произнесенная на французскомъ языкѣ, была предварительно просмотрѣна графомъ Салтыковымъ, и нѣкоторыя мѣста, напр., о нѣжныхъ связяхъ, существовавшихъ шестьсотъ лѣтъ между Финляндіею и Швеціей, выкинуты. Сущность рѣчи Маннергейма состояла въ увѣреніи, что они, депутаты, явившіеся по Высочайшему повелѣнію, представляютъ собою свободный, но покорный закону народъ; что этотъ народъ являлъ менѣе подвиговъ, достойныхъ удивленія, но болѣе вѣрности и преданности законноустановленной власти, несмотря на всѣ превратности судьбы въ теченіе шестивѣковой связи со Швеціею; что теперь, при перемѣнѣ участи, когда, благодаря великодушію побѣдителя, открываются Финляндіи новые горизонты счастія и процвѣтанія, онъ, Государь, найдетъ въ жителяхъ ея вѣрныхъ подданныхъ, особенно, когда Его Величество, внушивъ удивленіе всей Европѣ и любовь своимъ прежнимъ под-

даннымъ, намѣренъ уготовать счастіе и финскому народу. Представители разныхъ мѣстностей говорили отъ лица своихъ земляковъ, благодаря за полученныя увѣренія въ томъ, что ихъ религія, законы, права и преимущества останутся нетронутыми. Въ отвѣтъ на эти заявленія Императоръ Александръ приказалъ передать свое благоволеніе за выраженныя вѣрноподданническія чувства и удостовѣрилъ, что благо финляндцевъ и ихъ права приметъ подъ свое покровительство. Тѣмъ кончился пріемъ. Какъ во дворецъ, такъ и изъ дворца депутаты были отправлены въ придворныхъ экипажахъ, что̀ одинъ финляндскій историкъ отмѣчаетъ съ особеннымъ удареніемъ.

Онъ видитъ въ этомъ, вѣроятно, несомнѣнный признакъ того, что депутаты были не простые люди, вытребованные по волѣ Государя, а настоящіе посланники финской державы.

На другой день депутація представила записку, въ которой, изложивъ существующія экономическія отношенія, предлагала, по мѣрѣ силъ и разумѣнія, способы къ улучшенію бѣдственнаго положенія страны. При этомъ повергалось на милостивое усмотрѣніе Государя, насколько было бы нужно созвать сословія въ самой странѣ, чтобы быть въ извѣстности о взглядахъ самого народа въ дѣлѣ, касающемся общаго блага. Къ заявленію этому присоединялись самыя изысканныя выраженія почитанія и любви къ его Величеству, повиновенія его повелѣніямъ и благодарности за его благодѣянія.

Отвѣтъ на представленія депутаціи послѣдовалъ 4 (16) января 1809 г. чрезъ Спренгпортена,—бывшаго заговорщика 1788 года, искавшаго спасенія въ России и нынѣ назначеннаго генералъ-губернаторомъ Финляндіи. Нѣкоторые пункты удостоились утвержденія; другіе отложены до установленія правильныхъ властей; по инымъ предположено спросить заключенія земскихъ чиновъ.

Затѣмъ «посланники» получили позволеніе отправиться по домамъ, бывъ осыпаны орденами, перстнями и т. п. Дворяне получили, кромѣ того, по 500 червонцевъ на путевыя издержки.

Спрашивается: гдѣ же, во всемъ этомъ, тотъ договоръ, такъ сказать, контрактъ, который, по мнѣнію финномановъ, былъ заключенъ съ Императоромъ Александромъ. Просили, дѣйствительно, очень просили; благодарить—очень благодарили, даже за одни только обѣщанія;—но гдѣ же договоръ, т. е. соглашеніе на равную ногу? Его нѣтъ, и быть не могло, потому что говорилъ побѣдитель съ побѣжденнымъ, власть имѣющій съ подвластнымъ, Государь 50-ти милліоновъ съ представителями покоренныхъ имъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ народа.

Все дѣло было, слѣдовательно, въ доброй волѣ самого Императора. Снисходя къ просьбамъ и увѣреніямъ, которымъ симпатизировали и его личные взгляды, онъ согласился на созваніе сейма. Но это не помѣшало ему, по своему же усмотрѣнію, включить затѣмъ въ Фридрихсгамскій договоръ статью о томъ, что права и преимущества Финляндіи остаются въ державномъ обладаніи Россійской Имперіи. По его же, наконецъ, усмотрѣнію, финляндскій сеймъ, послѣ 1809 года, въ теченіе 17-ти лѣтъ его царствованія не былъ болѣе ни разу созываемъ. Такъ же поступалъ Императоръ Николай въ теченіе цѣлыхъ 30-ти лѣтъ... Не играйте же словами въ такомъ важномъ дѣлѣ, и не называйте обязательствомъ того, чему прямое и точное имя—милость!

Тѣмъ временемъ Сперанскій былъ назначенъ офиціальнымъ докладчикомъ у Государя по финляндскимъ дѣламъ. Ему въ помощь данъ финляндецъ, фрейгеръ Робертъ Ребиндеръ, бывшій въ числѣ депутатовъ представителемъ абоскаго суда.

Тогда же приняты были нѣкоторыя правительственныя мѣры. Учреждено подъ предсѣдательствомъ генералъ-губернатора особое правленіе въ Тавастгусѣ. Установлено печатаніе правительственныхъ распоряженій въ офиціальныхъ изданіяхъ въ Петербургѣ и въ Або. Государственному казначею повелѣно, по соглашенію съ генералъ-губернаторомъ, ввести русскую гербовую бумагу. Въ виду угрожавшаго странѣ, особенно ея сѣверу, голода, по волѣ Государя, посланы были зерновой хлѣбъ и соль, частію въ пособіе, частію на продажу. Въ другихъ мѣстахъ оказывались иныя пособія, такъ какъ нужда и разореніе вездѣ были ужасны.

Но идеальныя стремленія Сперанскаго не могли долго оставаться праздными: уже 20 января (1 февраля) 1809 года послѣдовалъ созывъ финляндскаго сейма. Едва-ли не съ этого момента начинается рядъ уступокъ, ничтожныхъ самихъ по себѣ, но съ теченіемъ времени возросшихъ до размѣра серьезныхъ затрудненій. Это были горчичныя зерна, которыя едва видны глазу, но когда разрастутся, то птицы прилетаютъ и скрываются въ вѣтвяхъ ихъ. Сперанскій былъ изъ тѣхъ русскихъ, какихъ, къ несчастію, много и въ настоящее время: онъ хотѣлъ быть европейцемъ въ ущербъ русскому—и заслужилъ названіе измѣнника. Это имя грубо и несправедливо въ томъ смыслѣ, какой ему тогда придавали. Но какъ государственный дѣятель, пожертвовавшій—хотя бы въ отношеніи Финляндіи—прямыми пользами своей страны изъ-за погони за либерализмомъ и теоретическими мечтаніями,—онъ передъ своимъ отечествомъ виновенъ. Дѣло истиннаго государственнаго мужа—смотрѣть въ будущее. Финляндскіе историки превозносятъ его похвалами,—и тѣмъ хуже для него, ибо его чествуютъ за то, что ради Финляндіи онъ поступился пользами Россіи.

Созывъ на сеймъ, за Высочайшимъ подписаніемъ, появился 20 января 1809 года. По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, Государемъ былъ подписанъ шведскій текстъ. Въ какихъ видахъ и кому сдѣлана была такая уступка—сказать трудно, тѣмъ болѣе, что съ являвшеюся передъ тѣмъ депутаціею объясненія происходили по-французски. Вѣроятнѣе всего, это одна изъ тѣхъ уступокъ, одно изъ тѣхъ «легкихъ» отношеній къ дѣлу, о которыхъ сейчасъ упомянуто, хотя едва ли любовь къ Государю, если таковая дѣйствительно была въ финскихъ сердцахъ, умалилась бы и на одну іоту, если бы имъ былъ подписанъ не шведскій, а русскій текстъ, для опубликованія же сдѣланы были бы переводы шведскій и финскій. Но, кажется, по-фински воззваніе вовсе не было напечатано. Выходило, слѣдовательно, что для массы народа не сдѣлано было въ этомъ случаѣ ничего, пожертвовано же сразу въ пользу одного только немногочисленнаго высшаго класса.

Въ этомъ воззваніи Императоръ Александръ впервые называлъ себя Великимъ Княземъ Финляндскимъ. Вотъ оно (въ переводѣ съ нѣмецкаго).

«Мы, Александръ Первый, Божіею милостію Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Великій Князь Финляндскій и проч., шлемъ милостивый привѣтъ вамъ, Наши возлюбленные и вѣрные подданные, жители Великаго Княжества Финляндскаго, графы, господа, дворяне, епископы, духовные, граждане и крестьяне.

«Такъ какъ Божіимъ Промысломъ и успѣхами Нашего оружія Великое Княжество Финляндіи навсегда соединено съ Нашею Имперіею, то счастіе обитателей его сдѣлалось однимъ изъ первыхъ предметовъ Нашего попеченія. Будучи увѣрены, что всѣ сословія Финляндіи не преминутъ содѣйствовать осуществленію Нашихъ высокихъ намѣреній въ достиженіи этой столь дорогой Нашему сердцу цѣли, Мы повелѣли и симъ повелѣваемъ, чтобы сообразно законамъ страны собрался въ городѣ Борго на 10-е марта этого года всеобщій сеймъ. Всѣ представители сословій должны тамъ находиться, какъ установляютъ правила сейма, чтобы обсудить тѣ дѣла, которыя Мы признаемъ за благо предоставить ихъ разсмотрѣнію».

Nota bene: «которыя Мы признаемъ за благо предоставить ихъ разсмотрѣнію», а не тѣ, что они сами вздумаютъ предлагать и разсматривать.

Можно себѣ представить, каково было произвести выборы въ краѣ, который еще весь находился подъ впечатлѣніемъ войны; отдаленный громъ ея слышался еще и въ то время, когда ландтагъ уже засѣдалъ.

Трудно было побѣдить и недовѣріе къ созываемому собранію, когда призывъ шелъ отъ врага, еще воевавшаго. Генералъ-губер-

натору было не мало хлопотъ, особенно съ мѣстнымъ дворянствомъ, которому духъ противорѣчія былъ наслѣдственно прирожденъ. Ему разъясняли, его убѣждали въ томъ, что и малѣйшую льготу, исходящую отъ побѣдителя, надо принимать съ благодарностію, ибо по законамъ войны онъ могъ бы сдѣлать своею властію все, что бы ни заблагоразсудилъ.

Самое названіе «ландтага» было употреблено вмѣсто шведскаго «риксдага», быть можетъ, для того, чтобы освоить населеніе съ подчиненнымъ его положеніемъ; а можетъ быть и для того, чтобы показать, что занятія его будутъ заключаться лишь въ сферѣ мѣстныхъ, а не государственныхъ интересовъ. Впрочемъ, во всемъ остальномъ сохранены были всѣ формы шведскаго устава. Была даже въ крошечномъ городкѣ Борго учреждена особая должность штатгальтера, по примѣру Стокгольма. Задача этого государственнаго дѣятеля состояла, впрочемъ, въ... пріисканіи квартиръ для сейма и его принадлежностей. Для засѣданій не нашлось иного помѣщенія, кромѣ учебныхъ комнатъ гимназіи. Въ Або, быть можетъ, и оказалось бы что-либо болѣе подходящее, но городъ этотъ былъ очень близко къ мѣсту военныхъ дѣйствій, и на его долю не выпало счастіе быть на крестинахъ новаго финляндскаго «государства».

Самый ландтагъ образовался, главнымъ образомъ, изъ представителей дворянства: ихъ было 60 и они перевѣшивали прочія сословія, вмѣстѣ взятыя. Отъ духовенства было только 8 делегатовъ, отъ горожанъ 19 и отъ крестьянъ 30; итого недворянъ 57. Уже эта пропорція говорила ясно, насколько всеобщія нужды и пользы ограждены этимъ всесословнымъ собраніемъ. Къ тому же, изъ крестьянъ 5/6, т. е. 26 человѣкъ... не понимали по-шведски.

Государь самъ пожелалъ открыть сеймъ. Ему сопутствовалъ Сперанскій. Въ невзрачномъ домикѣ, обратившемся въ данномъ случаѣ во «дворецъ», представлены были Александру всѣ сословія; а на другой день, 16/28 марта, въ упомянутомъ гимназическомъ залѣ торжественно открытъ самый сеймъ. При этомъ произнесена, опять на французскомъ языкѣ, тронная рѣчь, которую генералъ-губернаторъ передавалъ по-шведски. Затѣмъ вручены были Высочайшія предложенія сейму. Они написаны были тоже по-шведски, и въ числѣ не болѣе четырехъ, именно: о военной защитѣ, о взиманіи казенныхъ податей, о денежныхъ дѣлахъ и объ управленіи страны.

На другой день, послѣ богослуженія въ городскомъ соборѣ, приносилась Государю присяга, на которую онъ отвѣчалъ: «Глубоко тронутый, я принимаю клятву вѣрности и повиновенія, принесенную мнѣ жителями Финляндіи чрезъ ихъ законно избран-

натору было не мало хлопотъ, особенно съ мѣстнымъ дворянствомъ, которому духъ противорѣчія былъ наслѣдственно прирожденъ. Ему разъясняли, его убѣждали въ томъ, что и малѣйшую льготу, исходящую отъ побѣдителя, надо принимать съ благодарностію, ибо по законамъ войны онъ могъ бы сдѣлать своею властію все, что бы ни заблагоразсудилъ.

Самое названіе «ландтага» было употреблено вмѣсто шведскаго «риксдага», быть можетъ, для того, чтобы освоить населеніе съ подчиненнымъ его положеніемъ; а можетъ быть и для того, чтобы показать, что занятія его будутъ заключаться лишь въ сферѣ мѣстныхъ, а не государственныхъ интересовъ. Впрочемъ, во всемъ остальномъ сохранены были всѣ формы шведскаго устава. Была даже въ крошечномъ городкѣ Борго учреждена особая должность штатгальтера, по примѣру Стокгольма. Задача этого государственнаго дѣятеля состояла, впрочемъ, въ... прiисканiи квартиръ для сейма и его принадлежностей. Для засѣданій не нашлось иного помѣщенія, кромѣ учебныхъ комнатъ гимназіи. Въ Або, быть можетъ, и оказалось бы что-либо болѣе подходящее, но городъ этотъ былъ очень близко къ мѣсту военныхъ дѣйствій, и на его долю не выпало счастіе быть на крестинахъ новаго финляндскаго «государства».

Самый ландтагъ образовался, главнымъ образомъ, изъ представителей дворянства: ихъ было 60 и они перевѣшивали прочія сословія, вмѣстѣ взятыя. Отъ духовенства было только 8 делегатовъ, отъ горожанъ 19 и отъ крестьянъ 30; итого недворянъ 57. Уже эта пропорція говорила ясно, насколько всеобщія нужды и пользы ограждены этимъ всесословнымъ собраніемъ. Къ тому же, изъ крестьянъ $^{5}/_{6}$, т. е. 26 человѣкъ... не понимали по-шведски.

Государь самъ пожелалъ открыть сеймъ. Ему сопутствовалъ Сперанскій. Въ невзрачномъ домикѣ, обратившемся въ данномъ случаѣ во «дворецъ», представлены были Александру всѣ сословія; а на другой день, 16/28 марта, въ упомянутомъ гимназическомъ залѣ торжественно открытъ самый сеймъ. При этомъ произнесена, опять на французскомъ языкѣ, тронная рѣчь, которую генералъ-губернаторъ передавалъ по-шведски. Затѣмъ вручены были Высочайшія предложенія сейму. Они написаны были тоже по-шведски, и въ числѣ не болѣе четырехъ, именно: о военной защитѣ, о взиманіи казенныхъ податей, о денежныхъ дѣлахъ и объ управленіи страны.

На другой день, послѣ богослуженія въ городскомъ соборѣ, приносилась Государю присяга, на которую онъ отвѣчалъ: «Глубоко тронутый, я принимаю клятву вѣрности и повиновенія, принесенную мнѣ жителями Финляндіи чрезъ ихъ законно избран-

натору было не мало хлопотъ, особенно съ мѣстнымъ дворянствомъ, которому духъ противорѣчія былъ наслѣдственно прирожденъ. Ему разъясняли, его убѣждали въ томъ, что и малѣйшую льготу, исходящую отъ побѣдителя, надо принимать съ благодарностію, ибо по законамъ войны онъ могъ бы сдѣлать своею властію все, что бы ни заблагоразсудилъ.

Самое названіе «ландтага» было употреблено вмѣсто шведскаго «риксдага», быть можетъ, для того, чтобы освоить населеніе съ подчиненнымъ его положеніемъ; а можетъ быть и для того, чтобы показать, что занятія его будутъ заключаться лишь въ сферѣ мѣстныхъ, а не государственныхъ интересовъ. Впрочемъ, во всемъ остальномъ сохранены были всѣ формы шведскаго устава. Была даже въ крошечномъ городкѣ Борго учреждена особая должность штатгальтера, по примѣру Стокгольма. Задача этого государственнаго дѣятеля состояла, впрочемъ, въ... пріисканіи квартиръ для сейма и его принадлежностей. Для засѣданій не нашлось иного помѣщенія, кромѣ учебныхъ комнатъ гимназіи. Въ Або, быть можетъ, и оказалось бы что-либо болѣе подходящее, но городъ этотъ былъ очень близко къ мѣсту военныхъ дѣйствій, и на его долю не выпало счастіе быть на крестинахъ новаго финляндскаго «государства».

Самый ландтагъ образовался, главнымъ образомъ, изъ представителей дворянства: ихъ было 60 и они перевѣшивали прочія сословія, вмѣстѣ взятыя. Отъ духовенства было только 8 делегатовъ, отъ горожанъ 19 и отъ крестьянъ 30; итого недворянъ 57. Уже эта пропорція говорила ясно, насколько всеобщія нужды и пользы ограждены этимъ всесословнымъ собраніемъ. Къ тому же, изъ крестьянъ $^{5}/_{6}$, т. е. 26 человѣкъ... не понимали по-шведски.

Государь самъ пожелалъ открыть сеймъ. Ему сопутствовалъ Сперанскій. Въ невзрачномъ домикѣ, обратившемся въ данномъ случаѣ во «дворецъ», представлены были Александру всѣ сословія; а на другой день, 16/28 марта, въ упомянутомъ гимназическомъ залѣ торжественно открытъ самый сеймъ. При этомъ произнесена, опять на французскомъ языкѣ, тронная рѣчь, которую генералъ-губернаторъ передавалъ по-шведски. Затѣмъ вручены были Высочайшія предложенія сейму. Они написаны были тоже по-шведски, и въ числѣ не болѣе четырехъ, именно: о военной защитѣ, о взиманіи казенныхъ податей, о денежныхъ дѣлахъ и объ управленіи страны.

На другой день, послѣ богослуженія въ городскомъ соборѣ, приносилась Государю присяга, на которую онъ отвѣчалъ: «Глубоко тронутый, я принимаю клятву вѣрности и повиновенія, принесенную мнѣ жителями Финляндіи чрезъ ихъ законно избран-

ныхъ представителей. Узы, соединяющія Меня съ вами, укрѣпленныя заявленіями вашей свободной любви и освѣщенныя настоящимъ торжествомъ, будутъ отнынѣ еще дороже Моему сердцу, еще отраднѣе Моимъ чувствамъ. Сохраняя вамъ вашу вѣру и ваши основные законы, я тѣмъ самымъ свидѣтельствую, какую цѣну даю вашимъ заявленіямъ любви и вѣрности. Призываю Всемогущаго Бога, да дастъ Онъ мнѣ силу и мудрость управлять этимъ достойнымъ народомъ, соблюдая его законы по велѣніямъ вѣчной правды».

Затѣмъ генералъ-губернаторъ прочелъ шведскій переводъ написаннаго на русскомъ языкѣ и подписаннаго Александромъ въ день пріѣзда въ Борго акта, составляющаго основной камень всѣхъ послѣдующихъ стремленій Финляндіи къ обособленному отъ Россіи положенію.

«Мы, Александръ Первый, и проч., объявляемъ чрезъ сіе, что Мы, принявъ по произволенію Промысла Божія въ обладаніе Наше Великое Княжество Финляндское, симъ удостовѣряемъ и утверждаемъ религію и основные законы страны, также какъ и права и преимущества, которыми до сихъ поръ пользовались сообразно конституціи каждое изъ сословій въ означенномъ Великомъ Княжествѣ въ частности, и всѣ его жители вообще, какъ высшіе, такъ и низшіе, каковыя права и постановленія Мы будемъ твердо и въ полной силѣ соблюдать. Для вящшаго удостовѣренія сего, настоящую грамоту мы собственноручно подписали. Дано въ Борго, $^{15}/_{27}$ марта 1809 года» [1]).

Александръ оставался въ Борго три дня. Въ честь его данъ балъ въ томъ же гимназическомъ залѣ. Члены сейма по очереди были приглашаемы къ Высочайшему столу. Высказывались порой нѣжныя чувства. Александръ, какъ извѣстно, имѣлъ прирожденную способность плѣнять людей, его окружающихъ, и легко можетъ быть, что тѣ увѣренія въ преданности и любви, которыя въ это время повергались къ его стопамъ со стороны финляндцевъ, шли отъ сердца и не были только офиціальными тирадами. Послѣ трехъ дней Государь уѣхалъ. Побывъ въ Або и Тавастгусѣ, на обратномъ пути онъ издалъ въ Борго новое воззваніе къ жителямъ Финляндіи, такъ сказать, послѣдній привѣтъ. Въ немъ повторялись прежнія увѣренія въ томъ, что отеческія попеченія о благополучіи и счастіи финляндцевъ будутъ получать новыя доказательства. Далѣе особо указывалось на ту присягу, которую принесли чины ландтага вообще и особенно крестьяне, какъ за себя, такъ и за своихъ земляковъ. Это особое упоминаніе явилось естественно,

---

[1]) Этотъ актъ, равнымъ образомъ, взятъ, къ сожалѣнію, не съ русскаго подлинника, а съ перевода.

натору было не мало хлопотъ, особенно съ мѣстнымъ дворянствомъ, которому духъ противорѣчія былъ наслѣдственно прирожденъ. Ему разъясняли, его убѣждали въ томъ, что и малѣйшую льготу, исходящую отъ побѣдителя, надо принимать съ благодарностію, ибо по законамъ войны онъ могъ бы сдѣлать своею властію все, что бы ни заблагоразсудилъ.

Самое названіе «ландтага» было употреблено вмѣсто шведскаго «риксдага», быть можетъ, для того, чтобы освоить населеніе съ подчиненнымъ его положеніемъ; а можетъ быть и для того, чтобы показать, что занятія его будутъ заключаться лишь въ сферѣ мѣстныхъ, а не государственныхъ интересовъ. Впрочемъ, во всемъ остальномъ сохранены были всѣ формы шведскаго устава. Была даже въ крошечномъ городкѣ Борго учреждена особая должность штатгальтера, по примѣру Стокгольма. Задача этого государственнаго дѣятеля состояла, впрочемъ, въ... пріисканіи квартиръ для сейма и его принадлежностей. Для засѣданій не нашлось иного помѣщенія, кромѣ учебныхъ комнатъ гимназіи. Въ Або, быть можетъ, и оказалось бы что-либо болѣе подходящее, но городъ этотъ былъ очень близко къ мѣсту военныхъ дѣйствій, и на его долю не выпало счастіе быть на крестинахъ новаго финляндскаго «государства».

Самый ландтагъ образовался, главнымъ образомъ, изъ представителей дворянства: ихъ было 60 и они перевѣшивали прочія сословія, вмѣстѣ взятыя. Отъ духовенства было только 8 делегатовъ, отъ горожанъ 19 и отъ крестьянъ 30; итого недворянъ 57. Уже эта пропорція говорила ясно, насколько всеобщія нужды и пользы ограждены этимъ всесословнымъ собраніемъ. Къ тому же, изъ крестьянъ $^{5}/_{6}$, т. е. 26 человѣкъ... не понимали по-шведски.

Государь самъ пожелалъ открыть сеймъ. Ему сопутствовалъ Сперанскій. Въ невзрачномъ домикѣ, обратившемся въ данномъ случаѣ во «дворецъ», представлены были Александру всѣ сословія; а на другой день, 16/28 марта, въ упомянутомъ гимназическомъ залѣ торжественно открытъ самый сеймъ. При этомъ произнесена, опять на французскомъ языкѣ, тронная рѣчь, которую генералъ-губернаторъ передавалъ по-шведски. Затѣмъ вручены были Высочайшія предложенія сейму. Они написаны были тоже по-шведски, и въ числѣ не болѣе четырехъ, именно: о военной защитѣ, о взиманіи казенныхъ податей, о денежныхъ дѣлахъ и объ управленіи страны.

На другой день, послѣ богослуженія въ городскомъ соборѣ, приносилась Государю присяга, на которую онъ отвѣчалъ: «Глубоко тронутый, я принимаю клятву вѣрности и повиновенія, принесенную мнѣ жителями Финляндіи чрезъ ихъ законно избран-

ныхъ представителей. Узы, соединяющія Меня съ вами, укрѣпленныя заявленіями вашей свободной любви и освѣщенныя настоящимъ торжествомъ, будутъ отнынѣ еще дороже Моему сердцу, еще отраднѣе Моимъ чувствамъ. Сохраняя вамъ вашу вѣру и ваши основные законы, я тѣмъ самымъ свидѣтельствую, какую цѣну даю вашимъ заявленіямъ любви и вѣрности. Призываю Всемогущаго Бога, да дастъ Онъ мнѣ силу и мудрость управлять этимъ достойнымъ народомъ, соблюдая его законы по велѣніямъ вѣчной правды».

Затѣмъ генералъ-губернаторъ прочелъ шведскій переводъ написаннаго на русскомъ языкѣ и подписаннаго Александромъ въ день пріѣзда въ Борго акта, составляющаго основной камень всѣхъ послѣдующихъ стремленій Финляндіи къ обособленному отъ Россіи положенію.

«Мы, Александръ Первый, и проч., объявляемъ чрезъ сіе, что Мы, принявъ по произволенію Промысла Божія въ обладаніе Наше Великое Княжество Финляндское, симъ удостовѣряемъ и утверждаемъ религію и основные законы страны, также какъ и права и преимущества, которыми до сихъ поръ пользовались сообразно конституціи каждое изъ сословій въ означенномъ Великомъ Княжествѣ въ частности, и всѣ его жители вообще, какъ высшіе, такъ и низшіе, каковыя права и постановленія Мы будемъ твердо и въ полной силѣ соблюдать. Для вящшаго удостовѣренія сего, настоящую грамоту мы собственноручно подписали. Дано въ Борго, $^{15}/_{27}$ марта 1809 года» [1]).

Александръ оставался въ Борго три дня. Въ честь его данъ балъ въ томъ же гимназическомъ залѣ. Члены сейма по очереди были приглашаемы къ Высочайшему столу. Высказывались порой нѣжныя чувства. Александръ, какъ извѣстно, имѣлъ прирожденную способность плѣнять людей, его окружающихъ, и легко можетъ быть, что тѣ увѣренія въ преданности и любви, которыя въ это время повергались къ его стопамъ со стороны финляндцевъ, шли отъ сердца и не были только офиціальными тирадами. Послѣ трехъ дней Государь уѣхалъ. Побывъ въ Або и Тавастгусѣ, на обратномъ пути онъ издалъ въ Борго новое воззваніе къ жителямъ Финляндіи, такъ сказать, послѣдній привѣтъ. Въ немъ повторялись прежнія увѣренія въ томъ, что отеческія попеченія о благополучіи и счастіи финляндцевъ будутъ получать новыя доказательства. Далѣе особо указывалось на ту присягу, которую принесли чины ландтага вообще и особенно крестьяне, какъ за себя, такъ и за своихъ земляковъ. Это особое упоминаніе явилось естественно,

---

[1]) Этотъ актъ, равнымъ образомъ, взятъ, къ сожалѣнію, не съ русскаго подлинника, а съ перевода.

потому что, проѣзжая вдоль всей южной части страны, онъ не могъ не видѣть, что положеніе ея, особенно крестьянъ, у которыхъ ружья еще дымились отъ недавнихъ выстрѣловъ и сердца были полны злобы за понесенное разореніе,—далеко не такъ благопріятно для него, какъ рисовалось оно въ рѣчахъ боргоскихъ представителей.

Засѣданія сейма продолжались долго, и только 7 (19) іюля они закрыты самимъ Государемъ, который съ этою цѣлью опять пріѣзжалъ въ Борго. Произнесена была новая французская рѣчь. Указывалось на полную свободу, которая предоставлена была сужденіямъ, и на взаимное довѣріе. Это довѣріе должны были депутаты, по возвращеніи на родину, внушить своимъ землякамъ, равно какъ и убѣжденіе въ преимуществахъ настоящаго ихъ политическаго положенія, въ ненарушимости законовъ, въ личной безопасности, въ неприкосновенности права собственности. Отъѣздомъ Александра, а за нимъ и всѣхъ депутатовъ, каждаго восвояси, можно считать оконченною трагикомедію, разыгравшуюся въ Борго. Комическаго въ ней было довольно, начиная съ оберъ-штатгальтеровъ, герольдовъ, трубныхъ звуковъ, и т. п., но болѣе было трагическаго въ томъ самоотверженіи, при которомъ какъ бы забыто, что этотъ самый финскій народъ вызванъ къ жизни русскими жертвами, потоками русской крови... Той крови, которую нашъ нынѣ царствующій Государь[1]) предъ лицомъ всего свѣта, называетъ «дорогою русскою кровью». Впрочемъ, если цѣною пролитой крови покупалось благосостояніе вчерашнему врагу, а русскому народу, за пролитую имъ кровь, за потраченные милліоны трудовыхъ его рублей, наносился несомнѣнный вредъ, то винить слѣдуетъ, разумѣется, не умыселъ, а тѣ увлеченія, которыя въ то время царили, и то незнаніе, то отсутствіе практическаго плана, строго опредѣленнаго пути, которымъ правительство руководилось бы, установляя отношенія свои, побѣдителя къ побѣжденному. Оно само не давало себѣ яснаго отчета въ томъ, что будетъ. Оно витало въ розовыхъ идеяхъ, которыя вовсе не мирились съ прозою жизни. Если же противъ воли наталкивалось на эту прозу, то скорѣе отворачивалось отъ нея.

Правда, между совѣтниками Александра были такіе, которые косо глядѣли на финляндскія затѣи, но для Сперанскаго не наступилъ еще 1812 годъ, и онъ бралъ верхъ.

Неопредѣленность плана дѣйствій сказывалась въ самыхъ существенныхъ вещахъ. Одна рука писала боргоскія хартіи, увѣренія и обѣщанія; другая въ то же время присоединяла Финляндію безусловно къ Россіи, какъ ея интегральную часть. Одинъ внушалъ,

---

[1]) Императоръ Александръ II.

Мало того, даже русскихъ защитниковъ своей родины они не обязывались содержать на свой счетъ. Такая великая льгота не могла быть взята ими по праву, потому что такого права нѣтъ и не было, а дана она исключительно милостью Государя.

По второму пункту—о взиманіи податей—Александръ заявилъ, что имъ уже повелѣно, еще во время войны, прекратить нѣкоторые сборы, существовавшіе отъ шведскихъ временъ, какъ обременительные для страны. Теперь предлагалось только обсудить, какимъ путемъ привести всѣ разнообразные налоги и сборы въ большее единообразіе и систему. Кромѣ того, поручено составить исчисленіе доходовъ Финляндіи, дабы сообразно съ тѣмъ опредѣлить и расходы по управленію.

Въ этомъ отношеніи въ сеймѣ проектированы были разныя измѣненія въ расходныхъ статьяхъ; но онѣ оставлены безъ движенія, такъ какъ сдѣлалось извѣстнымъ, что правительство ихъ не утвердитъ. Доходъ отъ штемпельной бумаги назначено обращать въ пользу Финляндіи и для того учреждена особая контора.

Императоръ, съ своей стороны, объявилъ сейму по этому пункту, что для себя лично онъ не желаетъ никакого отчисленія изъ финляндскихъ суммъ.

Такимъ образомъ, новое «государство» учреждалось и въ этомъ отношеніи совсѣмъ на особый манеръ; содержаніе высшей власти ему ничего не стоило. Могло ли бы это быть, если бы устанавливалось дѣйствительно новое «государство»?...

По третьему вопросу—принятъ за основную монетную единицу металлическій серебряный рубль, раздѣленный на 100 копѣекъ. На него должны были быть дѣлаемы всѣ расчеты съ казною, уплачиваемы штрафы и т. п.

Шведскія металлическія деньги оставлены въ странѣ въ частномъ обращеніи. Кредитные русскіе рубли, которые упали тогда до половины стоимости, принимались казною въ уплату по среднему прошлогоднему курсу; бумажные шведскіе риксдалеры въ частныхъ сдѣлкахъ обращались по курсу существующему. Принудительное обращеніе кредитныхъ рублей отмѣнено. Предложено учрежденіе особаго «вексельнаго и заемнаго банка» подъ покровительствомъ Государя, и въ основной капиталъ испрашивалось у Его Величества, по крайней мѣрѣ, милліонъ рублей. Наконецъ, проектированъ особый монетный дворъ. Но такъ какъ не было надежды, чтобы всѣмъ дѣламъ этимъ данъ былъ желаемый ходъ до заключенія мира, то просили о созваніи для того новаго ландтага.

Учрежденіе финляндскаго банка состоялось чрезъ $2^1/_2$ года, но ландтагъ, несмотря на заявленіе, созванъ не былъ.

тогдашнихъ нашихъ законодателей: укрѣпляли на неопредѣленное время, и безусловно, шведскій языкъ, какъ обязательный, пожалуй, какъ государственный, въ то самое время, какъ на томъ самомъ Боргоскомъ сеймѣ 5/6 представителей крестьянскаго сословія вовсе не понимали шведскаго языка!.. И хорошо было представительное собраніе, въ которомъ столько глухонѣмыхъ членовъ!

Между тѣмъ извѣстно, что населеніе Финляндіи преимущественно крестьянское. Въ 1870 году, на 1.773,000 населенія, на города приходилось всего 137,500 человѣкъ, т. е. менѣе 8%. Почти для всѣхъ остальныхъ 90% шведскій языкъ—непонятная грамота. E pur si muove.

Чтобы кончить съ тѣмъ, какъ устроилось управленіе дѣлами Финляндіи по ея присоединеніи, упомяну, что бывшая съ 1802 года особая комиссія для дѣлъ Выборгской губерніи упразднена, и указомъ Правительствующему Сенату отъ 20-го іюля 1810 года образована «подъ собственнымъ вѣдѣніемъ Нашимъ» особая комиссія финляндскихъ дѣлъ, которая и снабжена отъ Государя особыми правилами. Докладывалъ все еще Сперанскій. Но уже въ слѣдующемъ 1811 году, 25 октября, образованъ совершенно особый комитетъ финляндскихъ дѣлъ и назначенъ особый статсъ-секретарь изъ финляндцевъ, Ребиндеръ, бывшій съ 1809 года помощникомъ Сперанскаго. Гораздо позднѣе переименовали его, для большаго рельефа обособленности, въ министры-статсъ-секретари.

Въ томъ же 1811 году, полтора мѣсяца позже, 11 декабря, состоялось и окончательное разрушеніе дѣлъ Петра, Елизаветы, Екатерины: такъ называемая старая Финляндія, т. е. Выборгская губернія, бывшая въ коренномъ составѣ Россіи 108 лѣтъ, отдѣлена отъ нея и присоединена къ новой Финляндіи, вошла въ это «новое государство». Русскія власти всѣ были тотчасъ же изгнаны; подати, поступавшія въ русскую казну,—пошли въ казну финляндскую...

Въ то же время, или нѣсколько ранѣе, вслѣдъ по заключеніи мира, послѣдовалъ именной указъ петербургскому военному генералъ-губернатору «о поступленіи съ пріѣзжающими финляндцами по тѣмъ же правиламъ, какъ и съ прибывающими изъ внутреннихъ губерній». Они признаны, слѣдовательно, въ Россіи равноправными съ русскими.

Но признаны ли русскіе равноправными съ финляндцами въ завоеванной Финляндіи?..

Въ заключеніе этого обзора—краткій эпизодъ, похожій на анекдотъ, но характеризующій тѣ взгляды, которыми сразу начали руководиться финляндскіе дѣятели.

Какъ извѣстно, Финляндія хлѣбомъ не богата; случалось, что отъ голода вымирала седьмая часть населенія,—только, не больше. Но въ 1812 году оказались кое-какіе запасы или, вѣрнѣе, избытки. Финляндцы, не обинуясь, закрыли свои границы для ввоза хлѣба. 27 марта послѣдовалъ Высочайшій манифестъ: «по донесеніи Намъ финляндскаго генералъ-губернатора и тамошняго правительственнаго совѣта, количество находящагося нынѣ въ Финляндіи хлѣба превышаетъ собственную въ ономъ надобность того края, и неограниченный привозъ онаго въ Финляндію непремѣнно можетъ влечь за собою упадокъ тамошнему хлѣбопашеству, по причинѣ невывоза собственнаго урожая той страны и пониженія оному цѣнъ...» Поэтому запрещено ввозить въ Финляндію, какъ изъ чужихъ краевъ, такъ и изъ россійскихъ губерній, всякаго рода хлѣбъ, кромѣ пшеницы и муки крупичатой и пшеничной.

Это называлось: «торговля наша воспріиметъ новое расширеніе...» Но, увы! Не хвали день раньше вечера. Только наступила первая весна, какъ судьба жестоко посмѣялась надъ запретителями. Уже 8-го іюля того же года состоялся именной указъ Сенату о дозволеніи привоза въ Выборгскую губернію хлѣба изъ Петербургской и Олонецкой губерній. А двѣ недѣли позже, манифестомъ 24 іюля, позволено, впредь до времени, привозить, уже вообще, въ Финляндію всякаго рода хлѣбъ и изъ другихъ провинцій...

1877 г.

Погрѣшность редакціи 4-ой статьи т. I Свода зак. Основныхъ [1].

Въ основныхъ законахъ Россійской Имперіи, въ томѣ I, имѣется 4-ая статья, слѣдующаго содержанія:

«Съ Императорскимъ Всероссійскимъ престоломъ нераздѣльны суть престолы Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго».

Такимъ образомъ, оказывается, самъ русскій законъ признаетъ существованіе отдѣльнаго финляндскаго престола и даетъ, повидимому, безспорное право финскимъ домогательствамъ на независимое отъ Россіи существованіе. И въ самомъ дѣлѣ, финскіе писатели и чиновники полагаютъ 4-ю статью во главу угла ихъ такъ

---

[1] «Русскій Вѣстникъ» 1888, 12. Въ основныхъ законахъ изданія 1906 г. эта статья исключена. Прим. изд.

называемаго государственнаго права. Къ сожалѣнію, эта статья побуждаетъ и нѣкоторыхъ русскихъ юристовъ допускать существованіе финляндскаго государства.

Но въ дѣйствительности финскаго или финляндскаго престола не было установлено никакимъ законодательнымъ актомъ ни русскихъ Государей, ни шведскихъ королей. Финляндія, съ именемъ герцогства, явилась не надолго при Эрикѣ XIV (1560—1568), братъ котораго Іоаннъ, съ титуломъ герцога Финляндскаго, водворенъ былъ въ Або. Вскорѣ, однако, онъ низвергъ Эрика и занялъ его мѣсто. Герцогство ограничивалось къ тому же лишь малою долей нынѣшней Финляндіи, именно Аландскими островами, западною частью Нюландской и сѣверною Абоской губерній. Короли сохраняли только титулъ герцоговъ финляндскихъ и столѣтіями не бывали въ Финляндіи. Со времени же великой сѣверной войны, когда часть этой области отошла къ Россіи, шведскіе короли прекратили пользоваться и титуломъ.

Лишь въ 1802 году, при Густавѣ Адольфѣ IV, питавшемъ личную непріязнь къ Императору Александру, по рожденіи второго сына, Карла-Густава, ему присвоенъ былъ титулъ Великаго Князя Финляндскаго. Въ отвѣтъ Александръ Павловичъ повелѣлъ Выборгскую губернію, входившую еще съ Петра Великаго въ составъ Имперіи, наименовать Финляндской губерніею.

Вотъ и все, что говоритъ исторія. Но и по другимъ условіямъ 4-ая ст. вовсе не должна бы имѣть мѣста въ сводѣ законовъ. Подъ нею указано 9 цитатъ. Изъ нихъ 4-ая (1815 г., мая 9, № 25842) и 7-ая (1832 г., февраля 14, № 5165, ст. 2), касаясь исключительно Польши, не имѣютъ никакого отношенія къ дѣламъ финляндскимъ. Затѣмъ: 1-ая цитата—1808 г., марта 20-го, № 22911,—манифестъ о покореніи шведской Финляндіи и о присоединеніи оной навсегда къ Россіи. Въ немъ сказано:

«Страну сію оружіемъ Нашимъ такимъ образомъ покоренную, Мы присоединяемъ отнынѣ навсегда къ Россійской Имперіи, и вслѣдствіе того повелѣли Мы принять отъ обывателей ея присягу на вѣрное престолу Нашему подданство».

Иностраннымъ дворамъ о событіи этомъ объявлено было дипломатическимъ путемъ, Наполеону же Императоръ Александръ сообщилъ о семъ собственноручнымъ письмомъ, въ которомъ объяснилъ и свойство присоединенія: «j'ai declaré la Finlande Suédoise province Russe» [1]).

---

[1]) Проектъ письма писанъ карандашомъ собственноручно Александромъ I и хранится въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Въ манифестѣ отъ 5 (17) іюня 1808 года (въ полное собраніе законовъ Россійской Имперіи не включенъ), обращенномъ къ «Намъ вѣрноподданнымъ обывателямъ новоприсоединенной Финляндіи всякаго чина и состоянія», по принесеніи уже присяги,—сказано также: «По непреложнымъ судьбамъ Вышняго, благославляющаго оружіе Наше, присоединивъ навсегда Финляндію къ Россіи, съ удовольствіемъ Мы зрѣли торжественные обѣты, обывателями сего края принесенные на вѣрное и вѣчное ихъ скипетру Россійскому подданство». И далѣе: «Въ чредѣ народовъ, скипетру Россійскому подвластныхъ и единую Имперію составляющихъ, обыватели новоприсоединенной Финляндіи съ сего времени восприняли навсегда свое мѣсто».

Еще далѣе: «Подъ сѣнію Престола Нашего покоются многочисленные народы, судьбы ихъ равно сердцу Нашему драгоцѣнны; вступивъ въ составъ Имперіи Нашей, вы пріобрѣли тѣмъ самымъ равныя права съ ними».

И еще далѣе: «Вѣрные обыватели Финляндіи! Будьте тверды и «непоколебимы въ преданности вашей къ Россіи. Слово Наше о сохраненіи васъ въ единствѣ есть непреложно».

Всѣ эти выдержки достаточно показываютъ, что въ цитатѣ 1-ой нѣтъ никакого основанія для включенія въ ст. 4-ю упоминанія о «престолѣ» Великаго Княжества Финляндскаго.

2-ая и 3-ья цитаты 1811 г., декабря 11 (24907) и 31 (24934), имѣютъ въ виду: одна—манифестъ «о наименованіи старой и новой Финляндіи совокупно Финляндіею», въ которомъ сказано: «Прежняя Финляндская губернія, наравнѣ съ губерніями въ Финляндіи существующими, отнынѣ состоять будутъ въ главномъ управленіи для сей страны Нами учреждаемомъ».

Другая цитата содержитъ въ себѣ подробности этого учрежденія. Дѣло идетъ, слѣдовательно, не о финляндскомъ престолѣ, а о главномъ управленіи.

Единственный документъ, давшій достаточный, повидимому, поводъ къ появленію 4 ст., заключается въ 5-ой цитатѣ, манифестъ 12 декабря 1825 г. о вступленіи на престолъ Императора Николая Павловича. Въ немъ, дѣйствительно, сказано: «...вступая на Пра-«родительскій престолъ Всероссійской Имперіи и на нераздѣль-«ные съ нимъ престолы Царства Польскаго и Великаго Кня-«жества Финляндскаго, повелѣваемъ...» и пр.

Но если сличить эти строки съ сущностью всего вышесказаннаго, то здѣсь несомнѣнно вкралась неточность изложенія [1]); въ

---

[1]) Слѣдуетъ не упускать изъ виду обстоятельствъ, при коихъ манифестъ былъ написанъ.

нее редакторъ впалъ вслѣдствіе упоминанія тутъ же о престолѣ Царства Польскаго, который тогда и фактически и юридически признавался. О коронѣ польской и о вѣнчаніи ею упоминалось въ актахъ даже 1832 г. Ничего подобнаго не было въ отношеніи къ Финляндіи, о коронѣ которой и тѣмъ болѣе о вѣнчаніи нигдѣ не могло быть даже и намека.

Дѣйствительно, не далѣе, какъ въ слѣдующемъ 1826 г. (цит. 6-ая) манифестъ 22 августа (№ 537)—«о порядкѣ наслѣдія Всероссійскаго престола и объ опекѣ и правительствѣ на случай кончины Государя Императора до законнаго совершеннолѣтія наслѣдника»,—исправилъ погрѣшность на счетъ престола Финляндскаго. Въ манифестѣ говорилось: «...постановляемъ: Первое, какъ дни жизни Нашей суть въ руцѣ Божіей, то на случай кончины Нашей, до законнаго совершеннолѣтія Наслѣдника Великаго Князя Александра Николаевича, опредѣляемъ Правителемъ Государства и нераздѣльныхъ съ нимъ (т. е. съ Государствомъ) Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго любезнѣйшаго брата Нашего, Великаго Князя Михаила Павловича».

Эта поправка, имѣющая существенное значеніе, могла бы еще оставлена быть безъ вниманія, какъ заключающаяся въ актѣ, сравнительно съ манифестомъ о восшествіи на престолъ, менѣе важномъ. Однако, 8-ая цитата устраняетъ и это сомнѣніе. Равносильный акту 12 декабря 1825 г. манифестъ о воцареніи Императора Александра Николаевича 18 февраля 1855 г. подтвердилъ исправленіе ошибочной редакціи.

Въ немъ именно сказано: «...въ сей печальный, но и торжественный часъ, вступая на Прародительскій Нашъ Престолъ Россійской Имперіи и нераздѣльныхъ съ нею (т. е. съ Имперіею) Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго, предъ лицомъ невидимо соприсутствующаго намъ Бога, пріемлемъ священный обѣтъ имѣть всегда единою цѣлію благоденствіе Отечества Нашего».

Законъ 18 февраля 1855 г., отмѣнившій законъ 12 декабря 1825 г., устранилъ, слѣдовательно, всякое упоминаніе о «престолѣ» Великаго Княжества Финляндскаго. То же было и въ изданномъ вскорѣ затѣмъ новомъ манифестѣ 21 мая (29341) объ опекѣ и правительствѣ до законнаго совершеннолѣтія наслѣдника, гдѣ повторены буквально выраженія манифеста 22 августа 1826 г.

Изъ всего изложеннаго явствуетъ, что изъ 9-ти актовъ, на которыхъ будто бы основана статья 4-ая основныхъ законовъ, два вовсе не относятся къ Великому Княжеству Финляндскому, а изъ остальныхъ семи—значеніе единственнаго акта, упоминающаго о престолѣ Великаго Княжества, прямо устраняется и отмѣняется

«Финляндія, какъ Великое Княжество—внушаетъ онъ—ведетъ свое начало не со временъ Густава III, какъ полагаетъ г. Ординъ, но существуетъ уже болѣе 300 лѣтъ. Король Іоаннъ III, въ молодости герцогъ Финляндскій, будучи потомъ королемъ, возвелъ Финляндію въ Великое Княжество, что случилось въ началѣ 1580 г. Это знаетъ всякій финляндскій школьникъ»!

Далѣе разсказываетъ «другъ» о гербахъ и большой печати шведскихъ королей и цитируетъ надпись на ней: Карлъ XII, Божіею милостію король шведовъ, готовъ и вендовъ, великій князь Финляндіи, князь Шоніи и пр. Этими сопоставленіями мой критикъ хочетъ привести читателя къ убѣжденію, что финляндскій престолъ существуетъ якобы 300 лѣтъ.

На это я скажу «Другу исторической истины», что: во-первыхъ, должно вообще, а при почетномъ псевдонимѣ, который онъ себѣ присвоилъ, въ особенности обязательно цитировать критикуемаго автора добросовѣстно. Въ моей замѣткѣ не только не говорится о томъ, что Финляндія, какъ Великое Княжество, ведетъ свое начало съ Густава III, но и самое имя этого короля вовсе не упоминается. О «веденіи начала» съ той или другой эпохи у меня уже потому не могло быть рѣчи, что я вовсе не признаю Великаго Княжества Финляндскаго, какъ отдѣльный государственный организмъ, а потому и не могъ разсуждать о томъ, откуда и когда оно началось. Вотъ что у меня было сказано:

...въ дѣйствительности финскаго или финляндскаго престола не было установлено никакимъ законодательнымъ актомъ ни русскихъ Государей, ни шведскихъ королей. Финляндія, съ именемъ герцогства, явилась не надолго при Эрихѣ XIV (1560—1568), братъ котораго Іоаннъ, съ титуломъ герцога финляндскаго, водворенъ былъ въ Або. Вскорѣ, однако, онъ низвергъ Эрика и занялъ его мѣсто. И т. д.

Во-вторыхъ, въ замѣткѣ моей упоминалось о Густавѣ IV Адольфѣ, при которомъ въ новѣйшее время, именно въ 1802 г., вновь появился въ лицѣ второго его сына, Карла, шведскій принцъ съ титуломъ, и только съ титуломъ, великаго князя финляндскаго. Это упоминаніе имѣло цѣлью удостовѣрить, что передъ тѣмъ, со времени великой сѣверной войны, когда часть Финляндіи отошла къ Россіи, шведскіе короли не упоминали объ этой области даже и въ титулѣ. Приведенная «Другомъ истины» надпись на королевской печати Карла XII ничего не опровергаетъ и не доказываетъ, такъ какъ относится къ періоду, предшествовавшему Ништадтскому миру и формальному отдѣленію части Финляндіи, а объ этомъ періодѣ я не сказалъ ни одного слова.

Въ-третьихъ, «Другъ истины» приписалъ мнѣ то, чего я не говорилъ, упомянулъ о школьникахъ, привелъ ни къ чему не ведущую надпись на печати; но законодательнаго акта, которымъ былъ бы основанъ 300 лѣтъ назадъ финляндскій тронъ, не привелъ. А мнѣ онъ только и нуженъ. Говорить же о томъ, когда явился титулъ Великаго Княжества Финляндскаго, я не имѣлъ ни желанія, ни надобности, такъ какъ разыскивается не титулъ, а престолъ финляндскій, и для существа дѣла вполнѣ безразлично, именовались ли шведскіе короли герцогами, князьями просто, великими или даже величайшими князьями Финляндіи. Титулъ остается титуломъ, именемъ, звукомъ, не болѣе. Назвали же финляндцы Императора Александра I просто Княземъ, «Dux», въ извѣстной, не довольно грамотной надписи по-латыни на одной изъ таммерфорскихъ скалъ [1]).

Но моему оппоненту, конечно, мало изложенныхъ разъясненій. Обращусь, поэтому, къ источнику, недопускающему въ настоящемъ случаѣ никакихъ сомнѣній, къ финляндскому сенатору, бывшему профессору, доктору исторіи г. Юрьё Коскинену: его «Исторія Финляндіи», во-первыхъ, пріобрѣтена сеймомъ въ собственность финскаго народа, во-вторыхъ, цѣлый отдѣлъ посвящаетъ онъ тому, что Финляндія есть особое государство. Никто не заподозритъ г. Коскинена въ пристрастіи къ моему взгляду. Что же пишетъ онъ о 300-лѣтнемъ финскомъ престолѣ?

Сказавъ объ упомянутой эпохѣ 1560—1568 гг., когда явилось было герцогство финляндское, г. Коскиненъ говоритъ на стр. 143 (Finnische Geschichte, изд. 1874 г.):

«Такъ обрѣло свой конецъ герцогство финляндское, послѣ краткаго существованія».

На стр. 152, по поводу неудачныхъ походовъ Ивана Грознаго, говорится:

«Тогда опять загорѣлась великая война на южномъ берегу Финскаго залива, и въ теченіе 1581 года Делагарди съ финскими офицерами покорилъ Везенбергъ, Лоде, Леаль, Гапсаль и всю Эстляндію, а затѣмъ Нарву, Ивангородъ, Ямь и Копорье. Въ воспоминаніе этихъ побѣдъ король далъ Финляндіи имя (den Namen) великаго княжества въ 1581 г. (а не въ 1580 г., какъ говоритъ «Другъ исторіи»). Онъ, король, писался теперь такъ: Божіею милостію, король шведовъ, готовъ и вендовъ, великій князь Финляндіи, Кареліи, Ингерманландіи и Шелонской пятины въ Россіи, также герцогъ эстовъ и Лифляндіи».

[1]) Alexander I, Finnorum Dux, stans in hoc roco, primus jussit ut undae spumantes hominibus succurrent.

«Финляндія, какъ Великое Княжество—внушаетъ онъ—ведетъ свое начало не со временъ Густава III, какъ полагаетъ г. Ординъ, но существуетъ уже болѣе 300 лѣтъ. Король Іоаннъ III, въ молодости герцогъ Финляндскій, будучи потомъ королемъ, возвелъ Финляндію въ Великое Княжество, что случилось въ началѣ 1580 г. Это знаетъ всякій финляндскій школьникъ»!

Далѣе разсказываетъ «другъ» о гербахъ и большой печати шведскихъ королей и цитируетъ надпись на ней: Карлъ XII, Божіею милостію король шведовъ, готовъ и вендовъ, великій князь Финляндіи, князь Шоніи и пр. Этими сопоставленіями мой критикъ хочетъ привести читателя къ убѣжденію, что финляндскій престолъ существуетъ якобы 300 лѣтъ.

На это я скажу «Другу исторической истины», что: во-первыхъ, должно вообще, а при почетномъ псевдонимѣ, который онъ себѣ присвоилъ, въ особенности обязательно цитировать критикуемаго автора добросовѣстно. Въ моей замѣткѣ не только не говорится о томъ, что Финляндія, какъ Великое Княжество, ведетъ свое начало съ Густава III, но и самое имя этого короля вовсе не упоминается. О «веденіи начала» съ той или другой эпохи у меня уже потому не могло быть рѣчи, что я вовсе не признаю Великаго Княжества Финляндскаго, какъ отдѣльный государственный организмъ, а потому и не могъ разсуждать о томъ, откуда и когда оно началось. Вотъ что у меня было сказано:

...въ дѣйствительности финскаго или финляндскаго престола не было установлено никакимъ законодательнымъ актомъ ни русскихъ Государей, ни шведскихъ королей. Финляндія, съ именемъ герцогства, явилась не надолго при Эрихѣ XIV (1560—1568), братъ котораго Іоаннъ, съ титуломъ герцога финляндскаго, водворенъ былъ въ Або. Вскорѣ, однако, онъ низвергъ Эрика и занялъ его мѣсто. И т. д.

Во-вторыхъ, въ замѣткѣ моей упоминалось о Густавѣ IV Адольфѣ, при которомъ въ новѣйшее время, именно въ 1802 г., вновь появился въ лицѣ второго его сына, Карла, шведскій принцъ съ титуломъ, и только съ титуломъ, великаго князя финляндскаго. Это упоминаніе имѣло цѣлью удостовѣрить, что передъ тѣмъ, со времени великой сѣверной войны, когда часть Финляндіи отошла къ Россіи, шведскіе короли не упоминали объ этой области даже и въ титулѣ. Приведенная «Другомъ истины» надпись на королевской печати Карла XII ничего не опровергаетъ и не доказываетъ, такъ какъ относится къ періоду, предшествовавшему Ништадтскому миру и формальному отдѣленію части Финляндіи, а объ этомъ періодѣ я не сказалъ ни одного слова.

Дано, слѣдовательно, имя, титулъ. Иначе выходило бы, по толкованію «Друга истины», что учредился престолъ и Шелонской пятины.

Стр. 523. Здѣсь вкратцѣ разсказанъ эпизодъ аборфорскаго моста, изъ-за котораго едва не загорѣлась въ 1802 г. война между Россіей и Швеціей, и потомъ слѣдуетъ:

«Въ Петербургѣ возникло неудовольствіе, которое еще усилилось, когда въ концѣ того года у короля родился второй сынъ Карлъ Густавъ; онъ получилъ титулъ великаго князя Финляндскаго, хотя съ Карла XII ни одинъ изъ шведскихъ королей этого имени болѣе не употреблялъ (wiewohl seit Karl XII kein schwedischer König diesen Namen mehr geführt hatte)».

Итакъ, даже г. Коскиненъ рѣшительно признаетъ, что было только имя, титулъ, званіе Великаго Княжества Финляндскаго; а престола финляндскаго, несмотря на все стараніе къ обособленности, ни 300 лѣтъ назадъ, ни позднѣе, и у него не оказывается.

«Другу исторической истины» слѣдовало съ этимъ справиться прежде, чѣмъ рѣшаться на возраженія противъ фактовъ несомнѣнныхъ.

„Конституція Финляндіи“ [1].

Подъ этимъ заглавіемъ К. Ф. Орднинъ издалъ въ 1888 г. переводъ книжки Л. Мехелина «Précis du droit public du grand duché de Finlande par L. Mechelin, membre du sénat impérial de Finlande, ancien professeur du droit à l'université d'Helsingfors».

Въ виду значительныхъ уклоненій автора отъ исторической истины, переводчикъ дополнилъ текстъ примѣчаніями по русскимъ документамъ и приложилъ семь изъ нихъ.

Такъ какъ событія послѣднихъ лѣтъ ввели въ законы Финляндіи цѣлый рядъ существенныхъ измѣненій, изъ которыхъ особенно важныя внесъ «Сеймовый Уставъ» 7/20 іюля 1906 г. [2]), мы признали соотвѣтственнымъ не приводить здѣсь всего текста и примѣчаній «Конституціи Финляндіи», а ограничиться повтореніемъ предисловія къ этой книжкѣ «Отъ переводчика» и приложеній, напечатанныхъ при ней.

Содержаніе примѣчаній повторятся въ болѣе обработанномъ и полномъ видѣ, какъ въ печатаемыхъ въ этомъ томѣ статьяхъ К. Ф. Ордина, такъ и въ его обширномъ историческомъ трудѣ «Покореніе Финляндіи».

Лица, желающія ознакомиться съ «Конституціей Финляндіи» по изданію ея 1888 г., могутъ найти ее въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» и въ главныхъ библіотекахъ. Издатель.

---

[1]) «Конституція Финляндіи въ изложеніи мѣстнаго сенатора Л. Мехелина. Переведено» и дополнено примѣчаніями по русскимъ документамъ К. Ординымъ. СПБ. 1888.

[2]) См. «Библіотека окраинъ Россіи» Проф. Н. Д. Сергѣевскаго. № 1-й. Сеймовый уставъ Великаго Княжества Финляндскаго 7/20 іюля 1906 г. СПБ. 1907.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Нельзя не быть весьма благодарнымъ г. члену Финляндскаго Сената Л. Мехелину за то, что онъ въ сжатомъ, но довольно обстоятельномъ очеркѣ представилъ сущность законоположеній, составляющихъ нынѣшнюю конституцію Финляндіи. Лицамъ, интересующимся русскими окраинами, всегда было особенно затруднительно имѣть точныя свѣдѣнія о томъ, что дѣлается въ этой наиболѣе исключительной изъ окраинъ. Узаконенія Финляндіи, по мѣрѣ ихъ изданія, распубликованы на мѣстѣ; но въ Петербургѣ или вообще въ Россіи неизвѣстны и офиціально не объявлены. Съ другой стороны, эти законы нерѣдко стоятъ въ связи съ такими узаконеніями, для уразумѣнія коихъ нужно обращаться въ глубь среднихъ вѣковъ. Такъ, напр., явившіяся въ ближайшія 10—15 лѣтъ постановленія «о правахъ и обязанностяхъ» русскаго Императора, какъ Великаго Князя Финляндіи, непосредственно основаны на шведскомъ законѣ 1442 года. Не говоря уже о малой доступности русскимъ изслѣдователямъ подобныхъ шведскихъ источниковъ, и о самомъ языкѣ ихъ, мало у насъ распространенномъ, русскій изслѣдователь едва-ли могъ бы путемъ своихъ непосредственныхъ трудовъ придти къ точному изложенію того, что представляютъ нынѣ дѣйствующія финляндскія законоположенія. Трудъ г. Мехелина, не только знатока въ этой области, но и высокопоставленнаго мѣстнаго чиновника и даже сановника, восполняетъ существенный пробѣлъ, вполнѣ выясняетъ финское воззрѣніе и рисуетъ полную картину «государственнаго» устройства Финляндіи.

Предлагаемое изложеніе составляетъ переводъ брошюры г. Мехелина со второго французскаго изданія. Такое повтореніе изданія, притомъ на общераспространенномъ языкѣ, свидѣтельствуетъ, что авторъ не безъ успѣха старался ознакомить Европу съ описанными имъ основами финляндскаго самоуправленія. Русская публика имѣетъ законное право ближе интересоваться дѣлами Финляндіи, нежели западная Европа. Поэтому переводчикъ счелъ не лишнимъ представить вниманію русскихъ читателей переводъ того, что такъ радушно предлагается читателямъ иностранцамъ.

Должно пожалѣть, однако, что г. Мехелинъ не избѣгъ общей всѣмъ шведско-финскимъ писателямъ погрѣшности—полнаго, систематическаго игнорированія правъ Россіи. Событія обозрѣваются имъ исключительно съ финской точки зрѣнія, притомъ съ расширеніемъ смысла однихъ и съ умаленіемъ другихъ. О естественныхъ, неизбѣжныхъ отношеніяхъ къ Россіи, три раза въ теченіе

одного только столѣтія завоевавшей Финляндію, къ Россіи, въ составъ которой эта страна, по слову самого Императора Александра I, включена въ качествѣ «провинціи» [1]),—объ этой сторонѣ г. Мехелинъ вовсе умалчиваетъ. Въ числѣ источниковъ, полагаемыхъ имъ въ основу нынѣшняго финляндскаго законодательства, вовсе не помѣщены такіе важные акты, какъ декларація о присоединеніи Финляндіи, или манифестъ о Фридрихсгамскомъ мирѣ 1809 г., которымъ Финляндія окончательно закрѣплена за Россіей. Самый этотъ мирный трактатъ упомянутъ лишь мимоходомъ; но въ числѣ источниковъ также не значится. Манифесту 5/17 іюня 1808 г. приданъ смыслъ односторонній и несоотвѣтствующій всему его содержанію. Наоборотъ, авторъ говоритъ, какъ о непреложномъ документѣ, о Боргоскомъ «актѣ соединенія», между тѣмъ какъ такого документа не усматривается даже изъ собственнаго изложенія автора. Все, что можно въ крайнемъ случаѣ вывести изъ послѣдняго,—это извѣстное нравственное или сердечное единеніе, тогда выразившееся между благодушнымъ Императоромъ съ одной и финскими представителями съ другой стороны; но такого рода чувства, какъ извѣстно, не играютъ роли «актовъ» или документовъ, особенно когда другіе, дѣйствительные документы о нихъ умалчиваютъ.

Переводчикъ нашелъ себя поэтому вынужденнымъ сдѣлать нѣкоторыя подстрочныя примѣчанія, дабы хотя отчасти напомнить читателю о возможности и даже необходимости взглянуть на событія и съ другой стороны, кромѣ той, которую представляетъ г. Мехелинъ въ своемъ историческомъ очеркѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ приложены и нѣкоторые изъ опущенныхъ имъ документовъ, какъ существенный матеріалъ для безпристрастнаго сужденія. Важность и сложность предмета не позволяетъ, впрочемъ, ограничиться этими краткими дополненіями и примѣчаніями, и нижеподписавшійся надѣется представить вниманію лицъ, интересующихся предметомъ, опытъ болѣе подробнаго изслѣдованія обстоятельствъ, сопровождавшихъ присоединеніе или, точнѣе, покореніе Финляндіи [2]).

1887 г.

---

[1]) См. собственноручное письмо Императора Александра къ Наполеону I въ приложеніяхъ. Слич. также манифесты: 5/17 іюня 1808 г. и 1 октября 1809 г.

[2]) Въ 1889 г. К. Ф. Ординымъ напечатано «Покореніе Финляндіи. Опытъ описанія по неизданнымъ источникамъ» въ двухъ томахъ съ картою Финляндіи. Императорскою Академіею Наукъ сочиненіе это удостоено преміи Митрополита Макарія. Прим. издателя.

Моимъ финскимъ оппонентамъ [1].

Въ гельсингфорской газетѣ «Nya Pressen» (№№ 3 и 4) помѣщены двѣ очень объемистыя статьи подъ заглавіемъ: «Finlands Konstitution och hr Ordins noter», направленныя противъ примѣчаній, которыми я сопроводилъ переводъ конституціи Финляндіи, изложенной мѣстнымъ сенаторомъ Л. Мехелиномъ. Нѣтъ надобности говорить, что статьи имѣютъ цѣлью уничтожить значеніе примѣчаній и подтвердить теорію г. Мехелина, т. е. что Финляндія есть «особое государство».

На это можно было бы возразить очень многое; но для того пришлось бы разсказывать въ подробности весь ходъ покоренія Финляндіи. А такъ какъ я предполагаю издать опытъ изслѣдованія этого событія,—о чемъ упомянуто въ предисловіи къ моему переводу конституціи,—то остается лишь пригласить «Nya Pressen» ознакомиться современемъ съ этимъ трудомъ, въ качествѣ отвѣта и на настоящую ея противъ меня филиппику. До того же я полемизировать не намѣренъ, не видя въ томъ пользы для серьезнаго разъясненія вопроса и ожидая, напротивъ, обостренія его, что вовсе не входитъ въ мои виды.

Нахожу, однако, не лишнимъ теперь же обратить вниманіе моихъ оппонентовъ на два обстоятельства. Воззрѣніе «Nya Pressen», также какъ и гг. сенатора Мехелина и бывшаго профессора, нынѣ также сенатора Коскинена, на Финляндію, какъ на особое государство—stat för sig—вовсе не невость. Еще въ двадцатыхъ годахъ, т. е. далеко ранѣе новѣйшихъ милостей Императора Александра II, эту теорію печатно рисовалъ удаленный изъ края профессоръ Вассеръ (H. Wasser); но тогда нашлись между финляндцами же убѣжденные ему возражатели, какъ, напримѣръ, Пекко Каухариненъ. То были волшебные замки, разлетавшіеся при первомъ прикосновеніи дѣйствительности и спокойнаго, благоразумнаго сужденія. И теперь, сколько мнѣ извѣстно, не мало найдется финляндцевъ, горячо желающихъ пользы своему родному краю, но вовсе не полагающихъ ея въ пресловутомъ догматѣ stat för sig.

Другое, на что прошу вниманія «Nya Pressen» et consortes,—есть требованіе отъ политическихъ дѣятелей, также какъ и отъ историческаго изслѣдованія, строгой точности. Соблюдено ли это требованіе вообще въ вопросѣ объ отношеніяхъ Финляндіи къ Россіи? Основаніе ихъ лежитъ въ документахъ, писанныхъ и

---

[1]) Письмо въ редакцію газеты «Новое Время» отъ 5 января 1888 г. (№ 4261.—9 (21) января 1888 г.).

одного только столѣтія завоевавшей Финляндію, къ Россіи, въ составъ которой эта страна, по слову самого Императора Александра I, включена въ качествѣ «провинціи» [1]),—объ этой сторонѣ г. Мехелинъ вовсе умалчиваетъ. Въ числѣ источниковъ, полагаемыхъ имъ въ основу нынѣшняго финляндскаго законодательства, вовсе не помѣщены такіе важные акты, какъ декларація о присоединеніи Финляндіи, или манифестъ о Фридрихсгамскомъ мирѣ 1809 г., которымъ Финляндія окончательно закрѣплена за Россіей. Самый этотъ мирный трактатъ упомянутъ лишь мимоходомъ; но въ числѣ источниковъ также не значится. Манифесту 5/17 іюня 1808 г. приданъ смыслъ односторонній и несоотвѣтствующій всему его содержанію. Наоборотъ, авторъ говоритъ, какъ о непреложномъ документѣ, о Боргоскомъ «актѣ соединенія», между тѣмъ какъ такого документа не усматривается даже изъ собственнаго изложенія автора. Все, что можно въ крайнемъ случаѣ вывести изъ послѣдняго,—это извѣстное нравственное или сердечное единеніе, тогда выразившееся между благодушнымъ Императоромъ съ одной и финскими представителями съ другой стороны; но такого рода чувства, какъ извѣстно, не играютъ роли «актовъ» или документовъ, особенно когда другіе, дѣйствительные документы о нихъ умалчиваютъ.

Переводчикъ нашелъ себя поэтому вынужденнымъ сдѣлать нѣкоторыя подстрочныя примѣчанія, дабы хотя отчасти напомнить читателю о возможности и даже необходимости взглянуть на событія и съ другой стороны, кромѣ той, которую представляетъ г. Мехелинъ въ своемъ историческомъ очеркѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ приложены и нѣкоторые изъ опущенныхъ имъ документовъ, какъ существенный матеріалъ для безпристрастнаго сужденія. Важность и сложность предмета не позволяетъ, впрочемъ, ограничиться этими краткими дополненіями и примѣчаніями, и нижеподписавшійся надѣется представить вниманію лицъ, интересующихся предметомъ, опытъ болѣе подробнаго изслѣдованія обстоятельствъ, сопровождавшихъ присоединеніе или, точнѣе, покореніе Финляндіи [2]).

1887 г.

---

[1]) См. собственноручное письмо Императора Александра къ Наполеону I въ приложеніяхъ. Слич. также манифесты: 5/17 іюня 1808 г. и 1 октября 1809 г.

[2]) Въ 1889 г. К. Ф. Ординымъ напечатано «Покореніе Финляндіи. Опытъ описанія по неизданнымъ источникамъ» въ двухъ томахъ съ картою Финляндіи. Императорскою Академіею Наукъ сочиненіе это удостоено премін Митрополита Макарія. Прим. издателя.

Моимъ финскимъ оппонентамъ [1].

Въ гельсингфорской газетѣ «Nya Pressen» (№№ 3 и 4) помѣщены двѣ очень объемистыя статьи подъ заглавіемъ: «Finlands Konstitution och hr Ordins noter», направленныя противъ примѣчаній, которыми я сопроводилъ переводъ конституціи Финляндіи, изложенной мѣстнымъ сенаторомъ Л. Мехелиномъ. Нѣтъ надобности говорить, что статьи имѣютъ цѣлью уничтожить значеніе примѣчаній и подтвердить теорію г. Мехелина, т. е. что Финляндія есть «особое государство».

На это можно было бы возразить очень многое; но для того пришлось бы разсказывать въ подробности весь ходъ покоренія Финляндіи. А такъ какъ я предполагаю издать опытъ изслѣдованія этого событія,—о чемъ упомянуто въ предисловіи къ моему переводу конституціи,—то остается лишь пригласить «Nya Pressen» ознакомиться современемъ съ этимъ трудомъ, въ качествѣ отвѣта и на настоящую ея противъ меня филиппику. До того же я полемизировать не намѣренъ, не видя въ томъ пользы для серьезнаго разъясненія вопроса и ожидая, напротивъ, обостренія его, что вовсе не входитъ въ мои виды.

Нахожу, однако, не лишнимъ теперь же обратить вниманіе моихъ оппонентовъ на два обстоятельства. Воззрѣніе «Nya Pressen», также какъ и гг. сенатора Мехелина и бывшаго профессора, нынѣ также сенатора Коскинена, на Финляндію, какъ на особое государство—stat för sig—вовсе не невость. Еще въ двадцатыхъ годахъ, т. е. далеко ранѣе новѣйшихъ милостей Императора Александра II, эту теорію печатно рисовалъ удаленный изъ края профессоръ Вассеръ (H. Wasser); но тогда нашлись между финляндцами же убѣжденные ему возражатели, какъ, напримѣръ, Пекко Каухариненъ. То были волшебные замки, разлетавшіеся при первомъ прикосновеніи дѣйствительности и спокойнаго, благоразумнаго сужденія. И теперь, сколько мнѣ извѣстно, не мало найдется финляндцевъ, горячо желающихъ пользы своему родному краю, но вовсе не полагающихъ ея въ пресловутомъ догматѣ stat för sig.

Другое, на что прошу вниманія «Nya Pressen» et consortes,—есть требованіе отъ политическихъ дѣятелей, также какъ и отъ историческаго изслѣдованія, строгой точности. Соблюдено ли это требованіе вообще въ вопросѣ объ отношеніяхъ Финляндіи къ Россіи? Основаніе ихъ лежитъ въ документахъ, писанныхъ и

---

[1]) Письмо въ редакцію газеты «Новое Время» отъ 5 января 1888 г. (№ 4261.—9 (21) января 1888 г.).

подписанныхъ, главнымъ образомъ, на русскомъ языкѣ; ими и надлежитъ руководствоваться. Между тѣмъ финскіе писатели знаютъ только свои шведскіе переводы. Чтобы судить о ихъ точности, рекомендую взглянуть на полагаемый финляндцами во главу угла ихъ государственности переводъ манифеста—вѣрнѣе грамоты—данной въ Борго 15-го (27-го) марта 1809 г. Вотъ подлинный русскій текстъ [1]).

«Произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ обладаніе Великаго Княжества Финляндіи, признали Мы за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика по конституціямъ ихъ до селѣ пользовались, обѣщая хранить оные въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи».

И вотъ, въ переводѣ этихъ немногихъ строкъ шведское изданіе законовъ, съ предисловіемъ того же г. Мехелина (Finlands Grundlagar, 1877, Edlunds förlag) допускаетъ—не менѣе четырехъ неточностей.

Во 1-хъ, слово «вновь» передъ «утвердить» имѣетъ большой вѣсъ, ибо сохраненіе религіи, законовъ и проч. обѣщано было ужъ въ нѣсколькихъ предъ тѣмъ изданныхъ прокламаціяхъ и другихъ актахъ. Манифестъ являлся только повтореніемъ этихъ, еще до сейма данныхъ обѣщаній и не заключалъ въ себѣ ничего новаго. Шведскій переводъ выкинулъ слово вновь,—и затѣмъ Боргосскій манифестъ является совершенно особымъ, самостоятельнымъ, только на сеймѣ совершеннымъ актомъ.

Во 2-хъ, русскій текстъ говоритъ объ утвержденіи религіи всѣхъ подданныхъ вообще. Переводъ, передъ словомъ Religion произвольно вставилъ Landets (страны), отчего получилось утвержденіе религіи страны, т. е. господствующей церкви, конечно, лютеранской, чего въ русской грамотѣ вовсе нѣтъ.

Въ 3-хъ, слово подданные замѣнено словомъ жители (Inbyggare), что—всякій согласится—не одно и то же.

Наконецъ, въ 4-хъ, слово конституція, по смыслу французскаго constitution, употреблялось въ прежнія времена на каждомъ шагу вмѣсто словъ установленіе, учрежденіе; съ пера Аракчеева сходили, наприм., военныя конституціи. Въ этомъ смыслѣ манифестъ, говоря о «сословіяхъ княжества», упомянулъ о правахъ «по конституціямъ ихъ», т. е. по ихъ уставамъ и учрежденіямъ. Переводъ вмѣсто множественнаго числа поставилъ един-

---

[1]) См. Прибавленіе къ существующему въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ уложенію, издан. по Высоч. повел. въ 1827 году.

ственное «по конституціи»,—и получилось совершенно опредѣленное, извѣстное понятіе, но уже, конечно, совсѣмъ не то, которое выражено въ русскомъ документѣ.

Воздержусь отъ другихъ примѣровъ; не стану также доискиваться, откуда явились эти неточности. Но за 75 лѣтъ онѣ успѣли разрастись въ большое дерево, которое принесло обильные, сладкіе для Финляндіи, но горькіе для Россіи плоды.

Какъ было дѣло? [1]

(Отвѣтъ на «Отвѣтъ» г. Мехелина).

По изданіи мною въ прошломъ году «Конституціи Финляндіи въ изложеніи мѣстнаго сенатора Мехелина, съ примѣчаніями по русскимъ документамъ», многія изъ русскихъ повременныхъ изданій отнеслись сочувственно къ этой попыткѣ освѣтить финляндскіе порядки съ русской точки зрѣнія. Финскія изданія, напротивъ, взглянули на мою книжку вполнѣ враждебно, къ нимъ не замедлилъ присоединиться «Вѣстникъ Европы», а также органъ нѣмецкихъ нашихъ бюргеровъ—«Petersburger Herold». Эта группа одобряла переводъ, но порицала присутствіе при немъ примѣчаній.

Такъ какъ цѣль моихъ изслѣдованій объ отношеніяхъ Финляндіи къ Россіи состоитъ въ уясненіи сущности таковыхъ по документамъ во всей ихъ исторической цѣлости, всѣ же статьи оппонентовъ касались только тѣхъ или другихъ частностей, которыя, конечно, не могутъ дать вѣрнаго понятія о всемъ предметѣ, то я находилъ излишнимъ возражать на нихъ, тѣмъ болѣе, что газетная и журнальная полемика можетъ только внести обостреніе вопроса, и не уяснить, а, напротивъ, затемнить его. Объ этомъ и заявлено мною въ письмѣ, помѣщенномъ въ «Новомъ Времени» [2], въ надеждѣ, что этого будетъ достаточно. Между тѣмъ, въ «Вѣстникѣ Европы», помимо рецензіи, напечатанной въ декабрьской книжкѣ, принадлежащей несомнѣнно перу финляндца, явился въ мартовской книжкѣ этого года еще «Отвѣтъ» самого г. Мехелина, мнѣ адресованный. Питая рѣшительное нерасположеніе къ журнальной полемикѣ, причемъ взаимныя укоризны и личные счеты занимаютъ едва-ли не болѣе мѣста, чѣмъ самое дѣло, я желалъ пройти молчаніемъ и «Отвѣтъ», не найдя въ немъ

---

[1]) «Русскій Вѣстникъ», 1888 г., V.
[2]) См. предыдущую статью. Прим. издателя.

къ тому же почти ничего новаго, что не было бы высказано другими мнѣ возражателями. Но та особенность, что г. Мехелинъ адресовалъ свой отвѣтъ лично на мое имя, заставляетъ отступить отъ моего правила. Поэтому, хотя съ крайней неохотой, берусь за перо.

Въ чемъ сущность дѣла? Издается на общераспространенномъ французскомъ языкѣ книга, въ которой излагаются, съ историческимъ объясненіемъ, основы государственнаго права «Государства Финляндіи». Читая эту книгу, я вижу, что очень многое не соотвѣтствуетъ сущности и даже буквѣ несомнѣнныхъ русскихъ документовъ. Желая ознакомить читателей съ тѣмъ, что являютъ эти документы, кстати сказать, почти вовсе неразработанные и изученіе коихъ составляетъ предметъ моихъ занятій, я печатаю переводъ труда г. Мехелина и къ нему, шагъ за шагомъ, прибавляю подъ страницы тѣ замѣтки, которыя имѣютъ цѣлью указать бóльшее или меньшее несоотвѣтствіе изложенія съ тѣмъ, что мнѣ извѣстно по документамъ. Читатель воленъ соглашаться съ авторомъ, или принимать во вниманіе мои примѣчанія. Я не излагалъ болѣе или менѣе цѣлой теоріи и въ самыхъ примѣчаніяхъ былъ весьма сдержанъ, помѣстивъ лишь малую часть того, что по моимъ свѣдѣніямъ и документамъ я могъ бы помѣстить. Мало того, считая для себя точность перевода обязательной, я простеръ ее такъ далеко, что помѣстилъ нѣкоторые русскіе документы не въ ихъ русскомъ текстѣ, а въ переводѣ съ французскаго оригинала, хотя въ семъ послѣднемъ они были изложены неточно. Напримѣръ, извѣстный, писанный по-русски, манифестъ 15-го марта 1809 года грѣшитъ во французскомъ изложеніи большими неправильностями, но я перевелъ его въ томъ видѣ, какъ онъ изложенъ, дабы не навлечь на себя упрека въ искаженіи подлинника. Я не привелъ подлиннаго русскаго текста и въ примѣчаніи, дабы не дать возможности читателю заподозрить г. Мехелина въ умышленномъ искаженіи основного документа, въ чемъ вина, можетъ быть, на немъ лежитъ только въ малой долѣ, если онъ пользовался прежними шведскими переводами и по незнанію русскаго языка не сличалъ ихъ съ подлинникомъ. Держась системы точнаго перевода въ примѣненіи и къ другимъ русскимъ документамъ, я навлекъ на себя даже упрекъ со стороны Журнала Мин. Народнаго Просв., съ его точки зрѣнія вполнѣ основательный. Подобнымъ образомъ я устранилъ очень многія изъ примѣчаній, относящихся къ послѣдующему времени, такъ какъ они, рисуя яркими красками пріемы финскихъ дѣятелей въ администраціи и законодательствѣ, могли бы придать изслѣдованію моему черезчуръ острый характеръ. Наконецъ, я считалъ дѣломъ вполнѣ

безобиднымъ для болѣе вѣрной оцѣнки привести цѣликомъ нѣсколько документовъ, изъ которыхъ во французскомъ оригиналѣ цитированы лишь небольшія выдержки, или же которые вовсе пройдены молчаніемъ.

Кажется, дѣло очень простое и ясное. Между тѣмъ «Отвѣтъ» находитъ въ моихъ примѣчаніяхъ и грѣхи «противъ первыхъ основаній логики и правовѣдѣнія», и неумѣніе «выяснить себѣ, въ чемъ состоятъ дѣйствительные источники предмета», и незнаніе «различія между источниками права и источниками историческими» и т. п. Конечно, эти снаряды выпущены для того, чтобы уронить меня въ глазахъ читателя; но это личные пріемы автора, финляндскаго сенатора и доктора гельсингфорскаго университета juris utriusque; въ силу сего я ими заниматься не буду. Кромѣ того, появившіяся въ разныхъ изданіяхъ солидныя статьи содержатъ въ себѣ достаточный запасъ возраженій на многія частности, приводимыя въ «Отвѣтѣ».

Сущность же возраженія г. Мехелина состоитъ все-таки въ томъ, что Финляндія есть государство и что это государство соединилось съ Россіей по договору. Хотя и не прямо, но высказывается и примѣръ, который можетъ служить образцомъ: унія Швеціи и Норвегіи. Ссылка нѣсколько странная. Присоединеніе или, вѣрнѣе, покореніе Финляндіи состоялось въ 1808—9 гг., Норвегія же присоединена къ Швеціи въ 1814 г., т. е. нѣсколько лѣтъ позже; какъ же послѣднее событіе могло служить первообразомъ первому, ранѣе состоявшемуся? Договоръ этотъ явился въ свою очередь, будто бы, послѣ того, какъ Императоръ Александръ далъ удостовѣреніе, что сохранитъ финляндцамъ ихъ религію, коренные законы и проч., а собранные на сеймъ земскіе чины принесли присягу. Это называется «актомъ соединенія», а затѣмъ, слѣдовательно, и договоромъ.

Но что же на дѣлѣ? Еще до этого Финляндія, несомнѣнно, была завоевана русскимъ оружіемъ. Декларацiею 16-го марта и манифестомъ 20 марта 1808 г. всему свѣту офиціально и торжественно объявлено, что Финляндія, такимъ образомъ завоеванная, инкорпорирована, внѣдрена въ Россію въ качествѣ провинціи, такой же, какъ и другія провинціи Россіи. Объ этомъ объявлено и финляндцамъ особымъ манифестомъ 5-го іюня 1808 г. съ многократнымъ повтореніемъ, чтобы финляндцы не думали о разъединеніи съ Россіей. Фридрихсгамскій мирный трактатъ со Швеціей 5 сентября 1809 г. завершилъ въ дипломатической формѣ то, что было совершено оружіемъ и объявлено манифестомъ 20 марта 1808 года.

Наконецъ, даже въ 1811 г., присоединяя Выборгскую губернію къ прочей Финляндіи, несомнѣнный государственный актъ—манифестъ Императора Александра, передаетъ эту губернію не «государству финляндскому», а въ «главное управленіе, для сего края учрежденное».—Неужели всѣ эти государственные акты, вполнѣ ясно опредѣляющіе свойства правъ Россіи на Финляндію, должны быть вычеркнуты изъ исторіи, хотя вовсе нѣтъ въ позднѣйшее время никакого равносильнаго документа, который бы ихъ отмѣнялъ? Государственные русскіе документы, какъ и отдѣльныя лица изъ числа высокопоставленныхъ финляндцевъ, имѣвшихъ вліяніе на дѣла (Спренгтпортенъ, Маннергеймъ), не обинуясь, въ это время называли Финляндію «провинціей». Въ самыхъ актахъ, которые наиболѣе, казалось бы, благопріятны г. Мехелину, какъ-то: манифестъ о созваніи сейма, манифестъ 15 марта и другіе, послѣдовавшіе даже послѣ присяги, называютъ Финляндію только «краемъ»—не болѣе.

Съ другой стороны, въ маѣ 1808 г. финляндцы приносятъ присягу на вѣрное подданство русскому Государю, причемъ обрядъ этотъ исполненъ былъ присягавшими съ полною готовностію. Въ Або первые присягнули духовенство и университетъ, затѣмъ президентъ и члены гофгерихта, губернаторъ и всѣ чиновники и т. д. Епископъ Тенгстрёмъ, отвѣчая главнокомандующему рѣчью, именемъ духовенства и университета принесъ выраженіе живѣйшей признательности за покровительство Государя ихъ религіи и ея служителямъ и просилъ «повергнуть предъ Августѣйшимъ трономъ Всемилостивѣйшаго Монарха ихъ совершеннѣйшую приверженность и истинное расположеніе къ Высочайшей волѣ Его Величества», т.-е. къ принесенію присяги. Президентъ гофгерихта, отъ лица всѣхъ сочленовъ, отвѣчалъ, «что они почитать будутъ себя весьма счастливыми, когда истинною ревностію своею въ исполненіи обязанностей своихъ и воли толико милосердаго къ нимъ Государя сдѣлаются достойными одобренія и похвалы правительства, и что они готовы совершить предложенное имъ обязательство», т.-е. тоже принесеніе присяги. Представители другихъ сословій изъявили также полную признательность и готовность принести присягу, «которая, соединяя отечество ихъ съ Имперіей Всероссійской, утверждаетъ ихъ благосостояніе [1])». При всемъ этомъ не только не было «давленія вооруженной силы», какъ говоритъ г. Мехелинъ, но даже—и это ему должно быть извѣстно—по волѣ Императора Александра, изъ мѣстъ, гдѣ приносилась присяга, спеціально выводились войска, дабы не было

[1]) Арх. М—ва И. Д. Corres. Buxhoevden. ad. 152, 1808 г., 14 іюня.

cet acte solennel, en deviennent plus chers à mon cœur, plus conformes à mes principes». Т. е., что же это значитъ?—Узы, которыя меня уже соединяютъ съ ними (т. е. узы побѣдителя съ побѣжденными), еще болѣе укрѣпились неподготовленнымъ движеніемъ сердецъ ихъ и освятились этимъ торжественнымъ дѣйствіемъ (acte)—вторичнымъ принесеніемъ присяги—и отъ того дѣлаются болѣе дорогими для моего сердца, болѣе соотвѣтствующими моимъ правиламъ. Какимъ правиламъ?—Менѣе дѣйствовать силой и болѣе располагать сердца.

Вотъ какъ явился «актъ». Это была приличная обстоятельствамъ фраза—не болѣе. Да и гдѣ же привѣтственныя рѣчи имѣютъ силу органическихъ законовъ? Первоначальная, основная связь, какъ сказано, связь побѣдителя съ побѣжденнымъ уже существовала; «любовь и актъ» явились только для приданія большей мягкости первоначальной связи, которую наложила рука торжествующаго побѣдителя.

Продолжая свою рѣчь, Александръ сказалъ: «обѣщая сохранить ихъ религію и коренные законы, я хотѣлъ имъ показать, какую цѣну я придаю чувствамъ довѣрія и любви». Не ясно ли и изъ этихъ словъ, что сохраненіе религіи и прочихъ правъ было дѣломъ никакъ не соглашенія, а личнаго произволенія Императора: «Я хотѣлъ»,—также какъ оно было обѣщано и два дня передъ тѣмъ, при открытіи сейма, собственнымъ его произволеніемъ.

Если и этого мало, то заглянемъ въ исторію и историческіе документы, хотя этого многіе и не любятъ. Обѣщаніе сохранить религію и права не составляетъ новости, примѣненной только къ Финляндіи. Петръ I, пунктомъ 9 и 10-мъ Ништадтскаго мирнаго договора, удостовѣрялъ всѣмъ сословіямъ Лифляндіи и Эстляндіи, что они «при нихъ подъ Свейскимъ правленіемъ имѣвшихся привилегіяхъ, обыкновеніяхъ и правахъ и справедливостяхъ, постоянно и непоколебимо содержаны и защищены будутъ». И далѣе «что не имѣетъ никакое принужденіе въ совѣсти приведено быть, но паче Евангелическая вѣра, кирки и школы, и что къ тому принадлежитъ на такомъ основаніи, при послѣднемъ Свейскомъ правительствѣ, были оставлены и содержимы».—Что же, составляетъ ли и это договоръ? Конечно, балтійскіе бароны очень готовы были бы это утверждать, но жизнь говоритъ другое.

Могутъ сказать: есть разница въ формѣ. Въ Борго Александръ, такъ сказать, освящалъ своимъ присутствіемъ на сеймѣ созванныя сословія; при Ништадтскомъ мирѣ этого не было, и Петръ не являлся. А я скажу и, вѣроятно, со мной согласятся многіе, что Ништадтскій мирный договоръ имѣлъ болѣе силы и болѣе обязательности, нежели Боргоскіе манифесты и рѣчи Александра I. Слова

Петра были обязательствомъ международнымъ, безусловнымъ; слова Александра I были дѣломъ внутреннимъ, обращеніемъ къ подданнымъ, притомъ вполнѣ условнымъ: изъ точной области права и обязательства все вступило въ неопредѣленную область чувствъ и сердца.

Но, для большаго еще убѣжденія въ томъ, что сдѣланное со стороны Александра I было дѣломъ личнаго его произволенія, а не какого-либо соглашенія и тѣмъ болѣе договора, приведу здѣсь не разъ упоминавшійся основной манифестъ 15 марта 1809 г., этотъ первый краеугольный камень финляндскаго сепаратизма, цитируемый г. Мехелиномъ въ редакціи, далеко не согласной съ дѣйствительнымъ текстомъ. Манифесту придается даже значеніе присяги прежнихъ королей на вѣрность шведскимъ учрежденіямъ. Въ русскомъ подлинникѣ говорилось дословно:

«Произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ обладаніе Великаго Княжества Финляндіи, признали мы за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего княжества въ особенности, и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оныя въ ненарушимой ихъ силѣ и дѣйствіи; въ удостовѣреніе чего сію грамоту собственноручнымъ подписаніемъ нашимъ утвердить благоволили».

Слѣдовательно, во 1-хъ, Александръ торжественно признаетъ, что онъ уже вступилъ въ обладаніе Великимъ Княжествомъ, притомъ произволеніемъ Всевышняго, выразившимся въ предоставленныхъ ему Промысломъ побѣдахъ, и вовсе не ожидалъ какого-либо соглашенія или договора;

во 2-хъ, онъ «призналъ за благо», т. е. поступилъ по своему собственному произволенію, опять-таки не по какому-либо соглашенію или договору, издавая эту грамоту, которою сохранялись финляндцамъ ихъ преимущества;

въ 3-хъ, онъ именно «вновь», т. е. не въ первый разъ, удостовѣрялъ это сохраненіе преимуществъ и т. д. Это «вновь» прямо говоритъ, что онъ только повторилъ свои обѣщанія, данныя до сейма, и даже тогда, когда онъ вовсе не хотѣлъ созывать сейма. Эти обѣщанія были выражены въ прокламаціи 10 февраля 1808 г., далѣе въ объявленіи 9 апрѣля, потомъ въ манифестѣ 5 іюня, далѣе въ отвѣтѣ финляндскимъ депутатамъ, бывшимъ въ Петербургѣ и т. д. Теперь онъ лишь еще разъ, въ присутствіи собранныхъ его же волею земскихъ представителей, повторилъ то, о чемъ было прежде уже объявлено.

Что же касается утвержденія, что этотъ манифестъ составлялъ присягу Императора Александра на вѣрность финскимъ учрежденіямъ, то, кромѣ самой крайней натяжки, здѣсь ничего нѣтъ. Бар. Маннергеймъ, бывшій членъ Боргоскаго сейма и потомъ вице-президентъ Финляндскаго Сената, въ мемуарахъ своихъ положительно удостовѣряетъ, что когда наканунѣ чтенія манифеста зашла рѣчь о присягѣ Александра I, то Сперанскій ее рѣшительно отклонилъ, и самая мысль была такъ несообразна съ обстоятельствами и положеніемъ Императора-побѣдителя, что вечеру разнеслась даже молва, хотя и не подтверждавшаяся, что Александръ хотѣлъ закрыть сеймъ. Въ дѣйствительности, для присяги короля въ шведской конституціи существовала особая форма: по ней король обязывался «управлять королевствомъ и царствовать по Формѣ Правленія 21 августа 1772 г., навсегда отвергая ненавистное королевское единодержавіе (förhateliga Konungsliga Enwäldet) или такъ называемый суверенитетъ, и почитая для себя за величайшую честь (för Wår största ära) быть первымъ согражданиномъ честнаго и свободнаго народа» [1]). Только тенденція можетъ видѣть аналогію между этой присягой и манифестомъ, который лишь сохранялъ каждому его права и преимущества.

Но въ «Отвѣтѣ» дается, кромѣ того, какое-то особенное значеніе повторительной присягѣ, принесенной въ Борго самими земскими чинами послѣ чтенія манифеста 15 марта. Приводится даже еще новый манифестъ Александра I отъ 23 марта, уже послѣ принесенія присяги. Надо замѣтить, что этотъ манифестъ, тоже французскій, былъ написанъ епископомъ Тенгстрёмомъ и имѣлъ цѣлью, главнымъ образомъ, произвести впечатлѣніе на крестьянъ, о чемъ спеціально въ немъ и упоминается. Это сословіе продолжало попрежнему быть враждебнымъ русской власти; оно боялось, несмотря на данныя обѣщанія, введенія крѣпостного права и рекрутчины, и тогдашніе совѣтники Александра I нашли, безъ сомнѣнія, нужнымъ предоставить мѣстному главѣ духовенства написать этотъ актъ en connaissance de cause. Иначе нельзя себѣ объяснить того количества Высочайшихъ манифестовъ, которымъ отличено это время. Г. Мехелину этотъ послѣдній манифестъ важенъ въ томъ отношеніи, что въ немъ упоминается опять о торжественномъ «актѣ». Значеніе его, однако, передъ симъ только выяснено, поэтому на немъ останавливаться долѣе не будемъ и обра-

---

[1]) Storfurstendömet Finlands Grundlagar, изд. Френкеля, Гельсингфорсъ, 1861 г., стр. 58—59. Въ тѣхъ же законахъ, но изданныхъ Л. Мехелиномъ въ 1877 г., эта присяга не приведена.

тимся къ присягѣ—быть можетъ, какъ это ни невѣроятно, есть въ ней что-нибудь договорное. Воспользуюсь имѣющимся французскимъ переводомъ присяги дворянства, принесенной въ Боргоскомъ соборѣ по-шведски. Въ ней сказано:

«Мы, рыцарство и дворянство, собранные на этотъ общій сеймъ, какъ за себя лично, такъ и отъ лица отсутствующихъ сочленовъ нашего сословія, обѣщаемъ и клянемся, всѣ вообще и каждый въ отдѣльности предъ Богомъ и на Его Святомъ Евангеліи, что мы признаемъ нашимъ Государемъ Александра I Императора и Самодержца Всероссійскаго, Великаго Князя Финляндскаго, и что мы будемъ неизмѣнно сохранять коренные законы и учрежденія этой страны, въ томъ видѣ, какъ они существуютъ и дѣйствуютъ, равно какъ быть опорою Верховной Власти, повиноваться ея повелѣніямъ и такъ ихъ исполнять, чтобы имѣть возможность дать отвѣтъ предъ Богомъ и людьми. Государю принадлежатъ повелѣнія, а намъ исполненіе въ сохраненіи всего того, что справедливо какъ въ отношеніи къ особѣ Государя, такъ и въ отношеніи насъ самихъ; мы также обѣщаемъ и удостовѣряемъ Его Величество быть всегда вѣрными его службѣ, особенно защищать страну, соблюдать по законамъ и нашимъ привилегіямъ нашу военную службу, лишь только она будетъ возстановлена, какъ при смотрахъ, такъ и на защиту страны. Мы будемъ убѣждать всѣхъ подданныхъ страны къ вѣрности и къ уплатѣ должныхъ коронѣ повинностей. Мы сохранимъ все это вѣрно по нашему лучшему разумѣнію и возможности, въ удостовѣреніе чего мы это обѣщаемъ, поднявъ руки, и молимъ Бога да будетъ намъ въ помощь, какъ душевно, такъ и тѣлесно».

Кажется, изъ приведеннаго буквальнаго текста ясно, что и въ этой присягѣ тоже нѣтъ ничего условнаго. Финляндское дворянство присягнуло на вѣрность Императору и Самодержцу Всероссійскому, теперь Великому Князю Финляндскому, такъ же какъ и Царю Казанскому, Царю Астраханскому и проч.; выразило по своей формѣ обѣщаніе въ вѣрности, притомъ признавая за нимъ «повелѣнія», а за собой «исполненіе»; поклялось охранять права Государя и склонять къ вѣрности другихъ; поклялось, наконецъ, охранять основные законы и учрежденія, дѣйствующіе въ краѣ. Конечно, этотъ послѣдній пунктъ можно считать наиболѣе въ пользу взгляда г. Мехелина, но въ существѣ, что же можетъ значить и онъ?

Чтобы имѣть дѣйствительное значеніе, этому пункту слѣдовало быть сопровожденъ особымъ актомъ, въ которомъ были бы точно опредѣлены тѣ коренные или основные законы, которымъ сохранялась сила. Въ формѣ присяги по шведской конституціи, дѣй-

ствительно, въ точности поименованы законы 21-го августа 1772 г. и 24-го января 1617 г. Между тѣмъ Боргоская присяга сама предусматривала, что дворянство будетъ охранять тѣ изъ законовъ, которые сохранили тогда силу: «въ томъ видѣ, какъ они существуютъ и дѣйствуютъ—telles qu'elles existent et sont en vigueur», другими словами, ясно признавалось, что въ теченіе года, и вслѣдствіе такого важнаго историческаго событія какъ покореніе Финляндіи Россіей, должно непремѣнно произойти и произошло извѣстное измѣненіе этихъ законовъ. Разъ точное утвержденіе тѣхъ изъ нихъ, которые сохраняютъ силу и ихъ переименованіе не состоялось, все осталось несомнѣнно вопросомъ и въ волѣ Государя—побѣдителя. Если вообще вѣрно положеніе: la force prime le droit, то въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе, ибо самый объектъ права былъ подъ вопросительнымъ знакомъ. Съ другой стороны, Финляндія не имѣла своей собственной конституціи; въ качествѣ же шведской провинціи, наравнѣ съ Шоніей, Помераніей, Далекарліей, она только пользовалась законами шведскаго государства. Не подлежитъ спору тотъ фактъ, что ей сохранено, и только сохранено, прежнее положеніе, слѣдовательно, какъ она была прежде провинціей Швеціи, такъ теперь дѣлалась провинціей страны, вступившей въ права Швеціи, т. е. Россіи. Перенесеніе шведской конституціи во всей ея цѣлости подъ русскую власть было невозможно по самой сущности различія русской и шведской государственной власти. Одинъ изъ главныхъ пунктовъ шведскихъ основныхъ законовъ требуетъ, напримѣръ, чтобы государь былъ непремѣнно лютеранскаго исповѣданія, между тѣмъ, какъ Императоръ Всероссійскій есть Царь православный. Тамъ установлялся порядокъ престолонаслѣдія и управленія иной противъ установленнаго русскими законами. Въ Швеціи государственная власть сосредоточивалась въ стокгольмскихъ учрежденіяхъ, какъ въ шведской столицѣ; извѣстныя должностныя лица, по конституціи должны быть обязательно шведы (замѣтьте, не финляндцы или померанцы, а именно шведы, т. е. люди государственной національности, мѣсто которыхъ послѣ завоеванія заступаютъ русскіе, а не финляндцы, что и въ порядкѣ вещей). Финляндцы принимали участіе, и только участіе, не въ финляндскомъ, а въ шведскомъ государственномъ сеймѣ, котораго въ Россіи вовсе не было. Кажется изъ приведенныхъ немногихъ указаній достаточно ясно, что безусловное сохраненіе прежнихъ законовъ являлось немыслимымъ; иначе можно было бы дойти до такого, напримѣръ, абсурда, что дворянство, присягнувъ соблюдать коренные законы, должно было бы въ силу присяги возстать противъ русскаго Императора и требовать отъ него принятія лютеранской вѣры. Если бы сохраненіе шведской

конституціи входило въ условія какого-то договора, и если бы боргоскіе депутаты были договаривающейся стороною, то, конечно, они не могли бы оставить безъ разъясненія: что же изъ нея при перемѣнѣ обстоятельствъ должно быть устранено? Но объ этомъ не было и помину, ни передъ присягой, ни послѣ ея на сеймѣ. Послѣдній могъ высказать только «мнѣнія», отъ него именно потребованныя, притомъ по четыремъ лишь вопросамъ, касавшимся внутренней административной, а вовсе не политической организаціи края.

Изъ изложеннаго, кажется, очевидно, что пресловутый правовой актъ, «актъ соединенія», если можетъ быть признанъ, то не иначе какъ дѣломъ нравственнаго, такъ сказать, сердечнаго свойства, ни въ чемъ не измѣняющимъ хода событій и носящимъ характеръ чисто внутренняго, домашняго проявленія доброжелательства и благодушія, ничѣмъ не стѣсненнаго и не связаннаго Самодержавнаго Государя-Побѣдителя. Въ данномъ случаѣ есть одно право—право даренія, «дара». Императоръ Александръ даровалъ финляндцамъ сохраненіе ихъ правъ. Онъ же даровалъ Финляндіи присоединеніе къ ней русской Выборгской губерніи, уже позднѣе Боргоскаго сейма, въ 1811 году. Ея депутаты въ Борго не были и въ «актѣ соглашенія» никакъ не могли участвовать. Это не мѣшаетъ, конечно, гг. финскимъ правовѣдамъ распространять свою «финско-государственную» эгиду и на эту губернію. А разъ рѣчь идетъ о томъ, что Русская Имперія чрезъ посредство своего Самодержавнаго главы даровала Финляндіи извѣстныя преимущества, то она же, въ извѣстномъ случаѣ, напримѣръ, непочтенія или неповиновенія дарителю, можетъ и лишить дара. Примѣры такого если не лишенія, то ограниченія дарованнаго права, являлись съ теченіемъ времени не одинъ разъ, и ни при одномъ случаѣ финляндцы не могли предъявить никакого договора, по которому русскій Государь обязанъ былъ бы отступиться отъ своего Самодержавія и исполнить требованіе финляндцевъ вопреки своему соизволенію.

Кстати припоминаю, что въ «Отвѣтѣ» написанъ прямой мнѣ укоръ въ «несправедливости относительно памяти Александра I», по поводу моего указанія на то, что послѣ Боргоскаго сейма финляндскіе господа, бывшіе исключительными докладчиками по дѣламъ Финляндіи, злоупотребляли довѣріемъ этого Государя. Но, безъ всякаго сомнѣнія, по толкованію событій въ «Отвѣтѣ», Александру I оказывается стократъ горшая несправедливость, такъ какъ этому Государю приписывается установленіе въ Финляндіи особой государственности, т. е. такое дѣяніе, которое прямо враждебно пользамъ Россіи.

Я кончилъ бы этимъ, если бы можно было пройти молчаніемъ еще два частныя въ «Отвѣтѣ» указанія. Одно—по поводу приведеннаго мною въ приложеніи собственноручнаго письма Императора Александра къ Наполеону, въ которомъ онъ объявляетъ о присоединеніи Финляндіи къ Россіи въ качествѣ провинціи. «Отвѣтъ» усматриваетъ въ этомъ неумѣніе отличать существенные акты отъ второстепеннаго, какимъ онъ считаетъ автографъ Александра I. Но, спрашивается, есть ли это письмо мелочная подробность, или оно имѣетъ дѣйствительное значеніе? Я остаюсь при томъ мнѣніи, что, не будучи само по себѣ самостоятельнымъ актомъ,—чего, впрочемъ, я ему нигдѣ и не приписывалъ,—письмо Александра имѣетъ, однако, большое пояснительное значеніе: въ немъ выраженъ самостоятельный взглядъ Самодержавнаго Государя, притомъ вполнѣ согласный со всѣмъ рядомъ документовъ, изданныхъ имъ по этому предмету. И что же? Отвергнувъ значеніе Государева письма, г. Мехелинъ вслѣдъ затѣмъ, въ поддержку своихъ разсужденій, не стѣсняется приводить взгляды—двухъ профессоровъ... При всемъ уваженіи къ авторитету науки, нельзя, однако, считать святыней всякое мнѣніе профессора, тѣмъ болѣе, когда предметъ, подобно настоящему случаю, вовсе не разработанъ, а тѣ данныя, которыя имѣются, въ большинствѣ идутъ изъ пристрастнаго противорусскаго источника. Но и между профессорами существуетъ ли единство взгляда? Одинъ находитъ въ соединеніи Финляндіи съ Россіей признаки личной уніи въ особѣ Императора, другой—признаетъ соединеніе реальное съ Россійской Имперіей (проф. Сергѣевичъ), третій—(гельсингфорсскій проф. Германсонъ) не признаетъ права завоеванія, четвертый (проф. Мартенсъ)—не обинуясь признаетъ, напротивъ, что Финляндія есть русская провинція [1]. И на такіе-то авторитеты, отвергнувъ письмо Александра I, г. Мехелинъ опирается, выбирая тѣ изъ нихъ, которые ему болѣе подходятъ. Въ данномъ случаѣ проф. Мартенсъ, напримѣръ, обойденъ, и цитированъ проф. Чичеринъ за то, что онъ допускаетъ аналогію русско-финскихъ отношеній съ отношеніями между Швеціею и Норвегіею. Послѣдняя форма отношеній, конечно, составляетъ вѣнецъ желаній и извѣстной группы финляндцевъ, но въ подобномъ сравненіи заключается вопіющая неправда. Между Норвегіей и Швеціей былъ заключенъ въ 1814 году дѣйствительный договоръ, какъ между двумя равными величинами, отчего, между прочимъ,

[1]) Современное международное право цивилизованныхъ народовъ, изд. 1883 г. ч. I, стр. 244. «По странному мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, Россія и Великое Княжество Финляндское состоятъ между собою въ «реальномъ» соединеніи... Очевидно, что Финляндское Княжество есть неотъемлемая часть Россіи, ея провинція»

во всѣхъ послѣдующихъ международныхъ актахъ правительство шведское офиціально и торжественно называется шведско-норвежскимъ; а какой былъ договоръ между Россіей и Финляндіей— достаточно видно изъ изложеннаго, и русское правительство, слава Богу, еще не именуется россійско-финляндскимъ.

Вторая подробность. «Отвѣтъ» упрекаетъ меня въ игнорированіи 4-й статьи Основ. Зак. Р. И., которая говоритъ о нераздѣльности съ Императорскимъ Всероссійскимъ престоломъ престола финляндскаго [1]). Это дѣйствительно, съ перваго взгляда, какъ будто аргументъ, поражающій на смерть. Но законы пишутся людьми, которые могутъ ошибаться какъ въ существѣ дѣла, такъ и въ изложеніи. Къ числу такихъ чисто редакціонныхъ ошибокъ именно принадлежитъ и упомянутая 4-я статья. Нельзя говорить о престолѣ, котораго никогда не было, а былъ только титулъ; этого престола не создалъ и Александръ I: на это нигдѣ нѣтъ даже намека. Вникая же въ эту статью и въ ея происхожденіе по источникамъ, легко увидѣть, что первымъ документомъ, на который опирается эта статья, является тотъ самый манифестъ 20 марта 1808 г., который говоритъ о присоединеніи Финляндіи къ Россіи въ качествѣ провинціи. Если прослѣдить далѣе всѣ другія цитаты, то окажется, что двѣ вовсе къ дѣлу не относятся, ибо трактуютъ о Царствѣ Польскомъ, шесть—не упоминаютъ о финляндскомъ престолѣ, и только одна единственная—манифестъ 12 декабря 1825 г. о восшествіи на престолъ Императора Николая I-го—говоритъ о финляндскомъ престолѣ въ томъ видѣ, какъ значится въ 4 ст.

Извѣстно, однако, въ какую смутную эпоху и при какихъ обстоятельствахъ манифестъ спѣшно написанъ. Упоминалось въ немъ о бывшемъ еще престолѣ Царства Польскаго; въ неудачно составленную фразу попалъ и престолъ Великаго Княжества Финляндскаго. Но эту редакціонную ошибку поспѣшили, однако, исправить въ слѣдующемъ же 1826 г., и во всѣхъ послѣдующихъ манифестахъ говорилось уже о единомъ «престолѣ Россійской имперіи и нераздѣльныхъ съ нею Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго». Ими признавалось, слѣдовательно, полное инкорпорированіе Россіею той и другой области при единомъ престолѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что при новомъ изданіи Свода Законовъ редакціонная ошибка перваго составителя будетъ исправлена. Но ссылаться при серіозномъ изслѣдованіи на одну мертвую букву, не вникая въ ея духъ, казалось бы, дѣло непозволительное.

[1]) Съ Императорскимъ Всероссійскимъ Престоломъ нераздѣльны суть престолы Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго. Ст. 4, т. I Св. Закон. Основ. См. изд. 1892 г.

Конечно, настоящимъ объясненіемъ я не разубѣдилъ автора «Отвѣта»: il n'y a pas de plus sourd que celui qui ne veut pas entendre; но русскій безпристрастный читатель, быть можетъ, найдетъ въ моихъ словахъ подтвержденіе того, что идея «Государства Финляндскаго» есть произвольное порожденіе сепаратистскихъ увлеченій, разросшихся на почвѣ провинціальной автономіи, которой оказано въ свое время чрезъ мѣру много вниманія и довѣрія.

28-го марта 1888 г.

Новая „патріотическая" брошюра Л. Мехелина [1].

Не успѣли финляндскія газеты перевести духъ послѣ восторговъ, вызванныхъ храбростью гг. Коскиненовъ, Германсоновъ, Бореніусовъ, Даніэльсоновъ и иныхъ ополчившихся противъ русскихъ изслѣдователей финляндскихъ правъ и дѣлъ, какъ начались новые восторги, вызванные только-что появившимся новымъ плодомъ свободныхъ теперь досуговъ ex-сенатора. Л. Мехелина. Всѣ мѣстныя газеты переполнены статьями о его брошюрѣ подъ заглавіемъ: «Противорѣчатъ ли права Финляндіи интересамъ Россіи?» Одновременно появился и русскій переводъ этой брошюры.

Если во всѣхъ прежнихъ произведеніяхъ названныхъ господъ преобладалъ тонъ мажорный и бравурный,—точнѣе бранный, или даже ругательный,—то у г. Мехелина произошла теперь рѣзкая перемѣна: онъ запѣлъ минорно и даже жалобно

Въ этомъ пѣніи—сущности и интереса не больше, чѣмъ и въ произведеніяхъ прочихъ нашихъ знакомцевъ въ этой сферѣ, но тонъ его мы признаемъ прямо опаснымъ. На удочку кротости и смиренія,—хотя совершенно и завѣдомо фальшивыхъ,—мы легко ловились всюду, и во всѣ времена. Отличать истинное отъ поддѣльнаго мы никогда не заботились. Поэтому именно теперь, когда наши финляндскіе доброхоты принялись за смиреніе, необходимо не раскисать отъ довѣрчиваго умиленія, а усугубить бдительность. Надо помнить Данаевъ, приносящихъ дары.

Не входя въ детали новой брошюры г. Мехелина, мы отвѣтимъ на его вопросъ нѣсколькими своими вопросами:

1. Признаетъ ли г. Мехелинъ, по чистой человѣческой совѣсти, что тѣ права финляндцевъ, которыя сохранилъ за ними Императоръ Александръ I, совсѣмъ не тѣ, которыя они теперь себѣ приписываютъ, благодаря подходамъ, тонкостямъ, ловкостямъ, хитростямъ, выдержкѣ и другимъ подобнымъ,—самими финляндцами

[1]) Эта статья и нижеслѣдующія, печатаемыя безъ обозначенія, гдѣ онѣ ранѣе были помѣщены, появились въ первый разъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», а позже въ сборникѣ С. Петровскаго «Финляндская Окраина Россіи». Выпускъ первый и второй, 1891 г. и 1894 г. Прим. издателя.

такъ квалифицируемымъ,—добродѣтелямъ разныхъ господъ, начиная со Спренгпортеновъ, Армфельтовъ, Ребиндеровъ и т. д., и кончая самимъ г. Мехелиномъ et consortes?

2. Полезно ли для Россіи и ея интересовъ то, что Выборгская губернія, бывшая цѣлыя столѣтія русскою, теперь отъ нея начисто отдѣлена къ Финляндіи, и что сія послѣдняя пользуется географическимъ положеніемъ, населеніемъ, доходами, естественными богатствами и пр. Выборгской губерніи во враждебномъ Россіи смыслѣ?

3. Полезно ли для Россіи, что русскіе люди, проливавшіе вѣками потоки крови за обладаніе Финляндіей, дошли, благодаря такъ-называемымъ финляндскимъ правамъ, до того, что въ тридцати верстахъ отъ своей столицы они уже не только перестаютъ быть хозяевами, но подвергаются повально полному ограниченію правъ, какъ бы за какое крупное преступленіе?

4. Полезно ли для Россіи, что въ Финляндіи водворилась особая монета, которая прилагаетъ свою долю участія въ дѣлѣ приниженія и обезцѣненія русской валюты?

5. Полезно ли для Россіи, что многія ея издѣлія и другіе товары обложены при ввозѣ въ Финляндію пошлиной, притомъ подчасъ равною стоимости самого издѣлія и товара?

6. Полезно ли для Россіи, что Финляндія на свой пай старается всѣми мѣрами ронять русскій престижъ за границей, выставляя себя самостоятельнымъ государствомъ, чѣмъ и самъ г. Мехелинъ усердно занимался, бывъ, по добродушному нашему невѣдѣнію, посланъ въ качествѣ эксперта помогать нашему посланнику въ Испаніи, князю Горчакову, при заключеніи съ нею торговаго договора? Полезно ли было для Россіи, что самъ онъ, г. Мехелинъ, драпировался при этомъ въ тогу отдѣльнаго посланника отъ Финляндіи, что̀ и отразилось довольно рельефно на заключенномъ договорѣ?

7. Полезно ли для Россіи уподобляться Турціи въ томъ, что русскаго человѣка судятъ въ русской области, именуемой Финляндіей, не русскіе люди, не русскимъ судомъ и не по русскимъ законамъ, а чуждые инородцы, въ инородческихъ судахъ, по инородческимъ законамъ?

8. Полезно ли для Россіи, что ея государственный языкъ изгнанъ въ Финляндіи даже изъ офиціальнаго употребленія?

9. Полезно ли для Россіи то, что ея государственная православная церковь,—бывшая въ части Финляндіи коренною съ самаго веденія тамъ христіанства,—съ каждымъ днемъ подавляется тамъ лютеранствомъ?

10. Насколько полезно Россіи и то, что единственный представитель ея власти въ этомъ краѣ, такъ сказать, лишенъ возможности видѣть тамъ что-либо въ настоящемъ свѣтѣ, потому что окруженъ

тройною, непроглядною стѣной иноязычнаго, иновѣрнаго и враждебнаго Россіи мѣстнаго чиновничества, сомкнутаго въ твердую, монолитную массу?

И такъ далѣе. Вопросы можно бы продолжать чуть ни до безконечности и по учебной, и по военной, и по желѣзнодорожной, и по морской, и по торгово-промышленной, и по инымъ частямъ...

Если г. Мехелинъ захочетъ отвѣтить честно, не кривя душой, то онъ долженъ отвѣтить на всѣ вышепоставленные вопросы отрицательно, долженъ признать, что все въ нихъ перечисленное вредно для Россіи.

1 января 1891 г.

По поводу кончины барона Бруна.

22-го августа умеръ министръ статсъ-секретарь Финляндіи, дѣйствительный тайный совѣтникъ Ѳедоръ Антоновичъ Брунъ и погребенъ во Фридрихсгамѣ. Болѣе 37 лѣтъ провелъ онъ на русской службѣ и получилъ на ней то, что дается не многимъ: хорошія средства, званіе сенатора, статсъ-секретаря, товарища главноуправляющаго бывшимъ II Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи. Въ 1881 году онъ былъ назначенъ сперва товарищемъ финляндскаго министра статсъ-секретаря, а чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ и министромъ. Собственно финляндской службѣ покойный отдалъ такимъ образомъ лишь семь лѣтъ и за нее получилъ баронское достоинство, бриллiантовые знаки ордена св. Александра Невскаго и высшій нашъ гражданскій чинъ.

Какъ человѣкъ, Ѳедоръ Антоновичъ пользовался между русскими доброю репутаціей и расположеніемъ; нельзя того же сказать на счетъ финляндцевъ: они не особенно долюбливали почившаго нынѣ барона, видя въ немъ болѣе русскаго, чѣмъ своего соотечественника, хотя это совершенно не вѣрно. Насъ особенно интересовала бы именно финлядская дѣятельность его; но предъ едва закрывшеюся могилой не слѣдъ входить въ критическій разборъ ея. Вообще же можно сказать, что на эту службу барона Бруна русскіе менѣе въ правѣ сѣтовать, чѣмъ на службу его предшественниковъ. Въ этомъ и лежитъ причина нелюбви къ нему многихъ финляндцевъ. Они за прежнее время привыкли видѣть въ финляндскомъ статсъ-секретарѣ перваго и самаго сильнаго врага Россіи. Пользуясь личными докладами у Государей, прежніе финляндскіе статсъ-секретари хитро и ловко достигали полученія такихъ повелѣній, которыя не только безгранично рас-

ширяли права Финляндіи въ ущербъ Россіи, но ограничивали въ отношеніи первой и самую Верховную Власть. И все это было дѣломъ не тѣхъ или другихъ сеймовъ, которые больше 50 лѣтъ не созывались, и не прежнихъ установленій, на которыя финляндцы любятъ ссылаться, а именно личныхъ докладовъ финляндскихъ статсъ-секретарей. Имена Ребиндера, обоихъ Армфельтовъ будутъ въ этомъ отношеніи намъ, русскимъ, всегда памятны. Нельзя сказать, чтобы не было такихъ случаевъ и при баронѣ Брунѣ. Они были и при немъ, но не столько по личнымъ его стремленіямъ, сколько подъ давленіемъ всего строя финляндскихъ порядковъ, которые сумѣли завести его предшественники; по характеру своему онъ противостоять имъ не могъ. Но, повторимъ, слѣдуя правилу de mortuis nil nisi bene, не будемъ касаться того: прегрѣшилъ ли, и насколько, покойный предъ Россіей, его благодѣтельницей.

Теперь предстоитъ назначеніе на вакантную должность. Припомнимъ, что года три назадъ была рѣчь, по крайней мѣрѣ въ финляндской печати, объ оставленіи барономъ Бруномъ своего поста; тогда же намѣчались его преемники. Печать муссировала, помнится, гг. Коскинена, Мехелина; упоминали, кажется, г. Монгоммери. Всѣ эти господа—члены высшаго въ Гельсингфорсѣ учрежденія, именуемаго Императорскимъ Финляндскимъ Сенатомъ. Къ слову сказать, это названіе, какъ и многое другое, есть дѣло статсъ-секретарей финляндцевъ. При началѣ этого учрежденія финляндскимъ статсъ-секретаремъ былъ Сперанскій. Какъ ни навредилъ онъ Россіи нелѣпою постановкой ея отношеній къ только-что покоренной тогда Финляндіи, но тамошній нынѣ рекомый сенатъ назывался при немъ просто совѣтомъ правленія или правительственнымъ совѣтомъ. Громкое имя Императорскаго финляндскаго сената явилось потомъ, когда Сперанскаго уже не было, по личному докладу финляндца Ребиндера. Этимъ наименованіемъ ближе подходили къ прежнему шведскому сенату, который былъ всесиленъ и умалилъ королевскую власть до ничтожества. Манифестъ, по этому случаю тогда изданный, распространялся о вещахъ совершенно неумѣстныхъ въ такомъ маловажномъ дѣлѣ, какъ переименованіе областного присутственнаго мѣста. Но это нужно было финляндцамъ для того, чтобы дать въ дальнѣйшемъ поводъ толковать этотъ третьестепенный документъ, какъ нѣчто органическое. Манифестъ сочиненъ былъ тѣмъ же Ребиндеромъ, статсъ-секретаремъ финляндцевъ.

Изъ названныхъ кандидатовъ два первые уже извѣстны русской публикѣ. Юрьёо Коскиненъ и Леопольдъ-Генрихъ-Станиславъ Мехелинъ суть два столпа финляндскаго сепаратизма, которые,

несмотря на свое официальное положеніе, обязывающее, казалось бы, къ извѣстной сдержанности, находятъ возможнымъ прямо и громко проповѣдывать въ печати государственную отдѣльность Финляндіи отъ Россіи, вопреки всѣмъ основамъ исторической правды и добросовѣстности.

Ю. Коскиненъ еще пятнадцать лѣтъ назадъ сочинилъ свою Исторію Финляндіи, переведенную на нѣмецкій языкъ и изданную въ 1874 г. въ Лейпцигѣ тою же фирмой Duncker & Humblot, которая съ величайшимъ усердіемъ печатала всѣ противорусскія писанія балтійскихъ враговъ Россіи, Бинемана, Юлія Эккарта, Ширрена и др. Въ этой своей книгѣ г. Коскиненъ не затруднился цѣлый послѣдній отдѣлъ наименовать: «Финляндія, какъ государство въ уніи съ Россіей», и на 60 страницахъ развивалъ свою тенденцію, tirée par les cheveux, толкуя событія вкривь и вкось. Эта книга г. Коскинена, въ видахъ укорененія такой тенденціи въ финскомъ народѣ, на одномъ изъ недавнихъ сеймовъ пріобрѣтена въ національную финляндскую собственность и обязательно принята для народныхъ школъ. Къ несчастію, и нѣкоторые наши публицисты, даже ученые, въ блаженномъ невѣдѣніи стали руководиться этою Исторіей, какъ авторитетомъ.

Г. Коскинену за эти труды судьба очень привѣтливо улыбалась и, кромѣ матеріальныхъ выгодъ, принесла и почетъ: происходя изъ крестьянъ, онъ получилъ уже финляндское дворянство за заслуги отечеству и посаженъ на прочное и выгодное мѣсто въ качествѣ члена финляндскаго сената. Поощряемый такимъ образомъ къ униженію значенія Россіи, г. Коскиненъ въ 1882 г. издалъ въ Гельсингфорсѣ на финскомъ и французскомъ языкахъ переписку перваго русскаго генералъ-губернатора Финляндіи, шведскаго бѣглеца, приговореннаго въ качествѣ измѣнника къ висѣлицѣ, Спренгтпортена, котораго онъ возвелъ въ народные герои. Предисловіе начинается такими словами: «Ничего нѣтъ отраднѣе для патріотическаго чувства, какъ начало организаціи Финляндіи въ качествѣ особаго государства (état séparé)». Онъ восхваляетъ Спренгтпортена, какъ политическаго дѣятеля, «который умѣлъ отвратить отъ отечества опасности владычества, основаннаго на побѣдахъ». Еще далѣе онъ называетъ Спренгтпортена первымъ генералъ-губернаторомъ «независимой Финляндіи (de la Finlande indépendante)». Нѣтъ надобности говорить, что это ложь, вполнѣ опровергаемая несомнѣнными документами. Но г. Коскиненъ пріобрѣлъ себѣ мѣстную популярность, и печать предлагаетъ его русскому Государю въ качествѣ ближайшаго совѣтника по финляндскимъ дѣламъ. До того, что для Россіи это крайне вредная личность, ей, конечно, нѣтъ дѣла.

Второй кандидатъ, г. Мехелинъ, извѣстенъ русской публикѣ по изданному въ прошломъ году переводу его Основъ государственнаго якобы устройства Финляндіи и по напечатанной въ этомъ году въ Русскомъ Вѣстникѣ статьѣ «Какъ было дѣло?» [1]). Своевременно въ четырехъ нумерахъ Московскихъ Вѣдомостей была помѣщена по этому предмету обширная статья подъ заглавіемъ «Легенда о Финляндскомъ государствѣ». Прочитавъ все это, легко видѣть, насколько полезенъ Россіи характеръ дѣятельности г. Мехелина. Но она началась не теперь. Еще въ 1877 году г. Мехелинъ издалъ Основные законы Финляндіи—Finlands Grundlagar, со своимъ предисловіемъ, въ которомъ сепаратистскія тенденціи не менѣе очевидны, какъ и въ его Конституціи или въ произведеніяхъ г. Коскинена. Засимъ, не будемъ на немъ останавливаться. Скажемъ лишь, что не далѣе прошлаго года г. Мехелинъ дѣйствовалъ въ качествѣ уже международнаго представителя и заключалъ вмѣстѣ съ княземъ Горчаковымъ, посланникомъ нашимъ при Мадридскомъ дворѣ, торговый договоръ съ Испаніей, въ которомъ интересы Россіи оказались пренебреженными, а Финляндія фигурировала, какъ нѣчто самостоятельное. Въ подлежащемъ министерствѣ просмотрѣли, что, ставя г. Мехелина къ такого рода дѣлу, наносятъ Россіи вредъ и играютъ въ руку врагамъ. Эти послѣдніе, не имѣя легальныхъ данныхъ, ухватываются за всякій случай проявить мнимую свою самостоятельность если не качествомъ актовъ, то ихъ количествомъ. И въ самомъ дѣлѣ: подписывается подъ договоромъ князь Горчаковъ, а вслѣдъ за нимъ г. Мехелинъ. Въ договорѣ рѣчь идетъ о Россіи и особо о Финляндіи. Оба прикладываютъ печати своихъ гербовъ (кстати, г. Мехелинъ получилъ таковой при пожалованіи въ дворянство въ 1877 году, какъ разъ тогда, когда издавалъ свои сепаратистскіе Основные законы Финляндіи). И вотъ, пройдетъ нѣсколько лѣтъ, и финляндцы будутъ уже ссылаться на договоръ съ Испаніей, какъ на документъ, въ которомъ Финляндія была одною изъ договаривающихся сторонъ. Это будетъ неточно, но не все ли равно? Минувшія 75 лѣтъ показали, что подобная система приводитъ къ желаемой цѣли, и довольно... Насчетъ такого кандидата въ финляндскіе статсъ-секретари едва ли могутъ быть у истинно-русскихъ людей разныя мнѣнія.

Г. Монгоммери безспорно самый умный, но и самый тонкій изъ трехъ названныхъ лицъ; тѣмъ болѣе онъ опасенъ для Россіи. Его

---

[1]) Переводъ подъ названіемъ: Конституція Финляндіи въ изложеніи мѣстнаго сенатора Л. Мехелина съ примѣчаніями по русскимъ документамъ К. Ордина. Его же и названная статья въ майской книжкѣ Русскаго Вѣстника за 1888 годъ. См. въ этомъ изданіи стр. 34 и 39.

тенденціи хорошо видны, напр., изъ его Notices sur les travaux législatifs de la diète du grand-duché de Finlande (1863—1879), напечатанныхъ въ Annuaire de la Société de législation comparée за 1881 годъ. Этого уже достаточно для оцѣнки направленія почтеннаго автора. Прежде названные двое остаются назади. Но такъ какъ у финляндцевъ есть выдержка въ преслѣдованіи цѣли, то г. Монгоммери достигъ уже того, что въ нынѣшнемъ году предложенъ финляндскимъ сенатомъ въ члены комитета финляндскихъ дѣлъ въ Петербургѣ. Министръ статсъ-секретарь въ немъ председатель. Дорога изъ членовъ въ предсѣдатели можетъ быть очень короткая.

Истекшіе три четверти вѣка несомнѣнно доказали, что Россія ежедневно, можно сказать ежечасно, теряетъ въ Финляндіи свой вѣсъ и значеніе. Не говоря о побережьяхъ Финскаго и Ботническаго заливовъ, которые совсѣмъ ушли изъ русскихъ рукъ, болѣе половины Ладожскаго озера перестала быть русскою, и финляндскія таможни потихоньку и незамѣтно расползаются все шире и дальше; какъ паутина захватываютъ онѣ островки русскаго озера, все больше и больше стѣсняя русскую торговлю, промышленность, поселенія. Безправіе русскихъ людей въ Финляндіи дошло до предѣловъ возмутительныхъ. Ужели это въ порядкѣ вещей? Не пора ли остановить торжество побѣжденнаго? Но, конечно, не отъ статсъ-секретаря изъ финляндцевъ можно ожидать, чтобъ онъ взялъ на себя обуздывать хищные аппетиты соотечественниковъ.

Мы, русскіе, съ радостію видимъ, что за послѣдніе годы у насъ возстановляется изъ былого многое такое, что служитъ нашему отечеству на пользу, къ соблюденію чести его и достоинства. Не было бы худо и тутъ припомнить стародавній примѣръ. Первый статсъ-секретарь Финляндіи былъ русскій. Какъ ни былъ увлеченъ тогда Сперанскій модными идеями, русское значеніе въ Финляндіи все-таки было при немъ безъ сравненія выше, чѣмъ теперь. Помимо финляндцевъ, не только вѣрные и честные, но и знающіе люди найдутся и между русскими.

9 сентября 1888 г.

Откуда пошли финляндскіе статсъ-секретари?

Больше мѣсяца не писалъ я, поджидая чѣмъ разрѣшится, вызванный смертью барона Бруна вопросъ о новомъ финляндскомъ министрѣ статсъ-секретарѣ, вопросъ существенный не для однихъ финляндцевъ. Упорный и очень вѣроятный слухъ держится на счетъ нынѣшняго временнаго замѣстителя барона Бруна, генерала Эрнрота [1]. Это не мѣшаетъ, однако, мѣстной печати, съ неугомонною Nya Pressen во главѣ, назойливо муссировать разныхъ господъ изъ здѣшняго сената, въ родѣ тѣхъ, что̀ упомянуты мною прошлый разъ [2]. Сенатъ—это высшее правительственное учрежденіе Финляндіи. Онъ же и центральный очагъ, въ которомъ завариваются и пекутся самыя горячія и пикантныя снадобья для возбужденія аппетитовъ къ противодѣйствію Россіи и къ пропагандѣ государственной самостоятельности края. Наши знакомые, гг. Коскиненъ, Мехелинъ, Монгоммери, эти сепаратисты чистѣйшей воды и высшей пробы, всѣ трое состоятъ членами финляндскаго сената [3].

Но пока, за неизвѣстностью, кто водворится на мѣсто барона Бруна въ прекрасномъ петербургскомъ помѣщеніи противъ Николы Морского, нельзя ничего гадать насчетъ будущаго. Поэтому заглянемъ немного въ прошедшее. Что̀ такое финляндскій статсъ-секретарь, и откуда пошло его начало?

Тутъ мы сразу встрѣчаемся съ вещами удивительными; но для уразумѣнія ихъ надо сдѣлать небольшое отступленіе. Финляндскіе государственники, конечно, стараются пристягнуть это должностное лицо къ прежней шведской конституціи, бывшей еще до покоренія Финляндіи Россіей. Извѣстно, что они всѣми мѣрами стараются напялить ее на свой край и тѣмъ самымъ связать русскую верховную власть. Для людей, ближе знающихъ финляндскія дѣла, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что хотя финляндцы постоянно и съ апломбомъ говорятъ и пишутъ объ этой своей конституціи, какъ о чемъ-то безспорномъ, тѣмъ не менѣе, они ея не имѣютъ въ законной формѣ и въ дѣйствительныхъ безспорныхъ актахъ. Это маленькое обстоятельство никогда не надо упускать изъ виду,

---

[1]) Слухъ этотъ впослѣдствіи оправдался.

[2]) Предыдущая статья.

[3]) И, кстати сказать, кавалерами нашего почетнаго и чисто-русскаго ордена св. Владиміра, притомъ 3-й степени. Девизъ ордена, какъ извѣстно, «польза, честь и слава»—конечно Россіи. Прим. автора.

Въ 1907 г., какъ сообщали газеты, финляндскій генералъ-губернаторъ Герардъ ходатайствовалъ о награжденіи Мехелина «за выдающіяся отличія» орденомъ св. Анны I степени. Прим. изд.

когда рѣчь идетъ о финляндскихъ дѣлахъ. Они только добивались признанія и узаконенія этой шведской конституціи, пользуясь разными случаями; но всѣ ихъ подходы еще не увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Въ послѣднее время мѣстные государственные мужи опять пошли къ той же цѣли путемъ дальнимъ и кривымъ, но благовиднымъ: занялись приведеніемъ будто бы въ систему дѣйствующихъ въ Финляндіи узаконеній, то-есть ихъ кодификаціей.

Проектъ послѣдней составленъ, напечатанъ, конечно по-шведски, но еще не утвержденъ Высочайшею властію. Это не мѣшало, впрочемъ, помнится, нѣкоторымъ ораторамъ на сеймѣ нынѣшняго года ссылаться на него уже, какъ бы на дѣйствительный законъ. Слышалъ я, что и съ каѳедры гельсингфорсскаго университета эта кодификація трактуется въ томъ же смыслѣ.

Въ проектѣ отведено, конечно, мѣсто и финляндскому статсъ-секретарю, именно въ § 17. Подъ статьей три цитаты; двѣ какъ разъ указываютъ источниками: «форму правленія 1772 года» и такъ-называемый «актъ соединенія и безопасности 1789 года»; оба эти узаконенія и составляютъ шведскую или такъ называемую финляндскую конституцію.

Кодификаторы изложили § 17 въ такомъ видѣ:

Дѣла, подлежащія личному разрѣшенію Императора и Великаго Князя, вносятся къ нему статсъ-секретаремъ, который долженъ быть природнымъ финляндцемъ (infödde finske män).

Въ цитатахъ приведены: §§ 10 и 21 формы правленія и § 1 акта соединенія и безопасности; никакого повелѣнія или распоряженія русскихъ Государей не упоминается. Но что же говорятъ эти параграфы? § 21-й трактуетъ о четвертой коллегіи, или о государственной канцеляріи Шведскаго королевства. Въ составъ ея входили разные государственные чины, и между прочимъ статсъ-секретарь; на его отвѣтственности лежала вѣрность бумагъ, объявляющихъ королевскія повелѣнія. Въ § 10 говорится о порядкѣ назначенія на должности и, между прочимъ, о томъ, что иностранцы не могутъ занимать извѣстныхъ мѣстъ, на которыхъ обязательно должны состоять люди государственной національности, то-есть шведы. Это особенно точно выражено въ послѣдне-цитированномъ § 1 акта соединенія и безопасности, гдѣ категорически постановлено, что высшія государственныя должности должны быть замѣщаемы природными шведами (med infödde Svenske män). Замѣтьте: именно шведами; людямъ подвластныхъ національностей, финнамъ, померанцамъ и подобнымъ провинціаламъ доступъ къ этимъ должностямъ не былъ открытъ.

По здравой логикѣ нужно, конечно, такъ разсуждать: вы, Финляндія, были шведскою провинціей и имѣли свои права и

преимущества въ составѣ Шведскаго государства; но только его, этого государства, коренные люди могли стоять надъ вами, чтобы блюсти государственные интересы, которые выше интересовъ провинціальныхъ. Послѣ 1808—9 годовъ вы стали русскою провинціей,—это безспорно, какими бы софизмами вы ни вооружались; вамъ сохранили ваши привилегіи, но надъ вами государственная власть, вмѣсто прежней шведской, стала русская, и облечены ею должны быть, вмѣсто шведовъ, русскіе люди.

Но почтенные новѣйшіе кодификаторы какъ-то странно забываютъ, что Императоръ Александръ Павловичъ, покоривъ Финляндію, обѣщалъ только сохранить ей прежнія права и привилегіи, а вовсе не расширить ихъ, въ добавокъ еще съ умаленіемъ своей власти. При такомъ невинномъ забвеніи, эти господа переносятъ со шведовъ не на Россію, а на финляндцевъ, всѣ права, принадлежащія государственной національности, и храбро пишутъ: статсъ-секретарь, бывшій шведъ, будетъ теперь финляндецъ. Пріемъ, дѣйствительно, очень смѣлый: выходитъ, что часть равна цѣлому. Впрочемъ, такой фокусъ по большей части удавался этимъ господамъ, и они продолжаютъ продѣлывать его съ успѣхомъ, благо нѣтъ протеста.

Но это собственно часть § 17. Въ немъ есть еще alinea, и въ ней такое поясненіе: «Поэтому бумаги (expedition), въ которыхъ содержатся повелѣнія Императора и Великаго Князя, считаются недѣйствительными, если онѣ не контрасигнированы или не подписаны статсъ-секретаремъ» (kontrasignenad eller underskrifven). Контрасигнируются только акты, носящіе подпись Государя. Русскій Императоръ ставится, слѣдовательно, въ такое положеніе, что если г. финляндецъ статсъ-секретарь не соблагоизволитъ, то Его монаршая подпись и воля безсильны. Только чрезъ этого финляндца—если онъ пожелаетъ—можетъ Русскій Самодержецъ объявить свою державную волю. Онъ не можетъ этого довѣрить и своему въ краѣ главному начальнику, генералъ-губернатору. Только финляндецъ статсъ-секретарь—или Верховная Власть умолкаетъ. Такъ гласятъ кодификаторы.

На чемъ же, однако, основана эта удивительная статья? Во-первыхъ, на томъ же § 21 формы правленія, русскими государями не узаконенной, и во-вторыхъ... на практикѣ. Не вѣрите? Поглядите въ печатномъ проектѣ на стр. 7: тамъ, именно въ цитатѣ къ этому пункту, стоитъ слово Praxis... Практику эту, конечно, сочинили сами финляндцы статсъ-секретари: въ болѣе отдаленныхъ актахъ ея не было...

Но какъ же на дѣлѣ явились у русскаго престола финляндскіе статсъ-секретари?

Переписка по поводу шведской войны 1808 года шла обычнымъ путемъ чрезъ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ. Туда же стали поступать разныя бумаги, которыми засыпали Русское правительство всякіе шведскіе выходцы. Такъ продолжалось до конца года. Но глава министерства, графъ Румянцовъ, бывшій вмѣстѣ съ императоромъ Александромъ въ Эрфуртѣ на свиданіи съ Наполеономъ и ведшій въ отношеніи Финляндіи вполнѣ русскую политику, остался при Наполеонѣ, между тѣмъ какъ Александръ Павловичъ возвратился въ Петербургъ. Съ нимъ вернулся и Сперанскій. Финляндскія дѣла докладывалъ товарищъ Румянцова по министерству, графъ Салтыковъ, человѣкъ очень второстепенный. Императоръ Александръ нашелъ за лучшее передать ихъ Сперанскому, сумѣвшему за время путешествія пріобрѣсти особенное расположеніе Государя. Въ декабрѣ, дѣйствительно, Сперанскій, который былъ тогда товарищемъ министра юстиціи, офиціально объявилъ о данномъ ему Высочайшемъ повелѣніи сноситься по дѣламъ новопокоренной Финляндіи съ министрами и докладывать Его Величеству.

Такъ явился финляндскій статсъ-секретарь. Съ начала 1810 года Сперанскій вступилъ въ должность государственнаго секретаря, но сохранилъ по прежнему завѣдываніе финляндскими дѣлами. Это было естественно и правильно, такъ какъ въ его же рукахъ были и общерусскіе интересы. У него былъ только помощникъ изъ Финляндцевъ, баронъ Ребиндеръ. Какіе были у перваго либеральные взгляды,—къ вопросу не относится. Мечтавшій о конституціи для Россіи, Сперанскій, подъ давленіемъ, очевидно, болѣе мощной силы, настоятельно запрещалъ на Боргоскомъ сеймѣ говорить о конституціи для Финляндіи, и о ней, дѣйствительно, не было никакихъ офиціальныхъ, не только актовъ, но и разговоровъ. Это фактъ положительный.

Не имѣется, повторяю, никакихъ легальныхъ данныхъ для того, чтобы къ финляндскому статсъ-секретарю пріурочивать шведскую конституцію, да еще, искажая ея смыслъ, обязывать русскаго Государя брать этого чиновника изъ чистокровныхъ финляндцевъ. Интрига—другое дѣло. По дѣламъ финляндскимъ, замаскированныя, подпольныя дѣйствія лежали въ основѣ всего. Интрига, въ которой, можно думать, участвовалъ финляндецъ Армфельтъ, ненавидѣвшій Россію, но вкравшійся въ довѣріе Александра I, повалила Сперанскаго. На его мѣсто при финляндскихъ дѣлахъ естественно, особенно при внушеніяхъ того же Армфельта, сталъ помощникъ Сперанскаго, Ребиндеръ. Лихая пара финляндцевъ, гдѣ только могла, бойко покатила подъ гору достоинство Россіи и ея интересы.

Но при чемъ же тутъ шведская конституція? И по какимъ законамъ вчерашней интригѣ обязательно должно быть предоставлено торжествовать и завтра?[1])

9 октября 1882 г.

Еще шагъ: мы назадъ, они впередъ.

Статсъ-секретаріатъ финляндскій, находящійся въ Петербургѣ, и его канцелярія, составляютъ въ сущности одну изъ частей Собственной Его Величества Канцеляріи. Гельсингфорсскія официальныя изданія такъ именно ихъ и называютъ «Hans Majestät Keisarens Kansli för Finland», то-есть Канцелярія Его Величества Императора по финляндскимъ дѣламъ. При статсъ-секретаріатѣ состоитъ комитетъ финляндскихъ дѣлъ [2]). Подобные же статсъ-секретаріатъ, комитетъ и канцелярія были прежде и по дѣламъ Царства Польскаго.

На обязанности комитета лежитъ разсмотрѣніе важнѣйшихъ дѣлъ, идущихъ на утвержденіе Верховной Власти; финляндскій министръ статсъ-секретарь, предсѣдающій въ комитетѣ, подноситъ ихъ Императору вмѣстѣ съ тѣми, кои входятъ въ кругъ предметовъ личнаго его доклада. Такимъ образомъ, въ канцеляріи статсъ-секретаріата сходятся всѣ важнѣйшія дѣла по Финляндіи. Кстати скажу, что комитетъ финляндскихъ дѣлъ состоитъ изъ статсъ-секретаря и его помощника, обоихъ финляндцевъ; изъ двухъ членовъ, командируемыхъ на три года отъ гельсингфорскаго сената, также чистокровныхъ финляндцевъ (теперь гг. Океръ-Бломъ и извѣстный изъ прежнихъ моихъ писемъ Монгоммери); наконецъ, есть еще одинъ русскій членъ, равный по праву голоса съ финляндскими сотоварищами. Этотъ послѣдній не имѣетъ никакого иного официальнаго положенія и прямо зависитъ отъ благорасположенія статсъ-секретаря: его утвержденіе также возобновляется каждые три года, съ тою только разницей, что финляндскіе члены-сенаторы возвращаются изъ состава комитета на готовыя мѣста въ свой сенатъ и сохраняютъ оклады, а русскій членъ, въ случаѣ неутвержденія, остается между небомъ и землей, и безъ мѣста и безъ оклада. Предоставляю судить, не касаясь личности нынѣшняго русскаго члена, насколько вообще можно проявить независи-

---

[1]) Припомнимъ слова Императора Александра I, сказанныя имъ Армфельту: «Я властенъ только въ настоящемъ, будущее принадлежитъ инымъ властямъ, за которыхъ я ручаться не могу».

[2]) Впослѣдствіи комитетъ этотъ упраздненъ. Прим. издателя.

Переписка по поводу шведской войны 1808 года шла обычнымъ путемъ чрезъ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ. Туда же стали поступать разныя бумаги, которыми засыпали Русское правительство всякіе шведскіе выходцы. Такъ продолжалось до конца года. Но глава министерства, графъ Румянцовъ, бывшій вмѣстѣ съ императоромъ Александромъ въ Эрфуртѣ на свиданіи съ Наполеономъ и ведшій въ отношеніи Финляндіи вполнѣ русскую политику, остался при Наполеонѣ, между тѣмъ какъ Александръ Павловичъ возвратился въ Петербургъ. Съ нимъ вернулся и Сперанскій. Финляндскія дѣла докладывалъ товарищъ Румянцова по министерству, графъ Салтыковъ, человѣкъ очень второстепенный. Императоръ Александръ нашелъ за лучшее передать ихъ Сперанскому, сумѣвшему за время путешествія пріобрѣсти особенное расположеніе Государя. Въ декабрѣ, дѣйствительно, Сперанскій, который былъ тогда товарищемъ министра юстиціи, оффиціально объявилъ о данномъ ему Высочайшемъ повелѣніи сноситься по дѣламъ новопокоренной Финляндіи съ министрами и докладывать Его Величеству.

Такъ явился финляндскій статсъ-секретарь. Съ начала 1810 года Сперанскій вступилъ въ должность государственнаго секретаря, но сохранилъ по прежнему завѣдываніе финляндскими дѣлами. Это было естественно и правильно, такъ какъ въ его же рукахъ были и общерусскіе интересы. У него былъ только помощникъ изъ Финляндцевъ, баронъ Ребиндеръ. Какіе были у перваго либеральные взгляды,—къ вопросу не относится. Мечтавшій о конституціи для Россіи, Сперанскій, подъ давленіемъ, очевидно, болѣе мощной силы, настоятельно запрещалъ на Боргоскомъ сеймѣ говорить о конституціи для Финляндіи, и о ней, дѣйствительно, не было никакихъ оффиціальныхъ, не только актовъ, но и разговоровъ. Это фактъ положительный.

Не имѣется, повторяю, никакихъ легальныхъ данныхъ для того, чтобы къ финляндскому статсъ-секретарю пріурочивать шведскую конституцію, да еще, искажая ея смыслъ, обязывать русскаго Государя брать этого чиновника изъ чистокровныхъ финляндцевъ. Интрига—другое дѣло. По дѣламъ финляндскимъ, замаскированныя, подпольныя дѣйствія лежали въ основѣ всего. Интрига, въ которой, можно думать, участвовалъ финляндецъ Армфельтъ, ненавидѣвшій Россію, но вкравшійся въ довѣріе Александра I, повалила Сперанскаго. На его мѣсто при финляндскихъ дѣлахъ естественно, особенно при внушеніяхъ того же Армфельта, сталъ помощникъ Сперанскаго, Ребиндеръ. Лихая пара финляндцевъ, гдѣ только могла, бойко покатила подъ гору достоинство Россіи и ея интересы.

Но при чемъ же тутъ шведская конституція? И по какимъ законамъ вчерашней интригѣ обязательно должно быть предоставлено торжествовать и завтра? [1])

9 октября 1882 г.

Еще шагъ: мы назадъ, они впередъ.

Статсъ-секретаріатъ финляндскій, находящійся въ Петербургѣ, и его канцелярія, составляютъ въ сущности одну изъ частей Собственной Его Величества Канцеляріи. Гельсингфорсскія офиціальныя изданія такъ именно ихъ и называютъ «Hans Majestät Keisarens Kansli för Finland», то-есть Канцелярія Его Величества Императора по финляндскимъ дѣламъ. При статсъ-секретаріатѣ состоитъ комитетъ финляндскихъ дѣлъ [2]). Подобные же статсъ-секретаріатъ, комитетъ и канцелярія были прежде и по дѣламъ Царства Польскаго.

На обязанности комитета лежитъ разсмотрѣніе важнѣйшихъ дѣлъ, идущихъ на утвержденіе Верховной Власти; финляндскій министръ статсъ-секретарь, предсѣдающій въ комитетѣ, подноситъ ихъ Императору вмѣстѣ съ тѣми, кои входятъ въ кругъ предметовъ личнаго его доклада. Такимъ образомъ, въ канцеляріи статсъ-секретаріата сходятся всѣ важнѣйшія дѣла по Финляндіи. Кстати скажу, что комитетъ финляндскихъ дѣлъ состоитъ изъ статсъ-секретаря и его помощника, обоихъ финляндцевъ; изъ двухъ членовъ, командируемыхъ на три года отъ гельсингфорскаго сената, также чистокровныхъ финляндцевъ (теперь гг. Океръ-Бломъ и извѣстный изъ прежнихъ моихъ писемъ Монгоммери); наконецъ, есть еще одинъ русскій членъ, равный по праву голоса съ финляндскими сотоварищами. Этотъ послѣдній не имѣетъ никакого иного офиціальнаго положенія и прямо зависитъ отъ благорасположенія статсъ-секретаря: его утвержденіе также возобновляется каждые три года, съ тою только разницей, что финляндскіе члены-сенаторы возвращаются изъ состава комитета на готовыя мѣста въ свой сенатъ и сохраняютъ оклады, а русскій членъ, въ случаѣ неутвержденія, остается между небомъ и землей, и безъ мѣста и безъ оклада. Предоставляю судить, не касаясь личности нынѣшняго русскаго члена, насколько вообще можно проявить независи-

---

[1]) Припомнимъ слова Императора Александра I, сказанныя имъ Армфельту: «Я властенъ только въ настоящемъ, будущее принадлежитъ инымъ властямъ, за которыхъ я ручаться не могу».

[2]) Впослѣдствіи комитетъ этотъ упраздненъ. Прим. издателя.

Переписка по поводу шведской войны 1808 года шла обычнымъ путемъ чрезъ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ. Туда же стали поступать разныя бумаги, которыми засыпали Русское правительство всякіе шведскіе выходцы. Такъ продолжалось до конца года. Но глава министерства, графъ Румянцовъ, бывшій вмѣстѣ съ императоромъ Александромъ въ Эрфуртѣ на свиданіи съ Наполеономъ и ведшій въ отношеніи Финляндіи вполнѣ русскую политику, остался при Наполеонѣ, между тѣмъ какъ Александръ Павловичъ возвратился въ Петербургъ. Съ нимъ вернулся и Сперанскій. Финляндскія дѣла докладывалъ товарищъ Румянцова по министерству, графъ Салтыковъ, человѣкъ очень второстепенный. Императоръ Александръ нашелъ за лучшее передать ихъ Сперанскому, сумѣвшему за время путешествія пріобрѣсти особенное расположеніе Государя. Въ декабрѣ, дѣйствительно, Сперанскій, который былъ тогда товарищемъ министра юстиціи, оффиціально объявилъ о данномъ ему Высочайшемъ повелѣніи сноситься по дѣламъ новопокоренной Финляндіи съ министрами и докладывать Его Величеству.

Такъ явился финляндскій статсъ-секретарь. Съ начала 1810 года Сперанскій вступилъ въ должность государственнаго секретаря, но сохранилъ по прежнему завѣдываніе финляндскими дѣлами. Это было естественно и правильно, такъ какъ въ его же рукахъ были и общерусскіе интересы. У него былъ только помощникъ изъ Финляндцевъ, баронъ Ребиндеръ. Какіе были у перваго либеральные взгляды,—къ вопросу не относится. Мечтавшій о конституціи для Россіи, Сперанскій, подъ давленіемъ, очевидно, болѣе мощной силы, настоятельно запрещалъ на Боргоскомъ сеймѣ говорить о конституціи для Финляндіи, и о ней, дѣйствительно, не было никакихъ оффиціальныхъ, не только актовъ, но и разговоровъ. Это фактъ положительный.

Не имѣется, повторяю, никакихъ легальныхъ данныхъ для того, чтобы къ финляндскому статсъ-секретарю пріурочивать шведскую конституцію, да еще, искажая ея смыслъ, обязывать русскаго Государя брать этого чиновника изъ чистокровныхъ финляндцевъ. Интрига—другое дѣло. По дѣламъ финляндскимъ, замаскированныя, подпольныя дѣйствія лежали въ основѣ всего. Интрига, въ которой, можно думать, участвовалъ финляндецъ Армфельтъ, ненавидѣвшій Россію, но вкравшійся въ довѣріе Александра I, повалила Сперанскаго. На его мѣсто при финляндскихъ дѣлахъ естественно, особенно при внушеніяхъ того же Армфельта, сталъ помощникъ Сперанскаго, Ребиндеръ. Лихая пара финляндцевъ, гдѣ только могла, бойко покатила подъ гору достоинство Россіи и ея интересы.

Но при чемъ же тутъ шведская конституція? И по какимъ законамъ вчерашней интригѣ обязательно должно быть предоставлено торжествовать и завтра?[1])

9 октября 1882 г.

Еще шагъ: мы назадъ, они впередъ.

Статсъ-секретаріатъ финляндскій, находящійся въ Петербургѣ, и его канцелярія, составляютъ въ сущности одну изъ частей Собственной Его Величества Канцеляріи. Гельсингфорсскія официальныя изданія такъ именно ихъ и называютъ «Hans Majestät Keisarens Kansli för Finland», то-есть Канцелярія Его Величества Императора по финляндскимъ дѣламъ. При статсъ-секретаріатѣ состоитъ комитетъ финляндскихъ дѣлъ [2]). Подобные же статсъ-секретаріатъ, комитетъ и канцелярія были прежде и по дѣламъ Царства Польскаго.

На обязанности комитета лежитъ разсмотрѣніе важнѣйшихъ дѣлъ, идущихъ на утвержденіе Верховной Власти; финляндскій министръ статсъ-секретарь, предсѣдающій въ комитетѣ, подноситъ ихъ Императору вмѣстѣ съ тѣми, кои входятъ въ кругъ предметовъ личнаго его доклада. Такимъ образомъ, въ канцеляріи статсъ-секретаріата сходятся всѣ важнѣйшія дѣла по Финляндіи. Кстати скажу, что комитетъ финляндскихъ дѣлъ состоитъ изъ статсъ-секретаря и его помощника, обоихъ финляндцевъ; изъ двухъ членовъ, командируемыхъ на три года отъ гельсингфорскаго сената, также чистокровныхъ финляндцевъ (теперь гг. Океръ-Бломъ и извѣстный изъ прежнихъ моихъ писемъ Монгоммери); наконецъ, есть еще одинъ русскій членъ, равный по праву голоса съ финляндскими сотоварищами. Этотъ послѣдній не имѣетъ никакого иного официальнаго положенія и прямо зависитъ отъ благорасположенія статсъ-секретаря: его утвержденіе также возобновляется каждые три года, съ тою только разницей, что финляндскіе члены-сенаторы возвращаются изъ состава комитета на готовыя мѣста въ свой сенатъ и сохраняютъ оклады, а русскій членъ, въ случаѣ неутвержденія, остается между небомъ и землей, и безъ мѣста и безъ оклада. Предоставляю судить, не касаясь личности нынѣшняго русскаго члена, насколько вообще можно проявить независи-

---

[1]) Припомнимъ слова Императора Александра I, сказанныя имъ Армфельту: «Я властенъ только въ настоящемъ, будущее принадлежитъ инымъ властямъ, за которыхъ я ручаться не могу».

[2]) Впослѣдствіи комитетъ этотъ упраздненъ. Прим. издателя.

мости и значенія при такомъ положеніи. Это, впрочемъ, мимоходомъ, какъ одна изъ тысячи иллюстрацій къ финляндскимъ дѣламъ, установившимся при статсъ-секретаряхъ финляндцахъ.

При Сперанскомъ ничего подобнаго не было: изъ четырехъ членовъ двое были русскіе и двое финляндцы; предсѣдатель былъ русскій.

Дѣла комитета также ведутся въ упомянутой канцеляріи. Нѣтъ надобности говорить, что всѣ старшіе ея чиновники финляндцы [1]; исключеніе сдѣлано только изъ двухъ канцеляристовъ, и то, впрочемъ, младшихъ, и для одного копіиста; эти господа носятъ русскія фамиліи.

Но помимо состава комитета и канцеляріи, очевидно, что въ этой послѣдней сосредоточивается производство дѣлъ наибольшей важности, удостоиваемыхъ разсмотрѣнія русскаго Монарха, притомъ дѣлъ, касающихся не только Финляндіи, но и Россіи, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда трактуются интересы общіе или высшаго государственнаго порядка. Изъ этихъ дѣлъ, и главнымъ образомъ, только изъ нихъ, можно почерпнуть вѣрныя и подробныя свѣдѣнія о взаимныхъ отношеніяхъ Имперіи и ея автономной провинціи.

И что же? Въ недавнее время архивъ финляндскаго статсъ-секретаріата перемѣстился въ гельсингфорсскій главный, именуемый статсъ-архивъ. Какъ могло случиться, что архивъ, заключающій дѣлопроизводство собственной канцеляріи русскихъ Государей, увезенъ изъ русской столицы? Это представляло бы загадку, если бы всѣ финляндскія дѣла не представляли одной сплошной загадки, легко, впрочемъ, разрѣшимой, лишь только овладѣть ключемъ къ ней.

Покойный статсъ-секретарь Брунъ довольно наивно мотивировалъ это удивительное перемѣщеніе (оно состоялось незадолго до его смерти) тѣснотой дома статсъ-секретаріата. Домъ, дѣйствительно, менѣе грандіозенъ, чѣмъ стоящій рядомъ домъ бывшаго статсъ-секретаріата Царства Польскаго, однако, трехъ-этажный и на взглядъ не кажется малымъ: представительная квартира финляндскаго министра, на двѣ половины, занимаетъ цѣлый этажъ.

Но, допустивъ даже тѣсноту дома, казалось бы, прежде всего, что значительной части увезенныхъ нынѣ въ Гельсингфорсъ дѣлъ и бумагъ мѣсто не здѣсь, а въ петербургскомъ государственномъ хранилищѣ. Въ архивѣ статсъ-секретаріата находилась вся переписка Сперанскаго, перваго статсъ-секретаря Финляндіи; переписка

---

[1] При статсъ-секретарѣ В. К. Плеве на старшія должности вновь были допущены чиновники изъ русскихъ, подвергшіеся гоненію при генералѣ Лангофѣ.
Прим. издателя.

о Боргоскомъ сеймѣ, которому финляндцы-сепаратисты даютъ значеніе народнаго финскаго представительства, договорившагося будто-бы съ Императоромъ Александромъ I насчетъ «государственной» самостоятельности Финляндіи. Въ бумагахъ Сперанскаго заключаются несомнѣнныя доказательства того, что эти толкованія ложь, что ни договора не было, ни тѣни государственности, ниже конституціи, не было предоставлено Финляндіи. Людямъ, ближе интересующимся, все это было извѣстно еще съ тѣхъ временъ, когда бумаги Сперанскаго не были розданы по архивамъ разныхъ вѣдомствъ сообразно ихъ содержанію, а въ томъ числѣ и въ финляндскій статсъ-секретаріатъ. Всѣ вѣдомства были въ Петербургѣ, и раздача бумагъ на ихъ храненіе была естественна. Но очень сомнительно, чтобы въ свое время могла быть допущена даже мысль объ отсылкѣ бумагъ русскаго государственнаго человѣка по дѣламъ важнаго русскаго государственнаго интереса,— куда? въ окраинный городъ, гдѣ онѣ могутъ подвергнуться всякимъ случайностямъ. Теперь въ Гельсингфорсѣ финляндцы являются безусловными хозяевами въ документахъ государственнаго значенія для Россіи; въ то время, когда доступъ къ нимъ для русскихъ людей дѣлается рѣшительно невозможнымъ (это извѣстно изъ опыта), разные изслѣдователи изъ финляндцевъ будутъ ими широко пользоваться; при пользованіи документы могутъ пострадать или и вовсе утратиться. Послѣднее для сепаратистовъ было бы, конечно, не непріятно; для насъ же, русскихъ, результатомъ такихъ случайностей будетъ окончательная утрата всякихъ слѣдовъ для упроченія истины въ дѣлѣ законныхъ отношеній Россіи къ ея финляндской окраинѣ. Извѣстно, что многіе старинные документы, опредѣлявшіе русскія права въ дѣлахъ со Швеціей, сгорѣли въ Выборгѣ. Недавнія изслѣдованія показали также съ полною очевидностью, что шведы завѣдомо утаивали пограничные акты. Финляндцы всему поучаются отъ Швеціи; они, конечно, научились и этому искусству. Неужели не будетъ принято мѣръ къ исправленію ошибки, явившейся послѣдствіемъ новѣйшаго, довольно ловкаго шага финляндцевъ на пути мирнаго, хотя и не особенно доблестнаго отвоеванія ихъ края отъ Россіи? [1]).

Не могу кончить, не сообщивъ характернаго слуха, идущаго изъ финляндскихъ источниковъ.

---

[1]) Эти бумаги при статсъ-секретарѣ Плеве были возвращены въ С.-Петербургъ, въ Государственный Архивъ, полностью, или нѣтъ, — намъ неизвѣстно. Въ 1906 г. министръ статсъ-секретарь Лангофъ, какъ было сообщено газетами, безъ сношенія съ русскими министрами, испросилъ Высочайшее соизволеніе на переводъ этихъ архивныхъ дѣлъ вновь въ Гельсингфорсъ. Прим. издателя.

Гладстонъ, вѣроятно, въ виду своихъ ирландскихъ проектовъ, обратился къ нашему послу за свѣдѣніями объ отношеніяхъ Россіи къ Финляндіи. Посолъ отнесся по начальству, и наше центральное дипломатическое вѣдомство будто бы не нашло ничего другого сдѣлать, какъ послать знаменитому англичанину извѣстную книжку Мехелина, въ которой доказывается... государственная самостоятельность Финляндіи. Лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому изданъ русскій переводъ этой книжки («Конституція Финляндіи»); изъ русскихъ примѣчаній переводчика, хотя и не многочисленныхъ, явствуетъ ложь, лежащая въ основѣ тенденціи гг. Мехелиновъ и К°. Большинство русской печати отнеслось съ негодованіемъ къ этой лжи, прикрытой маскою науки. И вотъ финляндцы съ самодовольствомъ и насмѣшкой преподносятъ вамъ теперь, что всѣ эти русскія патріотическія заботы—круглый нуль, что само наше Министерство Иностранныхъ Дѣлъ ихъ игнорируетъ, а посылаетъ къ свѣдѣнію Европы ихъ же, финляндцевъ, сочиненія.

Правда ли это, или только злая иронія?

17-го ноября 1888 г.

Финляндское чиновничество.

I.

Россія слыветъ за страну чиновничества; въ той же Россіи считается какъ бы обязательнымъ преклоняться предъ финляндскою администраціей, какъ предъ образцомъ простоты и бережливости. Не мѣшаетъ поближе поглядѣть на этотъ образецъ, хотя бы съ наружной его стороны.

Въ Финляндіи, по свѣдѣніямъ за 1886 годъ, числится всего 2.232.000 жителей обоего пола. Многія русскія губерніи имѣютъ такую же, или еще большую, цифру населенія. Въ Самарской, Саратовской, Подольской, Курской—отъ 2.200.000 до 2.300.000 жителей въ каждой; въ Воронежской, Полтавской, Тамбовской—свыше 2.400.000; Пермская, Кіевская превышаютъ 2.500.000, въ Вятской болѣе даже 2.700.000.

Изъ кого состоитъ управленіе каждой изъ этихъ губерній? Не говоря о земствѣ и сословныхъ учрежденіяхъ, коимъ въ Финляндіи болѣе или менѣе соотвѣтствуютъ общинныя и также сословныя установленія, управленіе русской губерніи состоитъ изъ губернатора съ канцеляріей, вице-губернатора, губернскаго правленія съ отдѣленіями строительнымъ, врачебнымъ и съ губернскою чер-

тежной. Здѣсь 40—50 чиновниковъ, не считая, конечно, низшихъ служащихъ. Казенная палата, казначейство, акцизное управленіе, контрольная палата, управленіе государственныхъ имуществъ, почтово-телеграфное,—въ нихъ 70, 80, скажемъ 100 чиновниковъ. Уѣздныя управленія съ исправниками, становыми приставами, казначеями, врачами, землемѣрами и пр., человѣкъ 10—12 на уѣздъ. Въ Пермской губерніи, напримѣръ, наиболѣе подходящей къ Финляндіи по численности населенія, отчасти по пространству и по нѣкоторымъ другимъ условіямъ, при двѣнадцати уѣздахъ, имѣется съ небольшимъ 100 уѣздныхъ чиновниковъ. Судебныя учрежденія въ ней представляются, главнымъ образомъ, двумя окружными судами, пермскимъ и екатеринбургскимъ, съ составомъ до 110 лицъ, въ томъ числѣ едва-ли не на половину судебныхъ слѣдователей. Причисляя еще учебную, горную, епархіальную и другія части, можно довольно вѣрно утверждать, что цифра 500 съ избыткомъ опредѣлитъ число чиновниковъ губерніи.

Что же представляетъ собою Финляндія, съ числомъ жителей меньшимъ, какъ сказано, на 300.000 или 13% противъ названной губерніи?

Въ ней:

Генералъ-губернаторское управленіе, въ составѣ не менѣе 18 лицъ.

Статсъ-секретаріатъ съ канцеляріей, 21 лицо.

Финляндскій сенатъ, съ прокураторомъ и тоже съ канцеляріей, 105 лицъ.

Разныя, такъ-называемыя, *главныя* управленія: статсъ-контора, медицинское, почтовое, таможенное, межевое, лѣсное, путей сообщенія и, особо, публичныхъ зданій, желѣзныхъ дорогъ, также особо, по дѣламъ печати, тюремное, пенсіонное и другія—всего не менѣе 350 чиновниковъ.

Итакъ, *общее* управленіе Финляндіи представляетъ цифру около 500 чиновниковъ, также не считая низшихъ служащихъ.

Но Финляндія дѣлится еще на *восемь* геберній, которыя по численности населенія болѣе или менѣе соотвѣтствуютъ русскимъ уѣздамъ. Каждая имѣетъ своего губернатора, въ генеральскомъ чинѣ, помощника его, камерира съ помощниками, губернскаго казначея, тоже съ помощниками, губернскихъ бухгалтеровъ, инспекторовъ казенныхъ имѣній, магазиновъ, коронныхъ фохтовъ, городскихъ (окружныхъ) секретарей, ленсмановъ (въ родѣ становыхъ приставовъ) и пр. Всѣхъ этихъ чиновниковъ на 8 губерній, какъ видно изъ списковъ, приходится до 550.

Судебная часть, просвѣщеніе и пр. сюда не входятъ. Первая, кромѣ сената, отдѣленіе коего составляетъ высшую инстанцію,

представлена: 3-мя гофгерихтами—въ Або, Вазѣ и Выборгѣ—(вторая инстанція), въ нихъ до 115 чиновниковъ, и герадскими или окружными судьями (низшая инстанція) въ числѣ 61.

Въ городовыхъ управленіяхъ, въ видѣ бургомистровъ и членовъ магистрата, несущихъ какъ полицейскія, такъ и судебныя обязанности, состоитъ до 400 должностныхъ лицъ.

Не продолжая далѣе подробнаго перечета по разнымъ вѣдомствамъ, скажу, что по финдляндскому статсъ-календарю, не считая духовенства, показано до 4.000 чиновниковъ разныхъ наименованій. Такимъ образомъ, въ то время какъ въ Пермской губерніи 1 чиновникъ приходится на 5.000 жителей, въ Финляндіи одинъ—на 560 чел.

Но, скажутъ, здѣсь не приняты въ соображеніе русскія центральныя управленія. Въ такомъ случаѣ возьмемъ всю Россію, а не одну губернію. По адресъ-календарю 1887 года въ ней значится всего до 36.000 чиновъ, въ томъ числѣ Дворъ, гвардія и т. д., которыхъ въ Финляндіи пока, кромѣ одного баталіона [1]), еще нѣтъ. Принимая населеніе Россіи всего только въ 100 милліоновъ, одинъ чиновникъ приходится на 2.750 жителей.



Итакъ, 560 и 2.750; другими словами, въ Финляндіи чиновниковъ, сравнительно, *въ пять разъ больше*, чѣмъ въ Имперіи.

И что же? Финляндцы находятъ что, имъ и этихъ чиновниковъ все-таки мало: сеймомъ возбуждено ходатайство объ учрежденіи еще новыхъ губерній... Охотниковъ пристроиться къ казенному содержанію, какъ видно, довольно въ этомъ благословенномъ краѣ.

Но если чиновниковъ здѣсь такъ много, то, по крайней мѣрѣ, всѣ насущныя потребности обывателей вполнѣ удовлетворены? Ничуть. Полиція и судъ стоятъ къ обывателю наиближе. Но въ уѣздахъ или приходахъ, гдѣ разсѣяно громадное большинство населенія, полиціи вовсе нѣтъ. 260 ленсмановъ составляютъ все. Панегиристы Финляндіи увидятъ въ этомъ, конечно, высшую ей похвалу: страна цивилизованная существуетъ безъ полиціи. Но надо пожить на мѣстѣ, не въ видѣ туриста или мимолетнаго петербургскаго дачника, а прочнымъ мѣстнымъ жителемъ, съ хозяйствомъ, и тогда вы узнаете, что значитъ отсутствіе полиціи. Пожалуй, еще въ глуши все тихо и смирно; но лишь только прошла желѣзная дорога, усилилось движеніе, то и въ Финляндіи все надо держать на запорѣ. Мало того, и лѣсъ вашъ рубятъ, и луга и поля ваши травятъ, и въ работѣ обманываютъ, и деньги забираютъ безъ отдачи. Вотъ тутъ-то и нужна полиція— а ея нѣтъ. Въ иныхъ мѣстахъ, особенно въ Выборгской губерніи, ты-

---

[1]) Статья эта написана въ 1888 г. Въ 1904 г. этотъ баталіонъ упраздненъ
Прим. издателя.

сячъ на 40—50 жителей, да на сотни верстъ—одинъ ленсманъ и никого больше. Поэтому множество мелкихъ преступленій остаются вовсе не раскрытыми. И, несмотря на то, въ финляндскія тюрьмы все-таки поступаетъ болѣе 8.000 человѣкъ въ годъ. Цифра для образцовой страны весьма немалая: изъ 280 жителей — одинъ идетъ въ тюрьму.

Если въ Финляндіи нѣтъ полиціи, то суда, то-есть суда правильнаго и скораго, еще того менѣе. Гофгерихты—вторая, аппелляціонная инстанція—представляются, какъ извѣстно, 115 членами. Но пока еще до нихъ дойдетъ дѣло, всякому приходится, особенно при закоренѣломъ въ финскомъ простомъ народѣ сутяжничествѣ, имѣть дѣло съ низшими, такъ-называемыми герадскими судьями, а ихъ всего 60 человѣкъ на всю Финляндію. Они замѣняютъ и мировыхъ судей, и окружные суды. О судебныхъ слѣдователяхъ нѣтъ и помину. За малымъ числомъ герадскихъ судей,—среднимъ числомъ одинъ на 4—5 тысячъ квадратныхъ верстъ,—они въ каждомъ изъ 3—4 участковъ своего района открываютъ разбирательство лишь два раза въ годъ, весной и осенью. Поэтому всякое, даже грошовое, дѣло тянется изъ года-въ-годъ: то одна сторона желаетъ выставить новыхъ свидѣтелей, то другая. Возобновлять съ ними разсмотрѣніе въ ту же сессію уже нельзя. Этотъ же герадскій судья вѣдаетъ и дѣла нотаріальныя, и если вы не успѣли, напримѣръ, снять запрещеніе съ вашего имѣнія въ весеннемъ судѣ, то ужъ и не можете этого сдѣлать до осенняго. Судьи въ Финляндіи, къ тому же, не смѣняемы, какъ и вообще чиновники; и вотъ при такихъ-то условіяхъ вамъ нужно имѣть дѣло съ людьми старыми, апатичными: третьей части герадскихъ судей за 60 лѣтъ, а есть и такіе, которымъ близко къ 80-ти.

Весь центръ тяжести многочисленнаго финляндскаго чиновничества лежитъ, слѣдовательно, въ именуемыхъ *главныхъ* управленіяхъ: въ нихъ и служить, и жить привольнѣе. И главныя управленія все растутъ. Только-что учредили никуда ненужнаго инспектора призрѣнія бѣдныхъ. Предъ тѣмъ, въ этомъ же году, дополненъ штатъ главнаго почтоваго управленія; въ немъ (то-есть по-русски въ губернской почтовой конторѣ) теперь уже 26 штатныхъ чиновниковъ, съ главнымъ директоромъ, получающимъ 13.500 марокъ содержанія (5.500 р.). Изъ этого не слѣдуетъ, впрочемъ, что оно даетъ большой доходъ: на почтовое управленіе тратится въ Финляндіи 1.264.000 марокъ въ годъ, а почтовыхъ сборовъ поступаетъ всего 1.100.000 марокъ. Въ числѣ главныхъ управленій есть также «монетное учрежденіе», то-есть монетный дворъ въ лицѣ директора, его помощника и т. п.; оно обходится ежегодно въ 33.700 марокъ. Изъ отчетовъ видно, что это «учрежденіе» въ

1884 году начеканило всего-на-все 400.000 штукъ мѣдной монеты по 1 пенни (¹/₄ коп.), на сумму 4.000 марокъ; въ 1885 и 1886 годахъ оно уже *ничего* не чеканило. Итого монетное учрежденіе за три года обошлось казнѣ во 101.000 марокъ, а наработало на 4.000 марокъ. Оно невыгодно, но нужно для того, чтобы быть «государствомъ» со своею монетой, а дефициты есть чѣмъ покрыть. На то «таможенные» сборы, которые матушка Русь безропотно платитъ Финляндіи и по вывозу, и по ввозу... Таможенныхъ сборовъ поступаетъ въ финскую казну 12 милліоновъ въ годъ; ими-то и живетъ, и множится многотысячное финляндское чиновничество.

Однако, предъ чѣмъ же тутъ особенно преклоняться?

6 декабря 1888 г.

II.

Ознакомясь съ многочисленностію финляндскихъ чиновниковъ, не лишне бросить взглядъ на ихъ научное образованіе.

Чиновники здѣсь большая сила: они ведутъ борьбу съ Россіей — и берутъ верхъ; издѣваются надъ ея правами — и никто не шевельнется ихъ обуздать; толкуютъ по-своему исторію — и наше ученое сословіе не обмолвится ни однимъ словомъ критики. Конечно, только своя финляндская наука, пропитавшая самыя стѣны гельсингфорскаго университета ненавистью къ Россіи, могла вселить въ слугъ правительства такой духъ противленія и даже презрѣнія. Необразованнымъ людямъ оно не подъ силу.

Но такъ ли это? И дѣйствительно ли наука, хотя бы спеціально финляндская, лежитъ въ корнѣ зла? Беру официальные списки. Печать, напримѣръ. За нею финляндское «правительство» наблюдаетъ строго; его «главное управленіе по дѣламъ печати» состоитъ не менѣе какъ изъ 32 чиновниковъ. И что же? Изъ 32 — только пятеро прошли университетскую школу. Въ самомъ руководящемъ печатью высшемъ учрежденіи, въ комитетѣ главнаго управленія, ни предсѣдатель, ни члены (кстати: одному 66, другому 80 лѣтъ) высшей школы не проходили. Только одинъ старшій чиновникъ имѣетъ дипломъ магистра философіи, но ему тоже 70 уже лѣтъ. Впрочемъ, недавно въ петербургскихъ газетахъ совершенно вѣрно было разсказано, что такое гельсингфорскіе магистры. Но ближайшіе органы управленія печатью? Въ Гельсингфорсѣ, Або, Выборгѣ, гдѣ политическая печать сравнительно очень развита, кто цензоры? Въ Гельсингфорсѣ трое: одинъ—съ чиномъ регистратора, другой — канцелярскій чиновникъ, третій — никакого званія не имѣетъ, а финляндцы непремѣнно выставляютъ на показъ всѣ свои званія. Въ Або цензора: почтовый экспедиторъ и учитель

школы глухонѣмыхъ. Въ Выборгѣ—нѣкій губернскій контористъ. Другихъ нѣтъ, такъ же какъ нѣтъ помину о томъ, чтобы хотя одинъ изъ этихъ господъ, судей надъ мыслью и словомъ, былъ въ университетѣ.

И вотъ, подъ глазами этого куріознаго «главнаго управленія», свободно плодится самая ярая оппозиція не только русскому народу, но и русскому правительству. Примѣры клеветы я приводилъ раньше. Теперь появилась еще новая газета, съ цѣлью, которая говоритъ сама за себя. Шведская партія, всегда стоявшая во главѣ вражды къ Россіи, чувствовала себя не довольно сильною, такъ какъ шведскій языкъ непонятенъ преобладающей массѣ простого финскаго народа. Поэтому партія, нѣсколько поступясь убѣжденіями насчетъ языка, взялась издавать свой органъ и по-фински, подъ названіемъ «Новости Дня». Въ немъ разлагающее противорусское направленіе прямо устремлено на все еще не тронутое политикой, многочисленное финское простонародіе. Вмѣстѣ съ «Исторіей Финляндіи», сочиненія мѣстнаго сенатора Коскинена, въ которой, помощью подтасовки фактовъ и умолчаній, Финляндія изображается совершенно независимымъ отъ Россіи государствомъ (и эта исторія, замѣтьте, пріобрѣтена въ національную финляндскую собственность!); вмѣстѣ съ такою исторіей новая газета достигнетъ, конечно, всѣхъ успѣховъ, желаемыхъ ея основателями. Тогда, можетъ быть, и либеральныя, ничего не желающія знать и видѣть, петербургскія канцеляріи спохватятся, да будетъ поздно. Придется, пожалуй, взяться за пушки, только хорошо ли это? А финляндское «главное управленіе», между тѣмъ, съ подначальными регистраторами и контористами, радостно потираетъ свои старческія костлявыя руки, утѣшаясь результатами своей честной финляндской службы, за которую щедро награждается русскими орденами, и даже легендарною «пряжкой», знакомъ отличія продолжительной безпорочной службы Россіи.

Но если не администрація, то судъ финляндскій, конечно, состоитъ изъ научно-образованныхъ юристовъ? Даже въ «варварской» для этихъ господъ Россіи почти обязательно, чтобы не только старшіе, но и второстепенные судебные чины были не иначе, какъ съ высшимъ образованіемъ. Вѣдь не даромъ, конечно, финляндскіе законовѣды даже слышать не хотятъ о русскомъ судоустройствѣ и судопроизводствѣ, хотя бы для его критики. Нынѣшній годъ на сеймѣ окончательно принятъ финляндскій уголовный кодексъ, въ которомъ нѣтъ и тѣни согласованія съ законами русскаго государства [1]). За то въ немъ есть, напримѣръ, такое постановленіе:

[1]) Кодексъ этотъ, для того, чтобъ облечься въ силу закона, будетъ представленъ на утвержденіе Верховной Власти. Прим. автора. О судьбѣ этого кодекса см. предисловіе. Прим. изд.

1884 году начеканило всего-на-все 400.000 штукъ мѣдной монеты по 1 пенни (¹/₄ коп.), на сумму 4.000 марокъ; въ 1885 и 1886 годахъ оно уже *ничего* не чеканило. Итого монетное учрежденіе за три года обошлось казнѣ во 101.000 марокъ, а наработало на 4.000 марокъ. Оно невыгодно, но нужно для того, чтобы быть «государствомъ» со своею монетой, а дефициты есть чѣмъ покрыть. На то «таможенные» сборы, которые матушка Русь безропотно платитъ Финляндіи и по вывозу, и по ввозу... Таможенныхъ сборовъ поступаетъ въ финскую казну 12 милліоновъ въ годъ; ими-то и живетъ, и множится многотысячное финляндское чиновничество.

Однако, предъ чѣмъ же тутъ особенно преклоняться?

6 декабря 1888 г.

II.

Ознакомясь съ многочисленностію финляндскихъ чиновниковъ, не лишне бросить взглядъ на ихъ научное образованіе.

Чиновники здѣсь большая сила: они ведутъ борьбу съ Россіей — и берутъ верхъ; издѣваются надъ ея правами — и никто не шевельнется ихъ обуздать; толкуютъ по-своему исторію — и наше ученое сословіе не обмолвится ни однимъ словомъ критики. Конечно, только своя финляндская наука, пропитавшая самыя стѣны гельсингфорскаго университета ненавистью къ Россіи, могла вселить въ слугъ правительства такой духъ противленія и даже презрѣнія. Необразованнымъ людямъ оно не подъ силу.

Но такъ ли это? И дѣйствительно ли наука, хотя бы спеціально финляндская, лежитъ въ корнѣ зла? Беру офиціальные списки. Печать, напримѣръ. За нею финляндское «правительство» наблюдаетъ строго; его «главное управленіе по дѣламъ печати» состоитъ не менѣе какъ изъ 32 чиновниковъ. И что же? Изъ 32 — только пятеро прошли университетскую школу. Въ самомъ руководящемъ печатью высшемъ учрежденіи, въ комитетѣ главнаго управленія, ни предсѣдатель, ни члены (кстати: одному 66, другому 80 лѣтъ) высшей школы не проходили. Только одинъ старшій чиновникъ имѣетъ дипломъ магистра философіи, но ему тоже 70 уже лѣтъ. Впрочемъ, недавно въ петербургскихъ газетахъ совершенно вѣрно было разсказано, что такое гельсингфорскіе магистры. Но ближайшіе органы управленія печатью? Въ Гельсингфорсѣ, Або, Выборгѣ, гдѣ политическая печать сравнительно очень развита, кто цензоры? Въ Гельсингфорсѣ трое: одинъ — съ чиномъ регистратора, другой — канцелярскій чиновникъ, третій — никакого званія не имѣетъ, а финляндцы непремѣнно выставляютъ на показъ всѣ свои званія. Въ Або цензора: почтовый экспедиторъ и учитель

школы глухонѣмыхъ. Въ Выборгѣ—нѣкій губернскій контористъ. Другихъ нѣтъ, такъ же какъ нѣтъ помину о томъ, чтобы хотя одинъ изъ этихъ господъ, судей надъ мыслью и словомъ, былъ въ университетѣ.

И вотъ, подъ глазами этого куріознаго «главнаго управленія», свободно плодится самая ярая оппозиція не только русскому народу, но и русскому правительству. Примѣры клеветы я приводилъ раньше. Теперь появилась еще новая газета, съ цѣлью, которая говоритъ сама за себя. Шведская партія, всегда стоявшая во главѣ вражды къ Россіи, чувствовала себя не довольно сильною, такъ какъ шведскій языкъ непонятенъ преобладающей массѣ простого финскаго народа. Поэтому партія, нѣсколько поступясь убѣжденіями насчетъ языка, взялась издавать свой органъ и по-фински, подъ названіемъ «Новости Дня». Въ немъ разлагающее противорусское направленіе прямо устремлено на все еще не тронутое политикой, многочисленное финское простонародіе. Вмѣстѣ съ «Исторіей Финляндіи», сочиненія мѣстнаго сенатора Коскинена, въ которой, помощью подтасовки фактовъ и умолчаній, Финляндія изображается совершенно независимымъ отъ Россіи государствомъ (и эта исторія, замѣтьте, пріобрѣтена въ національную финляндскую собственность!); вмѣстѣ съ такою исторіей новая газета достигнетъ, конечно, всѣхъ успѣховъ, желаемыхъ ея основателями. Тогда, можетъ быть, и либеральныя, ничего не желающія знать и видѣть, петербургскія канцеляріи спохватятся, да будетъ поздно. Придется, пожалуй, взяться за пушки, только хорошо ли это? А финляндское «главное управленіе», между тѣмъ, съ подначальными регистраторами и контористами, радостно потираетъ свои старческія костлявыя руки, утѣшаясь результатами своей честной финляндской службы, за которую щедро награждается русскими орденами, и даже легендарною «пряжкой», знакомъ отличія продолжительной безпорочной службы Россіи.

Но если не администрація, то судъ финляндскій, конечно, состоитъ изъ научно-образованныхъ юристовъ? Даже въ «варварской» для этихъ господъ Россіи почти обязательно, чтобы не только старшіе, но и второстепенные судебные чины были не иначе, какъ съ высшимъ образованіемъ. Вѣдь не даромъ, конечно, финляндскіе законовѣды даже слышать не хотятъ о русскомъ судоустройствѣ и судопроизводствѣ, хотя бы для его критики. Нынѣшній годъ на сеймѣ окончательно принятъ финляндскій уголовный кодексъ, въ которомъ нѣтъ и тѣни согласованія съ законами русскаго государства [1]). За то въ немъ есть, напримѣръ, такое постановленіе:

[1]) Кодексъ этотъ, для того, чтобъ облечься въ силу закона, будетъ представленъ на утвержденіе Верховной Власти. Прим. автора. О судьбѣ этого кодекса см. предисловіе. Прим. изд.

финляндецъ совершившій преступленіе на финляндскомъ кораблѣ, хотя бы на Невѣ у набережной Васильевскаго острова, судится... по финскимъ законамъ. Чего желать больше? Civis Romanus, или что то же, civis Finniae sum! Такой спѣси, не признающей даже международнаго права, такого нахальства финляндскіе чиновники могли набраться только съ гельсингфорскихъ каѳедръ.

И, однако, опять нѣтъ. Вотъ цифры.

Изъ 60 герадскихъ судей, исполняющихъ, какъ извѣстно, весьма важныя обязанности нашихъ окружныхъ судовъ, университетскую школу прошли—только трое. Одинъ изъ этихъ троихъ 73-лѣтній старецъ, слѣдовательно, внѣ кадра; остаются 2 научно-образованные судьи на 60...

Во второй инстанціи, въ гофгерихтахъ: въ выборгскомъ, на 47 чиновъ, — университетскихъ только 6; въ абоскомъ на 43 — два, въ вазаскомъ, на 28 — ни одного. Все прочее — дѣльцы практики, попросту крючкотворы. Предсѣдатели и вице-предсѣдатели — всѣ изъ этой среды, университетскихъ нѣтъ. Изъ 18 членовъ 17 тоже не университетскіе. Такія цифры кажутся сомнительными; но онѣ въ точности основаны на офиціальномъ изданіи гельсингфорскаго университета.

Наконецъ, въ высшей инстанціи, въ сенатѣ. Порядки въ немъ старинные, и секретари играютъ роль. На 29 секретарей—20, то-есть болѣе двухъ третей, высшаго образованія также не получили. Только между сенаторами оно оказывается въ приличной пропорціи: изъ 22—10 носятъ разныя, преимущественно высшія, университетскія степени. Есть еще въ сенатѣ трое-четверо военныхъ генераловъ русскаго Генеральнаго Штаба, конечно, изъ финляндцевъ. Они, очевидно, умѣютъ справляться съ тѣмъ, чтобы и носить этотъ почетный русскій мундиръ, и подписываться подъ рѣшеніями, прямо враждебными русскому государственному достоинству и значенію...

Вотъ каково финляндское чиновничество. Десятокъ - другой образованныхъ коноводовъ и четыре тысячи не образованныхъ, но строго дисциплинированныхъ исполнителей мирно вытѣсняютъ матушку - Русь изъ ея кровнаго достоянія. Они сплошною стѣной стоятъ противъ Россіи, и она предъ ними отступаетъ.

И сквозь такую-то непроницаемую стѣну смотритъ на дѣла управленія генералъ-губернаторъ Финляндіи, единственный въ краѣ русскій чиновникъ или сановникъ. Во что вырождаются его самыя даже лучшія намѣренія, не будемъ говорить. Но прежде было иначе, и на видныхъ даже мѣстахъ встрѣчались чисто русскія имена. Сила русской власти тоже несомнѣнно чувствовалась, и русскимъ людямъ жилось легче.

23-го декабря 1889 г.

Какова сила финляндскаго чиновничества.

Настоящее письмо мое будетъ объяснительнымъ или, пожалуй, оправдательнымъ. По поводу моей послѣдней статьи [1]) мнѣ дѣлаютъ изъ Петербурга два замѣчанія: во-первыхъ, что свѣдѣнія мои насчетъ малаго числа людей, университетски образованныхъ, въ финляндскомъ чиновничествѣ будто бы невѣрны, и, во-вторыхъ, неправильно-де мнѣніе, мнѣ приписываемое, о генералъ-губернаторской дѣятельности.

По первому пункту мои объясненія будутъ кратки: я основывался въ точности на «Finlands Stats-Kalender», официальномъ изданіи гельсингфорскаго университета, печатаемомъ съ Высочайшаго соизволенія. Не думаю, чтобъ оно страдало невѣрностію; во всякомъ случаѣ, не моя вина, если изданіе, столь серіозно поставленное, сообщаетъ неточныя свѣдѣнія. Кому же, какъ не университету, вѣрить въ томъ, что касается именно университета? Мнѣ, впрочемъ, не указано фактическихъ неточностей, а выражено предположеніе, что я бралъ въ расчетъ только высшія учебныя степени. Нѣтъ, у меня сосчитаны всѣ степени и званія. Такъ, напримѣръ, я писалъ, что въ числѣ 29 секретарей канцеляріи финляндскаго сената (референдаріевъ и протокольныхъ) только 9 университетскихъ. Повторяю: такъ оно и значится, и въ числѣ девяти— 7 кандидатовъ правъ, 1 кандидатъ богословія и 1 магистръ философіи. То же и въ отношеніи другихъ учрежденій.

Гораздо существеннѣе второе замѣчаніе. Мною сказано было о генералъ-губернаторѣ: «во что выраждаются его, самыя даже лучшія, намѣренія, не буду говорить. Но прежде было иначе, и на видныхъ даже мѣстахъ встрѣчались чисто русскія имена. Сила русской власти несомнѣнно чувствовалась».

Эти слова были истолкованы въ Петербургѣ въ смыслѣ, какъ бы укора нынѣшнему генералъ-губернатору. Ничто не можетъ быть дальше отъ истины, какъ это предположеніе. Графа Ф. Л. Гейдена никто не заподозритъ въ пренебреженіи русскими интересами, а заботы его о поддержкѣ въ краѣ православія, объ обезпеченіи русскаго духовенства, о водвореніи, по возможности, русской школы и т. п.,—вызываютъ со стороны русскихъ людей искреннюю признательность.

Рѣчь тутъ не о генералъ-губернаторѣ лично, и не о послѣднихъ только годахъ, а вообще о положеніи этого русскаго сановника, притомъ за періодъ времени много большій. Значеніе и сила рус-

[1]) Предыдущая статья.

скаго начальника Финляндіи стали уменьшаться по мѣрѣ того, какъ начало возрастать значеніе и сила финляндскихъ министра статсъ-секретаря и сената.

Въ свое время генералъ-губернаторъ Закревскій объявилъ сенату нѣсколько Высочайшихъ повелѣній. Сенатъ вздумалъ возражать противъ порядка ихъ объявленія, то-есть непосредственно отъ Закревскаго, а не чрезъ статсъ-секретаря финляндца. Кончилось дѣло тѣмъ, что Императоръ Николай упразднилъ финляндскій комитетъ при статсъ-секретаріатѣ, мирволившій сенату, а вице-президентъ сената Маннергеймъ былъ уволенъ отъ службы.

Послѣдующій генералъ-губернаторъ, князь Меншиковъ, также не прибѣгалъ къ посредству статсъ-секретаря въ сношеніяхъ съ Государемъ. Онъ лично докладывалъ о финляндскихъ дѣлахъ, и полученныя повелѣнія сообщалъ статсъ-секретарю Армфельту, предоставляя ему удовольствіе передавать ихъ отъ себя офиціально.

Но съ наступленіемъ прошлаго царствованія [1]), графъ Армфельтъ постепенно перетянулъ все вліяніе въ финляндскихъ дѣлахъ на сторону статсъ-секретаріата и сената, а генералъ-губернаторъ сталъ отходить на второй планъ.

Довольно одного примѣра. Когда наступило въ Россіи, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, лихорадочное реформенное время, Армфельтъ пустилъ въ ходъ, помимо генералъ-губернатора, ни больше, ни меньше, какъ проектъ изданія для Финляндіи полной, отдѣльной отъ Россіи конституціи. Онъ не только самолично возбудилъ это первостепенной важности дѣло, но достигъ даже утвержденія Государемъ предварительныхъ программъ. Финляндскіе сенаторы помогали Армфельту своимъ сотрудничествомъ такъ ловко, что генералъ-губернаторъ Рокассовскій узналъ о готовившемся въ его краѣ переворотѣ, когда программы были уже утверждены, и узналъ только по частному письму изъ одной изъ русскихъ губерній. Когда онъ пожелалъ ознакомиться съ проектомъ по бумагамъ сенатской канцеляріи, то ему, главному начальнику края, именуемому предсѣдателемъ сената, было въ томъ отказано. Пришлось испрашивать особое Высочайшее повелѣніе, чтобы показали бумаги. Вотъ какъ умѣютъ финляндцы вести свои дѣла!

Рокассовскій началъ дѣйствовать и въ секретномъ письмѣ Государю раскрылъ поступки главнѣйшихъ коноводовъ. Но письмо сдѣлалось извѣстнымъ Армфельту, который получилъ возможность представить дѣло такъ, что виноватымъ остался Рокассовскій. Послѣ совѣщанія у Государя, на которомъ состязались оба представителя власти въ Финляндіи, дѣло кончилось тѣмъ, что проектъ

[1]) Императора Александра II.

конституціи остался безъ дальнѣйшихъ послѣдствій, но Рокассовскій поплатился мѣстомъ генералъ-губернатора. Разставаясь, Армфельтъ имѣлъ возможность со злою ироніей сказать ему: «eh bien, mon général! vous partez, et moi — je reste!» [1]).

Когда, такимъ образомъ, благодаря самопожертвованію Рокассовскаго, финляндская конституція не состоялась, Армфельтъ и гельсингфорскій сенатъ стали думать о томъ, какъ бы поправить неудачу. Обстоятельства помогли, благо тѣмъ временемъ предоставлено было созывать финляндскіе сеймы, безъ которыхъ до того цѣлые 55 лѣтъ благополучно жила и росла эта русская окраина. Армфельтъ съ К° ухватились за благовидную мысль изданія сеймоваго устава. Изъ простого регламента, опредѣляющаго внутренній распорядокъ занятій земскихъ чиновъ, финляндскіе чиновники сдѣлали политическій актъ, въ которомъ, далеко выходя изъ границъ предмета, достигли по нѣкоторымъ вопросамъ ограниченія Верховной Власти, много большаго сравнительно съ тѣмъ, что было при короляхъ шведскихъ. Государь не могъ, конечно, входить во всѣ подробности многостатейнаго, но въ сущности второстепеннаго устава, и утвердилъ его по довѣрію къ докладчику, тому же незабвенному финляндцу, статсъ-секретарю Армфельту.

Но форма, въ которой это утвержденіе послѣдовало, представляетъ верхъ совершенства чиновничьей ловкости. Финляндцамъ давно и во что бы то ни стало хотѣлось добиться чего-нибудь въ родѣ договора съ Верховною Властью; но это съ самаго Боргоскаго сейма не удавалось; всѣ ихъ подходы такъ или иначе встрѣчали противодѣйствіе въ русскихъ правительственныхъ сферахъ. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ выражалась воля и Императора Александра Николаевича: вступая на престолъ и давая, по примѣру отца и дяди, обѣщаніе финляндцамъ сохранить ихъ привилегіи, онъ былъ настолько остороженъ, что повелѣлъ, въ прежней формѣ манифеста объ этомъ, слова: «по конституціямъ ихъ» (то-есть сословій) замѣнить словами «по учрежденіямъ ихъ». Но теперь вышло иначе. Хитрый статсъ-секретарь со своими совѣтниками изловчился второстепенному акту, каковъ сеймовый уставъ, дать давно желанную форму договора. Въ этихъ видахъ уставъ подписали четыре предводителя земскихъ сословій, а Государеву утвержденію придана форма какъ бы ратификаціи. Подносилъ къ подписанію тотъ же Армфельтъ, и подпись воспослѣдовала. Quasi договоръ былъ налицо.

[1]) Къ участію въ совѣщаніи были приглашены покойные кн. Горчаковъ и гр. Блудовъ, но они, по словамъ самого Армфельта, не обмолвились ни однимъ словомъ въ поддержку Рокассовскаго, стоявшаго за права Россіи.

Позднѣе финляндскіе чиновники пытались достичь еще новаго ограниченія Верховной Власти въ вопросѣ о правѣ инціативы въ законодательныхъ дѣлахъ, и здѣсь, уже въ основномъ законѣ, провести ту же договорную форму. Это послѣднее имъ, однако, не удалось, но существо дѣла прошло.

По мѣрѣ того, какъ разными путями, между которыми прямыхъ было наименѣе, финляндское чиновничество захватывало себѣ в краю разныя преимущества въ ущербъ Россіи, ихъ высшее административное учрежденіе, сенатъ, именуемый императорскимъ, не отставалъ въ самомнѣніи и заносчивости. Забывъ уроки временъ Закревскаго, онъ и его агенты не остановились предъ требованіемъ у Императорской Власти отчета въ ея дѣйствіяхъ. Сенатъ сталъ уподоблять себя прежнему шведскому государственному совѣту, который дѣлалъ изъ королей, что хотѣлъ. Весьма рельефно сказалось это въ вопросѣ о свободѣ печати, предложенномъ на разсмотрѣніе сейма безъ предварительнаго обсужденія его въ сенатѣ. Верховной Власти пришлось дать урокъ своему исполнительному органу и поставить его на свое мѣсто.

«Финляндскій сенатъ до сихъ поръ», писалъ Императоръ Александръ Николаевичъ въ рескриптѣ генералъ-губернатору, «никакимъ закономъ никогда не былъ облеченъ значеніемъ и правами существовавшаго до 1789 года шведскаго государственнаго совѣта и, слѣдовательно, не могъ и не долженъ былъ безъ особаго на то указанія быть признаваемъ непремѣннымъ учрежденіемъ (какъ до 1789 года государственный совѣтъ) для обсужденія въ общемъ собраніи передаваемыхъ Государемъ сейму предложеній».

Рескриптъ былъ написанъ въ выраженіяхъ мягкихъ, потому что шелъ изъ-подъ пера Армфельта; но фактъ предъявленныхъ къ Императору претензій, также какъ его воли, остается несомнѣннымъ.

А что русскіе люди все болѣе и болѣе вытѣсняются, то это также вѣрно. Прежде въ финляндскомъ статсъ-секретаріатѣ даже директоръ канцеляріи былъ изъ русскихъ, съ русскимъ именемъ. Въ канцеляріи были два отдѣленія: одно русское, другое финляндское. Во главѣ перваго бывали тоже русскіе люди, напримѣръ, Путята. А теперь, не дальше, какъ при недавно умершемъ статсъ-секретарѣ Брунѣ, русское отдѣленіе даже вовсе упразднили, и всѣ доклады Государю остаются вполнѣ въ рукахъ чистокровныхъ финляндцевъ.

И все это дѣлается потихоньку, понемножку, совершенно незамѣтно, какъ незамѣтно и въ редакціи важнѣйшихъ даже бумагъ эти нерусскіе чиновники идутъ къ своимъ цѣлямъ. При надобности, они оправдываются, конечно, недостаточнымъ знакомствомъ съ

русскимъ языкомъ. Вотъ одинъ изъ свѣжихъ, но тѣмъ болѣе краснорѣчивыхъ образчиковъ. Формула, въ которой объявляются новыя узаконенія въ Финляндіи, начинается обычными словами манифестовъ: «Мы, Божіею милостію» и пр. Далѣе слѣдовало до сихъ поръ, смотря по тому, какъ выходило узаконеніе, упоминаніе о томъ, что оно состоялось «по представленію Нашего финляндскаго сената», или «по всеподданнѣйшему представленію, по всеподданнѣйшей петиціи земскихъ чиновъ», т. е. сейма и т. д. Это практиковалось, какъ въ эпоху самыхъ либеральныхъ вѣяній, такъ и въ послѣдніе годы. А въ концѣ истекшаго года, когда русское отдѣленіе канцеляріи статсъ-секретаріата, конечно, за ненадобностію, оказалось упраздненнымъ, въ узаконеніяхъ оказалась такая невинная перемѣна изложенія:

«Мы, Божію милостію и пр... Съ согласія земскихъ чиновъ Высочайше постановляемъ» и т. д.

Желающіе могутъ въ этомъ удостовѣриться въ №№ 37 и 38 «Сборника постановленій Великаго Княжества Финляндскаго» за 1888 годъ.

Какъ вамъ это нравится? Почеркомъ пера финляндскихъ чиновниковъ, русскій Самодержавный Императоръ поставленъ уже прямо ниже финляндскаго сейма, какъ инстанція, дѣйствующая только съ его, сейма, согласія...

Подъ этими знаменитыми въ своемъ родѣ узаконеніями не имѣется Высочайшей подписи, а значится обычная трехстрочная подпись:

«По Собственному Его Императорскаго Величества опредѣленію, Высочайшимъ Его Величества Именемъ, Императорскій Финляндскій Сенатъ». Затѣмъ слѣдуютъ имена гг. сенаторовъ, принявшихъ участіе въ изданіи узаконеній. Запишемъ эти имена для свѣдѣнія русскихъ читателей: Пальмѐнъ (вице-предсѣдатель), фонъ-Троиль (гофмейстеръ Двора Его Императорскаго Величества), фонъ-Альфтанъ и фонъ-Денъ (генералъ-лейтенанты русскаго Генеральнаго Штаба), Моландеръ (тайный совѣтникъ), Вазашерна, Седергольмъ, Бьеркстенъ, Лерхе, авъ Фростерусъ, Нюбергъ, Мехелинъ, Коскиненъ, Игнаціусъ, Сольманъ, Хорнборгъ, Стренгъ и Фельманъ; скрѣпа общаго референдарія-секретаря Бергелунда.

Такъ не былъ ли я правъ, говоря, что, при нынѣшнемъ положеніи, финляндскому генералъ-губернатору, несмотря на самыя лучшія его намѣренія, нельзя бороться противъ мѣстнаго чиновничества? Реформа, реформа серьозная, притомъ реформа, идущая не отъ такъ-называемаго финляндскаго правительства, а отъ русской дѣйствительной власти, необходима для того, чтобы положить, наконецъ, предѣлъ безчинствамъ горсти чиновниковъ въ небольшой русской области.

26-го января 1889 г.

Съ согласія земскихъ чиновъ Финляндіи.

Мною упомянуто было [1]) о формулѣ, въ которой финляндскіе сенаторы объявляютъ Высочайше утвержденныя постановленія, состоявшіяся по сеймовымъ заключеніямъ: «съ согласія земскихъ чиновъ, Мы признали за благо» и т. д. Хотя рѣчь идетъ только о формулѣ, только о фразѣ, не касаясь существа постановленій, но предметъ столь важенъ, что къ нему не только можно, но и должно возвратиться. Внѣшняя форма узаконеній всегда и вездѣ считалась предметомъ первостепенной важности; редакціи ихъ посвящается весьма большое вниманіе, ибо одно неправильно употребленное слово, одинъ неосторожный оборотъ рѣчи совершенно измѣняетъ существо предмета, а затѣмъ обманываетъ и современниковъ, и исторію.

Въ Финляндіи, такъ же какъ и въ прочей Россіи, опубликованіе узаконеній принадлежитъ сенату, только не правительствующему, нашему русскому, а мѣстному финляндскому, именуемому Императорскимъ. Сперва этотъ финляндскій сенатъ былъ скромнымъ мѣстнымъ «правительственнымъ совѣтомъ»; но потомъ, когда интрига стала управлять финляндскими дѣлами, явилось и переименованіе, которое приближало это мѣстное, областное учрежденіе, къ королевско-шведскому сенату или государственному совѣту, въ свое время всемогущему и державшему шведскаго короля связаннымъ по рукамъ и ногамъ.

Нашъ правительствующій сенатъ, дѣйствуя именемъ Государя, употребляетъ извѣстную формулу: «По указу Его Императорскаго Величества», причемъ, совершенно естественно, постановленія или опредѣленія подписываются сенаторами. Финляндцы усвоили своимъ объявленіямъ узаконеній и повелѣній торжественную форму манифеста: Божіею милостію, Мы и проч., а подписываютъ сами.

Въ Россіи Высочайшій манифестъ есть голосъ Монарха, обращенный къ народу въ важные моменты государственной жизни; онъ составляетъ въ извѣстномъ смыслѣ эпоху; собственноручная подпись Государя еще болѣе возвышаетъ значеніе акта. Въ Финляндіи такихъ манифестовъ издается въ одинъ день по нѣскольку, по всякимъ второстепеннымъ и даже мелочнымъ дѣламъ, и подписываются они, какъ сказано, членами сената. Нельзя при этомъ не обратить вниманія на то, что финляндскій генералъ-губернаторъ, этотъ единственный представитель русскаго Государя и русской власти въ краѣ, объявляемыхъ тамъ узаконеній вовсе не

---

[1]) См. ст. «Какова сила финляндскаго чиновничества».

подписываетъ, хотя состоитъ предсѣдателемъ сената: все вершаютъ, поэтому, одни финляндцы.

При такомъ порядкѣ финляндскій сенатъ уже присвоилъ и собственнымъ своимъ дѣйствіямъ въ нѣкоторомъ смыслѣ прерогативы Верховной Власти, хотя и внѣшнія. Онъ пишетъ, напримѣръ, о своихъ постановленіяхъ: «дано», въ Гельсингфорсѣ, какъ въ Высочайшихъ грамотахъ и манифестахъ. Выставляемая при этомъ дата увѣковѣчиваетъ не день утвержденія постановленія Монархомъ, о чемъ даже вовсе умалчивается, а день подписанія сенатомъ, такъ что въ исторіи останется слѣдъ дѣйствія не Верховной Власти, а этого кружка чиновниковъ. Въ текстѣ распоряженій, идущихъ непосредственно отъ сената, онъ пишетъ про себя «признали за благо», выраженіе, также употребляемое только отъ лица власти монаршей.

Не дурна и форма, въ которой гельсингфорскій сенатъ объявляетъ, отъ лица Государя, повелѣнія отдѣльнымъ лицамъ. Напримѣръ, въ № 1 Сборника постановленій финляндскихъ за этотъ годъ напечатано Высочайшее повелѣніе куопіоскому губернатору объ открытіи больницы въ мѣстечкѣ Нурмисъ. Начинается такъ: «Дано въ Гельсингфорсѣ, 15 января 1889 г. Александръ III и проч. По всеподданнѣйшему представленію Хозяйственнаго Департамента Нашего Сената», и т. д.

Кромѣ «дано» и даты, о чемъ сейчасъ сказано, здѣсь интересно то, что въ офиціально опубликованномъ документѣ финляндскіе чиновники употребляютъ имя Государя уже безо всякаго титула. И цѣль ясна: наименованіе «Императора и Самодержца Всероссійскаго» понемногу исчезнетъ изъ документовъ Финляндіи, — а для гг. тамошнихъ сепаратистовъ это-то и требуется.

Спѣшу оговориться, что приведенное повелѣніе, по формѣ своей, далеко не единственное: эта форма пріобрѣла въ Сборникѣ право гражданства не со вчерашняго дня. Съ другой стороны, оно и ему подобныя вовсе не истекаютъ изъ сущности какой-нибудь конституціи; оно есть продуктъ малаго смотрѣнія за охраной въ Финляндіи достоинства русскаго, даже державнаго имени, со временъ прошедшихъ. Но все это, конечно, можно и должно было бы измѣнить. Сепаратизмъ такая гидра, которой, если положили въ пасть одинъ палецъ, то она откуситъ всю руку по самое плечо.

И вотъ, при употребленіи для узаконеній формы манифеста, вы прямо встрѣчаетесь съ такимъ началомъ публичныхъ актовъ: «Божіею милостію, Мы, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и проч. Съ согласія земскихъ чиновъ Финляндіи» и т. д. «Съ согласія»—значитъ съ одобренія, даже съ

дозволенія,—кого? кучки людей, нерѣдко вполнѣ ничтожныхъ, а иногда и опороченныхъ, какъ былъ примѣръ на послѣднемъ сеймѣ. Насколько это «согласіе» совмѣстимо и сообразно съ представленіемъ о «Самодержавномъ Всероссійскомъ Императорѣ», о Божіемъ помазанникѣ, который въ управленіи государствомъ имѣетъ единственное руководство въ божественныхъ заповѣдяхъ, въ ученіи православной вѣры и въ собственной его совѣсти,— предоставляемъ судить всякому безпристрастному читателю.

Самыя послѣднія узаконенія особенно выставляютъ на показъ эту несообразность, которую вѣрнѣе можно характеризовать стремленіемъ принизить, ограничить Верховную Власть. Изъ новѣйшихъ №№ Сборника постановленій вылился, можно сказать, цѣлый потокъ такихъ узаконеній. И, за неимѣніемъ крупныхъ, по какимъ мелочнымъ дѣламъ! Нужно отмѣнить какой-то пустячный налогъ (лазаретный) въ двухъ губерніяхъ (№ 42, декабря 17, 1888 г.),—финляндскіе чиновники несутъ этотъ вопросъ на сеймъ, съ тѣмъ, чтобы написать потомъ объ его уничтоженіи «съ согласія земскихъ чиновъ». Казалось бы, льготу, освобожденіе, слѣдовательно, милость, надлежало объявить именно самолично отъ Верховной Власти,—это всегда и вездѣ входило и входитъ въ элементарныя понятія о главѣ государственной власти. Такъ поступали прежде и въ Финляндіи. Въ данномъ случаѣ это тѣмъ болѣе должно бы имѣть мѣсто, что дѣло шло о «казенномъ» налогѣ, притомъ установленномъ «прежними» постановленіями, т. е. даже не земскими чинами Финляндіи. Но чиновникамъ гельсингфорскимъ не подъ силу государственный взглядъ; имъ не до охраненія достоинства власти, имъ нужно свое собственное, хотя бы мишурное возвеличеніе.

№ 43 Сборника даетъ экземпляръ узаконенія едва ли не еще болѣе характернаго. Приведемъ текстуально: «старыя дѣла, находящіяся въ архивахъ герадскихъ (низшихъ) судовъ, передать, по опредѣленію правительства, въ статсъ-архивъ на храненіе». Вотъ и все. Но слѣдуетъ пояснить, что и здѣсь, во-первыхъ, понадобилась форма манифеста, во-вторыхъ, «съ согласія земскихъ чиновъ». Оказывается, что при нынѣшнихъ финляндскихъ порядкахъ, Императоръ Всероссійскій не имѣетъ права и силы самъ повелѣть назначить мѣсто для храненія канцелярскихъ дѣлъ. Говорю «при нынѣшнихъ порядкахъ», такъ какъ даже по пресловутой, покрывшейся уже плѣсенью отъ давности, шведской конституціи, которую финляндцы такъ усердно стараются напялить на себя, король былъ полнымъ хозяиномъ во всей администраціи. А теперь не то; конституція Финляндіи хоть и не дана, но тамошніе чиновники такъ ловки, что даже о храненіи канцеляр-

скихъ дѣлъ понесли на сеймъ, а затѣмъ Верховная Власть оказывается уже связанною и въ этомъ дѣлѣ. Поистинѣ, дерзость финляндцевъ дошла до геркулесовыхъ столповъ, и дальше идти, кажется, уже некуда.

Но продолжимъ еще нашу прискорбную лѣтопись. Нужно принять нѣкоторыя мѣры въ отношеніи пастьбы жеребятъ. Тотчасъ манифестъ — и «съ согласія земскихъ чиновъ». Приведемъ и этотъ актъ:

«Дано 17 декабря въ Гельсингфорсѣ. Божіею милостію Мы Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій и пр. и пр. и пр. Объявляемъ чрезъ сіе: съ согласія земскихъ чиновъ Финляндіи, Мы признали за благо симъ постановить: § 1. Жеребцы старше одного года не должны быть пускаемы на пастбище безъ такого присмотра, чтобы они не могли имѣть случки съ чужими кобылицами противъ воли ихъ владѣльца и т. д. Публиковать въ церквахъ».

Въ результатѣ новое стѣсненіе Верховной Власти въ дѣлѣ чисто полицейскаго свойства.

Интересна редакція другого узаконенія, напечатаннаго въ № 37 Сборника, о правѣ дворянъ занимать городскія должности. Сущность всего состоитъ въ нѣсколькихъ словахъ: «заключающіяся въ королевскихъ резолюціяхъ (!) по жалобамъ городовъ отъ 3 декабря 1680 (!) и 13 іюля 1709 (!) годовъ правила о запрещеніи дворянамъ занимать должности бургомистра, ратмана и секретаря магистрата въ городахъ края считать отмѣненными». Очень хорошо. Рѣчь идетъ объ отмѣнѣ королевскихъ «резолюцій», слѣдовательно, вполнѣ достаточно таковой же Императорской резолюціи. Законъ отмѣняется равносильнымъ закономъ,—правило всесвѣтное. Да, но не для нынѣшней Финляндіи. Императорскій сенатъ, который, очевидно, не постигъ еще, какое онъ имя носитъ, «призналъ за благо» и объ отмѣнѣ 200 лѣтъ назадъ положенной королевской резолюціи нести на свой сеймъ и еще разъ связать Императорскую Власть «согласіемъ земскихъ чиновъ», безъ котораго никакая дальнѣйшая перемѣна въ простой резолюціи прежняго времени уже не обойдется.

Но тутъ еще и нѣчто другое. Финляндскіе дѣльцы стараются при всякомъ случаѣ какъ-нибудь уцѣпиться за конституцію, которой Императоръ Александръ I имъ не утвердилъ. Такъ и теперь; передъ приведенными словами новаго закона объ отмѣнѣ королевскихъ резолюцій они вставили еще слова: «съ измѣненіемъ 4-го пункта Акта Соединенія и Безопасности отъ 21 февраля и 3 апрѣля 1789 года». Все будетъ понятно, если читатель приметъ въ соображеніе, что цитируемый «Актъ», вмѣстѣ

съ другимъ шведскимъ закономъ 1772 года, называемымъ «Формою Правленія», и составляетъ эту желанную конституцію. Она не была утверждена, но утверждается измѣненіе ея отдѣльныхъ пунктовъ, слѣдовательно, и она сама какъ бы признается.

Къ сожалѣнію, это далеко не первый случай финляндскихъ обходовъ. Они дали особенно пышный цвѣтъ въ началѣ 60-хъ годовъ, когда все русское, и власть, и достоинство, и интересы, было пренебрежено. Съ того времени мы катимся подъ гору по наклонной плоскости. Но и тогда, слѣдуетъ сказать, финляндское чиновничество не проявляло столько дерзости, можно сказать, столько неприличія въ ограниченіи державныхъ правъ русскаго Государя.

28 марта 1889 г.

Финляндія и ограниченіе власти.

Въ Финляндіи, несомнѣнно, проявляются всѣ признаки «революціи». Употребляю это слово, ибо какимъ другимъ именемъ очертить то непрерывающееся стремленіе къ захвату подданными, хотя бы небольшою ихъ кучкой, державныхъ правъ Монарха, съ приниженіемъ его власти, съ уменьшеніемъ его силы? Развѣ не тѣ же черты являетъ совершившееся сто лѣтъ назадъ событіе, вспоминая о которомъ ликуетъ теперь часть французскаго народа, не желающая видѣть, что стало изъ нѣкогда славной Франціи? Значеніе нашей финляндской революціи нисколько не измѣняется отъ того, что мѣстные дѣльцы не бунтуютъ открытою силой и не строятъ баррикадъ. Такой бунтъ всегда рискованъ, и за него можно поплатиться. Здѣсь предпочитаютъ безопасные пути толкованій, канцелярскихъ крючковъ и изворотовъ. Но фактъ революціонныхъ дѣйствій оттого не меньше и весь налицо.

Финляндская печать твердитъ на всѣ лады, притомъ не со вчерашняго дня, что въ Финляндіи верховная власть принадлежитъ собственно не Государю, а финскому народу, который сосредоточиваетъ-де ее въ своихъ представителяхъ, земскихъ чинахъ, а Императоръ Всероссійскій является-де только исполнительною властью, имѣетъ-де только делегацію власти отъ этихъ господъ. Это нигдѣ, ни въ какомъ законномъ актѣ не установлено, но этимъ революціонеры не стѣсняются; пока есть возможность толкованій, для нихъ все возможно. Гельсингфорсскій сенатъ, по этимъ толкованіямъ, уже органъ собственно не Императорской власти, а земскихъ чиновъ. Тѣ, повидимому, мелочи формъ, о которыхъ было говорено, эти «съ согласія», эти «дано», эти «признали за благо» въ поста-

новленіяхъ господъ сенаторовъ, эти «даты» ихъ постановленій и умолчаніе о датахъ Высочайшей санкціи, — все это, какъ ручей изъ родника, истекаетъ изъ приведенной теоріи и служитъ ей наглядною иллюстраціей.

Едва ли не первымъ, и во всякомъ случаѣ совершенно опредѣленнымъ выразителемъ всей тенденціи явилась нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ гельсингфорсскихъ газетахъ статья подъ заглавіемъ «Två Statsmakterna i Finland»—«двѣ государственныя власти въ Финляндіи», — и противъ ея софизмовъ — увы! — не послѣдовало со стороны русскихъ правительственныхъ органовъ никакихъ возраженій; да, по всеобщему незнанію шведскаго языка, едва ли у насъ имѣли о ней и понятіе... Впрочемъ, что говорить о газетной статьѣ, хотя бы и выдающейся, когда въ петербургскихъ канцеляріяхъ вы не найдете даже официальнаго «Сборника Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго», печатаемаго не только по-шведски и по-фински, но также и по-русски [1]).

Съ того времени конституціонная и сепаратистская доктрина на всей волѣ широко раскинула свои вѣтви. Газетная ложь перешла въ жизнь, въ сознаніе людей, не видящихъ ей противовѣса и отпора со стороны тѣхъ петербургскихъ учрежденій, которыя, какъ для всей Россіи вообще, такъ и для Финляндіи въ частности, суть и всегда должны быть органами единаго правительства. Съ тѣмъ вмѣстѣ финляндская провинціальная администрація—простое окружное управленіе, хотя бы и «главное», какъ его назвалъ манифестъ 1811 года,—возмнила уже себя не органомъ этого единаго правительства, а самимъ особымъ правительствомъ.

И вотъ теперь, не на шведскомъ только языкѣ интеллигенціи, но и по-фински, то-есть прямо для деревенскаго простонародья, ничего еще въ политическихъ тонкостяхъ не понимающаго, печатаются газетки, открыто поставившія себѣ задачей просвѣтить темныя головы разныхъ Матти и Вилли, конечно, на свой ладъ. Въ этихъ головахъ слагается пока понятіе, что русскій Царь есть то же, что шведскій король. Вѣрно ли это? Да, кромѣ того, оставляютъ ли въ Гельсингфорсѣ за нашимъ Государемъ и ту долю власти, какая была у Густавовъ?

Предъ нами, слѣдовательно, два вопроса: 1) можно ли правильно находить тождество между русскими Государями и шведскими королями вообще, и 2) въ частности въ Финляндіи сохраняются ли теперь за русскими Монархами права прежнихъ королей?

---

[1]) Этотъ «Сборникъ» можно выписывать изъ Гельсингфорса, отъ газетнаго экспедитора, съ платой за годовое изданіе 2 марокъ 40 пенни.

съ другимъ шведскимъ закономъ 1772 года, называемымъ «Формою Правленія», и составляетъ эту желанную конституцію. Она не была утверждена, но утверждается измѣненіе ея отдѣльныхъ пунктовъ, слѣдовательно, и она сама какъ бы признается.

Къ сожалѣнію, это далеко не первый случай финляндскихъ обходовъ. Они дали особенно пышный цвѣтъ въ началѣ 60-хъ годовъ, когда все русское, и власть, и достоинство, и интересы, было пренебрежено. Съ того времени мы катимся подъ гору по наклонной плоскости. Но и тогда, слѣдуетъ сказать, финляндское чиновничество не проявляло столько дерзости, можно сказать, столько неприличія въ ограниченіи державныхъ правъ русскаго Государя.

28 марта 1889 г.

Финляндія и ограниченіе власти.

Въ Финляндіи, несомнѣнно, проявляются всѣ признаки «революціи». Употребляю это слово, ибо какимъ другимъ именемъ очертить то непрерывающееся стремленіе къ захвату подданными, хотя бы небольшою ихъ кучкой, державныхъ правъ Монарха, съ чиниженіемъ его власти, съ уменьшеніемъ его силы? Развѣ не тѣ же черты являетъ совершившееся сто лѣтъ назадъ событіе, вспоминая о которомъ ликуетъ теперь часть французскаго народа, не желающая видѣть, что стало изъ нѣкогда славной Франціи? Значеніе нашей финляндской революціи нисколько не измѣняется отъ того, что мѣстные дѣльцы не бунтуютъ открытою силой и не строятъ баррикадъ. Такой бунтъ всегда рискованъ, и за него можно поплатиться. Здѣсь предпочитаютъ безопасные пути толкованій, канцелярскихъ крючковъ и изворотовъ. Но фактъ революціонныхъ дѣйствій оттого не меньше и весь налицо.

Финляндская печать твердитъ на всѣ лады, притомъ не со вчерашняго дня, что въ Финляндіи верховная власть принадлежитъ собственно не Государю, а финскому народу, который сосредоточиваетъ-де ее въ своихъ представителяхъ, земскихъ чинахъ, а Императоръ Всероссійскій является-де только исполнительною властью, имѣетъ-де только делегацію власти отъ этихъ господъ. Это нигдѣ, ни въ какомъ законномъ актѣ не установлено, но этимъ революціонеры не стѣсняются; пока есть возможность толкованій, для нихъ все возможно. Гельсингфорсскій сенатъ, по этимъ толкованіямъ, уже органъ собственно не Императорской власти, а земскихъ чиновъ. Тѣ, повидимому, мелочи формъ, о которыхъ было говорено, эти «съ согласія», эти «дано», эти «признали за благо» въ поста-

новленіяхъ господъ сенаторовъ, эти «даты» ихъ постановленій и умолчаніе о датахъ Высочайшей санкціи, — все это, какъ ручей изъ родника, истекаетъ изъ приведенной теоріи и служитъ ей наглядною иллюстраціей.

Едва ли не первымъ, и во всякомъ случаѣ совершенно опредѣленнымъ выразителемъ всей тенденціи явилась нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ гельсингфорсскихъ газетахъ статья подъ заглавіемъ «Två Statsmakterna i Finland»—«двѣ государственныя власти въ Финляндіи», — и противъ ея софизмовъ — увы! — не послѣдовало со стороны русскихъ правительственныхъ органовъ никакихъ возраженій; да, по всеобщему незнанію шведскаго языка, едва ли у насъ имѣли о ней и понятіе... Впрочемъ, что говорить о газетной статьѣ, хотя бы и выдающейся, когда въ петербургскихъ канцеляріяхъ вы не найдете даже официальнаго «Сборника Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго», печатаемаго не только по-шведски и по-фински, но также и по-русски [1]).

Съ того времени конституціонная и сепаратистская доктрина на всей волѣ широко раскинула свои вѣтви. Газетная ложь перешла въ жизнь, въ сознаніе людей, не видящихъ ей противовѣса и отпора со стороны тѣхъ петербургскихъ учрежденій, которыя, какъ для всей Россіи вообще, такъ и для Финляндіи въ частности, суть и всегда должны быть органами единаго правительства. Съ тѣмъ вмѣстѣ финляндская провинціальная администрація—простое окружное управленіе, хотя бы и «главное», какъ его назвалъ манифестъ 1811 года,—возмнила уже себя не органомъ этого единаго правительства, а самимъ особымъ правительствомъ.

И вотъ теперь, не на шведскомъ только языкѣ интеллигенціи, но и по-фински, то-есть прямо для деревенскаго простонародья, ничего еще въ политическихъ тонкостяхъ не понимающаго, печатаются газетки, открыто поставившія себѣ задачей просвѣтить темныя головы разныхъ Матти и Вилли, конечно, на свой ладъ. Въ этихъ головахъ слагается пока понятіе, что русскій Царь есть то же, что шведскій король. Вѣрно ли это? Да, кромѣ того, оставляютъ ли въ Гельсингфорсѣ за нашимъ Государемъ и ту долю власти, какая была у Густавовъ?

Предъ нами, слѣдовательно, два вопроса: 1) можно ли правильно находить тождество между русскими Государями и шведскими королями вообще, и 2) въ частности въ Финляндіи сохраняются ли теперь за русскими Монархами права прежнихъ королей?

---

[1]) Этотъ «Сборникъ» можно выписывать изъ Гельсингфорса, отъ газетнаго экспедитора, съ платой за годовое изданіе 2 марокъ 40 пенни.

Значеніе русскихъ Царей и Императоровъ, ихъ власть и сила не требуютъ разъясненій; они переходили преемственно изъ поколѣнія въ поколѣніе цѣлыми вѣками и выражаются однимъ словомъ—Самодержавіе. А что были шведскіе короли въ тѣ прежнія времена, когда они владѣли Финляндіей?

Королевская власть, тоже цѣлыми вѣками, представляла собою картину въ высшей степени печальную. Только изрѣдка показывались на сценѣ исторіи Густавы Вазы и Густавы Адольфы, которые сосредоточивали въ своихъ рукахъ сильную власть,—тогда Швеція торжествовала и на берегахъ Рейна, и въ области Новгородской. Во все прочее время короли являлись игралищемъ корысти партій не только шведскихъ, но и вообще скандинавскихъ, норвежскихъ и датскихъ, и даже нѣмецкихъ. Свергали одного короля, чтобы замѣнить его другимъ, въ данную минуту болѣе удобнымъ.

Среди такой многовѣковой и постоянной усобицы, тронъ Швеціи доставался au plus offrant, какъ бы на аукціонномъ торгѣ. Кто больше давалъ или обѣщалъ всякихъ льготъ и привилегій своимъ приверженцамъ, тотъ и садился на шаткій престолъ. Занявъ его, неизвѣстно на долго ли, эти короли, вмѣстѣ съ единомышленниками, выжимали свою «наддачу» изъ государства, какъ хищные арендаторы изъ законтрактованнаго имѣнія, пока не являлась другая толпа со своимъ претендентомъ и не выгоняла первую съ ея ставленникомъ. То сидитъ на престолѣ какой-нибудь Гаконъ Норвежскій, то Эрихъ Померанскій; является Фридрихъ Мекленбургскій, его вытѣсняетъ Христофоръ Датскій и т. п.

Положеніе шведскихъ королей было доведено до такого ничтожества, что когда, уже въ нынѣшнемъ столѣтіи, послѣ революціи, низвергшей Густава Адольфа IV, шведскія партіи стали вновь искать себѣ короля между иностранными принцами, то охотниковъ принять такую великую честь долго не оказывалось. Фонды престола Швеціи настолько понизились, что на него водворили, наконецъ, Наполеонова генерала Бернадота.

Неудивительно, что при такой куплѣ-продажѣ шведской верховной власти могли являться и узаконенія такой же пробы, въ родѣ, напримѣръ, закона, именуемаго «Konungabalken», 1442 года, которымъ королю вмѣнялось въ условіе не убивать подданныхъ, не грабить ихъ и т. п. Подобныя обязательства возможны были, конечно, лишь когда короли, сами поставленные съ торга, занимались организованнымъ разбоемъ или носили лестныя прозвища въ родѣ «короля-лжеца», которымъ украшенъ былъ упомянутый Христофоръ: при немъ и состоялось приведенное узаконеніе, запрещающее королю убивать и грабить.

И вотъ такое-то положеніе, такія-то унизительнѣйшія узаконенія, явившіяся къ тому же за полтысячи лѣтъ назадъ, господа Мехелины желаютъ во что бы ни стало связать съ нашею Верховною Властію! Въ «конституціи» сочиненія этого сенатора, законъ 1442 года именно поставленъ въ числѣ основныхъ дѣйствующихъ нынѣ будто бы въ Финляндіи конституціонныхъ актовъ. И съ какою властію ихъ связываютъ? Съ властію безусловно законною, побѣдительною, никакими договорами или соглашеніями не связанною, самодержавною, съ властію, къ тому же, по истинѣ благодѣющею Финляндіи. Кто, кромѣ людей, совершено ослѣпленныхъ страстью, можетъ доходить до такихъ возмутельныхъ предѣловъ?!

Ясно, что русскому Государю не мѣсто на одной линіи съ королями шведскими, тѣмъ болѣе минувшихъ столѣтій. Есть много государственнаго смысла и такта въ странной на первый взглядъ претензіи Ивана Грознаго на то, чтобы шведскіе Эрики и Іоанны его времени переговаривались не съ нимъ, а лишь съ его новгородскимъ намѣстникомъ.

А въ наше время приходится ставить второй изъ вышеуказанныхъ вопросовъ, и сомнѣваться: сохраняется ли за русскими Императорами, побѣдителями тѣхъ самыхъ королей, хотя бы власть, принадлежавшая симъ послѣднимъ? По финляндскимъ чиновничьимъ порядкамъ, выходитъ, что не сохраняется.

Вы имѣете полное право обозвать эти слова нелѣпостью, неправдой; однако, это такъ, и сдѣланный выводъ вѣренъ; въ немъ сущая правда. Для доказательства нужно было бы выписывать добрую долю многотомнаго «Сборника Финляндскихъ Постановленій», начиная съ 1864 года. По невозможности сдѣлать это, ограничимся нѣкоторыми лишь чертами.

О сеймѣ, напримѣръ. Онъ созванъ былъ Александромъ I, повторяемъ, одинъ только разъ, въ Борго, въ 1809 году, въ качествѣ простого совѣщательнаго земскаго собранія, и потомъ въ теченіе 55 лѣтъ, до 1863 года, вовсе не собирался.

Въ Швеціи сеймы были государственные, риксдаги; финляндскій сеймъ былъ только провинціальный,—и что же мы видимъ?

Короли имѣли право, по конституціи, созывать свой государственный сеймъ, когда хотѣли, не стѣсненные никакими сроками. Теперь, оказывается, на Верховной Русской Власти лежитъ «обязательство» — такъ гласятъ новѣйшіе финляндскіе акты — созывать сеймъ Финляндіи каждые три года.

Шведскій король имѣлъ полное право созывать сеймъ, гдѣ хотѣлъ, и, дѣйствительно, созывалъ его и въ столицѣ Стокгольмѣ, и въ какомъ-нибудь Норкёппингѣ, въ Оребро и т. п., какъ находилъ удобнѣйшимъ по разнымъ соображеніямъ. Теперь сеймъ не можетъ быть созванъ ни въ столицѣ русскаго Императора и

Великаго Князя Финляндскаго, ни даже въ какомъ-нибудь Або или Выборгѣ, въ той же Финляндіи, а обязательно долженъ быть созываемъ въ Гельсингфорсѣ, въ «столицѣ (!) края».

Шведскій король, все по той же конституціи, одинъ имѣлъ право инициативы въ законодательныхъ вопросахъ,—право высшей важности. Теперь это право принадлежитъ и сейму, и русскій Монархъ поставляется въ необходимость разсматривать даже такіе предметы, которыхъ онъ не только разсматривать, но и возбуждать не находилъ бы, можетъ быть, нужнымъ.

Спрашиваю: усматривается ли въ этомъ стѣсненіе и ограниченіе власти противъ той, которая принадлежала королямъ шведскимъ, или нѣтъ?

Если обратиться подобнымъ образомъ къ обширной области вопросовъ государственнаго хозяйства, финансовъ и т. п.,—вездѣ усмотрится тотъ же революціонный захватъ. Важнѣйшія дѣла: о банкѣ, о промыслахъ, о гербовомъ сборѣ, о винокуреніи, о табакѣ и т. п., короли рѣшали, не спрашивая не только провинціальныхъ сеймовъ (которыхъ не созывали столѣтіями), но и государственнаго риксдага. Многое принадлежало вѣдѣнію даже не короля, а его коллегій. А теперь, гг. финляндскіе дѣятели изловчились такъ вести дѣла, что и всѣ эти, и множество имъ подобныхъ существенно важныхъ предметовъ оказываются уже внѣ предѣловъ самоличной власти Монарха. Дошло, наконецъ, до храненія архивныхъ бумагъ и пастьбы жеребятъ; и въ этихъ уже совсѣмъ ничтожныхъ дѣлахъ отказывалось Верховной Власти въ правѣ самостоятельнаго рѣшенія: ее подчиняли «согласію» сейма.

Гдѣ корень этой удивительной метаморфозы? Во-первыхъ, во множествѣ, давности, неясности и отсутствіи малѣйшей системы въ старинныхъ шведскихъ узаконеніяхъ, въ которыхъ всегда можно найти желаемый крючекъ для всякаго случая. Во-вторыхъ, въ интригѣ, выуживающей изъ этого заплѣсневѣлаго болота множество разной археологической мертвечины, которую всегда возможно истолковать по-своему въ какомъ угодно смыслѣ.

Все основывается на довѣріи. Не даромъ новѣйшіе кодификаторы внесли въ свой проектъ свода финляндскихъ узаконеній знаменитую статью о томъ, чтобы статсъ-секретарь былъ непремѣнно изъ финляндцевъ и основали ее, за неимѣніемъ другихъ данныхъ, на практикѣ. Русскій статсъ-секретарь, конечно, распуталъ бы всю паутину крючковъ и ухищреній, и тогда всѣ «ограниченія» и «обязательства» оказались бы построенными на пескѣ. Не даромъ Императоръ Николай Павловичъ погрозилъ Армфельту: «pas d'intrigues!»

25-го апрѣля 1889 г.

Совмѣстимы-ли вѣрность Государю и вражда къ Россіи?

Если слѣдить за ходомъ финляндскихъ дѣлъ, и въ частности за отношеніями ихъ къ Россіи, то въ нихъ раскрывается одинъ, своего рода основной, догматъ. Финляндцы, — конечно, не вся масса народа, а только «соль земли», — постоянно отдѣляютъ особу нашего Государя отъ Россіи. Выражая Его Величеству на словахъ самыя вѣрноподданнѣйшія чувства, дѣлая въ этомъ смыслѣ офиціальныя манифестаціи, — правда, за исключеніемъ послѣдняго времени, когда финляндцы находятъ нужнымъ «будировать»[1]), — эти господа постоянно проводили и проводятъ, и словомъ и дѣломъ, ту идею, что они признаютъ русскаго Императора, но никакъ не русскую Имперію. Выраженіе: «я служу Государю, а не Россіи», сдѣлалось девизомъ финляндскаго вѣрноподданства. Этого девиза держатся многіе финляндцы, не только служащіе въ княжествѣ, но и состоящіе прямо на русскомъ жалованьѣ, въ русскихъ мундирахъ. Такой догматъ настолько въѣлся въ сознаніе его исповѣдниковъ, что они не стѣсняются свидѣтельствовать о немъ среди русскихъ людей, даже и тогда, когда, по традиціонному довѣрію, стоятъ на высшихъ ступеняхъ русской служебной іерархіи.

«Я служу Государю, а не Россіи!» Можетъ ли быть что-либо несообразнѣе, противоестественнѣе?!

Неужели по понятіямъ этихъ «просвѣщенныхъ» господъ, этихъ «честныхъ» слугъ, можетъ быть, служба Государю помимо его государства? Неужели финляндцы могутъ серьезно думать, что «вѣрноподданность» состоитъ только въ томъ, чтобъ угождать единоличнымъ, такъ сказать, человѣческимъ вкусамъ, преходящимъ желаніямъ Монарха, заботиться о частныхъ его удобствахъ и удовольствіяхъ, безо всякой заботы объ его высшемъ, свыше человѣческомъ, царственномъ санѣ и служеніи во благо его народа, ни на минуту отъ Монарха нераздѣльномъ, безо всякой связи съ государствомъ, которое онъ въ себѣ воплощаетъ? Можно ли допустить мысль о Государѣ и его государствѣ, безъ ихъ «солидарности», тѣмъ болѣе мысль о Государѣ съ отдѣльными интересами особыми, даже противоположными интересамъ его государства?

---

[1]) И при томъ очень грубо. Въ печати разсказано было, что въ этомъ году дни восшествія на престолъ, тезоименитства Государыни Императрицы и т. п. не были отличены отъ будниxъ дней даже заурядньмъ выставленіемъ флаговъ. Пѣвческое общество М. М. (Мехелина), по отзывамъ нѣкоторыхъ его членовъ, не намѣрено нынѣшній годъ ѣхать пѣть въ Петергофъ, дабы дать понять, что оно недовольно (!)... И слава Богу, скажемъ мы, такъ какъ пріѣзды этихъ пѣвуновъ часто бывали прямымъ оскорбленіемъ русскому національному чувству.

Прим. автора.

исключительно чрезъ финскія учрежденія, а если случайно и бываютъ на разсмотрѣніи русскихъ властей, то при окончательной обработкѣ все-таки остаются всецѣло въ финляндскихъ рукахъ, причемъ отзывы русскихъ установленій подвергаются иногда удивительнымъ метаморфозамъ. Въ результатѣ каждаго финляндскаго сейма является нѣсколько новыхъ постановленій, все болѣе и болѣе ограничивающихъ права не только русскаго народа, но и самого русскаго Государя. Это фактъ, не подлежащій сомнѣнію и спору. Понадобились бы цѣлыя страницы для одного только перечисленія тѣхъ захватовъ, кои сдѣланы финляндцами въ ущербъ этимъ правамъ и интересамъ, начиная съ возобновленія финляндскихъ сеймовыхъ собраній, разрѣшеннаго довѣріемъ покойнаго Государя двадцать пять лѣтъ назадъ.

Поэтому учащенныя собранія земскихъ чиновъ Финляндіи, никѣмъ рѣшительно не контролируемыя, а теперь пріобрѣтшія даже и право законодательнаго почина, имъ по Сеймовому Уставу не принадлежавшее, — такія учащенныя собранія не могутъ не вызывать въ русскихъ людяхъ большихъ опасеній. Если бы, напримѣръ, отъ послѣдняго сейма 1888 года осталось одно только знаменитое «Уголовное Уложеніе Великаго Княжества Финляндскаго», распространяющее финляндскую юрисдикцію и на чисто-русскія губерніи и подставляющее русскихъ людей, даже изъ среды привилегированныхъ сословій, подъ розги финляндской полиціи въ прямомъ смыслѣ этого слова, то и одного этого было бы съ избыткомъ довольно для того, чтобы намъ, русскимъ, глядѣть на финляндскіе сеймы съ большимъ недовѣріемъ.

Впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ мы не имѣемъ намѣренія входить въ сущность гельсингфорскихъ сеймовыхъ дѣлъ, сколь ни оскорбительны они для русскаго имени и достоинства. Мы коснемся на этотъ разъ только чисто внѣйшей стороны собраній сейма. И въ ней, при всей ея, повидимому, малозначительности, найдется не мало любопытнаго, а для человѣка, вникающаго въ сущность вещей, и не мало наводящаго на размышленіе.

Вскорѣ надо ожидать, по прежнимъ примѣрамъ, появленія въ «Сборникѣ Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго» «церемоніала» открытія сейма. Законъ, то-есть Сеймовый Уставъ 1869 года, на который сдѣлано указаніе въ самой Высочайшей грамотѣ, нигдѣ не упоминаетъ ни о какомъ церемоніалѣ, тѣмъ болѣе, что въ восьмидесяти двухъ параграфахъ, составляющихъ уставъ, разсѣяно очень много такихъ подробностей, которыя принадлежатъ именно къ сферѣ «церемоній». Съ другой стороны, законъ этотъ отнесенъ къ числу основныхъ и повелѣваетъ

буквальное его исполненіе [1]). Конечно, такое требованіе направлялось составителями финляндцами, главнымъ образомъ, противъ русскаго Государя; однако, волей-неволей финляндскіе чиновники обязаны примѣнять его и къ себѣ. Но эти господа, особенно новѣйшихъ формацій, вовсе не стѣсняются буквальными предписаніями своего закона и свободно сочиняютъ церемоніалы, «основнымъ» закономъ не установленные. Отдѣльные церемоніалы для нихъ сущій кладъ: они увеличиваютъ вѣсъ; они даютъ особый блескъ собраніямъ сеймовыхъ законодателей. Поэтому церемоніалы не только издаются, но и сопровождаются выразительною надписью «публиковать въ церквахъ».

При такомъ послабленіи неудивительно, что стремленія извѣстныхъ вожаковъ — быть во что бы то ни стало «государствомъ» — находили въ церемоніалахъ сейма удобные пути выраженія и какъ бы осуществленія. И, дѣйствительно, представители четырехъ финляндскихъ сословій, составляющіе сеймъ и въ Сеймовомъ Уставѣ совершенно опредѣленно именуемые земскими чинами, въ церемоніалахъ не разъ превращались въ «государственные» чины. Подобнымъ образомъ и залъ въ Императорскомъ дворцѣ, гдѣ эти чины собираются для открытія и закрытія сейма, получилъ названіе «государственнаго» зала, — конечно, не русскаго, а финляндскаго.

Въ послѣднее время, правда, такихъ свободныхъ переименованій болѣе не встрѣчалось, но характеръ церемоніаловъ не былъ отъ того умѣреннѣе и скромнѣе. Напротивъ, отъ сейма до сейма появляются порой новыя подробности, направленныя все къ той же цѣли: къ возвеличенію и усиленію блеска сеймовъ и къ приданію имъ характера государственныхъ законодательныхъ собраній. Судите сами.

Объ объявленіи, напримѣръ, созыва земскихъ чиновъ § 26 Сеймоваго Устава говоритъ просто, хотя и своеобразно: «Государь Императоръ и Великій Князь, или кто Имъ будетъ вмѣсто Себя (!) назначенъ, объявляетъ сословіямъ о днѣ, назначенномъ для открытія Сейма». Вотъ и все. Обыкновенно исполненіе этой и другихъ формальностей поручается генералъ-губернатору Финляндіи. Ему и слѣдуетъ по уставу объявить «сословіямъ», то-есть депутатамъ, о назначенномъ днѣ. По церемоніалу же (беремъ таковой 1888 года) это постановленіе получаетъ такую, совсѣмъ особенную форму:

«17 января, въ день всемилостивѣйше назначенный Его Величествомъ Государемъ Императоромъ и Великимъ Княземъ для

---

[1]) «Мы... принимаетъ къ руководству Сеймовый Уставъ слѣдующаго содержанія и буквальнаго смысла». («Сборникъ Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго» за 1869 годъ, № 11, стр. 2).

созванія Сейма, общій референдарій-секретарь Финляндскаго Сената, въ качествѣ герольда, имѣя ассистентами двухъ протокольныхъ секретарей или другихъ чиновниковъ Сената, является къ генералъ-губернатору, которому Всемилостивѣйше поручено отъ имени Его Величества Государя Императора и Великаго Князя открыть Сеймъ. По передачѣ генералъ-губернаторомъ общему референдарій-секретарю созыва на Сеймъ, съ приказаніемъ тотчасъ провозгласить собраніе онаго, общій референдарій-секретарь, при своихъ ассистентахъ, отправляется къ Сенатскому дому, гдѣ онъ съ параднаго крыльца, у котораго имѣетъ быть выстроена рота лейбъ-гвардіи Финскаго стрѣлковаго баталіона съ хоромъ музыки, при звукахъ трубъ публично прочитываетъ сеймовое созваніе на шведскомъ и финскомъ языкахъ, съ приглашеніемъ земскихъ чиновъ края явиться въ установленныя мѣста для записи ихъ и сдачи своихъ полномочій».

Такимъ образомъ, прежде всего, оказывается объявленіе не «сословіямъ», то-есть депутатамъ сейма, какъ постановлено въ законѣ, подлежащемъ буквальному исполненію, а народу, толпѣ, изъ которой большая часть даже не имѣетъ вовсе никакихъ своихъ представителей на сеймѣ. Далѣе, объявляетъ не генералъ-губернаторъ, а сенатскій чиновникъ, въ качествѣ «герольда», при ассистентахъ. Еще далѣе оказывается почетный караулъ изъ цѣлой роты русской Императорской гвардіи, караулъ — при сенатскомъ чиновникѣ или, въ лучшемъ случаѣ, при финляндскомъ сенатѣ. Герольдъ читаетъ объявленіе съ «параднаго крыльца» — чьего? Не генералъ-губернаторскаго дома, и не Императорскаго дворца, а финляндскаго сената, какъ бы объявленіе исходило отъ сего послѣдняго, чѣмъ, конечно, въ понятіи толпы должно возвышаться его значеніе и величіе. Въ довершеніе блеска, раздаются звуки трубъ—этотъ символъ побѣды.

По всему такому аппарату торжественности, человѣкъ, не знающій въ чемъ дѣло, легко могъ бы подумать, что онъ присутствуетъ при оглашеніи великаго, исключительнаго событія, восшествія на престолъ новаго монарха, или священнаго его коронованія, или завершенія побѣдоносной войны. А на самомъ дѣлѣ—это лишь новый созывъ, по истеченіи трехъ лѣтъ, зауряднаго собранія земскихъ представителей четырехъ сословій, даже, въ сущности, не всего народа...

Кромѣ «герольда», въ § 2 церемоніала является еще особый «церемоніймейстеръ» сейма, а въ § 3—«придворные кавалеры». Ни о комъ изъ этихъ лицъ въ Сеймовомъ Уставѣ нѣтъ и помина. Какіе это придворные кавалеры? Судя по мундиру, оказывается русскіе придворные; въ добавокъ, эти «придворные кавалеры», какъ видно изъ § 27 церемоніала, занимаютъ въ шествіяхъ самое послѣднее

Или: «§ 21. При вступленіи генералъ-губернатора въ церковь начинается церковная музыка». И т. д.

Но очень заблуждаются тѣ, кто думаетъ, что подобными фразами церемоніала возвышается значеніе въ Финляндіи русской власти. Напротивъ, иныя изъ нихъ прямо ее унижаютъ. Возьмемъ для примѣра § 5 церемоніала, по которому ландмаршалъ (предсѣдатель сейма) и вице-ландмаршалъ «приносятъ предъ генералъ-губернаторомъ (заступающимъ особу русскаго Государя) присягу, читаемую на шведскомъ языкѣ», то-есть на языкѣ, котораго онъ не понимаетъ... [1]).

Ограничимся сказаннымъ. Неужели для блага Финляндіи такъ необходимы, съ одной стороны, подобное пренебреженіе къ русскому главному начальнику края, а съ другой—такіе ни съ чѣмъ несообразные пышность и блескъ, которые въ простодушныхъ людяхъ возбуждаютъ только высокомѣріе, порождающее и усиливающее сепаратисткія стремленія?...

15 октября 1890 г.

Русскія права и рѣшенія финляндскихъ сеймовъ.

Говоря о пышныхъ и несогласныхъ съ уставомъ церемоніалахъ открытія и закрытія очередныхъ финляндскихъ сеймовъ, мы упомянули, [2]) что въ результатѣ каждаго сейма является нѣсколько постановленій, все болѣе и болѣе ограничивающихъ права не только русскаго народа, но и самого Государя. Уже знаменитый Сеймовый Уставъ 1869 года представляетъ собою вопіющее ограниченіе Верховной Власти; но сеймовыя «рѣшенія» идутъ въ этомъ направленіи съ каждымъ новымъ сеймомъ все дальше и дальше.

Само названіе «рѣшеній», которымъ титулуются сеймовыя мнѣнія или заключенія, есть своего рода посягательство, ибо заключенія земскихъ чиновъ по дѣламъ, ими разсматриваемымъ, конечно, никакъ не должны называться рѣшеніями: это не болѣе, какъ совѣщательные отзывы, не имѣющіе никакой силы до тѣхъ поръ, пока не послѣдовало утвержденія ихъ Верховною Властью.

---

[1]) Надо замѣтить, что Сеймовый Уставъ ничего не постановляетъ о языкѣ на которомъ должна приноситься присяга, и вообще о языкѣ для сеймовыхъ документовъ. А ознакомленіе финляндцевъ съ русскимъ языкомъ предустанавливалось еще со временъ Спренгтпортена, перваго финляндскаго генералъ-губернатора, назначеннаго покорителемъ Финляндіи Императоромъ Александромъ Павловичемъ. Прим. автора.

[2]) См. предыдущую статью.

Между тѣмъ, по заведенному порядку, эти самосозванныя «рѣшенія» издаются особо и офиціально именно подъ этимъ названіемъ и, мало того, помѣщаются въ «Сборникѣ Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго». Въ этихъ рѣшеніяхъ земскіе чины, говоря о себѣ, пишутъ: «Мы», «Насъ», «Намъ», «Свои», «Себѣ» и пр., съ большой буквы, что̀—по крайней мѣрѣ по-русски,—присвояется только особѣ Императора. Все это, конечно, обстоятельства второстепенныя; однако, они принадлежатъ къ числу тѣхъ некрупныхъ, но многочисленныхъ проявленій, которыми финляндская интеллигенція старается, худо ли, хорошо ли, проводить свою, ни на какомъ дѣйствительномъ законѣ, ниже́ на исторіи, не основанную, теорію о существованіи въ Финляндіи «двухъ государственныхъ властей»—två statsmakterna.

Въ связи съ этою же теоріей, конечно, стоитъ и то, что финляндскіе земцы не стѣсняются, напримѣръ, употреблять выраженіе: «Мы уполномочили правительство», [1])—хотя извѣстно, да и сами они постоянно это повторяютъ, что правительственная власть въ Финляндіи сосредоточивается именно въ особѣ Монарха, отъ лица и именемъ котораго дѣйствуютъ правительственные органы. Подобная, прямо дерзкая фраза есть продуктъ другой новѣйшей финляндской теоріи, по которой русскій Императоръ въ этомъ краѣ есть будто бы только исполнительная власть, то-есть только высшее должностное лицо.

Глядишь на все это, и глазамъ не вѣришь, до чего можно дойти, съ одной стороны, при дерзости и нахальствѣ, съ другой—при послабленіяхъ и незнаніи!

Но возвратимся къ сеймовымъ «рѣшеніямъ» и, не касаясь пока захватовъ ими верховныхъ правъ, взглянемъ, насколько сеймы Финляндіи постепенно выживаютъ изъ нея русскаго человѣка стѣсняя его гражданскія права. Ограничимся тремя-четырьмя узаконеніями, состоявшимися въ силу «рѣшеній» послѣдняго сейма 1888 года. Отличительная ихъ черта—«умолчаніе» о русскихъ людяхъ въ Финляндіи: пріемъ очень удобный, дабы не привлечь вниманія, или, по крайней мѣрѣ, ослабить его, при разсмотрѣніи узаконеній въ высшихъ сферахъ.

17 декабря 1888 года гельсингфорсскіе сенаторы издали,—«съ согласія земскихъ чиновъ» и отъ Высочайшаго имени,—«постановленіе о взиманіи временнаго налога съ иностранцевъ, занимающихся въ Финляндіи торговлей или инымъ промысломъ, въ теченіе 1889, 1890 и 1891 годовъ».

---

[1]) Сборн. Пост. Вел. Кн. Финл. за 1888 годъ, № 44, «Рѣшеніе Земскихъ Чиновъ Великаго Княжества Финляндскаго, состоявшееся на очередномъ сеймѣ въ Гельсингфорсѣ, 31 мая 1888 г.», § 34, стр. 10.

По заголовку узаконенія, а также и по тожественной вступительной его части, слѣдуетъ думать, что онъ касается только иностранцевъ и вовсе не касается собственно русскихъ людей. Между тѣмъ текстъ постановленія имѣетъ совсѣмъ другое, обширнѣйшее значеніе.

«Всякій—гласитъ онъ (§ 1, п. 1)—кто, не будучи финляндскимъ гражданиномъ, пребываетъ въ краѣ болѣе трехъ дней и производитъ въ свою пользу или, въ качествѣ агента, въ пользу другого торговлю иностранными товарами, за исключеніемъ привезенныхъ съ собою сельскохозяйственныхъ продуктовъ и издѣлій домашней работы, обязанъ, за время производства таковой торговли свыше означеннаго срока, платить временный промысловый налогъ въ размѣрѣ 120 марокъ въ мѣсяцъ, внося оный за цѣлый мѣсяцъ, хотя бы его пребываніе въ краѣ по торговымъ дѣламъ продолжалось и менѣе мѣсяца».

«Если подобный не финляндскій гражданинъ будетъ свыше трехъ дней по прибытіи въ край» дѣлать свое дѣло, «упустивъ надлежащимъ порядкомъ внести установленный сборъ», то онъ подвергается взысканію въ размѣрѣ сбора и, кромѣ того, уплатѣ налога (§ 2, п. 4).

Такой же налогъ (въ разныхъ размѣрахъ) взимается съ того, «кто, не будучи финляндскимъ гражданиномъ», устраиваетъ за плату въ свою пользу зрѣлища, даетъ представленія, концерты и пр. (§ 1, п. 2).

Итакъ, вотъ какихъ «иностранцевъ» касается узаконеніе 1888 г. Тотъ, кто «не финляндскій гражданинъ», слѣдовательно, и русскій, не пожелавшій сдѣлаться ренегатомъ и принять финляндское подданство, подлежитъ дѣйствію закона о временномъ налогѣ «на иностранцевъ»: эти послѣдніе оказались нужными только для отвода глазъ.

Слѣдуетъ добавить, что хотя этотъ налогъ и именуется временнымъ, но въ сущности есть налогъ постоянный, ибо онъ возобновляется на каждомъ сеймѣ уже десятки лѣтъ. Ясно, поэтому, что постановленіемъ о временномъ налогѣ на иностранцевъ запираются наглухо финляндскія двери предъ русскими, особенно некрупными, торговцами. Очень нелегко, дѣйствительно, за право на небольшую торговлю платить 1.440 марокъ, то-есть 360 руб. золотомъ въ годъ.

Совершенно того же свойства другое постановленіе, состоявшееся въ тотъ же день 17 декабря 1888 года по сеймовому «рѣшенію» объ измѣненіи § 3 постановленія 1879 года, «о промыслахъ», подъ которыми разумѣется и торговля.

Собственно это частное измѣненіе не касается прямо русскихъ людей, но все прежнее постановленіе 31 марта 1879 года получило новое подтвержденіе, а оно именно направлено противъ русскихъ, бывъ издано въ самый разгаръ всяческихъ финляндскихъ захватовъ на счетъ Россіи.

«Всякій финляндскій гражданинъ», говорится въ этомъ узаконеніи (§ 1, п. 1), «какъ мущина, такъ и женщина, имѣетъ право, на условіяхъ, ниже сего постановленныхъ, заниматься промыслами по собственному своему выбору».

Но что же говорится о «русскомъ» гражданинѣ, съ которымъ ведется большая половина финляндской торговли? О немъ ничего не говорится, а на дѣлѣ онъ долженъ руководиться § 12 постановленія о промыслахъ, имѣющимъ въ виду «иностранцевъ»:

«Если иностранецъ»,—значится въ этомъ параграфѣ,—«пребывающій въ краѣ съ надлежащаго разрѣшенія, пожелаетъ открыть торговлю или фабрику, или же начать иной промыселъ въ городѣ или уѣздѣ, то онъ обязанъ» и т. д.

Требуется, между прочимъ, представить свидѣтельство о хорошемъ поведеніи и обезпеченіе въ уплатѣ казенныхъ и общинныхъ повинностей въ теченіе трехъ лѣтъ, чего финляндецъ исполнять не обязанъ.

Постановленіемъ, даннымъ въ Гельсингфорсѣ 11 ноября 1889 года, измѣнены, по сеймовому рѣшенію, нѣкоторыя правила финляндскаго морского устава. И здѣсь, въ новой уже редакціи, тѣ же двѣ категоріи лицъ, признаваемыя закономъ: иностранецъ и туземецъ; о русскихъ же нѣтъ и помина, хотя и говорится о плаваніи въ россійскіе порты Финскаго залива, Балтійскаго моря и Ладожскаго озера, а также извѣстно, что финляндскія суда плаваютъ подъ русскимъ флагомъ. Новыя правила настолько увеличили стѣсненія для русскихъ людей (иностранцевъ), что имъ не дозволяется на будущее время быть даже пайщиками въ правѣ собственности на финляндское судно: «въ случаѣ же такого отчужденія, оно считается недѣйствительнымъ» (§ 9, п. 1).

Тутъ же, очевидно, для ловкихъ финляндцевъ и средство наживы на счетъ иностраннаго, и въ особенности русскаго, кармана: «Если иностранецъ наслѣдуетъ подобную долю», то онъ «обязанъ до истеченія трехъ мѣсяцевъ передать свою долю туземцу» (§ 9. п. 1).

По § 31-му: «Главное начальство на финляндскихъ судахъ, занимающихся перевозкой пассажировъ или торговымъ судоходствомъ, можетъ быть ввѣряемо только финляндскому гражданину».

Итакъ, русскій флагъ—и полное воспрещеніе доступа русскому человѣку къ управленію подъ этимъ флагомъ. Говоримъ: «полное» воспрещеніе, ибо изъ дальнѣйшихъ параграфовъ явствуетъ, что

русскіе люди не могутъ занимать на финляндскихъ судахъ и второстепенныхъ должностей.

Другое дѣло финляндецъ; ему открыты всѣ входы не только на свои, но и на всѣ русскія суда, притомъ въ роли и самыхъ большихъ начальниковъ.

Упомянемъ еще объ одномъ узаконеніи, изданномъ по сеймовому же постановленію 15 апрѣля 1889 года, притомъ въ области, не бывшей еще предметомъ финляндскаго законодательства, а потому, казалось бы, вовсе не стѣсненной прежними нашими ошибками. Имѣемъ въ виду постановленіе «о частныхъ желѣзныхъ дорогахъ, открываемыхъ для общественнаго движенія». Здѣсь, съ оника, русскіе люди рѣшительно устраняются отъ дѣла:

§ 2. «Сооруженіе желѣзныхъ дорогъ можетъ быть разрѣшаемо лишь финляндскимъ гражданамъ, проживающимъ въ краѣ, мѣстнымъ общинамъ, и, по прошенію финляндскаго уроженца, финляндскимъ акціонернымъ обществамъ».

«Финляндскимъ признается акціонерное общество, правленіе котораго находится въ предѣлахъ края и болѣе чѣмъ наполовину состоитъ изъ проживающихъ тамъ финляндскихъ гражданъ».

Ограничимся пока приведенными примѣрами. Читатель и изъ нихъ увидитъ, насколько финляндское законодательство, на одномъ только сеймѣ, урѣзало право русскаго народа въ промышленной и торговой его дѣятельности. А между тѣмъ покоритель Финляндіи, Александръ I, торжественнымъ манифестомъ 1 октября 1809 года объявляя объ этомъ покореніи всенародно, удостовѣрилъ, что «торговля наша восприиметъ новое расширеніе»...

Слѣдуетъ, однако, оговориться по поводу вышеизложеннаго. Если большая вина въ противорусскихъ узаконеніяхъ падаетъ на земскіе чины Финляндіи, то еще бóльшая отвѣтственность лежитъ на финляндскихъ правительственныхъ учрежденіяхъ. Главнѣйшая часть этихъ узаконеній имѣла въ основаніи своемъ правительственныя предложенія сейму, исходившія по почину финляндскаго сената и по одобренію финляндскаго статсъ-секретаріата и комитета финляндскихъ дѣлъ [1]) въ Петербургѣ. Эти же учрежденія разсматривали и заключенія земскихъ чиновъ, причемъ имѣли, конечно, полную возможность представить о томъ, чтобы несогласныя съ русскими правами мнѣнія сейма подверглись или нужнымъ перемѣнамъ, или же и новому пересмотру. Но ничего этого не было сдѣлано,—и въ концѣ концовъ русскаго человѣка тѣснятъ и гонятъ въ Финляндіи теперь, такъ же точно, какъ тѣснили и гнали во времена не скрывавшихъ своей ненависти къ Россіи Армфельтовъ и Шерналь-Валленовъ.

28 октября 1890 г.

---

[1]) Этотъ комитетъ болѣе не существуетъ. Прим. издателя.

Финляндскіе сеймы и права короны.

Читатель, надѣемся, не посѣтуетъ на то, что мы обращаемся особенно къ гельсингфорсскимъ сеймамъ и къ плодамъ ихъ дѣятельности. Думаемъ, что именно теперь время сосредоточить на нихъ вниманіе: съ одной стороны, собирается новый очередной сеймъ, на воздѣйствіе котораго, какъ видно изъ мѣстной печати, возлагаетъ надежды все, что есть въ Финляндіи враждебнаго Россіи; съ другой стороны, — наше правительство приступило къ подробному разсмотрѣнію новаго финляндскаго «Уголовнаго Уложенія», и, въ особенности, проекта своеобразной кодификаціи финляндскихъ «основныхъ законовъ», то-есть конституціи, въ тайнѣ выработаннаго финляндскими дѣльцами. Русская публика не можетъ не интересоваться дѣломъ такой капитальной, государственной важности, и мы, поэтому, считаемъ своимъ долгомъ знакомить ее съ тѣми характерными подробностями, которыя до сихъ поръ оставались, къ сожалѣнію, подъ спудомъ.

Мы представили уже примѣры того, какъ финляндскіе сеймы съ каждымъ новымъ своимъ собраніемъ проводятъ все новыя мѣры къ тому, чтобы все болѣе и болѣе устранять русскаго человѣка ото всякой производительной и полезной дѣятельности въ Финляндіи,—какъ съ каждымъ новымъ сеймомъ русскаго человѣка легально стѣсняютъ и офиціально выживаютъ вонъ.

Таковы шаги финляндскихъ земцевъ и сенаторовъ въ отношеніи къ русскому народу; не менѣе смѣлы эти шаги и по отношенію къ русскому Государю. Каждый сеймъ выпускаетъ рядъ постановленій, которыя повторяютъ и, такъ сказать, укрѣпляютъ прежнія незаконныя ограниченія Верховной Власти, а равно устанавливаютъ по отношенію къ ней и новыя стѣсненія.

Всему этому придается какъ бы законный характеръ, ибо подобныя постановленія въ большинствѣ случаевъ имѣютъ своимъ основаніемъ правительственныя предложенія, сочиненныя въ финляндскомъ сенатѣ, прошедшія чрезъ канцелярію генералъ-губернатора и разсмотрѣнныя комитетомъ финляндскихъ дѣлъ въ Петербургѣ.

И въ крупныхъ, и въ мелкихъ дѣлахъ, направленіе было одно и то же: вносить ихъ на сеймъ, подъ предлогомъ лучшаго будто бы ихъ обсужденія. Оказывалось, такимъ образомъ, что при внесеніи дѣлъ на сеймъ, сему послѣднему приписывалось, — въ объясненіяхъ гдѣ слѣдуетъ, — дѣйствительное его свойство, то-есть совѣщательное, чѣмъ и облегчался весь ходъ проектовъ.

Но лишь только съ сейма выходили его заключенія или отзывы,— они обращались въ «рѣшенія», по крайней мѣрѣ на языкѣ финляндской офиціальной печати, а самъ сеймъ дѣлался законодательною палатой, въ рѣшеніяхъ которой Верховная Власть не властна-де, будто бы, измѣнить ни единой буквы безъ его, сейма, новаго разсмотрѣнія.

Такимъ-то путемъ получалось въ результатѣ, что дѣла, бывшія въ шведскія времена предметомъ разрѣшенія даже не власти короля лично, а только его министровъ, или коллегій, — что даже такія дѣла теперь уже вышли изъ круга самоличной власти русскаго Государя и представляются будто бы обязательно подлежащими внесенію на сеймъ и его рѣшеніе. Только при такихъ условіяхъ и могли явиться на свѣтъ сеймовыя постановленія объ отмѣнѣ, напримѣръ, прежнихъ королевскихъ резолюцій, то-есть единоличныхъ повелѣній королей, или же о третьестепенныхъ полицейскихъ мѣрахъ, о какой-нибудь пастьбѣ жеребятъ или о храненіи архивныхъ дѣлъ. А такъ какъ вносимыя на сеймъ предложенія, какъ сказано, пишутся обязательно, — если не по закону, то по установившемуся за 25 лѣтъ обычаю, — въ финляндскомъ сенатѣ, то въ общемъ итогѣ весь такой ходъ дѣлъ направленъ, съ одной стороны, къ умаленію державныхъ правъ Государя Императора, съ другой—къ возвеличенію сената, а также, конечно, и сейма.

Изложенная система примѣнялась, какъ сказано, не къ однимъ только мелкимъ дѣламъ: пріемы «ловкости, выдержки, и дипломатической тонкости»,—помощію которыхъ, по хвастливому признанію финляндскаго историка, выбиралась постепенно власть изъ рукъ русскихъ Монарховъ, — примѣнялись и къ дѣламъ крупнымъ. Къ ихъ числу принадлежатъ, напримѣръ, такъ называемыя, регаліи.

Въ шведскія времена, регаліи были всегда предметомъ непосредственнаго примѣненія королевской власти. Ей принадлежали всѣ распоряженія и постановленія по податямъ съ винокуренія, пивоваренія, съ табаку, съ игральныхъ картъ, такъ же какъ по таможеннымъ и гербовымъ пошлинамъ. Не только провинціальное, но и государственное представительство не имѣло права въ нихъ вмѣшиваться: это прямо выражено въ шведской конституціи 1772 и 1789 годовъ, которая, какъ по крайней мѣрѣ претендуютъ финляндскіе книжники, и доселѣ сохраняетъ въ Финляндіи свою силу.

Они не смѣли, поэтому, прямо посягнуть на эти первостепенныя права короны. Но есть разные крючки, за которые ловкость, тонкость и выдержка могутъ хорошо цѣпляться, особенно при

сеймъ и начнетъ и окончитъ свои занятія далеко до этого срока.

Вотъ они, лойяльные финляндцы...

Приводить ли другіе аналогичные примѣры? Для большей наглядности остановимся на двухъ «временныхъ» налогахъ.

Въ постановленіи о временномъ налогѣ на пивовареніе, которое также приняло видъ цѣлаго устава въ двадцать четыре параграфа, имѣется такой пунктъ:

§ 4. При ввозѣ солодовыхъ напитковъ изъ другихъ странъ (читай: и изъ Россіи) въ Финляндію, взимается таможенная пошлина за оные, какъ о томъ особо установлено, но съ тѣмъ, чтобы сія пошлина составляла не менѣе 15 пенни съ литра при привозѣ товара въ бутылкахъ, и не менѣе 12 пенни при доставкѣ онаго въ бочкахъ».

Если припомнить, что таможенное законодательство принадлежитъ въ Финляндіи прямо къ числу прерогативъ короны, то ясно будетъ въ какой мѣрѣ дерзко врывается сеймъ въ эти прерогативы и какъ благодушно глядитъ на то мѣстная правительственная власть.

Впрочемъ, въ этомъ отношеніи сеймъ 1888 года являетъ и еще болѣе крупное доказательство. Земскіе чины «приняли на себя» временный налогъ на табакъ, и, благодаря этому, явилось новое узаконеніе, опять вторгающееся въ прерогативы таможеннаго законодательства, притомъ еще въ большей мѣрѣ и прямо въ ущербъ намъ, русскимъ:

«Съ 1 января 1889 года»,—гласитъ § 1,—«по 31 декабря 1891 года включительно, за табакъ, ввозимый въ Финляндію, имѣетъ быть взимаемъ временный налогъ въ ниже показанномъ количествѣ, а именно:

«Табакъ не въ дѣлѣ: изъ Россіи: а) листья со стебельками или безъ оныхъ, со 100 килогр. 35 марокъ; б) стебельки, тоже 17 марокъ и т. д. Табакъ въ дѣлѣ: изъ Россіи и изъ другихъ странъ: а) табакъ курительный, крошенный или сученый и проч. съ килограмма 2 марки 30 пенни, б) табакъ тертый—2 марки 80 пенни, в) сигары и пр. 4 марки 70 пенни, д) папиросы и т. д. 4 марки 70 пенни съ килограмма» и пр.

Здѣсь обходъ закона представляется во всей своей рельефности. И табачная регалія, и таможенное законодательство, принадлежатъ непосредственному усмотрѣнію Государя, и сеймъ тутъ не причемъ. А сеймъ не только полноправно вступилъ и въ то, и въ другое, но и прямо подавилъ русскую промышленность...

было тѣмъ легче, что, при тогдашнихъ вѣяніяхъ, второстепенному мѣстному регламенту пройти было незатруднительно.

Такъ, или почти такъ, оно и случилось. Благодаря Сеймовому Уставу, Верховная русская Власть оказалась во многихъ частностяхъ ограниченною противъ власти шведскихъ королей конца прошлаго столѣтія. Ее обязали собирать финляндскіе сеймы каждый пятый годъ, тогда какъ у шведовъ даже государственные риксдаги созывались, когда король признаетъ то нужнымъ; обязали собирать сеймы именно въ Гельсингфорсѣ и ни въ какомъ случаѣ не внѣ Финляндіи, тогда какъ у шведовъ короли всегда собирали сеймы тамъ, гдѣ находили удобнѣйшимъ и пр. Сеймовый Уставъ стѣснилъ Монарха и указаніемъ разныхъ порядковъ для изданія, отмѣны и измѣненія законовъ и проч. Наконецъ, явилась совершенно исключительная особенность, хотя и чисто формальная, но тѣмъ болѣе возмутительная. Финляндскіе политики давно искали добиться какого-нибудь случая имѣть нѣчто договорное между покоренною Финляндіей и русскимъ Государемъ. Они всегда сами чувствовали, что подъ ихъ такъ-называемыми «боргоскими» договорами нѣтъ никакой почвы. И вотъ случай представился: статсъ-секретарь Армфельтъ изловчился провести у покойнаго Государя Сеймовый Уставъ—въ формѣ какъ бы договора, за подписью и русскаго Императора, и предводителей сословій, съ приложеніемъ ихъ печатей. Дико, конечно, слышать, что Уставу, то-есть простому регламенту, которымъ узаконяются разные внуренніе порядки собранія, присвояется форма договора; но финляндскіе законники хватаются за всякую возможность облечь въ желаемую форму свои беззаконныя стремленія.

Что этотъ «договоръ» былъ не по дѣйствительному праву, и не по правдѣ, а по «ловкости» Армфельта, явствуетъ изъ того, что было четыре года назадъ. Когда, въ 1886 году, были измѣнены §§ 51 и 52 Сеймоваго Устава, то финляндскій сенатъ представилъ объ этомъ свой проектъ тоже въ договорной формѣ. Эта форма, однако, допущена не была, и измѣненіе именуемаго договора состоялось въ видѣ обычнаго манифеста, который и подписанъ 13 (25) іюня того года единолично Государемъ Императоромъ, лишь за скрѣпой товарища статсъ-секретаря Эрнрота, въ чемъ и можно удостовѣриться изъ № 22 Сборника Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго за 1886 годъ.

Въ оборудованномъ такимъ порядкомъ Сеймовомъ Уставѣ удалось провести многое, но, однако, не все: въ самыхъ существенныхъ пунктахъ авторы его не могли дойти до вѣнца своихъ желаній. Въ законахъ, какъ и въ другихъ человѣческихъ дѣлахъ, конецъ вершаетъ дѣло. Именно этотъ-то конецъ и ускользнулъ

Но этотъ параграфъ принадлежитъ къ категоріи процессуальныхъ подробностей. Гдѣ же установлены дальнѣйшія послѣдствія «Высочайшаго обсужденія»? Гдѣ параграфы объ облеченіи сеймовыхъ заключеній силой закона?

Ихъ нѣтъ, читатель. Вы тщетно будете пересматривать всѣ, какъ предыдущіе, такъ и остальные параграфы Устава: вы въ нихъ не найдете ничего соотвѣтственнаго. За § 76 слѣдуютъ пункты о томъ, кѣмъ пишутся и какъ подписываются исходящія отъ сейма бумаги, какъ и что печатается, какъ покрываются расходы по сейму, какъ онъ закрывается, въ какой мѣрѣ, наконецъ, Сеймовый Уставъ обязателенъ.

Итакъ, сеймовыя заключенія поступаютъ на «Высочайшее обсужденіе»,—и этимъ все, по Уставу, ограничивается. Что происходитъ далѣе, о томъ въ Сеймовомъ Уставѣ ни слова. Все, значитъ, остается въ произволеніи Императора Всероссійскаго.

Въ добавокъ, по недосмотру ли сочинителей Устава, или по волѣ судебъ, въ цитованномъ 76 параграфѣ даже нѣтъ обычной въ другихъ случаяхъ формулы: «Государь Императоръ и Великій Князь», а говорится только о «Государѣ Императорѣ». Все остается въ державныхъ рукахъ—не финляндскаго Великаго Князя, котораго стремятся конституціонно ограничивать, а—Самодержавнаго русскаго Императора.

И дѣйствительно, только Всероссійскому Монарху могутъ принадлежать окончательное обсужденіе и послѣдующія мѣропріятія по областнымъ, хотя бы и сеймовымъ, заключеніямъ. Только съ высоты единой, объемлющей всю Россію, Верховной Власти можно правильно видѣть, что въ сеймовыхъ «рѣшеніяхъ» и желаніяхъ допустимо и согласно съ общегосударственными интересами Россіи, и что должно быть устранено.

Такъ понимались дѣла и во времена родоначальника нынѣшнихъ финляндскихъ сеймовъ, сейма Боргоскаго: одно въ его ходатайствахъ было принято, другое видоизмѣнено, третье вовсе устранено. Императорская власть благожелательно выслушивала то, что представляли земскіе чины, но окончательно останавливалась на томъ, что признавала за благо.

Такъ было и въ новѣйшее время съ «Уголовнымъ Уложеніемъ» Финляндіи: въ ту минуту, когда финляндскіе дѣльцы мнили, повидимому, торжествовать побѣду, ожидая дня введенія этого закона въ силу,—воля Государя передала его въ руки Своихъ министровъ, и сеймовое рѣшеніе 1888 года оказалось только въ своихъ нормальныхъ предѣлахъ заключенія или мнѣнія, которое отчасти принимается во вниманіе, отчасти подвергается перемѣнамъ, сообразно общегосударственной потребности. Отъ воли Монарха, выслу-

шавшаго уже голосъ сейма въ сейчасъ упомянутомъ его заключенiи, зависѣло прямо ввести нужныя перемѣны, и если онѣ еще разъ даны на просмотръ сейма, то въ этомъ усматривается исключительно проявленiе Монаршей милости, а никакъ не требованiе Сеймоваго Устава.

Въ этомъ заключается и отвѣтъ на поставленный въ началѣ статьи вопросъ. Если бы предстоящiй сеймъ дошелъ до той степени безумiя, чтобъ отвергнуть умѣренныя и только справедливыя измѣненiя, сдѣланныя, съ Монаршаго одобренiя, нашими министрами въ Уголовномъ Уложенiи, то, по существу Сеймоваго Устава, все затѣмъ останется въ полномъ благоусмотрѣнiи Его Величества, которое всегда направлено только на охрану блага и достоинства Россiи, въ составѣ которой и Финляндiя занимаетъ свое мѣсто.

28 декабря 1890 г.

Готскiй Альманахъ [1].

Въ гельсингфорсской газетѣ Hufvudstadbladet, отъ 2 (14) декабря, напечатано:

«Появился «Готскiй Альманахъ» на 1890 годъ. Финляндiя нашла въ календарѣ мѣсто особо отъ Россiи. О странѣ сказано, что она въ качествѣ Великаго Княжества составляетъ конституцiонную монархiю, соединенную съ Русскою Имперiей въ лицѣ одного правителя (regent) съ 1809 года. Конституцiя издана въ 1772 и 1789 годахъ и утверждена манифестомъ Императора Александра отъ 27 (15) марта 1809 года, а также манифестами Императоровъ Николая I, Александра II и Александра III отъ 24 декабря 1825, 3 марта 1855 и 14 марта 1881 годовъ».

Эта ложь, въ которой самымъ развязнымъ образомъ дѣлаются ссылки на документы, гдѣ именно нѣтъ и помину объ утвержденiи «конституцiонной монархiи по законамъ 1772 и 1789 годовъ»,— эта ложь сообщена въ «Готскiй Альманахъ», конечно, финляндцами, и препятствовать тому мѣстная власть не имѣла возможности.

Но какъ допускаетъ такую дерзкую ложь въ распространенной финляндской газетѣ мѣстная цензура?

Декабрь 1889 г.

---

[1]) При генералъ-губернаторѣ Н. И. Бобриковѣ вниманiе на невѣрность изложенiя Готскаго Альманаха было обращено и сдѣланы нужныя исправленiя.

Прим. издателя.

Финляндскія новости.

Читатели припомнятъ, вѣроятно, наши протесты, между прочимъ, по поводу употребленія въ финляндскихъ постановленіяхъ, публикуемыхъ отъ Высочайшаго имени, формулы «съ согласія земскихъ чиновъ Финляндіи» — этой формулы, по которой дѣйствія Государя Императора являлись какъ бы подчиненными одобренію финляндскихъ сословій.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мы обращали вниманіе на несоотвѣтственное и неприличное употребленіе имени Царствующаго Императора безъ всякаго титула во главѣ предписаній, даваемыхъ отъ гельсингфорскаго сената подчиненнымъ мѣстамъ и лицамъ.

Теперь мы можемъ заявить, что этотъ сенатъ — впрочемъ, не безъ упорной, говорятъ, борьбы — обратился на путь нѣкотораго внѣшняго благоприличія. Обѣ формулы получили въ последнеизданныхъ узаконеніяхъ другой видъ:

Вмѣсто: «Съ согласія и пр.», печатается: «По всеподданнѣйшему представленію земскихъ чиновъ Финляндіи», — противъ чего мы ни сказать, ни желать ничего не имѣемъ.

Вмѣсто второй чересчуръ развязной формулы, теперь пишется просто: Высочайшимъ Его Императорскаго Величества Именемъ, Императорскій Финляндскій Сенатъ и пр. Эта перемѣна также можетъ быть принята съ нѣкоторымъ удовлетвореніемъ, хотя мы рѣшительно не понимаемъ, почему при перемѣнѣ редакціи не нашло себѣ мѣста выраженіе «по указу», которое представляется по-русски вполнѣ точнымъ и характернымъ, тогда какъ объявленіе «Именемъ» не свойственно ни русскому языку, ни нашей юридической терминологіи.

Отмѣтимъ здѣсь еще и третью формальную перемѣну. На финляндскихъ почтовыхъ маркахъ, на которыхъ съ 1877 года красовались [illegible] финскія и шведскія надписи, [illegible] появилась и русская надпись. Конечно, ей не дали первенствующаго мѣста. [illegible] наверху, стоитъ финское Suomi, [illegible] шведское — Finland и [illegible] русское Финляндія [illegible] правомъ же углу [illegible] 25 [illegible] пенни. [illegible] попрежнему [illegible] въ лапѣ, [illegible] разсѣян[illegible] ногами, [illegible]

[illegible] есть же, [illegible] Русскаго го-

сударства въ корнѣ вещей продолжаетъ не только оставаться, но и расти и крѣпнуть. Дѣла финляндскія, касаются ли они, или не касаются русскихъ интересовъ, продолжаютъ обсуждаться, разсматриваться и докладываться односторонне, одними финляндцами на всѣхъ ступеняхъ іерархической лѣстницы, помимо всякаго русскаго участія и согласованія съ общегосударственными пользами.

Вотъ новѣйшіе тому примѣры. Постановленіе объ устройствѣ частныхъ желѣзныхъ дорогъ въ Финляндіи, распубликованное въ «Сборникѣ» за этотъ годъ подъ № 16, лишаетъ русскаго человѣка всякаго права устраивать въ краѣ желѣзныя дороги, хотя бы на его собственныя деньги. Это ему прямо запрещено. Но въ силу чего? Тутъ нельзя сослаться на обѣщанное Императоромъ Александромъ I сохраненіе финляндцамъ прежнихъ правъ и преимуществъ, такъ какъ въ ту пору и помину не было о желѣзныхъ дорогахъ. Напротивъ, тотъ же покоритель Финляндіи, Императоръ Александръ Павловичъ, объявляя въ манифестѣ о пріобрѣтеніи этого края, прямо обѣщалъ, что «торговля наша (русская) восприметъ новое расширеніе». Устройство желѣзныхъ дорогъ принадлежитъ къ области этого расширенія. Русскій докладчикъ привелъ бы, конечно, въ справкѣ это торжественное обѣщаніе Государя своимъ кореннымъ подданнымъ, и, безъ сомнѣнія, постановленіе, о которомъ рѣчь, не получило бы того вреднаго и оскорбительнаго для русскаго достоинства характера, какимъ оно облечено благодаря исключительно финляндскимъ чиновникамъ.

Другой примѣръ. Въ самомъ послѣднемъ постановленіи, «данномъ» гельсингфорсскими сенаторами 11 минувшаго ноября, по предмету расширенія, въ вѣроисповѣдномъ отношеніи, правъ финляндцевъ на занятіе должностей въ краѣ, русскому, или, точнѣе, православному, человѣку закрытъ доступъ къ преподаванію въ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ Финляндіи—чего бы вы думали?—исторіи... [1]). Преподаваніе исторіи обращено въ привилегію учителей евангелическо-лютеранской вѣры. И если бы преподаватель вздумалъ принять православіе, то онъ увольняется отъ должности. Въ этомъ вы можете удостовѣриться изъ № 33 «Сборника», стр. 10. Что̀ это, если не вопіющее приниженіе господствующей въ Россіи православной вѣры? И нѣтъ, кажется, надобности доказывать, что все это возможно только потому, что финляндскія узаконенія проходятъ свой путь безо всякаго контроля со стороны русскихъ государственныхъ учрежденій.

Въ особомъ § 4 объяснено, что это постановленіе «почитается основнымъ закономъ Финляндіи». Вдобавокъ, въ настоящемъ

[1]) Изъятія могутъ быть допущены лишь съ особаго каждый разъ Высочайшаго соизволенія.

или по норвежской или по русской территоріи. Въ Норвегіи ихъ притѣсняли, то-есть, собственно, вполнѣ законно запрещали ихъ кочевки въ ущербъ мѣстнымъ норвежцамъ; съ другой стороны, въ Финляндіи изданы узаконенія для охраны тамошнихъ финскихъ пастбищъ отъ нашествія норвежскихъ оленей. На русской же территоріи Финляндцы не хотятъ знать русскихъ узаконеній и правилъ, претендуютъ на руководство своими финляндскими законами, почему тоже идутъ недоразумѣнія и столкновенія.

Финляндцы хлопочутъ какъ будто бы о жителяхъ сѣверной оконечности своего края, гдѣ въ двухъ пунктахъ, Энаре и Утсіоки, число ихъ составляетъ съ небольшимъ 1.300 душъ. Безъ сомнѣнія, слѣдуетъ заботиться и объ ихъ благополучіи. Но подъ предлогомъ такихъ заботъ, финляндцы думаютъ ни болѣе ни менѣе, какъ добиться уничтоженія существенной части прежнихъ трактатовъ и достигнуть самостоятельнаго владѣнія на берегу Сѣвернаго океана, притомъ, конечно, не на счетъ шведско-норвежскаго, а на счетъ русскаго правительства. Ихъ домогательства приняли нѣсколько лѣтъ назадъ совершенно опредѣленную и офиціальную форму, смѣлости которой можно только удивляться. По почину улеаборгскаго губернатора, гельсингфорсскій сенатъ вознамѣрился и теперь надѣется отмежевать къ Финляндіи не малый уголъ Архангельской губерніи. Они приготовили себѣ почву тѣмъ, что считаютъ себя обиженными со стороны русскаго правительства, которое будто бы захватило ихъ финляндскую землю. Они поэтому ищутъ вознагражденія.

Дѣло въ томъ, что на границѣ Петербургской и Выборгской губерній стоитъ городъ Сестрорѣцкъ съ извѣстнымъ оружейнымъ заводомъ. По отдѣленіи Императоромъ Александромъ I Выборгской губерніи къ Финляндіи, Сестрорѣцкъ, бывшій прежде въ Петербургской губерніи, отошелъ также къ Финляндіи. Присемъ, конечно, не было и помину о какомъ-нибудь вознагражденіи не только за этотъ городокъ, но и за всю отданную Выборгскую губернію, размѣромъ болѣе 33.000 квадр. верстъ, съ казенными имуществами на десятки милліоновъ. Но потомъ правительство нашло удобнѣйшимъ возвратить Сестрорѣцкъ въ Петербургскую губернію съ 12-ю верстами прилежащей къ городу земли, песчаной и безплодной. И что же? Финляндцы стали смѣло и настойчиво требовать вознагражденія за этотъ лоскутъ пустыря, забывъ, очевидно, что не 12, а всѣ 33.000 верстъ Выборгской губерніи отданы имъ даромъ.

Въ Петербургѣ, къ сожалѣнію, ихъ не только выслушали, но и повели продолжительную переписку о способѣ удовлетворенія такой претензіи. Окончательно требованія финляндцевъ сводятся

или по норвежской или по русской территоріи. Въ Норвегіи ихъ притѣсняли, то-есть, собственно, вполнѣ законно запрещали ихъ кочевки въ ущербъ мѣстнымъ норвежцамъ; съ другой стороны, въ Финляндіи изданы узаконенія для охраны тамошнихъ финскихъ пастбищъ отъ нашествія норвежскихъ оленей. На русской же территоріи Финляндцы не хотятъ знать русскихъ узаконеній и правилъ, претендуютъ на руководство своими финляндскими законами, почему тоже идутъ недоразумѣнія и столкновенія.

Финляндцы хлопочутъ какъ будто бы о жителяхъ сѣверной оконечности своего края, гдѣ въ двухъ пунктахъ, Энаре и Утсіоки, число ихъ составляетъ съ небольшимъ 1.300 душъ. Безъ сомнѣнія, слѣдуетъ заботиться и объ ихъ благополучіи. Но подъ предлогомъ такихъ заботъ, финляндцы думаютъ ни болѣе ни менѣе, какъ добиться уничтоженія существенной части прежнихъ трактатовъ и достигнуть самостоятельнаго владѣнія на берегу Сѣвернаго океана, притомъ, конечно, не на счетъ шведско-норвежскаго, а на счетъ русскаго правительства. Ихъ домогательства приняли нѣсколько лѣтъ назадъ совершенно опредѣленную и официальную форму, смѣлости которой можно только удивляться. По почину улеаборгскаго губернатора, гельсингфорсскій сенатъ вознамѣрился и теперь надѣется отмежевать къ Финляндіи не малый уголъ Архангельской губерніи. Они приготовили себѣ почву тѣмъ, что считаютъ себя обиженными со стороны русскаго правительства, которое будто бы захватило ихъ финляндскую землю. Они поэтому ищутъ вознагражденія.

Дѣло въ томъ, что на границѣ Петербургской и Выборгской губерній стоитъ городъ Сестрорѣцкъ съ извѣстнымъ оружейнымъ заводомъ. По отдѣленіи Императоромъ Александромъ I Выборгской губерніи къ Финляндіи, Сестрорѣцкъ, бывшій прежде въ Петербургской губерніи, отошелъ также къ Финляндіи. Присемъ, конечно, не было и помину о какомъ-нибудь вознагражденіи не только за этотъ городокъ, но и за всю отданную Выборгскую губернію, размѣромъ болѣе 33.000 квадр. верстъ, съ казенными имуществами на десятки милліоновъ. Но потомъ правительство нашло удобнѣйшимъ возвратить Сестрорѣцкъ въ Петербургскую губернію съ 12-ю верстами прилежащей къ городу земли, песчаной и безплодной. И что же? Финляндцы стали смѣло и настойчиво требовать вознагражденія за этотъ лоскутъ пустыря, забывъ, очевидно, что не 12, а всѣ 33.000 верстъ Выборгской губерніи отданы имъ даромъ.

Въ Петербургѣ, къ сожалѣнію, ихъ не только выслушали, но и повели продолжительную переписку о способѣ удовлетворенія такой претензіи. Окончательно требованія финляндцевъ сводятся

сти по клочку земли на берегу, то-есть въ Выборгской губерніи, дабы имѣть возможность вести хозяйство. Валаамскій монастырь уже давно пріобрѣлъ такой участокъ покупкой и на дѣлѣ пользуется имъ, но финляндскія власти отказываютъ въ утвержденіи купчей крѣпости. Что касается Коневца, то подобной покупкѣ, даже и въ томъ видѣ, какъ это сдѣлалъ Валаамъ, мѣстное начальство рѣшительно противится.

Говорятъ, дѣло пошло уже въ Петербургъ. Богъ дастъ русская святыня перестанетъ быть игралищемъ произвола лютеранскихъ властей Финляндіи. Вѣдь это мѣсто подвиговъ свв. Валаамскихъ чудотворцевъ Сергія и Германа и Преподобнаго Арсенія. На видныхъ мѣстахъ Петербурга красуются же и шведская, и финская церкви, а исконной русской святынѣ отказываютъ, даже и за деньги, въ какомъ-то клочкѣ захолустнаго угла въ не менѣе исконномъ русскомъ краѣ. Странныя бываютъ вещи...

25 марта 1888 г.

Судьбы православной церкви въ Финляндіи [1].

До сихъ поръ намъ не приходилось говорить о положеніи въ Финляндіи православной церкви. Между тѣмъ, этотъ предметъ первостепенной важности требуетъ къ себѣ полнаго вниманія, между прочимъ, и въ виду его политическаго, русско-государственнаго, значенія.

Восточная часть Финляндіи была крещена въ православіе еще княземъ новгородскимъ Ярославомъ Всеволодовичемъ въ 1227 году. Тамъ, при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, въ концѣ XVI вѣка, была православная епископская каѳедра. Во время оно, по свидѣтельству самихъ финляндскихъ историковъ, страна была покрыта цѣлою сѣтью православныхъ монастырей. До сихъ поръ тамъ Валаамскій и Коневскій монастыри, древнія русскія святыни, привлекаютъ къ себѣ ежегодно многія тысячи богомольцевъ. Со временъ Петра и Елисаветы эти и другіе монастыри, и въ ихъ числѣ Александро-Невская лавра въ Петербургѣ, имѣли пожалованныя въ Финляндіи земельныя угодья и рыбныя ловли.

---

[1]) О православной церкви въ Финляндіи въ 1893 г. вышла книга «Православная Церковь въ Финляндіи», по распоряженію оберъ-прокурора Св. Синода составленная кн. А. А. Ширинскимъ-Шихматовымъ.

Прим. издателя.

При такихъ условіяхъ, значеніе православной церкви, казалось бы, должно служить крѣпкою связью, прочнымъ объединительнымъ цементомъ финляндской окраины и русскаго государственнаго тѣла, и эту связь наипаче нужно бы оберегать, какъ зѣницу ока. Никакіе, толкуемые вкривь и вкось, «Боргоскіе акты» не могли имѣть здѣсь никакой силы въ смыслѣ противорусскомъ. Они обезпечивали въ Финляндіи свободу вѣроисповѣданія каждаго обывателя, слѣдовательно, и православнаго, и если подъ перомъ финляндца статсъ-секретаря Ребиндера явилось по-шведски обезпеченіе одной только «религіи страны», то-есть лютеранства, то другіе несомнѣнные акты опровергли этотъ недобросовѣстный переводъ. Тотъ же Императоръ Александръ I, уже послѣ Боргоскихъ актовъ, соединяя 11 декабря 1811 года Выборгскую губернію съ новою Финляндіей «въ одно гражданское управленіе», вполнѣ оградилъ православную тамъ церковь ото всякихъ финляндскихъ перемѣнъ.

«Духовное вѣдомство церквей православнаго греко-россійскаго исповѣданія, въ сей губерніи состоящихъ», писалъ Императоръ Александръ Павловичъ въ именномъ указѣ Святѣйшему Синоду, отъ того же 11 декабря (№ 24.909), «оставляемъ во всемъ на прежнемъ ихъ основаніи, подъ главнымъ управленіемъ Святѣйшаго Синода и настоящаго ихъ епархіальнаго начальства, присоединяя къ оному вѣдомству и всѣхъ православныхъ грекороссійскихъ церквей въ Финляндіи состоящихъ».

Это епархіальное начальство было и есть петербургская митрополія, глава которой носитъ до сего дня наименованіе митрополита новгородскаго, с.-петербургскаго и финляндскаго. Ближайшее завѣдываніе православно-церковными дѣлами Финляндіи принадлежитъ одному изъ викарныхъ архіереевъ, съ титуломъ епископа выборгскаго.

Съ теченіемъ времени, однако, пошли если не прямыя уклоненія отъ русскихъ порядковъ, то перемѣны и дополненія. Явилось на мѣстѣ особое «Выборгское духовное правленіе»,—посредствующій органъ между епархіей, финляндскими православными церквами и мѣстнымъ гражданскимъ начальствомъ. Оно состоитъ изъ выборгскихъ приходскихъ священниковъ, подъ предсѣдательствомъ настоятеля Выборгскаго собора. Всѣ сношенія съ финляндскими властями пошли чрезъ это духовное правленіе, а предсѣдатель его обратился, съ одной стороны, въ начальника прочихъ священниковъ, съ другой—въ делегата или эксперта предъ финляндскими правительственными учрежденіями и гельсингфорсскимъ сенатомъ.

Такой порядокъ, хотя онъ и можетъ казаться естественнымъ, заключалъ, однако, уже самъ въ себѣ зачатки удаленія финляндской православной церкви отъ тѣсной связи съ русскими духовными установленіями, зачатки тяготѣнія въ сторону лютеранскаго гражданскаго управленія края. Подобное склоненіе неизбѣжно усиливалось тѣмъ, что епархія далеко, а епископъ выборгскій, постоянно занятый, въ качествѣ викарія, множествомъ другихъ дѣлъ, являлся въ своей финляндской епископіи очень рѣдкимъ гостемъ. Такъ, нынѣшній преосвященный Антоній, одинъ изъ достойнѣйшихъ іерарховъ, состоя, помимо несенія другихъ обязанностей, еще и ректоромъ Петербургской Духовной Академіи, былъ въ Финляндіи лишь одинъ разъ, въ 1888 году. Если судить по напечатанному затѣмъ въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ» описанію этой его поѣздки однимъ изъ спутниковъ преосвященнаго, она имѣла вполнѣ мимолетный характеръ. Высказавъ не мало любезностей по адресу финляндцевъ и порицаній по адресу русскихъ, описатель поѣздки преосвященнаго почти вовсе не коснулся сущности вещей, если не считать одного мнѣнія, выраженнаго въ конечномъ выводѣ. Именно описатель поѣздки отнесся съ полнымъ сочувствіемъ къ тому, что всѣ улучшенія, необходимыя въ духовно-нравственной жизни православнаго населенія Финляндіи, заключаются едва ли не въ томъ, чтобы переводить православное богослуженіе и Священное Писаніе на финское и другія финляндскія нарѣчія. А какъ относится къ дѣлу недавно образовавшееся для просвѣщенія православныхъ финновъ и корелъ Братство во имя Свв. Сергія и Германа?

Какъ бы то ни было, выборгское духовное правленіе съ теченіемъ времени сложилось въ учрежденіе, которое стояло лицомъ болѣе къ финляндской администраціи, нежели къ своей епархіи. Видя это, гельсингфорсскій сенатъ, не безъ задней мысли, раскрылъ свой казенный кошелекъ, наполняемый на счетъ Россіи, дабы сравнительно щедро обезпечить положеніе православныхъ священниковъ въ Финляндіи. Въ результатѣ финляндскій сенатъ оказывался болѣе и болѣе хозяиномъ въ дѣлахъ тамошней православной церкви.

Уже постановленіе 1883 года, касавшееся, между прочимъ, денежнаго вознагражденія православныхъ причтовъ, заключало въ себѣ нѣкоторые очевидные признаки включенія мѣстной православной церкви въ кругъ общихъ финляндскихъ учрежденій, съ участіемъ въ ея дѣлахъ мѣстныхъ лютеранскихъ чиновниковъ. Такъ, § 12 постановлялъ, что присвоенный въ нѣкоторыхъ случаяхъ этимъ причтамъ окладъ сверхъ жалованья, платимый членами прихода, опредѣляется на церковной сходкѣ «въ присутствіи губернатора или его повѣреннаго», послѣ чего соглашеніе прихо-

жанъ «представляется на усмотрѣніе и утвержденіе финляндскаго сената».

По тому же узаконенію (§ 10) во многихъ изъ тѣхъ дѣлъ, кои входятъ въ кругъ дѣятельности русскихъ приходскихъ попечительствъ,—напримѣръ, народныя школы, призрѣніе бѣдныхъ и т. п.,—настоятели православныхъ приходовъ уже прямо поставлены въ положеніе аналогичное съ главными лютеранскими пасторами и вошли болѣе или менѣе въ составъ общиннаго управленія, съ подчиненіемъ финляндскимъ учрежденіямъ.

Это постановленіе 1883 года состоялось, правда, «по представленіи отзыва Святѣйшимъ Синодомъ». Но мы не знаемъ, былъ ли и въ какой мѣрѣ былъ уваженъ этотъ отзывъ, равно какія были въ немъ высказаны соображенія. Какъ бы то ни было, по доходящимъ до насъ свѣдѣніямъ, въ нѣкоторыхъ членахъ православнаго финляндскаго духовенства не только не оказалось достаточной упругости въ отпорѣ послѣдовавшимъ затѣмъ стремленіямъ мѣстнаго чиновничества къ дальнѣйшему вмѣшательству, но и сами они частью сдѣлались послѣдователями тѣхъ порядковъ, кои направлены къ обособленію Финляндіи отъ Россіи.

Вопросъ о русскомъ языкѣ, конечно, стоитъ тутъ на одномъ изъ первыхъ плановъ. Какъ извѣстно, финляндское чиновничество всѣми мѣрами изгоняетъ его изъ мѣстныхъ, особенно низшихъ школъ. Это гоненіе и въ православныхъ приходахъ достигаетъ такихъ размѣровъ, что, по скорбному отзыву одного почтеннаго священника, онъ съ ужасомъ видитъ, какъ даже его дѣти постепенно начинаютъ обращаться въ финновъ, благодаря школѣ, заставляющей учиться по-фински и забывать родной русскій языкъ.

Для русскаго языка остается затѣмъ одно убѣжище—въ церковномъ богослуженіи. И вотъ, судя по отзыву автора упомянутой статьи въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ», признается и со стороны русскихъ духовныхъ властей полезнымъ сдѣлать еще одинъ шагъ къ окончательному упраздненію русскаго языка—и гдѣ же?—въ странѣ которая еще семь вѣковъ назадъ была русскою и православною.

Во всякомъ случаѣ, даже и въ кругѣ дѣятельности мѣстнаго православнаго духовенства, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ его членовъ, оказывается наклонность въ пользу такихъ соображеній, которыя какъ нельзя больше на руку финляндскимъ сепаратистамъ. Эти послѣдніе, конечно, не медлятъ пользоваться обстоятельствами и все болѣе налагаютъ свою тяжелую руку на русское православіе, захватывая все, что̀ только могутъ.

Новый образчикъ этихъ захватовъ представляетъ лежащій предъ нами проектъ финляндскаго сената насчетъ изданія двухъ поста-

Такой порядокъ, хотя онъ и можетъ казаться естественнымъ, заключалъ, однако, уже самъ въ себѣ зачатки удаленія финляндской православной церкви отъ тѣсной связи съ русскими духовными установленіями, зачатки тяготѣнія въ сторону лютеранскаго гражданскаго управленія края. Подобное склоненіе неизбѣжно усиливалось тѣмъ, что епархія далеко, а епископъ выборгскій, постоянно занятый, въ качествѣ викарія, множествомъ другихъ дѣлъ, являлся въ своей финляндской епископіи очень рѣдкимъ гостемъ. Такъ, нынѣшній преосвященный Антоній, одинъ изъ достойнѣйшихъ іерарховъ, состоя, помимо несенія другихъ обязанностей, еще и ректоромъ Петербургской Духовной Академіи, былъ въ Финляндіи лишь одинъ разъ, въ 1888 году. Если судить по напечатанному затѣмъ въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ» описанію этой его поѣздки однимъ изъ спутниковъ преосвященнаго, она имѣла вполнѣ мимолетный характеръ. Высказавъ не мало любезностей по адресу финляндцевъ и порицаній по адресу русскихъ, описатель поѣздки преосвященнаго почти вовсе не коснулся сущности вещей, если не считать одного мнѣнія, выраженнаго въ конечномъ выводѣ. Именно описатель поѣздки отнесся съ полнымъ сочувствіемъ къ тому, что всѣ улучшенія, необходимыя въ духовно-нравственной жизни православнаго населенія Финляндіи, заключаются едва ли не въ томъ, чтобы переводить православное богослуженіе и Священное Писаніе на финское и другія финляндскія нарѣчія. А какъ относится къ дѣлу недавно образовавшееся для просвѣщенія православныхъ финновъ и корелъ Братство во имя Свв. Сергія и Германа?

Какъ бы то ни было, выборгское духовное правленіе съ теченіемъ времени сложилось въ учрежденіе, которое стояло лицомъ болѣе къ финляндской администраціи, нежели къ своей епархіи. Видя это, гельсингфорсскій сенатъ, не безъ задней мысли, раскрылъ свой казенный кошелекъ, наполняемый на счетъ Россіи, дабы сравнительно щедро обезпечить положеніе православныхъ священниковъ въ Финляндіи. Въ результатѣ финляндскій сенатъ оказывался болѣе и болѣе хозяиномъ въ дѣлахъ тамошней православной церкви.

Уже постановленіе 1883 года, касавшееся, между прочимъ, денежнаго вознагражденія православныхъ причтовъ, заключало въ себѣ нѣкоторые очевидные признаки включенія мѣстной православной церкви въ кругъ общихъ финляндскихъ учрежденій, съ участіемъ въ ея дѣлахъ мѣстныхъ лютеранскихъ чиновниковъ. Такъ, § 12 постановлялъ, что присвоенный въ нѣкоторыхъ случаяхъ этимъ причтамъ окладъ сверхъ жалованья, платимый членами прихода, опредѣляется на церковной сходкѣ «въ присутствіи губернатора или его повѣреннаго», послѣ чего соглашеніе прихо-

новленій: «о церковной сходкѣ и церковномъ совѣтѣ», и «о нѣкоторыхъ правилахъ для православныхъ приходовъ въ Финляндіи».

Проектъ этотъ значится подписаннымъ тѣмъ самымъ сенатскимъ чиновникомъ Бореніусомъ, которымъ издана на русскомъ языкѣ книжка, имѣвшая цѣлью доказать, что Финляндія независима отъ Россіи.

По этому автору можно судить и о качествѣ новаго гельсингфорсскаго законопроекта. Мы не можемъ вдаваться въ его подробности, по ихъ крайнему избытку, но кое на чемъ остановимся, собственно для характеристики направленія проекта.

Съ перваго же параграфа урѣзывается численность правомѣрныхъ членовъ въ православныхъ приходахъ. До сихъ поръ, по узаконенію 1874 года, всякій обыватель, исповѣдующій православную вѣру, былъ уже членомъ своего прихода. Теперь проектируется предоставить это право только «финляндскому гражданину». Вся масса русскихъ, притомъ болѣе достаточныхъ и просвѣщенныхъ, проживающихъ въ Финляндіи, но не пожелавшихъ мѣнять своего русскаго вѣрноподданства на сочиненное сепаратистами подданство финляндское,—вся эта солидная масса выкидывается за бортъ и должна оказаться, согласно проекту, безправною и безгласною даже и въ скромныхъ дѣлахъ своей приходской церкви.

Далѣе, если прихожане захотѣли бы, напримѣръ, имѣть у себя, вмѣсто причетника, діакона, даже на прежнемъ дьяческомъ окладѣ, они должны входить о томъ чрезъ цѣлый рядъ инстанцій съ представленіемъ въ финляндскій сенатъ.

Если приходъ пожелаетъ, скажемъ, построить для своего дьячка новую избу, то впредь онъ самъ не будетъ этого исполнять самостоятельно, а долженъ условія постройки, чрезъ духовное правленіе и губернатора-лютеранина, внести въ гельсингфорсскій, тоже сплошь лютеранскій, сенатъ.

Если кто недоволенъ рѣшеніемъ церковной сходки, онъ долженъ жаловаться не кому иному, какъ тому же губернатору.

Въ довершеніе всего, этому же иновѣрному чиновнику предоставляется наблюдать за исполненіемъ православными священниками ихъ обязанностей...

И во всемъ проектѣ ни единаго слова о русской епархіальной власти, хотя бы объ епископѣ выборгскомъ! [1]).

---

[1]) Со времени написанія этой статьи учреждена каѳедра епископа финляндскаго и выборгскаго. Первыми іерархами на этой каѳедрѣ были преосвященный Антоній, впослѣдствіи митрополитъ с.-петербургскій и ладожскій и преосвященный Николай, экзархъ Грузіи. Прим. издателя.

Что̀ это, если не прямое подчиненіе финляндской русской церкви власти тамошняго лютеранскаго начальства?

Новый проектъ уже напечатанъ, слѣдовательно, выработанъ окончательно. Предсѣдатель выборгскаго духовнаго правленія былъ, разумѣется, предварительно вызванъ на совѣщаніе въ сенатъ. Что̀ же онъ высказалъ тамъ? Гдѣ его особое мнѣніе?—Его не видно нигдѣ.

И при всемъ этомъ уже пошли въ ходъ слухи,—мы отказываемся вѣрить этимъ слухамъ,—будто, подъ предводительствомъ одного изъ приладожскихъ священниковъ, рьянаго поклонника финляндской quasi конституціи, ведется цѣлая система ходовъ къ тому, чтобъ изъ финляндской православной паствы образовать независимую отъ русской духовной власти финляндскую церковь, которая была бы подчинена гельсингфорсскому сенату, отъ котораго чаются великія милости...

Печальное явленіе, тѣмъ болѣе печальное, что, повидимому, ни откуда не встрѣчаетъ противодѣйствія. Лишь не прямо заинтересованный въ дѣлѣ епископъ нарвскій, преосвященный Владиміръ, поднялъ, сколько могъ, свой голосъ противъ новаго проекта финляндскихъ сепаратистовъ.

Этотъ проектъ переданъ теперь на обсужденіе съѣзда финляндскихъ православныхъ священниковъ въ Выборгѣ. Утверждаютъ будто они выбрали въ предсѣдатели вышеупомянутаго приладожскаго священника.

26 іюля 1890 г.

Финляндская печать и отсутствіе русской газеты въ Финляндіи.

Положеніе русскихъ въ Гельсингфорсѣ и вообще въ Финляндіи представляется совершенно исключительнымъ. Ихъ противъ воли заставляютъ обращаться въ шведовъ и финновъ.

Публицистика здѣсь очень развита. Въ прошломъ году выходило въ краѣ 99 періодическихъ изданій: 57 на финскомъ и 42 на шведскомъ языкѣ. Политическихъ газетъ было: 30 финскихъ и 22 шведскихъ; первыя, впрочемъ, мелкіе листки, появляющіеся, главнымъ образомъ, не болѣе 2—3 разъ въ недѣлю. Но въ числѣ шведскихъ четыре газеты выходятъ ежедневно, а пять по шести разъ въ недѣлю.

При такомъ числѣ и при строгой дисциплинѣ печати въ отношеніи извѣстныхъ сепаратистическихъ взглядовъ на Россію и политическую отъ нея зависимость, чѣмъ же заявляетъ себя наша

русская народная и государственная сила? Ничѣмъ; рѣшительно ничѣмъ, круглымъ нулемъ. Во всемъ краѣ, какъ это ни удивительно, нѣтъ ни одного русскаго періодическаго изданія, ни частнаго, ни правительственнаго. И нельзя обвинять въ этомъ случаѣ частную предпріимчивость. Нѣсколько лѣтъ назадъ, при генералъ-губернаторѣ гр. Адлербергѣ, одно лицо (не помню его фамиліи) просило о разрѣшеніи на изданіе въ Гельсингфорсѣ русской газеты. Ни субсидій, ни другихъ преимуществъ не домогалось. Но ему отказали, найдя такую газету излишнею. Не болѣе понятно, почему сама высшая мѣстная власть, русскій генералъ-губернаторъ, не имѣетъ никакого своего печатнаго органа. Есть, правда, Сборникъ Постановленій В. Кн. Финляндскаго; но это лишь собраніе выходящихъ новыхъ узаконеній, въ которомъ даже болѣе крупные случаи изъ жизни, даже проекты законовъ, не могутъ быть не только обсуждаемы, но и печатаемы. Между тѣмъ какъ внутри Россіи каждый губернаторъ имѣетъ въ своихъ рукахъ губернскія вѣдомости съ офиціальнымъ и неофиціальнымъ отдѣлами, генералъ-губернаторъ въ Финляндіи не имѣетъ въ своемъ распоряженіи ни одной страницы, ни одной строки для печатной гласности. Шведская офиціальная газета Finlands allmänna tidning по-русски не печатаетъ.

Такимъ образомъ, представитель русской власти, если признаетъ нужнымъ сдѣлать что-либо гласнымъ, доженъ обращаться о томъ съ просьбой къ частнымъ изданіямъ. Именно съ просьбой, такъ какъ дѣйствующій въ Финляндіи законъ о печати 1867 года предоставляетъ (§ 9) судебнымъ и присутственнымъ мѣстамъ и начальствамъ помѣщать свои сообщенія за обыкновенную плату въ отдѣлѣ объявленій. Безплатно—только въ случаѣ оскорбленія или поправки (§ 10). Для генералъ-губернатора никакого изъятія не сдѣлано.

Но если сообщенія русской власти и приняты на столбцы мѣстной газеты,—конечно, въ шведскомъ переводѣ—то мы видимъ ихъ помѣщенными на такомъ мѣстѣ газеты и напечатанными такимъ шрифтомъ, какіе редакторъ благоизволитъ для того назначить. Недавно былъ тому примѣръ, очень тяжелый для русскаго самосознанія.

Въ прошломъ году случился во Фридрихсгамѣ пожаръ, и для помощи въ тушеніи огня и охранѣ жителей была выведена часть расположеннаго тамъ 93-го иркутскаго полка. Вскорѣ, съ легкой руки корреспондента гельсингфорсской газеты Hufvudstadsbladet, вся Финляндія съ возмущеніемъ заговорила, что русскій полкъ занимался на пожарѣ не спасеніемъ несчастныхъ, а грабежомъ. Генералъ-губернаторъ не замедлилъ нарядить строгое слѣдствіе;

Не только интересъ теоретическій и научный, но и необходимость практическая,—въ виду полнѣйшаго безправія насъ, русскихъ, въ этой завоеванной русскою кровью и русскими деньгами окраинѣ, въ то время, какъ финляндцы въ коренной России пользуются всѣми правами природныхъ русскихъ,—побуждаютъ къ всестороннему изученію предмета.

Въ кодификаціи законовъ, по ея утвержденіи, всѣ права получатъ незыблемую твердость и устойчивость. Но тѣмъ будетъ хуже, если подъ личиною истины вкрадется неправда и она, хотя и по невѣдѣнію, успокоится навсегда. Поэтому порученіе Ваше было принято мною къ исполненію съ искреннѣйшею готовностью. Въ доказательство сего я не замедлилъ представить Вашему Сіятельству особую записку [1]) о 4-ой ст. Основ. Зак. (Т. I. Св. Зак. Росс.). Пересмотръ и исправленіе этой статьи въ виду оснований, въ запискѣ моей изложенныхъ, тѣмъ болѣе необходимы, что I-ый же пунктъ Проекта финляндской кодификаціи содержитъ въ себѣ невѣрное положеніе, очевидно опирающееся на погрѣшность этой статьи. Дѣйствительно, и тотъ и другая установляютъ соединеніе престола финляндскаго съ Престоломъ русскимъ, тогда какъ особаго престола финляндскаго никогда не существовало, а русскіе государственные акты признаютъ единый Всероссійскій Престолъ, объемлющій въ числѣ другихъ частей Имперіи и Финляндію. Мнѣ не извѣстно, угодно ли было Вамъ дать какой-либо ходъ этой запискѣ, предметъ которой долженъ, однако, по моему крайнему убѣжденію, въ вопросѣ о кодификаціи законовъ Финляндіи, быть поставленъ на очередь прежде всего.

Но въ дальнѣйшемъ, несмотря на многократныя попытки мои писать замѣчанія, я пришелъ къ убѣжденію, что въ настоящемъ положеніи дѣла эти замѣчанія будутъ безплодны. Позвольте войти въ нѣкоторыя подробности.

Въ основѣ всего проекта лежитъ то, что шведская конституція, т. е. Форма Правленія 1772 года и Актъ Соединенія и Безопасности 1789 года составляютъ основные законы Финляндіи, что они признаны Императоромъ Александромъ I на Боргоскомъ сеймѣ 1809 года и что самый этотъ сеймъ былъ нѣкоторымъ учредительнымъ собраніемъ, установившимъ договоръ между финскимъ народомъ и русскимъ Императоромъ.

Но по этому важному вопросу, составляющему краеугольный камень въ дѣлѣ управленія Финляндіей, не представляется ни составителями проекта, ни другими финскими писателями, ника-

---

[1]) См. 27—34 страницы настоящаго тома.

Прим. издателя.

кихъ не только актовъ, но и другихъ положительныхъ документовъ. Финскіе историки и юристы приводятъ въ подтвержденіе своихъ доводовъ отрывки изъ двухъ трехъ-рѣчей, сказанныхъ Императоромъ Александромъ, а также изъ нѣкоторыхъ второстепенныхъ бумагъ.

Однако, цитируемыя слова Императора Александра встрѣчаютъ опроверженіе или ослабленіе смысла въ другихъ актахъ этого же Государя; и между бумагами есть также противорѣчія. Во многомъ финляндцы свои желанія и предположенія стали современемъ истолковывать уже какъ дѣйствительные факты и законъ. Между тѣмъ вопросъ такой первостепенной важности, какъ договоръ между побѣжденнымъ небольшимъ народомъ и самодержавнымъ Монархомъ побѣдителемъ, конечно, не могъ не выразиться въ какомъ нибудь опредѣленномъ безспорномъ актѣ. Его, однако же, нигдѣ нѣтъ [1]). Засимъ, все сводится, для уясненія вопроса, не къ толкованіямъ той или другой фразы, тѣмъ болѣе на основаніи неточныхъ и даже невѣрныхъ переводовъ, но къ историческому изученію всей совокупности фактовъ и документовъ, сопровождавшихъ покореніе Финляндіи Россіей. Безъ такого, притомъ не одностороннe финляндскаго, а безпристрастнаго изученія, все будетъ вращаться въ области казуистики и большаго или меньшаго остроумія, къ ущербу государственнаго достоинства, но сущность дѣла не подвинется ни на шагъ. Къ такому изслѣдованію, по моему мнѣнію, необходимо привлечь и русскія научныя силы.

Нѣсколько уже лѣтъ назадъ я взялся за трудъ изслѣдованія условій, при которыхъ Финляндія присоединена къ Россіи, и въ настоящее время сдѣлалъ первый шагъ: историческій очеркъ этого событія приведенъ мною къ окончанію [2]).... Не входя, конечно, въ оцѣнку [3]) значенія и пользы моего труда, могу, однако, положительно сказать, что по собраннымъ документамъ книга эта могла бы служить матеріаломъ при изученіи настоящаго предмета. Вопросъ этотъ представляю, совершенно, впрочемъ, конфиденціально, усмотрѣнію Вашего Сіятельства, какъ главнаго начальника, которому принадлежитъ высокая историческая задача привести въ ясность запутанныя отношенія Россіи и ея автономной провинціи.

---

[1]) Само собою понятно, что авторъ говоритъ объ актѣ, который могъ бы служить опорою для невѣрнаго финляндскаго толкованія. Для изучившаго исторію Финляндіи безпристрастно, ясно, что основными актами являются Фридрихсгамскій мирный договоръ и манифестъ 1 октября 1809 г. См. приложенія.
Прим. издателя.

[2]) Рѣчь идетъ о сочиненіи К. Ф. Ордина «Покореніе Финляндіи» въ двухъ томахъ, удостоенномъ въ 1889 г. Академіею Наукъ преміи митрополита Макарія. Прим. издателя.

[3]) См. предисловіе.

До того же, пока трудъ мой будетъ изданъ, я, опираясь въ точности на документы, утверждаю:

1) Что конституція, выраженная въ Формѣ Правленія 1772 г. и въ Актѣ Соединенія и Безопасности 1789 г., никогда Императоромъ Александромъ не была утверждена для Финляндіи;

2) Что она и не могла быть утверждена;

3) Что на Боргоскомъ сеймѣ было даже вообще запрещено разсуждать о конституціи;

4) Что никакого договора на этомъ сеймѣ не было и не могло быть;

5) Что сеймъ не только не былъ учредительнымъ собраніемъ, но не имѣлъ права постановлять даже и простыхъ рѣшеній;

6) Что онъ былъ лишь совѣщательнымъ собраніемъ, на которомъ не было дозволено выходить изъ рамки данныхъ правительствомъ вопросовъ;

7) Что, наконецъ, сеймъ вовсе не былъ договаривающеюся стороною, а лишь ходатаемъ, нѣкоторыя просьбы котораго исполнены, а другія оставлены безъ послѣдствій.

Эти историческія положенія представляются для меня несомнѣнными, и, быть можетъ, недалеко время, когда къ нимъ примкнутъ всѣ безпристрастные люди.

При такихъ условіяхъ писать замѣчанія на нынѣшній финляндскій проектъ кодификаціи, гдѣ въ основу принимаются положенія, въ дѣйствительности не существующія, представляется для меня трудомъ не только безполезнымъ, но и невозможнымъ.

Нельзя регулировать формы тѣхъ или другихъ украшеній въ карнизѣ или плафонѣ зданія, когда самыя стѣны и фундаментъ по ненадежности требуютъ сплошного пересмотра и тщательнаго исправленія. По глубокому уваженію моему къ Вашему Сіятельству я счелъ долгомъ чистосердечно высказать предъ Вами эти соображенія.

Но по важности предмета, если бы Вы признали нужнымъ имѣть отъ меня какія-либо свѣдѣнія въ направленіи, мною высказанномъ, я всегда готовъ предоставить себя и трудъ мой въ Ваше распоряженіе. Равнымъ образомъ, я готовъ и лично явиться для такихъ объясненій въ Гельсингфорсъ, или куда Вамъ угодно будетъ назначить [1]).

---

[1]) Графъ Ф. Л. Гейденъ отвѣчалъ на это письмо собственноручнымъ письмомъ отъ 23 декабря 1888 года, въ которомъ сообщилъ: «Я имѣлъ честь получить Ваше конфиденціальное письмо, и оно находится нынѣ въ рукахъ Министра Юстиціи».

Прим. издателя.

О важности изученія шведскаго языка русскими [1].

Не подлежитъ сомнѣнію, что взаимныя отношенія Россіи и Финляндіи оставляютъ желать многаго. Несомнѣнно также, что почва, на которой они должны быть основаны, остается неизслѣдованною, или изслѣдована односторонне, со стороны только финляндской. Русская наука къ нимъ почти не прикасается и ей извѣстно по дѣламъ и по исторіи Финляндіи лишь то немногое, что, издавая на русскомъ или на общедоступныхъ европейскихъ языкахъ, финляндцы сами нашли нужнымъ показать Россіи.

Шведская литература представляетъ вообще не мало интереснаго; а безъ чтенія многочисленныхъ шведскихъ трудовъ по исторіи, цѣлые 600 лѣтъ переплетавшей русскіе и шведскіе интересы, вполнѣ нельзя знать и русскую исторію. Это особенно относится до нашего сѣвера и запада; но и для юга въ шведскихъ источникахъ есть не мало матеріала: столѣтіями Швеція близко связывала свои судьбы съ судьбами Турціи противъ Россіи.

Изданіе историческихъ источниковъ на шведскомъ языкѣ дѣлаетъ ихъ общедоступными въ Финляндіи, и мѣстная печать пользуется ими для своихъ цѣлей. Финляндскіе ученые также пишутъ преимущественно по-шведски.

Сама жизнь Финляндіи, въ ея главнѣйшихъ отправленіяхъ, законодательствѣ, администраціи, судѣ, несмотря на попытки дать болѣе хода финскому языку и узаконить русскій языкъ, идетъ и до сихъ поръ преимущественно на языкѣ шведскомъ. До 40 повременныхъ изданій на этомъ же языкѣ пропагандируютъ идеи, далеко не всегда согласныя съ интересами и даже достоинствомъ Россіи.

Въ противовѣсъ такой энергической работѣ на языкѣ шведскомъ, съ русской стороны, за исключеніемъ единичныхъ усилій, не оказывается почти ничего. Шведскіе источники ученымъ русскимъ недоступны и почти неизвѣстны. Ошибки, въ которыя впадаетъ наша печать въ отношеніи Финляндіи, идутъ собственно изъ желанія узнать истину о томъ, что дѣлается и что должно дѣлаться въ этомъ краѣ, стоившемъ Россіи много крови и денегъ; но оно удовлетворяется не изъ прямыхъ, а изъ постороннихъ ис-

---

[1]) Записка эта составлена К. Ф. Ординымъ по просьбѣ бывшаго финляндскаго генералъ-губернатора графа Ф. Л. Гейдена и послана ему 23 января 1889 года при письмѣ, въ коемъ авторъ сообщилъ ему, что вице-президентъ Академіи Наукъ Я. К. Гротъ «отнесся вполнѣ сочувственно къ мыслямъ, изложеннымъ въ запискѣ».

Прим. издателя.

точниковъ, нерѣдко сомнительныхъ. Само русское главное управленіе края, при всемъ стараніи, не можетъ съ полнымъ успѣхомъ бороться противъ мѣстныхъ стремленій, такъ какъ вынуждено дѣйствовать посредствомъ органовъ, взятыхъ изъ среды мѣстной интеллигенціи. Причина такого нежелательнаго явленія лежитъ прежде всего въ неизвѣстности шведскаго языка между русскими образованными людьми, а это, въ свою очередь, происходитъ оттого, что русскія правительственныя учрежденія не даютъ желающимъ изучить его, или съ нимъ ознакомиться,—никакихъ къ тому сопсобовъ. Помочь этому, однако, очень нетрудно.

Университеты наши, напр., петербургскій, имѣютъ каѳедры или доцентуры языковъ французскаго, нѣмецкаго, англійскаго, даже итальянскаго, славянскихъ нарѣчій, въ томъ числѣ польскаго; языковъ восточныхъ, турецкаго, арабскаго, персидскаго, разныхъ татарскихъ нарѣчій, и даже китайскаго и японскаго языковъ,—и все это въ видахъ, конечно, не научныхъ только, но и политическихъ. Въ настоящее время начато преподаваніе и языка испанскаго. Поэтому представляется почти непонятнымъ, почему шведскому языку—языку исторіи на всей нашей сѣверо-западной границѣ, и языку офиціальному въ краѣ, отстоящемъ отъ столицы въ 30-ти верстахъ,—не дано ни одного даже часа преподаванія въ этомъ ближайшемъ къ нему университетѣ. Учрежденіе въ Финляндіи двухъ русскихъ гимназій и реальнаго училища, благодѣтельное для мѣстнаго русскаго населенія, не исчерпываетъ предмета. Эти среднія училища даютъ лишь возможность русскимъ людямъ въ Финляндіи учиться на своемъ родномъ языкѣ, не забывать его, и не быть вынужденными усвоить языкъ чужой; но, какъ средне-образовательныя, они не могутъ непосредственно вести къ задачамъ высшаго порядка, принадлежащимъ только школѣ университетской. Вопросъ о томъ, что въ Финляндіи должно стремиться ко введенію, рано или поздно, русскаго языка, стоитъ отъ этого предмета совершенно особо. Можно даже сказать, что узаконеніе въ Финляндіи общаго государственнаго языка зависитъ именно оттого, чтобы сперва шведскій языкъ сдѣлался болѣе доступенъ хотя нѣкоторымъ русскимъ дѣятелямъ. Въ борьбѣ противъ всего русскаго финляндцы представляютъ множество доводовъ, основанныхъ на прошломъ края,—а съ русской стороны, по незнанію языка этого прошлаго, доводы ихъ остаются безъ опроверженія. По мѣрѣ русской разработки шведскихъ источниковъ, очистится путь въ Финляндіи и русскому языку.

23-го января 1889 года.

Финскій языкъ или шведскій? [1]

Изъ финляндскихъ газетъ вижу, что г. Монгоммери выходитъ въ отставку. Въ свое время онъ обратилъ на себя вниманіе протестомъ по случаю преимущества, офиціально оказаннаго финскому языку предъ шведскимъ.

Теперь, когда отставка г. Монгоммери заставляетъ вспомнить объ этомъ протестѣ, нельзя не припомнить и того, что тогдашнее мнѣніе его, конечно, не въ видахъ Монгоммери, а въ видахъ русскаго государства, заслуживало вниманія. Принятіемъ противнаго мнѣнія Россіи наносится крупный ущербъ, который растетъ ежедневно.

Теперь еще не окончательно ушло время устранить зло. Примите, Ваше Сіятельство, благосклонно во вниманіе, что шведскій языкъ есть, для Финляндіи, языкъ иноземный, и государственная власть всегда имѣетъ возможность и право устранить его изъ употребленія; тому живой примѣръ представляетъ постепенное изъятіе нѣмецкаго языка въ балтійскихъ губерніяхъ. Не то съ мѣстнымъ языкомъ, каковъ финскій; онъ уже и теперь предъявляетъ полныя свои права на господство, на каждомъ шагу вытѣсняя не только шведскій языкъ, но и русскій, который съ годами будетъ окончательно и какъ бы легально вытѣсненъ языкомъ мѣстнымъ, т. е. финляндскимъ.

Въ балтійскихъ провинціяхъ также пробовали поддержать эстонскій и латышскій языки, но скоро оставили, увидѣвъ опасность этой игры. Финны ищутъ уже единенія съ венграми, по однородности языка; образуется особое финско - венгерское общество. Опасность для русской государственности и для русскаго языка удесятеряется. Является поэтому необходимость противодѣйствія насильственному введенію финскаго языка въ употребленіе, что мы видимъ на дѣлѣ, на себѣ самихъ. Способъ къ тому: дать на время болѣе перевѣса шведскому языку. Формальное и вѣрное основаніе сему въ томъ, что шведскій языкъ для всѣхъ, кромѣ финновъ, неизмѣримо доступнѣе, нежели языкъ финскій, крайне трудный и не европейскій. Между тѣмъ на семъ послѣднемъ пишутъ уже разныя бумаги, квитанціи, накладныя и пр. и посылаютъ по торговымъ и другимъ дѣламъ въ Петербургъ. Обманамъ широкое поле, ибо получающій вовсе не понимаетъ того, что онъ получаетъ.

---

[1]) Изъ письма къ графу Ф. Л. Гейдену.

Пишу эти строки, и почти увѣренъ, что Ваше Сіятельство не обратите на нихъ никакого вниманія, такъ же точно, какъ и на прежнія мои заявленія.

Однако, время не замедлитъ обнаружить правду того, что я говорилъ.

. . . .

27 ноября 1890 г. С.-Петербургъ.

Историческая справка о воинскомъ уставѣ Финляндіи [1].

Странная ни съ чѣмъ не сообразная присяга включена въ Уставъ общей воинской повиности въ Финляндіи, изданный въ 1878 году. Эта присяга, насколько извѣстно, вошла и въ проектъ общаго кодекса основныхъ законовъ, изготовленный гельсингфорскими законодателями.

По этой присягѣ, кромѣ клятвы въ вѣрности Государю, присягающій долженъ еще принести клятву въ вѣрности, во-первыхъ, Финляндіи (не Россійскому государству), и, во-вторыхъ, Финляндскому Сейму.

Этого, правда, нигдѣ прямо не сказано, да и нельзя было прямо сказать, не вызвавъ прямого отказа въ допущеніи подобной присяги. Но гельсингфорскіе кодификаторы, вмѣстѣ съ сеймовыми редакторами финляндскаго Устава о воинской повинности,—все-таки сказали это, только сказали прикровенно, такъ-сказать, подъ маской, чтобы въ Россіи, при довѣріи къ нимъ, не разобрали, въ чемъ дѣло. Именно, они сослались на § 18 Формы Правленія 1772 года,—этой старо-шведской конституціи, которую желаютъ во что бы то ни стало примѣнять къ Финляндіи, какъ дѣйствующій законъ.

Въ этомъ 18-мъ параграфѣ [2]), о содержаніи коего до послѣдняго времени едва ли кто-либо имѣлъ у насъ понятіе, говорилось, что шведскія войска присягали королю, шведскому государству и шведскимъ государственнымъ чинамъ, или риксдагу. Конечно, этихъ, означенныхъ въ параграфѣ, лицъ и учрежденій финляндцы никакъ не могли имѣть въ виду, составляя въ наши дни уставъ о воинской повинности, или кодификаціонный проектъ. Но такъ

---

[1]) «Московскія Вѣдомости», 11 марта 1890 г., № 69.

[2]) Вотъ этотъ § 18 Формы Правленія: «Всѣ военныя силы государства (разумѣлась Швеція), сухопутныя и морскія, съ высшимъ и низшимъ начальствомъ ихъ, имѣютъ присягать на вѣрность и подданство его королевскому величеству, государству и государственнымъ чинамъ, по установленной формѣ».

какъ въ разныхъ другихъ случаяхъ, а равно и въ этомъ проектѣ, они уже подмѣнили шведовъ—финнами, а риксдагъ Швеціи — финляндскимъ сеймомъ, то, по аналогіи, явствуетъ, что, нелѣпая, сама по себѣ, идея сослаться на § 18 Формы Правленія имѣетъ опредѣленный, хотя и прикрытый смыслъ.

Однако, все-таки, какъ же могло случиться, что такая удивительная присяга попала въ законъ, къ прямому ущербу Верховной Власти русскаго Монарха? Вѣдь ущербъ несомнѣненъ, ибо, какъ можетъ быть соблюдена безусловная вѣрность Государю, когда тутъ же рядомъ требуется и вѣрность земскимъ чинамъ, которые, мня себя второю, чуть не равною Императору, властію, могутъ, въ иныхъ случаяхъ, разойтись съ Нимъ во мнѣніяхъ?

Въ какое положеніе, при такомъ разногласіи, были бы поставлены своею воинскою присягой присягавшіе по § 18 Формы Правленія? Долгъ присяги на вѣрность Государю могъ бы тутъ оказаться въ прямомъ противорѣчіи съ долгомъ присяги на вѣрность земскимъ чинамъ. Какой же выходъ изъ раздвоенія совѣсти, порожденнаго формулой присяги, предстоялъ бы присягавшимъ? Выбирать ли имъ, по личной склонности, одну изъ двухъ сторонъ, которымъ клялись быть вѣрными, или прямо уклониться отъ исполненія своего военнаго долга и остаться въ бездѣйствіи?

Или этимъ присягавшимъ предстояло бы, въ виду ссылки воинскаго Устава на «историческую конституцію» 1772 года, руководиться «историческими прецедентами», напримѣръ, эпизодами «Аньяльской Конфедерации» временъ русско-шведской войны 1788 года [1]), когда, между прочимъ, финляндское офицерство, бывшее отчасти во главѣ осады русскаго тогда Фридрихсгама, сняло эту осаду, находя, что война начата королемъ вопреки правамъ риксдага и присягѣ... [2]) Или же этимъ присягавшимъ по § 18 предстояло бы, для опредѣленія своего образа дѣйствій, прислушиваться къ голосу мѣстнаго общественнаго мнѣнія въ тѣхъ газетныхъ листкахъ, которые во множествѣ читаются финскими солдатами, въ тѣхъ финляндскихъ газетахъ, которыя, напримѣръ, въ 1885 году, когда изъ-за столкновенія съ афганцами могла вспыхнуть война между Россіей и Англіей, считали себя въ правѣ говорить, что въ этой войнѣ Россіи Финляндія будетъ соблюдать строгій нейтралитетъ....

Какимъ же образомъ, въ виду всего этого, могъ попасть такой параграфъ въ современный намъ финляндскій воинскій Уставъ?

---

[1]) См. «Покореніе Финляндіи», К. Ф. Ордина, т. I, стр. 149—248.

[2]) Интересенъ приведенный въ названной книгѣ (т. I, стр. 160—163) договоръ Аньяльской конфедераціи.

Для отвѣта на этотъ вопросъ надо хотя немного припомнить ходъ изданія этого Устава.

Первоначальный проектъ былъ написанъ на основаніи русскаго закона, и бывшій военный министръ, графъ Д. А. Милютинъ, твердо стоялъ за единство проекта съ его русскимъ прототипомъ. Хотя финляндскимъ чиновникамъ и удалось ввернуть въ проектъ разные крючки, но главныя основы этого единства всетаки болѣе или менѣе сохранялись. Но что сталось съ этимъ, уже предварительно одобреннымъ со стороны Государя, проектомъ, когда его передали Гельсингфорсскому сейму?

Сдѣлаемъ нѣкоторыя сопоставленія того, что было въ немъ, съ тѣмъ, что стало.

Въ § 1 говорилось:

«Для защиты Престола и Государства каждый финляндскій гражданинъ подлежитъ воинской повинности.»

Понимался, конечно, единый Престолъ Россійской Имперіи и единое Государство Россійское.

Финляндцы, обсудивъ параграфъ на сеймѣ, представили Государю такія соображенія:

Конечно, прежде, то-есть при шведскомъ правительствѣ, употреблялось въ такомъ случаѣ слово «государство», въ смыслѣ «отечества». Но теперь, послѣ соединенія Финляндіи съ Россіей слово «государство» получаетъ крайне пространный смыслъ, котораго не можетъ де обнять то чувство, та любовь къ домашнему очагу, къ отечеству, въ коемъ и заключается душа общей воинской повинности. Поэтому сеймъ полагалъ, что слово «отечество» не слѣдуетъ исключать изъ параграфа (ordet «fädernesland» icke vara ur paragrafen uteslutet), хотя—скажемъ мы—странно исключать то, чего вовсе не было включено.

Послѣдствіемъ такого резонабельнаго мотива тутъ же оказалось не исключеніе слова «отечество», а вставка этого слова на мѣсто дѣйствительно исключеннаго слова «государство». Затѣмъ § 1 въ Уставѣ явился въ такомъ видѣ:

«Для защиты престола и отечества каждый финляндскій гражданинъ подлежитъ воинской повинности.»

За симъ уже свободно можно толковать, что § 1 говоритъ о финляндскомъ отечествѣ и о финляндскомъ, хотя и воображаемомъ только, престолѣ.

Въ § 127 проекта было точно изложено:

«Финляндскій генералъ-губернаторъ, командующій войсками финляндскаго военнаго округа, есть вмѣстѣ съ тѣмъ начальникъ финскаго войска.»

Сеймъ обратился къ Государю со скромнымъ заявленіемъ: удобно ли вводить въ законъ упоминаніе о финляндскомъ военномъ округѣ, такъ какъ подобное территоріальное дѣленіе можетъ быть, по административнымъ соображеніямъ, измѣнено или вовсе отмѣнено? Поэтому предположено было соотвѣтственное редакціонное—слѣдовательно, небольшое и неважное—измѣненіе. На дѣлѣ сеймъ такъ измѣнилъ редакцію, что перевернулъ весь смыслъ параграфа, чего въ докладѣ Государю, конечно, не было выяснено. Явился въ дѣйствующемъ Уставѣ такой пунктъ:

«Генералъ-губернаторъ Великаго Княжества Финляндскаго, командующій вмѣстѣ съ тѣмъ расположенными въ краѣ русскими войсками, есть начальникъ финскаго войска.»

Выходитъ: главная обязанность генералъ-губернатора—быть начальникомъ финскихъ войскъ; командованіе же русскими частями принадлежитъ ему какъ дѣло второстепенное, придаточное, «вмѣстѣ съ тѣмъ».

Къ прискорбію, повѣствуются факты, конечно, не имѣющіе на самомъ дѣлѣ, но могущіе на иной взглядъ получать такой смыслъ, какъ будто финляндскіе генералъ-губернаторы вполнѣ усвоили себѣ означенное сейчасъ воззрѣніе, то-есть, что они въ Финляндіи, въ военномъ отношеніи, главные начальники не русскіе, а финляндскіе. Выводится это изъ того, что они пріѣзжаютъ инспектировать русскія части войскъ не въ русскомъ мундирѣ, а въ финскомъ. Говорятъ, что это весьма нравится финскимъ государственникамъ, но колетъ-де въ самое сердце русскихъ военныхъ, особенно офицеровъ, которые расположены въ краѣ не по своей волѣ, и которыхъ оскорбляетъ-де то, что повѣрка «русской» службы дѣлается «финскимъ» генераломъ. Впрочемъ, прямыхъ сѣтованій на это отъ русскихъ офицеровъ въ Финляндіи до насъ не доходило. Вообще дисциплина русскихъ войскъ образцовая.

Но оставимъ это и обратимся къ присягѣ, съ которой мы начали.

Въ § 97 проекта говорилось, что, по прибытіи людей, опредѣленныхъ на дѣйствительную службу, «начальникъ тотчасъ приводитъ ихъ къ присягѣ». Затѣмъ—никакихъ дальнѣйшихъ подробностей. Предполагалась, конечно, присяга общая.

Что же сдѣлалъ сеймъ?

«Такъ какъ въ проектѣ»,—написалъ сеймъ во всеподданнѣйшемъ своемъ представленіи,—«не имѣется текста присяги, то сословія нашли соотвѣтственнымъ ввести указаніе на § 18 Формы Правленія, для чего и сдѣлано въ параграфѣ редакціонное (стало-быть, только формальное) измѣненіе—af formel natur.»

И только. 9*

Государю давали такимъ образомъ въ трехъ строкахъ понять, что дѣлается формальная, то-есть въ сущности пустяшная, перемѣна, о которой не стоитъ и говорить. А на дѣлѣ—скрытно, безъ упоминанія, даже безъ намека на внутренній смыслъ ея—вводили установленіе такой формы, которая, какъ выше объяснено, отнимала у присяги Государю ея священный безусловный характеръ клятвы на жизнь и смерть, лишала эту присягу абсолютной обязательности.

Вотъ какъ помѣщалась въ дѣйствующемъ Уставѣ знаменитая присяга на вѣрность Императору и земскимъ чинамъ, то-есть сейму.

Можно было бы, конечно, упрекнуть русскихъ государственныхъ людей за допущеніе такого крайняго нарушенія самыхъ основныхъ законовъ государства, законовъ о священныхъ правахъ Верховной Власти», какъ они названы въ первомъ томѣ Свода... Но дѣло въ томъ, что докладъ подносилъ финляндецъ, исправлявшій должность министра статсъ-секретаря финляндскаго, г. Пальмротъ, какъ видно изъ скрѣпы на манифестѣ отъ 6 (18) декабря 1878 года.

Можно также полагать, и даже быть увѣрену, что если бы проектъ Устава въ томъ видѣ, какъ его переиначили земскіе чины [illegible] на окончательное утвержденіе въ порядкѣ, [illegible] изданія новыхъ законовъ учрежденіями Имперіи, [illegible] Государственный Совѣтъ, то вышеописанныя уловки [illegible], и Уставъ получилъ бы [illegible] священнымъ правамъ [illegible]

[illegible] о Финлянд- [illegible] Пра- [illegible] также [illegible] послѣдней [illegible] правитель- [illegible] и между [illegible]

Записка Гофмейстера Двора Его Императорскаго Величества К. Ф. Ордина [1].

Ходящіе слухи о предполагаемомъ упраздненіи отдѣльнаго штаба финскихъ войскъ, а также о переводѣ въ тѣ войска русскихъ офицеровъ, побуждаютъ изложить здѣсь нѣкоторыя данныя для уясненія предмета, на основаніи точныхъ документовъ и законоположеній.

Представляются четыре вопроса:

1) вообще о происхожденіи Устава о воинской повинности въ Финляндіи;

2) въ частности о двухъ его параграфахъ 119-мъ и 120-мъ;

3) о пересмотрѣ Устава, и

4) о томъ, что можетъ послѣдовать, на основаніи финляндскаго закона, если бы внесенныя на сеймъ перемѣны были имъ отвергнуты.

I. Происхожденіе Устава о воинской повинности въ Финляндіи.

Въ 1871 году, 12-го февраля, бывшій Военный Министръ, генералъ-адъютантъ Милютинъ, входилъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ относительно предположеннаго сформированія финляндскихъ войскъ.

«Великому Княжеству Финляндскому,—писалъ онъ,—даровано Монаршею волею полное самоуправленіе. Тѣмъ не менѣе Финляндія, присоединенная къ Россіи силою оружія, составляетъ нераздѣльную часть Имперіи Россійской, и, слѣдовательно, пользуясь своимъ особымъ мѣстнымъ управленіемъ и особыми мѣстными законами, не можетъ однако же домогаться всѣхъ атрибутовъ отдѣльнаго и независимаго государства.

«Необходимая и неопровержимая связь Финляндіи съ Имперіею Россійскою должна выражаться прежде всего въ единствѣ Верховной Власти, а затѣмъ въ единствѣ управленія дѣлами дипломатическими и военными».

«Никакая часть государства не можетъ имѣть своей политики внѣшней, также какъ и отдѣльной вооруженной силы.

«Въ Россіи,—продолжалъ онъ,—общественное мнѣніе требуетъ, чтобы финляндцы несли службу наравнѣ съ прочимъ населеніемъ Имперіи и сливались съ нимъ въ одно цѣлое въ арміи русской.

---

[1]) «Сборникъ матеріаловъ по вопросу о составленіи и утвержденіи устава о воинской повинности въ Финляндіи». 1899 г. Военная Типографія. Стр. 3—15. Этотъ сборникъ послужилъ матеріаломъ для сужденій Государственнаго Совѣта. Записка эта составлена по просьбѣ Военнаго Министра П. С. Ванновскаго по документамъ Главнаго Штаба. Прим. изд.

Государю давали такимъ образомъ въ трехъ строкахъ понять, что дѣлается формальная, то-есть въ сущности пустяшная, перемѣна, о которой не стоитъ и говорить. А на дѣлѣ—скрытно, безъ упоминанія, даже безъ намека на внутренній смыслъ ея—вводили установленіе такой формы, которая, какъ выше объяснено, отнимала у присяги Государю ея священный безусловный характеръ клятвы на жизнь и смерть, лишала эту присягу абсолютной обязательности...

Вотъ какъ появилась въ дѣйствующемъ Уставѣ знаменитая присяга на вѣрность Императору и земскимъ чинамъ, то-есть сейму.

Можно было бы, конечно, упрекнуть русскихъ государственныхъ людей за допущеніе такого крайняго нарушенія самыхъ основныхъ законовъ государства, законовъ о «священныхъ правахъ Верховной Власти», какъ они названы въ первомъ томѣ Свода... Но дѣло въ томъ, что докладъ подносилъ финляндецъ, исправлявшій должность министра-статсъ-секретаря финляндскаго, г. Пальмротъ, какъ видно изъ скрѣпы на манифестѣ отъ 6 (18) декабря 1878 года.

Можно также полагать, и даже быть увѣрену, что если бы проектъ Устава, въ томъ видѣ, какъ его пересочинили земскіе чины Финляндіи, поступилъ на окончательное утвержденіе въ порядкѣ, преподанномъ для изданія новыхъ законовъ учрежденіями Имперіи, то-есть чрезъ Государственный Совѣтъ, то вышеописанныя уловки и умолчанія были бы выведены наружу, и Уставъ получилъ бы видъ и значеніе, болѣе соотвѣтственные и священнымъ правамъ Верховной Власти, и достоинству Россіи.

Это, конечно, далеко не все, что можно сказать о финляндскомъ военномъ законѣ, но пока ограничимся изложеннымъ. Прибавимъ только, что онъ «вырабатывался» финляндцами, также какъ и законъ объ отдѣльной золотой монетѣ, во время послѣдней турецкой войны, когда вниманіе и заботы русскаго правительства были поглощены извѣстными затрудненіями. Были и между финляндцами голоса, требовавшіе отсрочки законодательнаго рѣшенія по столь важному вопросу, но большинство, подъ руководствомъ четверыхъ (не называемъ ихъ, ибо nomina sunt odiosa), не допустило отсрочки, и законъ явился съ тѣмъ ярко выраженнымъ сепаратистическимъ характеромъ, который виденъ каждому...

Засѣдающія въ Петербургѣ комиссіи заняты теперь монетнымъ, таможеннымъ и почтовымъ вопросами, въ видахъ проведенія единства системы. Но равнымъ образомъ, кажется, наступило время и для пересмотра закона военнаго, явившагося на свѣтъ при такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ.

10 марта 1890 г.

Записка Гофмейстера Двора Его Императорскаго Величества К. Ф. Ордина [1].

Ходящіе слухи о предполагаемомъ упраздненіи отдѣльнаго штаба финскихъ войскъ, а также о переводѣ въ тѣ войска русскихъ офицеровъ, побуждаютъ изложить здѣсь нѣкоторыя данныя для уясненія предмета, на основаніи точныхъ документовъ и законоположеній.

Представляются четыре вопроса:

1) вообще о происхожденіи Устава о воинской повинности въ Финляндіи;

2) въ частности о двухъ его параграфахъ 119-мъ и 120-мъ;

3) о пересмотрѣ Устава, и

4) о томъ, что можетъ послѣдовать, на основаніи финляндскаго закона, если бы внесенныя на сеймъ перемѣны были имъ отвергнуты.

I. Происхожденіе Устава о воинской повинности въ Финляндіи.

Въ 1871 году, 12-го февраля, бывшій Военный Министръ, генералъ-адъютантъ Милютинъ, входилъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ относительно предположеннаго сформированія финляндскихъ войскъ.

«Великому Княжеству Финляндскому,—писалъ онъ,—даровано Монаршею волею полное самоуправленіе. Тѣмъ не менѣе Финляндія, присоединенная къ Россіи силою оружія, составляетъ нераздѣльную часть Имперіи Россійской, и, слѣдовательно, пользуясь своимъ особымъ мѣстнымъ управленіемъ и особыми мѣстными законами, не можетъ однако же домогаться всѣхъ атрибутовъ отдѣльнаго и независимаго государства.

«Необходимая и неопровержимая связь Финляндіи съ Имперіею Россійскою должна выражаться прежде всего въ единствѣ Верховной Власти, а затѣмъ въ единствѣ управленія дѣлами дипломатическими и военными».

«Никакая часть государства не можетъ имѣть своей политики внѣшней, также какъ и отдѣльной вооруженной силы.

«Въ Россіи,—продолжалъ онъ,—общественное мнѣніе требуетъ, чтобы финляндцы несли службу наравнѣ съ прочимъ населеніемъ Имперіи и сливались съ нимъ въ одно цѣлое въ арміи русской.

---

[1]) «Сборникъ матеріаловъ по вопросу о составленіи и утвержденіи устава о воинской повинности въ Финляндіи». 1899 г. Военная Типографія. Стр. 3—15. Этотъ сборникъ послужилъ матеріаломъ для сужденій Государственнаго Совѣта. Записка эта составлена по просьбѣ Военнаго Министра П. С. Ванновскаго по документамъ Главнаго Штаба. Прим. изд.

Государю давали такимъ образомъ въ трехъ строкахъ понять, что дѣлается формальная, то-есть въ сущности пустяшная, перемѣна, о которой не стоитъ и говорить. А на дѣлѣ—скрытно, безъ упоминанія, даже безъ намека на внутренній смыслъ ея—вводили установленіе такой формы, которая, какъ выше объяснено, отнимала у присяги Государю ея священный безусловный характеръ клятвы на жизнь и смерть, лишала эту присягу абсолютной обязательности...

Вотъ какъ появилась въ дѣйствующемъ Уставѣ знаменитая присяга на вѣрность Императору и земскимъ чинамъ, то-есть сейму.

Можно было бы, конечно, упрекнуть русскихъ государственныхъ людей за допущеніе такого крайняго нарушенія самыхъ основныхъ законовъ государства, законовъ о «священныхъ правахъ Верховной Власти», какъ они названы въ первомъ томѣ Свода... Но дѣло въ томъ, что докладъ подносилъ финляндецъ, исправлявшій должность министра-статсъ-секретаря финляндскаго, г. Пальмротъ, какъ видно изъ скрѣпы на манифестѣ отъ 6 (18) декабря 1878 года.

Можно также полагать, и даже быть увѣрену, что если бы проектъ Устава, въ томъ видѣ, какъ его пересочинили земскіе чины Финляндіи, поступилъ на окончательное утвержденіе въ порядкѣ, преподанномъ для изданія новыхъ законовъ учрежденіями Имперіи, то-есть чрезъ Государственный Совѣтъ, то вышеописанныя уловки и умолчанія были бы выведены наружу, и Уставъ получилъ бы видъ и значеніе, болѣе соотвѣтственные и священнымъ правамъ Верховной Власти, и достоинству Россіи.

Это, конечно, далеко не все, что можно сказать о финляндскомъ военномъ законѣ, но пока ограничимся изложеннымъ. Прибавимъ только, что онъ «вырабатывался» финляндцами, также какъ и законъ объ отдѣльной золотой монетѣ, во время послѣдней турецкой войны, когда вниманіе и заботы русскаго правительства были поглощены извѣстными затрудненіями. Были и между финляндцами голоса, требовавшіе отсрочки законодательнаго рѣшенія по столь важному вопросу, но большинство, подъ руководствомъ четверыхъ (не называемъ ихъ, ибо nomina sunt odiosa), не допустило отсрочки, и законъ явился съ тѣмъ ярко выраженнымъ сепаратистическимъ характеромъ, который виденъ каждому...

Засѣдающія въ Петербургѣ комиссіи заняты теперь монетнымъ, таможеннымъ и почтовымъ вопросами, въ видахъ проведенія единства системы. Но равнымъ образомъ, кажется, наступило время и для пересмотра закона военнаго, явившагося на свѣтъ при такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ.

10 марта 1890 г.

Записка Гофмейстера Двора Его Императорскаго Величества К. Ф. Ордина [1].

Ходящіе слухи о предполагаемомъ упраздненіи отдѣльнаго штаба финскихъ войскъ, а также о переводѣ въ тѣ войска русскихъ офицеровъ, побуждаютъ изложить здѣсь нѣкоторыя данныя для уясненія предмета, на основаніи точныхъ документовъ и законоположеній.

Представляются четыре вопроса:

1) вообще о происхожденіи Устава о воинской повинности въ Финляндіи;

2) въ частности о двухъ его параграфахъ 119-мъ и 120-мъ;

3) о пересмотрѣ Устава, и

4) о томъ, что можетъ послѣдовать, на основаніи финляндскаго закона, если бы внесенныя на сеймъ перемѣны были имъ отвергнуты.

I. Происхожденіе Устава о воинской повинности въ Финляндіи.

Въ 1871 году, 12-го февраля, бывшій Военный Министръ, генералъ-адъютантъ Милютинъ, входилъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ относительно предположеннаго сформированія финляндскихъ войскъ.

«Великому Княжеству Финляндскому,—писалъ онъ,—даровано Монаршею волею полное самоуправленіе. Тѣмъ не менѣе Финляндія, присоединенная къ Россіи силою оружія, составляетъ нераздѣльную часть Имперіи Россійской, и, слѣдовательно, пользуясь своимъ особымъ мѣстнымъ управленіемъ и особыми мѣстными законами, не можетъ однако же домогаться всѣхъ атрибутовъ отдѣльнаго и независимаго государства.

«Необходимая и неопровержимая связь Финляндіи съ Имперіею Россійскою должна выражаться прежде всего въ единствѣ Верховной Власти, а затѣмъ въ единствѣ управленія дѣлами дипломатическими и военными».

«Никакая часть государства не можетъ имѣть своей политики внѣшней, также какъ и отдѣльной вооруженной силы.

«Въ Россіи,—продолжалъ онъ,—общественное мнѣніе требуетъ, чтобы финляндцы несли службу наравнѣ съ прочимъ населеніемъ Имперіи и сливались съ нимъ въ одно цѣлое въ арміи русской.

---

[1]) «Сборникъ матеріаловъ по вопросу о составленіи и утвержденіи устава о воинской повинности въ Финляндіи». 1899 г. Военная Типографія. Стр. 3—15. Этотъ сборникъ послужилъ матеріаломъ для сужденій Государственнаго Совѣта. Записка эта составлена по просьбѣ Военнаго Министра П. С. Ванновскаго по документамъ Главнаго Штаба. Прим. изд.

До того же, пока трудъ мой будетъ изданъ, я, опираясь въ точности на документы, утверждаю:

1) Что конституція, выраженная въ Формѣ Правленія 1772 г. и въ Актѣ Соединенія и Безопасности 1789 г., никогда Императоромъ Александромъ не была утверждена для Финляндіи;

2) Что она и не могла быть утверждена;

3) Что на Боргоскомъ сеймѣ было даже вообще запрещено разсуждать о конституціи;

4) Что никакого договора на этомъ сеймѣ не было и не могло быть;

5) Что сеймъ не только не былъ учредительнымъ собраніемъ, но не имѣлъ права постановлять даже и простыхъ рѣшеній;

6) Что онъ былъ лишь совѣщательнымъ собраніемъ, на которомъ не было дозволено выходить изъ рамки данныхъ правительствомъ вопросовъ;

7) Что, наконецъ, сеймъ вовсе не былъ договаривающеюся стороною, а лишь ходатаемъ, нѣкоторыя просьбы котораго исполнены, а другія оставлены безъ послѣдствій.

Эти историческія положенія представляются для меня несомнѣнными, и, быть можетъ, недалеко время, когда къ нимъ примкнутъ всѣ безпристрастные люди.

При такихъ условіяхъ писать замѣчанія на нынѣшній финляндскій проектъ кодификаціи, гдѣ въ основу принимаются положенія, въ дѣйствительности не существующія, представляется для меня трудомъ не только безполезнымъ, но и невозможнымъ.

Нельзя регулировать формы тѣхъ или другихъ украшеній въ карнизѣ или плафонѣ зданія, когда самыя стѣны и фундаментъ по ненадежности требуютъ сплошного пересмотра и тщательнаго исправленія. По глубокому уваженію моему къ Вашему Сіятельству я счелъ долгомъ чистосердечно высказать предъ Вами эти соображенія.

Но по важности предмета, если бы Вы признали нужнымъ имѣть отъ меня какія-либо свѣдѣнія въ направленіи, мною высказанномъ, я всегда готовъ предоставить себя и трудъ мой въ Ваше распоряженіе. Равнымъ образомъ, я готовъ и лично явиться для такихъ объясненій въ Гельсингфорсъ, или куда Вамъ угодно будетъ назначить [1]).

---

[1]) Графъ Ф. Л. Гейденъ отвѣчалъ на это письмо собственноручнымъ письмомъ отъ 23 декабря 1888 года, въ которомъ сообщилъ: «Я имѣлъ честь получить Ваше конфиденціальное письмо, и оно находится нынѣ въ рукахъ Министра Юстиціи».

Прим. издателя.

О важности изученія шведскаго языка русскими [1].

Не подлежитъ сомнѣнію, что взаимныя отношенія Россіи и Финляндіи оставляютъ желать многаго. Несомнѣнно также, что почва, на которой они должны быть основаны, остается неизслѣдованною, или изслѣдована односторонне, со стороны только финляндской. Русская наука къ нимъ почти не прикасается и ей извѣстно по дѣламъ и по исторіи Финляндіи лишь то немногое, что, издавая на русскомъ или на общедоступныхъ европейскихъ языкахъ, финляндцы сами нашли нужнымъ показать Россіи.

Шведская литература представляетъ вообще не мало интереснаго; а безъ чтенія многочисленныхъ шведскихъ трудовъ по исторіи, цѣлые 600 лѣтъ переплетавшей русскіе и шведскіе интересы, вполнѣ нельзя знать и русскую исторію. Это особенно относится до нашего сѣвера и запада; но и для юга въ шведскихъ источникахъ есть не мало матеріала: столѣтіями Швеція близко связывала свои судьбы съ судьбами Турціи противъ Россіи.

Изданіе историческихъ источниковъ на шведскомъ языкѣ дѣлаетъ ихъ общедоступными въ Финляндіи, и мѣстная печать пользуется ими для своихъ цѣлей. Финляндскіе ученые также пишутъ преимущественно по-шведски.

Сама жизнь Финляндіи, въ ея главнѣйшихъ отправленіяхъ, законодательствѣ, администраціи, судѣ, несмотря на попытки дать болѣе хода финскому языку и узаконить русскій языкъ, идетъ и до сихъ поръ преимущественно на языкѣ шведскомъ. До 40 повременныхъ изданій на этомъ же языкѣ пропагандируютъ идеи, далеко не всегда согласныя съ интересами и даже достоинствомъ Россіи.

Въ противовѣсъ такой энергической работѣ на языкѣ шведскомъ, съ русской стороны, за исключеніемъ единичныхъ усилій, не оказывается почти ничего. Шведскіе источники ученымъ русскимъ недоступны и почти неизвѣстны. Ошибки, въ которыя впадаетъ наша печать въ отношеніи Финляндіи, идутъ собственно изъ желанія узнать истину о томъ, что дѣлается и что должно дѣлаться въ этомъ краѣ, стоившемъ Россіи много крови и денегъ; но оно удовлетворяется не изъ прямыхъ, а изъ постороннихъ ис-

---

[1]) Записка эта составлена К. Ф. Ординымъ по просьбѣ бывшаго финляндскаго генералъ-губернатора графа Ф. Л. Гейдена и послана ему 23 января 1889 года при письмѣ, въ коемъ авторъ сообщилъ ему, что вице-президентъ Академіи Наукъ Я. К. Гротъ «отнесся вполнѣ сочувственно къ мыслямъ, изложеннымъ въ запискѣ».

Прим. издателя.

точниковъ, нерѣдко сомнительныхъ. Само русское главное управленіе края, при всемъ стараніи, не можетъ съ полнымъ успѣхомъ бороться противъ мѣстныхъ стремленій, такъ какъ вынуждено дѣйствовать посредствомъ органовъ, взятыхъ изъ среды мѣстной интеллигенціи. Причина такого нежелательнаго явленія лежитъ прежде всего въ неизвѣстности шведскаго языка между русскими образованными людьми, а это, въ свою очередь, происходитъ оттого, что русскія правительственныя учрежденія не даютъ желающимъ изучить его, или съ нимъ ознакомиться,—никакихъ къ тому сопсобовъ. Помочь этому, однако, очень нетрудно.

Университеты наши, напр., петербургскій, имѣютъ каѳедры или доцентуры языковъ французскаго, нѣмецкаго, англійскаго, даже итальянскаго, славянскихъ нарѣчій, въ томъ числѣ польскаго; языковъ восточныхъ, турецкаго, арабскаго, персидскаго, разныхъ татарскихъ нарѣчій, и даже китайскаго и японскаго языковъ,—и все это въ видахъ, конечно, не научныхъ только, но и политическихъ. Въ настоящее время начато преподаваніе и языка испанскаго. Поэтому представляется почти непонятнымъ, почему шведскому языку—языку исторіи на всей нашей сѣверо-западной границѣ, и языку офиціальному въ краѣ, отстоящемъ отъ столицы въ 30-ти верстахъ,—не дано ни одного даже часа преподаванія въ этомъ ближайшемъ къ нему университетѣ. Учрежденіе въ Финляндіи двухъ русскихъ гимназій и реальнаго училища, благодѣтельное для мѣстнаго русскаго населенія, не исчерпываетъ предмета. Эти среднія училища даютъ лишь возможность русскимъ людямъ въ Финляндіи учиться на своемъ родномъ языкѣ, не забывать его, и не быть вынужденными усвоить языкъ чужой; но, какъ средне-образовательныя, они не могутъ непосредственно вести къ задачамъ высшаго порядка, принадлежащимъ только школѣ университетской. Вопросъ о томъ, что въ Финляндіи должно стремиться ко введенію, рано или поздно, русскаго языка, стоитъ отъ этого предмета совершенно особо. Можно даже сказать, что узаконеніе въ Финляндіи общаго государственнаго языка зависитъ именно оттого, чтобы сперва шведскій языкъ сдѣлался болѣе доступенъ хотя нѣкоторымъ русскимъ дѣятелямъ. Въ борьбѣ противъ всего русскаго финляндцы представляютъ множество доводовъ, основанныхъ на прошломъ края,—а съ русской стороны, по незнанію языка этого прошлаго, доводы ихъ остаются безъ опроверженія. По мѣрѣ русской разработки шведскихъ источниковъ, очистится путь въ Финляндіи и русскому языку.

23-го января 1889 года.

Финскій языкъ или шведскій? [1])

Изъ финляндскихъ газетъ вижу, что г. Монгоммери выходитъ въ отставку. Въ свое время онъ обратилъ на себя вниманіе протестомъ по случаю преимущества, оффиціально оказаннаго финскому языку предъ шведскимъ.

Теперь, когда отставка г. Монгоммери заставляетъ вспомнить объ этомъ протестѣ, нельзя не припомнить и того, что тогдашнее мнѣніе его, конечно, не въ видахъ Монгоммери, а въ видахъ русскаго государства, заслуживало вниманія. Принятіемъ противнаго мнѣнія Россіи наносится крупный ущербъ, который растетъ ежедневно.

Теперь еще не окончательно ушло время устранить зло. Примите, Ваше Сіятельство, благосклонно во вниманіе, что шведскій языкъ есть, для Финляндіи, языкъ иноземный, и государственная власть всегда имѣетъ возможность и право устранить его изъ употребленія; тому живой примѣръ представляетъ постепенное изъятіе нѣмецкаго языка въ балтійскихъ губерніяхъ. Не то съ мѣстнымъ языкомъ, каковъ финскій; онъ уже и теперь предъявляетъ полныя свои права на господство, на каждомъ шагу вытѣсняя не только шведскій языкъ, но и русскій, который съ годами будетъ окончательно и какъ бы легально вытѣсненъ языкомъ мѣстнымъ, т. е. финляндскимъ.

Въ балтійскихъ провинціяхъ также пробовали поддержать эстонскій и латышскій языки, но скоро оставили, увидѣвъ опасность этой игры. Финны ищутъ уже единенія съ венграми, по однородности языка; образуется особое финско - венгерское общество. Опасность для русской государственности и для русскаго языка удесятеряется. Является поэтому необходимость противодѣйствія насильственному введенію финскаго языка въ употребленіе, что мы видимъ на дѣлѣ, на себѣ самихъ. Способъ къ тому: дать на время болѣе перевѣса шведскому языку. Формальное и вѣрное основаніе сему въ томъ, что шведскій языкъ для всѣхъ, кромѣ финновъ, неизмѣримо доступнѣе, нежели языкъ финскій, крайне трудный и не европейскій. Между тѣмъ на семъ послѣднемъ пишутъ уже разныя бумаги, квитанціи, накладныя и пр. и посылаютъ по торговымъ и другимъ дѣламъ въ Петербургъ. Обманамъ широкое поле, ибо получающій вовсе не понимаетъ того, что онъ получаетъ.

---

[1]) Изъ письма къ графу Ф. Л. Гейдену.

Пишу эти строки, и почти увѣренъ, что Ваше Сіятельство не обратите на нихъ никакого вниманія, такъ же точно, какъ и на прежнія мои заявленія.

Однако, время не замедлитъ обнаружить правду того, что я говорилъ.

. . . .

27 ноября 1890 г. С.-Петербургъ.

Историческая справка о воинскомъ уставѣ Финляндіи [1].

Странная ни съ чѣмъ не сообразная присяга включена въ Уставъ общей воинской повинности въ Финляндіи, изданный въ 1878 году. Эта присяга, насколько извѣстно, вошла и въ проектъ общаго кодекса основныхъ законовъ, изготовленный гельсингфорсскими законодателями.

По этой присягѣ, кромѣ клятвы въ вѣрности Государю, присягающій долженъ еще принести клятву въ вѣрности, во-первыхъ, Финляндіи (не Россійскому государству), и, во-вторыхъ, Финляндскому Сейму.

Этого, правда, нигдѣ прямо не сказано, да и нельзя было прямо сказать, не вызвавъ прямого отказа въ допущеніи подобной присяги. Но гельсингфорскіе кодификаторы, вмѣстѣ съ сеймовыми редакторами финляндскаго Устава о воинской повинности,—все-таки сказали это, только сказали прикровенно, такъ-сказать, подъ маской, чтобы въ Россіи, при довѣріи къ нимъ, не разобрали, въ чемъ дѣло. Именно, они сослались на § 18 Формы Правленія 1772 года,—этой старо-шведской конституціи, которую желаютъ во что бы то ни стало примѣнять къ Финляндіи, какъ дѣйствующій законъ.

Въ этомъ 18-мъ параграфѣ [2]), о содержаніи коего до послѣдняго времени едва ли кто-либо имѣлъ у насъ понятіе, говорилось, что шведскія войска присягали королю, шведскому государству и шведскимъ государственнымъ чинамъ, или риксдагу. Конечно, этихъ, означенныхъ въ параграфѣ, лицъ и учрежденій финляндцы никакъ не могли имѣть въ виду, составляя въ наши дни уставъ о воинской повинности, или кодификаціонный проектъ. Но такъ

---

[1]) «Московскія Вѣдомости», 11 марта 1890 г., № 69.

[2]) Вотъ этотъ § 18 Формы Правленія: «Всѣ военныя силы государства (разумѣлась Швеція), сухопутныя и морскія, съ высшимъ и низшимъ начальствомъ ихъ, имѣютъ присягать на вѣрность и подданство его королевскому величеству, государству и государственнымъ чинамъ, по установленной формѣ».

какъ въ разныхъ другихъ случаяхъ, а равно и въ этомъ проектѣ, они уже подмѣнили шведовъ—финнами, а риксдагъ Швеціи — финляндскимъ сеймомъ, то, по аналогіи, явствуетъ, что, нелѣпая, сама по себѣ, идея сослаться на § 18 Формы Правленія имѣетъ опредѣленный, хотя и прикрытый смыслъ.

Однако, все-таки, какъ же могло случиться, что такая удивительная присяга попала въ законъ, къ прямому ущербу Верховной Власти русскаго Монарха? Вѣдь ущербъ несомнѣненъ, ибо, какъ можетъ быть соблюдена безусловная вѣрность Государю, когда тутъ же рядомъ требуется и вѣрность земскимъ чинамъ, которые, мня себя второю, чуть не равною Императору, властію, могутъ, въ иныхъ случаяхъ, разойтись съ Нимъ во мнѣніяхъ?

Въ какое положеніе, при такомъ разногласіи, были бы поставлены своею воинскою присягой присягавшіе по § 18 Формы Правленія? Долгъ присяги на вѣрность Государю могъ бы тутъ оказаться въ прямомъ противорѣчіи съ долгомъ присяги на вѣрность земскимъ чинамъ. Какой же выходъ изъ раздвоенія совѣсти, порожденнаго формулой присяги, предстоялъ бы присягавшимъ? Выбирать ли имъ, по личной склонности, одну изъ двухъ сторонъ, которымъ клялись быть вѣрными, или прямо уклониться отъ исполненія своего военнаго долга и остаться въ бездѣйствіи?

Или этимъ присягавшимъ предстояло бы, въ виду ссылки воинскаго Устава на «историческую конституцію» 1772 года, руководиться «историческими прецедентами», напримѣръ, эпизодами «Аньяльской Конфедераціи» временъ русско-шведской войны 1788 года [1]), когда, между прочимъ, финляндское офицерство, бывшее отчасти во главѣ осады русскаго тогда Фридрихсгама, сняло эту осаду, находя, что война начата королемъ вопреки правамъ риксдага и присягѣ... [2]) Или же этимъ присягавшимъ по § 18 предстояло бы, для опредѣленія своего образа дѣйствій, прислушиваться къ голосу мѣстнаго общественнаго мнѣнія въ тѣхъ газетныхъ листкахъ, которые во множествѣ читаются финскими солдатами, въ тѣхъ финляндскихъ газетахъ, которыя, напримѣръ, въ 1885 году, когда изъ-за столкновенія съ афганцами могла вспыхнуть война между Россіей и Англіей, считали себя въ правѣ говорить, что въ этой войнѣ Россіи Финляндія будетъ соблюдать строгій нейтралитетъ....

Какимъ же образомъ, въ виду всего этого, могъ попасть такой параграфъ въ современный намъ финляндскій воинскій Уставъ?

---

[1]) См. «Покореніе Финляндіи», К. Ф. Ордина, т. I, стр. 149—248.

[2]) Интересенъ приведенный въ названной книгѣ (т. I, стр. 160—163) договоръ Аньяльской конфедераціи.

Для отвѣта на этотъ вопросъ надо хотя немного припомнить ходъ изданія этого Устава.

Первоначальный проектъ былъ написанъ на основаніи русскаго закона, и бывшій военный министръ, графъ Д. А. Милютинъ, твердо стоялъ за единство проекта съ его русскимъ прототипомъ. Хотя финляндскимъ чиновникамъ и удалось ввернуть въ проектъ разные крючки, но главныя основы этого единства всетаки болѣе или менѣе сохранялись. Но что сталось съ этимъ, уже предварительно одобреннымъ со стороны Государя, проектомъ, когда его передали Гельсингфорсскому сейму?

Сдѣлаемъ нѣкоторыя сопоставленія того, что было въ немъ, съ тѣмъ, что стало.

Въ § 1 говорилось:

«Для защиты Престола и Государства каждый финляндскій гражданинъ подлежитъ воинской повинности.»

Понимался, конечно, единый Престолъ Россійской Имперіи и единое Государство Россійское.

Финляндцы, обсудивъ параграфъ на сеймѣ, представили Государю такія соображенія:

Конечно, прежде, то-есть при шведскомъ правительствѣ, употреблялось въ такомъ случаѣ слово «государство», въ смыслѣ «отечества». Но теперь, послѣ соединенія Финляндіи съ Россіей слово «государство» получаетъ крайне пространный смыслъ, котораго не можетъ де обнять то чувство, та любовь къ домашнему очагу, къ отечеству, въ коемъ и заключается душа общей воинской повинности. Поэтому сеймъ полагалъ, что слово «отечество» не слѣдуетъ исключать изъ параграфа (ordet «fädernesland» icke vara ur paragrafen uteslutet), хотя — скажемъ мы — странно исключать то, чего вовсе не было включено.

Послѣдствіемъ такого резонабельнаго мотива тутъ же оказалось не исключеніе слова «отечество», а вставка этого слова на мѣсто дѣйствительно исключеннаго слова «государство». Затѣмъ § 1 въ Уставѣ явился въ такомъ видѣ:

«Для защиты престола и отечества каждый финляндскій гражданинъ подлежитъ воинской повинности.»

За симъ уже свободно можно толковать, что § 1 говоритъ о финляндскомъ отечествѣ и о финляндскомъ, хотя и воображаемомъ только, престолѣ.

Въ § 127 проекта было точно изложено:

«Финляндскій генералъ-губернаторъ, командующій войсками финляндскаго военнаго округа, есть вмѣстѣ съ тѣмъ начальникъ финскаго войска.»

Государю давали такимъ образомъ въ трехъ строкахъ понять, что дѣлается формальная, то-есть въ сущности пустяшная, перемѣна, о которой не стоитъ и говорить. А на дѣлѣ—скрытно, безъ упоминанія, даже безъ намека на внутренній смыслъ ея—вводили установленіе такой формы, которая, какъ выше объяснено, отнимала у присяги Государю ея священный безусловный характеръ клятвы на жизнь и смерть, лишала эту присягу абсолютной обязательности...

Вотъ какъ появилась въ дѣйствующемъ Уставѣ знаменитая присяга на вѣрность Императору и земскимъ чинамъ, то-есть сейму.

Можно было бы, конечно, упрекнуть русскихъ государственныхъ людей за допущеніе такого крайняго нарушенія самыхъ основныхъ законовъ государства, законовъ о «священныхъ правахъ Верховной Власти», какъ они названы въ первомъ томѣ Свода... Но дѣло въ томъ, что докладъ подносилъ финляндецъ, исправлявшій должность министра-статсъ-секретаря финляндскаго, г. Пальмротъ, какъ видно изъ скрѣпы на манифестѣ отъ 6 (18) декабря 1878 года.

Можно также полагать, и даже быть увѣрену, что если бы проектъ Устава, въ томъ видѣ, какъ его пересочинили земскіе чины Финляндіи, поступилъ на окончательное утвержденіе въ порядкѣ, преподанномъ для изданія новыхъ законовъ учрежденіями Имперіи, то-есть чрезъ Государственный Совѣтъ, то вышеописанныя уловки и умолчанія были бы выведены наружу, и Уставъ получилъ бы видъ и значеніе, болѣе соотвѣтственные и священнымъ правамъ Верховной Власти, и достоинству Россіи.

Это, конечно, далеко не все, что можно сказать о финляндскомъ военномъ законѣ, но пока ограничимся изложеннымъ. Прибавимъ только, что онъ «вырабатывался» финляндцами, также какъ и законъ объ отдѣльной золотой монетѣ, во время послѣдней турецкой войны, когда вниманіе и заботы русскаго правительства были поглощены извѣстными затрудненіями. Были и между финляндцами голоса, требовавшіе отсрочки законодательнаго рѣшенія по столь важному вопросу, но большинство, подъ руководствомъ четверыхъ (не называемъ ихъ, ибо nomina sunt odiosa), не допустило отсрочки, и законъ явился съ тѣмъ ярко выраженнымъ сепаратистическимъ характеромъ, который виденъ каждому...

Засѣдающія въ Петербургѣ комиссіи заняты теперь монетнымъ, таможеннымъ и почтовымъ вопросами, въ видахъ проведенія единства системы. Но равнымъ образомъ, кажется, наступило время и для пересмотра закона военнаго, явившагося на свѣтъ при такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ.

10 марта 1890 г.

Записка Гофмейстера Двора Его Императорскаго Величества К. Ф. Ордина [1].

Ходящіе слухи о предполагаемомъ упраздненіи отдѣльнаго штаба финскихъ войскъ, а также о переводѣ въ тѣ войска русскихъ офицеровъ, побуждаютъ изложить здѣсь нѣкоторыя данныя для уясненія предмета, на основаніи точныхъ документовъ и законоположеній.

Представляются четыре вопроса:

1) вообще о происхожденіи Устава о воинской повинности въ Финляндіи;

2) въ частности о двухъ его параграфахъ 119-мъ и 120-мъ;

3) о пересмотрѣ Устава, и

4) о томъ, что можетъ послѣдовать, на основаніи финляндскаго закона, если бы внесенныя на сеймъ перемѣны были имъ отвергнуты.

I. Происхожденіе Устава о воинской повинности въ Финляндіи.

Въ 1871 году, 12-го февраля, бывшій Военный Министръ, генералъ-адъютантъ Милютинъ, входилъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ относительно предположеннаго сформированія финляндскихъ войскъ.

«Великому Княжеству Финляндскому,—писалъ онъ,—даровано Монаршею волею полное самоуправленіе. Тѣмъ не менѣе Финляндія, присоединенная къ Россіи силою оружія, составляетъ нераздѣльную часть Имперіи Россійской, и, слѣдовательно, пользуясь своимъ особымъ мѣстнымъ управленіемъ и особыми мѣстными законами, не можетъ однако же домогаться всѣхъ атрибутовъ отдѣльнаго и независимаго государства.

«Необходимая и неопровержимая связь Финляндіи съ Имперіею Россійскою должна выражаться прежде всего въ единствѣ Верховной Власти, а затѣмъ въ единствѣ управленія дѣлами дипломатическими и военными».

«Никакая часть государства не можетъ имѣть своей политики внѣшней, также какъ и отдѣльной вооруженной силы.

«Въ Россіи,—продолжалъ онъ,—общественное мнѣніе требуетъ, чтобы финляндцы несли службу наравнѣ съ прочимъ населеніемъ Имперіи и сливались съ нимъ въ одно цѣлое въ арміи русской.

[1]) «Сборникъ матеріаловъ по вопросу о составленіи и утвержденіи устава о воинской повинности въ Финляндіи». 1899 г. Военная Типографія. Стр. 3—15. Этотъ сборникъ послужилъ матеріаломъ для сужденій Государственнаго Совѣта. Записка эта составлена по просьбѣ Военнаго Министра П. С. Ванновскаго по документамъ Главнаго Штаба. Прим. изд.

Государю давали такимъ образомъ въ трехъ строкахъ понять, что дѣлается формальная, то-есть въ сущности пустяшная, перемѣна, о которой не стоитъ и говорить. А на дѣлѣ—скрытно, безъ упоминанія, даже безъ намека на внутренній смыслъ ея—вводили установленіе такой формы, которая, какъ выше объяснено, отнимала у присяги Государю ея священный безусловный характеръ клятвы на жизнь и смерть, лишала эту присягу абсолютной обязательности...

Вотъ какъ появилась въ дѣйствующемъ Уставѣ знаменитая присяга на вѣрность Императору и земскимъ чинамъ, то-есть сейму.

Можно было бы, конечно, упрекнуть русскихъ государственныхъ людей за допущеніе такого крайняго нарушенія самыхъ основныхъ законовъ государства, законовъ о «священныхъ правахъ Верховной Власти», какъ они названы въ первомъ томѣ Свода... Но дѣло въ томъ, что докладъ подносилъ финляндецъ, исправлявшій должность министра-статсъ-секретаря финляндскаго, г. Пальмротъ, какъ видно изъ скрѣпы на манифестѣ отъ 6 (18) декабря 1878 года.

Можно также полагать, и даже быть увѣрену, что если бы проектъ Устава, въ томъ видѣ, какъ его пересочинили земскіе чины Финляндіи, поступилъ на окончательное утвержденіе въ порядкѣ, преподанномъ для изданія новыхъ законовъ учрежденіями Имперіи, то-есть чрезъ Государственный Совѣтъ, то вышеописанныя уловки и умолчанія были бы выведены наружу, и Уставъ получилъ бы видъ и значеніе, болѣе соотвѣтственные и священнымъ правамъ Верховной Власти, и достоинству Россіи.

Это, конечно, далеко не все, что можно сказать о финляндскомъ военномъ законѣ, но пока ограничимся изложеннымъ. Прибавимъ только, что онъ «вырабатывался» финляндцами, также какъ и законъ объ отдѣльной золотой монетѣ, во время послѣдней турецкой войны, когда вниманіе и заботы русскаго правительства были поглощены извѣстными затрудненіями. Были и между финляндцами голоса, требовавшіе отсрочки законодательнаго рѣшенія по столь важному вопросу, но большинство, подъ руководствомъ четверыхъ (не называемъ ихъ, ибо nomina sunt odiosa), не допустило отсрочки, и законъ явился съ тѣмъ ярко выраженнымъ сепаратистическимъ характеромъ, который виденъ каждому...

Засѣдающія въ Петербургѣ комиссіи заняты теперь монетнымъ, таможеннымъ и почтовымъ вопросами, въ видахъ проведенія единства системы. Но равнымъ образомъ, кажется, наступило время и для пересмотра закона военнаго, явившагося на свѣтъ при такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ.

10 марта 1890 г.

Записка Гофмейстера Двора Его Императорскаго Величества К. Ф. Ордина [1].

Ходящіе слухи о предполагаемомъ упраздненіи отдѣльнаго штаба финскихъ войскъ, а также о переводѣ въ тѣ войска русскихъ офицеровъ, побуждаютъ изложить здѣсь нѣкоторыя данныя для уясненія предмета, на основаніи точныхъ документовъ и законоположеній.

Представляются четыре вопроса:

1) вообще о происхожденіи Устава о воинской повинности въ Финляндіи;

2) въ частности о двухъ его параграфахъ 119-мъ и 120-мъ;

3) о пересмотрѣ Устава, и

4) о томъ, что можетъ послѣдовать, на основаніи финляндскаго закона, если бы внесенныя на сеймъ перемѣны были имъ отвергнуты.

I. Происхожденіе Устава о воинской повинности въ Финляндіи.

Въ 1871 году, 12-го февраля, бывшій Военный Министръ, генералъ-адъютантъ Милютинъ, входилъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ относительно предположеннаго сформированія финляндскихъ войскъ.

«Великому Княжеству Финляндскому,—писалъ онъ,—даровано Монаршею волею полное самоуправленіе. Тѣмъ не менѣе Финляндія, присоединенная къ Россіи силою оружія, составляетъ нераздѣльную часть Имперіи Россійской, и, слѣдовательно, пользуясь своимъ особымъ мѣстнымъ управленіемъ и особыми мѣстными законами, не можетъ однако же домогаться всѣхъ атрибутовъ отдѣльнаго и независимаго государства.

«Необходимая и неопровержимая связь Финляндіи съ Имперіею Россійскою должна выражаться прежде всего въ единствѣ Верховной Власти, а затѣмъ въ единствѣ управленія дѣлами дипломатическими и военными».

«Никакая часть государства не можетъ имѣть своей политики внѣшней, также какъ и отдѣльной вооруженной силы.

«Въ Россіи,—продолжалъ онъ,—общественное мнѣніе требуетъ, чтобы финляндцы несли службу наравнѣ съ прочимъ населеніемъ Имперіи и сливались съ нимъ въ одно цѣлое въ арміи русской.

[1]) «Сборникъ матеріаловъ по вопросу о составленіи и утвержденіи устава о воинской повинности въ Финляндіи». 1899 г. Военная Типографія. Стр. 3—15. Этотъ сборникъ послужилъ матеріаломъ для сужденій Государственнаго Совѣта. Записка эта составлена по просьбѣ Военнаго Министра П. С. Ванновскаго по документамъ Главнаго Штаба. Прим. изд.

«Сама же Финляндія разумѣетъ вопросъ иначе: она не отказывается нести военную повинность, но съ тѣмъ, чтобы содержать свои особыя войска, не имѣющія ничего общаго съ русскою арміею.

«Масса народа въ Финляндіи, конечно, чужда всякихъ политическихъ тенденцій; также какъ и вездѣ, для нея было бы всего желательнѣе избѣгнуть и новой повинности личной, и новыхъ налоговъ. Но въ средѣ высшаго слоя общества, среди такъ-называемой «интеллигенціи», можетъ быть, даже радуются предположенному возстановленію финляндскихъ войскъ, въ видахъ еще большаго упроченія автономіи Финляндіи.

«Не разъ уже и въ прежніе годы были возбуждаемы проекты объ учрежденіи въ этой странѣ военной системы, на подобіе прусскаго ландвера. Къ счастію, эти проекты оставались безъ послѣдствій».

Предположивъ, однако, что существованіе отдѣльныхъ финляндскихъ войскъ было бы допущено, генералъ-адъютантъ Милютинъ находилъ, что слѣдуетъ «по крайней мѣрѣ» положить въ основаніе «нѣкоторыя условія, обезпечивающія, насколько возможно, общіе интересы Имперіи».

Въ числѣ этихъ условій, по соображеніямъ Военнаго Министра, были, между прочимъ, два слѣдующія:

«а) Финляндскія войска, также какъ и принадлежащіе имъ склады запасовъ, оружія и все необходимое для ихъ устройства,—состоятъ въ завѣдываніи Военнаго Министерства и Финляндскаго военно-окружнаго управленія. На мѣстное же финляндское правленіе возлагается: завѣдываніе расходами по содержанію сихъ войскъ и тѣхъ учрежденій, которыя собственно для нихъ существуютъ; производство конскрипціи и завѣдываніе чинами, состоящими въ отпускахъ и запасѣ».

«б) Генералы, штабъ и оберъ-офицеры изъ уроженцевъ Финляндіи служатъ безразлично въ войскахъ финляндскихъ или русскихъ, а съ другой стороны, въ финляндскія войска назначаются офицеры изъ уроженцевъ финляндскихъ или русскихъ безъ различія, по Высочайшему усмотрѣнію».

На запискѣ, при которой докладъ генералъ-адъютанта Милютина былъ имъ представленъ Государю Императору, положена собственноручно слѣдующая Высочайшая резолюція:

«Главныя основанія, изложенныя въ этой запискѣ, совершенно согласны съ Моими мыслями. Я оставилъ ее у себя для дальнѣйшихъ соображеній».

Для разработки проекта о воинской повинности въ Финляндіи была образована въ Гельсингфорсѣ особая комиссія изъ финляндцевъ, подъ предсѣдательствомъ генералъ-лейтенанта Индреніуса. Въ составленномъ ею проектѣ оказались весьма важныя

отступленія отъ общаго по Имперіи Устава о воинской повинности, а также и новыя предположенія объ организаціи и служебномъ положеніи войскъ, не соотвѣтствующія общимъ интересамъ Имперіи.

Въ числѣ уклоненій было и то, что по проекту комиссіи «главнымъ начальникомъ финскихъ войскъ назначался Генералъ-Губернаторъ Великаго Княжества, генералы же, штабъ и оберъ-офицеры этихъ войскъ должны были состоять изъ финляндскихъ подданныхъ».

«Вообще,—какъ писалъ генералъ-адъютантъ Милютинъ Финляндскому Министру Статсъ-Секретарю (21 янв. 1876 г. № 722)—устранялась какая бы то ни было связь финскихъ войскъ съ русской арміей».

«Вникнувъ въ сущность этихъ предположеній,—продолжалъ онъ,—нельзя не придти къ тому заключенію, что съ утвержденіемъ ихъ какъ бы узаконится существованіе въ предѣлахъ Имперіи совершенно отдѣльнаго самостоятельнаго войска, которое не будетъ имѣть ничего общаго съ русскими войсками, т. е. съ арміей того государства, въ политическій составъ котораго входитъ и Великое Княжество Финляндское. Не допуская сомнѣнія въ настоящихъ вѣрноподданническихъ чувствахъ финновъ, тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить, что было бы несогласно съ существующими интересами Имперіи создавать, по иниціативѣ самого Правительства, чуждыя Россіи войска, и притомъ подъ самыми стѣнами столицы».

Развивая далѣе свои соображенія противъ предположеній комиссіи, генералъ-адъютантъ Милютинъ пояснялъ:

«Сверхъ того, не слѣдовало бы закрывать доступъ на службу въ финскія войска русскимъ подданнымъ, ибо запрещеніе это, вводя еще одно, ничѣмъ не оправдываемое условіе къ отчужденію этихъ войскъ отъ русской арміи, представляется и крайне несправедливымъ, такъ какъ финляндскимъ подданнымъ, и со введеніемъ въ Имперіи новой воинской повинности, не запрещено поступать на службу въ русскія войска».

По всѣмъ этимъ и другимъ соображеніямъ генералъ-адъютантъ Милютинъ настаивалъ на исполненіи первоначальныхъ, Высочайше одобренныхъ условій, указывая, что только съ ихъ принятіемъ новая организація финскихъ войскъ могла бы быть «допущена безъ ущерба для интересовъ Россіи, которые въ сущности были бы болѣе обезпечены продленіемъ настоящаго безоружнаго положенія края, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока въ населеніи Финляндіи не утвердится сознаніе въ полной солидарности политическихъ и экономическихъ ея интересовъ съ интересами Россіи».

Требованія Военнаго Министра поступили въ Финляндскій Сенатъ. Этотъ послѣдній, однако, представилъ возраженія по всѣмъ

важнѣйшимъ пунктамъ требованій, касавшимся прочной связи между финскими войсками и арміею Имперіи (№ 764).

Между прочимъ, онъ высказался и по обоимъ, указаннымъ выше вопросамъ, т. е.: а) о лицѣ, которому должно быть ввѣрено завѣдываніе финскими войсками, и б) о допущеніи на службу въ финскія войска русскихъ подданныхъ.

Для большей ясности здѣсь представляется изложеніе по каждому изъ этихъ двухъ вопросовъ особо.

II.—А.—§ 118 Устава о воинской повинности Финляндіи.

Относительно лица, начальствующаго надъ финскими войсками, Сенатъ основывалъ свои соображенія на томъ, что бывшая до того поселенная военная система Финляндіи не имѣла никакого соотношенія съ Военно-Окружной системой Имперіи. Посему онъ находилъ нужнымъ ввѣрить командованіе финляндскими войсками Генералъ-Губернатору Великаго Княжества, какъ лицу, поставленному во главѣ гражданской власти края, а не какъ Командующему войсками Финляндскаго военнаго Округа.

Уступка дѣлалась лишь въ томъ, что Военному Министру предоставлялось докладывать Государю Императору нѣкоторыя дѣла, но не допускалось никакой связи между военными учрежденіями Имперіи и Финляндіи, и настаивалось, чтобы эта связь выражалась лишь въ лицѣ Военнаго Министра, помимо Командующаго войсками и Военно-Окружнаго Управленія.

Этою уступкою генералъ-адъютантъ Милютинъ не удовлетворялся, какъ потому, что впредь въ Финляндіи будутъ уже не поселенныя, а подвижныя войска, такъ, между прочимъ, и потому, что командованіе войсками въ Финляндіи можетъ быть возложено Государемъ Императоромъ, по видамъ военнымъ, не на мѣстнаго Генералъ-Губернатора, а на другое лицо, и въ такомъ случаѣ необходимое единеніе въ направленіи дѣйствій войскъ русскихъ и финскихъ встрѣтитъ еще большія затрудненія. Посему онъ признавалъ необходимымъ предположенное Сенатомъ раздѣленіе дѣлъ, касающихся финскихъ войскъ, между Генералъ-Губернаторомъ и Сенатомъ, съ одной стороны, и Военнымъ Министромъ—съ другой, провести и чрезъ мѣстныя учрежденія края, т. е. между управленіемъ Генералъ-Губернатора и штабомъ Военнаго Округа (25 октября 1876 г. № 9016).

Эти возраженія, вмѣстѣ съ проектомъ Финляндскаго Сената, были доложены покойному Императору Финляндскимъ Министромъ Статсъ-Секретаремъ. При семъ редакція пункта, касающагося лица, командующаго финскими войсками (тогда § 127, нынѣ 119), была

Высочайше утверждена и сообщена генералъ-адъютанту Милютину въ слѣдующемъ видѣ:

«Генералъ-Губернаторъ Великаго Княжества Финляндскаго, Командующій войсками Финляндскаго Военнаго Округа есть вмѣстѣ съ тѣмъ начальникъ финскихъ войскъ, а Военный Министръ Имперіи докладываетъ Государю Императору такія по финскимъ войскамъ дѣла, которыя не касаются законодательства или хозяйственнаго управленія, или о производствѣ которыхъ иначе не предписано въ постановленіяхъ края».

Баронъ Шернваль-Валленъ объяснилъ при этомъ, что подчеркнутыя слова **прибавлены и изображены** Собственною Его Величества рукою (2-го декабря 1876 г. № 922).

Составленный сообразно съ симъ и другими указаніями проектъ Устава о воинской повинности для Финляндіи былъ предложенъ на обсужденіе Гельсингфорсскаго сейма, который въ очень многомъ вновь измѣнилъ Уставъ. Этотъ измѣненный Сеймомъ Уставъ былъ переданъ, по Высочайшей волѣ, сперва на разсмотрѣніе Финляндскаго Сената, а затѣмъ на заключеніе Военнаго Министра.

Сенатъ въ своемъ представленіи по этому случаю обратилъ вниманіе на то, что сеймовыя измѣненія во многихъ, и притомъ весьма существенныхъ, частяхъ расходятся съ Высочайше одобреннымъ Уставомъ, и, перечисливъ соотвѣтственные параграфы, высказалъ, однако, по всѣмъ пунктамъ полное сочувствіе сеймовымъ передѣлкамъ.

Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить, что въ числѣ указанныхъ Сенатомъ измѣненій вовсе не упоминалось ни о какихъ перемѣнахъ въ приведенной, собственноручно Государемъ изложенной, редакціи § 127 (потомъ 119-го), которая поэтому могла считаться неприкосновенно сохраненною.

Между тѣмъ, изъ самаго текста сеймоваго законоположенія оказывается, что сеймъ измѣнилъ и эту редакцію, но ни онъ, ни Сенатъ, ни Финляндскій Статсъ-Секретарь въ своей перепискѣ о томъ вовсе не упомянули.

Измѣненіе сдѣлано въ слѣдующемъ:

Собственноручная редакція Государя Императора, какъ выше значится:	Сеймовая неоговоренная редакція:
§ **127**. Генералъ-Губернаторъ Великаго Княжества Финляндскаго, Командующій войсками Финляндскаго Военнаго Округа есть вмѣстѣ съ тѣмъ начальникъ финскихъ войскъ.	§ **119**. Генералъ-Губернаторъ Великаго Княжества Финляндскаго, командующій вмѣстѣ съ тѣмъ расположенными въ краѣ русскими войсками, есть начальникъ финскихъ войскъ.

Изъ сличенія этихъ обоихъ текстовъ явствуетъ, что по Высочайшей редакціи главное значеніе присвоивалось Командующему войсками Финляндскаго Военнаго Округа, которому дополнительно («вмѣстѣ съ тѣмъ») придавалось и начальство надъ финскими войсками; по искаженной же сеймомъ редакціи Главное Начальство присвоивалось Генералъ-Губернатору, начальнику финскихъ войскъ, которому дополнительно («вмѣстѣ съ тѣмъ») придано командованіе не Финляндскимъ Военнымъ Округомъ, какъ административною русскою единицею, а лишь расположенными въ краѣ, какъ бы временно и случайно, русскими войсками.

Такимъ образомъ, и Сеймъ, и Сенатъ вернулись къ прежней своей постановкѣ командованія финскими войсками чрезъ Генералъ-Губернатора, безмолвно устранивъ собственноручное изложеніе воли Государя.

Другая половина этого 119-го §, о правахъ Военнаго Министра, сама по себѣ благопріятная финляндской обособленности, оставлена безъ измѣненій и Сеймомъ и Сенатомъ; но къ словамъ: «Воеeный Министръ Имперіи докладываетъ Государю Императору» — сдѣлана произвольная вставка словъ: «въ томъ же званіи для финскихъ войскъ», т. е. какъ бы узаконяя существованіе особаго въ Финляндіи военаго министра.

На это измѣненіе также не сдѣлано никакого указанія ни Сенатомъ, ни Финляндскимъ Статсъ-Секретаремъ. Умолчаніе объяснено слѣдующими словами барона Шернваль-Валлена (отношеніе 14-го іюля 1878 г. №. 512): «О прочихъ, сдѣланныхъ земскими чинами измѣненіяхъ, которыя отчасти относятся къ редакціи, не затрогивая сущности дѣла, отчасти же касаются подробностей, которыя впослѣдствіи безъ затрудненія могутъ быть измѣнены, если окажется въ томъ надобность, Сенатъ считаетъ возможнымъ не упоминать».

Б.—§ 120. О допущеніи въ финскія войска русскихъ подданныхъ.

Какъ выше изложено, первоначальная гельсингфорсская комиссія установляла то правило, что «генералы, штабъ и оберъ-офицеры финскихъ войскъ должны были состоять изъ финляндскихъ подданныхъ». Это правило Военный Министръ признавалъ не только вводящимъ новое условіе къ отчужденію финскихъ войскъ отъ русской арміи, но и несправедливымъ.

Такое указаніе Военнаго Министра вызвало со стороны Финляндскаго Статсъ-Секретаріата оправданіе тѣмъ, что въ приведенный пунктъ вкралась неточность перевода съ шведскаго, причемъ употреблено выраженіе «финляндскіе подданные» вмѣсто словъ «финляндскіе граждане». Вмѣстѣ съ тѣмъ было объяснено, что

Исполненіе этого ходатайства, не введеннаго въ сеймовый законъ, осталось такимъ образомъ въ зависимости отъ Монаршаго благоусмотрѣнія; и если бы представилась надобность въ опредѣленіи офицера и безъ знанія названныхъ языковъ, то сіе зависитъ исключительно отъ Высочайшей воли.

Что же касается самаго изданія упомянутаго административнаго постановленія о вступленіи русскихъ офицеровъ въ финскія войска безъ исполненія формальностей, установленныхъ постановленіемъ 29-го марта 1858 г., то его не воспослѣдовало. На просьбу же Военнаго Министерства о принятіи мѣръ къ исполненію Высочайшей на сіе воли, Статсъ-Секретаріатомъ, спустя девять мѣсяцевъ (8 февраля 1880 г. № 87), было отвѣчено, что къ вопросу о пересмотрѣ постановленія 1858 г. «имѣетъ быть приступлено заблаговременно до срока, къ которому должны быть назначены офицеры въ помянутыя войска».

Съ того времени, однако, въ Финляндскомъ Сенатѣ, какъ видно изъ Сборника Постановленій, по этому предмету и до нынѣ ничего не сдѣлано.

Между тѣмъ, одновременно съ Уставомъ о воинской повинности, сеймомъ было особо постановлено, чтобы нѣкоторыя изъ сдѣланныхъ измѣненій, а въ томъ числѣ и § 120, о наполненіи финскихъ войскъ только финскими гражданами, были отнесены къ числу «основныхъ» законовъ, измѣненіе коихъ сопряжено съ наибольшими затрудненіями. Объ этомъ Военный Министръ, какъ видно изъ переписки, извѣщенъ не былъ.

III. О пересмотрѣ Устава о воинской повинности въ Финляндіи.

По изложеніи всѣхъ своихъ соображеній въ пользу сеймоваго проекта, Финляндскій Сенатъ и Статсъ-Секретарь представили на Высочайшее усмотрѣніе весьма существенное объясненіе о томъ, что едва ли можно предполагать, чтобы уже первыя мѣропріятія въ Финляндіи, для устройства военнаго дѣла на новомъ основаніи, могли быть осуществлены вполнѣ цѣлесообразно и соотвѣтственнымъ образомъ, и что опытъ скоро укажетъ на необходимость приступить къ измѣненію отдѣльныхъ частей настоящаго перваго Устава о воинской повинности. Въ этихъ видахъ сеймъ всеподданнѣйше ходатайствовалъ, «чтобы по примѣненіи сего Устава въ теченіе десяти лѣтъ, или же ранѣе, если Государь Императоръ признаетъ сіе нужнымъ, земскимъ чинамъ было сообщено предложеніе о внесеніи въ означенный Уставъ измѣненій, какія по указаніямъ опыта будутъ признаны необходимыми» (14-го іюля 1878 г. № 512).

Этимъ исчерпываются всѣ постановленія сеймоваго Устава, касающіяся окончательнаго разрѣшенія вопросовъ, предлагаемыхъ сейму. Легко видѣть, что, послѣ представленія заключеній земскихъ чиновъ Государю Императору на Высочайшее обсужденіе дальнѣйшаго ихъ пути вовсе не указано. Слѣдовательно, онъ зависитъ единственно отъ Монаршей воли, которой составители Устава не дерзнули уже положить предѣловъ.

Такимъ образомъ, пройдя всѣ степени сеймоваго разсмотрѣнія, Высочайшее предложеніе можетъ, по закону, въ самомъ крайнемъ случаѣ, лишь быть отложено до слѣдующаго сейма; но послѣ того оно остается исключительно въ благоусмотрѣніи Государя Императора. Хотя по § 71-му перемѣны въ «основныхъ законахъ» могутъ послѣдовать не иначе, какъ съ согласія «всѣхъ сословій», однако, очевидно, это должно относиться только къ внутреннему распорядку сейма, гдѣ таковыя крупныя перемѣны обставлены возможными гарантіями, дабы избѣжать увлеченій и вредныхъ вліяній отдѣльныхъ сословій. Окончательное же облеченіе сеймовыхъ заключеній силою закона и въ этомъ случаѣ принадлежитъ исключительно усмотрѣнію Государя Императора.

Отъ воли Его Величества зависитъ, поэтому, или утвердить сеймовое заключеніе цѣлостію, или принять нѣкоторыя его части и отвергнуть прочія, или же ввести въ нихъ соотвѣтственныя измѣненія.

Примѣры тому представилъ уже первый сеймъ 1809 г. въ Борго. Такъ, по военному вопросу онъ постановилъ ходатайство о несозывѣ милиціи и о сохраненіи поселенной системы; а между тѣмъ не далѣе, какъ черезъ 3 года, безъ всякаго соглашенія съ сеймомъ, были сформированы въ Финляндіи, по Высочайшему повелѣнію 20-го іюля (1-го августа) 1812 г., три егерскіе полка въ 2-хъ баталіонномъ составѣ.

Такъ было и съ нынѣшнимъ Уставомъ о воинской повинности въ Финляндіи. Проектъ земскихъ чиновъ не былъ утвержденъ Государемъ непосредственно, а переданъ по Высочайшей волѣ на разсмотрѣніе Военнаго Министра. Если бы графъ Милютинъ не поспѣшилъ согласиться на сеймовый проектъ, въ виду временнаго будто бы его характера, то судьбы Устава о воинской реформѣ въ Финляндіи могли быть совсѣмъ иныя.

Вообще слѣдуетъ сказать, что финляндскіе сеймы, несмотря на все стремленіе нѣкоторыхъ мѣстныхъ дѣятелей придать имъ свойства законодательныхъ палатъ,—чему, къ сожалѣнію, подчиняются иногда, по малому знакомству съ дѣломъ, и русскіе начальники края,—эти сеймы сохраняютъ характеръ только совѣщательный даже и по Сеймовому Уставу.

Изъ всего изложеннаго явствуетъ:

1) что Верховная Власть, издавая Уставъ о воинской повинности въ Финляндіи, всегда имѣла въ виду, прежде всего, огражденіе интересовъ Имперіи;

2) что начальство надъ финскимъ войскомъ, по собственноручно начертанной Государемъ Императоромъ волѣ, принадлежитъ Финляндскому Генералъ-Губернатору не какъ гражданскому начальнику края, а именно какъ русскому генералу, Командующему войсками финляндскаго военнаго округа, со всею властію ему по этому званію принадлежащею;

3) что сдѣланное сеймомъ искаженіе этой Высочайшей воли не можетъ служить поводомъ, и тѣмъ менѣе основаніемъ, къ измѣненію всей системы дѣйствій русскаго правительства;

4) что допущеніе русскихъ офицеровъ и чиновниковъ на службу въ финскія войска обусловлено изданіемъ особаго административнаго постановленія, которымъ Финляндскій Сенатъ не озаботился въ теченіе 11 лѣтъ;

5) что изданіе этого постановленія съ финляндской стороны, по внѣшности, мотивировано желаніемъ обезпечить за русскими, служащими въ финскихъ войскахъ, ихъ правъ не только по русской, но и по финляндской службѣ. Если же правительство устранило бы эту послѣднюю заботу и ограничилось сохраненіемъ за такими офицерами только ихъ русскихъ правъ,—что болѣе согласовалось бы съ достоинствомъ Имперіи, нежели перечисленіе ихъ въ провинціальное гражданство,—то не было бы, можетъ быть, надобности и въ упомянутомъ административномъ постановленіи;

6) что принятіе какъ сеймомъ, такъ и въ особенности Военнымъ Министромъ, всего Устава о воинской повинности въ Финляндіи въ качествѣ только временнаго закона и на срокъ не болѣе 10 лѣтъ, ясно свидѣтельствуетъ не только о своевременности, но и о необходимости его пересмотра теперь же, при условіи полнаго возстановленія русскихъ правъ и достоинства тамъ, гдѣ таковыя нарушены;

7) перемѣны, вызванныя этимъ пересмотромъ, пройдя, на основаніи законовъ Финляндіи, чрезъ мѣстный сеймъ, въ дальнѣйшемъ окончательномъ своемъ движеніи, независимо отъ того—состоится или не состоится заключеніе сейма, согласное съ Высочайше предложеннымъ ему проектомъ,—долженъ получить то разрѣшеніе, какое будетъ благоугодно указать Его Императорскому Величеству.

Наконецъ, 8) упраздненіе штаба финскихъ войскъ и передача его обязанностей штабу Командующаго войсками Финляндскаго военнаго округа, какъ принадлежащее къ предметамъ внутренней

Этимъ исчерпываются всѣ постановленія сеймоваго Устава, касающіяся окончательнаго разрѣшенія вопросовъ, предлагаемыхъ сейму. Легко видѣть, что, послѣ представленія заключеній земскихъ чиновъ Государю Императору на Высочайшее обсужденіе дальнѣйшаго ихъ пути вовсе не указано. Слѣдовательно, онъ зависитъ единственно отъ Монаршей воли, которой составители Устава не дерзнули уже положить предѣловъ.

Такимъ образомъ, пройдя всѣ степени сеймоваго разсмотрѣнія, Высочайшее предложеніе можетъ, по закону, въ самомъ крайнемъ случаѣ, лишь быть отложено до слѣдующаго сейма; но послѣ того оно остается исключительно въ благоусмотрѣніи Государя Императора. Хотя по § 71-му перемѣны въ «основныхъ законахъ» могутъ послѣдовать не иначе, какъ съ согласія «всѣхъ сословій», однако, очевидно, это должно относиться только къ внутреннему распорядку сейма, гдѣ таковыя крупныя перемѣны обставлены возможными гарантіями, дабы избѣжать увлеченій и вредныхъ вліяній отдѣльныхъ сословій. Окончательное же облеченіе сеймовыхъ заключеній силою закона и въ этомъ случаѣ принадлежитъ исключительно усмотрѣнію Государя Императора.

Отъ воли Его Величества зависитъ, поэтому, или утвердить сеймовое заключеніе цѣлостію, или принять нѣкоторыя его части и отвергнуть прочія, или же ввести въ нихъ соотвѣтственныя измѣненія.

Примѣры тому представилъ уже первый сеймъ 1809 г. въ Борго. Такъ, по военному вопросу онъ постановилъ ходатайство о несозывѣ милиціи и о сохраненіи поселенной системы; а между тѣмъ не далѣе, какъ черезъ 3 года, безъ всякаго соглашенія съ сеймомъ, были сформированы въ Финляндіи, по Высочайшему повелѣнію 20-го іюля (1-го августа) 1812 г., три егерскіе полка въ 2-хъ баталіонномъ составѣ.

Такъ было и съ нынѣшнимъ Уставомъ о воинской повинности въ Финляндіи. Проектъ земскихъ чиновъ не былъ утвержденъ Государемъ непосредственно, а переданъ по Высочайшей волѣ на разсмотрѣніе Военнаго Министра. Если бы графъ Милютинъ не поспѣшилъ согласиться на сеймовый проектъ, въ виду временнаго будто бы его характера, то судьбы Устава о воинской реформѣ въ Финляндіи могли быть совсѣмъ иныя.

Вообще слѣдуетъ сказать, что финляндскіе сеймы, несмотря на все стремленіе нѣкоторыхъ мѣстныхъ дѣятелей придать имъ свойства законодательныхъ палатъ,—чему, къ сожалѣнію, подчиняются иногда, по малому знакомству съ дѣломъ, и русскіе начальники края,—эти сеймы сохраняютъ характеръ только совѣщательный даже и по Сеймовому Уставу.

Этимъ исчерпываются всѣ постановленія сеймоваго Устава, касающіяся окончательнаго разрѣшенія вопросовъ, предлагаемыхъ сейму. Легко видѣть, что, послѣ представленія заключеній земскихъ чиновъ Государю Императору на Высочайшее обсужденіе дальнѣйшаго ихъ пути вовсе не указано. Слѣдовательно, онъ зависитъ единственно отъ Монаршей воли, которой составители Устава не дерзнули уже положить предѣловъ.

Такимъ образомъ, пройдя всѣ степени сеймоваго разсмотрѣнія, Высочайшее предложеніе можетъ, по закону, въ самомъ крайнемъ случаѣ, лишь быть отложено до слѣдующаго сейма; но послѣ того оно остается исключительно въ благоусмотрѣніи Государя Императора. Хотя по § 71-му перемѣны въ «основныхъ законахъ» могутъ послѣдовать не иначе, какъ съ согласія «всѣхъ сословій», однако, очевидно, это должно относиться только къ внутреннему распорядку сейма, гдѣ таковыя крупныя перемѣны обставлены возможными гарантіями, дабы избѣжать увлеченій и вредныхъ вліяній отдѣльныхъ сословій. Окончательное же облеченіе сеймовыхъ заключеній силою закона и въ этомъ случаѣ принадлежитъ исключительно усмотрѣнію Государя Императора.

Отъ воли Его Величества зависитъ, поэтому, или утвердить сеймовое заключеніе цѣлостію, или принять нѣкоторыя его части и отвергнуть прочія, или же ввести въ нихъ соотвѣтственныя измѣненія.

Примѣры тому представилъ уже первый сеймъ 1809 г. въ Борго. Такъ, по военному вопросу онъ постановилъ ходатайство о несозывѣ милиціи и о сохраненіи поселенной системы; а между тѣмъ не далѣе, какъ черезъ 3 года, безъ всякаго соглашенія съ сеймомъ, были сформированы въ Финляндіи, по Высочайшему повелѣнію 20-го іюля (1-го августа) 1812 г., три егерскіе полка въ 2-хъ баталіонномъ составѣ.

Такъ было и съ нынѣшнимъ Уставомъ о воинской повинности въ Финляндіи. Проектъ земскихъ чиновъ не былъ утвержденъ Государемъ непосредственно, а переданъ по Высочайшей волѣ на разсмотрѣніе Военнаго Министра. Если бы графъ Милютинъ не поспѣшилъ согласиться на сеймовый проектъ, въ виду временнаго будто бы его характера, то судьбы Устава о воинской реформѣ въ Финляндіи могли быть совсѣмъ иныя.

Вообще слѣдуетъ сказать, что финляндскіе сеймы, несмотря на все стремленіе нѣкоторыхъ мѣстныхъ дѣятелей придать имъ свойства законодательныхъ палатъ,—чему, къ сожалѣнію, подчиняются иногда, по малому знакомству съ дѣломъ, и русскіе начальники края,—эти сеймы сохраняютъ характеръ только совѣщательный даже и по Сеймовому Уставу.

Изъ всего изложеннаго явствуетъ:

1) что Верховная Власть, издавая Уставъ о воинской повинности въ Финляндіи, всегда имѣла въ виду, прежде всего, огражденіе интересовъ Имперіи;

2) что начальство надъ финскимъ войскомъ, по собственноручно начертанной Государемъ Императоромъ волѣ, принадлежитъ Финляндскому Генералъ-Губернатору не какъ гражданскому начальнику края, а именно какъ русскому генералу, Командующему войсками финляндскаго военнаго округа, со всею властію ему по этому званію принадлежащею;

3) что сдѣланное сеймомъ искаженіе этой Высочайшей воли не можетъ служить поводомъ, и тѣмъ менѣе основаніемъ, къ измѣненію всей системы дѣйствій русскаго правительства;

4) что допущеніе русскихъ офицеровъ и чиновниковъ на службу въ финскія войска обусловлено изданіемъ особаго административнаго постановленія, которымъ Финляндскій Сенатъ не озаботился въ теченіе 11 лѣтъ;

5) что изданіе этого постановленія съ финляндской стороны, по внѣшности, мотивировано желаніемъ обезпечить за русскими, служащими въ финскихъ войскахъ, ихъ правъ не только по русской, но и по финляндской службѣ. Если же правительство устранило бы эту послѣднюю заботу и ограничилось сохраненіемъ за такими офицерами только ихъ русскихъ правъ,—что болѣе согласовалось бы съ достоинствомъ Имперіи, нежели перечисленіе ихъ въ провинціальное гражданство,—то не было бы, можетъ быть, надобности и въ упомянутомъ административномъ постановленіи;

6) что принятіе какъ сеймомъ, такъ и въ особенности Военнымъ Министромъ, всего Устава о воинской повинности въ Финляндіи въ качествѣ только временнаго закона и на срокъ не болѣе 10 лѣтъ, ясно свидѣтельствуетъ не только о своевременности, но и о необходимости его пересмотра теперь же, при условіи полнаго возстановленія русскихъ правъ и достоинства тамъ, гдѣ таковыя нарушены;

7) перемѣны, вызванныя этимъ пересмотромъ, пройдя, на основаніи законовъ Финляндіи, чрезъ мѣстный сеймъ, въ дальнѣйшемъ окончательномъ своемъ движеніи, независимо отъ того—состоится или не состоится заключеніе сейма, согласное съ Высочайше предложеннымъ ему проектомъ,—долженъ получить то разрѣшеніе, какое будетъ благоугодно указать Его Императорскому Величеству.

Наконецъ, 8) упраздненіе штаба финскихъ войскъ и передача его обязанностей штабу Командующаго войсками Финляндскаго военнаго округа, какъ принадлежащее къ предметамъ внутренней

Этимъ исчерпываются всѣ постановленія сеймоваго Устава, касающіяся окончательнаго разрѣшенія вопросовъ, предлагаемыхъ сейму. Легко видѣть, что, послѣ представленія заключеній земскихъ чиновъ Государю Императору на Высочайшее обсужденіе дальнѣйшаго ихъ пути вовсе не указано. Слѣдовательно, онъ зависитъ единственно отъ Монаршей воли, которой составители Устава не дерзнули уже положить предѣловъ.

Такимъ образомъ, пройдя всѣ степени сеймоваго разсмотрѣнія, Высочайшее предложеніе можетъ, по закону, въ самомъ крайнемъ случаѣ, лишь быть отложено до слѣдующаго сейма; но послѣ того оно остается исключительно въ благоусмотрѣніи Государя Императора. Хотя по § 71-му перемѣны въ «основныхъ законахъ» могутъ послѣдовать не иначе, какъ съ согласія «всѣхъ сословій», однако, очевидно, это должно относиться только къ внутреннему распорядку сейма, гдѣ таковыя крупныя перемѣны обставлены возможными гарантіями, дабы избѣжать увлеченій и вредныхъ вліяній отдѣльныхъ сословій. Окончательное же облеченіе сеймовыхъ заключеній силою закона и въ этомъ случаѣ принадлежитъ исключительно усмотрѣнію Государя Императора.

Отъ воли Его Величества зависитъ, поэтому, или утвердить сеймовое заключеніе цѣлостію, или принять нѣкоторыя его части и отвергнуть прочія, или же ввести въ нихъ соотвѣтственныя измѣненія.

Примѣры тому представилъ уже первый сеймъ 1809 г. въ Борго. Такъ, по военному вопросу онъ постановилъ ходатайство о несозывѣ милиціи и о сохраненіи поселенной системы; а между тѣмъ не далѣе, какъ черезъ 3 года, безъ всякаго соглашенія съ сеймомъ, были сформированы въ Финляндіи, по Высочайшему повелѣнію 20-го іюля (1-го августа) 1812 г., три егерскіе полка въ 2-хъ баталіонномъ составѣ.

Такъ было и съ нынѣшнимъ Уставомъ о воинской повинности въ Финляндіи. Проектъ земскихъ чиновъ не былъ утвержденъ Государемъ непосредственно, а переданъ по Высочайшей волѣ на разсмотрѣніе Военнаго Министра. Если бы графъ Милютинъ не поспѣшилъ согласиться на сеймовый проектъ, въ виду временнаго будто бы его характера, то судьбы Устава о воинской реформѣ въ Финляндіи могли быть совсѣмъ иныя.

Вообще слѣдуетъ сказать, что финляндскіе сеймы, несмотря на все стремленіе нѣкоторыхъ мѣстныхъ дѣятелей придать имъ свойства законодательныхъ палатъ,—чему, къ сожалѣнію, подчиняются иногда, по малому знакомству съ дѣломъ, и русскіе начальники края,—эти сеймы сохраняютъ характеръ только совѣщательный даже и по Сеймовому Уставу.

Изъ всего изложеннаго явствуетъ:

1) что Верховная Власть, издавая Уставъ о воинской повинности въ Финляндіи, всегда имѣла въ виду, прежде всего, огражденіе интересовъ Имперіи;

2) что начальство надъ финскимъ войскомъ, по собственноручно начертанной Государемъ Императоромъ волѣ, принадлежитъ Финляндскому Генералъ-Губернатору не какъ гражданскому начальнику края, а именно какъ русскому генералу, Командующему войсками финляндскаго военнаго округа, со всею властію ему по этому званію принадлежащею;

3) что сдѣланное сеймомъ искаженіе этой Высочайшей воли не можетъ служить поводомъ, и тѣмъ менѣе основаніемъ, къ измѣненію всей системы дѣйствій русскаго правительства;

4) что допущеніе русскихъ офицеровъ и чиновниковъ на службу въ финскія войска обусловлено изданіемъ особаго административнаго постановленія, которымъ Финляндскій Сенатъ не озаботился въ теченіе 11 лѣтъ;

5) что изданіе этого постановленія съ финляндской стороны, по внѣшности, мотивировано желаніемъ обезпечить за русскими, служащими въ финскихъ войскахъ, ихъ правъ не только по русской, но и по финляндской службѣ. Если же правительство устранило бы эту послѣднюю заботу и ограничилось сохраненіемъ за такими офицерами только ихъ русскихъ правъ,—что болѣе согласовалось бы съ достоинствомъ Имперіи, нежели перечисленіе ихъ въ провинціальное гражданство,—то не было бы, можетъ быть, надобности и въ упомянутомъ административномъ постановленіи;

6) что принятіе какъ сеймомъ, такъ и въ особенности Военнымъ Министромъ, всего Устава о воинской повинности въ Финляндіи въ качествѣ только временнаго закона и на срокъ не болѣе 10 лѣтъ, ясно свидѣтельствуетъ не только о своевременности, но и о необходимости его пересмотра теперь же, при условіи полнаго возстановленія русскихъ правъ и достоинства тамъ, гдѣ таковыя нарушены;

7) перемѣны, вызванныя этимъ пересмотромъ, пройдя, на основаніи законовъ Финляндіи, чрезъ мѣстный сеймъ, въ дальнѣйшемъ окончательномъ своемъ движеніи, независимо отъ того—состоится или не состоится заключеніе сейма, согласное съ Высочайше предложеннымъ ему проектомъ,—долженъ получить то разрѣшеніе, какое будетъ благоугодно указать Его Императорскому Величеству.

Наконецъ, 8) упраздненіе штаба финскихъ войскъ и передача его обязанностей штабу Командующаго войсками Финляндскаго военнаго округа, какъ принадлежащее къ предметамъ внутренней

Этимъ исчерпываются всѣ постановленія сеймоваго Устава, касающіяся окончательнаго разрѣшенія вопросовъ, предлагаемыхъ сейму. Легко видѣть, что, послѣ представленія заключеній земскихъ чиновъ Государю Императору на Высочайшее обсужденіе дальнѣйшаго ихъ пути вовсе не указано. Слѣдовательно, онъ зависитъ единственно отъ Монаршей воли, которой составители Устава не дерзнули уже положить предѣловъ.

Такимъ образомъ, пройдя всѣ степени сеймоваго разсмотрѣнія, Высочайшее предложеніе можетъ, по закону, въ самомъ крайнемъ случаѣ, лишь быть отложено до слѣдующаго сейма; но послѣ того оно остается исключительно въ благоусмотрѣніи Государя Императора. Хотя по § 71-му перемѣны въ «основныхъ законахъ» могутъ послѣдовать не иначе, какъ съ согласія «всѣхъ сословій», однако, очевидно, это должно относиться только къ внутреннему распорядку сейма, гдѣ таковыя крупныя перемѣны обставлены возможными гарантіями, дабы избѣжать увлеченій и вредныхъ вліяній отдѣльныхъ сословій. Окончательное же облеченіе сеймовыхъ заключеній силою закона и въ этомъ случаѣ принадлежитъ исключительно усмотрѣнію Государя Императора.

Отъ воли Его Величества зависитъ, поэтому, или утвердить сеймовое заключеніе цѣлостію, или принять нѣкоторыя его части и отвергнуть прочія, или же ввести въ нихъ соотвѣтственныя измѣненія.

Примѣры тому представилъ уже первый сеймъ 1809 г. въ Борго. Такъ, по военному вопросу онъ постановилъ ходатайство о несозывѣ милиціи и о сохраненіи поселенной системы; а между тѣмъ не далѣе, какъ черезъ 3 года, безъ всякаго соглашенія съ сеймомъ, были сформированы въ Финляндіи, по Высочайшему повелѣнію 20-го іюля (1-го августа) 1812 г., три егерскіе полка въ 2-хъ баталіонномъ составѣ.

Такъ было и съ нынѣшнимъ Уставомъ о воинской повинности въ Финляндіи. Проектъ земскихъ чиновъ не былъ утвержденъ Государемъ непосредственно, а переданъ по Высочайшей волѣ на разсмотрѣніе Военнаго Министра. Если бы графъ Милютинъ не поспѣшилъ согласиться на сеймовый проектъ, въ виду временнаго будто бы его характера, то судьбы Устава о воинской реформѣ въ Финляндіи могли быть совсѣмъ иныя.

Вообще слѣдуетъ сказать, что финляндскіе сеймы, несмотря на все стремленіе нѣкоторыхъ мѣстныхъ дѣятелей придать имъ свойства законодательныхъ палатъ,—чему, къ сожалѣнію, подчиняются иногда, по малому знакомству съ дѣломъ, и русскіе начальники края,—эти сеймы сохраняютъ характеръ только совѣщательный даже и по Сеймовому Уставу.

Этимъ исчерпываются всѣ постановленія сеймоваго Устава, касающіяся окончательнаго разрѣшенія вопросовъ, предлагаемыхъ сейму. Легко видѣть, что, послѣ представленія заключеній земскихъ чиновъ Государю Императору на Высочайшее обсужденіе дальнѣйшаго ихъ пути вовсе не указано. Слѣдовательно, онъ зависитъ единственно отъ Монаршей воли, которой составители Устава не дерзнули уже положить предѣловъ.

Такимъ образомъ, пройдя всѣ степени сеймоваго разсмотрѣнія, Высочайшее предложеніе можетъ, по закону, въ самомъ крайнемъ случаѣ, лишь быть отложено до слѣдующаго сейма; но послѣ того оно остается исключительно въ благоусмотрѣніи Государя Императора. Хотя по § 71-му перемѣны въ «основныхъ законахъ» могутъ послѣдовать не иначе, какъ съ согласія «всѣхъ сословій», однако, очевидно, это должно относиться только къ внутреннему распорядку сейма, гдѣ таковыя крупныя перемѣны обставлены возможными гарантіями, дабы избѣжать увлеченій и вредныхъ вліяній отдѣльныхъ сословій. Окончательное же облеченіе сеймовыхъ заключеній силою закона и въ этомъ случаѣ принадлежитъ исключительно усмотрѣнію Государя Императора.

Отъ воли Его Величества зависитъ, поэтому, или утвердить сеймовое заключеніе цѣлостію, или принять нѣкоторыя его части и отвергнуть прочія, или же ввести въ нихъ соотвѣтственныя измѣненія.

Примѣры тому представилъ уже первый сеймъ 1809 г. въ Борго. Такъ, по военному вопросу онъ постановилъ ходатайство о несозывѣ милиціи и о сохраненіи поселенной системы; а между тѣмъ не далѣе, какъ черезъ 3 года, безъ всякаго соглашенія съ сеймомъ, были сформированы въ Финляндіи, по Высочайшему повелѣнію 20-го іюля (1-го августа) 1812 г., три егерскіе полка въ 2-хъ баталіонномъ составѣ.

Такъ было и съ нынѣшнимъ Уставомъ о воинской повинности въ Финляндіи. Проектъ земскихъ чиновъ не былъ утвержденъ Государемъ непосредственно, а переданъ по Высочайшей волѣ на разсмотрѣніе Военнаго Министра. Если бы графъ Милютинъ не поспѣшилъ согласиться на сеймовый проектъ, въ виду временнаго будто бы его характера, то судьбы Устава о воинской реформѣ въ Финляндіи могли быть совсѣмъ иныя.

Вообще слѣдуетъ сказать, что финляндскіе сеймы, несмотря на все стремленіе нѣкоторыхъ мѣстныхъ дѣятелей придать имъ свойства законодательныхъ палатъ,—чему, къ сожалѣнію, подчиняются иногда, по малому знакомству съ дѣломъ, и русскіе начальники края,—эти сеймы сохраняютъ характеръ только совѣщательный даже и по Сеймовому Уставу.

Изъ всего изложеннаго явствуетъ:

1) что Верховная Власть, издавая Уставъ о воинской повинности въ Финляндіи, всегда имѣла въ виду, прежде всего, огражденіе интересовъ Имперіи;

2) что начальство надъ финскимъ войскомъ, по собственноручно начертанной Государемъ Императоромъ волѣ, принадлежитъ Финляндскому Генералъ-Губернатору не какъ гражданскому начальнику края, а именно какъ русскому генералу, Командующему войсками финляндскаго военнаго округа, со всею властію ему по этому званію принадлежащею;

3) что сдѣланное сеймомъ искаженіе этой Высочайшей воли не можетъ служить поводомъ, и тѣмъ менѣе основаніемъ, къ измѣненію всей системы дѣйствій русскаго правительства;

4) что допущеніе русскихъ офицеровъ и чиновниковъ на службу въ финскія войска обусловлено изданіемъ особаго административнаго постановленія, которымъ Финляндскій Сенатъ не озаботился въ теченіе 11 лѣтъ;

5) что изданіе этого постановленія съ финляндской стороны, по внѣшности, мотивировано желаніемъ обезпечить за русскими, служащими въ финскихъ войскахъ, ихъ правъ не только по русской, но и по финляндской службѣ. Если же правительство устранило бы эту послѣднюю заботу и ограничилось сохраненіемъ за такими офицерами только ихъ русскихъ правъ,—что болѣе согласовалось бы съ достоинствомъ Имперіи, нежели перечисленіе ихъ въ провинціальное гражданство,—то не было бы, можетъ быть, надобности и въ упомянутомъ административномъ постановленіи;

6) что принятіе какъ сеймомъ, такъ и въ особенности Военнымъ Министромъ, всего Устава о воинской повинности въ Финляндіи въ качествѣ только временнаго закона и на срокъ не болѣе 10 лѣтъ, ясно свидѣтельствуетъ не только о своевременности, но и о необходимости его пересмотра теперь же, при условіи полнаго возстановленія русскихъ правъ и достоинства тамъ, гдѣ таковыя нарушены;

7) перемѣны, вызванныя этимъ пересмотромъ, пройдя, на основаніи законовъ Финляндіи, чрезъ мѣстный сеймъ, въ дальнѣйшемъ окончательномъ своемъ движеніи, независимо отъ того—состоится или не состоится заключеніе сейма, согласное съ Высочайше предложеннымъ ему проектомъ,—долженъ получить то разрѣшеніе, какое будетъ благоугодно указать Его Императорскому Величеству.

Наконецъ, 8) упраздненіе штаба финскихъ войскъ и передача его обязанностей штабу Командующаго войсками Финляндскаго военнаго округа, какъ принадлежащее къ предметамъ внутренней

Этимъ исчерпываются всѣ постановленія сеймоваго Устава, касающіяся окончательнаго разрѣшенія вопросовъ, предлагаемыхъ сейму. Легко видѣть, что, послѣ представленія заключеній земскихъ чиновъ Государю Императору на Высочайшее обсужденіе дальнѣйшаго ихъ пути вовсе не указано. Слѣдовательно, онъ зависитъ единственно отъ Монаршей воли, которой составители Устава не дерзнули уже положить предѣловъ.

Такимъ образомъ, пройдя всѣ степени сеймоваго разсмотрѣнія, Высочайшее предложеніе можетъ, по закону, въ самомъ крайнемъ случаѣ, лишь быть отложено до слѣдующаго сейма; но послѣ того оно остается исключительно въ благоусмотрѣніи Государя Императора. Хотя по § 71-му перемѣны въ «основныхъ законахъ» могутъ послѣдовать не иначе, какъ съ согласія «всѣхъ сословій», однако, очевидно, это должно относиться только къ внутреннему распорядку сейма, гдѣ таковыя крупныя перемѣны обставлены возможными гарантіями, дабы избѣжать увлеченій и вредныхъ вліяній отдѣльныхъ сословій. Окончательное же облеченіе сеймовыхъ заключеній силою закона и въ этомъ случаѣ принадлежитъ исключительно усмотрѣнію Государя Императора.

Отъ воли Его Величества зависитъ, поэтому, или утвердить сеймовое заключеніе цѣлостію, или принять нѣкоторыя его части и отвергнуть прочія, или же ввести въ нихъ соотвѣтственныя измѣненія.

Примѣры тому представилъ уже первый сеймъ 1809 г. въ Борго. Такъ, по военному вопросу онъ постановилъ ходатайство о несозывѣ милиціи и о сохраненіи поселенной системы; а между тѣмъ не далѣе, какъ черезъ 3 года, безъ всякаго соглашенія съ сеймомъ, были сформированы въ Финляндіи, по Высочайшему повелѣнію 20-го іюля (1-го августа) 1812 г., три егерскіе полка въ 2-хъ баталіонномъ составѣ.

Такъ было и съ нынѣшнимъ Уставомъ о воинской повинности въ Финляндіи. Проектъ земскихъ чиновъ не былъ утвержденъ Государемъ непосредственно, а переданъ по Высочайшей волѣ на разсмотрѣніе Военнаго Министра. Если бы графъ Милютинъ не поспѣшилъ согласиться на сеймовый проектъ, въ виду временнаго будто бы его характера, то судьбы Устава о воинской реформѣ въ Финляндіи могли быть совсѣмъ иныя.

Вообще слѣдуетъ сказать, что финляндскіе сеймы, несмотря на все стремленіе нѣкоторыхъ мѣстныхъ дѣятелей придать имъ свойства законодательныхъ палатъ,—чему, къ сожалѣнію, подчиняются иногда, по малому знакомству съ дѣломъ, и русскіе начальники края,—эти сеймы сохраняютъ характеръ только совѣщательный даже и по Сеймовому Уставу.

Изъ всего изложеннаго явствуетъ:

1) что Верховная Власть, издавая Уставъ о воинской повинности въ Финляндіи, всегда имѣла въ виду, прежде всего, огражденіе интересовъ Имперіи;

2) что начальство надъ финскимъ войскомъ, по собственноручно начертанной Государемъ Императоромъ волѣ, принадлежитъ Финляндскому Генералъ-Губернатору не какъ гражданскому начальнику края, а именно какъ русскому генералу, Командующему войсками финляндскаго военнаго округа, со всею властію ему по этому званію принадлежащею;

3) что сдѣланное сеймомъ искаженіе этой Высочайшей воли не можетъ служить поводомъ, и тѣмъ менѣе основаніемъ, къ измѣненію всей системы дѣйствій русскаго правительства;

4) что допущеніе русскихъ офицеровъ и чиновниковъ на службу въ финскія войска обусловлено изданіемъ особаго административнаго постановленія, которымъ Финляндскій Сенатъ не озаботился въ теченіе 11 лѣтъ;

5) что изданіе этого постановленія съ финляндской стороны, по внѣшности, мотивировано желаніемъ обезпечить за русскими, служащими въ финскихъ войскахъ, ихъ правъ не только по русской, но и по финляндской службѣ. Если же правительство устранило бы эту послѣднюю заботу и ограничилось сохраненіемъ за такими офицерами только ихъ русскихъ правъ,—что болѣе согласовалось бы съ достоинствомъ Имперіи, нежели перечисленіе ихъ въ провинціальное гражданство,—то не было бы, можетъ быть, надобности и въ упомянутомъ административномъ постановленіи;

6) что принятіе какъ сеймомъ, такъ и въ особенности Военнымъ Министромъ, всего Устава о воинской повинности въ Финляндіи въ качествѣ только временнаго закона и на срокъ не болѣе 10 лѣтъ, ясно свидѣтельствуетъ не только о своевременности, но и о необходимости его пересмотра теперь же, при условіи полнаго возстановленія русскихъ правъ и достоинства тамъ, гдѣ таковыя нарушены;

7) перемѣны, вызванныя этимъ пересмотромъ, пройдя, на основаніи законовъ Финляндіи, чрезъ мѣстный сеймъ, въ дальнѣйшемъ окончательномъ своемъ движеніи, независимо отъ того—состоится или не состоится заключеніе сейма, согласное съ Высочайше предложеннымъ ему проектомъ,—долженъ получить то разрѣшеніе, какое будетъ благоугодно указать Его Императорскому Величеству.

Наконецъ, 8) упраздненіе штаба финскихъ войскъ и передача его обязанностей штабу Командующаго войсками Финляндскаго военнаго округа, какъ принадлежащее къ предметамъ внутренней

военной администраціи, не требуетъ разсмотрѣнія сейма, тѣмъ болѣе, что о штабѣ финскихъ войскъ не только нѣтъ никакихъ постановленій въ Уставѣ о воинской повинности въ Финляндіи, но онъ въ немъ даже не упоминается.

Декабрь 1890 г.

Какъ и когда измѣнилась въ Финляндіи присяга на вѣрноподданство? [1])

Говоря о присягѣ, установленной для финляндскихъ военныхъ [2]), мы, на основаніи офиціальныхъ документовъ, показали, благодаря какимъ удивительнымъ метаморфозамъ, явилась въ этой присягѣ клятва въ вѣрности не Монарху только, но и Гельсингфорсскому сейму, и не Имперіи Россійской, а лишь одной Финляндіи.

Сеймъ и финляндскіе докладчики въ трехъ строкахъ своего всеподданнѣйшаго представленія объяснили, что дѣлаютъ будто бы ничтожную редакціонную поправку, включая ссылку на параграфъ закона. А этотъ параграфъ закона былъ § 18 Формы Правленія 1772 года, которымъ узаконялась въ шведскія времена присяга не королю только, но и сейму.

Объ этой сущности сдѣланной «редакціонной» поправки, о томъ, что ею намѣчается уменьшеніе силы вѣрноподданнической присяги по крайней мѣрѣ наполовину, а то и полное устраненіе силы оной при иныхъ обстоятельствахъ, — объ этомъ сеймовые дѣятели и прочіе ихъ сотрудники не обмолвились предъ Государемъ ни единымъ словомъ! О мѣрѣ «лойяльности» такого поступка, — притомъ въ дѣлѣ величайшей важности, — предоставлнемъ судить читателямъ.

Но теперь не лишнее взглянуть на то, какъ присягали прежде и какъ присягаютъ теперь прочіе, не военные, финляндцы.

Какъ извѣстно, по занятіи края русскими войсками въ 1808 году, всѣ въ немъ, начиная съ Або, бывшаго тогда главнаго города Финляндіи, начиная съ тамошняго духовенства, университета, суда, чиновниковъ, дворянства, и кончая сельскимъ и городскимъ населеніемъ, — всѣ присягнули Императору и Самодержцу Всероссійскому по русской формѣ присяги.

Потомъ, въ 1809 году, на сеймѣ въ Борго, собранныя сословія присягали еще по особой, на этотъ случай составленной тогда формѣ. То была присяга, такъ сказать, служебная, при вступленіи

---

[1]) «Московскія Вѣдомости», 23 марта 1890 г., № 81.

[2]) См. на стр. 128 статью «Историческая справка о воинскомъ уставѣ Финляндіи».

въ должность, хотя нѣкоторые финляндскіе писатели и старались придать ей болѣе широкое значеніе. Въ дѣйствительности она не имѣла никакого вліянія на присягу вѣрноподданства въ послѣдующее время, и таковую продолжали приносить по русской же формѣ.

Когда вступилъ на престолъ Императоръ Николай Павловичъ, то генералъ-губернаторъ Закревскій безъ малѣйшаго затрудненія привелъ все населеніе Финляндіи къ присягѣ опять по той же русской формѣ. И это не было какое-нибудь насиліе или нарушеніе финляндскихъ правъ и преимуществъ: напротивъ, это было въ порядкѣ вещей. Идея «Финляндскаго государства», если и была въ воображеніи какого-нибудь профессора Вассера и немногихъ ему подобныхъ, то вовсе не была предметомъ общаго достоянія.

Интереснѣе всего то, что и самъ тогдашній финляндскій статсъ-секретарь Ребиндеръ, котораго нынѣшніе герои сепаратизма выставляютъ въ видѣ нѣкоей несокрушимой скалы, тотъ Ребиндеръ, о которомъ теперь разсказываютъ сказки, какъ онъ, видите ли, «гордо» предъявилъ Императору Николаю требованіе для Финляндіи «всего или ничего»,—этотъ самый Ребиндеръ не смѣлъ даже думать о какой-нибудь иной присягѣ, кромѣ общерусской.

Въ этомъ отношеніи любопытенъ разсказъ, которымъ, очевидно невзначай, обмолвился одинъ изъ историковъ и новѣйшихъ столповъ финляндской государственности, Р. Кастренъ. Описывая въ своихъ очеркахъ новѣйшей исторіи Финляндіи восшествіе на престолъ Николая Павловича, онъ цитируетъ выдержку изъ дневника Ребиндера, относящуюся къ тому времени. Оказывается, что въ дни общаго смущенія, наступившаго по полученіи извѣстія о кончинѣ Императора Александра, Ребиндеръ, этотъ «pauvre diable», какъ онъ самъ себя называлъ, не зналъ, за что приняться и какъ ему быть. Онъ посылалъ курьеровъ въ Финляндію къ Закревскому, бѣгалъ въ польскій статсъ-секретаріатъ къ Грабовскому, но все безуспѣшно. Тогда онъ надумалъ поѣхать на другой день къ графу Нессельроде, котораго и засталъ въ 8 часовъ утра. Послѣ того, какъ тотъ разказалъ ему о завѣщаніи Императора Александра I и о дѣйствительномъ положеніи вещей, «онъ, Нессельроде, посовѣтовалъ мнѣ»,—записалъ Ребиндеръ въ свой журналъ,—«заручиться сенатскимъ указомъ (att förse mig med senatens ukas), собрать Комитетъ, принять присягу, а затѣмъ о всемъ этомъ представить устный докладъ великому князю Николаю. Я такъ и сдѣлалъ (jag följde rådet).»

Значитъ, Ребиндеръ досталъ изъ русскаго Сената русскій указъ о русской присягѣ, а чистокровные финляндскіе члены въ финляндскомъ Комитетѣ присягнули по немъ—и дѣло было

сдѣлано. И такъ скоро оно было сдѣлано, что въ часъ дня, какъ разсказываетъ самъ Ребиндеръ, онъ былъ уже у Николая Павловича.

Такъ вотъ, какъ относился къ присягѣ самъ знаменитый нынѣ Ребиндеръ, не говоря уже о генералъ-губернаторѣ Закревскомъ. Такъ было и въ дальнѣйшемъ.

Но наступили шестидесятые и семидесятые года—благодатные для финляндскихъ сепаратистовъ годы: можно было нестись, что называется, во всю, для отдѣленія отъ Россіи, благо у насъ заняты были разными другими дѣлами, да и не давали себѣ настоящаго отчета въ томъ, что творилось въ Финляндіи. А въ Финляндіи съ каждымъ годомъ, съ каждымъ даже мѣсяцемъ, нарождались, помимо, конечно, Россіи, все новые и новые законы, ограничивавшіе и права Русскаго Государя, и права Россійской Имперіи. Начиная съ Сеймоваго Устава и кончая отдѣльною монетой и отдѣльнымъ Уставомъ о воинской повинности,—все пошло въ ходъ. Теорія Stat för sig,—Финляндія сама по себѣ государство—смѣло и высоко подняла голову.

При такихъ «благопріятныхъ» условіяхъ, можно ли было терпѣть въ финляндской государственной практикѣ существованіе русской присяги? Разумѣется, нѣтъ. И вотъ господа финляндцы поспѣшили исправить упущеніе.

Въ то самое время, когда кавказскіе храбрецы штурмовали Карсъ, Тотлебенъ насилу одолѣвалъ Плевну, а генералъ Гурко переходилъ Балканы, когда вниманіе каждаго русскаго всецѣло было поглощено тѣмъ, что происходило на дальнемъ югѣ,—въ это самое время въ Гельсингфорсѣ писались и пересылались бумажки съ извѣстнаго рода проектами, пока, наконецъ, 29 (17) декабря 1877 года, восемью гельсингфорсскими сенаторами было подписано и «дано» Высочайшимъ Именемъ постановленіе «объ измѣненіи формъ присяги на вѣрность службы, вѣрноподданство и пр.» съ тѣмъ, чтобъ это постановленіе было опубликовано въ церквахъ [1]).

Но какіе были мотивы для такой важной перемѣны, особенно для такой спѣшности, чтобы «проводить» перемѣну на курьерскихъ въ то именно время, когда покойный Государь скорбѣлъ всею душой о бѣдствіяхъ арміи подъ Плевной и проливалъ слезы надъ многочисленными жертвами, которыми эта армія оплачивала исполненіе своего долга?

Гласныхъ мотивовъ не было вовсе; ихъ не могло и быть. Не могли даже ничего сочинить для публикованія въ церквахъ, такъ какъ дѣйствительно легальныхъ поводовъ никакихъ не было.

---

[1]) См. № 34 «Сборника Постановленій В. Княжества Финляндскаго» за 1877 г.

Поэтому восемь сенаторовъ могли измыслить только слѣдующее вступленіе къ новому закону:

«По всеподданнѣйшему о томъ (?) представленію (а ранѣе въ текстѣ ничего нѣтъ, кромѣ обычнаго титула!) Мы признали за благо съ измѣненіемъ формъ, по которымъ до сего времени приносима была присяга на вѣрность службы и вѣрноподданство должностными лицами, чиновниками и т. д., въ Финляндіи, а также на вѣрноподданство, Высочайше утвердить къ руководству приложенныя у сего формы», и пр.

Въ чемъ же состояли эти новыя формы, явившіяся лишь для того, чтобъ измѣнить прежнія?

Оказывается, что ими будущіе подданные обязывались «пребывать... вѣрными подданными и стараться споспѣшествовать всему, что̀ пользы и блага Его Императорскаго Величества и края касаться можетъ».

Во второмъ пунктѣ присягающій выражаетъ обѣщаніе, «не щадя живота и крови, защищать Императорскую власть, а равно повиноваться существующимъ въ краѣ законамъ и постановленіямъ и руководствоваться оными».

Вотъ, значитъ, для чего понадобилось представленіе,—конечно, финляндскаго сената,—объ измѣненіи формъ присяги: для того, чтобы освободить финляндскихъ обывателей ото всякихъ обязанностей предъ Россіей, предъ Имперіей, къ составу которой они принадлежатъ, и изъ состава коей, по «непреложному» слову Высочайшаго манифеста 17 (5) іюня 1808 года, «ничто отторгнуть ихъ не можетъ»,—для того, чтобъ ограничить все лишь обязанностями по отношенію къ одному «краю». Законъ Россіи отнынѣ не есть уже законъ для финляндца; финляндецъ можетъ свободно пренебрегать имъ съ чистою совѣстью, потому что присягнулъ повиноваться только «существующимъ въ краѣ законамъ». Законъ русскій можетъ и даже долженъ быть нарушаемъ,—хотя и въ предѣлахъ Имперіи Россійской, но въ чертѣ ея финляндскаго края, совершенно безнаказанно.

Очевидно, гельсингфорсскіе законодатели (они поименованы подъ текстомъ «постановленія», примѣнили къ себѣ самимъ новую присягу, еще не получивъ даже ея утвержденія, ибо—составляя эту новую форму, они уже пренебрегли тѣмъ россійскимъ основнымъ закономъ о присягѣ, который дѣйствовалъ дотолѣ безусловно и въ Финляндіи, закономъ, составляющимъ 34 статью раздѣла «о священныхъ правахъ и преимуществахъ Верховной Власти».

Они, гельсингфорсскіе законодатели, дозволили себѣ измѣненіе этого основного русскаго закона, въ нарушеніе и другого, такого же основного закона, выраженнаго въ ст. 50, по которой «всѣ

предначертанія новыхъ законовъ»,—а слѣдовательно и предначертаніе новой, вмѣсто отмѣняемой прежней, общей всероссійской присяги,—«разсматриваются въ Государственномъ Совѣтѣ».

Они нарушили и еще одинъ основной законъ, изображенный въ ст. 54, по которому «новый законъ постановляется не иначе какъ за собственноручнымъ Высочайшимъ подписаніемъ». Вѣдь въ «постановленіи» хотя и читается: «Мы, Александръ Второй», но подъ постановленіемъ стоитъ подпись не покойнаго Императора Александра Второго, а подпись восьми финляндцевъ.

Господа восемь финляндскихъ сенаторовъ не задумались «собственноручное Высочайшее подписаніе» замѣнить своею, къ тому же шведскою, подписью. Своимъ почеркомъ пера они легко и свободно вычеркнули изъ числа россійскихъ вѣрноподданныхъ два слишкомъ милліона обывателей Финляндіи, обязанныхъ по упомянутому Высочайшему манифесту быть «твердыми и непоколебимыми въ преданности къ Россіи»,—обязавъ ихъ быть вѣрными только своему краю...

И все сходило съ рукъ. Что же удивительнаго, что слѣдующій затѣмъ шагъ, годъ спустя, сдѣланъ былъ еще смѣлѣе и, подъ сурдинкой, ввернулъ въ новый воинскій Уставъ извѣстную присягу уже не только краю, но и сейму, низводя клятву въ вѣрности самому Монарху до размѣровъ едва даже уловимыхъ!

22 марта 1890 г.

Записка, посланная графу И. И. Воронцову-Дашкову 26 ноября 1889 г., объ уголовномъ уложеніи [1].

Ваше Сіятельство благосклонно дозволили мнѣ прибѣгать къ Вашему участію и покровительству въ дѣлахъ о Финляндіи. Я старался не злоупотреблять этимъ позволеніемъ; но теперь принужденъ выйти изъ моей сдержанности. Дѣло касается вопроса капитальной важности, и я счелъ бы преступленіемъ предъ Государемъ, и предъ Отечествомъ, и предъ Вами, если бы, зная о немъ, сохранилъ молчаніе.

Финляндцы уже торжествуютъ новую и громадную побѣду надъ Россіей. Получено свѣдѣніе, что новый Уголовный Уставъ Финляндіи утвержденъ... Этотъ важный законъ, въ которомъ права финляндскія постоянно переплетаются съ правами русскими, про-

---

[1]) Записка эта въ тотъ же день была передана графомъ Воронцовымъ-Дашковымъ Императору Александру III, повелѣвшему министру юстиціи озаботиться пересмотромъ этого уложенія. См. въ предисловіи письмо графа Воронцова-Дашкова объ этомъ дѣлѣ. Прим. издателя.

веденъ статсъ-секретаріатомъ, сколько извѣстно, безъ разсмотрѣнія въ русскихъ министерствахъ.

Дѣйствительно, новымъ Уставомъ не только пренебрежены и унижены достоинство и права Россіи, но и сама Верховная Власть ставится въ такое положеніе, которое для русскаго чувства составляетъ тяжелую, кровавую рану. Вопросы о государственныхъ преступленіяхъ, также какъ и о другихъ, рѣшительно не согласованы съ законами русскими, и Финляндія пріобрѣтаетъ новую, притомъ возмутительную, прерогативу быть убѣжищемъ всякой политической язвы. По новому закону Государь поставленъ на одну ногу съ финляндскими гражданами. За преднамѣренное убійство такого гражданина—смертная казнь; то же и за лишеніе жизни Государя. За причиненіе тяжкихъ увѣчій финляндцу—тюрьма; и за посягательство на жизнь и здоровье Государя, даже за лишеніе Его возможности управлять,—тоже только тюрьма и т. п.— Что касается до посмѣяній надъ русскими правами вообще, то они безчисленны. Конечно, все это замаскировано, и нужно внимательное изученіе, чтобы увидѣть сущность; но, повторяю, новый законъ составляетъ новое, вопіющее посягательство на достоинство и права Россіи и ея Государя, притомъ такое, которое, если вступитъ въ силу, то исправленіе зла будетъ потомъ не только трудно, но и невозможно.

Ваше Сіятельство! По моимъ свѣдѣніямъ, хотя новое Уголовное Уложеніе и утверждено, но, по счастію, еще не отправлено въ Гельсингфорсъ для обнародованія. Остаются, если не минуты, то часы, когда можно еще предупредить зло.

Именемъ нашей общей любви къ обожаемому Государю умоляю Васъ употребить все Ваше вліяніе для того, чтобы остановить немедленно дальнѣйшее движеніе ужаснаго закона. Пусть потомъ состоится пересмотръ его русскими государственными людьми,—и злой умыселъ финляндскихъ враговъ Россіи будетъ устраненъ. Государь исполнитъ актъ величайшей справедливости, и имя Его будетъ еще разъ благословлено изъ глубины всѣхъ преданныхъ Ему русскихъ сердецъ; а Вашъ подвигъ, достойный прекраснѣйшаго сына Отечества, составитъ свѣтлую страницу въ Вашей исторіи [1]).

---

[1]) К. Ф. Ординъ рѣшился лично обратиться къ графу Воронцову-Дашкову и послать эту записку (см. предисловіе) послѣ того, какъ убѣдился въ томъ, что его бесѣды и съ генералъ-губернаторомъ, и съ министромъ юстиціи, и съ управляющимъ кодификаціоннымъ отдѣломъ, оказались безплодными. Ниже мы приводимъ нѣсколько статей Кесаря Филипповича, принадлежность которыхъ его перу внѣ сомнѣнія. Но мы знаемъ, что сверхъ этихъ статей имъ было написано еще многое, что частью вошло въ рядъ статей по вопросу объ уголовномъ уложеніи, собранныхъ въ сборникѣ «Финляндская окраина Россіи»—изд. С. Петровскаго, выпускъ первый, 1891 г. Прим. изд.

Русскій и финляндскій взгляды на военную тайну [1].

(объ уголовномъ уложеніи).

Предъ нами лежитъ № 39 Сборника Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго за 1889, печатанный въ Гельсингфорсѣ 5 апрѣля сего 1890 года. Этотъ довольно объемистый, въ $16^1/_2$ листовъ (132 страницы in quarto), нумеръ Сборника содержитъ въ себѣ четыре акта финляндской законодательной дѣятельности. Всѣ эти, состоявшіяся одновременно, четыре законоположенія носятъ на себѣ одинаковыя помѣтки: «Дано въ Гельсингфорсѣ, 19 декабря 1889 г.» и «Публиковать въ церквахъ». Офиціальные заголовки новыхъ законоположеній слѣдующіе:

1. Уголовное уложеніе Великаго Княжества Финляндскаго.
2. Высочайшее Его Императорскаго Величества Постановленіе объ исполненіи наказаній.
3. Высочайшее Его Императорскаго Величества Постановленіе о введеніи новаго уголовнаго уложенія въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ и о томъ, что относительно сего должно быть соблюдаемо.
4. Высочайшее Его Императорскаго Величества Объявленіе объ оставленіи въ дѣйствующей силѣ нѣкоторыхъ спеціальныхъ нынѣ дѣйствующихъ законоположеній, въ чемъ заключающіяся въ нихъ узаконенія не измѣнены или не отмѣнены новымъ общимъ уголовнымъ законодательствомъ.

Всѣ эти четыре новыя законоположенія, по ихъ первостепенной важности не для одной только нашей финляндской окраины, но и для всей Россіи, заслуживаютъ полнаго вниманія и серіознаго изученія. Лишь по мѣрѣ этого изученія и предполагаемъ мы знакомить читателей съ разными сторонами этихъ законодательныхъ актовъ. Но не можемъ не остановиться теперь же на одной изъ статей этого новаго уголовнаго кодекса, которая случайно бросилась намъ въ глаза при его перелистываніи, и которая поразила насъ,— можетъ поразить и другихъ,— своимъ содержаніемъ, показавшимся намъ, на первый взглядъ, просто невѣроятнымъ.

Именно, на 90 страницѣ «Сборника», гдѣ начинается глава 42-я «Уголовнаго Уложенія»—«О преступленіяхъ противъ постановленій касательно государственной безопасности или общественнаго благочинія»,— мы прочли слѣдующій текстъ перваго параграфа этой главы:

1 §. Кто безъ разрѣшенія сниметъ планъ укрѣпленія или обнародуетъ такой снимокъ, тотъ подвергается денежному

---

[1]) «Московскія Вѣдомости» 7 апрѣля 1890 г., № 95.

стомъ какъ бы прямо говорится: «Господа, интересующіеся планами русскихъ крѣпостей въ Финляндіи и желающіе добыть себѣ таковые! Повремените только до 1 января уже приближающагося 1891 года, когда должно вступить въ силу новоизданное финляндское Уголовное Уложеніе, а затѣмъ смѣло являйтесь въ Финляндію и вволю удовлетворяйте свою любознательность по этой части. Рискъ не великъ. Запаситесь только суммой въ 50 металлическихъ рублей, на случай если ваша любознательность будетъ обнаружена и если натолкнетесь на строгаго судью, который примѣнитъ къ вамъ высшую мѣру наказанія за это преступленіе противъ государственной безопасности.»

Затѣмъ мы спросили себя: Чѣмъ можетъ быть объяснена возможность появленія въ Уголовномъ Уложеніи такого закона, какъ упомянутый § 1 главы 42-й,—и готовы были продолжать: чѣмъ, если не анормальными порядками управленія Финляндіей и еще болѣе анормальными порядками изданія особыхъ узаконеній для этой русской провинціи?

Вѣдь лишь благодаря этимъ порядкамъ, такой первостепенной важности законъ, какъ Уголовное Уложеніе, былъ проведенъ помимо какого бы то ни было участія нашихъ русскихъ судебныхъ и законодательныхъ учрежденій. Финляндскій Статсъ-Секретаріатъ далъ окончательное движеніе такому капитальному закону, и не подумавъ о томъ, чтобы пригласить заинтересованныя русскія вѣдомства къ заявленію ихъ соображеній и мнѣній о разныхъ сторонахъ закона, въ его цѣломъ и частностяхъ. Законъ былъ только въ рукахъ финляндскихъ Комитета, Сената и Сейма, и изданъ только по ихъ соображеніямъ. О русскихъ министерствахъ, о кодификаціонномъ отдѣлѣ нашего Государственнаго Совѣта, о самомъ Государственномъ Совѣтѣ, при обсужденіи и изданіи Уголовнаго Уложенія, не было и помина.

А между тѣмъ, казалось бы, въ данномъ случаѣ обойти русскія законодательныя инстанціи было дѣломъ положительно немыслимымъ. Это явствуетъ уже изъ одного приложеннаго къ «Уложенію» оглавленія.

Такъ, напримѣръ, глава первая Уложенія трактуетъ «о тѣхъ, кто подлежитъ дѣйствію финляндскаго уголовнаго права»,—вопросъ, въ разсмотрѣніи котораго русская сторона, казалось бы, не могла не принять дѣятельнаго участія, хотя бы ужъ потому только, что въ Финляндіи и постоянно, и временно пребываетъ очень много русскихъ, что финляндскія суда ходятъ подъ русскимъ флагомъ и т. д.

Глава десятая имѣетъ предметомъ «преступленія противъ вѣры». Въ Финляндіи не мало православныхъ, сама она составля-

етъ часть петербургской епархіи: можно ли, казалось бы, оставлять права православныхъ на произволъ однихъ лютеранскихъ законодателей?

Глава одинадцатая говоритъ «о преступленіяхъ противъ Верховной Власти», то-есть противъ единой Россійской Императорской Власти. Это предметъ величайшей важности, по отношенію къ которому не можетъ и не должно быть иной точки зрѣнія кромѣ русско-государственной,—а есть ли твердая увѣренность въ томъ, что финляндскіе законодатели всегда и во всемъ держатся именно этой точки зрѣнія, такъ что всякій русскій контроль по этой части излишенъ?

Глава двѣнадцатая говоритъ «о государственной измѣнѣ и другихъ преступленіяхъ противъ безопасности Финляндіи и Россіи». Здѣсь уже прямо поименована Россія, хотя и послѣ Финляндіи (которую, не безъ недоумѣнія, видимъ какъ возможный объектъ «государственной» измѣны),—и въ дѣлѣ, столь важномъ для Россіи, не найдено нужнымъ справиться съ мнѣніями и соображеніями русскихъ властей...

Глава тринадцатая трактуетъ «объ оскорбленіи Величества, а также о насиліи противъ членовъ Императорскаго Дома и оскорбленіи Ихъ чести»... Глава четырнадцатая — «о преступленіяхъ противъ дружественнаго (кому: Финляндіи, или Россіи?) государства»... Глава сорокъ вторая — «о преступленіяхъ противъ постановленій касательно государственной безопасности», и т. д., и т. д.

Неужели все это такіе предметы, которые можно и должно разрѣшать безъ участія русскихъ государственныхъ установленій?

И вотъ, однако, въ Уголовномъ Уложеніи сказалась одна только финляндская попечительность о Россійскомъ государствѣ, она одна взяла на себя всѣ заботы о немъ со стороны этой его окраины. «Земскіе чины Финляндіи», вмѣстѣ съ финляндскимъ сенатомъ и комитетомъ при финляндскомъ статсъ-секретаріатѣ, нашли, что ихъ однихъ, безо всякаго участія русскихъ властей и учрежденій, вполнѣ достаточно для того, чтобъ обезпечить съ этой стороны Россійскую Имперію въ ея безопасности, наказать и отвратить государственную измѣну, покарать насиліе и оскорбленіе чести Россійскаго Императорскаго Дома...

Тѣмъ возмутительнѣе показался намъ тотъ образчикъ финляндской попечительности о русскихъ государственныхъ интересахъ, о русской государственной безопасности, который мы усмотрѣли въ 50-рублевомъ штрафѣ за снятіе и опубликованіе плановъ укрѣпленій...

Этотъ пятидесятирублевый штрафъ, подумали мы, былъ бы встрѣченъ русскими властями и учрежденіями не вполнѣ одобри-

тельно; за то онъ, повидимому, не вызвалъ никакого протеста со стороны того шведскаго профессора-юриста въ Упсалѣ, къ которому проектъ Уголовнаго Уложенія, по заявленію финляндскаго журнала «Finsk Tidskrift», посылался на предварительный просмотръ...

Съ этими мыслями обратились мы къ разсмотрѣнію внѣшней формы четырехъ новыхъ финляндскихъ законодательныхъ актовъ.

Всѣ они начинаются обычною въ Финляндіи формулой: «Божіею милостію, Мы, Александръ Третій, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій и проч. и проч. и проч. Объявляемъ чрезъ сіе». Затѣмъ, въ первыхъ трехъ законоположеніяхъ слѣдуютъ слова: «По всеподданнѣйшему представленію Земскихъ Чиновъ Финляндіи»; въ четвертомъ же узаконеніи этихъ словъ нѣтъ.

Что же касается до заключительной формулы и подписей, то онѣ подъ всѣми четырьмя узаконеніями одинаковы, а именно:

По собственному Его Императорскаго Величества Опредѣленію,
Высочайшимъ Его Величества Именемъ,
Императорскій Финляндскій Сенатъ:

Ф. Гейденъ.

І. Ф. Пальменъ.
Г. фонъ-Альфтанъ.
В. Вазашерна.
С. Бьеркстенъ.
Ш. Э. авъ Фростерусъ.
Л. Мехелинъ.
К. Ф. Игнаціусъ.
Н. К. Хорнборгъ.
И. Фельманъ.
О. Гюллингъ.
С. В. фонъ-Троиль.
В. Прокопе.
Т. Седергольмъ.
Ф. Лерхе.
А. Нюбергъ.
З. Ирье-Коскиненъ.
І. Г. Сольманъ.
Э. Стренгъ.
К. Тудеръ.

Т. Бергелундъ.

. . . .

6-го апрѣля 1890 г.

Пятидесятирублевый штрафъ и финляндскія возраженія [1].

Статья наша [2]) о томъ интересномъ параграфѣ новаго «Уголовнаго Уложенія» Финляндіи, по которому опредѣляется штрафъ не свыше 50 рублей за снятіе, безъ разрѣшенія, плана укрѣпленія, или обнародованіе такого снимка, вызвала въ гельсингфорсской «Nya Pressen» нѣкоторое объясненіе,— конечно, въ

[1]) «Московскія Вѣдомости», 21 апрѣля 1890 г., № 108.
[2]) Предыдущая статья «Русскій и финляндскій взгляды на военную тайну».

защиту финляндскаго кодекса. Стремясь доказать правоту мѣстныхъ законодателей, газета увѣряетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что наши соображенія — вздоръ и злокозненность.

Изъ этого гельсингфорсскаго объясненія мы узнаемъ, во-первыхъ, что финляндцы заимствовали разсмотрѣнный нами параграфъ изъ германскаго уголовнаго устава, и что онъ, этотъ параграфъ, соотвѣтствуетъ современнымъ принципамъ. Это поучительно, и тѣмъ интереснѣе будетъ узнать, примѣнитъ ли наша комиссія, работающая теперь надъ пересмотромъ Уложенія о Наказаніяхъ, новые шведско-нѣмецко-финляндскіе прогрессивные принципы къ передѣлкѣ 256 статьи этого нашего Уложенія — въ смыслѣ замѣны лишенія правъ состоянія и ссылки въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири 50 рублевымъ, не свыше, штрафомъ. Намъ сдается, однако, что русскіе законодатели едва ли будутъ столь же прогрессивны, какъ финляндскіе, въ дѣлѣ охраны государственныхъ оплотовъ.

Въ дальнѣйшемъ разоблаченіи нашихъ будто бы кривотолковъ, «Nya Pressen» замѣчаетъ намъ, что мы смотрѣли де не въ то мѣсто, куда глядѣть слѣдовало. Въ цитированномъ нами параграфѣ (§ 1, гл. 42) рѣчь идетъ будто бы вовсе не о преступленіи, направленномъ противъ государственной безопасности, а только о нарушеніи предписаній, направленныхъ къ государственной безопасности (detta stadgande alldeles icke afser brott mot statens säkerhet, utan brott mot föreskrift till statens säkerhet). Наше же толкованіе— о вредѣ для государства отъ оглашенія военно-государственной тайны — финляндская газета находитъ вполнѣ и строго примѣнимымъ къ п. 3 § 2 главы 12-й новаго «Уголовнаго Уложенія», трактующей о «государственной измѣнѣ и другихъ преступленіяхъ противъ безопасности Финляндіи или Россіи».

Финляндіи или Россіи... Новый сюрпризъ! Значитъ, можетъ быть государственная измѣна противъ Россіи, которая не будетъ измѣною противъ Финляндіи, и наоборотъ? Не даромъ первый же параграфъ этой главы говоритъ о наказаніи «финляндскому гражданину, который, на службѣ иностранной державы, подниметъ во время войны оружіе противъ Финляндіи, Россіи, или союзника въ войнѣ»... Любопытно это тройственное сопоставленіе. Можно подумать, что Россія не больше, какъ союзникъ Финляндіи, и что, пожалуй, чего добраго, для финляндца служба въ Россіи не болѣе, какъ служба «иностранной державѣ»...

Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Впрочемъ, не будемъ на этомъ останавливаться, а примемъ во вниманіе сдѣланное намъ замѣчаніе и приведемъ указываемые параграфъ и пунктъ главы 12-й.

§ 2. Финляндскій гражданинъ, который, по объявленіи войны, или началѣ оной, къ пользѣ непріятеля умышленно (слѣдуютъ 1 и 2 пункты, на которые газета не указываетъ)... 3) извѣститъ непріятеля о распоряженіи или движеніяхъ, или намѣреніяхъ войска (!), или сообщитъ ему карту, чертежъ или описаніе укрѣпленія, порта, фарватера или дороги и проч., подлежитъ, за государственную измѣну, заключенію въ смирительномъ домѣ пожизненно, или на время отъ 4 до 12 полныхъ лѣтъ. Покушеніе наказуемо.

Вотъ на что̀ указываетъ финляндская газета, и это — все. Газета ни на что̀ больше не указываетъ и ничего больше не приводитъ. А ужъ, конечно, она не преминула бы отыскать все, что̀ можно сказать pro domo sua и въ изобличеніе насъ.

Что̀ же говоритъ приведенный пунктъ? Вникнемъ въ его содержаніе:

«Финляндскій гражданинъ, который по объявленіи войны или началѣ оной» и т. д.

Да. Но позвольте: развѣ мы говорили о преступленіи совершенномъ «по объявленіи войны», то-есть о «военномъ времени», когда мѣры охраны государства и кары за нарушеніе ихъ достигаютъ высшей степени напряженія размѣровъ? Мы разсматривали извѣстный параграфъ о снимкахъ плановъ и о 50-ти-рублевомъ штрафѣ совсѣмъ не съ этой, а съ настоящей, единственно вѣрной точки зрѣнія, съ которой только и должно его разсматривать—съ точки зрѣнія обыкновенныхъ, ежедневныхъ условій. Мы говорили, какъ говоритъ и этотъ 50-тирублевый параграфъ, о преступленіи, которое можетъ быть совершено вовсе не въ военное, а именно въ мирное время. Это, очевидно, и изъ сдѣланнаго нами сравненія съ 256 статьей нашего Уложенія о Наказаніяхъ, которая трактуетъ также только о случаѣ мирнаго времени, а о случаѣ войны вовсе не упоминаетъ. На этотъ послѣдній случай есть въ русскомъ Уложеніи особая, 253-я статья (п. 3), въ которой совершенно опредѣленно говорится о случаѣ сообщенія непріятелю плана военныхъ учрежденій и т. п. именно во время войны. И за это положена не ссылка въ Сибирь на поселеніе, а смертная казнь. Укоризненно рекомендуемому намъ финляндскою газетой пункту 3 § 2, гл. 12, соотвѣтствуетъ какъ разъ эта 253-я статья и по свойству преступленія, и по тягости наказанія, а никакъ не 256-я статья, приведенная нами.

Повторяемъ, въ нашемъ сужденіи дѣло шло о преступленіи, совершаемомъ въ мирное время, въ спокойной, такъ сказать, обстановкѣ, когда вниманіе особо не напряжено и обмануть его легче, когда втихомолку можно заручиться самыми драгоцѣнными для

непріятеля планами и чертежами. Мы говорили о предательствѣ, или, по крайней мѣрѣ, о приготовленіяхъ къ нему въ мирное время, которыя могутъ быть, при извѣстныхъ условіяхъ, не только не менѣе, а, пожалуй, и гораздо болѣе важными, нежели иной случай уже по объявленіи войны. «Снятыми безъ разрѣшенія» и «опубликованными» планами можетъ быть обращена въ ничто цѣлая система защиты государства. А если они не опубликованы, то вредъ отъ «снятія безъ разрѣшенія», при условіи передачи въ тайнѣ, будетъ и еще больше, такъ какъ свое государство, не зная о предательствѣ, останется въ полной надеждѣ на неизвѣстность своихъ укрѣпленій чужестранцамъ, между тѣмъ, какъ эти послѣдніе примутъ, конечно, тоже въ тайнѣ, всѣ противъ нихъ мѣры, что̀ можетъ повлечь за собою неисчислимыя вредныя для государства послѣдствія.

Въ нашихъ сужденіяхъ дѣло шло, конечно, не о фотографическомъ снимкѣ ландшафта, на которомъ фигурируетъ крѣпость или портъ,—ландшафта, доступнаго всякому проходящему. Финляндскій публицистъ не такъ же наивенъ, чтобы предполагать возможность «снятія плана» только для такого художества. Онъ понимаетъ, что мы говорили о случаяхъ неизмѣримо важнѣйшаго значенія, но прикидывается простакомъ, чтобы замести слѣды финляндскихъ законодательныхъ издѣлій.

Чѣмъ же, спрашиваемъ мы, наказалъ бы финляндскій судъ, руководясь новымъ «Уголовнымъ Уложеніемъ», человѣка, снявшаго, путями ему извѣстными, напримѣръ, свеаборгскія укрѣпленія, или загражденія, — не въ военное, а въ мирное время, — и «опубликовавшаго» ихъ, напримѣръ, въ Лондонѣ или Берлинѣ?

Теперь, слава Богу, война Россіи «или Финляндіи» никѣмъ еще не объявлена и не началась. Примѣнить къ виновному рекомендуемую въ «Nya Pressen» статью закона нѣтъ, поэтому, никакой возможности. Поневолѣ приходится обратиться къ узаконеніямъ «о преступленіяхъ противъ постановленій касательно государственной безопасности» и пр., — какъ неуклюже озаглавлена финляндскими законодателями привлекшая наше вниманіе глава 42-я ихъ «Уложенія». А въ этой главѣ единственная статья, относящаяся къ нашему случаю, и есть тотъ именно § 1, который подвергаетъ виновнаго «въ снятіи безъ разрѣшенія плана укрѣпленія, или въ обнародованіи такого снимка, денежному взысканію не свыше 200 марокъ», то-есть 50 металлическихъ рублей. Ни одинъ изъ семи прочихъ параграфовъ этой главы рѣшительно не подходитъ къ нашему случаю, ибо въ ней есть разныя разности, — не исключая взысканія, тоже не свыше 200 марокъ, съ того, «кто за

плату занимается гаданьемъ, ворожбою или подобнымъ ему суевѣріемъ» (§ 8),—но другого подходящаго закона нѣтъ [1]).

За симъ, по совѣсти можемъ сказать, что опровержение «Nya Pressen», съ якобы солиднымъ указаніемъ на другой параграфъ, есть просто подтасовка, и очень, притомъ, неумная. Мы ею и не занялись бы, еслибы она не была пущена въ ходъ въ разныхъ петербургскихъ сферахъ, не довольно еще съ новымъ финляндскимъ «Уголовнымъ Уложеніемъ» ознакомленныхъ.

20 Апрѣля 1890 г.

Имѣетъ ли финляндское уголовное уложеніе силу закона [2])?

Мы не разъ уже говорили о новоизданномъ Финляндскомъ «Уголовномъ Уложеніи». Но до сихъ поръ мы останавливались [3]) лишь на разныхъ отдѣльныхъ главахъ и параграфахъ «Уголовнаго Уложенія», какъ, напримѣръ, на тѣхъ, которые допускаютъ «менѣе тяжкіе (?) случаи оскорбленія дѣйствіемъ» (!) Государыни Императрицы, Государя Наслѣдника и другихъ Особъ Императорской Фамиліи; на тѣхъ, которые допускаютъ «особенно смягчающія вину обстоятельства» для измѣнниковъ, поднявшихъ оружіе противъ своего отечества; на тѣхъ, которые уравниваютъ, по преступности и уголовной наказуемости, снятіе и опубликованіе плана укрѣпленій съ ловлею въ чужой водѣ раковъ (sic), и т. д. и т. д. Теперь мы намѣрены сказать нѣсколько словъ объ этомъ новомъ финляндскомъ уголовномъ кодексѣ, какъ объ одномъ цѣломъ, во всей его совокупности. Насъ занимаетъ общій, такъ сказать, предварительный, весьма серіозный и существенный вопросъ, а именно: это новоизданное, офиціально опубликованное и предназначаемое ко вступленію въ дѣйствіе съ 1 января 1891 (съ 20 декабря 1890) года финляндское «Уголовное Уложеніе»,—имѣетъ ли дѣйствительную силу настоящаго закона, или оно пока не болѣе, какъ проектъ?

Да не удивляется читатель заявленію такого сомнѣнія, постановкѣ такого вопроса, притомъ въ столь прямой и рѣшительной формѣ. Этотъ вопросъ, это сомнѣніе возникаютъ сами собою—и

---

[1]) Есть нѣчто въ § 7 гл. 12, гдѣ виновный присуждается ко взысканію не менѣе 200 марокъ за передачу и оглашеніе секретныхъ документовъ; но о снятіи плановъ, то-есть «недозволенномъ изготовленіи» такихъ документовъ, о преступленіи болѣе тяжкомъ,—и тамъ ничего не говорится.

[2]) «Московскія Вѣдомости», 1890 г., № 142.

[3]) Здѣсь рѣчь идетъ о рядѣ статей, напечатанныхъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», составленныхъ въ большей части по матеріаламъ, сообщеннымъ К. Ф. Ординымъ. Статьи эти изданы въ сборникѣ «Финляндская Окраина Россіи», выпускъ I, изд. С. Петровскаго, 1891 г. Прим. издателя.

притомъ не по существу содержанія означеннаго «Уложенія», не въ виду диковиннаго смысла и духа разныхъ его параграфовъ, столь поразительныхъ для русскаго подданнаго. Поставленный нами вопросъ возникаетъ самъ собою, помимо содержанія «Уголовнаго Уложенія», изъ разсмотрѣнія одной внѣшней, формальной, особенно важной въ данномъ случаѣ, стороны изданія этого новаго финляндскаго узаконенія.

Именно съ этой внѣшней, формальной стороны, новое «Уголовное Уложеніе», на нашъ взглядъ, погрѣшаетъ столь существенными недостатками, что они побуждаютъ прямо сомнѣваться въ его дѣйствительной силѣ, не взирая на официальное опубликованіе его финляндскими властями въ нашихъ финляндскихъ губерніяхъ. Внѣшность этого «Уголовнаго Уложенія», самое появленіе его въ свѣтъ, представляются не довольно ясными и даже, такъ-сказать, не довольно законными,—и не только съ истинной, но и со спеціально-финляндской точекъ зрѣнія, не только по несоотвѣтствію съ непреложными требованіями «Основныхъ Законовъ» Россійской Имперіи, но и по несоотвѣтствію даже съ постановленіями рекомой финляндской, собственно старо-шведской, конституціи.

Нашъ взглядъ, конечно, можетъ быть признанъ ошибочнымъ,— но вотъ соображенія и факты, изъ котораго онъ вытекаетъ.

По конституціи Густава III, въ шведскомъ государствѣ король не могъ издать извѣстныхъ новыхъ законовъ, или отмѣнить прежнихъ, безъ согласія государственныхъ чиновъ; со своей стороны, и эти послѣдніе не могли сдѣлать того же безъ согласія короля. Такое согласіе верховной власти всегда выражалось въ собственноручномъ подписаніи королями или самого закона, или того манифеста или рескрипта, при которомъ законъ передавался для оглашенія и исполненія. Возьмите изданіе основныхъ законовъ Финляндіи гг. Пальмена и Мехелина, возьмите шведское Уложеніе, дѣйствующее въ Финляндіи (изд. 1824 и 1827 годовъ),— и вы найдете тамъ тому доказательства.

Сочиняя свое новое «Уголовное Уложеніе», финляндцы писали его, а во многомъ и прямо списывали, съ германскаго уголовнаго кодекса: въ томъ убѣждаетъ простое сличеніе того и другого. Но и германскій кодексъ собственноручно подписанъ императоромъ Вильгельмомъ. Мало этого, германскій кодексъ вновь подписывался всякій разъ, когда происходило измѣненіе въ районѣ его дѣйствія: сперва при введеніи его въ бывшемъ Сѣверо-Германскомъ Союзѣ, 31 мая 1870 года; потомъ 15 мая 1871 года, при распространеніи его на новую Германскую Имперію; вскорѣ затѣмъ, 30 августа 1871 года—при примѣненіи его къ Эльзасу и Лотарингіи. Всѣ знали и видѣли, что законъ получалъ дѣйстви-

тельную санкцію монарха—въ собственноручномъ его подписаніи.

По русскому основному закону, сколь ни пренебрежительно относятся къ нему въ Финляндіи, точно также «новый законъ постановляется не иначе какъ за собственноручнымъ Высочайшимъ подписаніемъ» (ст. 54). По тѣмъ же основнымъ русскимъ законамъ—«законъ сохраняетъ свое дѣйствіе, доколѣ не будетъ отмѣненъ силой новаго закона» (ст. 72), и вмѣстѣ съ тѣмъ «законъ общій и всенародно объявленный отмѣняется не иначе, какъ такимъ же общимъ закономъ» (ст. 73)[1].

Между тѣмъ, что являетъ собою въ указанномъ отношеніи, новое «Уголовное Уложеніе» русской области, именуемой Финляндіею?

Это,—во-первыхъ, три постановленія, изданныя по представленію земскихъ чиновъ Финляндіи и подписанныя, хотя и отъ Высочайшаго Имени, но исключительно однимъ Финляндскимъ Сенатомъ.

Дата ихъ изданія—въ Гельсингфорсѣ, 19 (7) декабря 1899 года,—не есть дата подписанія закона Государемъ, ибо Его Величество находился въ то время не въ Гельсингфорсѣ, а въ Гатчинѣ.

Когда же именно,—спрашивается,—состоялся необходимѣйшій по закону актъ, Высочайшая санкція? Гдѣ же Монаршая подпись, дѣйствительно утверждающая законъ? Гдѣ же, наконецъ, тотъ Высочайшій манифестъ или рескриптъ, или другой актъ за собственноручнымъ подписаніемъ Его Величества, который, по всѣмъ упомянутымъ законамъ,—и старо-шведскимъ, и германскимъ, и русскимъ,—является необходимою частію постановленія, для того, чтобъ оно облеклось дѣйствительною силой закона?

Мы тщательно искали во всѣхъ частяхъ, составляющихъ новое «Уголовное Уложеніе», этой Высочайшей санкціи, этой освя-

---

[1]) Вотъ текстъ упомянутыхъ здѣсь статей «Свода Основныхъ Государственныхъ Законовъ» (Раздѣлъ первый—«О священныхъ правахъ и премуществахъ Верховной Самодержавной Власти»):

«54. Новый законъ постановляется не иначе, какъ за собственноручнымъ Высочайшимъ подписаніемъ».

«72. Законъ сохраняетъ свое дѣйствіе, доколѣ не будетъ отмѣненъ силой новаго закона».

«73. Отмѣна закона существующаго совершается тѣмъ же порядкомъ, какой выше означенъ для составленія законовъ. Законъ общій и всенародно объявленный отмѣняется не иначе какъ таковымъ же общимъ закономъ. Указъ, изданный за собственноручнымъ Высочайшимъ подписаніемъ, не иначе отмѣненъ быть можетъ какъ таковымъ же указомъ, за собственноручнымъ Высочайшимъ подписаніемъ».

щающей и утверждающей Монаршей подписи и, несмотря на всѣ поиски, ни ея, ни времени подписанія, нигдѣ не нашли.

Есть, правда, въ заголовкахъ обычная у финляндцевъ (даже при изданіи постановленій о пастьбѣ жеребятъ) формула манифестовъ: «Божіею милостію, Мы» и т. д.; но эта формула сомнѣній нашихъ не разрѣшаетъ, ибо, хотя она и бываетъ во всѣхъ манифестахъ, но кромѣ нея необходима собственноручная подпись Государя: безъ такой подписи актъ, хотя бы и съ означеннымъ заголовкомъ, остается лишь неутвержденнымъ проектомъ, то-есть бумагой, не имѣющею никакой и ни для кого обязательной силы.

По слухамъ, идущимъ отъ гельсингфорсскихъ всезнающихъ чиновниковъ, надлежащій проектъ манифеста дѣйствительно былъ изготовленъ и по случаю «Уголовнаго Уложенія». Однако, таковаго манифеста при изданномъ «Уложеніи» не опубликовано. Почему? И былъ ли, наконецъ, оный дѣйствительно подписанъ?

Всѣ сіи сомнѣнія усугубляются еще слѣдующимъ обстоятельствомъ.

Въ группѣ узаконеній, составляющихъ финляндское «Уголовное Уложеніе», кромѣ трехъ упомянутыхъ постановленій, есть еще одно, четвертое,—не «постановленіе», а «Объявленіе»,—«объ оставленіи въ дѣйствующей силѣ нѣкоторыхъ спеціальныхъ нынѣ дѣйствующихъ законоположеній»,—«Объявленіе», изданное въ Гельсингфорсѣ въ томъ же видѣ и того же 19 (7) декабря 1889 года, какъ и прочія три постановленія.

Это «Объявленіе» имѣетъ ту особенность, что издано уже не по представленію земскихъ чиновъ, а непосредственно отъ Высочайшаго Имени, ибо начинается такъ:

«БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

«Мы, Александръ Третій, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій, и проч. и проч. Объявляемъ чрезъ сіе: Повелѣвъ сего числа издать: 1) общее уголовное уложеніе для Великаго Княжества Финляндскаго» и т. д. Гельсингфорсъ, 19 декабря 1889 г.

Но и подъ этимъ «Объявленіемъ» подписи Государя нѣтъ, а имѣются только подписи Финляндскаго Сената.

Тѣмъ съ большею силой возникаетъ недоумѣніе. Подлинныя слова: «повелѣвъ сего числа», даютъ понять въ точности, что объявляемое Высочайшее повелѣніе дано Государемъ Императоромъ именно въ этотъ день, 19 (7) декабря, то есть въ тотъ самый день, когда послѣдовали постановленія Сената объ «Уголовномъ Уложеніи» и о прочемъ, въ тотъ самый день, въ который эти постановленія подписаны графомъ Ф. Гейденомъ и 19-ю финляндскими сенаторами.

Соотвѣтствовала ли, однако, дѣйствительность тому, что прямо высказано въ этомъ финляндскомъ законодательномъ актѣ, помѣченномъ въ Гельсингфорсѣ 19 (7) декабря? Было ли, и могло ли быть дано Государемъ «сего числа», то-есть именно 19 (7) декабря, Высочайшее повелѣніе, означенное въ подписанномъ Сенатомъ «Объявленіи»,—при разстояніи Гельсингфорса отъ Гатчины въ 437 верстъ?

Допустить, что дѣйствительно «было дано» въ официально означенный день, значило бы допустить, что повелѣніе относительно такого, вовсе не экстренно-спѣшнаго, закона, какъ уголовный, дано по телеграфу. Но такое допущеніе не было ли бы слишкомъ рискованнымъ? Притомъ, даже въ случаѣ такого допущенія, на какомъ основаніи данное 19 (7) декабря Высочайшее повелѣніе можетъ сопровождаться помѣтой «Гельсингфорсъ», а не «Гатчина»?

Что же выходитъ изо всего этого? Приходится признать невѣрною, не согласною съ истиной: или ту дату, которою Сенатъ подписалъ публикованныя имъ три постановленія, или ту дату, къ которой официально отнесено выраженное въ законодательномъ «Объявленіи» Высочайшее повелѣніе.

Такимъ образомъ, въ общемъ выводѣ, какъ самый фактъ, такъ и образъ и время Высочайшаго утвержденія «Уголовнаго Уложенія» Финляндіи остаются полною загадкой. А подобныя загадки не только въ такомъ важномъ, общемъ, на всѣхъ распространяющемся законѣ, но и во всякомъ узаконеніи не допустимы, ибо тѣмъ самымъ подрываютъ его силу. Въ настоящемъ же случаѣ погрѣшность гельсингфорсскихъ законодателей тѣмъ болѣе существенна, что даетъ мѣсто возможному сомнѣнію насчетъ того, было ли финляндское «Уголовное Уложеніе» утверждено Верховною Властью во всей его точности, именно въ окончательно приданной ему редакціи? И такое сомнѣніе, кромѣ изложенныхъ выше мотивовъ, можетъ найти себѣ опору еще и въ томъ, что новымъ «Уложеніемъ», во многихъ случаяхъ нарушаются русскіе интересы и прямо оскорбляется русское государственное достоинство...

Но это не все. Одинъ, и притомъ едва ли не самый существенный, пунктъ еще впереди.

Мы должны возвратиться къ упомянутому четвертому акту, то-есть къ «Объявленію» объ оставляемыхъ въ силѣ нѣкоторыхъ законоположеніяхъ. Таковыхъ законоположеній перечислено въ текстѣ «Объявленія» только два, а затѣмъ поставлено едва ли умѣстное въ такомъ законодательномъ «Объявленіи» выраженіе «и проч.». Одно изъ двухъ упомянутыхъ—постановленіе 2 іюня 1826 года «о судопроизводствѣ по преступленіямъ, чинимымъ

обывателями Финляндіи въ Россіи, и жителями Россійскихъ губерній въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ»; другое—«постановленіе отъ 31 мая 1867 года, о печати въ Финляндіи, съ принадлежащими къ оному узаконеніями». Остановимся лишь на первомъ.

На бѣглый взглядъ можетъ показаться, что за постановленіемъ 2 іюня 1826 года сохраняется нѣкое особливое значеніе, выдѣляющее русскихъ изъ юрисдикціи новаго финляндскаго «Уголовнаго Уложенія». Но это только на первый взглядъ; это лишь оптическій или иной обманъ. Въ дальнѣйшемъ тотчасъ же оказывается, что значеніе оговорки объ «оставленіи въ дѣйствующей силѣ» равно нулю, и что она безо всякаго вреда могла бы быть вовсе опущена, ибо «упомянутыя въ немъ два постановленія» и пр. сохраняютъ силу только «въ томъ, что не измѣнено или не отмѣнено новымъ общимъ законодательствомъ».

А это, другими словами, значитъ, что постановленіе 1826 года, по идеѣ охраняющее въ нѣкоторой мѣрѣ русскія права, слѣдуетъ считать уничтоженнымъ, какъ явствуетъ изъ сличенія его съ первыми же параграфами 1-й главы финляндскаго «Уголовнаго Уложенія», безусловно его отмѣняющими [1]).

Что же оказывается далѣе? Отмѣняемое такимъ путемъ постановленіе Императора Николая—

во-первыхъ, подписано имъ 2 іюня 1826 года, въ Петербургѣ, собственноручно;

во-вторыхъ, состоялось по мнѣнію Государственнаго Совѣта;

въ-третьихъ, имѣетъ дѣйствіе не только въ Финляндіи, но и въ Россіи;

въ-четвертыхъ, помѣщено во 2-й части XV т. Свода Законовъ Россійскихъ и было въ свое время узаконеннымъ порядкомъ распубликовано въ Имперіи чрезъ Правительствующій Сенатъ, и

въ-пятыхъ, имѣетъ до сего дня обязательную силу и примѣ-

---

[1]) Выписываемъ изъ главы 1-й «Уголовнаго Уложенія», «О тѣхъ кто подлежитъ дѣйствію финляндскаго уголовнаго права», относящіяся сюда постановленія:

«1 §. По финляндскому закону финляндскій гражданинъ судится за преступленіе, совершенное имъ въ Финляндіи или же за границею на финляндскомъ суднѣ, или противъ Финляндіи, или противъ финляндскаго же гражданина, и т. д.»

«2 §. Кто не финляндскій гражданинъ, но проживаетъ здѣсь, въ краѣ, тотъ судится по финляндскому закону и финляндскимъ судомъ за преступленіе, совершенное имъ въ Финляндіи или на финляндскомъ суднѣ за границей. И т. д.

«5 §. (Вторая часть). Заграничный приговоръ по уголовному дѣлу въ исполненіе въ Финляндіи не приводится».

Что это, однако, значитъ? Есть ли это—даруемое Финляндіей право убѣжища всякимъ преступникамъ, или что иное? Вѣдь и Россія, кажется, считается въ Финляндіи заграничною державой...

неніе, особенно въ пограничныхъ съ Финляндіей Архангельской и Олонецкой губерніяхъ.

Спрашивается, какъ же могло случиться, что такой русскій, полномѣрно дѣйствующій въ Имперіи законъ, изданный съ точнымъ соблюденіемъ всѣхъ правилъ, преподанныхъ на этотъ предметъ въ основныхъ россійскихъ законахъ и неизмѣнно продолжающій дѣйствовать,—какъ же могъ этотъ законъ быть отмѣненъ одностороннимъ постановленіемъ областного Финляндскаго Сената, хотя бы и вмѣстѣ съ тамошними земскими чинами,—притомъ постановленіемъ, не носящимъ на себѣ собственноручнаго Монаршаго подписанія, которое одно только властно отмѣнить подпись Императора Николая (ст. 73)?

Конечно, этого не могло быть, и не должно быть. Финляндія есть одна изъ «областей» Россіи, и Финляндскому Сенату никѣмъ и никогда не предоставлено отмѣнять всероссійскіе законы, да еще изданные за собственноручною подписью Самодержавныхъ Русскихъ Государей.

Да, дѣло съ «Уголовнымъ Уложеніемъ» нашей финляндской окраины, благодаря обычнымъ гельсингфорсскимъ пріемамъ и подозрительному секретничанью о немъ предъ русскими компетентными учрежденіями, окунулось теперь въ такую непроглядную тьму, что, полагаемъ, единственнымъ законнымъ путемъ вывести его на свѣтъ Божій представлялся бы пересмотръ его русскими государственными учрежденіями,—само собою разумѣется, съ пріостановкой до того времени введенія въ дѣйствіе столь своеобразно изданнаго «Уложенія» [1]).

Тогда могли бы вздохнуть свободнѣе многіе русскіе люди, которымъ иначе грозитъ печальная участь подпасть подъ «незаконный» финляндскій законъ, иной разъ даже въ предѣлахъ самой Россіи.

Высказанная нами сейчасъ мысль не представляетъ собою, впрочемъ, чего-либо новаго. Еще въ № 68 «Московскихъ Вѣдомостей» за сей годъ, когда финляндское «Уголовное Уложеніе» было знакомо намъ лишь по наслышкѣ, мы писали [2]): «Наше Министерство Юстиціи, сколько знаемъ, съ увѣренностью ожидало, что уголовный уставъ Финляндіи не пройдетъ, и не можетъ пройти, помимо заключенія нашихъ учрежденій, по органической связи своей съ русскимъ законодательствомъ»,—и это заявленіе до сихъ поръ, кажется, не вызвало ни съ чьей стороны никакого

---

[1]) Какъ извѣстно, было поступлено согласно этому мнѣнію К. Ф. Ордина.
Прим. издателя.

[2]) См. статью «Что такъ возмутило нашихъ добрыхъ сосѣдей?».

опроверженія. Въ виду же всего вышеизложеннаго, можно, кажется, полагать, что и нынѣ не упущено еще время для обстоятельнаго ревизіоннаго пересмотра опубликованнаго финляндскаго «Уголовнаго Уложенія», въ совокупности со всѣми относящимися къ нему подготовительными законодательными работами, дѣловою перепиской и иными документами и матеріалами. При этомъ можно не только надѣяться, но и увѣренно разсчитывать, что плоды такого ревизіоннаго пересмотра оказались бы, можетъ быть, столь же благотворными, какъ и результаты той ревизіи, которая, по Высочайшему повелѣнію, совершена была Н. А. Манасеинымъ въ Балтійскомъ краѣ.

24 мая 1890 г.

Финляндскій уголовный законъ и русскія права [1].

I.

Порядокъ отношеній русскаго человѣка къ Финляндіи въ дѣлахъ уголовной подсудности держался до сихъ поръ на законѣ 2-го іюня 1826 года «о судопроизводствѣ по преступленіямъ, чинимымъ обывателями Финляндіи въ Россіи и жителями россійскихъ губерній въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ». Это постановленіе, подписанное Императоромъ Николаемъ, было предварительно разсмотрѣно въ Государственномъ Совѣтѣ, затѣмъ распубликовано въ узаконенномъ порядкѣ и вошло, наконецъ, въ нашъ Сводъ законовъ, гдѣ и до сихъ поръ его можно видѣть во 2-й части XV тома.

Сущность этого закона заключается въ томъ, что слѣдствіе и судъ производились по мѣсту совершенія преступленія, въ русскихъ губерніяхъ надъ финляндцами по русскому закону, въ финляндскихъ губерніяхъ надъ русскими по закону финляндскому. Законные приговоры въ одной странѣ надъ жителями другой должны были быть признаваемы и исполняемы во всѣхъ мѣстахъ какъ въ Россіи, такъ и въ Финляндіи (§ 19).

Конечно, при этомъ порядкѣ русское достоинство ставилось не особенно высоко, и обоюдная равноправность нивеллировала права государства съ правами отдѣльной его области, въ ущербъ первымъ. Здѣсь не было мѣста тому, единственно приличному для сильнаго государства, правилу, которое не позволяетъ отдавать своего гражданина въ руки чуждаго закона и суда. Только благодаря этому порядку можно было видѣть въ Финляндіи русскую дворянку, закованною въ цѣпи за дѣйствія, которыя никакъ не

---

[1]) «Новое Время», 5/17 іюня 1890 г., № 5123.

подходятъ подъ мѣрку преступленія, или русскаго привилегированнаго человѣка, въ крупномъ чинѣ, присуждаемаго къ тѣлесному наказанію за самыя мелочныя и сомнительныя правонарушенія.

Но тогда, въ двадцатыхъ годахъ, порядки нашего судопроизводства давали возможность глядѣть на финляндскій судъ, какъ на нѣчто высшее и благоустроенное, и сужденіе финляндцевъ въ русскихъ губерніяхъ русскимъ судомъ являло собою нѣкоторый какъ бы удовлетворительный реваншъ.

Съ того же времени, за 68 лѣтъ, много воды утекло, и русское судоустройство и судопроизводство такъ шагнули по пути усовершенствованія, что уже цѣлую четверть вѣка стоятъ на уровнѣ просвѣщеннѣйшихъ государствъ, несмотря на иныя частныя свои погрѣшности. Наоборотъ, Финляндія, какъ была, такъ и окаменѣла, и остается при своихъ средневѣковыхъ формахъ и порядкахъ до сего дня. Судебная расправа идетъ по-прежнему въ тайнѣ, гласность, этотъ главнѣйшій помощникъ и даже стимулъ безпристрастія, строго-на-строго изгнана изъ финляндскаго суда. Все рѣшается на основаніи свидѣтельскихъ показаній, которыхъ нерѣдко, при всей правотѣ дѣла, не найдется для правой стороны. Самыя качества свидѣтелей оцѣняются по мѣркѣ, отъ которой разитъ плѣсенью: человѣкъ, живущій «на вашемъ хлѣбѣ», напримѣръ, постоянный работникъ, не можетъ быть достовѣрнымъ свидѣтелемъ по вашему дѣлу. Ловкіе финскіе адвокаты ухитряются такихъ нужныхъ имъ свидѣтелей переводить за 2 за 3 недѣли до суда на собственный ихъ хлѣбъ, и дѣло сдѣлано. Первая инстанція, такъ называемый герадскій судъ, въ которомъ разбирается большинство дѣлъ, и крупныхъ и самыхъ мелкихъ, собирается въ сессіи всего два раза въ годъ, по осени и по веснѣ, отчего и грошовыя дѣла тянутся по нѣсколько лѣтъ. Самый этотъ судъ состоитъ собственно изъ одного короннаго судьи и 7—12 немдемановъ, или постоянныхъ засѣдателей изъ крестьянъ. Эти темные люди, которые внѣ сессіи исполняютъ по своимъ околоткамъ обязанности судебныхъ разсыльныхъ, не играютъ въ присутствіи суда никакой активной роли, и все принадлежитъ судьѣ. Въ Финляндіи чиновники, а въ числѣ ихъ и судьи, несмѣняемы, а потому герадскіе судьи въ возрастѣ далеко за 70 лѣтъ вовсе не рѣдкость. Выѣзды на сессіи для нихъ, конечно, обременительны.

Производство слѣдствій по уголовнымъ дѣламъ еще хуже. Чиновниковъ, соотвѣтствующихъ нашимъ судебнымъ слѣдователямъ, не полагается вовсе; полицейскій чиновникъ, ленсманъ,—одинъ на тысячи квадратныхъ верстъ, и, конечно, ему не до слѣдствій. Поэтому, если въ деревнѣ, въ уголовномъ дѣлѣ, даже крупномъ, нѣтъ истца, который взялъ бы на себя всѣ розыски, то оно такъ и

остается безъ разслѣдованія и, конечно, виновные—безъ наказанія. Есть случаи убійствъ, по которымъ не дѣлалось ровно ничего, и мертвыя тѣла остаются зарытыми въ землю по нѣсколько лѣтъ безъ христіанскаго погребенія. О дѣлахъ второстепенныхъ, кражахъ, мошенничествахъ, и говорить нечего. Только города поставлены въ нѣсколько лучшія условія.

Таковы порядки въ Финляндіи и теперь. Понятно, что финляндецъ, судимый въ Россіи по новымъ судебнымъ уставамъ, въ прямомъ выигрышѣ; для русскаго судъ въ Финляндіи, по ея законамъ, очевидный ущербъ. Сотни тысячъ русскихъ людей ѣдутъ за Сестру-рѣку, входятъ въ дѣловыя сношенія, живутъ постоянно или временно, продаютъ и покупаютъ. А кто можетъ быть застрахованъ отъ того, чтобы такъ или иначе не познакомиться съ Ѳемидой, особенно въ Финляндіи, гдѣ сутяжничеству при наличныхъ порядкахъ полное раздолье? Оскорбленіе, которому вы подверглись, и возможная на него репрессія, обманъ или пожива на счетъ вашего кармана и захватъ мошенника; простое нарушеніе какого-нибудь неизвѣстнаго правила изъ тысячи разныхъ полицейскихъ, административныхъ, таможенныхъ, желѣзнодорожныхъ и всякихъ иныхъ, — все это можетъ поставить въ Финляндіи русскаго человѣка лицомъ къ лицу съ судомъ и уголовнымъ закономъ.

Такимъ образомъ, и по дѣйствовавшему до сихъ поръ закону русскому человѣку не мало встрѣчалось случаевъ, въ предѣлахъ Россійской имперіи, не думать о правдѣ и милости по русскому закону, а подчиняться дѣйствію чуждаго закона финляндскаго. Чувство національной гордости и достоинства приходилось, съ болью въ сердцѣ, заставлять молчать.

Но теперь, съ изданіемъ новаго уголовнаго уложенія для Финляндіи, остается ли въ силѣ законъ 1826 года?

Чтобы отвѣтить на такой вопросъ, надо обратиться къ самому новому уложенію. Оно состоитъ изъ четырехъ отдѣльныхъ узаконеній, изданныхъ гельсингфорсскимъ сенатомъ. Всѣ они объявлены отъ Высочайшаго имени, но ни одно не носитъ на себѣ прямой санкціи Высочайшей власти.

Изъ четырехъ узаконеній три прошли чрезъ сеймъ: а) собственно уголовное уложеніе, б) постановленіе объ исполненіи наказаній, и в) постановленіе о введеніи новаго уложенія. Четвертое узаконеніе—Высочайшее объявленіе сената, послѣдовавшее одновременно, «объ оставленіи въ дѣйствующей силѣ нѣкоторыхъ спеціальныхъ нынѣ дѣйствующихъ законоположеній, въ чемъ заключающіяся въ нихъ узаконенія не измѣнены или не отмѣнены новымъ общимъ уголовнымъ законодательствомъ». Это объявленіе

издано безъ участія сейма. «Специальныхъ» узаконеній въ немъ поименовано два: только что упомянутый законъ 1826 г. и постановленіе о печати 1867 г. Далѣе въ объявленіи поставлено «и проч.»; это, конечно, нѣсколько странно видѣть въ законодательномъ актѣ, перечисляющемъ тѣ узаконенія, коимъ сохраняется сила по изданіи новаго закона; здѣсь, казалось бы, требуется строгая и точная опредѣленность. Но, съ другой стороны, очевидно, что это объявленіе и со стороны самихъ его издателей признается не имѣющимъ не только самостоятельной, но и никакой силы. Оно есть своего рода плеоназмъ, который безъ всякаго ущерба для дѣла могъ бы быть устраненъ, ибо само собою разумѣется, что то, что не отмѣнено и не измѣнено, то сохраняетъ свою силу. Въ этомъ же смыслѣ «и проч.» представляетъ собою дополнительную иллюстрацію ненужности сенатскаго объявленія, которое понадобилось развѣ, быть можетъ, для отвода глазъ.

Но, съ другой стороны, этотъ плеоназмъ имѣетъ свой вполнѣ опредѣленный смыслъ. Говоря о сохраненіи чего-то, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ, особенно даетъ понять, что новое уложеніе измѣнило и отмѣнило законъ 1826 г. Однако, отсюда возникаетъ цѣлая серія недоумѣній и вопросовъ. Вѣдь этотъ послѣдній законъ, касаясь, съ одной стороны, финляндцевъ и Финляндіи, съ другой— прямо и непосредственно дѣйствуетъ въ Россіи, опредѣляя подсудность и финляндцевъ въ ней, и русскихъ въ Финляндіи. Всѣ русскія учрежденія сосѣднихъ съ Финляндіей губерній Архангельской, Олонецкой и проч. продолжаютъ имъ руководствоваться, какъ дѣйствительнымъ, неотмѣненнымъ закономъ. Онъ былъ изданъ «согласно мнѣнію» Государственнаго Совѣта, за Высочайшимъ подписаніемъ. По основнымъ законамъ имперіи онъ можетъ быть отмѣненъ только равносильнымъ узаконеніемъ, т. е. тоже закономъ, разсмотрѣннымъ въ Государственномъ Совѣтѣ и утвержденнымъ Монаршимъ подписаніемъ. Но въ настоящемъ случаѣ не оказывается «мнѣнія» этого Совѣта. О порядкѣ опубликованія уже не говоримъ: дѣйствія гельсингфорсскаго областного сената, конечно, ни по какому закону не замѣняютъ дѣйствій Сената всероссійскаго, правительствующаго. А ни въ «Сенатскихъ Вѣдомостяхъ», ни въ «Собраніи узаконеній» объ отмѣнѣ закона 1826 г. не сказано ни одного слова.

Тѣмъ не менѣе, оказывается, что русскій законъ отмѣненъ финляндскимъ постановленіемъ. Но можетъ ли это быть? Конечно, нѣтъ, и очевидно мы стоимъ предъ однимъ изъ крупнѣйшихъ недоразумѣній, прямо посягающихъ притомъ на достоинство имперіи и силу ея законовъ.

А пока что, срокъ для вступленія новаго финляндскаго уло-

женія въ дѣйствіе 1-го января слѣдующаго года, уже не за горами, и медлить уясненіемъ всего этого крайне щекотливаго дѣла не должно.

Изъ трехъ выше перечисленныхъ узаконеній самое главное, конечно, первое, т. е. собственно уголовное уложеніе. Въ немъ и прямой отвѣтъ на вопросъ: касается ли оно насъ, русскихъ? Глава I имѣетъ именно предметомъ постановленія «о томъ, кто подлежитъ дѣйствію финляндскаго уголовнаго права».

Разумѣется, прежде всего по финляндскому закону судится финляндскій гражданинъ; это внѣ всякаго сомнѣнія. Но при какихъ условіяхъ? Изъ § 1-го явствуетъ, что финляндецъ судится по финляндскому закону:

Во-первыхъ, за преступленіе, совершенное имъ въ Финляндіи. Это также, въ настоящемъ положеніи дѣлъ, внѣ спора;

во-вторыхъ, за преступленіе, совершенное за границею: на финляндскомъ суднѣ;

въ третьихъ, противъ Финляндіи;

въ-четвертыхъ, за преступленіе противъ финляндскаго же гражданина, и

въ-пятыхъ, и за другое, внѣ края совершенное преступленіе, если воспослѣдуетъ повелѣніе Государя Императора и Великаго Князя о судебномъ преслѣдованіи виновнаго въ Финляндіи.

Финляндскій законъ, ограниченный до нынѣ, по постановленію 1826 г., лишь предѣлами Финляндіи, оказывается теперь несомнѣнно вышедшимъ изъ этихъ предѣловъ: онъ дѣйствуетъ уже и за границею, на финляндскомъ суднѣ, и даже вообще внѣ края.

Но, что значитъ «за границею»? За границею чего?

Нѣмецкій законъ, съ котораго во многомъ списано финляндское новое уложеніе, не въ примѣръ обстоятельнѣе своей финской копіи, ибо хотя въ немъ тоже употребляется выраженіе «за границею», im Auslande, но отдѣльный параграфъ (§ 8) прямо и точно опредѣляетъ: «за границею, въ смыслѣ этого уголовнаго закона, называется всякая мѣстность, не принадлежащая къ Германской имперіи». Это вполнѣ ясно. Такого объясненія въ финляндскомъ уложеніи, несмотря на всѣ поиски, мы не нашли.

Впрочемъ, изслѣдованія наши производятся по русскому тексту этого уложенія, напечатанному въ № 39 «Сборника финляндскихъ постановленій» за прошлый годъ. Предъ такимъ крупнымъ недоумѣніемъ, какъ эти слова «за границей» (въ самомъ дѣлѣ: за границей ли Россійской Имперіи, или за границей Финляндіи), мы обратились къ шведскому тексту закона. Онъ, дѣйствительно, разсѣялъ недоумѣніе.

Оказывается, что тамъ никакой «за границы» нѣтъ, и она имѣется только въ русскомъ текстѣ; по-шведски же употреблено

выраженіе utom landet, т. е. просто «внѣ края». Зачѣмъ понадобилось редакторамъ закона въ первомъ же параграфѣ первой же главы, т. е. на самомъ виду, сдѣлать такой свободный переводъ,— предоставляемъ заключать самому читателю...

Если же затѣмъ взять въ основаніе этотъ шведскій текстъ, настолько же какъ и русскій текстъ, если не болѣе, дѣйствительный, ибо первый объявляется населенію въ церквахъ, а послѣдній считается только переводомъ, то § 1 приметъ слѣдующій вполнѣ точный видъ:

«По финскому закону финляндецъ судится за преступленіе, совершенное имъ въ Финляндіи, или внѣ края на финляндскомъ суднѣ, или противъ Финляндіи, или противъ финляндца; равно какъ и за другое преступленіе, совершенное внѣ края, если послѣдуетъ повелѣніе Императора и Великаго Князя о судебномъ разсмотрѣніи онаго въ Финляндіи».

Изъ этого содержанія § 1-го вполнѣ выясняется, что всѣ эти случаи правонарушеній со стороны финляндца, и на финляндскомъ суднѣ, и противъ финляндца, и противъ Финляндіи, прямо предусматриваются не только въ самой Финляндіи, но и **внѣ** ея, и не «за границей» только, повидимому, русской, какъ невинно замаскировалъ русскій переводъ закона, но вездѣ **внѣ края**, т. е. и во всей Россійской Имперіи.

Мы склонны были бы, пожалуй, думать, что въ этомъ отношеніи, собственно для Россіи, должно бы быть сдѣлано изъятіе, такъ какъ существуетъ постановленіе 1826 года, по которому финляндецъ въ Россіи судится по русскому закону, и гельсингфорсскій сенатъ своимъ объявленіемъ какъ бы преднамѣренно возобновилъ его въ памяти. Но на бѣду въ этомъ вполнѣ разубѣждаетъ заключительная фраза того же объявленія, которая совершенно недвусмысленно разъясняетъ, что законоположеніе 1826 г. сохраняетъ силу **лишь** въ томъ, что **не измѣнено или не отмѣнено новымъ общимъ** законодательствомъ.

Въ конечномъ выводѣ,—съ 1-го января 1891 г. финляндецъ и **въ Россіи** будетъ судиться **по финляндскому** закону. Это фактъ, прочно основанный на новомъ уложеніи, и никакія правильныя соображенія его не устраняютъ, и устранить не могутъ. Россія ставится передъ Финляндіей въ положеніе Турціи, гдѣ существуетъ консульская юрисдикція...

Въ практическомъ примѣненіи мы окажемся предъ такими, напримѣръ, случаями.

Въ русскихъ водахъ плаваетъ, какъ извѣстно, много финскихъ судовъ; большинство пассажирскихъ пароходовъ въ Петербургѣ содержится финляндцами. На такомъ финскомъ пароходѣ,

Всѣ такіе примѣры, которыхъ привести можно было бы множество, иные готовы будутъ счесть за натяжку; но рекомендуемъ вникнуть ближе въ цитированное законоположеніе, и полное ихъ правдоподобіе выступитъ со всею наглядностью. Но хорошо будетъ при этомъ положеніе русскихъ властей. Имъ останется одно изъ двухъ: или сдаться на протесты финляндцевъ,—и тогда въ какомъ видѣ и въ какомъ безсиліи окажется она, эта государственная власть, съ своими дѣйствующими законами; или русскія должностныя лица, напротивъ, будутъ продолжать исполненіе своего служебнаго долга,—и сколько тогда понесется во всѣ стороны жалобъ, воплей, рекламацій и доносовъ на тему того, что священный для всякаго финляндца законъ попирается деспотизмомъ и самоуправствомъ варваровъ русскихъ чиновниковъ. И хорошо еще, если эти чиновники у своего начальства не окажутся виновными.

II [1]).

Выше рѣчь шла о финляндцахъ, привлекаемыхъ къ отвѣтственности внѣ Финляндіи. Но новое уголовное уложеніе далеко не ограничивается одними финляндцами, хотя бы и внѣ края. Его компетенція куда какъ шире. Читайте: «2 §. Кто не финляндскій гражданинъ, но проживаетъ здѣсь, въ краѣ, тотъ судится по финляндскому закону и финляндскимъ судомъ за преступленіе, совершенное имъ въ Финляндіи, или на финляндскомъ судне за границей».

Здѣсь опять тотъ же вольный переводъ, какъ и выше, и, конечно, съ тою же цѣлью: въ шведскомъ текстѣ сказано просто: «внѣ края»—utom landet. Далѣе:

«Тотъ же законъ дѣйствуетъ, когда такое лицо (т. е. не финляндскій гражданинъ) совершило за предѣлами Финляндіи преступленіе противъ Финляндіи или финляндскаго гражданина, если воспослѣдуетъ повелѣніе Императора и Великаго Князя о судебномъ преслѣдованіи преступленія здѣсь, въ краѣ».

«Финляндскій законъ имѣетъ быть примѣняемъ также и тогда, когда лицо (т. е. не финляндскій гражданинъ) совершило преступленіе внѣ Финляндіи, но послѣ сего пріобрѣло право финляндскаго гражданства, если притомъ воспослѣдуетъ повелѣніе Императора и Великаго Князя о судебномъ преслѣдованіи здѣсь».

Резюмируемъ смыслъ всѣхъ этихъ статей и назовемъ вещи ихъ именами. Не финляндскій гражданинъ—значитъ русскій подданный. И этотъ русскій подданный будетъ отнынѣ судиться не русскимъ, а финляндскимъ судомъ не только если проживаетъ въ Финляндіи, что установлялъ законъ 1826 г.,—но еще

[1]) «Новое Время» № 5130, 12-го (24-го) іюня 1890 г.

во-первыхъ, на финляндскомъ суднѣ, гдѣ бы то ни было, въ Средиземномъ морѣ или въ Индійскомъ океанѣ, на русскомъ ли Ладожскомъ озерѣ или на самой столичной рѣкѣ Невѣ; притомъ вездѣ подъ русскимъ флагомъ;

во-вторыхъ, если онъ, русскій, прегрѣшилъ противъ Финляндіи (!) или противъ финляндца уже не на финляндскомъ только суднѣ, а гдѣ бы то ни было въ Россіи, на всемъ ея великомъ пространствѣ отъ Мурмана до Мерва и Владивостока,—онъ повиненъ опять не русскому, а финскому суду. Подрался русскій офицеръ на Кавказѣ съ финляндцемъ на дуэли, — выслать его для суда въ Гельсингфорсъ: онъ совершилъ преступленіе противъ финляндскаго гражданина. Московскій публицистъ напечаталъ брошюры, въ которыхъ порицаетъ финляндскую конституцію и убѣждаетъ отмѣнить ее, какъ негодную, онъ преступилъ противъ основного закона Финляндіи, — выслать и его туда же, для заключенія въ смирительный домъ пожизненно, согласно 2 § главы 11-й уложенія;

въ-третьихъ, наконецъ, провинился русскій въ чемъ бы то ни было и гдѣ бы то ни было въ Россіи, а потомъ уѣхалъ въ этотъ удивительный финляндскій край и тамъ водворился,— русскій законъ его уже не настигнетъ. Обвинялся, напримѣръ, какой-нибудь анархистъ или террористъ въ преступленіи противъ Верховной Власти въ Россіи и скрылся въ Финляндіи, что очень легко, всего часъ ѣзды по желѣзной дорогѣ; онъ уже подъ кровомъ финляндскаго закона, какъ извѣстно изъ новѣйшихъ изслѣдованій, весьма снисходительнаго къ этого рода преступленіямъ.

Итакъ, Россія обязана выдавать финляндскому суду и финляндцевъ и своихъ русскихъ. Какъ легко видѣть, законъ 1826 года разросся очень и широко раскинулъ свои вѣтви только на одну сторону.

Все это очень удивительно. Но едва ли еще не удивительнѣе то, во всемъ уложеніи проходящее, непониманіе прерогативъ Верховной Власти, которое бросается въ глаза въ приведенныхъ цитатахъ. Мы выписали три статьи, и въ нихъ три раза повторялась одна и та же формула: «если воспослѣдуетъ повелѣніе Императора и Великаго Князя о судебномъ преслѣдованіи здѣсь, въ краѣ»; но такихъ статей не три, а множество. Возможно ли, чтобы на Монарха возлагалась принадлежащая судебному чиновнику или судебному мѣсту обязанность опредѣлять, какому суду подсудно то или другое дѣло? А это именно выражаетъ приведенная буквально формула. Опредѣленіе подсудности составляетъ нерѣдко, при нормальномъ отправленіи правосудія, предметъ очень продолжительныхъ преній и совѣщаній, причемъ

каждая сторона имѣетъ полную возможность высказать въ подробности все, что она имѣетъ за или противъ. На неправильность опредѣленій о подсудности всегда и вездѣ предоставляется приносить жалобы.

Что же сочинили финляндскіе законодатели въ своихъ ходахъ противъ Россіи и русскихъ? Они не затруднились ввести самую Верховную Власть въ судебныя дѣйствія и обременить Монарха дѣломъ, вовсе не соотвѣтственнымъ и не возможнымъ. Тому нѣтъ примѣра нигдѣ въ мірѣ. И въ какомъ порядкѣ будутъ восходить дѣла, подсудность коихъ подлежитъ рѣшать Верховной Власти? Здѣсь будетъ, конечно, одинъ вопросъ: русскому или финскому суду надлежитъ вѣдать спорное дѣло? Предъ кѣмъ же и въ какомъ порядкѣ будутъ высказываться та и другая сторона, и какія будутъ гарантіи, что въ этомъ предварительномъ ходѣ процесса соблюдено все безпристрастіе, приличествующее правосудію?

Объ этой первостепенной фазѣ дѣла финляндскій уголовный законъ не обмолвился ни единымъ словомъ. Нужно заключить, слѣдовательно, что такія судебныя дѣла будутъ восходить и докладываться общимъ порядкомъ, т. е. чрезъ финляндскій сенатъ, комитетъ финляндскихъ дѣлъ и чрезъ финляндца статсъ-секретаря, при полномъ, какъ всегда, отсутствіи участія и заступничества русскихъ учрежденій. Пойдетъ дѣло о судьбѣ, о чести, о жизни, можетъ быть, русскаго человѣка, и все это будетъ отдано всецѣло въ руки гг. финляндскихъ чиновниковъ.

Но, какъ сказано, невозможно допустить мысли, чтобы на разсмотрѣніе Монарха 100 милліоннаго народа могли поступать тысячи дѣлъ, требующихъ детальнаго разбора множества мелочныхъ обстоятельствъ, безъ котораго невозможно истинное правосудіе. Верховной Власти въ судебныхъ дѣлахъ принадлежитъ высокая и святая прерогатива — помилованія. Собственно «судебное разбирательство» есть функція низшаго порядка. Поэтому даже выборные главы государствъ, президенты республикъ изъ бывшихъ адвокатовъ, слѣдовательно, судебныхъ спеціалистовъ по преимуществу, и тѣ подробностями направленія судебныхъ процессовъ себя не обременяютъ.

Какъ же могли допустить это финляндскіе законодатели, въ знаніи которыхъ мы не можемъ и не желаемъ сомнѣваться.

Едва ли будетъ ошибочно сказать, что здѣсь мотивъ или разсчетъ былъ тотъ же, какъ при употребленіи въ русскомъ текстѣ словъ «за границей» вмѣсто «внѣ края». Тому есть и подтвержденіе. Въ постановленіи объ исполненіи наказаній, составляющемъ вторую часть новаго уголовнаго закона, въ параграфахъ, напримѣръ, 13 и 15-мъ главы II, разрѣшается входить объ условномъ освобо-

жденіи изъ заключенія съ представленіями «къ Государю Императору и Великому Князю». Но изъ послѣдующихъ строкъ въ обоихъ параграфахъ ясно видно, что представленія эти на разсмотрѣніе Монарха вовсе не поступаютъ, а, пройдя разными финляндскими инстанціями, передаются, наконецъ, въ гельсингфорсскій сенатъ, «отъ судебнаго департамента котораго и зависитъ рѣшеніе дѣла». Въ другомъ мѣстѣ сказано еще опредѣленнѣе: «судебный департаментъ сената, по разсмотрѣніи, рѣшаетъ, слѣдуетъ ли признать» и проч.

Такимъ образомъ, по аналогіи приходится заключить, что и въ вопросахъ о подсудности финляндскому или русскому суду Верховная Власть не будетъ утруждаема разбирательствомъ процессуальныхъ мелочей. Но въ такомъ случаѣ тѣмъ болѣе ясно, что вопросъ о преданіи суду финляндскому многихъ русскихъ людей за ихъ дѣянія даже въ самой Россіи и вся затѣмъ дальнѣйшая судьба ихъ будутъ вполнѣ зависѣть отъ самостоятельнаго и окончательнаго рѣшенія финляндскихъ чиновниковъ.

Но при такомъ перевѣсѣ на одну сторону, нѣтъ ли уравновѣшенія, по крайней мѣрѣ, въ томъ, чтобы уступленное въ пользу финляндскаго суда и закона соотвѣтственно возмѣщалось уступками въ пользу русскихъ суда и закона? Русскій, за преступленіе противъ финляндца въ Петербургѣ, будетъ судиться по финскому закону и въ Гельсингфорсѣ. Пусть такъ, скажемъ скрѣпя сердце. А обратно, за преступленіе финляндца противъ русскаго въ Гельсингфорсѣ, будетъ ли обвиняемый финляндецъ переданъ въ Петербургъ, для суда по русскому закону?—Нѣтъ, не будетъ,—отвѣчаетъ новое финляндское уложеніе. Это явствуетъ изъ первыхъ же параграфовъ I главы, гдѣ для финляндца, провинившагося въ Финляндіи, не сдѣлано никакого изъятія сообразно объекту преступленія, будь онъ согражданинъ преступника, или русскій, или иностранецъ. Финляндецъ не будетъ выданъ русскому суду ни въ какомъ случаѣ. О возстановленіи равновѣсія нѣтъ рѣчи.

Постановленіе 1826 г. оказывается, слѣдовательно, совершенно отмѣненнымъ въ очень многомъ, притомъ въ полный ущербъ русскому государственному достоинству. Тамъ, гдѣ былъ судъ русскій,—будетъ дѣйствовать отнынѣ судъ финляндскій; мало того, русскій человѣкъ очень нерѣдко будетъ даже за дѣйствія, совершенныя въ Россіи, подлежать этому чуждому провинціальному суду и закону. Вотъ эссенція главы новаго общаго законодательства Финляндіи «о тѣхъ, кто подлежитъ дѣйствію финляндскаго уголовнаго закона». Дальнѣйшіе комментаріи излишни.

Опредѣленіемъ подсудности собственно исчерпывалась вся сущность закона 1826 г., который, по объявленію сената, какъ будто

сохраняетъ еще свою силу, когда на дѣлѣ отъ него ничего почти не осталось. Впрочемъ, тамъ есть еще отдѣленіе «о приговорѣ и исполненіи». Главнѣйшее его содержаніе выражено въ упомянутомъ выше § 19-мъ; имъ устанавлялась та же, общая всему закону, обоюдность: «приговоры, учиненные законнымъ порядкомъ въ одной странѣ о жителяхъ другой, должны быть признаваемы дѣйствительными и исполняемы во всѣхъ мѣстахъ Россійской имперіи и Великаго Княжества Финляндскаго». Вполнѣ ясно выражался тотъ принципъ, что Финляндія съ имперіей составляетъ одно цѣлое; поэтому, приговоръ, обязательный въ одной части его, былъ обязателенъ и въ другой, гдѣ бы обвиненный ни находился.

Коснулся ли новый уголовный законъ Финляндіи и этого пункта, или онъ уцѣлѣлъ, какъ единственный обломокъ николаевскаго постановленія? Нѣтъ, не уцѣлѣлъ и онъ. Т. е. точнѣе, не уцѣлѣла и отмѣнена та его часть, которая говорила о правахъ Россіи въ Финляндіи. Отмѣнено то, что касалось исполненія въ ней русскихъ приговоровъ. На будущее время таковые уже не будутъ «тамъ» признаваемы дѣйствительными и исполняемы, какъ требовалъ законъ Императора Николая. Новое финляндское уложеніе въ этомъ случаѣ вполнѣ категорично и ясно, и никакимъ сомнѣніямъ не можетъ быть ни малѣйшаго мѣста.

«Заграничный приговоръ по уголовному дѣлу въ исполненіе въ Финляндіи не приводится»,—гласитъ вторая alinea § 5-го, главы I новаго уложенія, безъ всякихъ оговорокъ.

Что значитъ «заграничный»,—выше было уже довольно разъяснено: оно означаетъ «внѣ края», слѣдовательно, и «русскій». Это подтверждается всѣмъ первымъ alinea того же §, гдѣ говорится о наказаніяхъ, присужденныхъ и исполненныхъ надъ обвиненнымъ «за границею, utom landet», въ противоположеніе тому, что слѣдуетъ назначить въ Финляндіи. То же самое явствуетъ и изъ смысла слѣдующаго 6 параграфа, говорящаго о случаѣ, когда «кто, состоя въ Финляндіи на иноземной службѣ, будетъ здѣсь уличенъ» и т. д. Иноземная служба, служба другой стороны—annat lands tjenst, означаетъ также русскую службу, ибо, кромѣ двухъ-трехъ иностранныхъ консуловъ, какія же могутъ быть въ Финляндіи лица иноземной службы? Рѣчь идетъ несомнѣнно о русскихъ служащихъ, которыхъ довольно въ разсыпанныхъ по краю частяхъ пѣхотной дивизіи и артиллерійской бригады.

Слѣдовательно, «русскій приговоръ по уголовному дѣлу въ исполненіе въ Финляндіи не приводится». Значитъ, всѣмъ тѣмъ многочисленнымъ финляндцамъ, живущимъ и наживающимся въ Россіи и у которыхъ рыльце можетъ быть въ пуху, оказано полное покровительство. Если они даже и попали въ руки русскаго

суда, то довольно бѣжать въ Финляндію и затѣмъ быть совершенно спокойнымъ: «русскій приговоръ тамъ въ исполненіе не приводится». И не только господамъ финляндцамъ это на руку: оно хорошо и для тѣхъ господъ русскихъ, которымъ надо спасать свою голову, начиная хотя бы съ проворовавшагося кассира и кончая любымъ женевскимъ террористомъ. Какія-нибудь 30 верстъ отъ Петербурга, и, благодаря новому финляндскому уложенію, русская юстиція связана по рукамъ и по ногамъ.

Итакъ, русскій приговоръ въ Финляндіи недѣйствителенъ. А финляндскій въ Россіи? Система все та же; отмѣнено то, что напоминало о русской государственности въ этой окраинѣ, а то, что можетъ говорить о ея правахъ, то свято сохранено. Въ новомъ уголовномъ законѣ на счетъ финляндскихъ приговоровъ ничего не сказано; слѣдовательно, постановленіе 1826 г., какъ разъяснилъ и гельсингфорсскій сенатъ въ своемъ объявленіи, настолько же остается неотмѣненнымъ и дѣйствующимъ. Поэтому оно въ той половинѣ 19 §, которая трактуетъ о дѣйствительности и исполненіи приговоровъ финляндскихъ судовъ русскими установленіями, сохраняетъ по-прежнему силу. Россія будетъ играть для Финляндіи въ нѣкоторомъ родѣ роль экзекутора.

Но всѣмъ изложеннымъ, къ прискорбію, не исчерпываются еще всѣ тѣ обширныя новыя привилегіи, которыя финляндцы, помощью своего уголовнаго уложенія, смѣло и безъ всякаго спроса забрали себѣ у насъ. Если ближе вникнуть въ сущность нѣкоторыхъ наказаній, узаконяемыхъ этимъ уложеніемъ, и самаго ихъ исполненія, то придется заключить, что и то малое, что осталось еще, повидимому, въ русскихъ рукахъ, есть собственно круглый нуль.

Финляндское уголовное право не признаетъ существующаго въ русскомъ «лишенія правъ состоянія». Въ немъ равнымъ образомъ нѣтъ даже упоминанія о лишеніи чиновъ, орденовъ и другихъ знаковъ отличія. Хотя въ Финляндіи чины и есть, но собственныхъ орденовъ до сихъ поръ еще не было; можетъ быть этимъ и объясняется умолчаніе о нихъ. Новое уложеніе ограничивается признаніемъ виновнаго въ нѣкоторыхъ случаяхъ «недостойнымъ состоять на службѣ края», или «лишеннымъ довѣрія согражданъ». Эти дополнительныя взысканія не входятъ, однако, въ общую лѣстницу наказаній и не формулированы съ точностью. Тѣмъ болѣе для насъ, русскихъ, они имѣютъ значеніе.

Начать съ того, что къ лишенію довѣрія согражданъ (т. е. финляндцевъ) виновные далеко не всегда будутъ приговариваться, даже если они и будутъ присуждены къ тяжкому наказанію, напримѣръ, къ заключенію на нѣсколько лѣтъ въ смирительномъ домѣ. Виновные въ важныхъ преступленіяхъ противъ Верховной

Власти, въ государственной измѣнѣ могутъ быть лишены этого довѣрія, но могутъ и не лишаться его; все зависитъ отъ усмотрѣнія финляндскаго суда.

Съ другой стороны, съ чѣмъ сопряжено «лишеніе довѣрія»? Параграфъ 14, гл. II объясняетъ, что на все время наказанія, съ которымъ это ограниченіе соединено, осужденный не пользуется правами и преимуществами, для коихъ требуется безпорочное поведеніе. Если онъ занимаетъ правительственную или общественную должность, онъ ея лишается. Но въ чемъ формально, явно для всѣхъ, выражаются эти ограниченія правъ, въ законѣ нигдѣ не объяснено. Поэтому такой опороченный по суду, лишенный довѣрія согражданъ, или недостойный служить «въ краѣ» легко можетъ среди десятковъ тысячъ его земляковъ уйти изъ края, его отвергшаго, и водвориться внѣ его предѣловъ, т. е., главнымъ образомъ, въ русскихъ губерніяхъ. А такъ какъ клеймо, наложенное финляндскимъ судомъ, остается только въ мѣстныхъ актахъ, недоступныхъ постороннему, особенно русскому свѣдѣнію, то такой заклейменый финляндецъ не встрѣтитъ большихъ препятствій, чтобы втереться полноправно среди добропорядочныхъ русскихъ. Окажется прибавка на счетъ Финляндіи общественныхъ отбросовъ. Можетъ ли такое систематическое введеніе въ обманъ быть допущено и терпимо?

Особенно рельефно сейчасъ сказанное, когда примѣрить его на финляндское дворянство въ параллель съ нашимъ. Когда въ Россіи членъ благороднаго сословія унизился до позорнаго преступленія, то законъ извергаетъ его изъ среды общества, лишая его всѣхъ правъ дворянскаго состоянія. Человѣкъ считается политически умершимъ, въ имущественныя его права вступаютъ наслѣдники, расторгаются при желаніи другой стороны самыя брачныя узы. Только Верховная Власть, имѣющая право миловать, можетъ такого за-живо умершаго члена общества воззвать вновь къ жизни.

Что же дѣлаетъ финляндскій уголовный законъ? Онъ лишаетъ такого, опозорившаго себя и косвенно свое сословіе, человѣка права служить «въ краѣ» и общественнаго довѣрія согражданъ. По спеціальнымъ уставамъ о финляндскомъ дворянствѣ мѣра взысканія не идетъ дальше. Дворянинъ, обвиненный или оставленный въ подозрѣніи за позорное преступленіе, или объявленный лишеннымъ довѣрія согражданъ,—только «отстраняется отъ права на мѣсто и голосъ въ Рыцарскомъ домѣ» [1]).

Такимъ образомъ, «внѣ» этого дома все остается при немъ: титулъ, дворянское званіе, имѣніе и всѣ другія внѣшнія преиму-

---

[1]) Уставъ Рыцарскаго дома, 21-го (9-го) апрѣля 1869 г., § 9, пп. 5 и 6.

щества сословія. Съ ними онъ можетъ свободно прибыть въ русскій городъ, въ русскую губернію, пріобрѣсти тамъ недвижимость и занять, по своему не отнятому званію финляндскаго дворянина, мѣсто на ряду съ почетнѣйшимъ россійскимъ дворянствомъ. Онъ будетъ занимать должности, въ которыхъ ему отказано на родинѣ, фигурировать въ собраніяхъ и, пока не высунутся волчьи когти изъ-подъ овечьей шкуры, пользоваться довѣріемъ, въ которомъ судъ также отказалъ ему у его финляндскихъ соотечественниковъ. Что же касается до тяжкой кары отстраненіемъ отъ права на голосъ въ Рыцарскомъ домѣ, то она остается при немъ только въ Финляндіи; но, конечно, ему не будетъ ни охоты, ни надобности туда на время эпитиміи и показываться. Во всемъ этомъ не прямое ли издѣвательство надъ русскимъ дворянскимъ достоинствомъ?

Тѣ, кому финляндскіе порядки не представляются иначе, какъ въ блестящихъ цвѣтахъ радуги, найдутъ, конечно, что само русское дворянство должно быть осторожнѣе при пріемѣ своихъ новыхъ членовъ. Но это легче сказать, чѣмъ исполнить. При тщательной замкнутости финляндскихъ сословій и дворянства въ особенности при отсутствіи гласности въ ихъ судѣ, при недоступности шведскаго языка, при томъ отдаленіи, на которомъ финляндцы въ краѣ держатъ себя отъ русскихъ, ошибки очень возможны, тѣмъ болѣе, что прошедшее и не пріучало наше дворянство глядѣть съ инквизиціонной точки зрѣнія на лицъ, желающихъ имѣть честь вступить въ его ряды. Оно знало, что человѣкъ, уличенный въ позорныхъ дѣяніяхъ, выкидывается вонъ силою государственной власти, и этимъ съ полнымъ основаніемъ удовлетворялось. Теперь, оказывается, въ его средѣ могутъ быть финляндскіе воры и мошенники, подъ личиной тамошнихъ титуловъ и званій. Терпимо ли, достойно ли это?

Но можно, по крайней мѣрѣ, думать, что проживающіе въ Россіи финляндцы, не подходящіе ни подъ одну изъ указанныхъ категорій, требующихъ отдачи ихъ суду финляндскому, будутъ судиться по русскимъ законамъ и нести наказанія, наложенныя русскимъ судомъ. Провинившіеся при этихъ условіяхъ уже не будутъ находиться въ привилегированныхъ предъ русскими условіяхъ и не могутъ сохранять внѣшнія преимущества, принадлежащія только неопороченнымъ людямъ.

Казалось бы такъ, и новое уложеніе нигдѣ прямо не даетъ поводовъ думать, что и эти остальные финляндскіе граждане будутъ въ русскомъ царствѣ судиться по законамъ своего Великаго Княжества. Однако, и здѣсь есть крупная особенность: русскій судъ не рѣдко будетъ рѣшать дѣло только наполовину.

Власти, въ государственной измѣнѣ могутъ быть лишены этого довѣрія, но могутъ и не лишаться его; все зависитъ отъ усмотрѣнія финляндскаго суда.

Съ другой стороны, съ чѣмъ сопряжено «лишеніе довѣрія»? Параграфъ 14, гл. II объясняетъ, что на все время наказанія, съ которымъ это ограниченіе соединено, осужденный не пользуется правами и преимуществами, для коихъ требуется безпорочное поведеніе. Если онъ занимаетъ правительственную или общественную должность, онъ ея лишается. Но въ чемъ формально, явно для всѣхъ, выражаются эти ограниченія правъ, въ законѣ нигдѣ не объяснено. Поэтому такой опороченный по суду, лишенный довѣрія согражданъ, или недостойный служить «въ краѣ» легко можетъ среди десятковъ тысячъ его земляковъ уйти изъ края, его отвергшаго, и водвориться внѣ его предѣловъ, т. е., главнымъ образомъ, въ русскихъ губерніяхъ. А такъ какъ клеймо, наложенное финляндскимъ судомъ, остается только въ мѣстныхъ актахъ, недоступныхъ постороннему, особенно русскому свѣдѣнію, то такой заклейменый финляндецъ не встрѣтитъ большихъ препятствій, чтобы втереться полноправно среди добропорядочныхъ русскихъ. Окажется прибавка на счетъ Финляндіи общественныхъ отбросовъ. Можетъ ли такое систематическое введеніе въ обманъ быть допущено и терпимо?

Особенно рельефно сейчасъ сказанное, когда примѣрить его на финляндское дворянство въ параллель съ нашимъ. Когда въ Россіи членъ благороднаго сословія унизился до позорнаго преступленія, то законъ извергаетъ его изъ среды общества, лишая его всѣхъ правъ дворянскаго состоянія. Человѣкъ считается политически умершимъ, въ имущественныя его права вступаютъ наслѣдники, расторгаются при желаніи другой стороны самыя брачныя узы. Только Верховная Власть, имѣющая право миловать, можетъ такого за-живо умершаго члена общества воззвать вновь къ жизни.

Что же дѣлаетъ финляндскій уголовный законъ? Онъ лишаетъ такого, опозорившаго себя и косвенно свое сословіе, человѣка права служить «въ краѣ» и общественнаго довѣрія согражданъ. По спеціальнымъ уставамъ о финляндскомъ дворянствѣ мѣра взысканія не идетъ дальше. Дворянинъ, обвиненный или оставленный въ подозрѣніи за позорное преступленіе, или объявленный лишеннымъ довѣрія согражданъ,—только «отстраняется отъ права на мѣсто и голосъ въ Рыцарскомъ домѣ» [1]).

Такимъ образомъ, «внѣ» этого дома все остается при немъ: титулъ, дворянское званіе, имѣніе и всѣ другія внѣшнія преиму-

---

[1]) Уставъ Рыцарскаго дома, 21-го (9-го) апрѣля 1869 г., § 9, пп. 5 и 6.

щества сословія. Съ ними онъ можетъ свободно прибыть въ русскій городъ, въ русскую губернію, пріобрѣсти тамъ недвижимость и занять, по своему не отнятому званію финляндскаго дворянина, мѣсто на ряду съ почетнѣйшимъ россійскимъ дворянствомъ. Онъ будетъ занимать должности, въ которыхъ ему отказано на родинѣ, фигурировать въ собраніяхъ и, пока не высунутся волчьи когти изъ-подъ овечьей шкуры, пользоваться довѣріемъ, въ которомъ судъ также отказалъ ему у его финляндскихъ соотечественниковъ. Что же касается до тяжкой кары отстраненіемъ отъ права на голосъ въ Рыцарскомъ домѣ, то она остается при немъ только въ Финляндіи; но, конечно, ему не будетъ ни охоты, ни надобности туда на время эпитиміи и показываться. Во всемъ этомъ не прямое ли издѣвательство надъ русскимъ дворянскимъ достоинствомъ?

Тѣ, кому финляндскіе порядки не представляются иначе, какъ въ блестящихъ цвѣтахъ радуги, найдутъ, конечно, что само русское дворянство должно быть осторожнѣе при пріемѣ своихъ новыхъ членовъ. Но это легче сказать, чѣмъ исполнить. При тщательной замкнутости финляндскихъ сословій и дворянства въ особенности при отсутствіи гласности въ ихъ судѣ, при недоступности шведскаго языка, при томъ отдаленіи, на которомъ финляндцы въ краѣ держатъ себя отъ русскихъ, ошибки очень возможны, тѣмъ болѣе, что прошедшее и не пріучало наше дворянство глядѣть съ инквизиціонной точки зрѣнія на лицъ, желающихъ имѣть честь вступить въ его ряды. Оно знало, что человѣкъ, уличенный въ позорныхъ дѣяніяхъ, выкидывается вонъ силою государственной власти, и этимъ съ полнымъ основаніемъ удовлетворялось. Теперь, оказывается, въ его средѣ могутъ быть финляндскіе воры и мошенники, подъ личиной тамошнихъ титуловъ и званій. Терпимо ли, достойно ли это?

Но можно, по крайней мѣрѣ, думать, что проживающіе въ Россіи финляндцы, не подходящіе ни подъ одну изъ указанныхъ категорій, требующихъ отдачи ихъ суду финляндскому, будутъ судиться по русскимъ законамъ и нести наказанія, наложенныя русскимъ судомъ. Провинившіеся при этихъ условіяхъ уже не будутъ находиться въ привилегированныхъ предъ русскими условіяхъ и не могутъ сохранять внѣшнія преимущества, принадлежащія только неопороченнымъ людямъ.

Казалось бы такъ, и новое уложеніе нигдѣ прямо не даетъ поводовъ думать, что и эти остальные финляндскіе граждане будутъ въ русскомъ царствѣ судиться по законамъ своего Великаго Княжества. Однако, и здѣсь есть крупная особенность: русскій судъ не рѣдко будетъ рѣшать дѣло только наполовину.

Власти, въ государственной измѣнѣ могутъ быть лишены этого довѣрія, но могутъ и не лишаться его; все зависитъ отъ усмотрѣнія финляндскаго суда.

Съ другой стороны, съ чѣмъ сопряжено «лишеніе довѣрія»? Параграфъ 14, гл. II объясняетъ, что на все время наказанія, съ которымъ это ограниченіе соединено, осужденный не пользуется правами и преимуществами, для коихъ требуется безпорочное поведеніе. Если онъ занимаетъ правительственную или общественную должность, онъ ея лишается. Но въ чемъ формально, явно для всѣхъ, выражаются эти ограниченія правъ, въ законѣ нигдѣ не объяснено. Поэтому такой опороченный по суду, лишенный довѣрія согражданъ, или недостойный служить «въ краѣ» легко можетъ среди десятковъ тысячъ его земляковъ уйти изъ края, его отвергшаго, и водвориться внѣ его предѣловъ, т. е., главнымъ образомъ, въ русскихъ губерніяхъ. А такъ какъ клеймо, наложенное финляндскимъ судомъ, остается только въ мѣстныхъ актахъ, недоступныхъ постороннему, особенно русскому свѣдѣнію, то такой заклейменый финляндецъ не встрѣтитъ большихъ препятствій, чтобы втереться полноправно среди добропорядочныхъ русскихъ. Окажется прибавка на счетъ Финляндіи общественныхъ отбросовъ. Можетъ ли такое систематическое введеніе въ обманъ быть допущено и терпимо?

Особенно рельефно сейчасъ сказанное, когда примѣрить его на финляндское дворянство въ параллель съ нашимъ. Когда въ Россіи членъ благороднаго сословія унизился до позорнаго преступленія, то законъ извергаетъ его изъ среды общества, лишая его всѣхъ правъ дворянскаго состоянія. Человѣкъ считается политически умершимъ, въ имущественныя его права вступаютъ наслѣдники, расторгаются при желаніи другой стороны самыя брачныя узы. Только Верховная Власть, имѣющая право миловать, можетъ такого за-живо умершаго члена общества воззвать вновь къ жизни.

Что же дѣлаетъ финляндскій уголовный законъ? Онъ лишаетъ такого, опозорившаго себя и косвенно свое сословіе, человѣка права служить «въ краѣ» и общественнаго довѣрія согражданъ. По спеціальнымъ уставамъ о финляндскомъ дворянствѣ мѣра взысканія не идетъ дальше. Дворянинъ, обвиненный или оставленный въ подозрѣніи за позорное преступленіе, или объявленный лишеннымъ довѣрія согражданъ,—только «отстраняется отъ права на мѣсто и голосъ въ Рыцарскомъ домѣ» [1]).

Такимъ образомъ, «внѣ» этого дома все остается при немъ: титулъ, дворянское званіе, имѣніе и всѣ другія внѣшнія преиму-

---

[1]) Уставъ Рыцарскаго дома, 21-го (9-го) апрѣля 1869 г., § 9, пп. 5 и 6.

Параграфъ 5 признаетъ, что обвиняемый финляндецъ можетъ подвергнуться наказанію, «присужденному ему за границей (utom landet»). Но, если по финляндскому закону преступленіе влечетъ за собою исключеніе изъ службы, признаніе виновнаго недостойнымъ состоять на службѣ края, отстраненіе отъ исполненія службы, или лишеніе довѣрія согражданъ, то «приговоръ о семъ долженъ послѣдовать здѣсь» (т. е. въ Финляндіи). Нужно притомъ имѣть въ виду, что нѣсколько разъ упоминаемыя въ этой статьѣ служебныя ограниченія касаются не однихъ только чиновниковъ въ русскомъ пониманіи этого слова. Финляндское уложеніе даетъ имени «чиновникъ» гораздо болѣе широкій смыслъ. «Подъ названіемъ чиновниковъ и служащихъ,—объясняетъ § 12, —разумѣются въ семъ уложеніи правительственныя должностныя лица, равно какъ и назначенныя завѣдывать дѣлами городовъ, мѣстечекъ, сельскихъ общинъ, приходовъ, или другихъ обществъ, или правительствомъ утвержденныхъ общественныхъ учрежденій и заведеній, а также служащіе и служители, подвѣдомственные такимъ должностнымъ властямъ или управленіямъ, точно также и другія лица, исполняющія по назначенію или выбору общественное занятіе или общественное дѣло» [1]).

Такимъ образомъ, вотъ еще новая и, какъ видитъ читатель, обширная категорія финляндцевъ, которые изъемлются изъ полнаго дѣйствія русскаго закона въ самой Россіи. Въ отношеніи къ нимъ приговоръ русскаго суда, хотя и не непосредственно, но тѣмъ не менѣе все-таки пойдетъ на разсмотрѣніе и на критику суда финляндскаго: этотъ послѣдній будетъ самостоятельно рѣшать, слѣдуетъ или не слѣдуетъ постановить лишеніе обвиненнаго довѣрія согражданъ и проч. Очень можетъ случиться, что русскій судъ приговоритъ виновнаго къ лишенію всѣхъ правъ состоянія, а финляндскій признаетъ его не подлежащимъ лишенію довѣрія. Какова въ этомъ случаѣ будетъ роль русскаго суда и вообще русской государственной силы и права?

Такой же вопросительный знакъ приходится поставить и предъ тѣмъ особымъ случаемъ, когда обвиненный въ Финляндіи и присужденный къ тяжкому наказанію имѣлъ русскіе знаки отличія. Такихъ даже между кровными финляндцами, особенно въ мѣстномъ чиновномъ классѣ, много: они ордена любятъ. Мѣстная сатирическая печать посвящала этой страсти цѣлыя повѣсти. Что же будетъ при исполненіи приговора надъ такимъ кавалеромъ? Онъ

---

[1]) Общественное «занятіе»—выраженіе довольно неопредѣленное; въ шведскомъ текстѣ употреблено слово syssla, которое, означая занятіе, вмѣстѣ съ тѣмъ употребляется и для выраженія понятія должности, оно и относится къ настоящему случаю.

будетъ отсиживать свои годы смирительнаго дома, будетъ лишенъ довѣрія согражданъ,—и въ то же время будетъ носить ордена или другіе знаки почетнаго отличія Россійской имперіи, существованіе коихъ на тысячахъ финляндцевъ уголовное уложеніе безусловно игнорируетъ. Однако, гдѣ же видно, чтобы арестантъ исполнялъ каторжныя работы и продолжалъ оставаться при орденахъ и медаляхъ? И какое государство можетъ допустить такого рода посмѣяніе надъ почетомъ, имъ оказываемымъ своимъ слугамъ, конечно, только пока они его достойны? Финляндскіе законодатели это допустили—на счетъ Россіи.

Ограничимся тѣмъ, что сказано. Финляндское уголовное уложеніе, вопреки рускимъ основнымъ законамъ, вопреки исторіи, вопреки даже самой простой логикѣ, проведено было финляндскими чиновниками совершенно втихомолку отъ русскихъ государственныхъ установленій, произвольно и самоуправно отмѣнило законы, чрезъ нихъ изданные,—и вотъ результаты. Срокъ введенія новаго уложенія близокъ, но онъ еще не наступилъ, и оно еще не вошло въ силу. Время еще есть, и остановить дальнѣйшій ходъ этой профанаціи русскаго государственнаго права и издѣвательства надъ русскими людьми и законами очень еще возможно. Во главѣ нашихъ заинтересованныхъ вѣдомствъ стоятъ лица, здравый смыслъ которыхъ не допускаетъ сомнѣній и колебаній. Они, конечно, не захотятъ связать предъ потомствомъ свои имена съ попустительствомъ такихъ дѣяній, примѣры которыхъ въ прошедшемъ всего менѣе вызываютъ признательность и уваженіе послѣдующихъ поколѣній. Дѣло идетъ не о томъ, чтобы отнимать что-нибудь, а о томъ, чтобы хоть немного оберечь свое собственное и не подставлять лица подъ заушенія [1]).

5 іюня 1890 г.

Финляндское уголовное Уложеніе [2]).

Имѣть «свой» судъ, «свои» судебные законы и установленія, всегда было завѣтнымъ желаніемъ сепаратистовъ. Между тѣмъ, возстановить нарушенное право, обезпечить всякому законное пользованіе тѣмъ, что ему законно принадлежитъ, защитить невиннаго и покарать виновнаго, — все это не есть и не можетъ быть привилегіей той или другой области или окраины въ частности; это есть неотъемлемая прерогатива единой государственной власти. Въ силу этого, правильный государственный строй не допускаетъ и

[1]) О судьбѣ этого уголовнаго уложенія нами разсказано въ предисловіи. Прим. изд.

[2]) «Московскія Вѣдомости» 13-го сентября 1890 г., № 253.

дробленія общихъ судебныхъ функцій въ разныхъ установленіяхъ и вѣдомствахъ, такъ же какъ не признаетъ и разнообразія судебныхъ законовъ.

Въ основаніи сего лежитъ въ высшей степени правильный принципъ: нельзя допустить, чтобы въ разныхъ частяхъ единаго государственнаго организма была различная охрана правъ гражданъ и различная мѣра примѣненія справедливости. Нельзя, при нормальныхъ условіяхъ, допустить, безъ ущерба государственному достоинству и интересамъ гражданъ, чтобы въ одной и той же имперіи, подъ однимъ и тѣмъ же скипетромъ, въ одномъ краѣ примѣнялся законъ болѣе строгій, чѣмъ въ другомъ, чтобы въ одномъ преступное дѣяніе наказывалось, а въ другомъ оставалось ненаказуемымъ, чтобы въ одномъ были одни вѣсы, а въ другомъ другіе. Верховная Власть, представительница идеи высшей справедливости, именемъ которой и творится судебная расправа, не можетъ примѣнять къ своимъ подданнымъ эту высшую правду въ разной мѣрѣ, только потому, что дѣло происходитъ въ той или другой части страны.

Такому единству государственной власти въ дѣлѣ суда Германія представляетъ одинъ изъ нагляднѣйшихъ и поучительнѣйшихъ примѣровъ. Отдѣльныя государства Сѣверо-Германскаго Союза, несмотря на свою самостоятельность, были объединены однимъ, общимъ для всѣхъ, уголовнымъ кодексомъ. Когда затѣмъ образовалась единая Германская имперія, включившая въ свой составъ и южныя государства, въ томъ числѣ такія крупныя, какъ Баварію, Виртембергъ и Саксонію, то и они не замедлили объединиться уголовнымъ закономъ бывшаго Сѣверо-Германскаго Союза. Наконецъ, лишь только съ окончаніемъ франко-германской войны Альзасъ и Лотарингія подчинились коронѣ Вильгельма, его повелѣніемъ германское уголовное уложеніе безотлагательно распространено было и на эти области, несмотря на всю предоставленную имъ автономію.

Такъ дѣйствовало и наше правительство со времени введенія въ имперіи новаго суда, и въ особенности въ настоящее царствованіе. Не только разныя части коренной Россіи, при всемъ ихъ бытовомъ и культурномъ разнообразіи, получили новое единообразное судоустройство, но такія обособленныя прежде области, какъ Привислинскія губерніи и Остзейскій край, — всѣ слились въ одно цѣлое, въ единомъ, общегосударственномъ русскомъ судѣ. Вездѣ одинъ языкъ, одинъ законъ, однѣ и тѣ же формы суда во очію свидѣтельствуютъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпляютъ, государственную мощь единой Россіи.

При такихъ условіяхъ, тѣмъ болѣе рѣзкимъ диссонансомъ являет-

ними условіями закона, изданнаго 65 лѣтъ назадъ,—прямая ложь, ибо даже въ самомъ текстѣ объявленія финляндскаго сената по этому предмету именно и точно высказано, что законъ 1826 года сохраняетъ силу настолько, насколько онъ «не измѣненъ и не отмѣненъ новымъ законодательствомъ» (стр. 130).

И вотъ, не только, касаясь русскихъ людей и Россіи съ ея установленіями и законами, но и прямо, налагая на нихъ руку, финляндское сочиненіе публикуется къ исполненію безъ малѣйшаго даже намека на то, чтобы русскія правительственныя мѣста и лица хотя бы высказали о немъ свое мнѣніе, не говоря уже о болѣе близкомъ участіи въ разработкѣ закона такой капитальной важности. Финляндское новое уложеніе изъемлетъ въ самой Россіи множество лицъ изъ компетенціи русскаго государственнаго суда, вводитъ своего рода консульскую юрисдикцію,—а Министру Юстиціи, главѣ этого суда и Генералъ-Прокурору, такое «маленькое» ограниченіе его правъ и обязанностей дѣлается извѣстнымъ, наравнѣ съ финляндской публикой, post factum, только по напечатаніи въ «Сборникѣ Финляндскихъ Постановленій» и по опубликованіи въ церквахъ къ свѣдѣнію и исполненію. То же и съ прочими нашими законодательными установленіями, до Государственнаго Совѣта включительно, хотя «отмѣняемый и измѣняемый» новымъ уложеніемъ законъ 1826 года состоялся именно «по мнѣнію Государственнаго Совѣта».

Вступленіе уложенія въ силу, по объявленію гельсингфорсскаго сената, должно послѣдовать, какъ сказано, съ 1 января наступающаго 1891 года. Съ этого же дня обязательно вступитъ въ силу правительственное распоряженіе о томъ, чтобы русскіе кредитные билеты принимались въ финляндскія кассы, и чтобы тѣмъ началось на дѣлѣ монетное объединеніе Финляндіи съ прочими частями имперіи. Еще ранѣе воспріяло дѣйствіе Высочайшее повелѣніе объ объединеніи почтовой части подъ вѣдѣніемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Итакъ, одновременно происходитъ, съ одной стороны, установленіе единства въ двухъ частяхъ управленія, съ другой—совершенное отпаденіе хотя одной, но много крупнѣйшей части государственныхъ функцій, части судебной.

Какъ это могло случиться? Оно будетъ ясно, если припомнить, какъ явились на свѣтъ всѣ эти мѣры. Дѣло о почтѣ и о монетѣ предварительно разсматривалось въ комиссіяхъ графа Гейдена, гдѣ были равноправные русскіе члены, затѣмъ выслушанъ финляндскій сенатъ, и, наконецъ, дали по подвѣдомственности свои заключенія Министры Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ. Новый уголовный законъ Финляндіи изданъ, какъ сказано, единымъ усмотрѣніемъ финляндцевъ,—и вотъ результаты. Финляндцы сказали

себѣ: русскіе объединяютъ въ одномъ судѣ и Польшу, и Прибалтійскій край, они захотятъ объединить и насъ; такъ мы сами пойдемъ на объединеніе, но только подчинимъ не себя имъ, а ихъ себѣ. Они взяли «послѣднее слово науки»—германское уголовное уложеніе, и списали его. Но, списывая, сдѣлали кое-какія перемѣны: тамъ, гдѣ упоминалась Германская имперія, они написали Финляндію, а гдѣ подчиненныя имперіи 27 нѣмецкихъ государствъ,—тамъ Россію. И явилось финляндское уложеніе, простирающееся и на Русское царство.

Но неужели это дерзкое посмѣяніе надъ достоинствомъ, надъ мощью Россіи, которой мы только-что радовались, неужели оно въ самомъ дѣлѣ такъ и узаконится съ наступающаго года, какъ о томъ властно объявилъ финляндскій сенатъ? Неужели это вопіющее недоразумѣніе, которое правильнѣе слѣдуетъ назвать злоумышленіемъ, не будетъ своевременно устранено?

Между тѣмъ, это такъ легко. Русское общеимперское уложеніе уже пересматривается, и, конечно, не будетъ хуже имперско-германскаго. Отчего бы не пріостановить финляндскую копію съ послѣдняго и не пересмотрѣть и совокупно съ нашимъ проектомъ, если ужъ такъ необходимо, чтобы два милліона финляндцевъ, вопреки примѣру 10 милліоновъ близкихъ имъ по исторіи остзейцевъ, а также поляковъ, имѣли непремѣнно свое отдѣльное уголовное уложеніе?..

12 сентября 1890.

Россія и Россійская Имперія [1].

Полемика по поводу новаго финляндскаго уголовнаго уложенія привела къ открытію совершенно неожиданному и въ извѣстной мѣрѣ удивительному: оказывается, Россія и Россійская Имперія вовсе не одно и то же.

Какъ теперь огласилось въ печати, нашъ извѣстный криминалистъ, сенаторъ и профессоръ Н. С. Таганцевъ, высказался вполнѣ категорично насчетъ неудовлетворительности новаго уголовнаго кодекса Финляндіи. «Всѣ постановленія финляндскаго уложенія,—заключилъ онъ,—касающіяся отношеній Финляндіи и Россіи, построены на началахъ, юридически неправильныхъ и не соотвѣтствующихъ достоинству и интересамъ Россіи». Это вполнѣ согласно съ тѣмъ, что было высказано нами нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ [2]). Такое заключеніе даетъ полное основаніе думать,

---

[1]) «Новое Время», 20 ноября, 1890 г., № 5291.

[2]) Въ статьѣ К. Ф. Ордина «Финляндскій уголовный законъ и русскія права» («Новое Время», №№ 5123 и 5130 за 1890 г.). См. эту статью выше.

Прим. издателя.

что комиссія, учрежденная, по слухамъ, подъ предсѣдательствомъ Н. С. Таганцева для пересмотра финляндскаго уголовнаго закона, предложитъ измѣненія, построенныя на началахъ юридически правильныхъ и соотвѣтствующихъ достоинству и интересамъ Россіи.

Но до того времени приходится встрѣчаться съ крупнымъ, повидимому, недоразумѣніемъ, корень котораго лежитъ въ соображеніяхъ редакціонной комиссіи, разрабатывающей новое, не финляндское, а наше, русское уголовное уложеніе. Г. Таганцевъ цитируетъ изъ нихъ такое мѣсто (стр. 62):

«Во-первыхъ, Великое Княжество Финляндія, сохраняя свой особый порядокъ управленія и свое самостоятельное законодательство по дѣламъ внутреннимъ, тѣмъ не менѣе по отношенію ко всѣмъ иностраннымъ державамъ является частью единаго цѣлаго Россіи, и въ семъ отношеніи не представляетъ и не можетъ представлять никакого противоположенія Имперіи; во-вторыхъ, законодательство Великаго Княжества, будучи мѣстнымъ, не можетъ быть толкуемо распространительно, а потому во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда можетъ возникнуть коллизія между законами Имперіи и Великаго Княжества, она должна быть разрѣшаема въ пользу имперскихъ законовъ».

Оставляя въ сторонѣ нѣкоторую неполноту первой части этихъ соображеній, въ общемъ можно признать ихъ совершенно вѣрными. Финляндія занимаетъ въ отношеніи имперіи подчиненное положеніе.

Но тѣмъ неожиданнѣе оказываются слѣдующія заключительныя положенія, приводимыя въ запискѣ Н. С. Таганцева:

«Сообразно сему, редакціонная комиссія въ свои постановленія, касающіяся пространства дѣйствія уложенія, нашла необходимымъ ввести два термина—«Россія» и «Россійская Имперія»; первый терминъ долженъ обнимать всю область русскаго государства, включая сюда и Великое Княжество Финляндію; второй же будетъ означать всѣ области Россіи за исключеніемъ Финляндіи».

Между этимъ положеніемъ и тѣмъ, что выше сказано о подчиненности Финляндіи въ отношеніи къ имперіи, есть нѣкоторое несоотвѣтствіе. Но не касаясь даже его, нельзя не видѣть, что новая терминологія, вводимая комиссіею, установляетъ совершенно новый и весьма важный принципъ, котораго вовсе нѣтъ въ нашихъ основныхъ законахъ. Эти послѣдніе несомнѣнно установляютъ понятіе «Россійской Имперіи», какъ общаго, единаго цѣлаго, въ составъ котораго входятъ всѣ его части. Мѣстныя узаконенія являются только изъятіемъ или уклоненіемъ отъ общаго имперскаго законодательства. Теперь оказывается очень интересная новость: Имперія — сама по себѣ, Великое Княжество Финляндіи — само по себѣ, а надъ ними—Россія, или «Государство Россійское».

Но какъ ни интересна эта новость, она рѣшительно несогласна съ нашими основными законами, которые носятъ наименованіе основныхъ «государственныхъ» законовъ. Они говорятъ объ имперіи Россійской, какъ о государствѣ Россійскомъ, и никакъ не подчиняютъ первую послѣднему. Отдѣльнаго «государя» въ качествѣ главы общаго «государства» они вовсе не установляютъ; есть только единый «Императоръ», идея котораго и проходитъ во всѣхъ основныхъ законахъ, начиная съ самой первой статьи перваго раздѣла, говорящей объ императорѣ, какъ о Монархѣ всероссійскомъ, т. е. объемлющемъ всю Россію, въ томъ высшемъ значеніи этого имени, какое придаетъ ему редакціонная комиссія. И такъ продолжается во всѣхъ послѣдующихъ статьяхъ. Слово «Государь» встрѣчается только изрѣдка (ст. 2, 18 и пр.), и то въ качествѣ существительнаго нарицательнаго, равносильнаго слову монархъ. Вездѣ говорится объ императорѣ, императрицѣ, императорской фамиліи, о крови императорской—и нигдѣ о государѣ, въ смыслѣ отдѣльнаго, а тѣмъ болѣе высшаго надъ императоромъ сана. Наименованіе «государя», въ этомъ предполагаемомъ высшемъ смыслѣ, не встрѣчается вовсе и въ титулѣ императорскомъ; здѣсь оно употребляется на второмъ только планѣ, со значеніемъ, такъ сказать, историческимъ, напримѣръ, государь псковскій, государь и великій князь Новагорода Низовскія земли и т. п. Прилагательное «государственный» въ основныхъ законахъ вездѣ равносильно «императорскому»: государственный гербъ, государственный орелъ, государственная хоругвь и проч. всецѣло относятся къ имперіи. Въ первомъ россійскій орелъ коронуется тремя императорскими коронами; въ государственной печати надъ сѣнію, т. е. во главѣ всего та же императорская корона. И такъ далѣе; затруднительно было бы перечислять всѣ случаи, представляющіе въ нашихъ основныхъ законахъ полное тождество имперіи и государства.

Полагаемъ, что при такихъ условіяхъ устраненіе недоразумѣнія, притомъ очень крупнаго недоразумѣнія, возникающаго изъ соображеній и терминологіи редакціонной комиссіи, представляется дѣломъ первостепенной важности. Признавая, съ одной стороны, главенство имперіи надъ мѣстными узаконеніями, хотя бы и Финляндіи, оно, съ другой стороны, даетъ полное право этой послѣдней ставить себя въ уровень и на одной доскѣ съ имперіей и тѣмъ открываетъ широкое поле сепаратистической тенденціи.

Нѣчто о денежныхъ дѣлахъ Финляндіи [1].

. . . .

Политическій курсъ Финляндіи на биржѣ русскаго самосознанія падаетъ довольно сильно. Да, это такъ. Но зато курсъ русскаго рубля падаетъ въ Финляндіи еще съ большею быстротой. Мѣстная марка, номинальная цѣна которой 25 копѣекъ, стоитъ теперь официально 49,75 коп. а въ частномъ оборотѣ 50—52 и болѣе копѣекъ. Равноцѣнный маркѣ франкъ можно было по котировкѣ того же дня купить за 49,60 коп., то есть дешевле. Россія, выходитъ, пользуется большимъ кредитомъ въ Парижѣ, чѣмъ въ своей собственной финской провинціи! Это уже бьетъ прямо по карману, и вопросъ изъ области высшихъ соображеній перемѣщается на всѣмъ понятную почву рубля.

Если курсъ не хорошъ на настоящую «за границу», то надо избѣгать такихъ сдѣлокъ, которыя влекутъ за собой платежи за границу по низкому курсу. Нужно, слѣдовательно, и къ Финляндіи примѣнить эту мѣру: ничего у нея не покупать и ей не платить. Но такъ ли это? Взглянемъ нѣсколько ближе.

Каковъ торговый балансъ Финляндіи? Онъ весь ей въ громадный убытокъ [2]).

Привозъ въ Финляндію изъ Россіи и изъ за границы.

Въ 1880	на	138.764.650	ф. марокъ.
» 1881	»	154.842.529	» »
» 1882	»	167.054.388	» »
» 1883	»	148.106.864	» »
» 1884	»	137.701.413	» »
» 1885	»	108.775.775	» »
		855.245.619	ф. марокъ.

Вывозъ изъ Финляндіи въ Россію и за границу.

Въ 1880	на	123.075.627	ф. марокъ.
» 1881	»	107.270.449	» »
» 1882	»	119.873.130	» »
» 1883	»	115.673.544	» »
» 1884	»	112.746.805	» »
» 1885	»	89.852.956	» »
		668.492.511	ф. марокъ.
Привозъ превышаетъ вывозъ . .	на	186,753.108	» »

---

[1]) «Московскія Вѣдомости», 13 марта 1888 г., № 72.

Со времени написанія этой статьи введена въ Россіи золотая валюта и состоялось нѣсколько распоряженій по финансовой части. Между прочимъ, курсъ устанавливается Мин. Финансовъ. По этому курсу нынѣ финская марка равна 37,5 коп. Прим. изд.

[2]) Всѣ приведенныя въ этой статьѣ цифры заимствованы изъ «Statistisk årsbok för Finland» за 1886 годъ и изъ «Finlands Ständers Bankfullmäktiges Berättelse» за 1882—1884 годы; первое—изданіе центральнаго статистическаго бюро въ Гельсингфорсѣ; второе—официальное изданіе для сейма.

То-есть, въ теченіе шести только лѣтъ прославляемая за свое благоустройство Финляндія должна была приплатить внѣ своихъ предѣловъ за потребленные ею предметы болѣе 186 милліоновъ марокъ ($46^1/_2$ милл. рублей золотомъ) или въ годъ болѣе 31 милл. мар. (около 8 милл. металл. рублей.). Это при населеніи въ два милліона. По такому масштабу благоустройства Россіи приходилось бы выплачивать за границу ежегодно по 400 милліоновъ рублей золотомъ. Такія почтенныя цифры вызываютъ недоумѣніе и, конечно, недовѣріе. Однако, размѣры оборота налицо.

Чѣмъ же можетъ Финляндія покрыть такія громадныя приплаты? Займами? Но всѣхъ называемыхъ государственныхъ долговъ (statsskuld) къ 1886 году числилось на сумму 65.792.125 мар., въ томъ числѣ внутренній заемъ на $8^1/_2$ милліоновъ. Вся эта сумма, какъ легко видѣть, ушла бы на уравненіе баланса въ какіе-нибудь два-три года.

Добычей золота? Правда, въ Финляндіи есть золотоносныя розсыпи въ Ивалоіоки; но дѣло это слѣдуетъ считать игрушечнымъ. Въ 1884 году, напримѣръ, намыто всего 15 фунтовъ на 20 съ небольшимъ тысячъ марокъ. Вся добыча за 15 лѣтъ (1870—84) составляетъ около 713 фунт., менѣе чѣмъ на 1 милліонъ марокъ [1]), и розсыпи несомнѣнно истощаются; наибольшая вымывка была въ 1871 году—133 и въ 1872—129 фунтовъ.

Металлическій фондъ? На мѣстномъ монетномъ дворѣ, въ промежутокъ времени съ 1872 по 1882, набито финской золотой монеты на 21 милл. марокъ ($5^1/_4$ милл. рублей). Часть ушла изъ Финляндіи; но взамѣнъ куплено въ 1882 на 1.182.000 марокъ въ Любекѣ и на 1.625.000 въ Петербургѣ. Въ концѣ разсматриваемаго періода, до $4^1/_2$ милл. марокъ золотой монеты было въ обращеніи или, вѣрнѣе, въ частныхъ рукахъ,—въ обращеніи она составляетъ рѣдкость,—и болѣе 17 милл. лежало въ банкѣ. Серебряной монеты имѣлось на 13 милл. марокъ; въ 1882 сплавлено на милліонъ, и затѣмъ осталось 12 милл. марокъ (3 милл. металл. руб.), изъ которыхъ одна половина въ обращеніи, а другая въ банкѣ. Слѣдовательно, монета уходила изъ Финляндіи только до 1882 года.

Количество фондовъ въ банкѣ также не убывало; напротивъ, съ 13 милліоновъ оно возросло до 15; въ томъ числѣ русскихъ фондовъ на $3^1/_2$ милл. марокъ. Заграничный текущій счетъ финляндскаго банка уменьшился, правда, съ 1881 по 1884 на 4 слишкомъ милліона марокъ; но, въ виду увеличенія фондоваго портфеля и покупки золота, это пониженіе не имѣетъ значенія.

[1]) Считая граммъ золота въ 3 марки и 20 пен., всего на 982.565 мар. или 245.600 руб. мет.

Нѣчто о денежныхъ дѣлахъ Финляндіи [1].

. . . .

Политическій курсъ Финляндіи на биржѣ русскаго самосознанія падаетъ довольно сильно. Да, это такъ. Но зато курсъ русскаго рубля падаетъ въ Финляндіи еще съ большею быстротой. Мѣстная марка, номинальная цѣна которой 25 копѣекъ, стоитъ теперь офиціально 49,75 коп. а въ частномъ оборотѣ 50—52 и болѣе копѣекъ. Равноцѣнный маркѣ франкъ можно было по котировкѣ того же дня купить за 49,60 коп., то есть дешевле. Россія, выходитъ, пользуется большимъ кредитомъ въ Парижѣ, чѣмъ въ своей собственной финской провинціи! Это уже бьетъ прямо по карману, и вопросъ изъ области высшихъ соображеній перемѣщается на всѣмъ понятную почву рубля.

Если курсъ не хорошъ на настоящую «за границу», то надо избѣгать такихъ сдѣлокъ, которыя влекутъ за собой платежи за границу по низкому курсу. Нужно, слѣдовательно, и къ Финляндіи примѣнить эту мѣру: ничего у нея не покупать и ей не платить. Но такъ ли это? Взглянемъ нѣсколько ближе.

Каковъ торговый балансъ Финляндіи? Онъ весь ей въ громадный убытокъ [2]).

Привозъ въ Финляндію изъ Россіи и изъ за границы.

Въ 1880	на	138.764.650	ф. марокъ.
» 1881	»	154.842.529	» »
» 1882	»	167.054.388	» »
» 1883	»	148.106.864	» »
» 1884	»	137.701.413	» »
» 1885	»	108.775.775	» »
		855.245.619	ф. марокъ.

Вывозъ изъ Финляндіи въ Россію и за границу.

Въ 1880	на	123.075.627	ф. марокъ.
» 1881	»	107.270.449	» »
» 1882	»	119.873.130	» »
» 1883	»	115.673.544	» »
» 1884	»	112.746.805	» »
» 1885	»	89.852.956	» »
		668.492.511	ф. марокъ.
Привозъ превышаетъ вывозъ . .	на	186,753.108	» »

[1]) «Московскія Вѣдомости», 13 марта 1888 г., № 72.

Со времени написанія этой статьи введена въ Россіи золотая валюта и состоялось нѣсколько распоряженій по финансовой части. Между прочимъ, курсъ устанавливается Мин. Финансовъ. По этому курсу нынѣ финская марка равна 37,5 коп. Прим. изд.

[2]) Всѣ приведенныя въ этой статьѣ цифры заимствованы изъ «Statistisk årsbok för Finland» за 1886 годъ и изъ «Finlands Ständers Bankfullmäktiges Berättelse» за 1882—1884 годы; первое—изданіе центральнаго статистическаго бюро въ Гельсингфорсѣ; второе—офиціальное изданіе для сейма.

То-есть, въ теченіе шести только лѣтъ прославляемая за свое благоустройство Финляндія должна была приплатить внѣ своихъ предѣловъ за потребленные ею предметы болѣе 186 милліоновъ марокъ ($46^1/_2$ милл. рублей золотомъ) или въ годъ болѣе 31 милл. мар. (около 8 милл. металл. рублей.). Это при населеніи въ два милліона. По такому масштабу благоустройства Россіи приходилось бы выплачивать за границу ежегодно по 400 милліоновъ рублей золотомъ. Такія почтенныя цифры вызываютъ недоумѣніе и, конечно, недовѣріе. Однако, размѣры оборота налицо.

Чѣмъ же можетъ Финляндія покрыть такія громадныя приплаты? Займами? Но всѣхъ называемыхъ государственныхъ долговъ (statsskuld) къ 1886 году числилось на сумму 65.792.125 мар., въ томъ числѣ внутренній заемъ на $8^1/_2$ милліоновъ. Вся эта сумма, какъ легко видѣть, ушла бы на уравненіе баланса въ какіе-нибудь два-три года.

Добычей золота? Правда, въ Финляндіи есть золотоносныя розсыпи въ Ивалоіоки; но дѣло это слѣдуетъ считать игрушечнымъ. Въ 1884 году, напримѣръ, намыто всего 15 фунтовъ на 20 съ небольшимъ тысячъ марокъ. Вся добыча за 15 лѣтъ (1870—84) составляетъ около 713 фунт., менѣе чѣмъ на 1 милліонъ марокъ [1]), и розсыпи несомнѣнно истощаются; наибольшая вымывка была въ 1871 году—133 и въ 1872—129 фунтовъ.

Металлическій фондъ? На мѣстномъ монетномъ дворѣ, въ промежутокъ времени съ 1872 по 1882, набито финской золотой монеты на 21 милл. марокъ ($5^1/_4$ милл. рублей). Часть ушла изъ Финляндіи; но взамѣнъ куплено въ 1882 на 1.182.000 марокъ въ Любекѣ и на 1.625.000 въ Петербургѣ. Въ концѣ разсматриваемаго періода, до $4^1/_2$ милл. марокъ золотой монеты было въ обращеніи или, вѣрнѣе, въ частныхъ рукахъ,—въ обращеніи она составляетъ рѣдкость,—и болѣе 17 милл. лежало въ банкѣ. Серебряной монеты имѣлось на 13 милл. марокъ; въ 1882 сплавлено на милліонъ, и затѣмъ осталось 12 милл. марокъ (3 милл. металл. руб.), изъ которыхъ одна половина въ обращеніи, а другая въ банкѣ. Слѣдовательно, монета уходила изъ Финляндіи только до 1882 года.

Количество фондовъ въ банкѣ также не убывало; напротивъ, съ 13 милліоновъ оно возросло до 15; въ томъ числѣ русскихъ фондовъ на $3^1/_2$ милл. марокъ. Заграничный текущій счетъ финляндскаго банка уменьшился, правда, съ 1881 по 1884 на 4 слишкомъ милліона марокъ; но, въ виду увеличенія фондоваго портфеля и покупки золота, это пониженіе не имѣетъ значенія.

---

[1]) Считая граммъ золота въ 3 марки и 20 пен., всего на 982.565 мар. или 245.600 руб. мет.

Нѣчто о денежныхъ дѣлахъ Финляндіи [1].

Политическій курсъ Финляндіи на биржѣ русскаго самосознанія падаетъ довольно сильно. Да, это такъ. Но зато курсъ русскаго рубля падаетъ въ Финляндіи еще съ большею быстротой. Мѣстная марка, номинальная цѣна которой 25 копѣекъ, стоитъ теперь офиціально 49,75 коп. а въ частномъ оборотѣ 50—52 и болѣе копѣекъ. Равноцѣнный маркѣ франкъ можно было по котировкѣ того же дня купить за 49,60 коп., то есть дешевле. Россія, выходитъ, пользуется большимъ кредитомъ въ Парижѣ, чѣмъ въ своей собственной финской провинціи! Это уже бьетъ прямо по карману, и вопросъ изъ области высшихъ соображеній перемѣщается на всѣмъ понятную почву рубля.

Если курсъ не хорошъ на настоящую «за границу», то надо избѣгать такихъ сдѣлокъ, которыя влекутъ за собой платежи за границу по низкому курсу. Нужно, слѣдовательно, и къ Финляндіи примѣнить эту мѣру: ничего у нея не покупать и ей не платить. Но такъ ли это? Взглянемъ нѣсколько ближе.

Каковъ торговый балансъ Финляндіи? Онъ весь ей въ громадный убытокъ [2]).

Привозъ въ Финляндію изъ Россіи и изъ за границы.

Въ 1880	на	138.764.650	ф.	марокъ.
» 1881	»	154.842.529	»	»
» 1882	»	167.054.388	»	»
» 1883	»	148.106.864	»	»
» 1884	»	137.701.413	»	»
» 1885	»	108.775.775	»	»
		855.245.619	ф.	марокъ.

Вывозъ изъ Финляндіи въ Россію и за границу.

Въ 1880	на	123.075.627	ф.	марокъ.
» 1881	»	107.270.449	»	»
» 1882	»	119.873.130	»	»
» 1883	»	115.673.544	»	»
» 1884	»	112.746.805	»	»
» 1885	»	89.852.956	»	»
		668.492.511	ф.	марокъ.
Привозъ превышаетъ вывозъ . .	на	186,753.108	»	»

---

[1]) «Московскія Вѣдомости», 13 марта 1888 г., № 72.

Со времени написанія этой статьи введена въ Россіи золотая валюта и состоялось нѣсколько распоряженій по финансовой части. Между прочимъ, курсъ устанавливается Мин. Финансовъ. По этому курсу нынѣ финская марка равна 37,5 коп. Прим. изд.

[2]) Всѣ приведенныя въ этой статьѣ цифры заимствованы изъ «Statistisk årsbok för Finland» за 1886 годъ и изъ «Finlands Ständers Bankfullmäktiges Berättelse» за 1882—1884 годы; первое—изданіе центральнаго статистическаго бюро въ Гельсингфорсѣ; второе—офиціальное изданіе для сейма.

То-есть, въ теченіе шести только лѣтъ прославляемая за свое благоустройство Финляндія должна была приплатить внѣ своихъ предѣловъ за потребленные ею предметы болѣе 186 милліоновъ марокъ (46½ милл. рублей золотомъ) или въ годъ болѣе 31 милл. мар. (около 8 милл. металл. рублей.). Это при населеніи въ два милліона. По такому масштабу благоустройства Россіи приходилось бы выплачивать за границу ежегодно по 400 милліоновъ рублей золотомъ. Такія почтенныя цифры вызываютъ недоумѣніе и, конечно, недовѣріе. Однако, размѣры оборота налицо.

Чѣмъ же можетъ Финляндія покрыть такія громадныя приплаты? Займами? Но всѣхъ называемыхъ государственныхъ долговъ (statsskuld) къ 1886 году числилось на сумму 65.792.125 мар., въ томъ числѣ внутренній заемъ на 8½ милліоновъ. Вся эта сумма, какъ легко видѣть, ушла бы на уравненіе баланса въ какіе-нибудь два-три года.

Добычей золота? Правда, въ Финляндіи есть золотоносныя розсыпи въ Ивалоіоки; но дѣло это слѣдуетъ считать игрушечнымъ. Въ 1884 году, напримѣръ, намыто всего 15 фунтовъ на 20 съ небольшимъ тысячъ марокъ. Вся добыча за 15 лѣтъ (1870—84) составляетъ около 713 фунт., менѣе чѣмъ на 1 милліонъ марокъ [1]), и розсыпи несомнѣнно истощаются; наибольшая вымывка была въ 1871 году—133 и въ 1872—129 фунтовъ.

Металлическій фондъ? На мѣстномъ монетномъ дворѣ, въ промежутокъ времени съ 1872 по 1882, набито финской золотой монеты на 21 милл. марокъ (5¼ милл. рублей). Часть ушла изъ Финляндіи; но взамѣнъ куплено въ 1882 на 1.182.000 марокъ въ Любекѣ и на 1.625.000 въ Петербургѣ. Въ концѣ разсматриваемаго періода, до 4½ милл. марокъ золотой монеты было въ обращеніи или, вѣрнѣе, въ частныхъ рукахъ,—въ обращеніи она составляетъ рѣдкость,—и болѣе 17 милл. лежало въ банкѣ. Серебряной монеты имѣлось на 13 милл. марокъ; въ 1882 сплавлено на милліонъ, и затѣмъ осталось 12 милл. марокъ (3 милл. металл. руб.), изъ которыхъ одна половина въ обращеніи, а другая въ банкѣ. Слѣдовательно, монета уходила изъ Финляндіи только до 1882 года.

Количество фондовъ въ банкѣ также не убывало; напротивъ, съ 13 милліоновъ оно возросло до 15; въ томъ числѣ русскихъ фондовъ на 3½ милл. марокъ. Заграничный текущій счетъ финляндскаго банка уменьшился, правда, съ 1881 по 1884 на 4 слишкомъ милліона марокъ; но, въ виду увеличенія фондоваго портфеля и покупки золота, это пониженіе не имѣетъ значенія.

---

[1]) Считая граммъ золота въ 3 марки и 20 пен., всего на 982.565 мар. или 245.600 руб. мет.

Счетъ финскихъ ассигнацій также существенно не измѣнился: ихъ числилось къ 1882 году на 80 милл., а къ 1885 году — на $78^{1}/_{2}$ милл. марокъ. Наконецъ, нѣтъ большой перемѣны и въ задолженности банку финской публики: по счету дебиторовъ (учетъ векселей и пр.) къ 1882 году значилось около $22^{1}/_{2}$ милл. мар., а къ 1885 съ небольшимъ 23 милл. Правда, значительно уменьшились обороты банка—съ 372 до 326 милл. марокъ, но это явленіе находится въ связи съ общимъ застоемъ торговли и промышленности, общее же положеніе банка измѣнилось очень мало: 84.393.000 къ 1882 и 83.477.000 къ 1885.

Въ виду такихъ условій, разрѣшеніе вопроса о томъ, какъ покрывается значительный недочетъ въ финляндскомъ торговомъ балансѣ, нужно было бы искать въ цифрахъ, говорящихъ объ отношеніяхъ Финляндіи спеціально къ Россіи. Но эта задача исполнима только въ малой мѣрѣ. Финляндскіе дѣятели считаютъ для себя особенно обязательнымъ такихъ свѣдѣній на показъ не выставлять: это входитъ въ ихъ систему. Намъ довелось въ свое время, при генералъ-губернаторѣ графѣ Адлербергѣ и финляндскомъ статсъ-секретарѣ графѣ Армфельтѣ, видѣть переписку по поводу составлявшагося тогда Очерка управленія Финляндіей; Очеркъ назначался для покойнаго Государя (Александра II) и русскихъ властей. Проектъ былъ первоначально написанъ въ канцеляріи графа Адлерберга, но потомъ подвергся измѣненіямъ: мѣстные сенаторы одно прибавили, другое выкинули. Въ объясненіе сокращеній они, между прочимъ, писали, конечно, по-шведски, для графа Армфельта:

«Въ вопросѣ о таможенной линіи между Имперіей и Финляндіей признано нужнымъ исключить все, касающееся незначительныхъ доходовъ Финляндіи сравнительно съ значительными расходами, послѣдствіемъ ея автономіи». И далѣе: «Равнымъ образомъ желательно было избѣжать въ Очеркѣ цифровыхъ данныхъ въ общихъ и таможенныхъ доходахъ Финляндіи, дабы эти цифры, при случаѣ, не могли дать повода русскому управленію вмѣшиваться въ дѣла управленія Финляндіи».

Приняты, слѣдовательно, мѣры къ тому, чтобы ни русскія власти, ни, конечно, русское общество не знали: выгодна или убыточна для Россіи финляндская автономія. Въ такихъ обстоятельствахъ приходится ограничиться лишь тѣми статистическими крупицами, которыя случайно падаютъ то здѣсь, то тамъ противъ воли финляндскихъ администраторовъ.

Привозъ товаровъ въ Финляндію собственно изъ Россіи, также какъ и вывозъ въ сію послѣднюю, составляетъ не малую долю всего оборота, хотя и не преобладаетъ надъ заграничнымъ. При-

возъ составляетъ отъ 45 до 47,8% выше цифрованнаго общаго привоза; вывозъ — отъ 39 до 45% общаго вывоза. Наиболѣе же существенно то, что привозъ изъ Россіи много превышаетъ вывозъ въ нее [1]). За три только года это превышеніе достигло крупной цифры 50.264.343 марки, или болѣе 12½ милл. рублей золотомъ. За тѣ же три года превышеніе привоза вообще по торговлѣ Финляндіи составило всего 76 милл. мар. Другими словами, Финляндія за три года должна была приплатить за границу 6½ милл. руб., а Россіи почти вдвое—12½ милл. Это, въ свою очередь, значитъ, что Финляндія продаетъ болѣе за границу, а покупаетъ болѣе въ Россіи.

Положеніе вырисовывается иначе, нежели, какъ можно было его себѣ представить по взгляду на общія цифры оборотовъ. Но на дѣлѣ покупки финляндцевъ въ Россіи, а затѣмъ и приплаты, должны быть еще больше.

При всей ненависти къ Россіи, Финляндцы не брезгаютъ пріѣзжать въ Петербургъ довольно часто, и не въ маломъ числѣ. Возвращаясь, они везутъ по желѣзной дорогѣ въ багажѣ все, что имъ нужно и что куплено въ петербургскихъ магазинахъ и лавкахъ. Въ теченіе навигаціи изъ Россіи входитъ въ финляндскіе порты болѣе 4 тысячъ судовъ; команда на нихъ тоже привезетъ не мало нужныхъ ей вещей. Всѣ эти мелочныя покупки, избѣгая правильнаго учета, составляютъ, однако, въ общей сложности милліоны.

Но если и не принимать этихъ послѣднихъ во вниманіе и ограничиться свѣдѣніями, вытекающими изъ точныхъ цифръ, опубликованныхъ самою финскою администраціей, то Россія должна бы получить съ Финляндіи за три только года 12½ милліоновъ рублей золотомъ. Спрашивается: въ какомъ же видѣ производятся такіе расчеты, и чѣмъ же оплачиваетъ Финляндія свою крупную задолженность Россіи? Вѣдь если въ 3 года она перебрала товаровъ на 12½ милліоновъ болѣе, нежели сколько сама дала, то въ 30 лѣтъ эта цифра возвысится до очень крупной суммы въ

---

[1]) Привозъ въ Финляндію изъ Россіи и чрезъ Россію:

Въ 1883	году	на	66.724.163 ф. м.
» 1884	»	»	65.942.196 » »
» 1885	»	»	49.869.079 » »
			182.535.438 ф. м.

Вывозъ изъ Финляндіи въ Россію:

Въ 1883	году	на	47.948.267 ф. м.
» 1884	»	»	43.975.386 » »
» 1885	»	»	40.347.442 » »
			132.271.095 ф. м.

125 милл. металл. рублей или до полумилліарда финскихъ марокъ. Но и не закидывая взгляда такъ далеко, получить въ ежегодномъ балансѣ болѣе 4 милліоновъ рублей золотомъ было бы для русскаго министра финансовъ далеко не лишне.

Или, можетъ быть, эти милліоны золотыхъ рублей дарятся финляндцамъ «за ихъ добродѣтель и честь», за ихъ «преданность» Россіи?

Какъ это ни странно, но приходится отвѣчать утвердительно. Да, они дарятся; и не только они дарятся, но на счетъ Россіи же покрывается и переплата Финляндіи чужимъ краямъ въ размѣрѣ ежегодно до 2 милліоновъ рублей. Иначе ей нечѣмъ платить иностранцамъ. Россія дѣйствительно дѣлаетъ, на счетъ своего тощаго кармана, этотъ пріятный подарокъ въ 4+2=6 милл. рублей золотомъ на вящшее процвѣтаніе Финляндіи.

Но какъ можетъ это быть? Очень просто:—игрой на курсѣ и на пониженіи цѣнности кредитнаго рубля.

Цѣну рубля въ Гельсингфорсѣ установляетъ тамошній мѣстный банкъ, находящійся въ рукахъ чистокровныхъ финляндцевъ, безъ малѣйшаго участія русской власти. Здѣсь въ полной мѣрѣ примѣняется принципъ—чѣмъ хуже, тѣмъ лучше. Правда, отъ этого принципа нѣсколько страдаетъ финляндскій производитель; при нормальномъ, или даже не совсѣмъ дурномъ курсѣ рубля, онъ могъ бы везти свои произведенія въ Россію, куда его влечетъ сама сила вещей. Теперь же—«съ тѣхъ поръ, какъ у насъ золотая монета», говорилъ одинъ почтенный финляндецъ, «мы сидимъ безъ денегъ».

Это былъ голосъ полезнаго, практическаго дѣятеля, не занимающагося политикой на основѣ «самостоятельнаго государства». Но такіе голоса не имѣютъ въ Финляндіи вѣса. Она вся въ рукахъ разнаго вида чиновничества, которому, конечно, кромѣ политики самостоятельности, очень пріятно получать свое жалованье марками, при возможно худшемъ курсѣ рубля. Сѣлъ скромненько въ вагонъ третьяго класса, доѣхалъ за 4 металлическіе рубля отъ Гельсингфорса до Петербура,—и денегъ окажется въ карманѣ тѣмъ больше, чѣмъ ниже курсъ. Получаетъ, напримѣръ, человѣкъ 2.000 марокъ годового жалованья. Нормально, при стоимости марки въ 25 к., это составило бы 500 р.; но если уронить курсъ до 30 коп. за марку, то будетъ уже не 500, а 600 руб., что гораздо пріятнѣе; если до 40 к., то уже 800 р., а при 50 к., какъ теперь, цѣлая 1.000 руб. Это даже очень пріятно,—и нельзя ли поскорѣе повалить наши бумажки еще побольше. Тогда можетъ случиться, что у пріѣзжаго въ Петербургъ финляндца вмѣсто 500 р. окажется и 1.500 р.

То же самое и въ торговлѣ. Хлѣбные продукты идутъ въ Финляндію, конечно, изъ Россіи. Ихъ вывезено туда въ 1884 году на 25 милл. марокъ, въ 1885—на 24 милл. 900 тыс.; какъ будто нѣкоторое уменьшеніе. На дѣлѣ же громадное возвышеніе, благодаря тому, что курсъ падалъ: въ 1884 году ввезено въ Финляндію 7 милліоновъ 708 тысячъ лиспундовъ (полупудовъ), а въ 1885—10 милл. 660 тыс.: за меньшую сумму получено въ полтора раза большее количество товара.

Такъ вотъ въ чемъ состоитъ финансовая политика Финляндіи. Русское правительство добродушно отдало въ руки финляндцевъ распоряженіе русскимъ курсомъ,—и они пользуются имъ безъ милосердія.

Не добромъ приходится помянуть при этомъ министра финансовъ Княжевича. Во всей первой половинѣ этого столѣтія, со времени покоренія Финляндіи, русскія бумажныя деньги имѣли въ ней то же значеніе, какъ и въ Россіи. Тамошній сенатъ вошелъ было въ 1859 году съ представленіемъ о томъ, чтобы повелѣно было принимать наши кредитные билеты въ Финляндіи не по нарицательной цѣнѣ, а по курсу; но на это соизволенія не послѣдовало, какъ на мѣру, не соотвѣтствующую достоинству Имперіи. Тогда финляндцы пошли другою дорогой и представили объ установленіи особой монетной единицы, о чеканкѣ особой мѣдной монеты и о выпускѣ Финляндскимъ Банкомъ (открытымъ въ свое время на русскія деньги) сперва мелкихъ, а потомъ и крупныхъ финскихъ ассигнацій. Попутно попросили заразъ объ устройствѣ и своего, финскаго, монетнаго двора [1]). Спросили въ Петербургѣ заключенія министра финансовъ, и—увы!—онъ далъ свое одобреніе! Тогдашній финляндскій генералъ-губернаторъ Рокассовскій бросился въ отчаяніи къ Княжевичу:

— Что вы дѣлаете?

— Я калифъ на часъ, отвѣчалъ тотъ...

А затѣмъ, 23 марта 1860 года, состоялся Высочайшій манифестъ объ измѣненіи въ Финляндіи монетной единицы и о введеніи самостоятельной серебряной марки.

Послѣдующія распоряженія покатили русскія кредитки еще далѣе по этой наклонной плоскости, и Россія очутилась въ нѣ-

---

[1]) О монетѣ и монетномъ дворѣ заводили рѣчь еще на Боргоскомъ сеймѣ 1809 года, но тогда эти разговоры были оставлены безъ послѣдствій. Дѣятельность финскаго монетнаго двора за послѣдніе годы поистинѣ комична: въ 1883 году начеканено всего на 9.750 руб. металлической мелкой мѣдной монеты въ 1 пенни, то-есть въ 1/4 коп., а въ 1884 году такой же монеты лишь на 1.000 р.; въ 1885 году не показано никакой чеканки. При такой работѣ особый монетный дворъ, конечно, совсѣмъ излишняя роскошь. Но онъ нуженъ—для сепаратизма.

которой кабалѣ у Финляндіи. Серебряная, хотя бы и финская, монета оказалась постепенно тоже неудобною. Марка, хотя и безъ русской надписи, все-таки обязательно равнялась русскому четвертаку (1/4 серебрянаго рубля). Надо было избавиться отъ всякаго упоминанія объ этомъ рублѣ, все же говорившемъ о нѣкоей зависимости. Но какъ это сдѣлать? Довольно вѣрные слухи говорятъ, что само наше министерство финансовъ, разумѣется на словахъ, помогло финляндцамъ выйти изъ затрудненія, намекнувъ на возможность возбудить вопросъ о золотой валютѣ: тогда де русскій рубль исчезнетъ самъ собою. Отъ души желали бы мы, чтобы слухи эти, столь обидные для нашего народнаго достоинства, были серіозно опровергнуты. Но несомнѣннымъ остается тотъ фактъ, что когда финляндскій сенатъ внесъ представленіе о введеніи въ Финляндіи золотой монеты, то это представленіе не встрѣтило возраженій въ нашемъ финансовомъ вѣдомствѣ, и съ 1878 года Финляндія начала чеканить свою 10 и 20-марковую золотую монету. На ней нѣтъ ни единой русской буквы; самый орелъ имѣетъ на груди, вмѣсто Св. Георгія Побѣдоносца, поднявшагося на дыбы льва, готоваго зарубить кого-то мечомъ.

Печальныя страницы нашей исторіи...

Впрочемъ, къ счастію, какъ ни стараются финляндцы постепенно, мало-по-малу ограничивать въ отношеніи къ себѣ силу Русской Верховной Власти, въ Ея рукахъ все-таки остаются еще вполнѣ Ей принадлежащія средства возстановить попранное небольшою провинціей достоинство нашего государства и снять экономическія оковы, наложенныя на насъ даже и Финляндіей. Финляндскіе дѣятели, однако, этого вовсе не предполагаютъ. Напротивъ, они готовятся къ новымъ и крупнымъ захватамъ. Подъ видомъ кодификаціи существующихъ законовъ, они изобрѣли такіе сюрпризы, предъ которыми блекнутъ всѣ прошедшіе ихъ подвиги насчетъ русскаго добродушія и довѣрчивости. Слѣдуетъ, поэтому, по поговоркѣ, держать ухо востро!

Примемъ также къ свѣдѣнію нѣкоторыя въ этомъ отношеніи указанія самихъ финляндцевъ на тѣ пути, которыми слѣдуетъ дѣйствовать. Въ упомянутомъ выше Очеркѣ управленія Финляндіи, предназначенномъ для свѣдѣнія Государя, былъ заключительный выводъ, имѣвшій цѣлью убѣдить, что финляндцы не уклоняются отъ строгой легальности. Изъ трехъ его пунктовъ, послѣдній составители изложили такъ:

«Никакого нововведенія внѣ установленнаго порядка и безъ Высочайшаго повелѣнія въ Финляндіи производимо не было».

Окончательные редакторы-сенаторы нашли нужнымъ выкинуть слова: и безъ Высочайшаго повелѣнія: «Какъ слышно», пи-

ціальныхъ изданій. Гельсингфорсская газета не опровергаетъ ихъ, потому что опровергнуть невозможно. Фактъ остается налицо: чѣмъ хуже курсъ нашего кредитнаго рубля, тѣмъ Финляндіи выгоднѣе ввозить русскія произведенія, ибо меньше марокъ приходится за нихъ платить. Съ другой стороны, цѣну кредитнаго рубля Финляндскій Банкъ установляетъ по своему благоусмотрѣнію. Разумѣется, все это очень полезно для автономнаго «государства»; этого мы не отрицаемъ. Не отрицаетъ и «Nya Pressen»; напротивъ, при всякомъ случаѣ повторяетъ: это намъ, то-есть Финляндіи, было нужно. Еще бы! Только нужно ли это Россіи, которой Финляндія составляетъ интегральную часть?..

Газета толкуетъ въ своемъ отвѣтѣ о двухъ разныхъ вещахъ: о банкѣ и о монетѣ; мы говорили только о монетѣ. По поводу банка скажемъ нашимъ оппонентамъ, что они грѣшатъ противъ правды, утверждая, что отдѣльный банкъ явился послѣдствіемъ автономнаго положенія Финляндіи. Съ историческими фактами должно обращаться осторожнѣе, и во всякомъ случаѣ не забывать сегодня того, что говорилось вчера.

Если вы, гг. финляндцы, утверждаете что Боргоскій сеймъ положилъ начало вашей государственной обособленности, такъ справляйтесь по крайней мѣрѣ чаще съ тѣмъ, что на немъ происходило. Вы дѣствительно просили тогда, чтобы въ вѣдѣніи вашихъ земскихъ чиновъ былъ учрежденъ банкъ, чтобы для того былъ данъ капиталъ, назначены были въ его пользу разные доходы и тому подобныя фантазіи. Но развѣ эти просьбы ваши были тогда уважены? Вы просили, чтобы вашихъ депутатовъ созвали вслѣдъ затѣмъ на новый сеймъ для окончательнаго разсмотрѣнія этихъ вопросовъ: но развѣ васъ созывали? Просить еще не значитъ получить. Прекратите же, наконецъ, господа, ходьбу на вашихъ ходуляхъ: каждый разъ когда ихъ хоть слегка коснется историческая истина, забытая за три четверти вѣка, эти ходули подъ вами подламываются. Правда, вы тотчасъ же, какъ ни въ чемъ не бывало, взлѣзаете на новыя, надѣясь, что тѣ, предъ кѣмъ вы продѣлываете ваши эквилибристическіе фокусы, не замѣтятъ вашихъ паденій; но неровенъ часъ: свѣтъ истины можетъ достигнуть и туда, куда вы наименѣе хотѣли бы его допустить.

Финляндскій Банкъ явился совсѣмъ не вслѣдствіе какой-то особой государственности края, а потому, что послѣ войны 1808—9 годовъ и покоренія Финляндіи, Императоръ Александръ I хотѣлъ помочь разоренной странѣ. Въ ней обращались и русскія, и шведскія ассигнаціи, и русская, и шведская монета, и была, конечно, путаница. Вдобавокъ, извѣстный сепаратистъ первый финляндскій генералъ-губернаторъ Спренгтпортенъ установилъ

сравнительно высокій опредѣленный курсъ на наши ассигнаціи. Безпорядковъ было, поэтому, много. Но еще въ концѣ 1808 года государственному казначею Голубцову повелѣно было распорядиться устройствомъ въ Гельсингфорсѣ и Або русскихъ банковыхъ конторъ. При этомъ имѣлось въ виду, что по открытіи ихъ «и курсъ самъ собою уравняется». Затѣмъ состоялся Боргоскій сеймъ для выслушанія мнѣній депутатовъ по четыремъ предложеннымъ имъ вопросамъ; при этомъ упомянутая просьба ихъ о банкѣ была, какъ сказано, оставлена безъ послѣдствій.

Когда затѣмъ, по удаленіи Сперанскаго, финляндскія дѣла пошли къ Императору Александру исключительно чрезъ руки финляндцевъ: заклятаго ненавистника Россіи Армфельта и едва ли болѣе къ ней расположеннаго Ребиндера,— все направленіе этихъ дѣлъ стало мѣняться. Однако, и при этомъ объ автономномъ банкѣ и рѣчи не было: въ 1811 году учреждена лишь правительственная Вексельная ссудная и депозитная контора, и она была дѣломъ личнаго произволенія Императора Александра, безъ малѣйшей даже тѣни обязательства или договора, какъ и все прочее устройство внутренней администраціи края, тогда установленное.

Что касается денежной единицы, то она составляла одинъ изъ четырехъ вопросовъ, по которымъ требовалось мнѣніе боргоскихъ земцевъ. Сообразно съ ихъ представленіемъ, по манифесту 17 декабря 1809 года, основною монетою Финляндіи признанъ русскій серебряный рубль. На ряду съ металлическою обращалась и бумажная наша монета; сперва ею пользовались по курсу, а потомъ въ частномъ обращеніи незамѣтно перешли вообще къ ассигнаціонному счету. Когда же въ 1839 году въ Имперіи установленъ былъ счетъ на серебро, эта мѣра была распространена и на Финляндію, что собственно было лишнее, такъ какъ въ ней и безъ того основною платежною единицей оставался серебряный рубль съ его подраздѣленіями.

«Nya Pressen» говоритъ, что особая для Финляндіи монета сдѣлалась предметомъ необходимости въ 1854 году, когда въ Имперіи пріостановленъ былъ размѣнъ кредитныхъ билетовъ. Почему же тутъ необходимость? Провинція, хотя бы и автономная, должна нести общія тяготы, также какъ и пользоваться общими преимуществами. Финляндцы, конечно, желаютъ пользоваться только преимуществами. Но «Nya Pressen» впадаетъ и здѣсь въ большую неточность: въ 1854 году вопроса объ особой монетѣ не возбуждалось.

Сперва возникло лишь дѣло о билетахъ Финляндскаго Банка, тѣмъ временемъ явившагося, впрочемъ, въ качествѣ мѣстнаго административнаго учрежденія (сеймы тогда съ самаго 1809 года

не собирались). Эти билеты были въ обращеніи въ Россіи, но при сборѣ податей и въ общественныхъ учрежденіяхъ не принимались; для обмѣна же ихъ на русскія бумажки финляндцамъ приходилось имѣть особаго уполномоченнаго (помнится Стеркъ и К°), которому уплачивалась комиссія. Послѣ Крымской войны начались, какъ извѣстно, разныя неблагоразумныя спекуляціи и предпріятія въ большихъ размѣрахъ, и Финляндскій Банкъ имъ способствовалъ, усиливая выпуски своихъ депозитныхъ билетовъ. А такъ какъ билеты его за границу не шли, въ Россію же имъ были открыты двери, то въ Петербургѣ оказалось ихъ очень много, и они предъявлялись къ обмѣну, конечно, на русскія бумажки. Чтобъ уменьшить наплывъ сихъ послѣднихъ въ Финляндію, прежде всего возбудили ходатайство о томъ, чтобы кредитные рубли не считались тамъ законнымъ средствомъ платежей при казенныхъ сборахъ, а обмѣнивались на финляндскіе депозитные билеты. Въ Петербургѣ, безъ сомнѣнія, понимали, что нельзя ставить на одну ногу провинціальную бумагу и государственный кредитный билетъ, и въ домогательствѣ отказали; для облегченія же уплатъ комиссіи учредили въ Петербургѣ отдѣленіе Финляндскаго Банка.

При неудачѣ этой первой попытки къ обособленію (надо помнить, что въ Россіи наступило тогда время либеральныхъ реформъ), финляндцы видоизмѣнили пріемъ и, на основаніи множества будто бы просьбъ, вдругъ начавшихъ поступать съ разныхъ концовъ края, вошли съ представленіемъ, чтобы кредитные рубли обращались въ Финляндіи не по нарицательной, а по дѣйствительной стоимости, по курсу Петербургской биржи [1]). Но и на эту мѣру, какъ на не соотвѣтствующую достоинству Имперіи, также не послѣдовало соизволенія. Тогда-то и повели рѣчь объ измѣненіи монетной единицы, и о прочихъ мѣрахъ для осуществленія извѣстныхъ видовъ,—и повели ее очень осторожно и скромно.

Казалось бы, послѣ неуспѣха двухъ первыхъ шаговъ нельзя было ожидать успѣха и третьему, безъ сравненія болѣе крупному и смѣлому. Но на дѣлѣ вышло иначе, и манифестомъ Алексадра II отъ 11 (23) марта 1860 года Финляндіи дарована особая монетная единица. Какъ это случилось? Финляндцы знаютъ это очень хорошо: лѣтъ десять спустя «Helsingfors Dagblad» откровенно похвалялся, что для достиженія такого результата нужно

---

[1]) «Nya Pressen» ссылается, какъ на фактъ особаго значенія, на поданныя въ 1862 году 2.058 просьбъ по поводу денежныхъ неустройствъ. Какъ будто газетѣ неизвѣстно, какъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ и желаніяхъ, такія просьбы вызываются, пишутся и подаются! Ихъ могло быть вдвое больше, и все-таки это ничего бы не доказывало.

было проявить много настойчивости, осторожности, дипломатической ловкости и тонкаго ума. Впрочемъ, авторъ статьи ставилъ весь ходъ дѣла въ связь съ тѣмъ, что Императоръ Александръ Николаевичъ самъ, будто бы, видѣлъ необходимость такой реформы; но чрезъ какія, спросимъ, стекла?

«Nya Pressen» заключаетъ свои разсужденія тѣмъ, что денежная реформа, то-есть введеніе въ Финляндіи особой, сперва серебряной, а потомъ и золотой монеты, не причинила экономическаго вреда Россіи. Дѣйствительно, Россія не сдѣлалась оттого банкротомъ, и финляндцамъ не пришлось учреждать по ея дѣламъ администраціи; но русскій человѣкъ многимъ и безвозвратно платится за финляндскую обособленность. Кромѣ ни съ чѣмъ несообразнаго права финляндцевъ эксплоатировать Россію пониженіемъ курса, установляемаго самими финляндцами, въ особой монетной единицѣ лежитъ громадный вредъ политическій. Что было бы, если бы каждая область Россіи старалась получить и получила бы, подобно Финляндіи, свою особую монетную единицу? Найдется ли въ какомъ бы ни было государствѣ, сознающемъ свою силу, подобное явленіе, особенно теперь, когда даже дѣйствительно независимыя одна отъ другой страны прилагаютъ старанія ко взаимному сближенію въ денежныхъ дѣлахъ?

Особая монета только поддерживаетъ ложное во всѣхъ отношеніяхъ мнѣніе о Финляндіи, какъ о нѣкоемъ дѣйствительномъ «государствѣ», имѣющемъ право третировать русскій государственный кредитъ такъ же, какъ князь Бисмаркъ или англійскіе политики. Особая монета увеличиваетъ число враговъ Россіи среди благонамѣренныхъ финляндцевъ-производителей, ибо, работая на дорогія марки, они не могутъ продавать за дешевые рубли, между тѣмъ какъ русскія губерніи ихъ естественный рынокъ. Плодится и число людей, прямо радующихся ухудшенію русскаго кредита, слѣдовательно, также враговъ, между всѣми финляндцами живущими жалованьемъ и доходами: чѣмъ курсъ рубля хуже, тѣмъ имъ лучше, ибо въ Петербургѣ у нихъ тѣмъ больше оказывается денегъ, а при дешевомъ сообщеніи они ѣдутъ туда за всѣмъ необходимымъ. Наконецъ, что еще возмутительнѣе, особая финская монета деморализуетъ и чисто русское служилое сословіе въ краѣ; начиная съ высшаго генерала и кончая послѣднимъ солдатомъ, всѣ въ глубинѣ души не могутъ не радоваться и не желать возможно большаго еще паденія курса, потому что оно также и для нихъ, получающихъ свое содержаніе финскими марками, составляетъ прямую и крупную выгоду.

И вся эта разница курса падаетъ на то же козлище отпущенія, на наше государственное казначейство, которое, какъ извѣстно,

вноситъ въ свои смѣты крупныя суммы на покрытіе этой разницы не по заграничнымъ только займамъ, и не по содержанію только дипломатическаго корпуса при иностранныхъ державахъ, но и по содержанію русскихъ войскъ, укрѣпленій и служащихъ въ Финляндіи, въ этой русской провинціи.

29 апрѣля 1888 г.

О финляндской монетѣ.

Историческая справка [1]).

Въ то время какъ шведскій конституціонный законъ оставлялъ всю правительственную администрацію въ безусловномъ распоряженіи короля [2]), въ отношеніи монеты онъ дѣлалъ рѣзкое различіе между королевскими правами и правами государственнаго сейма. Параграфъ 44-й Формы Правленія 1772 г. постановлялъ:

«Право бить монету остается собственностью государя; если же онъ возымѣетъ учинить перемѣну въ вѣсѣ или составѣ металла, тогда государственные чины предоставляютъ себѣ право, чтобы безъ вѣдома и согласія ихъ сіе не дѣлалось».

Корень этому лежалъ, конечно, въ исторіи Швеціи, гдѣ короли нерѣдко были чуждыя народу лица, отъ хищническаго произвола коихъ и ограждались договорами. Отъ такихъ королей ожидали не охраны народнаго достоянія, а, напротивъ, его разоренія. Понятно, что при такихъ условіяхъ обезопасить государственную монету, а вмѣстѣ съ нею и состоятельность королевства считалось дѣломъ первостепенной важности. Это имѣло еще большее значеніе въ ту именно эпоху, когда издавался цитированный законъ: самъ король Густавъ III, вмѣстѣ съ своимъ приближеннымъ, графомъ Мункомъ, занимался приготовленіемъ искусственнаго золота. На такія затѣи сословія не могли смотрѣть вполнѣ спокойно, тѣмъ болѣе, что со стороны короля, хотя и поддоговорнаго, не было никакихъ матеріальныхъ гарантій. Поэтому въ конституціи и явились: для короля—право чеканить монету, давать ей любой видъ, форму, надписи, получать доходъ монетный; для государственныхъ представителей—право требовать, чтобы ни перемѣны вѣса монеты, ни измѣненія состава ея металла, другими словами, ея обезцѣненія, не было допускаемо безъ ихъ согласія.

Нѣтъ надобности подробно доказывать, что примѣненіе подобнаго пункта къ русскому Императору въ отношеніи Финляндіи просто nonsens. Кто укажетъ моментъ, когда въ Борго финлянд-

[1]) Эта «справка» была помѣщена въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Май, 1890 г.
[2]) См. ниже статью «Финляндскія комиссіи и конституція».

скіе земскіе чины (не говоря уже о томъ, что они вовсе не шведскіе «государственные» чины), когда именно они «предоставили себѣ право», какъ говорятъ точныя выраженія приведеннаго § 44 конституціи, «чтобы безъ ихъ вѣдома и согласія сіе, т. е. перемѣна вѣса и металла монеты, не дѣлалось?» Гдѣ тотъ актъ, которымъ они выговорили себѣ это право? Ни такого момента, ни такого акта не было, и нѣтъ. Съ другой стороны, за Императоромъ всероссійскимъ стоитъ вся Россія, съ ея неисчерпаемыми богатствами, дѣлающими просто смѣшною претензію требовать какихъ-то гарантій въ сохранности финляндскаго народнаго капитала.

И дѣйствительно, лишь только совершилось покореніе Финляндіи и заключеніе мира со Швеціей въ 1809 г., манифестомъ Императора Александра отъ 19 декабря того же года, русскій серебряный рубль введенъ въ новой провинціи, какъ «главная и коренная монета, коей существенная цѣна должна служить правиломъ и мѣрою сравненія и опредѣленія цѣнъ всѣхъ прочихъ имѣющихъ нынѣ обращеніе монетъ».

Выраженія манифеста не допускаютъ толкованій. Но финляндскіе государственники цѣпляются за то, что предварительно изданія манифеста вопросъ о монетѣ былъ передаваемъ Боргоскому сейму, а потому онъ разрѣшенъ будто бы «двумя» государственными властями. Это утвержденіе заслуживаетъ, однако, не бо́льшаго вниманія, какъ и то, что регламентъ правительственнаго финляндскаго совѣта состоялся также по рѣшенію «двухъ» властей. Нелѣпость послѣдняго мнѣнія была достаточно доказана въ упомянутой статьѣ.

Боргоскій сеймъ былъ не рѣшающимъ, не учредительнымъ собраніемъ, а совѣщательнымъ, и только совѣщательнымъ собраніемъ, у котораго, какъ у эксперта, потребовали только мнѣній (avis). Значеніе Боргоскаго собранія сословій необходимо въ точности себѣ уяснить, дабы правильно судить о финляндскихъ дѣлахъ въ ихъ исторической связи и правовомъ смыслѣ. Поэтому возстановимъ въ памяти читателя главнѣйшія подробности относящихся къ нашему предмету Боргоскихъ документовъ.

Монетный вопросъ былъ однимъ изъ четырехъ предметовъ, которые предложены были на обсужденіе финляндскихъ сословій въ Борго. Прочіе касались милиціи, податей и мѣстнаго управленія.

Въ бумагѣ Сперанскаго отъ 16-го марта 1809 г., сопровождавшей на сеймъ посланныя по Высочайшему повелѣнію четыре предложенія, говорилось:

«Между предметами Его (Императора Александра I) отеческихъ попеченій о благѣ этой страны, разныя отрасли ея хозяйства и общаго управленія особенно привлекли къ себѣ вниманіе Его Импе-

раторскаго Величества. Полный довѣрія къ чувствамъ своихъ подданныхъ и убѣжденный въ усердной готовности народа идти на встрѣчу Его благодѣтельнымъ намѣреніямъ, Его Императорское Величество рѣшилъ внести нижеслѣдующіе предметы на обсужденіе (délibération) сословій, приглашая ихъ представить Ему ихъ мнѣнія (leurs avis) о способахъ привести ихъ въ устройство въ томъ порядкѣ, какой наиболѣе соотвѣтствуетъ благосостоянію жителей».

Это, т. е. передача предложеній на заключеніе, на мнѣніе, а никакъ не на рѣшеніе Боргоскихъ представителей, съ особенною опредѣлительностію выражено въ письмѣ того же финляндскаго статсъ-секретаря Сперанскаго къ Барклаю де-Толли, по назначеніи его генералъ-губернаторомъ Финляндіи на мѣсто Спренгтпортена. Назначеніе состоялось, когда сеймъ въ Борго еще засѣдалъ, и Сперанскій нашелъ нужнымъ преподать Барклаю нѣкоторыя указанія. Передавая ему, между прочимъ, копіи съ четырехъ предложеній, Сперанскій прибавлялъ слѣдующія, капитальной важности, строки:

«Изъ прилагаемыхъ копій вы усмотрите способъ, какимъ эти четыре предмета были предложены на обсужденіе сейма. Необходимо сдѣлать существенное замѣчаніе на счетъ образа этого обсужденія. Не законоположенія, не декреты, требовались отъ сейма; у него спрошены простыя мнѣнія» [1]).

Въ отношеніи собственно монетной системы предложеніе сдѣлано въ такихъ выраженіяхъ:

«Вопросъ о монетной системѣ Финляндіи, тѣсно связанный съ ея настоящимъ политическимъ положеніемъ, представляетъ при разрѣшеніи своемъ большія трудности. Нужно согласить частные интересы съ нынѣшнимъ порядкомъ вещей. Его Императорское Величество предлагаетъ сословіямъ обратить при обсужденіи особое вниманіе на этотъ существенный предметъ, приглашая ихъ представить Ему о лучшихъ способахъ устранить эти трудности. Его Императорское Величество, не предрѣшая мѣръ, кои Онъ изволитъ признать соотвѣтственнымъ принять въ дѣлѣ столь щекотливомъ, расположенъ придти на помощь своимъ вѣрнымъ подданнымъ Финляндіи, на сколько размѣръ ихъ нуждъ и свойство средствъ могутъ это дозволить».

---

[1]) Par les copies ci-jointes v. exc. verra la manière dont ces quatre objets ont été proposés à la discussion des états. Il y a une observation essentielle à faure sur le mode d'après lequel on a dirigé cette discussion. Ce ne sont pas des décrets, ce sont de simples avis qu'on a demandé à la diète. — Письмо Сперанскаго къ Барклаю-де-Толли отъ 27 іюня 1809 г.—Арх. М. Ин. Д., Aff. finl., Corresp. Barclay-de-Tolly et Speransky, 27.

Ясно до очевидности, что Императоръ Александръ имѣлъ въ виду помочь финляндцамъ въ нуждѣ, въ которой они находились, а не закабалить себя и Россію установленіемъ какихъ-то обязательныхъ отношеній конституціоннаго или иного свойства. Онъ прямо высказалъ, что совѣщательнымъ обсужденіемъ предмета въ средѣ сословій «не предрѣшаетъ мѣръ», какія изволитъ признать соотвѣтственнымъ принять, т. е. безусловно оставлялъ себѣ всю полноту свободы дѣйствій. Переломъ въ «политическомъ положеніи» Финляндіи, происшедшій послѣ покоренія ея Россіей, и не допускалъ иного способа дѣйствій при разрѣшеніи такого крупнаго, не только въ экономическомъ, но и въ политическомъ отношеніи вопроса, каковъ монетный. Не было даже и намека на сомнѣніе въ томъ: имѣетъ или не имѣетъ Императоръ право не только чеканить монету, какъ говорится въ § 44 старо-шведской конституціи, но и вообще распорядиться ею, какъ онъ заблагоразсудитъ.

Три изъ четырехъ сословій сейма (кромѣ бюргерства) оказались съ тактомъ и прямо высказали въ своемъ мнѣніи, «что при настоящемъ положеніи вещей за основную монету должна быть принята русская серебряная монета, подъ тѣмъ же наименованіемъ, какъ и во всей Имперіи, т. е. металлическій рубль, подраздѣленный на 100 копѣекъ».

Въ отношеніи къ прежней шведской монетѣ, за которую стояли горожане, стоимость рубля исчислена сеймомъ въ 33 шиллинга, 7 рондштюковъ шведскаго банка. Однако, при окончательномъ установленіи монетной единицы для Финляндіи упомянутымъ манифестомъ 1809 г. это отношеніе рубля къ шведской монетѣ измѣнено по непосредственному усмотрѣнію правительства, и рублю опредѣлена цѣнность въ 33 шиллинга, не 7, а только 4 рондштюка.

Такимъ образомъ, фактически уже съ самаго начала правительство, выслушавъ мнѣніе финляндскаго сейма, дѣйствовало уже затѣмъ вполнѣ самостоятельно. Думать объ условіяхъ § 44 конституціи никому не приходило въ голову: тогда люди были подъ яснымъ и свѣжимъ впечатлѣніемъ дѣйствительныхъ событій, не затемненныхъ, какъ теперь, толстымъ слоемъ всякихъ произвольныхъ и ложныхъ теорій. Это не отрицаетъ, впрочемъ, того, что и тогда финляндцы, отуманенные избыткомъ оказанныхъ имъ милостей, заносились въ мечтахъ своихъ далеко за предѣлы благоразумія. Но это были «ходатайства», а никакъ не то «предоставленіе себѣ права», о которомъ говорилъ упомянутый параграфъ. Сословія, напримѣръ, «желали и просили», чтобы подъ надзоромъ банка имъ было предоставлено чеканить монету безъ платежа пошлины; они «желали и просили», чтобы подраздѣленія рубля

имѣли для Финляндіи на одной сторонѣ подпись стоимости въ копѣйкахъ, а на другой гербъ великаго княжества; они «желали и просили», чтобы полный рубль, при всѣхъ будущихъ правительствахъ, неизмѣнно сохранилъ при себѣ «медальонъ Александра I съ латинскою надписью, которая возвѣщала бы самому отдаленному потомству признательность народа за великія благодѣянія, которыми онъ воспользовался по милости Императора». Такъ выражалась тогда именуемая нынѣ «вторая государственная власть».

Но всѣ эти желанія и просьбы оставлены были безъ послѣдствій, также какъ и ходатайство о новомъ созывѣ сейма для учрежденія «банка земскихъ чиновъ Финляндіи».

Слѣдуетъ прибавить здѣсь, что тѣмъ же манифестомъ 17 декабря 1809 г., коимъ узаконенъ былъ для Финляндіи металлическій рубль, установленъ и пріемъ въ платежъ казенныхъ податей русскихъ банковыхъ билетовъ по опредѣленному на годъ впередъ курсу. Эта мѣра такъ мотивировалась въ манифестѣ:

«По уваженію, что россійскія деньги и государственныя банковыя ассигнаціи, бывъ около двухъ уже лѣтъ въ Финляндіи повсемѣстно въ употребленіи, сдѣлались собственностью края сего» и т. д.

Такое положеніе русской монеты, какъ металлической, такъ и бумажной, продолжалось въ краѣ потомъ цѣлые 30 лѣтъ безпрепятственно, и онъ продолжалъ оживать и разростаться послѣ тяжкихъ годовъ пережитыхъ войнъ и другихъ бѣдствій.

Въ 1839 году, 1-го іюля, изданъ былъ манифестъ объ извѣстной девальваціи, названной оффиціально «устройствомъ денежной системы въ Имперіи». Ее признано было необходимымъ примѣнить и къ Финляндіи, о чемъ и состоялся изданный въ Петербургѣ особый манифестъ 28 марта (9 апрѣля) 1840 года.

Въ немъ постановлено было между прочимъ:

«Россійская серебряная монета остается главною платежною и ходячею монетою въ Финляндіи, а серебряный рубль настоящаго достоинства и съ настоящими его подраздѣленіями, главною, непремѣняемою законною мѣрою всѣхъ обращающихся въ семъ краѣ денегъ; причемъ, выпущенные доселѣ или имѣющіе выпускаться впредь въ обращеніе билеты и ассигнаціи, опредѣленные на серебро и обезпеченные правительствомъ, почитать наравнѣ съ серебряною монетою. Банковыя же ассигнаціи, доколѣ онѣ останутся въ обращеніи, употреблять, считая 3 руб. 50 коп. за одинъ серебряный рубль».

Вмѣстѣ съ тѣмъ установлялся пріемъ золотой и мѣдной монеты въ общественныя кассы Финляндіи и выдачи изъ нихъ золота на 3% выше нарицательной стоимости, т. е. полуимперіаловъ по

5 р. 15 к., а мѣди наравнѣ съ банковыми ассигнаціями, т. е. $3^{1}/_{2}$ коп. за одну коп. серебромъ.

Установлено и воспрещеніе, подъ опасеніемъ отвѣтственности, отказываться отъ пріема россійской серебряной и мѣдной монеты, если она не испорчена.

Подтверждены, наконецъ, правила манифеста 1809 г. о платежѣ денежныхъ оброковъ и податей въ Финляндіи этою же россійскою ходячею монетою, для чего и развиты разныя подробности.

Почти одновременно преобразовался финляндскій банкъ, выросшій изъ правительственной «вексельной, ссудной и депозитной конторы», учрежденной въ 1811 году на счетъ русской безпроцентной ссуды въ милліонъ рублей. Въ дѣйствіяхъ своихъ онъ уже уклонялся отъ солидарности съ государственнымъ коммерческимъ банкомъ, хотя депозитные билеты послѣдняго размѣнивались на серебро и считались платежнымъ средствомъ и въ Финляндіи.

Послѣ закона 1840 г. до самой крымской войны не возникало особыхъ разговоровъ о финляндской монетѣ. Русскія деньги помогали странѣ развиваться и богатѣть. Но загремѣла 11-ти-мѣсячная осада Севастополя, явилась великая нужда въ деньгахъ, навыпущено кредитныхъ билетовъ, и заграничный курсъ сталъ колебаться. Финляндія, привыкшая почти цѣлыхъ уже полвѣка благоденствовать подъ крыломъ Россіи, и, получая отъ нея все, ей ничего не давать,—Финляндія не пожелала теперь нести общей всему государству кредитной тягости. Къ тому же не стало Императора Николая. Потянувшіяся либеральныя вѣянія, сказавшіяся прежде всего ослабленіемъ государственнаго единства, не замедлили отозваться и на финляндской окраинѣ и, между прочимъ, на монетѣ: нашли возможнымъ поставить и къ ней вопросительный знакъ.

Сперва возникло дѣло лишь о билетахъ финляндскаго банка. Эти билеты были въ обращеніи и въ Россіи, но при сборѣ податей и въ общественныхъ учрежденіяхъ не принимались. Для обмѣна ихъ на русскія бумажки финляндцамъ приходилось имѣть особаго агента (кажется, Стеркъ и К°), которому уплачивалась комиссія. Поэтому въ 1859 г. разрѣшено было устройство въ Петербургѣ отдѣльной конторы финляндскаго банка, который при этомъ[1]) самъ подвергся преобразованію. При начавшихся въ ту пору спекуляціи и неблагоразумныхъ предпріятіяхъ на широкую ногу, финляндскій банкъ со своей стороны имъ способствовалъ, и съ этою цѣлью усиливалъ выпускъ своихъ депозитныхъ билетовъ. Но за границу имъ не было хода, а черезъ открытыя настежъ двери въ Петербургъ ихъ набралось тамъ много. Ихъ предъ-

[1]) По постановленію 13 (1) апрѣля 1859 г.

являли, конечно, къ обмѣну на русскія бумажки, которыя все больше и больше наплывали въ Финляндію.

Чтобы сему воспрепятствовать, тамъ прежде всего стали хлопотать о томъ, чтобы кредитные рубли не считались законнымъ средствомъ платежей при финляндскихъ казенныхъ сборахъ, а обмѣнивались на мѣстные депозитные билеты. Въ Петербургѣ, однако, въ этомъ домогательствѣ отказали. Послѣ этой неудачи стали просить, чтобы русскія ассигнаціи обращались въ Финляндіи не по нарицательной цѣнѣ, а по курсу. Однако, и въ этомъ потерпѣли неудачу.

Но финляндцы не унывали. Въ гельсингфорсскомъ сенатѣ завѣдывалъ въ то время финансовою экспедиціею, или, какъ нынче имѣютъ обыкновеніе говорить тамошніе публицисты и историки, имѣлъ «портфель финансовъ», сенаторъ Лангеншельдъ, относимый этими писателями къ числу великихъ финскихъ людей. Онъ явился въ Петербургъ и попросилъ—ни больше, ни меньше, какъ установленія для Финляндіи особой монетной единицы... Какъ ни смѣло, или даже дерзко, было такое ходатайство, особенно послѣ двухъ, одинъ за другимъ, отказовъ,—его не отвергли. Спросили министра финансовъ,—и онъ далъ свое согласіе. Этотъ министръ финансовъ былъ Княжевичъ.

Достойно примѣчанія, что вся эта постановка дѣла принадлежала даже не сенату Финляндіи, а лично упомянутому Лангеншельду, который устроилъ его съ финляндскимъ статсъ-секретаремъ Армфельтомъ. Какія были при этомъ употреблены усилія, даетъ понять финляндскій историкъ Эдв. Бергъ, который, говоря о замѣстителѣ Лангеншельда, сенаторѣ Снеллманѣ, выражается такъ:

«Въ качествѣ управляющаго финскими финансами, онъ (Снеллманъ) съ честью связалъ свое имя съ именемъ друга его Лангеншельда, проведя монетную реформу, которую этотъ послѣдній началъ. Сколь много нужно было непоколебимости, выдержки, предусмотрительности, сноровки и тонкаго ума, чтобы это дѣло могло пройти, слѣдуетъ заключить изъ того, что Императоръ, когда усмотрѣлъ всѣ послѣдствія реформы и то впечатлѣніе, которое она должна была произвести въ Россіи, обмолвился приблизительно такими словами: «on a escamoté mon consentement» [1])...

Но, какъ бы тамъ ни было, а дѣло было сдѣлано.

Въ манифестѣ, изданномъ 23 марта (4 апрѣля) 1860 г., мотивомъ сепаратистской реформы выставлена необходимость уменьшить монетную единицу для Финляндіи, хотя она столѣтіями жила подъ шведскимъ владычествомъ съ талерною монетою, еще болѣе крупною, чѣмъ нашъ рубль.

---

[1]) Edv. Bergh: Vår Styrelse och våra landtdagar, T. II, стр. 15.

Вотъ главнѣйшія положенія этого акта [1]):

а) Въ Финляндіи устанавливается особая для сего края монетная единица, подъ названіемъ марка (mark), раздѣленная на сто меньшихъ единицъ, подъ названіемъ пенни. Каждая марка соотвѣтствуетъ четверти рубля по количеству чистаго серебра въ 4 золотника 21 долю, заключающагося, согласно нынѣ дѣйствующимъ законамъ о монетѣ, въ рублѣ серебромъ, и будетъ, такимъ образомъ, содержать 1 зол. $5^{1}/_{4}$ долей серебра [2]).

б) Эта монетная единица должна быть принята въ великомъ княжествѣ, какъ въ счетахъ казны, такъ и между частными лицами, на основаніяхъ, о коихъ послѣдуетъ особое постановленіе.

в) Финляндскому банку предоставляется право, примѣняясь къ этой монетной единицѣ, чеканить размѣнную мѣдную монету, особо для великаго княжества, въ одинъ, въ пять, въ десять и въ двадцать пенни (т. е. въ $^{1}/_{4}$, $1^{1}/_{4}$, $2^{1}/_{2}$ и 5 коп.), съ соблюденіемъ при чеканкѣ относительно цѣнности ихъ по количеству мѣди тѣхъ правилъ, кои постановлены касательно мѣдной русской монеты такъ, что одинъ пенни по вѣсу и цѣнности металла будетъ равняться четверти копѣйки, и 20 пенни пяти копѣйкамъ русской мѣдной монеты послѣдняго чекана; пять же и десять пенни въ той же пропорціи.

г) Для облегченія денежнаго обращенія дозволяется банку, на тѣхъ же условіяхъ, кои предписаны для депозитныхъ билетовъ банка, впредь до времени выпускать билеты въ одну и три марки серебромъ.

Манифестъ былъ подписанъ Императоромъ Александромъ II и скрѣпленъ статсъ-секретаремъ Армфельтомъ, пособникомъ Лангеншельда и Снеллмана. Онъ изданъ, слѣдовательно, Верховною Властью, опять самолично, безъ всякаго соображенія съ «конституціею» Швеціи, о которой опять не было никакого упоминанія.

Законъ этотъ, скрѣпленный однимъ финляндцемъ Армфельтомъ, вовсе не былъ обсужденъ въ русскихъ законодательныхъ учрежденіяхъ и обязанъ своимъ происхожденіемъ, какъ хвастливо описываетъ цитированный финляндскій писатель, ловкости и другимъ подобнымъ средствамъ, направленнымъ, конечно, и на покойнаго Императора. Но, несмотря на то, все-таки въ новомъ законѣ уцѣлѣли всѣ слѣды единенія и подчиненности Финляндіи въ

---

[1]) Сборникъ постановл. Вел. Кн. Ф. за 1860 г., № 7.

[2]) Самый рисунокъ монеты утвержденъ постановленіемъ отъ Высочайшаго имени, изданнымъ въ Гельсингфорсѣ 8 мая 1861 г. и подписаннымъ 8-ю сенаторами, въ томъ числѣ и Лангеншельдомъ. На приложенномъ къ Сборнику постановленій листѣ рисунковъ монеты нѣтъ никакой подписи или иного свидѣтельства, что они разсматривались Государемъ.

отношеніи Россіи: вновь установленная монета измѣрялась въ точныхъ частяхъ рубля; русскіе законы о пробѣ металла и вѣсѣ, какъ серебра, такъ и мѣди, полагались въ основаніе; разрѣшалось чеканить только мѣдную монету; банкъ могъ выпускать только мелкіе билеты въ 1 и въ 3 марки.

Таковы были главныя основы монетнаго финляндскаго закона 1860 г. Но исполненіе его было еще впереди.

Въ манифестѣ [п. б. [1]] обстоятельно было выражено, что «относительно принятія новой монеты, какъ въ счетахъ казны, такъ и между частными лицами, послѣдуетъ особое пастановленіе».

Однако, обѣщаннаго разъяснительнаго постановленія вовсе не появилось. Напротивъ, на почвѣ предуказаннаго разъясненія вскорѣ, благодаря стараніямъ Лангеншельдовъ и Снеллмановъ, разрослись такія подробности, которыхъ всего менѣе можно было ожидать по точному смыслу закона 23 марта. Правда, вскорѣ, и не далѣе какъ 19 (7) апрѣля [2]), явилось уже объявленіе «о нѣкоторыхъ мѣрахъ» къ исполненію этого закона, подписанное нѣсколькими сенаторами, но въ немъ было совсѣмъ не то, чего слѣдовало ожидать. Главная сущность этихъ «мѣръ» состояла въ томъ, что сенату выражалось отъ Высочайшаго имени «желаніе, чтобы представительные знаки новой монеты, какъ металлическіе, такъ и бумажные, встрѣчались въ народномъ обращеніи преимущественно предъ другими денежными знаками» (т. е., конечно, и передъ русскими, вовсе не новыми); а для исполненія этого желанія повелѣвалось сенату «въ возможной скорости представить свой всеподданнѣйшій отзывъ касательно основаній, на коихъ можно чеканить особую для Финляндіи серебряную монету», «о выпускѣ также билетовъ высшаго достоинства на новую монетную единицу» и «составить проектъ для устройства въ краѣ монетнаго двора».

Легко видѣть, что это «объявленіе», которымъ финляндскіе сенаторы сами себѣ выражали Высочайшую волю, вовсе не представляетъ обѣщаннаго «развитія» основной мысли манифеста; напротивъ, въ немъ оказываются совсѣмъ новыя и важныя вещи, которымъ мѣсто именно въ самомъ манифестѣ, а не въ разъяснительномъ или въ исполнительномъ объявленіи. Сличая оба эти документа, невольно приходится остановиться предъ тѣмъ соображеніемъ, что мѣры, или вѣрнѣе «желанія», объявленныя себѣ сенаторами, всего двѣ недѣли спустя послѣ подписанія Императо-

---

[1]) Въ самомъ законѣ нумерація статей цифрами; но мы, сдѣлавъ извлеченіе лишь главнѣйшихъ положеній, отмѣтили ихъ буквами.

[2]) Сборникъ пост. В. К. Ф. за 1860 г., № 8.

а, 12-го іюня (31 мая), издано въ Гельсингфорсѣ новое Высо-шее постановленіе «о чеканкѣ особой серебряной монеты для икаго княжества Финляндскаго и о выпускѣ тамъ бумажныхъ егъ разныхъ достоинствъ» [1]). Новымъ узаконеніемъ, между про-ъ, постановлялось:

1) Финляндскому правительству (?) разрѣшается, соображаясь установленною упомянутымъ манифестомъ 4 апрѣля (23 марта) 0 г. монетною единицею и ея подраздѣленіями, чеканить сере-ную монету въ одну и двѣ марки, а также въ 75, 50 и 25 пенни.

2) Изъ означенныхъ денегъ, монета въ одну и въ двѣ марки, количеству содержащагося въ ней чистаго серебра, должна ершенно соотвѣтствовать ея нарицательной цѣнѣ (т. е. четвертаку олтиннику) и чеканиться изъ металлическаго сплава, заключаю-о въ себѣ $83^{1}/_{3}$ доли чистаго серебра и $12^{2}/_{3}$ доли мѣди; монета въ 75, 50 и 25 пенни, по внутреннему своему достоинству, имѣетъ ъ 15% ниже нарицательной цѣны, и вычеканена изъ металла, ержащаго въ себѣ 72 доли чистаго серебра и 24 части мѣди.

Третій пунктъ говоритъ о ремедіумѣ, или терпимости въ вѣсѣ.

4) Такъ какъ монета въ 75, 50 и 25 пенни, какъ означено выше, своему внутреннему достоинству ниже нарицательной цѣны, то ащеніе ея, равно какъ и дозволенной предъ симъ къ выпуску дной монеты, ограничивается тѣмъ, что частныя лица при каж-ъ расчетѣ не обязаны принимать болѣе десяти марокъ; ка-ныя же кассы не могутъ отказываться отъ пріема этой монеты какомъ бы то ни было количествѣ.

5) Финляндскому банку предоставляется также выпускать бу-жныя деньги, считая на новоустановленную для края монетную

Законъ совершенно опредѣленно постановилъ, что финляндскому банку предоставляется право чеканить размѣнную мѣдную монету, которой по русскому закону не били. Это, худо ли, хорошо ли, оправдывалось цѣлью новаго порядка. Но манифестъ ничего не говорилъ о чеканкѣ марковыхъ и двухмарковыхъ монетъ серебряныхъ, въ которыхъ не было и надобности, такъ какъ имъ вполнѣ соотвѣтствовали русскіе полтинники и четвертаки.

Постановленіе сенаторовъ прямо узаконило чеканку финской монеты этой цѣнности, въ безусловную отмѣну закона 23 марта.

Послѣдній дозволилъ банку выпускать билеты въ 1 и въ 3 марки, т. е. въ 25 и въ 75 коп.; это также совпадало съ цѣлью. О болѣе крупныхъ не сказано ни слова, потому что, начиная съ рубля, т. е. съ 4 марокъ, были русскіе билеты.

Сенаторы, въ прямое нарушеніе, постановили выпускъ именно крупныхъ билетовъ. Это дѣйствительною необходимостью не вызывалось; но своя цѣль, не та, что гласно была выражена въ законѣ 23 марта, а другая, скрытая, этого требовала. Новые билеты финляндскаго банка должны были вытѣснить русскіе билеты; иначе, при десятичной системѣ (марки, раздѣленной на 100 пенни) билеты въ 40, а тѣмъ болѣе въ 12 марокъ, представлялись несообразностью. Но если вспомнить, что 12 марокъ равны 3-мъ рублямъ, а 40—10-ти рублямъ, то дѣло будетъ ясно и просто. Именно эту цѣль «вытѣсненія» совершенно опредѣленно высказываетъ цитированный финляндскій историкъ [1]). Допустить же, что это дѣлалось, какъ официіально писали сенаторы, съ вѣдома, или даже по волѣ покойнаго Государя (hade H. K. M. funnit nödigt) значило бы посягать на святыню вѣчной его памяти. Напротивъ, приведенныя выше слова Императора, непредусмотрительно попавшія въ дифирамбъ г. Эдв. Берга въ честь его «великихъ» согражданъ, вполнѣ удостовѣряютъ, что полная передѣлка сенаторами закона 23 марта только прикрывалась Высочайшимъ именемъ, въ чемъ, конечно, помогалъ и Армфельтъ.

Разъ узаконилась обширная чеканка разной монеты, естественно было при извѣстныхъ тенденціяхъ, повести рѣчь и о монетномъ дворѣ. Дѣйствительно, въ 1862 г. узаконился и онъ, хотя сперва только на бумагѣ. Впрочемъ, о немъ скажемъ особо.

Рисунки банковыхъ билетовъ также не замедлили явиться. На нихъ останавливаться не будемъ. Скажемъ лишь, что русской надписи отведено было мѣсто не на лицевой, а на тыльной сторонѣ, и это мѣсто съ теченіемъ времени все съуживалось. На лицевой сторонѣ былъ лишь государственный гербъ (двуглавый

---

[1]) Bergh, Vår Styrelse, т. I, стр. 43.

орелъ); но Снеллманы нашли, вѣроятно, болѣе изящнымъ дѣлать его подъ цвѣтъ фона, только выпукло оттиснутымъ. Послѣдствіемъ было то, что отъ него очень скоро не оставалось никакого слѣда, ибо сглаживался отъ употребленія. Черезъ шесть лѣтъ, вскорѣ по вступленіи въ генералъ-губернаторство гр. Адлерберга, тотъ же сенатъ поставленъ былъ въ необходимость опубликовать Высочайшее объявленіе о печатаніи государственнаго герба, для большей ясности, чернымъ цвѣтомъ.

Собственно въ Россіи, какъ признаетъ самъ нашъ финскій историкъ [1]), далеко не всѣ глядѣли благосклонно на попытки обособленія Финляндіи, въ числѣ коихъ одною изъ наиболѣе наглядныхъ являлось установленіе особой монеты. Но самая эта реформа приводилась на дѣлѣ въ исполненіе очень туго, хотя на бумагѣ, казалось, все уже было рѣшено, съ требованіемъ притомъ безотложности. Едва ли не главнѣйшею тому причиною былъ недостатокъ въ Финляндіи металла на серебряную монету. Прежде, до 60-хъ годовъ, если эта окраина встрѣчала нужду въ деньгахъ на экстренныя надобности, напр., на устройство Сайменскаго канала, на первую желѣзнодорожную линію изъ Гельсингфорса въ Тавастгусъ и т. п., финляндцы получали ихъ или выпускомъ облигацій внутри края, или же кредитовались въ Петербургѣ, у Штиглица и въ Государственномъ Коммерческомъ банкѣ. Не далѣе какъ въ 1858 году этимъ послѣднимъ было отпущено $2^1/_2$ милл. р.

Но съ изданіемъ закона о новой монетѣ финляндскій сенатъ сталъ вести дѣла такъ, чтобы новые займы заключать не въ Россіи, а за границей. И дѣйствительно, 13 (1) декабря 1862 г. послѣдовалъ манифестъ, которымъ сенату разрѣшалось заключить у Ротшильда во Франкфуртѣ заемъ въ 4.400.000 талеровъ, изъ $4^1/_2$ проц., съ погашеніемъ въ 42 года. Цѣль займа указана въ выкупѣ прежнихъ неконсолидированныхъ облигацій, а также «и для пріобрѣтенія звонкой монеты на устройство денежнаго обращенія въ краѣ». Дѣло выходило не особенно выгодное: по прежнимъ кредитивамъ и облигаціямъ уплачивалось 4 и даже 3 процента; теперь приходилось платить $4^1/_2\%$, кромѣ погашенія. Кромѣ того, въ краѣ было такъ много размѣнной русской монеты, что, по удостовѣренію г. Эдв. Берга, въ 1865 году финскія таможни и вообще казенныя кассы, въ 8—10 дней набирали на 40.000 р. мелкаго русскаго серебра [2]). Но — цѣль оправдывала средства; да и надо было заявить себя самостоятельно за границей.

Около того же времени, какъ заключался заемъ (именно 10 дек.

---

[1]) Ibid., т. II, стр. 465.
[2]) Vår Styrelse, т. II, стр. 467.

(28 ноября) 1862 г.), послѣдовало распоряженіе, чтобы съ 1-го января наступившаго 1863 г. новая монетная единица вступила въ дѣйствіе. Однако, и это повтореніе не помогло. Часть Ротшильдовскаго займа ушла совсѣмъ на другія нужды: въ 1862 г. сѣверная Финляндія терпѣла голодъ отъ неурожая, и заводить новую монету было нечѣмъ. Такъ протянулось еще цѣлыхъ два года, и приходилось волей неволей терпѣть русскія деньги; марки не появлялись въ обращеніи. Мало того: для успокоенія, какъ полагаютъ финляндцы, возбужденной въ Имперіи финляндскимъ монетнымъ закономъ щекотливости, пришлось теперь — 1 февраля 1865 г.— вновь объявлять, «что русскій металлическій рубль и его подраздѣленія, какъ составляющія общую государственную монету, долженъ равномѣрно быть законнымъ платежнымъ средствомъ и въ Финляндіи, вмѣстѣ съ финской маркой, соотвѣтствующей четверти рубля и составляющей только подраздѣленіе общегосударственной монеты» [1]).

Такого рода объявленіе, клонившееся къ огражденію русскихъ интересовъ въ краѣ, еще разъ съ очевидностію свидѣтельствуетъ, что Императоръ Александръ Николаевичъ вовсе не такъ горячо желалъ видѣть въ Финляндіи введеніе особой монеты, какъ о томъ офиціально писали его именемъ гильсингфорсскіе сенаторы. Но, съ другой стороны, эти послѣдніе не только не поспѣшили опубликовать новое постановленіе въ церквахъ, какъ то дѣлалось съ другими болѣе «пріятными» постановленіями, но и вовсе его не напечатали даже въ Сборникѣ. Оно огласилось только девять мѣсяцевъ спустя, и то только въ видѣ упоминанія.

Пройдя молчаніемъ такое существенное постановленіе, гг. Снеллманы направили свои усилія къ тому, чтобы рѣшительно добиться, наконецъ, осуществленія монетной реформы. Тому помогли и обстоятельства. Въ 1865 году, для желѣзнодорожныхъ надобностей, заключенъ былъ новый внутренній заемъ на 6.000.000 марокъ, съ платежемъ уже $5^2/_5$%. Вмѣстѣ съ другими рессурсами въ кассѣ банка оказалось около 8.000.000.

Дѣло пошло на ладъ. 4-го ноября (нов. ст.) 1865 г. финляндскимъ статсъ-секретаремъ Шернваль-Валленомъ испрошено повелѣніе о томъ, чтобы сенатъ назначилъ срокъ для введенія новой монетной единицы. Финскій историкъ съ часами въ рукахъ слѣдитъ за тою поспѣшностью, которую сенатъ проявилъ по этому случаю. Ноября 7-го прибыла въ Гельсингфорсъ бумага статсъ-

---

[1]) Въ сборникѣ пост. В. К. Ф. это постановленіе не распубликовано, поэтому мы должны были ограничиться переводомъ со шведскаго изложенія, приводимаго г. Эдв. Бергомъ.

секретаря; 8-го въ 2 часа собрался сенатъ для ея обсужденія и совѣщался до 4 ч. Въ тотъ же день было издано постановленіе, а на завтра въ 9 часовъ утра поскакали съ нимъ первыя эстафеты. Въ теченіе дня разосланы и прочія по всей странѣ, такъ что въ ближайшее воскресенье, 12-го ноября, въ церквахъ были уже прочитаны объявленія о томъ, что съ завтрашняго же дня, т. е. съ 13-го ноября, металлическая монета становилась единственнымъ платежнымъ средствомъ.

Въ постановленіи 8-го ноября [1]) впервые упомянуто въ видѣ ссылки Высочайшее постановленіе 1-го февраля, на счетъ значенія для Финляндіи русскаго рубля. Въ силу его металлическій рубль съ подраздѣленіями поставленъ на первомъ мѣстѣ и признанъ, какъ и въ законѣ 1860 г., «составляющимъ общую монету государства». Проба и количество металла съ точностію опредѣлены для каждаго наименованія монеты согласно тому закону. То же было и во 2-мъ пунктѣ, опредѣлявшемъ марковую монету съ ея подраздѣленіями, причемъ точно повторено, что «одна марка соотвѣтствуетъ одной четверти рубля, составляя такимъ образомъ подраздѣленіе общей государственной монеты».

Оказывается такимъ образомъ, что признаніе единства новой финской монеты съ общеимперской, вопреки очевидному противодѣйствію финляндскаго управленія, проходило въ узаконеніяхъ непрерывной притомъ яркой чертой.

Это было, впрочемъ, въ отношеніи металлической монеты. Но одновременно, того же 8-го ноября 1865 г., издано сенатомъ и другое постановленіе, по которому кредитнымъ билетамъ финляндскаго банка присвоивалось по 13 (1) марта 1866 г. обязательное обращеніе по нарицательной цѣнѣ, наравнѣ съ металлическою монетою. О русскихъ кредитныхъ билетахъ не сказано ни слова; тѣмъ самымъ они молчаливо исключались изъ обращенія. Имѣлъ ли сенатъ на это право? Можно выразить сомнѣніе въ томъ отношеніи, что сенатъ законно не могъ предоставить финляндскимъ кредитнымъ билетамъ обязательное обращеніе по нарицательной стоимости. Оно не было установлено закономъ 1860 года, который къ тому же зналъ только билеты въ 1 и 3 марки, между тѣмъ какъ сенатъ съ того времени наплодилъ множество билетовъ высшихъ достоинствъ, о которыхъ въ томъ законѣ не было и помина. Постановленіе 8-го ноября 1865 г. было въ отношеніи къ нему лишь исполнительнымъ актомъ. Высочайшаго разрѣшенія на такое распространительное толкованіе получить въ Гельсингфорсѣ не могли. Припомнимъ, что повелѣніе 4-го ноября, объявленное Шерн-

[1]) Сборникъ пост. 1865 г., № 33 по русскому тексту, по шведскому № 34.

валемъ и полученное въ сенатѣ 7-го, а разсмотрѣнное 8-го, имѣло предметомъ лишь назначеніе срока для введенія монетной реформы, какъ о томъ свидѣтельствуетъ г. Эдв. Бергъ. Естественно, что разосланное съ эстафетой уже на другой день рано утромъ, хотя бы и отъ Высочайшаго имени, оно не могло успѣть въ промежутокъ времени нѣсколькихъ часовъ быть отправлено въ Петербургъ, тамъ разсмотрѣно, поднесено на Монаршее утвержденіе и прислано затѣмъ обратно. Это невозможно даже при телеграфномъ сношеніи.

Но не прошло и мѣсяца, какъ понадобилась новая перемѣна, 6-го декабря 1865 г. сенатъ за своимъ подписомъ уже отмѣнилъ какъ часть послѣдняго постановленія 8-го ноября, такъ и законъ 1860 г. Подобно изгнанію русскихъ кредитныхъ билетовъ, понадобилось устраненіе и низкопробной серебряной русской монеты, а равно и мѣдной. Новымъ постановленіемъ эта монета, впрочемъ, на первый разъ вмѣстѣ съ такой же финской, допущена къ пріему въ казенныя кассы и въ частномъ оборотѣ на сумму, не болѣе 2 руб. съ полтиной, или 10 марокъ. Это, впрочемъ, продолжалось не долго, и, меньше чѣмъ черезъ два мѣсяца [1]), прямо сняли маску, и русскую размѣнную монету вовсе устранили отъ обязательнаго пріема. Финская, конечно, оставлена, но съ ограниченіемъ количества обязательнаго пріема до размѣра 100 пенни при одномъ расчетѣ. Финляндцы замѣчали, что такой мѣрой они прямо отказывались отъ официально заявленной въ монетной реформѣ цѣли «уменьшенія монетной единицы», которой изобиліе въ обращеніи мелкихъ денегъ, конечно, могло только способствовать.

Итакъ, въ промежутокъ времени съ 8 ноября по 28 февраля законъ, изданный Императорскою властію, и объявленъ былъ къ исполненію, и успѣлъ подвергнуться такимъ измѣненіямъ, что большая его часть могла уже считаться недѣйствительною. Русскій металлическій рубль, какъ основная государственная монета, оставался только въ принципѣ; серебряная же и мѣдная монета, столь казалось бы прочно поставленныя въ законѣ 23 марта 1860 г., не говоря уже о кредитныхъ билетахъ, была окончательно выжита изъ Финляндіи. Обособленности было положено прочное основаніе.

Тѣмъ временемъ въ Финляндіи произошла весьма важная перемѣна. Императоръ Александръ II, державшійся первые годы своего царствованія болѣе или менѣе на томъ же въ отношеніи этого края пути, которому въ теченіе полувѣка слѣдовали его родитель и дядя, сталъ постепенно склоняться на сторону стремленій, которыми были полны его финляндскіе совѣтники. Вся послѣдующая исторія является несомнѣннымъ доказательствомъ, что

---

[1]) 28 февраля 1866 г. Сборникъ пост. В. К. Ф. 1866 г.

либеральное для Финляндіи, какъ и для прочихъ окраинъ, оказывалось безусловно нелиберальнымъ и вреднымъ для остальныхъ частей Имперіи. Сперва явилась въ Гельсингфорсѣ особая комиссія изъ сословныхъ представителей, а потомъ изъ нея выросъ и весь сеймъ, безъ котораго прожили благополучно цѣлыя два поколѣнія. Отъ проектовъ перешли къ дѣлу, и возведенный нынѣ въ финляндскія знаменитости упомянутый уже гельсингфорсскій сенаторъ Снеллманъ изложилъ для Императора Александра извѣстную, полную конституціонныхъ обѣщаній рѣчь, которою былъ открытъ сеймъ 1863 года[1]). Потомъ, какъ сказано, Снеллманъ явился «министромъ финансовъ Финляндіи», которая пошла теперь къ сепаратизму по всѣмъ направленіямъ и на всѣхъ парахъ. Конечно, при отличительныхъ качествахъ такого главы финансовой части, какимъ его живописуютъ мѣстные историки, связь съ Россіей и въ монетномъ дѣлѣ затрещала по всѣмъ швамъ, и безъ того уже надорваннымъ.

Поводовъ не приходилось долго ждать. Америка начала наводнять Европу тѣмъ громаднымъ избыткомъ серебра, которое ей давали новые богатѣйшіе рудники, и за границей стали замѣнять неустойчивую серебряную валюту золотою. Въ Финляндіи заговорили о томъ же[2]).

Было ли для Финляндіи дѣйствительно необходимо такое капитальное измѣненіе? Конечно, нѣтъ. Торговый ея балансъ по ввозу и вывозу составлялъ (въ 1876 г.) всего 232 милліона марокъ—менѣе 60 милліоновъ рублей[3]). Но изъ нихъ 100 милліоновъ надо отнести на счетъ торговли съ Россіей, въ которой не

---

[1]) Какъ разсказываетъ г. Эдв. Бергъ, Снеллману сотрудничалъ въ составленіи этой рѣчи г. Андрей Гамбургеръ «замѣчательный стилистъ Императорской Канцеляріи», точнѣе Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Позже дѣйств. тайн. сов. А. Ф. Гамбургеръ состоялъ россійскимъ посланникомъ при Швейцарскомъ союзѣ.—Vår Styrelse, T. II, стр. 15.

[2]) Въ нашей печати было разсказываемо, что будто бы со стороны русскаго Министерства Финансовъ посовѣтовали финляндцамъ ввести у себя золотую валюту. Эти слухи, шедшіе изъ финляндскихъ источниковъ, сколько извѣстно, не были опровергнуты. Къ нимъ присоединялись и разные другіе, крайне для русскаго чувства обидные, въ родѣ, напр., того, что въ русскихъ учрежденіяхъ систематически было устранено обсужденіе вопроса о золотой монетѣ для Финляндіи, хотя нѣкоторые члены ихъ имѣли готовыя записки съ возраженіями. Передавались подъ рукой и еще болѣе прискорбныя вѣсти о какихъ-то дешево проданныхъ имѣніяхъ, о постройкѣ кому-то выгодныхъ желѣзнодорожныхъ станцій и т. д. Упоминаемъ объ этихъ злыхъ слухахъ единственно въ надеждѣ, что люди, ближе освѣдомленные, быть можетъ, найдутъ возможнымъ ихъ категорически опровергнуть.

[3]) Finans-Expeditionens i Kejserliga Senaten för Finland berättelse 1872—1883, стр. 87.

могло быть никакихъ затрудненій отъ неустойчивости серебряной монеты. Это тѣмъ болѣе, что ввозъ изъ Россіи въ Финляндію много превышалъ вывозъ, и послѣдняя должна была соотвѣтственно столько же приплачивать первой по невыгодному своему торговому балансу [1]).

Однако, финляндскій сенатъ вмѣстѣ съ управленіемъ мѣстнаго банка нашли нужнымъ войти къ покойному Государю съ соотвѣтственнымъ представленіемъ, и въ результатѣ было учрежденіе особой комиссіи, конечно, изъ однихъ только финляндцевъ, подъ предсѣдательствомъ г. Р. Монгоммери, тогда профессора, а позже мѣстнаго сенатора, и hoc tempore члена комитета финляндскихъ дѣлъ въ С.-Петербургѣ. Политическія его воззрѣнія на отношенія Финляндіи къ Россіи, высказанныя въ печати, вполнѣ совпадаютъ съ направленіемъ извѣстныхъ гг. Мехелина, Коскинена и т. под., хотя послѣдній принадлежитъ къ финноманской партіи, между тѣмъ, какъ г. Монгоммери остается свекоманомъ.

Конечно, комиссія, а затѣмъ и сенатъ признали переходъ къ золотой валютѣ весьма важнымъ и спѣшнымъ дѣломъ [2]). Что Россія готовилась въ это именно время къ послѣдней турецкой войнѣ,—до того, оказывается, никому не было дѣла. А такъ какъ въ Гельсингфорсѣ засѣдалъ сеймъ и занятія его близились къ концу, то озаботились всемѣрно ускорить изготовленіе нужнаго на предметъ новой реформы предложенія земскимъ чинамъ. Таковое отъ лица покойнаго Государя и подписано 6 (18) апрѣля 1877 г. финляндскимъ статсъ-секретаремъ Шернваль-Валленомъ и скрѣплено исполнявшимъ обязанности экспедиціоннаго секретаря Эмилемъ Стренгомъ.

Послѣ весьма краткаго историческаго очерка и указаннаго предъ симъ пониженія цѣнности серебра, въ предложеніи говорилось:

«Такія условія побудили разныя страны оставить серебряную монету и принять золотую, какъ единственно законное мѣрило цѣнности. Такъ какъ главная монета страны имѣетъ, вмѣстѣ съ

[1]) Въ 1876 г.:

привозъ изъ Россіи въ Финляндію на	64.536.216 мар.
вывозъ въ Россію	36.180.220 »
доплата въ пользу Россіи	28.355.996 мар.
По заграничной торговлѣ:	
привозъ въ Финляндію	72.667.495 мар.
вывозъ	59.374.522 »
доплата за границу	13.292.973 мар.

[2]) Ibidem, стр. 93.

тѣмъ, и значеніе посредствующаго мѣнового товара между нею и чужими краями, то, по переходѣ этихъ послѣднихъ къ золотой монетѣ, сохраненіе въ Финляндіи серебряной валюты окажется не безъ неблагопріятнаго вліянія на сношенія съ чужими странами, а косвенно и на внутреннія условія края [1]).

Такая чисто теоретическая тирада оказывалась главнѣйшимъ или, точнѣе, единственнымъ мотивомъ законодальнаго предложенія, которое финляндскій статсъ-секретарь какъ бы влагалъ въ уста русскаго Монарха, ибо оно объявлялось отъ Высочайшаго имени. Между тѣмъ, въ Россіи валюта оставалась прежняя, серебряная. Если сохраненіе послѣдней для Финляндіи оказывало неблагопріятное для нея вліяніе, то положеніе Россіи было не лучше, а съ переходомъ и Финляндіи къ золоту, которая являлась въ этомъ отношеніи лишнимъ врагомъ и эксплоататоромъ, настолько болѣе ухудшилось. Облегченіе для Финляндіи было обремененіемъ для Россіи. Если, какъ считали финляндскіе законодатели, серебро понизилось въ цѣнѣ на цѣлые 22%, то на $13^1/_4$ милл. мар. приплаты по заграничной торговлѣ могло быть убытка (очень, впрочемъ, сомнительнаго) 2.900.000 мар. Россія же, по такому же счету приплатъ, слѣдующихъ ей отъ Финлядіи, въ суммѣ 28 милл., должна была, при переходѣ послѣдней на золотую валюту, нести болѣе 6.000.000 убытка, не считая потерь на содержаніе войскъ, крѣпостей и прочее, что составляетъ новые милліоны.

Подобныя соображенія, также какъ и политическая сторона дѣла, вовсе не были затронуты въ предложеніи, объявленномъ Шернваль-Валленомъ. Въ разсужденіяхъ же о той золотой монетѣ, какую надлежало ввести въ Финляндіи, выражалась какъ бы забота объ охранѣ и русскихъ интересовъ.

«При установленіи золотой монетной единицы, которую надлежитъ ввести,—говорилось въ другомъ мѣстѣ предложенія,—французская монета, существующая уже во многихъ странахъ, можетъ наилучше быть усвоена и Финляндіей, ибо она наиближе подходитъ къ господствующей нынѣ въ краѣ и въ имперіи однородной монетѣ, благодаря чему переходъ къ новой валютѣ можетъ произойти безъ замѣтныхъ неудобствъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, монетныя и дѣловыя связи между Россіей и Финляндіей встрѣтятъ мало, или же и вовсе не встрѣтятъ замѣшательствъ».

Вотъ какія, полныя злой ироніи, заботы о Россіи изливалъ г. финляндскій статсъ-секретарь въ своей бумагѣ...

---

[1]) Handlingar tillkomna vid Landtdagen i Helsingfors åren 1877—1878, часть 4-я, пропозиція 46, стр. 2.

Съ такой мотивировкой на обсужденіе гельсингфорсскаго сейма предлагались три узаконенія: 1) о монетѣ Финляндіи, 2) о переходныхъ мѣрахъ и 3) о перемѣнахъ въ уставѣ тамошняго банка. Входить въ подробности этихъ проектовъ нѣтъ надобности; главное изъ перваго узаконенія приведемъ ниже.

На сеймѣ проектъ во всѣхъ трехъ его частяхъ былъ принятъ съ такимъ сочувствіемъ, что ни въ чемъ не было сдѣлано ни малѣйшихъ возраженій: все принято цѣликомъ. Но можно ли было ожидать чего другого? Дѣло прошло очень спѣшно чрезъ коммисію, и 17 (5) мая сеймовые чины написали уже свое заключеніе, а 28-го подписали и всеподданнѣйшее представленіе [1]).

Наконецъ, 9 августа (28 іюля) того же 1877 г. изданъ гельсингфорсскимъ сенатомъ, отъ имени Императора Александра II, но безъ его подписи, послѣдній законъ о монетѣ великаго княжества финляндскаго. Имъ, «съ согласія земскихъ чиновъ», отмѣнены манифесты, лично и непосредственно данные Императорами Александромъ I и Александромъ II, также какъ разъяснительныя къ нимъ постановленія сената, изданныя въ 1860 г. и въ 1865 г. Нельзя, конечно, не быть въ недоумѣніи, какимъ образомъ, вопреки общему правилу законодательной практики, что законъ отмѣняется тою же властью, которою онъ установленъ, отмѣна свободно данныхъ русскими государями актовъ, также какъ и постановленій, изданныхъ исполнительнымъ ихъ органомъ, потребовала согласія земскихъ чиновъ. Да, русскіе люди не стояли тогда на стражѣ достоинства Россіи и ея Государя!

Главныя положенія новаго закона заключались въ слѣдующемъ [2]):

§ 1. Монета Финляндіи основана на золотѣ, какъ единственномъ мѣрилѣ цѣнности.

§ 2. Счетная монетная единица именуется маркою. Марка дѣлится на сто пенни. Единицею монетнаго вѣса служитъ французскій граммъ.

§ 3. Изъ золота чеканятся монеты двоякаго рода: одна въ десять маркъ, а другая въ двадцать маркъ. Первая должна содержать въ себѣ $2^{28}/_{31}$ грамма, а двадцати-марковая — $5^{25}/_{31}$ грамма чистаго золота.

§ 4. Для чеканки слѣдуетъ сплавлять девять вѣсовыхъ долей чистаго золота съ одной вѣсовой долею мѣди, каковой сплавъ называется монетнымъ золотомъ. Слѣдовательно, десяти-марковая монета должна вѣсить $3^{7}/_{31}$ грамма, а двадцати-марковая — $6^{14}/_{31}$.

---

[1]) Handlingar, ч. 4. propos. 46, стр. 17 и послѣд.

[2]) Сборникъ пост. В. К. Ф., 1877 г., № 22.

Съ такой мотивировкой на обсужденіе гельсингфорсскаго сейма предлагались три узаконенія: 1) о монетѣ Финляндіи, 2) о переходныхъ мѣрахъ и 3) о перемѣнахъ въ уставѣ тамошняго банка. Входить въ подробности этихъ проектовъ нѣтъ надобности; главное изъ перваго узаконенія приведемъ ниже.

На сеймѣ проектъ во всѣхъ трехъ его частяхъ былъ принятъ съ такимъ сочувствіемъ, что ни въ чемъ не было сдѣлано ни малѣйшихъ возраженій: все принято цѣликомъ. Но можно ли было ожидать чего другого? Дѣло прошло очень спѣшно чрезъ коммисію, и 17 (5) мая сеймовые чины написали уже свое заключеніе, а 28-го подписали и всеподданнѣйшее представленіе [1]).

Наконецъ, 9 августа (28 іюля) того же 1877 г. изданъ гельсингфорсскимъ сенатомъ, отъ имени Императора Александра II, но безъ его подписи, послѣдній законъ о монетѣ великаго княжества финляндскаго. Имъ, «съ согласія земскихъ чиновъ», отмѣнены манифесты, лично и непосредственно данные Императорами Александромъ I и Александромъ II, также какъ разъяснительныя къ нимъ постановленія сената, изданныя въ 1860 г. и въ 1865 г. Нельзя, конечно, не быть въ недоумѣніи, какимъ образомъ, вопреки общему правилу законодательной практики, что законъ отмѣняется тою же властью, которою онъ установленъ, отмѣна свободно данныхъ русскими государями актовъ, также какъ и постановленій, изданныхъ исполнительнымъ ихъ органомъ, потребовала «согласія земскихъ чиновъ». Да, русскіе люди не стояли тогда на стражѣ достоинства Россіи и ея Государя!

Главныя положенія новаго закона заключались въ слѣдующемъ [2]):

§ 1. Монета Финляндіи основана на золотѣ, какъ единственномъ мѣрилѣ цѣнности.

§ 2. Счетная монетная единица именуется маркою. Марка дѣлится на сто пенни. Единицею монетнаго вѣса служитъ французскій граммъ.

§ 3. Изъ золота чеканятся монеты двоякаго рода: одна въ десять маркъ, а другая въ двадцать маркъ. Первая должна содержать въ себѣ $2^{28}/_{31}$ грамма, а двадцати-марковая — $5^{25}/_{31}$ грамма чистаго золота.

§ 4. Для чеканки слѣдуетъ сплавлять девять вѣсовыхъ долей чистаго золота съ одной вѣсовой долею мѣди, каковой сплавъ называется монетнымъ золотомъ. Слѣдовательно, десяти-марковая монета должна вѣсить $3^{7}/_{31}$ грамма, а двадцати-марковая — $6^{14}/_{31}$.

---

[1]) Handlingar, ч. 4, propos. 46, стр. 17 и послѣд.

[2]) Сборникъ пост. В. К. Ф., 1877 г., № 22.

Съ такой мотивировкой на обсужденіе гельсингфорсскаго сейма предлагались три узаконенія: 1) о монетѣ Финляндіи, 2) о переходныхъ мѣрахъ и 3) о перемѣнахъ въ уставѣ тамошняго банка. Входить въ подробности этихъ проектовъ нѣтъ надобности; главное изъ перваго узаконенія приведемъ ниже.

На сеймѣ проектъ во всѣхъ трехъ его частяхъ былъ принятъ съ такимъ сочувствіемъ, что ни въ чемъ не было сдѣлано ни малѣйшихъ возраженій: все принято цѣликомъ. Но можно ли было ожидать чего другого? Дѣло прошло очень спѣшно чрезъ коммиссію, и 17 (5) мая сеймовые чины написали уже свое заключеніе, а 28-го подписали и всеподданнѣйшее представленіе [1]).

Наконецъ, 9 августа (28 іюля) того же 1877 г. изданъ гельсингфорсскимъ сенатомъ, отъ имени Императора Александра II, но безъ его подписи, послѣдній законъ о монетѣ великаго княжества финляндскаго. Имъ, «съ согласія земскихъ чиновъ», отмѣнены манифесты, лично и непосредственно данные Императорами Александромъ I и Александромъ II, также какъ разъяснительныя къ нимъ постановленія сената, изданныя въ 1860 г. и въ 1865 г. Нельзя, конечно, не быть въ недоумѣніи, какимъ образомъ, вопреки общему правилу законодательной практики, что законъ отмѣняется тою же властью, которою онъ установленъ, отмѣна свободно данныхъ русскими государями актовъ, также какъ и постановленій, изданныхъ исполнительнымъ ихъ органомъ, потребовала «согласія земскихъ чиновъ». Да, русскіе люди не стояли тогда на стражѣ достоинства Россіи и ея Государя!

Главныя положенія новаго закона заключались въ слѣдующемъ [2]):

§ 1. Монета Финляндіи основана на золотѣ, какъ единственномъ мѣрилѣ цѣнности.

§ 2. Счетная монетная единица именуется маркою. Марка дѣлится на сто пенни. Единицею монетнаго вѣса служитъ французскій граммъ.

§ 3. Изъ золота чеканятся монеты двоякаго рода: одна въ десять маркъ, а другая въ двадцать маркъ. Первая должна содержать въ себѣ $2^{28}/_{31}$ грамма, а двадцати-марковая — $5^{25}/_{31}$ грамма чистаго золота.

§ 4. Для чеканки слѣдуетъ сплавлять девять вѣсовыхъ долей чистаго золота съ одной вѣсовой долею мѣди, каковой сплавъ называется монетнымъ золотомъ. Слѣдовательно, десяти-марковая монета должна вѣсить $3^{7}/_{31}$ грамма, а двадцати-марковая — $6^{14}/_{31}$.

---

[1]) Handlingar, ч. 4, propos. 46, стр. 17 и послѣд.
[2]) Сборникъ пост. В. К. Ф., 1877 г., № 22.

Съ такой мотивировкой на обсужденіе гельсингфорсскаго сейма предлагались три узаконенія: 1) о монетѣ Финляндіи, 2) о переходныхъ мѣрахъ и 3) о перемѣнахъ въ уставѣ тамошняго банка. Входить въ подробности этихъ проектовъ нѣтъ надобности; главное изъ перваго узаконенія приведемъ ниже.

На сеймѣ проектъ во всѣхъ трехъ его частяхъ былъ принятъ съ такимъ сочувствіемъ, что ни въ чемъ не было сдѣлано ни малѣйшихъ возраженій: все принято цѣликомъ. Но можно ли было ожидать чего другого? Дѣло прошло очень спѣшно чрезъ коммисію, и 17 (5) мая сеймовые чины написали уже свое заключеніе, а 28-го подписали и всеподданнѣйшее представленіе [1]).

Наконецъ, 9 августа (28 іюля) того же 1877 г. изданъ гельсингфорсскимъ сенатомъ, отъ имени Императора Александра II, но безъ его подписи, послѣдній законъ о монетѣ великаго княжества финляндскаго. Имъ, «съ согласія земскихъ чиновъ», отмѣнены манифесты, лично и непосредственно данные Императорами Александромъ I и Александромъ II, также какъ разъяснительныя къ нимъ постановленія сената, изданныя въ 1860 г. и въ 1865 г. Нельзя, конечно, не быть въ недоумѣніи, какимъ образомъ, вопреки общему правилу законодательной практики, что законъ отмѣняется тою же властью, которою онъ установленъ, отмѣна свободно данныхъ русскими государями актовъ, также какъ и постановленій, изданныхъ исполнительнымъ ихъ органомъ, потребовала «согласія земскихъ чиновъ». Да, русскіе люди не стояли тогда на стражѣ достоинства Россіи и ея Государя!

Главныя положенія новаго закона заключались въ слѣдующемъ [2]):

§ 1. Монета Финляндіи основана на золотѣ, какъ единственномъ мѣрилѣ цѣнности.

§ 2. Счетная монетная единица именуется маркою. Марка дѣлится на сто пенни. Единицею монетнаго вѣса служитъ французскій граммъ.

§ 3. Изъ золота чеканятся монеты двоякаго рода: одна въ десять маркъ, а другая въ двадцать маркъ. Первая должна содержать въ себѣ $2^{28}/_{31}$ грамма, а двадцати-марковая — $5^{25}/_{31}$ грамма чистаго золота.

§ 4. Для чеканки слѣдуетъ сплавлять девять вѣсовыхъ долей чистаго золота съ одной вѣсовой долею мѣди, каковой сплавъ называется монетнымъ золотомъ. Слѣдовательно, десяти-марковая монета должна вѣсить $3^{7}/_{31}$ грамма, а двадцати-марковая — $6^{14}/_{31}$.

---

[1]) Handlingar, ч. 4, propos. 46, стр. 17 и послѣд.
[2]) Сборникъ пост. В. К. Ф., 1877 г., № 22.

По § 6-му вся серебряная и мѣдная монета, до сего времени вычеканенная въ Финляндіи, имѣетъ служить, размѣнною монетою по своей нарицательной цѣнѣ на марки и пенни.

По § 7-му монетный металлическій сплавъ, изъ котораго слѣдуетъ чеканить монеты въ 2 и въ 1 марку, долженъ заключать въ себѣ $^{125}/_{144}$ серебра и $^{19}/_{144}$ мѣди, т. е., почти 0,868 чистаго серебра и 0,132 мѣди. Сплавъ для серебряной монеты въ извѣстное число пенни содержитъ въ себѣ 0,75 серебра и 0,25 мѣди.

§ 8. Монета (серебряная) въ двѣ марки должна содержать въ себѣ 8,99806 грамма, а монета въ одну марку 4,49903 гр. чистаго серебра. Вѣсъ установляется для монеты въ двѣ марки 10,36576 граммъ, въ одну марку—5,18288 грамма, и т. д.

§ 12. Величина, чеканъ, надпись монетъ и пр., что относится къ ихъ наружному виду, установляются Государемъ Императоромъ и Великимъ Княземъ.

По § 14-му чеканка размѣнной монеты разрѣшается только за счетъ финляндской казны.

По § 15-му размѣнная монета, при платежахъ въ казенныя кассы и въ финляндскій банкъ, должна приниматься въ какомъ бы то ни было количествѣ; другіе же не обязаны принимать въ платежъ монетъ въ одну и двѣ марки въ бо́льшемъ количествѣ, чѣмъ на 10 марокъ, серебряныхъ монетъ меньшаго достоинства на 2 марки и мѣдныхъ монетъ на одну марку.

По § 18-му, между прочимъ, монета, «переставшая служить общимъ законнымъ средствомъ платежа», по представленіи въ казенныя кассы или въ финляндскій банкъ, затѣмъ уже не выпускается въ обращеніе.

Въ законѣ всего 19 параграфовъ; прочіе, здѣсь не указанные, имѣютъ предметомъ второстепенныя подробности. Но о русской монетѣ нигдѣ въ этомъ законѣ прямо не упоминается ни единымъ словомъ.

Самые рисунки новой монеты утверждены финляндскимъ сенатомъ, отъ Высочайшаго имени, 16-го января 1878 г. и приложены къ Сборнику постановленій за № 1; но не показано, гдѣ и когда Государь ихъ разсматривалъ. Въ подписяхъ нѣтъ ни одного русскаго слова.

Позднѣе, 12-го марта 1879 г. состоялось постановленіе о выпускѣ финляндскимъ банкомъ билетовъ въ 50 и во 100 марокъ золотомъ [1]). Бывшая на прежнихъ ассигнаціяхъ, хотя и на тыльной сторонѣ, но видная русская подпись уступила теперь мѣсто видамъ Транзунда и Гельсингфорса. Для русскаго текста оставлено лишь узенькое мѣсто подъ ландшафтами.

[1]) Сборн. пост. В. К. Ф. 1789 г., № 8.

Такъ осуществилась реформа, много превзошедшая тѣ завѣтныя желанія боргоскихъ представителей 1809 г., которыя оставлены были тогда даже безъ всякаго отвѣта. Конечно, одна совѣсть новѣйшихъ дѣятелей, да Богъ, видитъ, насколько эта новѣйшая реформа достигнута прямыми и открытыми путями.

Русскій рубль, который въ теченіе 70-ти почти лѣтъ столь много послужилъ во благо Финляндіи, былъ въ новомъ законѣ торжественно замолчанъ. Тѣмъ не менѣе, и финляндскому управленію, и сейму все-таки пришлось имъ заняться. Только тутъ было нѣчто особенное.

На счетъ рубля было дано земскимъ чинамъ особое, впрочемъ, весьма краткое Высочайшее предложеніе. За недоступностью для русскаго изслѣдователя дѣлъ финляндскаго статсъ-секретаріата, нельзя даже приблизительно вѣрно сказать: что было причиною, что это предложеніе состоялось? Но несомнѣнно то, что за № 47 было дано сейму Высочайшее предложеніе «касательно обращенія въ Финляндіи россійскаго серебрянаго рубля и полнопробныхъ его подраздѣленій. Оно объявлено одновременно съ главною монетной пропозиціею и тѣми же, какъ выше сказано, лицами. Сущность его состояла въ томъ, что эта русская монета должна быть принимаема вездѣ въ уплату въ томъ же размѣрѣ, какъ установлено для двухъ и одномарковыхъ монетъ, въ частномъ оборотѣ, т. е. не свыше $2^1/_2$ рублей, или 10 марокъ.

Сеймовая комиссія въ своихъ соображеніяхъ находила, что постановленіе о полноправномъ обращеніи серебрянаго рубля собственно должно бы быть отмѣнено. Однако, въ заключеніи она присоединилась къ предложенію, но сдѣлала одну, заслуживающую вниманія оговорку, которую приняли и сословія. Въ своемъ всеподданнѣйшемъ представленіи по этому предложенію они излагали:

«При разсмотрѣніи опредѣленій, кои содержатся въ предыдущемъ всемилостивѣйшемъ предложеніи, сословія не могли упустить изъ виду тѣхъ ущерба и возможныхъ опасностей (de förluster och måhända äfven vådor) поддержанію установленнаго въ этой странѣ монетнаго дѣла, которыя можетъ вызвать предписаніе объ обращеніи въ ней полнопробной русской монеты въ извѣстномъ количествѣ. Однако, полагали несоотвѣтственнымъ отклонить настоящее всемилостивѣйшее предложеніе (ansett sig icke böra gifva ett afböjande svar).

«Принявъ, такимъ образомъ, всемилостивѣйшее предложеніе безъ измѣненія, сословія всеподданнѣйше предоставляютъ усмотрѣнію Вашего Величества, не будетъ ли угодно, въ случаѣ еслибы обнаружились извѣстныя неудобства (Känbara olägenheter)

этого постановленія, чтобы оно было отмѣнено безъ выслушанія сословій» [1]).

Это сеймовое постановленіе представляется очень интереснымъ. Сословія, которыя при всякомъ случаѣ ищутъ, какъ доказываетъ многолѣтній опытъ, возможности вмѣшаться не только въ дѣла администраціи, но и въ прерогативы Верховной Власти, принимая на себя высказываться по третьестепеннымъ дѣламъ въ родѣ пастьбы жеребятъ или перемѣщенія архивныхъ бумагъ,—эти самыя сословія здѣсь, въ важномъ монетномъ вопросѣ, сопряженномъ даже, по ихъ словамъ, съ опасностями, сами отступаются отъ новаго его разсмотрѣнія и отдаютъ его въ руки администраціи. Какъ объяснить себѣ это очень крупное противорѣчіе со всей практикой гельсингфорсскаго сейма.

Офиціальные документы не даютъ на это отвѣта; молчитъ и сеймовый историкъ г. Эдв. Бергъ. Но едва ли будетъ ошибочно предположить, что въ этомъ самоотреченіи имѣлась въ виду все та же цѣль: выживаніе и послѣднихъ слѣдовъ обязательной и очевидной государственной связи съ Россіей. Нужно устранить рубль даже и изъ ограниченнаго употребленія; а для этого нужно прекратить дѣйствіе разсматриваемаго узаконенія. Что легче: достигнуть ли этой цѣли чрезъ сеймъ, или простымъ административнымъ распоряженіемъ? Конечно, послѣднее. При свободномъ, односторонне-финляндскомъ веденіи дѣлъ этой окраины административный путь—наиболѣе простой, скорый и легкій. Тому приведено выше очень много примѣровъ. Въ теченіе двухъ недѣль, много двухъ мѣсяцевъ, сенатъ измѣнялъ и на половину вовсе отмѣнялъ законы, подписанные собственноручно Императоромъ. Все ограничивается постановленіемъ сената, публикуемымъ отъ Высочайшаго имени. Особенно, когда сенатъ можетъ усмотрѣть «ущербы и опасности», которыми пригрозилъ сеймъ,—тутъ онъ прямо, такъ сказать, обязанъ воспретить обращеніе вреднаго рубля. Такъ было поступлено въ 1865 г. съ такими же вредными русскою размѣнною монетою и русскими кредитными билетами. При законодательномъ ходѣ чрезъ сеймъ, напротивъ, пришлось бы, во-первыхъ, ожидать не менѣе 3-хъ, а если держаться въ точности сеймоваго устава, безъ тѣхъ послабленій, которыя дѣлались генералъ-губернаторами, то и 5-ти лѣтъ срока, установленнаго для созыва земскихъ чиновъ. Во 2-хъ, на предметъ было бы обращено гораздо больше вниманія. Дѣло, по крайней мѣрѣ, два раза должно бы побывать въ Петербургѣ; а тамъ, при другихъ русскихъ министрахъ, болѣе патріотичныхъ или менѣе космополитахъ, чѣмъ 30 или 13 лѣтъ тому назадъ,

[1]) Handlingar, ч. VI, prop. 47, стр. 3.

могли бы взглянуть на русское достоинство и интересъ иначе, чѣмъ глядѣли тогда и, конечно, все это отозвалось бы, можетъ быть, даже очень неблагопріятно на проектѣ окончательно воспретить обращеніе русскаго рубля въ части русскаго государства. При административномъ ходѣ, повторяемъ, все гораздо проще, и, главное, въ своихъ рукахъ.

И, тѣмъ не менѣе, финляндская администрація до сего времени, въ теченіе цѣлыхъ 12 лѣтъ, не исполнила надеждъ, возложенныхъ на нее сеймомъ 1877 года. Почему? Не имѣла успѣха, или дѣйствительно не усмотрѣла «ущербовъ и опасностей»?

Въ итогѣ: несмотря на введеніе въ Финляндіи законной золотой валюты, русскій рубль продолжаетъ не менѣе законно въ ней существовать на основаніи такого же постановленія, одновременно въ томъ же порядкѣ опубликованнаго, какъ и законъ о золотой монетѣ. Вотъ это постановленіе [1]):

«Съ согласія земскихъ чиновъ Финляндіи, Мы Высочайше постановляемъ ниже слѣдующее:

Металлическій рубль и полнопробныя его подраздѣленія опредѣленнаго для всякой отдѣльной монеты вѣса и пробы, а именно:

рубль, заключающій въ себѣ: серебра 4 зол. 21 долю и мѣди 61, 56 доли,

полтинникъ: серебра 2 золотника 10,50 доли, мѣди 30,78 доли, и

четвертакъ: серебра 1 золотникъ 5, 25 доли, мѣди 15,39 доли,

должны въ Финляндіи, при расчетахъ—но не при размѣнѣ,—какъ между частными лицами взаимно, такъ и между таковыми лицами, съ одной стороны и, казенными кассами и Финляндскимъ Банкомъ—съ другой, приниматься въ платежъ заразъ въ количествѣ не свыше двухъ рублей пятидесяти копѣекъ, соотвѣтствующихъ десяти маркамъ».

«Дано въ Гельсингфорсѣ, 9-го авгуса 1877 г.»

«По собственному Его Императорскаго Величества опредѣленію, Высочайшимъ Его Величества именемъ, Императорскій финляндскій сенатъ: Э. авъ Форселлесъ, К. Фуруельмъ, Г. Моландеръ, О. Норменъ, В. Вазашерна, А. Нюкопъ, Ф. Гейтель, Т. фонъ-Гелленсъ, В. Форсманъ».

Конечно, русское сердце сжимается болѣзненно при мысли: насколько въ этомъ узаконеніи сказалось приниженіе въ Финляндіи, за какіе-нибудь 15 и даже 12 лѣтъ,—съ 1865-го по 1877 г.—русскаго государственнаго достоинства и самыхъ правъ Верховной Власти! На основаніи закона, даннаго Императоромъ Александромъ II по единоличному его произволенію, тотъ же

---

[1]) Сборн. пост. К. В. Ф. 1877 г. № 22, стр. 10.

выпускать, какъ было уже высказано въ нашей печати, размѣнные на золото билеты этихъ отдѣленій. Не говоримъ уже о томъ, что можетъ быть установленъ обязательный пріемъ всѣхъ вообще русскихъ кредитныхъ билетовъ въ финляндскія казенныя и общественныя кассы по существующему курсу, объявляемому въ опредѣленные промежутки времени.

Наша справка была бы не полна, если бы не было въ ней сказано нѣсколько обстоятельнѣе о выдѣлкѣ монеты въ Финляндіи, что даже по старо-шведской конституціи 1772 г. принадлежало къ прерогативамъ короны.

Разрѣшеніе въ 1860 г. Финляндіи имѣть собственную монету тогда же вызвало въ тамошнемъ сенатѣ, какъ выше сказано, желаніе имѣть свой монетный дворъ. Въ самомъ законѣ 1860 года о немъ ничего не говорилось, въ томъ естественномъ предположеніи, что чеканка дозволенной имъ только мѣдной монеты будетъ производиться въ Россіи, также какъ и серебряной, по соглашенію финляндскаго банка съ нашимъ менетнымъ дворомъ. Въ Европѣ есть даже настоящія, признанныя небольшія государства, которыя благоразумно воздерживаются отъ устройства своихъ монетныхъ дворовъ и чеканятъ монету за границей. Но Финляндіи, шедшей полнымъ ходомъ къ совершенному обособленію отъ Россіи, непремѣнно понадобился свой собственный финляндскій монетный дворъ, какъ новая, конечно, эмблема самостоятельной государственности.

Однако, пока были колебанія въ исполненіи закона 1860 г., тянулось дѣло и съ монетнымъ дворомъ и «Высочайшій уставъ» о немъ явился не ранѣе 1-го марта 1865 г. По формѣ этотъ уставъ, вопреки своему названію «Высочайшаго», былъ прямо издѣліемъ сената, ибо подписанъ семью его членами даже безъ обычной формулы «по Высочайшему Его Величества опредѣленію», которая говоритъ о томъ, что дѣло посылалось для всеподданнѣйшаго доклада. Впрочемъ, уставъ имѣлъ временный характеръ «впредь до времени».

Занятія монетнаго двора по этому уставу состоятъ, главнымъ образомъ, въ чеканкѣ финляндской монеты; ему предоставлено изготовлять и медали. Вотъ и все. Управленіе составлено изъ директора, его помощника и др. служащихъ.

Послѣ введенія золотой монеты передѣланъ и уставъ монетнаго двора [1]; впрочемъ, существенное осталось въ прежнемъ видѣ. Новый штатъ назначилъ директору 9000 марокъ содержанія, помощнику—6000; въ общей же сложности монетный дворъ обходится Финляндіи ежегодно 32.000 марокъ, кромѣ пенсій, содержанія зданій и пр.

---

[1]) 13-го ноября 1878 г. Сборн. пост. В. Кн. Ф. 1878 г, № 22.

Въ томъ же году набито 3 м. 900 тыс. штукъ мѣдныхъ полушекъ (въ 1 пенни), всего цѣнностью на 39.000 мар.; въ 1884 г.—400 тыс. штукъ той же самой мелкой мелочи, на 4.000 мар. (1.000 р.). Съ 1885 по 1887 г. включительно, въ три года, не выбито ни одного пенни. Въ 1888 г., быть можетъ, въ связи съ тѣмъ, что русскія газеты обратили вниманіе на финляндскую синекуру, именуемую финляндскимъ монетнымъ дворомъ, по отчетамъ явилось вновь набитыхъ $2^1/_2$ мил. полушекъ и 600 тыс. штукъ мѣди въ 5 пенни, всего на сумму 55.000 марокъ [1]).

Выходитъ, что за 6-ть послѣднихъ лѣтъ финляндскій монетный дворъ, стоившій только денежнымъ содержаніемъ его чиновниковъ безъ малаго 200.000 марокъ, наработалъ всего для финляндской казны на 98.000 м. Но изъ этой невеликой суммы надо выкинуть еще стоимость вошедшей въ нее мѣди на вычеканенную монету, болѣе $12^1/_2$ тысячъ кило [2]) или 765 пуд., цѣною примѣрно не менѣе 60.000 марокъ.

Такимъ образомъ, дѣйствительная стоимость работы чиновниковъ финляндскаго «hôtel des monnaies» оцѣнится за 6 лѣтъ въ 38.000 марокъ, или въ годъ 6.300 марокъ. А стоютъ они 32.000 въ годъ, и это тянется уже 6 лѣтъ.

Очевидно, монетный дворъ нуженъ Финляндіи только для привольнаго житья нѣсколькихъ финляндскихъ гражданъ, да для... сепаратизма.

Заключимъ нашу справку краткимъ цифровымъ очеркомъ денежнаго обращенія въ Финляндіи по офиціальному отчету, приготовленному для прошедшаго сейма банковыми его уполномоченными за 1885—1887 гг.; болѣе новыя свѣдѣнія появятся не ранѣе будущаго года, къ новому тогда съѣзду земскихъ чиновъ [3]).

Кредитныхъ билетовъ финляндскаго банка состояло къ 1888 г. штукъ:

	Въ кладов. банка.	Въ обращеніи.	Всего на сумму марокъ.
Цѣнн. въ 1 марк.	70	80.209 =	80.279 м.
» » 3 »	259	54.071 =	162.990 »
» » 5 »	1.008.433	1.195.500 =	11.019.665 »
» » 10 »	534.759	626.524 =	11.612.830 »
» » 12 »	1.283	11.154 =	149.244 »
» » 20 »	349.587	300.663 =	13.005.000 »

[1]) Statistik Årsbok 1889—90 г., стр. 81

[2]) Согласно § 19 Устава монетн. двора. Сборн. пост. В. К. Ф. 1888 г., № 22, стр. 5.

[3]) XXXVII Finlands Ständers Bankfullmäktiges Berättelse till Ständernas Bankutskott, omfattande åren 1885—1887.

писей, зависитъ отъ благоусмотрѣнія Государя Императора; отъ такого же благоусмотрѣнія зависитъ упраздненіе бездѣйствующаго финскаго монетнаго двора и чеканка монеты на дворѣ Петербургскомъ; отъ Его Величества, равнымъ образомъ, непосредственно зависитъ предоставить русскимъ кредитнымъ билетамъ обращеніе по существующему курсу, также какъ и повелѣть открыть въ краѣ отдѣленіе Государственнаго Банка съ правомъ выпускать размѣнные на золото русскіе кредитные билеты и производить другія операціи. Гельсингфорсскому сейму нѣтъ и не должно быть до всего этого никакого дѣла, если, впрочемъ—какъ недавно мы выразились—не желаютъ дѣлать попытокъ къ новому ограниченію въ Финляндіи правъ русскаго Монарха.

А что касается, вообще, до объединенія финляндской монеты съ русскою, то Саксонія, Баварія, Виртембергъ и пр., кажется, не чета Финляндіи, но Германская имперія въ отношеніи монеты объединила и ихъ.

Сообщеніе изъ финляндской офиціальной газеты [1].

Въ финляндской офиціальной газетѣ отъ 27-го (15-го) января напечатано по-шведски слѣдующее правительственное извѣщеніе, перепечатанное всѣми другими газетами.

«Его Императорское Величество Высочайше повелѣлъ выработать проекты для приведенія таможенной, монетной и почтовой части въ Великомъ Княжествѣ въ сообразность (въ согласіе) съ системою соотвѣтствующихъ учрежденій въ имперіи.

«Для сей цѣли Его Величество Высочайше соизволилъ учредить три отдѣльныхъ комитета, которые, подъ предсѣдательствомъ его сіятельства финляндскаго генералъ-губернатора графа Гейдена, имѣютъ собраться въ Петербургѣ. Членами сихъ комитетовъ назначены:

по таможенному вопросу, съ русской стороны дѣйств. ст. сов. Тимирязевъ и Забугинъ; съ финляндской — товарищъ министра статсъ-секретаря генералъ-лейт. фонъ-Денъ и сенаторъ тайн. сов. баронъ Моландеръ;

по монетному вопросу, съ русской стороны тайн. сов. Даудель и дѣйств. ст. сов. Иващенко; съ финляндской — тѣ же, что и по таможенному вопросу;

по почтовому, съ русской стороны—генер.-лейт. Безакъ и дѣйств. ст. сов. Скальковскій, съ финляндской — ген.-лейт. фонъ-Денъ и сенаторъ Тудеръ.

---

[1]) «Новое Время», 23 января (4 февраля) 1890 г., № 4994.

«Его сіятельство генералъ-губернаторъ предложилъ хозяйственному департаменту сената дать по помянутымъ дѣламъ подготовительный (förberedande) отзывъ».

Изъ другихъ гельсингфорсскихъ газетъ видно, что почтовая комиссія приступила къ занятіямъ 15-го (27-го) этого мѣсяца, а первое засѣданіе по монетному дѣлу состоялось въ среду 17-го (29-го). Кто состоитъ секретарями или дѣлопроизводителями комиссій—не извѣстно.

Итакъ, финляндскія дѣла начинаютъ и офиціально выступать на свѣтъ Божій. Въ добрый часъ! Россія приметъ съ горячею признательностью вѣсть объ этомъ новомъ, притомъ непосредственномъ выраженіи державной воли своего Государя, съ любовью блюдущаго достоинство нашей великой имперіи. Россія будетъ благодарна и графу Гейдену, если въ силу своего званія не только финляндскаго генералъ-губернатора, но и члена русскаго Государственнаго Совѣта, онъ будетъ памятовать при исполненіи монаршей воли, что интересъ и достоинство государства всегда и вездѣ стоятъ выше интересовъ провинціи, хотя бы и привилегированной.

Финляндскія комиссіи и конституція [1].

Послѣднее время вниманіе образованныхъ классовъ въ обѣихъ нашихъ столицахъ устремлено въ небывалой мѣрѣ на финляндскія дѣла. Тому дало поводъ учрежденіе въ Петербургѣ, по непосредственной Высочайшей волѣ, трехъ спеціальныхъ комиссій изъ русскихъ и финскихъ членовъ, подъ предсѣдательствомъ члена Государственнаго Совѣта и генералъ-губернатора Финляндіи, графа Гейдена. Назначеніе ихъ, какъ извѣстно, состоитъ въ проектированіи мѣръ для объединенія таможеннаго, монетнаго и почтоваго дѣла въ этой окраинѣ съ общерусскимъ.

Шведская версія Высочайшей воли, обнародованная въ финляндской офиціальной газетѣ, откуда собственно впервые огласилась эта важная мѣра, говоритъ о составленіи проекта для приведенія названныхъ частей въ Финляндіи только въ «сообразность», въ «согласіе» съ соотвѣтствующими учрежденіями имперіи, и даже только съ ихъ системою.

Но эта версія едва ли точно передаетъ существо задачъ комиссій. Приводить въ согласіе или сообразность почтовую часть здѣсь и тамъ нѣтъ никакой надобности: онѣ уже соглашены не со вчерашняго дня; почты аккуратно ходятъ изъ Петербурга въ Финляндію и обратно, нѣтъ ни задержекъ, ни затрудненій въ ме-

[1]) «Русскій Вѣстникъ», 1890 г., кн. 3.

ханизмѣ этого дѣла, которыя «согласованіе» только и можетъ имѣть въ виду. Въ монетномъ дѣлѣ еще менѣе возможно приводить «въ сообразность» что-либо существенное, такъ какъ финская монета, марка, давно уже сообразована или соглашена съ русскимъ рублемъ, составляя въ точности его четвертую часть. Что касается до таможеннаго дѣла, то его «согласованіе» просто немыслимо, такъ какъ пока между русскими и финляндскими губерніями есть таможенная граница, то таможни, по ту и по сю сторону стоящія, суть два взаимно непримиримые врага, и чѣмъ добросовѣстнѣе онѣ свою обязанность исполняютъ, тѣмъ соглашеніе менѣе возможно. Очевидно, требуется нѣчто другое, нежели заявляемое финляндскою газетою «приведеніе въ сообразность», и это другое есть именно «единство», о которомъ говорятъ положительные слухи, идущіе отчасти и изъ самихъ комиссій.

О немъ же, о единствѣ, свидѣтельствуетъ, если не прямо, то косвенно, и то возбужденіе, которое бросается въ глаза при первомъ взглядѣ на любую финляндскую газету, при первомъ упоминаніи о комиссіяхъ въ частномъ разговорѣ даже съ умѣренными финляндцами. Приведеніе въ «сообразность» не могло бы вызвать того волненія, раздраженія, тѣхъ воззваній къ единенію, даже къ отпору, которыми ежедневно наполнены столбцы шведской и финской прессы. Порой несутся корреспонденціи въ томъ же тонѣ не только за Ботническій заливъ, и за Балтійское море. Нѣкоторыя газеты, какъ, напр. «Finland», органъ лютеранскаго духовенства, впадаютъ даже въ элегическій тонъ. Руководясь правилами, свойственными нѣкоторымъ, хотя далеко не лютеранскимъ ассоціаціямъ, онѣ ставятъ дѣло прямо на почву, на которой нѣтъ возможности возражать: онѣ прибѣгаютъ къ слезамъ, взываютъ къ милосердію, живописуютъ страшную драму. Упомянутый органъ имѣетъ въ виду именно дѣйствовать на сердце, или вѣрнѣе на нервы кого слѣдуетъ, описывая, какъ въ будущій пріѣздъ въ Финляндію августѣйшей семьи нашего Государя, она найдетъ будто бы все населеніе не въ радости и восторгѣ, а на колѣняхъ, въ слезахъ, повергнутое въ бѣдствіе, нищету и т. д... Вся эта трагическая постановка потребовалась, конечно, не въ виду только «приведенія въ сообразность». Тяжелая артиллерія выдвинута на позицію, очевидно, для противодѣйствія какимъ-то крупнымъ мѣрамъ, которыя желаютъ предупредить или ослабить въ самомъ началѣ, съ перваго приступа къ нимъ; желаютъ не допустить даже серьезнаго разсмотрѣнія, прямо устранивъ его воплями о грядущихъ бѣдствіяхъ.

Нельзя, конечно, не согласиться съ тѣмъ, что отсутствіе офиціальнаго оповѣщенія въ русскомъ правительственномъ органѣ о серьезной мѣрѣ, весьма близко касающейся Россіи, и о дальнѣй-

основного закона, если онъ не прошелъ путемъ, установленнымъ для изданія этихъ законовъ. Онъ неминуемо долженъ быть разсмотрѣнъ въ назначенныхъ для того государственныхъ установленіяхъ, притомъ въ отношеніи не только существа, но и буквы. По нашимъ русскимъ основнымъ законамъ, всякій коренной законъ долженъ пройти чрезъ Государственный Совѣтъ, быть извѣстнымъ образомъ объявленнымъ и изданнымъ и т. д. Только тогда постановленіе пріобрѣтаетъ полную силу закона, для всѣхъ обязательнаго. Финляндія есть интегральная часть Россіи; это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Кромѣ непреложныхъ государственныхъ актовъ 1808 и 1809 гг., о томъ совершенно опредѣленно говорится въ цѣломъ рядѣ даже спеціально финляндскихъ постановленій, изданныхъ въ послѣдующее время. Поэтому къ ней неизбѣжно должна быть примѣняема та же, общерусская точка зрѣнія. Исходя изъ нея, должно признать за законъ постановленіе, напр., отъ 11 декабря 1811 г. о соединеніи Выборгской губерніи съ прочими губерніями Финляндіи подъ общимъ «главнымъ управленіемъ», для нея изданнымъ,—о чемъ было, худо ли, хорошо ли, сужденіе въ Государственномъ Совѣтѣ, помѣщено въ полномъ собраніи законовъ и т. д. На томъ же основаніи слѣдуетъ признать дѣйствительнымъ закономъ, напр., постановленіе 2 іюня 1826 г. о «судопроизводствѣ по преступленіямъ, чинимымъ обывателями Финляндіи въ Россіи и жителями россійскихъ губерній въ великомъ княжествѣ финляндскомъ», которое воспослѣдовало также послѣ разсмотрѣнія его въ Государственномъ Совѣтѣ, и т. п.

Но отложимъ все это въ сторону и допустимъ на этотъ случай, что старо-шведская конституція, никѣмъ и никогда въ Россіи опредѣленно не утвержденная для Финляндіи, имѣетъ, однако, всю силу коренного закона. Конституція эта представляется двумя договорными соглашеніями короля Густава III съ шведскими государственными чинами: «Формою Правленія 1772 г.» и «Актомъ соединенія и безопасности 1789 г.». Что же мы видимъ?

Во всѣхъ трехъ вопросахъ, теперь поставленныхъ на очередь въ комиссіяхъ гр. Гейдена, рѣчь идетъ о мѣрахъ административныхъ, за исключеніемъ, можетъ быть, въ малой мѣрѣ вопроса монетнаго; эту мѣру, впрочемъ, трудно пока опредѣлить за неточною формулировкою задачи комиссіи. Но во всемъ прочемъ дѣло идетъ объ «административныхъ» распорядкахъ. Въ отношеніи къ нимъ имѣютъ значеніе слѣдующіе параграфы «Формы Правленія 1772 г.».

Приведемъ выдержки изъ нихъ въ точныхъ цитатахъ офиціальнаго перевода, дабы читатель самъ могъ составить себѣ опредѣленное мнѣніе, тѣмъ болѣе, что старо-шведская, такъ на-

вѣтниковъ. Всѣ тѣ, кои занимаются сборомъ и расходомъ короля и короны, имѣютъ въ оной принимать приказанія и отдавать отчетъ, сходно инструкціямъ, королевскимъ рескриптамъ и приказамъ, уже изданнымъ или впредь издаваемымъ. Заботы и попеченія сей коллегіи состоятъ въ томъ, чтобы оброки надлежащимъ образомъ и заблаговременно были собираемы и умножаемы... чтобы присвоенные казнѣ доходы не расточались и не пропадали отъ упущенія, а напротиву того государственныя деньги всячески были улучшаемы, приспособляемы къ удобнѣйшему обращенію, сохраняемы и заготовляемы заблаговременно, равно чтобы кредитъ не пропадалъ и т. д. Большія портовыя таможни со сборами и счетами, равно малыя таможни съ акцизомъ, состоятъ также подъ управленіемъ подлежащаго оберъ-директора въ вѣдомствѣ камеръ-коллегіи и подъ надзоромъ ея.

§ 24. Сей коллегіи заботиться объ усиленіи, умноженіи и улучшеніи торговли, приведеніи мануфактуръ въ лучшее состояніе,.. равно о наблюденіи постановленій касательно сбора таможеннаго, пошлинъ, таможенныхъ тарифовъ и пр., какъ предписано въ инструкціяхъ, королевскихъ рескриптахъ и приказахъ, уже изданныхъ или впредь издаваемыхъ.

§ 27. Въ вѣдѣніи государственной конторы (статсъ-конторы) состоитъ распредѣленіе и расходованіе денежныхъ суммъ. Штатъ или роспись (бюджетъ) также ежегодно и заблаговременно имѣетъ быть составленъ, въ чемъ роспись 1696 г. должна служить основаніемъ и руководствомъ. Въ сей росписи не прибавляется и не умножается ничего, развѣ когда сіе для службы и пользы Его Королевскаго Величества и государства необходимо нужно.

§ 32.... Сіи коллегіи обязаны отдавать королю отчетъ въ своихъ занятіяхъ, когда онъ сего отъ нихъ потребуетъ, отвѣтствуя ему одному въ исправномъ исполненіи своихъ обязанностей.

Съ § 38 начинается въ «Формѣ Правленія» изложеніе правъ и обязанностей сейма (государственныхъ чиновъ).

§ 39. Государственные чины должны съ надлежащимъ попеченіемъ наблюдать со всею точностію всѣ права государя такъ, какъ шведскими законами предписано, во всей ихъ силѣ и могуществѣ; они должны наблюдать, подкрѣплять и защищать усердно и расторопно (!) все, что ко власти королевской относиться будетъ.

§ 40. Король не можетъ издать новыхъ законовъ ниже старыхъ уничтожить, безъ вѣдома и согласія государственныхъ чиновъ.

§ 41. Государственные чины не могутъ издать новыхъ законовъ ниже старыхъ уничтожить, безъ вѣдома и согласія короля.

§ 44. Право бить монету остается собственностію государя; если же онъ возъимѣетъ учинить перемѣну въ вѣсѣ или составѣ металла, тогда государственные чины предоставляютъ себѣ право, чтобы безъ вѣдома и согласія ихъ сіе не дѣлалось.

§ 49. Никакіе протоколы сообщены и требуемы государственными чинами быть не могутъ, кромѣ относящихся до дѣлъ, по которымъ король вмѣстѣ съ государственными чинами имѣлъ сужденіе.

§ 50. Банкъ государственныхъ чиновъ остается, какъ прежде, подъ присмотромъ и отчетомъ ихъ; онъ управляемъ быть можетъ по узаконеніямъ и статутамъ, уже утвержденнымъ государственными чинами, или кои ими впредь утверждены будутъ.

Вотъ главнѣйшія статьи конституціоннаго закона 1772 г., кои такъ или иначе можно было бы считать имѣющими отношеніе къ занятіямъ трехъ комиссій. Но кстати прибавимъ здѣсь еще указаніе этого же закона на то, что и въ шведскомъ королевствѣ были такія провинціи, которыя не подлежали дѣйствію конституціи: «германскія провинціи,—говорится въ § 53-мъ,—поручаются единственному попеченію короля; онѣ должны управляемы быть сходственно съ закономъ германской имперіи, привилегіями благопріобрѣтенными и согласно съ установленіями вестфальскаго мира».

Приведенное извлеченіе изъ конституціи 1772 г. съ очевидностію свидѣтельствуетъ, что законъ установилъ только коллегіи и государственныхъ совѣтниковъ, принимавшихъ участіе въ ихъ дѣйствіяхъ, какъ въ отношеніи самой Швеціи, такъ и подвѣдомыхъ ей провинцій, въ томъ числѣ и Финляндіи. Государственные совѣтники и коллегіи были отвѣтственны только предъ королемъ. Равнымъ образомъ, отъ него одного они получали повелѣнія, инструкціи и приказы, коими руководились, а не отъ сейма. Король одинъ разрѣшалъ всѣ административные порядки, «яко голова», исключительно по своему усмотрѣнію. Коллегіи, какъ выражаетъ картинно «Форма Правленія», были только его «руками». Природа установила, что тѣло человѣческое имѣетъ руки, но безъ воли головы онѣ не дѣйствуютъ. Такъ и съ коллегіями: ихъ установила конституція 1772 г., но онѣ дѣйствовали исключительно по усмотрѣнію короля. Чрезъ нихъ онъ принималъ нужныя мѣры къ устроенію и почтъ, и торговли, и таможенъ, и кредита, онъ по усмотрѣнію чеканилъ и монету, гдѣ и какъ хотѣлъ, онъ могъ дать ей и любую внѣшность. Ему принадлежало и составленіе государственной росписи, причемъ могъ увеличить расходы. Во всемъ этомъ государственные чины, или сеймъ, не принимали ни малѣйшаго участія и не могли даже требовать къ усмотрѣнію

своему бумагъ, до того относящихся. Они только освѣдомлялись о состояніи государственной казны, дабы удостовѣриться, что доходы идутъ во благо государства; однако, вмѣшиваться и въ финансовое управленіе не имѣли права, кромѣ завѣдыванія своимъ сеймовымъ банкомъ. Но король имѣлъ полное право, для улучшенія торговли, развитія промышленности и удобствъ кредита, устраивать свои, правительственные банки всякаго рода.

Такимъ образомъ, во всѣхъ обширныхъ сферахъ государственнаго управленія и экономіи король имѣлъ власть неоспоримую и нераздѣльную, будучи стѣсненъ лишь тѣмъ, что долженъ былъ дѣйствовать чрезъ посредство учрежденныхъ конституціею коллегій.

Но въ 1789 г., послѣ бунта финскаго офицерства, извѣстнаго подъ именемъ аньяльской конфедераціи, оказалось нужнымъ королевскую власть еще усилить. Тогда состоялся второй конституціонный законъ: «Актъ соединенія и безопасности», явившійся въ дополненіе и измѣненіе «Формы Правленія» 1772 г. Существенная часть этого акта, съ характеромъ договорнымъ между королемъ и государственными чинами, заключалась въ томъ, что отъ короля устранялось стѣсненіе, лежавшее въ обязанности для него управлять чрезъ посредство коллегій. Собственныя «руки» онъ могъ отнынѣ замѣнить, чѣмъ ему было угодно. Въ 1-й же статьѣ новаго акта государственные чины говорили: «Признаемъ имѣть короля наслѣднымъ, который совершенно властенъ управлять государствомъ, по благоусмотрѣнію распоряжаться государственными должностями, которыя имѣютъ быть замѣщаемы только природными шведами, наблюдать законы, въ судахъ хранить порядокъ, и во всѣхъ другихъ народныхъ дѣлахъ употреблять способы, признанные королемъ полезнѣйшими».

Конституціонный законъ 1789 г. отмѣнилъ, такимъ образомъ, и коллегіи, и государственныхъ совѣтниковъ, если король не признавалъ нужнымъ имѣть ихъ, или замѣнить чѣмъ ему было угодно, при единственномъ только условіи, чтобы новыя государственныя должностныя лица были непремѣнно шведы, т. е. люди государственной національности, не иностранцы и не провинціалы, не померанцы и не финляндцы. Всѣми частями государственнаго управленія король имѣлъ теперь право распоряжаться, какъ находилъ нужнымъ, безъ малѣйшаго стѣсненія съ чьей бы то стороны ни было.

Лишь «наложеніе подати, которая признана будетъ необходимою для содержанія государства», поставлено въ зависимость отъ соглашенія короля съ сеймомъ. Изъ прочихъ повинностей «Актъ соединенія и безопасности» упомянулъ только о подводной повинности, въ смыслѣ ея распространенія и на нѣкоторыя имѣнія,

прежде отъ нея свободныя. О косвенныхъ же налогахъ вообще и о вышеперечисленныхъ въ частности, не было никакого упоминанія, и потому самому, въ виду 1-го пункта новаго закона, они остались въ полномъ произволеніи короля, которому, за упраздненіемъ коллегій, оставалась неограниченная свобода устраивать ихъ при содѣйствіи людей государственной національности «способами какіе признаетъ полезнѣйшими».

Изъ всего изложеннаго, кажется, наглядно можно убѣдиться, что если и признать за Филяндіею права автономной области Россіи съ сохраненіемъ при нихъ и силы конституціонныхъ законовъ 1772 и 1789 г.,—то и тогда предположенное нынѣ переустройство почтоваго и таможеннаго дѣла, равно администраціи и монетнаго дѣла, должно быть въ полной власти русскаго Императора. Мало того, разъ Россія, какъ государственное тѣло, заступила въ отношеніи Финляндіи шведское королевство, къ государственнымъ для сей послѣдней должностямъ должны быть приставлены природные русскіе люди. Это безусловно требуется конституціей, если она, какъ утверждаютъ, сохраняетъ свою силу и дѣйствіе. Установляя подобный, вполнѣ патріотическій принципъ, Швеція заботилась о своемъ государственномъ единствѣ, вполнѣ справедливо находя, что оно никому не можетъ быть ближе къ сердцу, какъ человѣку государственной національности. Любовь и преданность прирожденнаго шведа къ Швеціи, такъ же какъ русскаго къ Росіи, не можетъ быть замѣнена ничѣмъ другимъ. Она, эта любовь, какъ въ отдѣльномъ человѣкѣ, такъ и въ цѣлыхъ народахъ, все превозмогаетъ и творитъ чудеса, непонятныя одному холодному уму; а чужой человѣкъ только его предложить и можетъ, даже при самыхъ честныхъ правилахъ. Россіи, какъ и Швеціи, и тогда и теперь, единство—всегда необходимо.

Въ конституціонномъ смыслѣ было бы только одно затрудненіе въ монетномъ дѣлѣ, если бы признано было нужнымъ мѣнять составъ и вѣсъ монеты. Если устранить это обстоятельство, о чемъ будетъ сказано потомъ, то къ установленію единства въ монетѣ не можетъ, по силѣ приведенныхъ «основныхъ» законовъ, встрѣчаться никакихъ препятствій.

Финляндскимъ сепаратистамъ это, конечно, очень непріятно. При установившемся единствѣ по тремъ немаловажнымъ частямъ администраціи, изъ ихъ рукъ совершенно ускользнетъ завѣтная мечта о «финляндскомъ государствѣ», вполнѣ независимомъ отъ Россіи, этой «сосѣдней» имперіи, о государствѣ, ничѣмъ ей не обязанномъ, но широко ею пользующемся себѣ во благо, а во время бѣдствій войны «нейтральномъ и ею защищенномъ». Конституціонные заряды всѣ разстрѣляны и не принесли ни малѣйшей

пользы. Остается послѣднiй рессурсъ: финляндскiй сенатъ; въ немъ якорь спасенiя легендарнаго государства, вмѣстѣ со стародавней погудкой о Боргоскомъ сеймѣ.

Вызывается тѣнь финляндскаго «Правительственнаго Совѣта», учрежденнаго Императоромъ Александромъ I въ 1809 г., а потомъ въ 1816 г. перекрещеннаго, благодаря перу Ребиндера, тогдашняго финляндскаго статсъ-секретаря, въ Императорскiй Сенатъ Финляндiи. Онъ и продолжаетъ, съ возрастающей мощью, существовать и до сего дня.

По утвержденiю финляндскихъ публицистовъ и законниковъ, уставъ или регламентъ этого Сената (Совѣта) есть тотъ «коренной» законъ, который восполняетъ «пробѣлы разсмотрѣнныхъ выше конституцiонныхъ законовъ 1772 и 1789 гг. Подъ именемъ пробѣловъ разумѣется та полная власть, которая по старо-шведской конституцiи принадлежитъ и русскому Императору въ управленiи Финляндiей.

Но кто же, и при какихъ обстоятельствахъ издалъ этотъ «регламентъ», этотъ уставъ присутственнаго мѣста, который всталъ превыше самой конституцiи, начертанной въ двухъ договорныхъ хартiяхъ? Кто могъ издать этотъ новый строжайшiй еще договоръ, притомъ въ 1809 г., когда Финляндiя была уже въ составѣ Россiи?

Этотъ регламентъ, этотъ «коренной» законъ, говорятъ финляндцы, созданъ «двумя государственными властями» Финляндiи. Но какими же двумя властями, когда въ Россiи, которой Финляндiя составляетъ лишь малую часть, есть одна только государственная власть, власть Монарха?—Одна власть, оказывается, была власть дѣйствительно Императора Александра I-го; а вторая—власть созваннаго имъ въ Борго финляндскаго сейма...

Вотъ что значитъ неумѣстная милость и избытокъ благоволенiя къ тѣмъ, кого Промыселъ отдалъ въ руки побѣдителя вопреки ихъ волѣ. Эта сотня заурядныхъ людей, не имѣющихъ, въ качествѣ побѣжденныхъ, никакихъ правъ, и созванныхъ милостью торжествующаго Монарха только для того, чтобы сказать, въ чемъ ихъ нужды, и какъ имъ въ эту минуту помочь,—эти болѣе чѣмъ скромные совѣтники, этотъ Боргоскiй сеймъ, благодаря 80-ти годамъ пропускаемой мимо ушей казуистики, обратился теперь—въ верховную власть, равную власти Монарха. И это говоритъ не только та или другая задорная газета, это говорятъ университетскiе профессора, это пишутъ въ учебникахъ для народныхъ школъ, это утверждаютъ представители мѣстнаго «правительства»...

Итакъ, Боргоскiй сеймъ — вторая, рядомъ съ русскимъ Императоромъ, государственная власть! Она дозволила ему, «разрѣшила» издать регламентъ для Правительственнаго Совѣта, который

затѣмъ и сталъ «кореннымъ» закономъ Финляндіи, для того, чтобы связать верховную власть Государя-побѣдителя и тѣмъ пополнить «пробѣлы» прежней шведской конституціи...

Однако, это такъ нелѣпо, такъ дико, что волею-неволею приходится разсказать съ начала, только не сказку финляндцевъ, а дѣйствительную быль о томъ, какъ явился на свѣтъ «регламентъ», превознесенный выше облака ходячаго.

Когда Финляндія, къ исходу 1808 г., была окончательно завоевана русскими войсками, то въ Петербургѣ рѣшено было учредить тамъ должность генералъ-губернатора, и подъ его предсѣдательствомъ Комитетъ Главнаго Правленія Финляндіи. Этотъ послѣдній долженъ былъ сосредоточивать въ себѣ администрацію и судъ страны. Проектъ былъ составленъ извѣстнымъ шведскимъ измѣнникомъ, въ то время уже нашимъ русскимъ генераломъ-отъ-инфантеріи, барономъ Спренгтпортеномъ [1]), который и получилъ затѣмъ, въ качествѣ знатока края и преданнаго будто бы Россіи человѣка, назначеніе въ финляндскіе генералъ-губернаторы. Самый проектъ о Главномъ Правленіи былъ разсмотрѣнъ въ особомъ комитетѣ изъ графа Аракчеева, новаго главнокомандующаго войсками въ Финляндіи Кнорринга и самого Спренгтпортена. Согласно заключенія комитета, утвержденіе Императора состоялось 19-го ноября того же 1808 г. Оставалось примѣнить его на дѣлѣ.

Однако, заботы по приготовленіямъ къ походу въ Швецію, при отсутствіи въ новомъ генералъ-губернаторѣ дѣловой солидности, сдѣлали то, что къ открытію дѣйствій Главнаго Правленія не было приступлено. Не было составлено и болѣе подробныхъ инструкцій для этихъ дѣйствій.

Тѣмъ временемъ въ Борго былъ созванъ сеймъ, а вскорѣ затѣмъ образована совершенно независимая отъ сейма комиссія, подъ предсѣдательствомъ абоскаго епископа, изъ нѣсколькихъ финляндцевъ, приглашенныхъ Сперанскимъ отъ имени Александра Павловича. Назначеніе комиссіи было: разработать «планъ административнаго устройства», т. е. развить первоначальный проектъ о Главномъ Управленіи. Основы дѣйствительно остались тѣ же; но редакторъ комиссіи, профессоръ Калоніусъ, въ качествѣ теоретика, наводнилъ новый планъ множествомъ мелочныхъ подробностей, которыя самъ предсѣдатель комиссіи находилъ докучливыми. Одинъ изъ трехъ членовъ ея признавалъ весь проектъ скороспѣлымъ. Въ Петербургѣ, въ рукахъ Сперанскаго, проектъ подвергся нѣкоторой передѣлкѣ, и въ такомъ видѣ посланъ въ Борго. За-

---

[1]) Біографія Спренгтпортена см. «Покореніе Финляндіи» К. Ордина, т. I, гр. 335—370 и того же автора въ «Русскомъ Авхивѣ», 1887 г., № 4.

чѣмъ? Отвѣтъ заключается въ слѣдующихъ нѣсколькихъ строкахъ, которыми Сперанскій сопроводилъ его отсылку къ предводителю (маршалу) сейма Де-Гееру:

«Его Императорское Величество, разсмотрѣвъ планъ общаго управленія Финляндіи, редактированный по Его повелѣнію въ особомъ комитетѣ, повелѣлъ мнѣ передать его вашему превосходительству для освѣдомленія сейма. Государь Императоръ съ удовольствіемъ увидитъ мнѣнія (avis) сословій объ этомъ планѣ».

Въ Борго проектъ прибылъ лишь за нѣсколько дней до закрытія сейма, на прямую обязанность котораго было возложено лишь избраніе кандидатовъ въ члены новаго Комитета Правленія. При содѣйствіи Сперанскаго сеймъ сдѣлалъ наскоро нѣсколько замѣчаній на проектъ и затѣмъ былъ немедленно закрытъ. Самый проектъ «регламента» о Правительственномъ Совѣтѣ, какъ назвали теперь прежній Комитетъ Главнаго Правленія, разрабатывался уже потомъ Сперанскимъ при участіи Барклая де-Толли, назначеннаго финляндскимъ генералъ-губернаторомъ на мѣсто Спренгтпортена.

У Барклая былъ свой проектъ управленія, а сочиненному комиссіею и Сперанскимъ онъ прямо не сочувствовалъ; онъ находилъ даже самый Правительственный Совѣтъ излишнимъ и вреднымъ. На счетъ сдѣланныхъ сеймомъ замѣчаній, въ числѣ около десятка, Сперанскій объяснялъ Барклаю, что нѣкоторыя изъ нихъ приняты въ соображеніе, другія же оставлены безъ вниманія, «потому что признаны несоотвѣтствующими самому свойству этого учрежденія». Отъ Барклая требовалось заключеніе, причемъ ему предоставлялась полная свобода предложить все, что онъ признаетъ нужнымъ. Затѣмъ, 6-го августа 1809 г., Императоръ Александръ утвердилъ выработанный такимъ путемъ «регламентъ Правительственнаго Совѣта».

И вотъ этотъ-то «регламентъ», изданіе котораго мы описали здѣсь съ точностью по документамъ, новѣйшіе финляндцы возвели въ «коренной законъ, изданный двумя государственными властями». Если прибавить къ изложенному, что большое число параграфовъ въ немъ посвящено чисто канцелярскимъ подробностямъ, распредѣленію дѣлъ между отдѣленіями и экспедиціями, обязанностямъ чиновниковъ и т. п., то еще очевиднѣе будетъ, насколько такому уставу можно присвоивать характеръ, теперь ему приписываемый. Онъ, этотъ канцелярскій уставъ, является по новѣйшимъ финляндскимъ теоріямъ, исправленіемъ и дополненіемъ пробѣловъ «конституціи», обладающимъ, слѣдовательно, свойствомъ неприкосновенности, пока «вторая» государственная власть не соизволитъ на измѣненія, хотя въ малыхъ частяхъ. На этомъ

именно основанiи и ратуютъ оппозицiонисты противъ объединенiя, ссылаясь на регламентъ. Почта, монета, таможня суть предметы, включенные въ число дѣлъ извѣстныхъ экспедицiй хозяйственнаго отдѣленiя Правительственнаго Совѣта (сената); слѣдовательно, правительство не можетъ одно, безъ содѣйствiя сейма, изъять эту часть администрацiи изъ вѣдѣнiя сената.

Помимо полной несообразности такихъ сужденiй, въ виду какъ законовъ 1772 и 1789 гг., отдающихъ въ руки Монарха всю организацiю управленiя разными частями государственнаго даже, не только областного, хозяйства, такъ и свойства регламента 1809 г.,— у возражателей и память крайне коротка. Разныя части регламента мѣнялись безъ всякихъ затрудненiй, и, конечно, безъ всякаго помина о сеймѣ, единою волею русскихъ государей не разъ и не два, начиная съ упраздненiя въ 1841 году цѣлой милицiонной экспедицiи сената, и кончая постановленiями позапрошлаго 1888 г. объ упраздненiи однѣхъ экспедицiй и объ учрежденiи другихъ, причемъ дѣло было сопряжено и съ увеличенiемъ расходовъ.

Всѣ эти возраженiя, причемъ финляндскiй сенатъ облекается въ какое-то sancta sanctorum, чрезвычайно странны. Люди толкуютъ объ охранѣ конституцiи, и въ то же время не видятъ, или не хотятъ видѣть, что она именно отдаетъ весь ихъ сенатъ въ полное произволенiе Государя. Если шведскiй король, на ея основанiи, могъ упразднить государственный совѣтъ всего королевства, и дѣйствительно его упразднилъ, то тѣмъ болѣе удивительно мнѣнiе, желающее лишить полноправныхъ русскихъ преемниковъ королей права распорядиться тою или другою частью областного учрежденiя, прикрывающагося тою же конституцiей. Что такое сенатъ? Исполнительный органъ русской Верховной Власти въ одной изъ частей имперiи, вызванный этою же властью къ жизни и отъ нея имѣющiй свою силу и значенiе. Всѣ функцiи его въ полной волѣ и власти Монарха; онъ имѣетъ право однимъ почеркомъ пера упразднить, подобно бывшему шведскому государственному совѣту, и весь этотъ сенатъ, замѣнивъ его чѣмъ признаетъ за благо,— а сепаратисты дѣлаютъ изъ него же неприступную преграду.

Вотъ, слѣдовательно, съ какими «конституцiонными» затрудненiями приходится имѣть дѣло комиссiямъ гр. Гейдена. Впрочемъ, монетный вопросъ, и только въ одной своей части, вслѣдствiе ошибокъ, допущенныхъ съ русской стороны въ послѣднiе 20—25 лѣтъ, требуетъ особаго разсмотрѣнiя. Къ нему и обратимся вскорѣ.

Объединеніе финляндской монетной системы съ русскою [1].

Изъ трехъ вопросовъ, довѣренныхъ разработкѣ петербургскихъ комиссій подъ предсѣдательствомъ финляндскаго генералъ-губернатора графа Гейдена [2]), одинъ, почтовый, какъ извѣстно по слухамъ, разрѣшенъ въ главныхъ чертахъ соотвѣтственно достоинству и интересамъ Россіи. Теперь на ближайшей очереди стоитъ вопросъ объ объединеніи финляндской монеты съ русскою.

Дѣло въ томъ, что во всей Имперіи монетная единица — серебряный рубль, въ Финляндіи же — металлическая марка, которую съ 1877 года считаютъ на золото. Это одно. Другое—русскіе кредитные билеты; курсъ ихъ въ отношеніи къ золоту мѣняется, между тѣмъ, какъ въ Финляндіи билеты мѣстнаго банка, писанные на марки и золото, ходятъ al pari. И вотъ люди, думающіе оставаться въ предѣлахъ именуемой финляндской, то-есть старошведской, конституціи, находятъ, что въ настоящемъ положеніи вопроса объединеніе финляндской монеты съ общею русскою можетъ быть разрѣшено не иначе, какъ при разсмотрѣніи дѣла Гельсингфорсскимъ сеймомъ. Нѣтъ надобности говорить, что такъ же ставятъ вопросъ и финляндскія газеты.

Мы можемъ сказать съ увѣренностью, что если даже и оглядываться на эту столь ревностно оберегаемую многими конституцію, то и тогда всѣ права разрѣшенія поставленнаго монетнаго вопроса безусловно принадлежатъ непосредственно Монаршей власти. Чтобы вѣрно судить, необходимо хотя вкратцѣ припомнить исторію монетнаго дѣла въ Финляндіи за время, начиная съ покоренія ея Россіей. За эти 80 лѣтъ были въ этомъ дѣлѣ три главныя стадіи.

Первая была вслѣдъ за покореніемъ. Боргоскому сейму, вмѣстѣ съ тремя другими предметами, было предложено высказать мнѣніе и по монетному вопросу, съ тѣмъ, впрочемъ, что Императоръ Александръ вовсе не предрѣшалъ этимъ тѣхъ мѣръ, какія признаетъ нужнымъ принять на самомъ дѣлѣ. Три сословія высказались за русскій рубль; одно, горожане, отдало предпочтеніе шведскому талеру.

Дѣло разрѣшилось тѣмъ, что 17 декабря 1809 года изданъ былъ Высочайшій манифестъ, которымъ постановлено «признать россійскую серебряную монету главною и коренною Великаго Княжества Финляндскаго монетой, коей существенная цѣна должна служить

---

[1]) «Московскія Вѣдомости», 6 Апрѣля 1890 г., № 93.

[2]) См. выше помѣщенную статью «Финляндскія комиссіи и конституція».

правиломъ и мѣрой сравненія и опредѣленія цѣнъ всѣхъ прочихъ, имѣющихъ нынѣ обращеніе монетъ».

Одновременно, русскому ассигнаціонному рублю былъ обязательно присвоенъ пріемъ по опредѣленному курсу въ казенныя кассы. Мотивировалось это тѣмъ, что ассигнаціи, «бывъ около двухъ уже лѣтъ въ Финляндіи повсемѣстно въ употребленіи, сдѣлались собственностью края сего».

Второю стадіей было наступленіе шестидесятыхъ годовъ, когда, съ наплывомъ либеральныхъ вѣяній, окраины потянули врознь. Финляндія, всѣмъ пользовавшаяся отъ Россіи, на ея счетъ ожившая и разросшаяся и ничего за то не дававшая, не пожелала нести общей со всею Россіей тяготы, въ видѣ избытка кредитныхъ билетовъ, явившагося послѣдствіемъ крымской войны. Она стала добиваться устраненія свободнаго ихъ обращенія въ краѣ. Сперва это не удавалось, но потомъ финляндцы проявили такую ловкость, что историки ихъ нашли нужнымъ занести ее на свои страницы. Дѣло повернули на такую стать, что рубль оказался очень крупною монетною единицей, и что для Финляндіи полезнѣе установить единицей только четвертакъ. Умалчивалось, конечно, что этотъ край благополучно жилъ подъ шведскимъ владычествомъ съ талерною монетой, которая была въ полтора раза больше рубля.

Этому ловкому пріему поддался министръ Княжевичъ, и законъ, подписанный Императоромъ Александромъ II (4-го апрѣля) 23-го марта 1860 года, былъ прямо мотивированъ спеціальною цѣлью «уменьшить для Финляндіи монетную единицу». При этомъ, однако, новая единица, марка, опредѣлена въ точности на основаніи русскаго рубля. «Каждая марка, — сказано въ законѣ, — соотвѣтствуетъ четверти рубля по количеству чистаго серебра», то-есть, «будетъ такимъ образомъ содержать 1 золотникъ $5^1/_4$ долей чистаго серебра» (въ рублѣ 4 зол. 21 доля).

Не входя въ разныя перипетіи исполненія этого закона, въ которыхъ замѣтно начинала сказываться сепаратистская тенденція, скажемъ только, что введеніе новой монетной единицы состоялось не ранѣе, какъ черезъ пять съ половиною лѣтъ, когда, 8 ноября 1865 года, издано было отъ мѣстнаго сената объявленіе о вступленіи «марки» немедленно въ обращеніе.

Однако, при этомъ финляндскій сенатъ долженъ былъ повторить, что и «металлическій рубль съ его подраздѣленіями, составляющій общую монету государства», остается «законно-дѣйствительною монетой въ Финляндіи».

Что касается до русскихъ кредитныхъ билетовъ, то, съ изданіемъ закона 1860 года, они сами собой утратили въ краѣ обяза-

тельную силу. Впрочемъ, въ частномъ обращеніи и до сегодня во всей прилегающей къ границѣ части Выборгской губерніи, вплоть до Выборга, бумажные рубли составляютъ главный мѣновой знакъ, притомъ по нарицательной стоимости. Только при платежѣ податей и казенныхъ сборовъ требуются здѣсь финскія марки, и низшее, особенно сельское, населеніе очень терпитъ отъ произвольнаго приниженія кулаками, а отчасти и чиновниками, стоимости бумажнаго рубля при обмѣнѣ. Тутъ особая финская монета служитъ только для эксплуатаціи плательщиковъ податей.

Такъ шло дѣло, и металлическій рубль продолжалъ цѣлыя 70 лѣтъ быть и для Финляндіи законною общею государственною монетой.

Къ концу седьмого десятилѣтія, монетное дѣло въ Финляндіи вступило, наконецъ, въ третью стадію. Вездѣ въ Европѣ шла рѣчь о замѣнѣ серебряной валюты золотою; Финляндіи понадобилось то же. Нами ранѣе [1]) былъ переданъ слухъ, что на мысль обзавестись золотою монетой натолкнуло финляндцевъ само наше русское Министерство Финансовъ временъ министра Рейтерна. Мы тогда же выражали желаніе, чтобъ этотъ обидный слухъ, шедшій изъ финляндскихъ источниковъ, былъ серіозно опровергнутъ, но, къ сожалѣнію, мы этого не дождались.

И вотъ въ 1877 году, уже «съ согласія» вновь тѣмъ временемъ возродившагося финляндскаго сейма, явился новый законъ о монетѣ. Онъ не былъ, впрочемъ, подписанъ покойнымъ Императоромъ, какъ было съ закономъ 1860 года, а лишь отъ Высочайшаго имени объявленъ (9 апрѣля) финляндскими сенаторами, въ числѣ коихъ былъ и засѣдающій нынѣ въ Гейденовской комиссіи г. Моландеръ. По этому закону, прежніе вышеупомянутые законы 1809, 1860 и 1865 годовъ, объявлялись отмѣненными, а монета Финляндіи — основанною на золотѣ, какъ единственномъ мѣрилѣ цѣнностей.

Но счетною монетною единицей осталась прежняя марка, узаконенная въ 1860 году Александромъ II безо всякаго сейма, и составляющая, какъ сказано, въ точности $^1/_4$ русскаго рубля. Золотая «марка» была собственно фикціей, и монетные золотые кружки установлены въ 20 и въ 10 марокъ.

Впрочемъ, финляндское стремленіе отдѣлаться отъ ненавистнаго «рубля», напоминающаго, вопреки всѣмъ новѣйшимъ теоріямъ, объ извѣстномъ, все-таки подчиненномъ Россіи, положеніи, и тутъ не увѣнчалось безусловнымъ успѣхомъ: другимъ узаконе-

[1]) См. выше, въ статьѣ «Нѣчто о денежныхъ дѣлахъ съ Финляндіею».
Прим. издателя.

Вмѣстѣ съ тѣмъ могла бы быть принята и такая мѣра: имѣя неоспоримое право открывать въ Финляндіи банки по своему усмотрѣнію, наше правительство могло бы открыть тамъ, помимо мѣстнаго банка, еще и отдѣленіе нашего Государственнаго Банка. Предоставивъ этому отдѣленію, въ видѣ исключенія, на ближайшее время, въ числѣ другихъ операцій, и выпускъ въ опредѣленномъ количествѣ русскихъ билетовъ, размѣниваемыхъ на золото, правительство, полагаемъ, тѣмъ самымъ сдѣлало бы крупный шагъ къ упроченію въ краѣ не только значенія общеимперской монеты, но и вообще правильнаго взгляда на политическія отношенія края къ Россіи [1]).

Потребность въ золотѣ на этотъ предметъ, судя по офиціальнымъ отчетамъ финляндскаго банка должна быть сравнительно очень не велика. Къ 1888 году этотъ банкъ считалъ всю наличность своихъ кредитныхъ билетовъ на сумму около 79 милліоновъ марокъ (меньше 20 милліоновъ рублей), изъ коихъ лишь съ небольшимъ половина была въ обращеніи; прочіе лежали въ банкѣ. Обезпеченіе размѣнности заключалось въ золотой монетѣ на 21.900.000 марокъ, то-есть менѣе $5^1/_2$ милліоновъ рублей золота; въ обращеніи изъ нихъ было всего съ небольшимъ на 1 милліонъ рублей. Кромѣ того, имѣлось около 10 милл. марокъ ($2^1/_2$ милл. рублей) серебряной монеты. Подобная жертва, притомъ временная, едва ли можетъ считаться крупною, въ виду важности политическаго возсоединенія цѣлой окраины.

5 апрѣля 1890 г.

Русскій кредитный рубль въ Финляндіи [2]).

Недавнее объявленіе [3]) Гельсингфорсскаго сената о пріемѣ въ Финляндіи на будущее время русскихъ кредитныхъ билетовъ въ уплату казенныхъ и общинныхъ сборовъ, состоялось, какъ видно изъ вступленія къ этому акту, на основаніи отзывовъ министра финансовъ и монетной комиссіи, бывшей подъ предсѣдательствомъ графа Гейдена. Такимъ образомъ, интересы имперіи были въ настоящемъ дѣлѣ законно охранены, какъ непосредственнымъ участіемъ въ немъ русскихъ должностныхъ лицъ комиссіи, такъ

---

[1]) Уже послѣ кончины К. Ф. Ордина было открыто въ Гельсингфорсѣ отдѣленіе Государственнаго Банка; въ 1906 г., при генералъ-губернаторѣ Н. Н. Герардѣ, дѣятельность этого отдѣленія «пріостановлена». Прим. изд.

[2]) «Московскія Вѣдомости», 19 августа 1890 г., № 228.

[3]) Напечатанное въ № 186 финляндской офиціальной газеты «Finlands Allmänna Tidning» 14 (2) августа 1890 г. «Высочайшее Е. И. В. Объявленіе о пріемѣ выпущенныхъ въ имперіи кредитныхъ билетовъ и размѣнной монеты по курсу при различныхъ уплатахъ въ Финляндіи».

и окончательнымъ заключеніемъ, даннымъ министромъ финансовъ. Нельзя не отдать справедливости и исправлявшему должность финляндскаго министра-статсъ-секретаря генералъ-лейтенанту Дену въ томъ отношеніи, что Высочайшая воля (дату оной, впрочемъ, сенатъ попрежнему не нашелъ нужнымъ объявить въ общее свѣдѣніе) изложена въ выраженіяхъ, не допускающихъ никакихъ кривотолковъ:

«Признано полезнымъ, чтобъ обращающіеся въ Имперіи денежные знаки нынѣ уже вошли въ большее употребленіе въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ», «до тѣхъ поръ, пока окажется возможнымъ установить полное единство монетной системы въ Имперіи и въ Великомъ Княжествѣ».

Высочайшая воля объявлена опредѣленно. Тѣмъ не менѣе, послѣдняя цѣль оной—«полное единство»—отодвигается на неопредѣленное время. Невольно думается, что финляндская администрація, пользуясь этою неопредѣленною отсрочкой, понесетъ, пожалуй, монетный вопросъ на Гельсингфорсскій сеймъ, который уже созванъ къ 8 января наступающаго года. Сеймъ несомнѣнно окажетъ объединенію всякое противодѣйствіе; а затѣмъ могутъ пойти компромиссы, чему прошлое представляетъ, къ несчастію, множество примѣровъ, и въ результатѣ можетъ оказаться новое приниженіе Россіи. Нельзя не пожелать, въ видахъ охраны достоинства имперіи, чтобы ничего подобнаго не было допущено.

Нести монетный вопросъ на сеймъ, какъ уже вполнѣ доказано новѣйшими изслѣдованіями, нѣтъ никакого законнаго основанія. Если и допустить на минуту, что постановленія финляндскаго сейма имѣютъ не совѣщательное только, а рѣшающее значеніе,—чего, однако, нигдѣ не сказано,—то и въ этомъ случаѣ золотая монета Финляндіи, установленная согласно съ сеймовымъ заключеніемъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ нашей новѣйшей золотой монетѣ: полуимперіалъ 1885 года и 20 марковая финская монета 1877 года вполнѣ между собою тожественны и по цѣнности, и по пробѣ металла. Что же касается внѣшняго вида, подписей и пр., то они даже по шведской конституціи 1772 года,—выставляемой финляндскими сепаратистами, когда нужно, на показъ, въ качествѣ основного будто бы ихъ закона,—вполнѣ и безусловно опредѣляются усмотрѣніемъ Монарха. Отъ личной воли Государя Императора, поэтому, зависитъ повелѣть дать 20 марковой финской монетѣ тотъ самый видъ, какой имѣетъ нашъ полуимперіалъ 5 рублевой стоимости.

Кромѣ того, по поводу отлагаемаго на неопредѣленное время полнаго объединенія монеты, намъ припоминается аналогичный примѣръ изъ болѣе давнихъ финляндскихъ дѣлъ.

Императору Александру I генералъ-губернаторъ Финляндіи Спренгтпортенъ офиціально докладывалъ въ 1808 году, что швед-

скій языкъ оставляется въ дѣлопроизводствѣ только до тѣхъ поръ, пока не войдетъ въ общее употребленіе языкъ русскій, для чего и посулилъ развитіе русскихъ школъ. Александръ Павловичъ одобрилъ это соображеніе. Мы, однако, видимъ, что̀ вышло изъ этихъ посуловъ: русскій языкъ за 80 лѣтъ не только не вошелъ въ общее употребленіе, но окончательно выброшенъ въ Финляндіи за бортъ даже тамъ, гдѣ прежде былъ довольно прочно усвоенъ. Не случилось бы чего подобнаго и съ монетнымъ объединеніемъ, которое показывается въ перспективѣ финляндскимъ сенатомъ? Timeo Danaos...

Но возвратимся къ новому узаконенію о кредитномъ рублѣ. Мы недоумѣваемъ, почему объявленіе о такой капитальной мѣрѣ, касающейся русскихъ государственныхъ денежныхъ знаковъ, появилось не въ русскомъ «Правительственномъ Вѣстникѣ», а въ финляндской офиціальной газетѣ. Свойство мѣры требовало, кажется, придержаться того же пути, которымъ, всего два мѣсяца назадъ, былъ объявленъ Высочайшій манифестъ объ объединеніи почтовой части, то-есть публиковать ее прежде всего въ офиціальномъ русскомъ общегосударственномъ изданіи. Тогда этотъ вполнѣ законный путь былъ горячо привѣтствованъ русскимъ обществомъ. Повторяемъ, остается недоумѣвать, почему отъ него отступили теперь.

Русскіе люди, въ рукахъ которыхъ находится, конечно, наиболѣе бумажныхъ рублей, имѣющихъ поступать въ финляндскія кассы, не считаютъ и не могутъ считать документальнымъ и вполнѣ вѣрнымъ то, что̀ объявлено на иностранномъ шведскомъ языкѣ въ газетѣ, которой никто въ Россіи не читаетъ и читать не можетъ. Поэтому желаемъ думать и надѣяться, что узаконеніе насчетъ русскаго рубля, объявленное офиціально финнамъ, будетъ не менѣе офиціально объявлено и намъ, русскимъ.

А до той поры приходится довѣрять шведскому переводу съ подлинника утвержденнаго, безъ сомнѣнія, на русскомъ языкѣ. Нельзя при этомъ не привѣтствовать изложеннаго въ § 3, порядка установленія курса рубля при уплатахъ на казенныхъ (то-есть почти на всѣхъ) желѣзныхъ дорогахъ, въ таможняхъ и по казеннымъ податямъ. Этотъ порядокъ состоитъ въ томъ, что курсъ будетъ опредѣлять въ Петербургѣ русское учрежденіе или лицо, которому поручитъ это министръ финансовъ, и будетъ затѣмъ по телеграфу сообщать финляндскому сенату для объявленія. Благодаря этому порядку можно надѣяться, что курсовая стоимость рубля и марки не будетъ подвергаться тѣмъ произвольнымъ уклоненіямъ, какія бывали до сихъ поръ въ финляндскихъ кассахъ и бюллетеняхъ. Извѣстно, напримѣръ, что, хотя финская марка вполнѣ соотвѣтствуетъ французскому франку, русскій курсъ на

другихъ случаяхъ, курсъ объявляется уже не изъ Петербурга, а «производится сенатомъ (финляндскимъ) по исчисленіи курса за ближайшіе три мѣсяца». Если этотъ способъ котировки можно еще оправдать для отдаленныхъ мѣстностей, или въ видахъ устраненія запутанности иныхъ сдѣлокъ, то совсѣмъ непонятно, почему потребовалось подчиненіе финляндскому сенату курса рубля на почтѣ и на телеграфѣ. Оба находятся въ непосредственномъ вѣдѣніи не финляндскихъ, а именно русскихъ властей: телеграфъ еще со времени своего основанія, почта—съ 30 минувшаго мая. При этомъ на затруднительность сношеній телеграфное вѣдомство ссылаться никакъ не можетъ, а съ телеграфомъ связаны и почты.

А что ущербъ рублю или, что̀ то же, нажива на его счетъ въ финляндскихъ, даже правительственныхъ, учежденіяхъ существуетъ, явствуетъ изъ официальныхъ гельсингфорсскихъ данныхъ. По желѣзнодорожнымъ отчетамъ за 1888 годъ въ доходѣ финляндской казны опредѣленно показано «выгода на курсѣ»—Kursvinst—въ количествѣ 16.182 марокъ. А сколько есть еще «выгоды», не попадающей въ отчеты?

Поэтому весьма желательно было бы, чтобы не только въ видахъ справедливости, но и въ интересахъ русскаго достоинства, § 4 былъ дополненъ необходимыми поясненіями. Національный путь, которымъ слѣдуетъ нынѣшнее наше финансовое управленіе, даетъ возможность ожидать, что кредитный рубль, а съ нимъ и карманы русскихъ людей не будутъ подвергаться въ дальнѣйшемъ ни легальной, ни нелегальной эксплуатаціи со стороны финляндскихъ распорядителей его цѣнностью.

18 августа 1890 г.

О гербовомъ сборѣ въ Финляндіи [1].

Финляндскія газеты принесли намъ вѣсти, которыхъ нельзя оставить безъ вниманія. Оказывается, что кромѣ оглашенныхъ при открытіи нынѣшняго (1891 г.) сейма проектовъ узаконеній (такъ называемыхъ пропозицій) по дѣламъ весьма второстепеннымъ, внесено во время засѣданій еще «съ дюжину», какъ говоритъ газета «Hufvudstadsbladet», новыхъ, притомъ, судя по заглавіямъ, гораздо болѣе важныхъ предложеній. По всей вѣроятности, они имѣютъ возобновительный характеръ, ибо вносились на каждый изъ послѣднихъ сеймовъ и принимались болѣе или мѣнѣе въ томъ же видѣ, каждый разъ на опредѣленный срокъ, на періодъ между сеймами.

---

[1]) «Московскія Вѣдомости», 23 февраля 1891 г., № 54.

Остановимся пока на одномъ изъ этихъ предложеній,—на предложеніи о гербовомъ сборѣ въ Финляндіи, и разскажемъ напередъ вкратцѣ его исторію: изъ нея можно видѣть, какъ финляндскіе законодатели даже такому чисто-фискальному предмету изловчились дать политическую окраску.

Установленіе размѣра гербоваго сбора и порядковъ его взиманія и расходованія принадлежало въ шведскія времена безусловно государю, безъ всякаго соглашенія съ государственными чинами Швеціи. То же было и потомъ, когда Финляндія перешла въ русскія руки.

Въ 1810 году Императоръ Александръ I замѣнилъ тамъ шведскую гербовую бумагу другою, по собственному усмотрѣнію. Предъ тѣмъ, на сеймъ 1809 года въ Борго никакого правительственнаго предложенія о гербовой бумагѣ на обсужденіе земскихъ чиновъ не передавалось. Далѣе, въ царствованіе Императоровъ Александра I и Николая I, въ Финляндіи издано было по тому же предмету, и также единолично отъ Высочайшаго имени, не менѣе 38 разныхъ узаконеній.

Но затѣмъ наступила эпоха либеральнаго изгнанія Россіи изъ Финляндіи и все бо́льшаго приниженія и ограниченія тамъ русской власти,—наступила эпоха возобновленія финляндскихъ сеймовъ. Дошла при этомъ очередь и до гербовой бумаги.

Къ первому же сейму 1863 года Гельсингфорсскій сенатъ не замедлилъ составить проектъ новаго узаконенія о гербовомъ сборѣ, который,—«для лучшаго обсужденія»,—гг. Армфельтъ et consortes предложили передать земскимъ чинамъ. Вопреки закону и всѣмъ бывшимъ порядкамъ, это было исполнено. Затѣмъ постановленіе было издано сенатомъ въ Гельсингфорсѣ 24 ноября 1864 года, съ довольно еще скромнымъ вступленіемъ, объяснившимъ, что постановленіе состоялось «согласно заключенію земскихъ чиновъ».

Но при этомъ, въ такомъ дѣлѣ, какъ гербовая пошлина, которое всегда рѣшалось личными королевскими и императорскими повелѣніями, нашли возможнымъ,—безъ шуму и какъ бы между прочимъ,—включить такой параграфъ, которымъ дали сейму возможность выступать въ этомъ вопросѣ уже не въ видѣ совѣщательнаго только учрежденія, какъ въ Борго, а прямо въ качествѣ рѣшающей власти. Именно, въ § 42 постановленія сказано:

«Это постановленіе имѣетъ служить къ руководству съ 1 января 1865 по исходъ 1867 года, буде земскими чинами края до этого не будетъ установлена новая гербовая подать».

Оказалось, такимъ образомъ, нѣчто уже вовсе не соотвѣтствовавшее безусловному и безспорному праву Верховной Власти на установленіе гербоваго сбора: это право въ извѣстной мѣрѣ отнималось у нея и передавалось сейму.

Если бы такая коренная перемѣна происходила по дѣйствительно выраженной волѣ Монарха отречься отъ Своихъ прерогативъ, то, конечно, измѣняя въ корнѣ и русскіе, и финляндскіе основные законы, она выразилась бы въ соотвѣтственномъ ея значенію актѣ, а не скрылась бы гдѣ-то среди разнообразныхъ и порой мелочныхъ параграфовъ устава о гербовомъ сборѣ. Мало этого, имѣется документальное доказательство,—мы его приводимъ ниже,—что Верховная Власть не имѣла намѣренія отдавать своихъ державныхъ правъ въ руки сейма. Но грубое посягательство на права Верховной Власти не было замѣчено,—и постановленіе 1864 года облеклось силой закона.

Между тѣмъ, смѣлость финляндскихъ законодателей росла по мѣрѣ ихъ успѣховъ. На сеймѣ 1867 года не только возобновлено постановленіе 1864 года, съ тѣмъ же 42-мъ параграфомъ, но и во вступленіи къ нему явилось уже открытое примѣненіе новѣйшей теоріи «двухъ государственныхъ властей»; фраза: «согласно заключенію земскихъ чиновъ» замѣнена должною по этой теоріи фразой: «съ согласія земскихъ чиновъ».

Прошло еще пять лѣтъ, и дѣло о гербовомъ сборѣ опять было въ рукахъ земскихъ чиновъ. На этотъ разъ они уже не удовольствовались тѣмъ, что̀ такъ легко себѣ присвоили, а пошли «на всѣхъ парахъ» дальше. Снисходительно соизволяя принять возобновленное Высочайшее предложеніе о гербовомъ сборѣ еще на пять лѣтъ, до 1877 года, они, однако, строго обусловили этотъ актъ своего соизволенія; «но съ тѣмъ,—писали они,—чтобы въ предложеніе (тоже Высочайшее, иныхъ и не бываетъ), имѣющее быть переданнымъ земскимъ чинамъ на слѣдующемъ сеймѣ, вошли проекты не только касательно отбыванія (sic) гербоваго сбора, но и относительно цѣлей, для которыхъ требуется этотъ сборъ». Далѣе ставилось еще условіе, чтобы сейму представлялся отчетъ въ гербовомъ сборѣ.

Претензіи финляндскихъ законодателей обратили, наконецъ, на себя вниманіе самой Верховной Власти, которая признала нужнымъ вразумить ихъ особымъ манифестомъ. Правда, редакція этого документа принадлежала перу все того же Армфельта, который, конечно, постарался смягчить значеніе Монаршаго внушенія, причемъ даже не стѣснился, какъ нерѣдко и въ другихъ случаяхъ, сдѣлать это помощью неправильныхъ справокъ; но все-таки сущность воли Государя выразилась опредѣленно: новое ограничительное условіе, поставленное земскими чинами, было категорически устранено. «Мы сохраняемъ за собою право»,—значилось въ манифестѣ, собственноручно Государемъ подписанномъ,—«располагать герто-

вою пошлиной наравнѣ съ другими доходами статнаго вѣдомства, ко благу и пользѣ Великаго Княжества» [1]).

Казалось бы, Верховная Власть сказала свое рѣшающее слово, и дѣло кончено. Но нѣтъ. Шведо-финская интеллигенція еще съ давнихъ временъ не привыкла повиноваться искренно.

Прежде всего, сенатъ опубликовалъ въ церквахъ весь сложный и длинный уставъ о гербовомъ сборѣ, въ 35 большихъ страницъ, а Высочайшаго манифеста, всего въ 10 строкъ, въ церквахъ не опубликовалъ.

Затѣмъ, на сеймѣ 1882 года явился новый пріемъ, явилась метаморфоза, хотя и чисто редакціонная, но имѣющая свое значеніе.

Произошла, какъ и прежде, процедура повторнаго разсмотрѣнія того же устава о гербовомъ сборѣ, и онъ былъ принятъ. Принятъ и извѣстный § 42, все въ той же редакціи. Но вступленіе подверглось усовершенствованію. Вмѣсто прежнихъ словъ: «согласно заключенію земскихъ чиновъ», или послѣдующихъ: «съ согласія земскихъ чиновъ», въ постановленіи 15 декабря 1882 года оказалась уже другая формула: «Вслѣдствіе принятія на себя земскими чинами послѣдняго сейма Финляндіи гербоваго сбора съ 1 ноября 1883 до исхода 1885 года, Мы признали за благо»... и т. д. Подписали финляндскіе сенаторы.

Что̀ же значитъ эта новая перемѣна? Она значитъ, что законодателямъ, купно съ сенаторами, надо было во что̀ бы то ни стало включить въ гербовый сборъ принципъ самооблаженія, при которомъ корона не можетъ уже, по бывшимъ шведскимъ порядкамъ, самостоятельно распоряжаться продуктомъ самообложенія. Такимъ образомъ, вышеупомянутый манифестъ обойденъ, и отвергнутое имъ условіе проведено другимъ путемъ.

Юридически, и даже просто логически, эта хитрая редакція вышла нелѣпою. Нельзя, напримѣръ, иностранцевъ, или даже русскихъ, обязать платить гербовый сборъ при производствѣ ихъ дѣлъ въ Финляндіи потому только, что тамошніе земцы приняли на себя платить его, а съ другой стороны—вообще нельзя принимать на себя такіе сборы, какъ гербовый, которые взимаются не съ народа въ видѣ подати, а какъ пошлина съ юридическихъ дѣйствій, совершаемыхъ даже совершенно посторонними краю людьми.

Но, какъ бы то ни было, а въ законъ попало «самообложеніе»,— и этого довольно. Для финляндскихъ чиновниковъ справка налицо: власть русскаго Монарха оказывается подчиненною самозванной власти сейма. Такъ пошло и на сеймахъ 1885 и 1888 годовъ.

[1]) Манифестъ 22 ноября (4 декабря) 1872 г. см. «Сборникъ Пост. В. Кн. Ф.» 1872 г., № 38.

Однако, § 42 имѣлъ ту, въ своемъ родѣ хорошую, сторону, что верховенство сейма обусловливалось срокомъ. Стоитъ только русскимъ властямъ представить все дѣло въ его настоящемъ свѣтѣ и озаботиться прекращеніемъ внесенія на сеймъ новыхъ предложеній о возобновленіи прежнихъ «принятій на себя» земскими чинами гербоваго сбора: тогда все было бы кончено, и прерогатива Верховной Власти была бы возстановлена. Поэтому мы съ радостью видѣли, что при открытіи нынѣшняго сейма не было оглашено предложенія о гербовомъ сборѣ и другихъ ему подобныхъ. Вышло, что мы поторопились радоваться; они, эти предложенія, явились безъ шума среди сессіи, и финляндскіе знающіе люди теперь о томъ оповѣщаютъ. Но это еще не такой шагъ, который можно было бы счесть непоправимымъ.

22 февраля 1891 г.

Финляндскій отпоръ почтовому объединенію [1].

По случаю назначенія въ Петербургѣ, по Высочайшей волѣ, трехъ комиссій для объединенія финляндскихъ почтъ, таможенъ и монеты съ русскими, гельсингфорсская газета «Nya Pressen» уже явилась проводникомъ мнѣнія, противнаго этому объединенію. На первый разъ дѣло идетъ о почтахъ, въ статьѣ «Vårt postväsende» (наше почтовое вѣдомство). Мнѣніе газеты, сколько извѣстно, раздѣляется и нѣкоторыми изъ мѣстныхъ сенаторовъ, если не большинствомъ ихъ.

При поверхностномъ взглядѣ, статья какъ будто доказательна: есть ссылки на разные законы, конечно, финляндскіе. Но что оказывается на дѣлѣ?

«Наше почтовое управленіе», пишетъ газета, «занимаетъ извѣстное, коренными законами установленное, мѣсто въ нашемъ государственномъ (sic) устройствѣ. По § 21 Формы Правленія 1772 года, канцелярской коллегіи (одно изъ бывшихъ шведскихъ министерствъ) предоставляется нести всѣ заботы и попеченія о почтовыхъ порядкахъ всей страны (Швеціи) и подвѣдомыхъ ей провинцій, дабы дѣло это шло надлежащимъ образомъ».

Такимъ образомъ, высшее управленіе почтами принадлежало въ шведскія времена не самой провинціи Финляндіи, а именно государству, чрезъ его министерство. Швецію замѣнила Россія; слѣдовательно, высшее завѣдываніе финляндскими почтами должно принадлежать теперь ей. И дѣйствительно, сродные съ почтой телеграфы по всей Финляндіи находятся въ главномъ русскомъ управленіи.

[1]) «Московскія Вѣдомости», 6 февраля 1890 г., № 37.

Однако, § 42 имѣлъ ту, въ своемъ родѣ хорошую, сторону, что верховенство сейма обусловливалось срокомъ. Стóитъ только русскимъ властямъ представить все дѣло въ его настоящемъ свѣтѣ и озаботиться прекращеніемъ внесенія на сеймъ новыхъ предложеній о возобновленіи прежнихъ «принятій на себя» земскими чинами гербоваго сбора: тогда все было бы кончено, и прерогатива Верховной Власти была бы возстановлена. Поэтому мы съ радостью видѣли, что при открытіи нынѣшняго сейма не было оглашено предложенія о гербовомъ сборѣ и другихъ ему подобныхъ. Вышло, что мы поторопились радоваться; они, эти предложенія, явились безъ шума среди сессіи, и финляндскіе знающіе люди теперь о томъ оповѣщаютъ. Но это еще не такой шагъ, который можно было бы счесть непоправимымъ.

22 февраля 1891 г.

Финляндскій отпоръ почтовому объединенію [1].

По случаю назначенія въ Петербургѣ, по Высочайшей волѣ, трехъ комиссій для объединенія финляндскихъ почтъ, таможенъ и монеты съ русскими, гельсингфорсская газета «Nya Pressen» уже явилась проводникомъ мнѣнія, противнаго этому объединенію. На первый разъ дѣло идетъ о почтахъ, въ статьѣ «Vårt postväsende» (наше почтовое вѣдомство). Мнѣніе газеты, сколько извѣстно, раздѣляется и нѣкоторыми изъ мѣстныхъ сенаторовъ, если не большинствомъ ихъ.

При поверхностномъ взглядѣ, статья какъ будто доказательна: есть ссылки на разные законы, конечно, финляндскіе. Но что оказывается на дѣлѣ?

«Наше почтовое управленіе», пишетъ газета, «занимаетъ извѣстное, коренными законами установленное, мѣсто въ нашемъ государственномъ (sic) устройствѣ. По § 21 Формы Правленія 1772 года, канцелярской коллегіи (одно изъ бывшихъ шведскихъ министерствъ) предоставляется нести всѣ заботы и попеченія о почтовыхъ порядкахъ всей страны (Швеціи) и подвѣдомыхъ ей провинцій, дабы дѣло это шло надлежащимъ образомъ».

Такимъ образомъ, высшее управленіе почтами принадлежало въ шведскія времена не самой провинціи Финляндіи, а именно государству, чрезъ его министерство. Швецію замѣнила Россія; слѣдовательно, высшее завѣдываніе финляндскими почтами должно принадлежать теперь ей. И дѣйствительно, сродные съ почтой телеграфы по всей Финляндіи находятся въ главномъ русскомъ управленіи.

---

[1]) «Московскія Вѣдомости», 6 февраля 1890 г., № 37.

Однако, § 42 имѣлъ ту, въ своемъ родѣ хорошую, сторону, что верховенство сейма обусловливалось срокомъ. Стòитъ только русскимъ властямъ представить все дѣло въ его настоящемъ свѣтѣ и озаботиться прекращеніемъ внесенія на сеймъ новыхъ предложеній о возобновленіи прежнихъ «принятій на себя» земскими чинами гербоваго сбора: тогда все было бы кончено, и прерогатива Верховной Власти была бы возстановлена. Поэтому мы съ радостью видѣли, что при открытіи нынѣшняго сейма не было оглашено предложенія о гербовомъ сборѣ и другихъ ему подобныхъ. Вышло, что мы поторопились радоваться; они, эти предложенія, явились безъ шума среди сессіи, и финляндскіе знающіе люди теперь о томъ оповѣщаютъ. Но это еще не такой шагъ, который можно было бы счесть непоправимымъ.

22 февраля 1891 г.

Финляндскій отпоръ почтовому объединенію [1].

По случаю назначенія въ Петербургѣ, по Высочайшей волѣ, трехъ комиссій для объединенія финляндскихъ почтъ, таможенъ и монеты съ русскими, гельсингфорсская газета «Nya Pressen» уже явилась проводникомъ мнѣнія, противнаго этому объединенію. На первый разъ дѣло идетъ о почтахъ, въ статьѣ «Vårt postväsende» (наше почтовое вѣдомство). Мнѣніе газеты, сколько извѣстно, раздѣляется и нѣкоторыми изъ мѣстныхъ сенаторовъ, если не большинствомъ ихъ.

При поверхностномъ взглядѣ, статья какъ будто доказательна: есть ссылки на разные законы, конечно, финляндскіе. Но что̀ оказывается на дѣлѣ?

«Наше почтовое управленіе», пишетъ газета, «занимаетъ извѣстное, коренными законами установленное, мѣсто въ нашемъ государственномъ (sic) устройствѣ. По § 21 Формы Правленія 1772 года, канцелярской коллегіи (одно изъ бывшихъ шведскихъ министерствъ) предоставляется нести всѣ заботы и попеченія о почтовыхъ порядкахъ всей страны (Швеціи) и подвѣдомыхъ ей провинцій, дабы дѣло это шло надлежащимъ образомъ».

Такимъ образомъ, высшее управленіе почтами принадлежало въ шведскія времена не самой провинціи Финляндіи, а именно государству, чрезъ его министерство. Швецію замѣнила Россія; слѣдовательно, высшее завѣдываніе финляндскими почтами должно принадлежать теперь ей. И дѣйствительно, сродные съ почтой телеграфы по всей Финляндіи находятся въ главномъ русскомъ управленіи.

---

[1]) «Московскія Вѣдомости», 6 февраля 1890 г., № 37.

ской конституціи, въ довольно широкихъ размѣрахъ, какъ сейчасъ было показано. Теперь не то. Поощренные постояннымъ успѣхомъ, гг. финляндцы не желаютъ признавать ея даже и въ означенномъ конституціонномъ размѣрѣ; ихъ сенатъ всякое, даже самое мелкое административное дѣло, напримѣръ, о какой-нибудь пастьбѣ жеребятъ, несетъ на сеймъ, то-есть ко «второй государственной власти», съ тѣмъ, чтобы потомъ власть Императора не могла самостоятельно распространяться даже и на эти дѣла, значеніе же сейма, напротивъ, возрастало бы все болѣе и болѣе. Сѣть эта, не имѣя надъ собою никакого дѣйствительнаго, то-есть русскаго, контроля, раскидывается все шире и шире.

Въ приведенной выдержкѣ говорится, впрочемъ, не о новѣйшихъ сеймахъ, а о стародавнемъ, Боргоскомъ, 1809 года: ему тоже присвоиваютъ теперь значеніе «второй государственной власти».

По счастію, благодаря новѣйшимъ русскимъ изслѣдованіямъ, значеніе Боргоскаго сейма выяснено уже документально и безапелляціонно. Сеймъ въ Борго былъ на самомъ дѣлѣ не болѣе, какъ совѣщательнымъ собраніемъ финляндскихъ земцевъ:

«Надо сдѣлать одно существенное замѣчаніе», писалъ тогда Сперанскій въ наставленіе Барклаю де-Толли, назначенному, вмѣсто Спренгтпортена, финляндскимъ генералъ-губернаторомъ: «отъ сейма потребованы не рѣшенія, не декреты, а простыя мнѣнія».

Вотъ, что̀ былъ Боргоскій сеймъ; о «второй государственной власти» не было тогда и помину.

Но что̀ же такое этотъ «регламентъ», который, по словамъ газеты, «органически» отмѣнилъ права и власть Государя даже въ администраціи? Это—изданный въ томъ же 1809 году Александромъ I уставъ для главнаго правленія Финляндіи, названнаго потомъ Правительственнымъ Совѣтомъ, а еще позднѣе Финляндскимъ Сенатомъ. Проектъ его былъ составленъ не сеймомъ, а особымъ комитетомъ внѣ его, и только переданъ сейму для освѣдомленія и для полученія его мнѣнія (avis). Сеймъ сдѣлалъ нѣсколько частныхъ замѣчаній; но разработка регламента, съ принятіемъ однихъ изъ этихъ замѣчаній и съ устраненіемъ другихъ, а также со введеніемъ перемѣнъ помимо сейма исполнена по соглашенію Сперанскаго съ Барклаемъ-де-Толли. Въ такомъ видѣ уставъ и утвержденъ Императоромъ Александромъ, какъ дѣло исключительно его доброй воли. Даже одинъ изъ видныхъ финляндскихъ государственниковъ, профессоръ Германсонъ, не признаетъ за означеннымъ регламентомъ силы коренного закона.

Но, быть можетъ, есть въ регламентѣ какое-нибудь частное стѣсненіе Верховной Власти въ отношеніи почтоваго дѣла? Рѣши-

изъ разныхъ финляндскихъ газетныхъ статей. Но изъ отрывковъ трудно составить себѣ полное понятіе о той смѣлости, съ какою ведется тамъ, подъ цензурой, пропаганда, направленная къ окончательному отторженію Финляндіи отъ Россіи. Поэтому, въ видѣ образчика, мы воспроизводимъ здѣсь въ переводѣ цѣлую статью гельсингфорсской шведской газеты «Nya Pressen», подъ заглавіемъ «Таможенный вопросъ» (Tullfrågan), по поводу извѣстныхъ трехъ комиссій [1]). Финляндскія газеты теперь переполнены подобными статьями. Надо помнить, при этомъ, что финляндскій читатель, по ограниченности своихъ познаній и своего кругозора, вѣритъ во всякое свое печатное слово, какъ въ Библію.

Воспроизводя означенную статью, мы для исправленія увлеченій финляндскаго автора, нашли не лишнимъ сопроводить текстъ статьи нѣкоторыми нашими замѣчаніями.

Вотъ статья газеты «Nya Pressen».

«Таможенныя отношенія между Россіей и Финляндіей въ послѣдніе годы нерѣдко становились вопросомъ дня. Въ настоящее же время, когда въ Петербургѣ образовалась комиссія, имѣющая цѣлью привести нашу таможенную систему въ соглашеніе съ русскою,—вопросъ этотъ вступаетъ въ новый фазисъ, не лишенный для насъ глубокаго значенія.

«Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, обсуждая тотъ же вопросъ, мы высказали мнѣніе, что само автономное положеніе нашей страны, относительно Россіи, обуславливается способностью первой поддерживать собственными финансовыми средствами тѣ функціи, которыя, вмѣстѣ взятыя, и составляютъ, такъ-сказать, жизнь государства (sic). Послѣднее можетъ функціонировать въ томъ только случаѣ, если самостоятельно распоряжается своими доходами, тѣмъ болѣе, что эта правоспособность есть неотъемлемое отъ государства верховное его право. Между тѣмъ, почти половину государственныхъ доходовъ Финляндіи составляютъ неокладные сборы (косвенные налоги), почему самостоятельное распоряженіе своими таможенными постановленіями составляетъ для Финляндіи вопросъ величайшей важности, какъ въ государственно-правовомъ (!), такъ и въ экономическомъ отношеніяхъ».

Замѣтимъ, что все это разсужденіе совершенно произвольно: съ самаго покоренія Финляндіи, таможенная политика Россіи считалась обязательною и для Финляндіи; другой не признавали тогда и сами финляндцы, что̀, впрочемъ, подтверждаетъ въ послѣдующемъ изложеніи и нашъ авторъ, очевидно, самъ того не замѣчая. Онъ продолжаетъ:

---

[1]) См. выше статью «Финляндскія комиссіи и конституція», стр. 229 и слѣд. Прим. издателя.

Въ этихъ антитезахъ есть все, кромѣ правды. Ввозился безпошлинно въ Финляндію русскій хлѣбъ, безъ котораго она давно вымерла бы съ голоду. Главнѣйшіе же русскіе продукты, сахаръ, вина, табакъ, керосинъ—пока не завладѣлъ имъ финляндецъ Нобель—и многіе другіе были обложены въ пользу Финляндіи пошлиной, равною ихъ стоимости, напримѣръ: сахаръ 9—10 к. съ фунта, вино русское до 40 к. съ бутылки и пр.

Наоборотъ, финляндскимъ товарамъ въ Россіи, даже послѣ 1886 года, оказывалось безусловное покровительство: чугунъ, напримѣръ, обложенный по общему тарифу пошлиной въ 25 к. съ пуда, пропускается въ количествѣ 400.000 пудовъ въ годъ безпошлинно; желѣза сортового и стали столько же пропускается съ пошлиной въ 15 к., вмѣсто 50 к. по общему тарифу; 60.000 пуд. машинъ пропускается съ пошлиною въ 20 коп., вмѣсто общей пошлины отъ 50 коп. до 3 руб. 50 коп.; хлопчатобумажной пряжи и тканей пропускается 50.000 пудовъ съ пошлиной въ 75 коп., вмѣсто общей отъ 3 р. 60 к. до 58 р., и т. д.

«Что это ограниченіе свободы вывоза нашихъ произведеній въ Россію было, въ извѣстной степени, вызвано нашими таможенными постановленіями о заграничной торговлѣ, уклонявшимися отъ русскаго таможеннаго устава, хорошо извѣстно. Но въ этомъ отношеніи мы раньше, въ продолженіе большей части этого столѣтія, вѣрно слѣдовали за Россіей по соблазнительному пути покровительственной системы (и благоденствовали!). Понемногу, однако, силою самихъ обстоятельствъ (силою тенденціи быть «государствомъ» на чужой счетъ и по слабости русской власти) таможенные законы Финляндіи начали отдѣляться отъ русскихъ и вступать на другой путь. Различіе между двумя странами сказалось еще рѣшительнѣе въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда послѣднимъ таможеннымъ тарифомъ, установленнымъ Россіей, она сдѣлала еще одинъ шагъ назадъ въ прямо протекціонистскомъ духѣ».

«Русская таможенная политика въ высшей степени покровительственная и имѣетъ въ виду вызвать этимъ къ жизни новыя отрасли промышленности и охранить старыя (чего же лучше?!). Но это можетъ быть доступно только для страны, подобной Россіи, съ ея необъятными пространствами, богатствомъ сырого матеріала всякаго рода и дешевою рабочею силой (а въ Финляндіи она даже совсѣмъ даровая: насчитываютъ 2.800.000 лошадиныхъ силъ въ ея водахъ). Могла ли бы долго выдержать это наша страна, съ ея въ высшей степени ограниченными естественными средствами и промышленными отраслями, воспитанными охранительною системой? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только отрицательный».

Нѣтъ, замѣтимъ со своей стороны: какъ провинція великой

«Если при этомъ принять въ соображеніе, что, въ силу § 36 Сеймоваго Устава, сословія должны контролировать государственные счета (это—распространительное, и потому невѣрное, толкованіе; сеймовыя комиссіи ревизуютъ счета только по ассигнованіямъ сейма, что̀ далеко не все), то установленіе налоговъ, по случаю означеннаго таможеннаго соединенія, будетъ всецѣло зависѣть отъ измѣнчивыхъ взглядовъ русскихъ государственныхъ дѣятелей на наиболѣе пригодную для Россіи таможенную политику (это естественно бываетъ всегда и вездѣ). Должно при этомъ вспомнить, кромѣ того, что сословія приняли на себя разрѣшеніе налога на винокуреніе, на пивовареніе и карты, налога, который вполнѣ зависитъ отъ таможенной границы противъ Россіи: тогда станетъ ясно, какъ день, что сеймъ долженъ быть выслушанъ въ этомъ вопросѣ».

Замѣтимъ мимоходомъ, что здѣсь новое извращеніе фактовъ: «принятіе» косвенныхъ налоговъ, въ томъ числѣ и послѣдненазванныхъ, принадлежитъ, по «конституціи», какъ сказано, коронѣ. Если же оно оказалось съ десятокъ лѣтъ, въ видѣ временной мѣры, тоже въ рукахъ сейма, то это былъ одинъ изъ тѣхъ захватовъ верховныхъ правъ Государя, которые, благодаря своеобразнымъ дѣйствіямъ финляндскихъ докладчиковъ, практикуются безъ стѣсненія, какъ на сеймахъ, такъ и внѣ ихъ.

Мы воспроизвели вполнѣ статью финляндской газеты. Вся политика, какъ легко видѣть, состоитъ въ томъ, чтобы, подобно тому, какъ въ почтовомъ дѣлѣ, добиться и въ таможенномъ отреченія Монарха отъ безусловно принадлежащей ему прерогативы и, по передачѣ вопроса на сеймъ, связать Верховную Власть сеймовымъ рѣшеніемъ. Сеймъ, конечно, высказался бы противъ объединенія въ таможенномъ дѣлѣ, и тогда, конечно, начались бы компромиссы, уступки къ ущербу Россіи, а затѣмъ, въ дальнѣйшемъ, безусловныя нынѣ права Государя въ таможенномъ дѣлѣ болѣе не существовали бы.

Но что̀ особенно интересно въ разсмотрѣнной статьѣ, такъ это то, что она вполнѣ совпадаетъ съ мнѣніями гельсингфорсскихъ сенаторовъ: офиціальныя возраженія ихъ въ Петербургѣ какъ бы списаны съ газеты...

Такимъ образомъ, мы находимся предъ удивительнымъ зрѣлищемъ: исполнительный органъ Верховной Власти энергически старается обойти Ея велѣнія.

Не даромъ въ самую ночь на Новый Годъ гг. сенаторы собирались въ тайное засѣданіе. Но если эти «гг. конституціонные министры» находятъ, что Монаршая воля неисполнима безъ нарушенія «вольностей», то, казалось бы, чего проще для нихъ въ

Но сами вы, по своей инициативѣ, развѣ не мѣняли законовъ, и притомъ очень часто? Не вы ли, напримѣръ, въ шестидесятыхъ годахъ достигли измѣненія закона о монетѣ, и получили свою особую серебряную марку, причемъ не убоялись того, что этимъ измѣняется прежній законъ, для васъ якобы столь священный? Мало того, уже въ слѣдующемъ десятилѣтіи, не вы ли же, опять разными путями (воспользовавшись и тѣмъ, что Россія была среди затрудненій послѣдней войны съ Турціей), еще разъ измѣнили монетный законъ, чтобы ввести у себя золотую монету, уже вдосталь разрывавшую всякую связь съ русскою денежною единицей? Тутъ вы опять не побоялись нарушить «незыблемость» закона. Въ то же время, и при тѣхъ же удобныхъ обстоятельствахъ, вы сочинили и провели законъ о «финляндской арміи», опять не боясь смертнаго грѣха нарушить вѣковѣчныя постановленія о прежнемъ шведскомъ поселенномъ войскѣ (indelta-arméen). И мало ли было такихъ безбоязненныхъ «нарушеній»?...

Но эти нарушенія были нужны для финляндской «государственной» обособленности—и святыню не стѣсняясь откладывали въ сторону. Когда же русскіе люди, наконецъ, опомнились, и, видя, что Россію поносятъ, эксплуатируютъ и обираютъ среди бѣла дня, стали разбираться и въ русскихъ правахъ, и въ именуемыхъ финляндскихъ законахъ, то противъ нихъ поднялось все, имѣющее голосъ въ «свободной» націи. Съ ожесточенною бранью набросились финляндцы на ту свободу, съ которою приниженные дотолѣ русскіе люди стали оглядываться на свое прошедшее и на ту цѣну, въ которую обошлось имъ и благоденствіе Финляндіи, и собственное ихъ тамъ приниженіе. Лойяльные финляндцы закричали: караулъ, лови, держи,—и стали принимать всяческія мѣры къ тому, чтобъ ограбленнаго сочли за грабителя.

Это было бы даже забавно, если бы не было столь возмутительно. Впрочемъ, можетъ быть поставленъ такой вопросъ: касаются ли насъ, русскихъ, финляндскіе законы, въ которые мы стараемся теперь вникнуть?

Конечно, касаются, и касаются на каждомъ шагу, разъ что Финляндія начинается уже въ 30 верстахъ отъ Петербурга, такъ что съ границы видно, какъ сверкаютъ Исаакіевскіе куполы. Кто главный покупатель у Финляндіи? Кто главный продавецъ ей? Кѣмъ живутъ ея желѣзныя дороги? Гдѣ зарабатываютъ Финляндцы тотъ хлѣбъ, котораго имъ не даетъ родина? Гдѣ служатъ благородные финляндцы и гдѣ наживаютъ они и деньги, и почести, и преимущества, и обезпеченное положеніе себѣ и семьямъ? Въ Россіи, все въ той же Россіи. Прибавьте къ этому, что всѣ эти искатели хлѣба, денегъ и преимуществъ входятъ въ откры-

Поистинѣ, можно только недоумѣвать. Казалось бы, что̀ для финляндцевъ можетъ быть безобиднѣе учрежденныхъ въ Петербургѣ комиссій? Члены—русскіе и финляндцы; послѣдніе—знатоки своихъ мѣстныхъ дѣлъ, и за ними резервъ въ лицѣ статсъ-секретаря и двухъ, пребывающихъ въ Петербургѣ членовъ постояннаго комитета финляндскихъ дѣлъ; предсѣдатель комиссій—финляндскій генералъ-губернаторъ, всегда къ финляндцамъ благосклонный, что̀ доказываютъ мѣры и узаконенія, изданныя въ Финляндіи за послѣднія десять лѣтъ. И, тѣмъ не менѣе, финляндская печать взываетъ къ своимъ соотчичамъ, требуя чуть не поголовнаго протеста!

Почему же это, наконецъ? Ужъ, кажется, финляндцы должны бы быть довольны: сама же ихъ печать величаетъ комиссіи названіемъ международныхъ (internationala comitéerna), а то, что̀ въ нихъ разсматривается—конвенціями (konventioner), конечно, между державами, или кабинетами, финляндскимъ и россійскимъ. Чего ужъ, кажется, лучше?

И, однако, нѣтъ. Бѣда въ томъ, что для финляндскихъ государственниковъ всякій публичный, а тѣмъ болѣе офиціальный, разговоръ объ именуемыхъ правахъ ихъ «государства» хуже ножа остраго. Всякій свѣтъ для этихъ «правъ» пагубенъ, ибо изобличаетъ, что они зиждутся на пескѣ, или, еще того хуже, на хитростяхъ, тонкостяхъ, дипломатическихъ ловкостяхъ, которыя, сколько извѣстно, въ государственномъ правѣ и его терминологіи не имѣютъ права гражданства. Тончайшій изъ этихъ тонкихъ дипломатовъ, бывшій финляндскій статсъ-секретарь графъ Армфельтъ, умѣвшій въ своихъ одностороннихъ докладахъ проводить и законы о монетѣ, отчуждавшіе Финляндію отъ Россіи, и сеймовые уставы, ограничивавшіе верховную власть русскихъ Государей много болѣе, чѣмъ была ограничена власть шведскихъ королей, умѣвшій творить и другія подобныя чудеса,—этотъ ловкій финляндецъ всегда держался такого мудраго правила (а порой и высказывалъ его): Чѣмъ меньше о Финляндіи говорятъ и чѣмъ меньше ее въ Россіи знаютъ,—тѣмъ лучше (конечно, для финляндцевъ).

Вотъ нарушеніе съ русской стороны этого-то мудраго правила, вотъ это-то проливаніе истиннаго свѣта на «незыблемыя основы» финляндской государственности и доводитъ гнѣвъ финляндскихъ quasi-патріотовъ до бѣлаго каленія. Но мы позволимъ себѣ не обращать на него вниманія и будемъ продолжать наши «раскопки» даже и подъ громомъ изъ... финляндскихъ редакцій.

10 марта 1890 г.

Изъ желѣзнодорожной статистики Финляндіи [1].

Съ мѣсяцъ назадъ въ газетахъ появилось извѣстіе, что финляндскія желѣзныя дороги даютъ 5% чистаго дохода. Оно было перепечатано и въ «Новомъ Времени». Мы полюбопытствовали провѣрить это извѣстіе, а такъ какъ почти одновременно Министерство Путей Сообщенія отправило въ Финляндію особую коммисію для изученія тамошняго желѣзнодорожнаго дѣла, то намъ показалось не лишнимъ сообщить здѣсь нѣкоторыя цифры, полученныя при сдѣланномъ изысканіи. Думаемъ, что онѣ не будутъ лишены интереса для той части публики, которая не боится десятка, другого цифръ, также какъ, можетъ быть, и для самой комиссіи. Основаны онѣ въ точности на финляндскихъ офиціальныхъ отчетахъ и статистическихъ сборникахъ.

Въ Финляндіи всѣ желѣзныя дороги правительственныя, кромѣ небольшой линіи въ 33 километра отъ Борго, на Финскомъ заливѣ, въ Керво, на гельсингфорсъ-тавастгусской линіи.

Длина правительственныхъ линій, вмѣстѣ съ боковыми ихъ вѣтвями, составляла къ 1889 году, по округленіи дробей:

Гельсингфорсъ-Тавастгусъ-Петербургъ	509	километр.
Гангеудская линія	153	»
Або--Таммерфорсъ-Тавастгусъ	212	»
Вазаская, отъ Таммерфорса до Николайстада	307	»
Улеаборгская, отъ Эстермюра на Вазаской линіи до Улеаборга	359	»
Всего	1.539,6	километра.

Изъ нихъ 34½ километра проходятъ по Петербургской губерніи, отъ Петербурга до Бѣлоострова, съ вѣтвью на Успенское кладбище близъ Парголова; прочіе 1.505 километровъ по финляндскимъ губерніямъ.

Дороги эти къ 1889 году представляли слѣдующую цѣнность, въ финляндскихъ маркахъ или франкахъ:

Гельсингфорсъ-Петербургская, открытая въ въ 1862 году	53.944,671
Гангеудская, съ 1873 г.	11.238,262
Абоская, съ 1876 г.	20.724,591
Вазаская, съ 1883 г.	15.119,339
Улеаборгская, съ 1886 г.	19.774,611.
Итого	120.871,478

[1]) «Новое Время», 7 августа 1890 г., № 5186.

Поистинѣ, можно только недоумѣвать. Казалось бы, что для финляндцевъ можетъ быть безобиднѣе учрежденныхъ въ Петербургѣ комиссій? Члены—русскіе и финляндцы; послѣдніе—знатоки своихъ мѣстныхъ дѣлъ, и за ними резервъ въ лицѣ статсъ-секретаря и двухъ, пребывающихъ въ Петербургѣ членовъ постояннаго комитета финляндскихъ дѣлъ; предсѣдатель комиссій—финляндскій генералъ-губернаторъ, всегда къ финляндцамъ благосклонный, что доказываютъ мѣры и узаконенія, изданныя въ Финляндіи за послѣднія десять лѣтъ. И, тѣмъ не менѣе, финляндская печать взываетъ къ своимъ соотчичамъ, требуя чуть не поголовнаго протеста!

Почему же это, наконецъ? Ужъ, кажется, финляндцы должны бы быть довольны: сама же ихъ печать величаетъ комиссіи названіемъ международныхъ (internationala comitéerna), а то, что въ нихъ разсматривается—конвенціями (konventioner), конечно, между державами, или кабинетами, финляндскимъ и россійскимъ. Чего ужъ, кажется, лучше?

И, однако, нѣтъ. Бѣда въ томъ, что для финляндскихъ государственниковъ всякій публичный, а тѣмъ болѣе офиціальный, разговоръ объ именуемыхъ правахъ ихъ «государства» хуже ножа остраго. Всякій свѣтъ для этихъ «правъ» пагубенъ, ибо изобличаетъ, что они зиждутся на пескѣ, или, еще того хуже, на хитростяхъ, тонкостяхъ, дипломатическихъ ловкостяхъ, которыя, сколько извѣстно, въ государственномъ правѣ и его терминологіи не имѣютъ права гражданства. Тончайшій изъ этихъ тонкихъ дипломатовъ, бывшій финляндскій статсъ-секретарь графъ Армфельтъ, умѣвшій въ своихъ одностороннихъ докладахъ проводить и законы о монетѣ, отчуждавшіе Финляндію отъ Россіи, и сеймовые уставы, ограничивавшіе верховную власть русскихъ Государей много болѣе, чѣмъ была ограничена власть шведскихъ королей, умѣвшій творить и другія подобныя чудеса,—этотъ ловкій финляндецъ всегда держался такого мудраго правила (а порой и высказывалъ его): Чѣмъ меньше о Финляндіи говорятъ и чѣмъ меньше ее въ Россіи знаютъ,—тѣмъ лучше (конечно, для финляндцевъ).

Вотъ нарушеніе съ русской стороны этого-то мудраго правила, вотъ это-то проливаніе истиннаго свѣта на «незыблемыя основы» финляндской государственности и доводитъ гнѣвъ финляндскихъ quasi-патріотовъ до бѣлаго каленія. Но мы позволимъ себѣ не обращать на него вниманія и будемъ продолжать наши «раскопки» даже и подъ громомъ изъ... финляндскихъ редакцій.

10 марта 1890 г.

Первоначально употребленъ капиталъ около 106 милліоновъ марокъ, въ томъ числѣ $10^1/_2$ мил. на покупку Гангеудской линіи у акціонернаго общества. А такъ какъ она обошлась послѣднему въ 28 мил. марокъ, то собственно первоначальную затрату слѣдуетъ считать не въ 107, а въ 125 мил.

Километръ дороги стоитъ (къ 1889 г.):

На Петерб.-Гельсингф. линіи	106.000	мар.
» Гангеудской, считая во что обошлась обществу	191.000	»
» Абоской	97.750	»
» Вазаской	49.250	»
» Улеаборгской	55.055	»

Въ поясненіе исключительной дешевизны послѣднихъ двухъ дорогъ слѣдуетъ замѣтить, что какъ строенія на нихъ, такъ и подвижной составъ болѣе чѣмъ скромны. На Вазаской дорогѣ изъ 21 станціи только 2 второклассныхъ и 1 первоклассная; прочія 18 ничтожныхъ четвертаго и пятаго классовъ. То же, въ большей еще мѣрѣ, на Улеаборгской. Локомотивовъ всего на этой послѣдней 17, на Вазаской 15. Вагоновъ перваго класса ни на той, ни на другой нѣтъ вовсе; второго класса только 4 вагона на Вазаской и 6 на Улеаборгской; даже 3 класса, считая и смѣшанные со вторымъ классомъ и съ кондукторскими помѣщеніями, всего на первой 16, и на послѣдней 18. Товарныхъ вагоновъ крытыхъ на Вазаской линіи всего 87, а на Улеаборгской 80, — и это на длину въ 300 верстъ...

Валовая выручка за 1888 г. была, въ маркахъ:

От пассажирскаго движенія:

На Петербург.-Гельсингф.	2.772.631
» Гангеудской	101.560
» Абоской	437.617
» Вазаской	364.245
» Улеаборгской	238.239
Итого	3.914.293 марки.

Отъ товарнаго:

На Петерб.-Гельсингф.	3.563.666
» Гангеудской	275.112
» Або-Таммерф.	1.073.049
» Вазаской.	452.220
» Улеаборгской	200.488
Итого	5.564.535 марокъ.

По двумъ остальнымъ былъ убытокъ:

по гангеудской . . . . —3,541 марки
» улеаборгской . . . . —82,026 »

Затѣмъ чистый доходъ всѣхъ дорогъ 3.680.343 м. Въ процентахъ на затраченный капиталъ онъ составилъ, по расчетамъ самого управленія (по нашимъ нѣсколько иначе):

по петербург.-тавастгус.-гельсингф. линіи . . +5,29%
» гангеудской . . . . —0,03 »
» абоской . . . . +3,25 »
» вазаской . . . . +1,56 »
» улеаборгской . . . . —0,41 »

Гдѣ же, спрашивается, финляндскія дороги приносятъ 5%? Одна только петербургская вывозитъ на себѣ всѣ прочія, и при всемъ томъ средній доходъ не превышаетъ 3,05%.

Прибавимъ къ этому, что параллельно съ постройкою въ Финляндіи новыхъ линій сильно падаетъ значеніе и доходность тамошнихъ каналовъ. Въ 1882 г. прошло по нимъ 17.681 судно, и получено чистаго дохода 644.553 марки; въ 1888 г. прошло на полторы тысячи судовъ меньше (16.113), и выручено вдвое меньше—334.485 марокъ. Къ тому же весь этотъ доходъ далъ сайменскій, т. е. тоже припетербургскій каналъ—кто изъ русскихъ, бывавшихъ въ Финляндіи, не ѣздилъ по немъ? Всѣ прочіе, 21 каналъ, въ общей сложности не покрыли даже издержекъ своего содержанія.

Въ конечномъ итогѣ — исключите Петербургъ и Россію изъ такъ называемаго государственнаго хозяйства Финляндіи, какіе будутъ барыши этого «государства»? Но за то спѣси его чиновникамъ не занимать стать. По основаніи Петербургско-Финляндской дороги имя Петербурга значилось на первомъ мѣстѣ, и въ наименованіи, и на вагонахъ. Но когда стало надуваться финляндское «государство», названіе Петербурга согнали на послѣднее мѣсто, явились Гельсингфорсъ—Тавастгусъ — Петербургская линія, въ статистическихъ таблицахъ финляндскаго правительства на первомъ мѣстѣ водворился Гельсингфорсъ, а бѣдная русская столица затерялась гдѣ-то на 51 мѣстѣ между никому неизвѣстными мелкими станціями.

7 августа 1890 г.

Финляндскіе порты и желѣзныя дороги [1].

Нѣтъ, конечно, надобности доказывать, какое значеніе для экономическаго быта и развитія цѣлыхъ обширныхъ площадей государства имѣетъ опредѣленіе конечныхъ пунктовъ и направленія же-

[1]) «Московскія Вѣдомости» 1 декабря 1890 г., № 332.

По двумъ остальнымъ былъ убытокъ:

по гангеудской	—3,541 марки
» улеаборгской	—82,026 »

Затѣмъ чистый доходъ всѣхъ дорогъ 3.680.343 м. Въ процентахъ на затраченный капиталъ онъ составилъ, по расчетамъ самого управленія (по нашимъ нѣсколько иначе):

по петербург.-тавастгус.-гельсингф. линіи . .	+5,29%
» гангеудской	—0,03 »
» абоской	+3,25 »
» вазаской	+1,56 »
» улеаборгской	—0,41 »

Гдѣ же, спрашивается, финляндскія дороги приносятъ 5%? Одна только петербургская вывозитъ на себѣ всѣ прочія, и при всемъ томъ средній доходъ не превышаетъ 3,05%.

Прибавимъ къ этому, что параллельно съ постройкою въ Финляндіи новыхъ линій сильно падаетъ значеніе и доходность тамошнихъ каналовъ. Въ 1882 г. прошло по нимъ 17.681 судно, и получено чистаго дохода 644.553 марки; въ 1888 г. прошло на полторы тысячи судовъ меньше (16.113), и выручено вдвое меньше—334.485 марокъ. Къ тому же весь этотъ доходъ далъ сайменскій, т. е. тоже припетербургскій каналъ—кто изъ русскихъ, бывавшихъ въ Финляндіи, не ѣздилъ по немъ? Всѣ прочіе, 21 каналъ, въ общей сложности не покрыли даже издержекъ своего содержанія.

Въ конечномъ итогѣ — исключите Петербургъ и Россію изъ такъ называемаго государственнаго хозяйства Финляндіи, какіе будутъ барыши этого «государства»? Но за то спѣси его чиновникамъ не занимать стать. По основаніи Петербургско-Финляндской дороги имя Петербурга значилось на первомъ мѣстѣ, и въ наименованіи, и на вагонахъ. Но когда стало надуваться финляндское «государство», названіе Петербурга согнали на послѣднее мѣсто, явились Гельсингфорсъ—Тавастгусъ — Петербургская линія, въ статистическихъ таблицахъ финляндскаго правительства на первомъ мѣстѣ водворился Гельсингфорсъ, а бѣдная русская столица затерялась гдѣ-то на 51 мѣстѣ между никому неизвѣстными мелкими станціями.

7 августа 1890 г.

Финляндскіе порты и желѣзныя дороги [1].

Нѣтъ, конечно, надобности доказывать, какое значеніе для экономическаго быта и развитія цѣлыхъ обширныхъ площадей государства имѣетъ опредѣленіе конечныхъ пунктовъ и направленія же-

[1]) «Московскія Вѣдомости» 1 декабря 1890 г., № 332.

Финляндскій сенатъ всѣми мѣрами старается вывести свое «государство» изъ такого комическаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и критическаго положенія. Вѣдь на дѣлѣ выходитъ, что, если Петербургъ вздумаетъ перестать трудиться для Финляндіи и предоставитъ ее себѣ самой, то придется ликвидировать эти ненужныя и дорогія, даже при своей дешевизнѣ, линіи.

Въ такихъ обстоятельствахъ стремленія сената, а за нимъ и сейма, направляются къ крупной цѣли. Они думаютъ если не совсѣмъ парализовать Петербургъ, то отнять у него, что только можно и, прежде всего, оттянуть у Петербургскаго порта возможно большее число грузовъ и направить ихъ къ своимъ, финляндскимъ, портамъ. Въ такихъ видахъ всѣ новыя линіи, которыя предлагаетъ сенатъ и «рѣшаетъ» сеймъ, направляются къ мѣстнымъ портамъ. За ними предъ Петербургомъ большое преимущество: они замерзаютъ позже и открываются раньше Петербургскаго порта; кромѣ того, они ближе его къ Балтійскому морю.

На послѣднемъ сеймѣ постановлено было устроить еще двѣ большія желѣзнодорожныя линіи: одну отъ Коувала, средины Петербургской линіи, до Котки на Финскомъ заливѣ, у устья рѣки Кюмени, бывшей въ прошломъ столѣтіи пограничною русскою рѣкой (теперь эта граница, какъ извѣстно, отодвинута на востокъ, назадъ къ русской столицѣ, на цѣлыя 220 верстъ). Другая линія пройдетъ отъ Таммерфорса къ Бьернеборгу на Ботническомъ заливѣ.

По выполненіи сего, съ Петербургскимъ портомъ будутъ конкурировать одиннадцать соединенныхъ съ русскою столицей желѣзными путями финляндскихъ портовъ при Финскомъ и Ботническомъ заливахъ: Выборгъ, Котка, Гельсингфорсъ, Гангэ, Борго, Або, Бьернеборгъ, Николайстадъ (Ваза), Якобстадъ, Гамле-Карлебю, Улеаборгъ. Конечно, послѣдніе, находясь въ сѣверной части Ботническаго залива, имѣютъ въ отношеніи Петербургскаго порта сравнительно меньшее значеніе; но первые шесть портовъ находятся на пути петербургской морской торговли и прямо ее перехватываютъ, тѣмъ болѣе, что финляндскіе желѣзнодорожные тарифы, даже на русской территоріи находятся въ полномъ распоряженіи сената «независимой» Финляндіи.

Такое направленіе финляндскихъ линій не имѣло бы вреднаго для Россіи значенія въ томъ только случаѣ, если бы, по слову Императора Александра I [1]), финляндскіе порты сдѣлались русскими гаванями. Но разъ этого нѣтъ, и всѣ сборы портовые, таможенные, желѣзнодорожные и прочіе поступаютъ въ особую финляндскую казну, а портовые города будутъ богатѣть на пользу обособляю-

---

[1]) См. Высочайшій манифестъ 1 октября 1809 года.

щейся на счетъ ихъ и мѣстной казны Финляндіи, въ ущербъ Россіи, то, конечно, съ нашей стороны должна отпасть всякая забота объ ихъ процвѣтаніи: эту заботу слѣдуетъ сосредоточить исключительно на охранѣ чисто-русскихъ интересовъ.

Финляндцамъ мало настроить путей къ своимъ портамъ; нужно еще ихъ питать, а своимъ скуднымъ финляндскимъ добромъ и убожествомъ напитаешь ихъ немного, какъ видно изъ приведенныхъ цифръ. Гдѣ же взять этого питанія? Конечно, у той же ненавистной «сосѣдней страны», именуемой Россіею. И вотъ они замыслили, ни больше, ни меньше, какъ притянуть къ своимъ портамъ и на свои рельсы при-Ладожскую, при-Онежскую, а по возможности и при-Архангельскую области добродушнаго русскаго Царства.

Задумано и сдѣлано, благо и русское начальство въ Гельсингфорсѣ, и самъ Петербургъ, оставались все при томъ же мнѣніи, что желѣзныя дороги Финляндіи—дѣло внутренняго финляндскаго законодательства, и что въ это дѣло мѣшаться не слѣдуетъ. И вотъ этими мѣсяцами открыта, въ присутствіи финляндскаго генералъ-губернатора, большая линія, идущая отъ упомянутой станціи Коувала, Петербургской дороги, на С.-Михель и на Куопіо. Эти города такимъ соединеніемъ отвлекаются отъ Петербурга и ставятся, прямою линіей, въ соединеніе съ упомянутымъ портомъ въ Коткѣ, къ которому устраивается новая желѣзная дорога. Но для насъ еще существеннѣе то, что названной линіи назначено продолженіе далѣе на Нурмисъ, гдѣ она будетъ уже не въ дальнемъ разстояніи отъ границы Олонецкой губерніи, которая именно здѣсь вдается клиномъ въ финляндскую территорію.

Еще большее въ подобномъ же смыслѣ значеніе получаетъ другая линія, къ исполненію коей уже приступлено, именно линія отъ Выборга на Сердоболь и Іоенсу. Эта линія обогнетъ всю сѣверную часть Ладожскаго озера, пройдя по старинной русской Финляндіи (Кореліи), а въ Сердоболѣ прямо примкнетъ къ Ладожскому озеру. Бассейнъ этого древняго русскаго Нево дѣлается такимъ образомъ достояніемъ финляндскихъ желѣзной дороги и портовъ.

Наше бывшее Министерство Путей Сообщенія не удосужилось соединить рельсами Ладожскій бассейнъ со столицей по южному Ладожскому побережью, оставляя этотъ край въ зимней спячкѣ на цѣлые полгода: Финляндская желѣзная дорога приберетъ въ близкомъ будущемъ ладожскую торговлю себѣ. Въ виду зимняго движенія, ладожскіе и свирскіе грузы, вмѣсто того, чтобъ итти на югъ, по направленію къ Петербургу, пойдутъ на сѣверъ, къ Сердоболю, а оттуда направятся или на удовлетвореніе нуждъ Фин-

ляндіи, или же чрезъ Выборгъ за границу. Столичный портъ будетъ обойденъ. Размѣръ этого движенія еще болѣе усилится, когда желѣзнодорожная вѣтвь примкнетъ еще къ Кексгольму (древней Корелѣ-городу) на западномъ берегу Ладожскаго озера.

Этой же линіи предусмотрѣно не только продолженіе къ Іоенсу, но и далѣе, къ Вяртсила [1]), тоже по направленію къ нашей Олонецкой губерніи, но къ еще болѣе южной ея части, чѣмъ отъ Нурмиса. Если же будетъ принято во вниманіе высказываемое нѣкоторыми изъ высшихъ финляндскихъ чиновниковъ предположеніе, и если, согласно ему, будетъ исходатайствовано въ Петербургѣ соединеніе съ этою линіей Петрозаводска, то не одна Олонецкая губернія, а пожалуй и Архангельскій край войдетъ въ районъ финляндскихъ желѣзныхъ дорогъ, отвлекая торговое движеніе, со всѣми его выгодными послѣдствіями, и отъ далекаго бѣломорскаго, и отъ близкаго петербургскаго порта.

Вотъ, къ чему ведетъ то равнодушіе, если не попустительство, съ которымъ у насъ до сихъ поръ смотрятъ на финляндскія, такъ-называемыя внутреннія, мѣры.

Что̀ сочинитъ еще финляндскій сенатъ для предложенія въ этой области предстоящему сейму, въ видахъ дальнѣйшаго захвата русскаго достоянія,— мы не знаемъ; все это хранится въ строгой тайнѣ. Знаемъ только одно, что во время Боргоскаго сейма, когда, будто бы, на русскую власть надѣли финляндскія путы, желѣзныхъ дорогъ не было, а, слѣдовательно, на Россію не могло быть возложено по этой части никакихъ обязательствъ. Слѣдовательно, русское правительство во всякомъ случаѣ имѣетъ полное право наложить свое veto на очень уже разыгравшіеся финляндскіе аппетиты. Съ другой стороны, естественно желать, чтобы наше вѣдомство Путей Сообщенія, такъ же какъ и Министерство Финансовъ, обратили вниманіе на конкуррирующее значеніе финляндскихъ портовъ, если они не станутъ, наконецъ, русскими гаванями, что̀, конечно, представляется естественнымъ и вполнѣ законнымъ.

1 декабря 1890 г.

Права русскихъ врачей въ Финляндіи [2]).

Въ февралѣ и въ мартѣ этого (1890) года изданы въ Финляндіи два новыя узаконенія, которыя заслуживаютъ вниманія русскаго общества.

Одно—«о врачебной практикѣ въ Финляндіи», распубликованное финляндскимъ сенатомъ въ № 8 «Сборника Постановленій».

---

[1]) Нынѣ эта линія уже проведена. Прим. изд.

[2]) «Московскія Вѣдомости», 21 мая 1890 г., № 141.

Это узаконеніе явилось на свѣтъ, очевидно, подъ давленіемъ того справедливаго возбужденія, которое сказалось въ Россіи, когда, года два-три тому назадъ, въ Финляндіи, въ Райвола, верстахъ въ 50 отъ Петербурга, аптека не отпускала лѣкарствъ по рецепту русскаго врача, и когда покойный Боткинъ оказался не имѣющимъ «по закону» права подавать въ Финляндіи врачебную помощь [1]).

Теперь новымъ узаконеніемъ (§ 2), наравнѣ съ мѣстными врачами, «одинаковое право предоставляется и врачамъ, имѣющимъ по дѣйствующимъ въ Имперіи узаконеніямъ право заниматься тамъ, безъ ограниченій, врачебною практикой и предъявившимъ о томъ свидѣтельство медицинскому управленію» (финляндскому).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, «врачи, состоящіе при расположенныхъ въ Финляндіи русскихъ войскахъ, могутъ, безъ особаго о томъ заявленія, заниматься практикой» (§ 4).

Однако, если упомянутый предъ симъ русскій не военный врачъ «безъ предварительнаго заявленія или разрѣшенія будетъ заниматься практикой въ Финляндіи въ иное время, чѣмъ при случайномъ пребываніи въ краю (!), то подвергается денежному взысканію въ размѣрѣ до трехсотъ марокъ» (§ 11).

Здѣсь финляндскій новый законъ по отношенію къ русскому врачу ровно въ шесть разъ строже, нежели къ врачу-финляндцу, ибо на сего послѣдняго, за непредставленіе своего диплома въ медицинское управленіе до начала практики, налагается взысканіе въ размѣрѣ только пятидесяти марокъ (§ 14).

Но если здѣсь шестикратная строгость къ русскому врачу, то въ § 8 налагается на него уже полный запретъ:

«Только легитимированному финляндскому врачу дозволяется пользовать больныхъ въ частной больницѣ, или въ частномъ богоугодномъ заведеніи, или другомъ подобномъ учрежденіи, или же состоять врачемъ для рабочихъ у лица, пользующагося наемными рабочими въ своемъ промыслѣ или предпріятіи».

Невольно и по справедливости напрашивается слѣдующій вопросъ: не найдетъ ли за симъ и нашъ русскій Медицинскій Департаментъ правильнымъ выработать узаконеніе, коимъ и права финляндскихъ врачей въ Россіи были бы соотвѣтственно ограничены?

Русскіе подданные и финляндскіе пароходы [2]).

Въ № 13. «Сборника Постановленій» финляндскимъ сенатомъ напечатано постановленіе «о пассажирскихъ пароходахъ».

Узаконеніе это, какъ плодъ большой практики, должно быть интересно для нашихъ моряковъ и спеціалистовъ. Для насъ же

[1]) См. «Моск. Вѣд.», № 53.

[2]) «Московскія Вѣдомости», 1890 г., № 141.

важно то, что оно накрѣпко запираетъ финляндскіе пароходы предъ русскими людьми, еслибъ они пожелали служить на нихъ, а тѣмъ паче управлять ими. Между тѣмъ эти пароходы плаваютъ по Ладожскому озеру и въ русскіе порты.

Шкиперами на нихъ, то-есть старшими и младшими начальниками, отнынѣ могутъ быть только лица, выдержавшія экзаменъ въ финляндскомъ политехническомъ институтѣ или въ другомъ подлежащемъ училищѣ; машинистамъ же производится испытаніе въ особой коллегіи по назначенію финляндскаго сената (§§ 13 и 17).

А по § 18 «въ должности старшихъ и младшихъ начальниковъ, а также машинистовъ на финляндскихъ пассажирскихъ пароходахъ не могутъ быть принимаемы чужестранные подданные, если изъятіе изъ этого правила не вызывается крайнею необходимостью».

Спрашивается: Русскіе относятся ли къ числу этихъ «чужестранныхъ» подданныхъ? Судя по всей совокупности порядка экзаменовъ и испытаній, это такъ. Очень немаловажно, чтобы тѣ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, обстоятельно разъяснили: такъ это, или нѣтъ?

Въ Россіи мы, во множествѣ случаевъ, видимъ на казенной службѣ въ должностяхъ не только командировъ большихъ военныхъ судовъ, но и начальниковъ цѣлыхъ эскадръ и даже Главнаго Морского Штаба, офицеровъ и адмираловъ изъ самыхъ природныхъ финляндцевъ. Что̀ же опять за напасть, что въ самомъ новѣйшемъ финляндскомъ узаконеніи русскіе моряки снова такъ принижены, что ихъ не допускаютъ даже на небольшіе финляндскіе пароходы, притомъ даже не на казенные, а на частные, гдѣ дѣло должно быть, кажется, по простому обоюдному соглашенію. Исторія русскаго флота представляетъ никакъ не меньше достойныхъ русскихъ именъ, чѣмъ именъ финляндскихъ.

Не менѣе интересенъ и § 43: «Настоящее постановленіе на шведскомъ и финскомъ языкахъ должно быть доступно для пассажировъ на всѣхъ пароходахъ».

А на русскомъ языкѣ? Финляндскіе пароходы плаваютъ по искони русскому Ладожскому озеру, плаваютъ въ россійскіе порты, о чемъ прямо въ узаконеніи и говорится, на нихъ множество русскихъ пассажировъ, а самое узаконеніе по-русски имъ не должно быть доступно? Между тѣмъ за нарушеніе его въ немъ же установлены, именно для пассажировъ, штрафы до 100 марокъ, и командиру-финляндцу предоставлено право или ссадить пассажира, за нарушеніе правилъ, ему недоступныхъ, или же содержать его подъ необходимымъ присмотромъ (§ 38).

Что̀ же это такое?!

грабежи и убійства въ Архангельскомъ краѣ. Рать шла тѣми именно мѣстами, гдѣ теперь происходитъ такое оживленное лѣтнее движеніе изъ Петербурга по Финляндской желѣзной дорогѣ, вплоть до Выборга и далѣе. Здѣсь происходили великія битвы. Недалеко отъ желѣзнодорожной станціи Перкіярви, на берегахъ озера Каукіярви, до сихъ поръ сохраняются преданія объ этихъ битвахъ. Земля стала, по словамъ народа, «горькою» отъ множества пролитой тамъ крови, и съ нею связано представленіе о разныхъ ужасахъ. Война окончилась тогда счастливо для Руси: къ ней возратилась, хотя и ненадолго, корельская Финляндія.

Но и помимо этой старины, при мысли о временахъ болѣе къ намъ близкихъ, движеніе вдоль финляндскихъ береговъ на каждомъ шагу не говоритъ ли русскому сердцу обиліемъ самыхъ дорогихъ событій?! Отъ самаго Петербурга, поднятаго изъ болотъ костями русскаго народа, уже сейчасъ за Кронштадтомъ вамъ пахнутъ въ лицо воспоминанія то о побѣдахъ, то о пораженіяхъ, но всегда о жертвахъ, о тысячахъ, даже десяткахъ тысячъ русскихъ жизней, о неисчислимыхъ лишеніяхъ и страданіяхъ русскаго народа.

Для чего нужны были эти жертвоприношенія? Для созиданія государства, для укрѣпленія его мощи, для охраны достоинства и пользы многомилліоннаго народа, во славу Государей, рядъ вѣковъ составляющихъ едино съ исконнымъ своимъ народомъ, преданнымъ и любящимъ ихъ не по соображеніямъ и расчету, всегда перемѣнчивымъ, а въ силу вѣкового патріотическаго чувства, переходившаго отъ прадѣда къ правнуку беззавѣтно и неизмѣнно.

Ближняя Финляндія, древняя Новгородская область, сдѣлалась шведскою провинціей въ смутное время самозванцевъ. Старанія царя Алексѣя Михайловича вернуть ее были тщетны, и только геній его сына возвратилъ эту необходимую для цѣльности Россіи окраину. Дочь Петра, Елисавета, отодвинула предѣлъ ея до Кюмени, такъ что половина пути отъ Петербурга до Гельсингфорса сдѣлалась тогда русскою. Всѣ эти необходимыя пріобрѣтенія покупались дорогою цѣной, великими усиліями. И не только суша, но и море, которое теперь на пути яхты Царевна особенно говоритъ воображенію, было зрителемъ великихъ русскихъ трудовъ.

Кто не знаетъ про подвиги тамъ Петра и его сподвижниковъ? Но меньше знаютъ, что ближе къ нашему времени, 100 лѣтъ назадъ, воды шхеръ сдѣлались «красными» отъ потоковъ русской крови, подобно тому какъ 300 лѣтъ назадъ выборгская земля сдѣлалась отъ нихъ «горькою». Окраинныя мѣста приходилось не только дорого покупать, но и отстаивать дорогою цѣной. Густавъ III думалъ вернуть Швеціи русскую Финляндію. Пушечные выстрѣлы грохотали въ морѣ по близости Кронштадта и приводили въ смятеніе Невскую столицу.

не пало 95. Вотъ лодка съ 44 человѣками; ее непріятель взялъ лишь тогда, когда всѣ 44 легли убитые или раненые. Это занесли въ исторію сами враги.

А подвигъ Невельскаго? На плохомъ катерѣ о нѣсколькихъ пушкахъ и съ 50 человѣками команды отбивался онъ отъ 50 пушечнаго англійскаго фрегата, союзника шведовъ. «Долой, долой!» кричатъ повелительно съ фрегата, посылая залпы противъ ничтожной скорлупы. Невельскій съ командой, молча, перекрестились, и взялись за свои пушки. Суденышкомъ завладѣли лишь тогда, когда оно было разбито и налилось водой, пушки опрокинуты, а самъ командиръ лежалъ безъ чувствъ, тяжело раненый. Но и тутъ флага не спустили русскія руки.

Аландскія шхеры, Юнгферзундъ, Судсало, Гирвисало, Киленто, Тавастеншеръ, Сандо,—о сколькихъ жертвахъ говорятъ и они! Здѣсь мы больше страдали, чѣмъ побѣждали, и морскія глубины не разъ поглощали одно за другимъ наши суда съ ихъ экипажами. Здѣсь, какъ и на Готландѣ, заплатили мы въ 1808 году тяжелую дань довѣрію къ доброму расположенію финляндцевъ, за которое распинались въ Петербургѣ. Оставленные для охраны, сами по себѣ малые, отряды, къ тому же еще раскиданные мелкими частями по множеству островов, были захвачены населеніемъ, поднявшимся противъ русскихъ и съ ликованіемъ отданы въ руки непріятеля. При отрядахъ на Аландѣ, по довѣрію, не было ни пушекъ, ни морскихъ командъ.

Вотъ и Або, не разъ и не два видавшій русскихъ съ древнѣйшихъ еще временъ. Отсюда въ февралѣ 1809 года двинулся князь Багратіонъ для знаменитаго перехода по льду въ Швецію. Главнокомандующій Кноррингъ боялся и колебался предъ опасностью подвига. «Прикажите, пойдемъ!» отвѣчалъ Багратіонъ.

И пошли. Сотни верстъ люди не шли, а лѣзли, карабкались по глыбамъ вывороченнаго бурями льда, вязли въ сугробахъ снѣга, тонули въ неожиданныхъ трещинахъ и полыньяхъ, и сражались съ непріятелемъ. Вартсало, Карпо, Нагу, Кумлингъ, всѣ эти острова, тогда выжженные и покинутые, свидѣтели геройскихъ трудовъ и лишеній. Дни за днями отряды не видѣли никакого жилья, бивуакировали на льду при 15 градусахъ мороза, закапывались въ снѣгъ для отдыха, обмораживали руки и ноги.

Сигнальшеръ, самый дальній изъ Аландской группы. Отсюда Кульневъ съ донцами, уральцами и гродненскими гусарами двинулся прямо на шведскій берегъ. Сбивъ врага, онъ доносилъ Багратіону: «Благодареніе Богу! честь и слава россійскаго воинства на берегахъ Швеціи. Я съ войскомъ въ Гриссельгамѣ воспѣваю: Тебе, Бога, хвалимъ!»

не пало 95. Вотъ лодка съ 44 человѣками; ее непріятель взялъ лишь тогда, когда всѣ 44 легли убитые или раненые. Это занесли въ исторію сами враги.

А подвигъ Невельскаго? На плохомъ катерѣ о нѣскольких пушкахъ и съ 50 человѣками команды отбивался онъ отъ 50 пушечнаго англійскаго фрегата, союзника шведовъ. «Долой, долой!» кричатъ повелительно съ фрегата, посылая залпы противъ ничтожной скорлупы. Невельскій съ командой, молча, перекрестились, и взялись за свои пушки. Суденышкомъ завладѣли лишь тогда, когда оно было разбито и налилось водой, пушки опрокинуты, а самъ командиръ лежалъ безъ чувствъ, тяжело раненый. Но и тутъ флага не спустили русскія руки.

Аландскія шхеры, Юнгферзундъ, Судсало, Гирвисало, Киленто, Тавастеншеръ, Сандо,—о скольких жертвахъ говорятъ и они! Здѣсь мы больше страдали, чѣмъ побѣждали, и морскія глубины не разъ поглощали одно за другимъ наши суда съ ихъ экипажами. Здѣсь, какъ и на Готландѣ, заплатили мы въ 1808 году тяжелую дань довѣрію къ доброму расположенію финляндцевъ, за которое распинались въ Петербургѣ. Оставленные для охраны, сами по себѣ малые, отряды, къ тому же еще раскиданные мелкими частями по множеству острововъ, были захвачены населеніемъ, поднявшимся противъ русскихъ и съ ликованіемъ отданы въ руки непріятеля. При отрядахъ на Аландѣ, по довѣрію, не было ни пушекъ, ни морскихъ командъ.

Вотъ и Або, не разъ и не два видавшій русскихъ съ древнѣйшихъ еще временъ. Отсюда въ февралѣ 1809 года двинулся князь Багратіонъ для знаменитаго перехода по льду въ Швецію. Главнокомандующій Кноррингъ боялся и колебался предъ опасностью подвига. «Прикажите, пойдемъ!» отвѣчалъ Багратіонъ.

И пошли. Сотни верстъ люди не шли, а лѣзли, карабкались по глыбамъ вывороченнаго бурями льда, вязли въ сугробахъ снѣга, тонули въ неожиданныхъ трещинахъ и полыньяхъ, и сражались съ непріятелемъ. Вартсало, Карпо, Нагу, Кумлингъ, всѣ эти острова, тогда выжженные и покинутые, свидѣтели геройскихъ трудовъ и лишеній. Дни за днями отряды не видѣли никакого жилья, бивуакировали на льду при 15 градусахъ мороза, закапывались въ снѣгъ для отдыха, обмораживали руки и ноги.

Сигнальшеръ, самый дальній изъ Аландской группы. Отсюда Кульневъ съ донцами, уральцами и гродненскими гусарами двинулся прямо на шведскій берегъ. Сбивъ врага, онъ доносилъ Багратіону: «Благодареніе Богу! честь и слава россійскаго воинства на берегахъ Швеціи. Я съ войскомъ въ Гриссельгамѣ воспѣваю: Тебе, Бога, хвалимъ!»

суда потоплены и сожжены. Чичаговъ преслѣдовалъ непріятеля вплоть до Свеаборга. Самъ король Густавъ едва не былъ захваченъ и избѣгъ русскихъ рукъ только хитростью.

Мы не праздновали вѣковую годовщину этого крупнаго и отраднаго событія. Иначе поступили наши финляндскіе шведы. Не далѣе пяти лѣтъ назадъ финляндцамъ было предоставлено, офиціально и торжественно, съ залпами и рѣчами, праздновать воспоминаніе нѣсколькихъ авангардныхъ стычекъ, въ которыхъ финскіе батальоны, вмѣстѣ съ шведскими, одержали верхъ надъ русскими.

Сегодня, 28-го іюня, также сто лѣтъ назадъ, было въ русскомъ флотѣ событіе столь же, если еще не болѣе, грандіозное, но только съ исходомъ, прямо противоположнымъ. Въ тѣхъ же финляндскихъ шхерахъ, мимо которыхъ за шесть только дней бѣжалъ разбитый подъ Выборгомъ шведскій флотъ, русская флотилія подверглась полному разгрому. Пораженіе при Роченсальмѣ или Свенкзундѣ представляло собою нѣчто ужасное. По однимъ источникамъ 10.000, по другимъ даже 14.000 русскихъ сдѣлались жертвою бѣдствія. 54 судна разнаго ранга погибли. Иныя, какъ фрегатъ «Николай», утонули со всѣмъ своимъ полутысячнымъ экипажемъ.

Русскій народъ не долженъ краснѣть за роченсальмское пораженіе. Его національной гордости не нанесено удара; умирать за отечество — дѣло не позора, а славы. Пятно за тяжкія жертвы 28-го іюня 1790 г. всѣмъ своимъ бременемъ ложится на легкомысліе и недобросовѣстность командовавшаго русскою флотиліей адмирала иностранца, принца Нассау-Зигена. Какъ имя адмирала Чичагова покрылось славою выборгской побѣды за шесть дней до Роченсальма, такъ погромъ при послѣднемъ дѣлаетъ для русскаго человѣка ненавистнымъ имя этого иноземца, искателя отличій.

Желая сдѣлать Императрицѣ Екатеринѣ пріятный сюрпризъ въ день восшествія ея на престолъ, 28-го числа, Нассау повелъ въ этотъ день свою флотилію въ аттаку противъ шведовъ безъ всякихъ рекогносцировокъ, не сформировавъ даже отрядовъ, какъ должно, не ознакомясь съ людьми, не имѣя на иныхъ судахъ вовсе офицеровъ. Многіе изъ его помощниковъ не знали совсѣмъ порусски и должны были командовать черезъ переводчиковъ. Многочисленную флотилію свою онъ повелъ въ роченсальмскую тѣснину при попутномъ вѣтрѣ, который не замедлилъ обратиться въ бурю, лишавшую возможности отступить въ случаѣ надобности. На авангардныхъ судахъ люди, только что набранные изъ разныхъ сухопутныхъ частей, не имѣвшіе до того понятія о морѣ, вынуждены были проработать на веслахъ цѣлую ночь, спѣша къ мѣсту боя, и немедленно вступить въ дѣло. Теперь они падали

суда потоплены и сожжены. Чичаговъ преслѣдовалъ непріятеля вплоть до Свеаборга. Самъ король Густавъ едва не былъ захваченъ и избѣгъ русскихъ рукъ только хитростью.

Мы не праздновали вѣковую годовщину этого крупнаго и отраднаго событія. Иначе поступили наши финляндскіе шведы. Не далѣе пяти лѣтъ назадъ финляндцамъ было предоставлено, офиціально и торжественно, съ залпами и рѣчами, праздновать воспоминаніе нѣсколькихъ авангардныхъ стычекъ, въ которыхъ финскіе батальоны, вмѣстѣ съ шведскими, одержали верхъ надъ русскими.

Сегодня, 28-го іюня, также сто лѣтъ назадъ, было въ русскомъ флотѣ событіе столь же, если еще не болѣе, грандіозное, но только съ исходомъ, прямо противоположнымъ. Въ тѣхъ же финляндскихъ шхерахъ, мимо которыхъ за шесть только дней бѣжалъ разбитый подъ Выборгомъ шведскій флотъ, русская флотилія подверглась полному разгрому. Пораженіе при Роченсальмѣ или Свенкзундѣ представляло собою нѣчто ужасное. По однимъ источникамъ 10.000, по другимъ даже 14.000 русскихъ сдѣлались жертвою бѣдствія. 54 судна разнаго ранга погибли. Иныя, какъ фрегатъ «Николай», утонули со всѣмъ своимъ полутысячнымъ экипажемъ.

Русскій народъ не долженъ краснѣть за роченсальмское пораженіе. Его національной гордости не нанесено удара; умирать за отечество — дѣло не позора, а славы. Пятно за тяжкія жертвы 28-го іюня 1790 г. всѣмъ своимъ бременемъ ложится на легкомысліе и недобросовѣстность командовавшаго русскою флотиліей адмирала иностранца, принца Нассау-Зигена. Какъ имя адмирала Чичагова покрылось славою выборгской побѣды за шесть дней до Роченсальма, такъ погромъ при послѣднемъ дѣлаетъ для русскаго человѣка ненавистнымъ имя этого иноземца, искателя отличій.

Желая сдѣлать Императрицѣ Екатеринѣ пріятный сюрпризъ въ день восшествія ея на престолъ, 28-го числа, Нассау повелъ въ этотъ день свою флотилію въ аттаку противъ шведовъ безъ всякихъ рекогносцировокъ, не сформировавъ даже отрядовъ, какъ должно, не ознакомясь съ людьми, не имѣя на иныхъ судахъ вовсе офицеровъ. Многіе изъ его помощниковъ не знали совсѣмъ по-русски и должны были командовать черезъ переводчиковъ. Многочисленную флотилію свою онъ повелъ въ роченсальмскую тѣснину при попутномъ вѣтрѣ, который не замедлилъ обратиться въ бурю, лишавшую возможности отступить въ случаѣ надобности. На авангардныхъ судахъ люди, только что набранные изъ разныхъ сухопутныхъ частей, не имѣвшіе до того понятія о морѣ, вынуждены были проработать на веслахъ цѣлую ночь, спѣша къ мѣсту боя, и немедленно вступить въ дѣло. Теперь они падали

суда потоплены и сожжены. Чичаговъ преслѣдовалъ непріятеля вплоть до Свеаборга. Самъ король Густавъ едва не былъ захваченъ и избѣгъ русскихъ рукъ только хитростью.

Мы не праздновали вѣковую годовщину этого крупнаго и отраднаго событія. Иначе поступили наши финляндскіе шведы. Не далѣе пяти лѣтъ назадъ финляндцамъ было предоставлено, оффиціально и торжественно, съ залпами и рѣчами, праздновать воспоминаніе нѣсколькихъ авангардныхъ стычекъ, въ которыхъ финскіе батальоны, вмѣстѣ съ шведскими, одержали верхъ надъ русскими.

Сегодня, 28-го іюня, также сто лѣтъ назадъ, было въ русскомъ флотѣ событіе столь же, если еще не болѣе, грандіозное, но только съ исходомъ, прямо противоположнымъ. Въ тѣхъ же финляндскихъ шхерахъ, мимо которыхъ за шесть только дней бѣжалъ разбитый подъ Выборгомъ шведскій флотъ, русская флотилія подверглась полному разгрому. Пораженіе при Роченсальмѣ или Свенкзундѣ представляло собою нѣчто ужасное. По однимъ источникамъ 10.000, по другимъ даже 14.000 русскихъ сдѣлались жертвою бѣдствія. 54 судна разнаго ранга погибли. Иныя, какъ фрегатъ «Николай», утонули со всѣмъ своимъ полутысячнымъ экипажемъ.

Русскій народъ не долженъ краснѣть за роченсальмское пораженіе. Его національной гордости не нанесено удара; умирать за отечество — дѣло не позора, а славы. Пятно за тяжкія жертвы 28-го іюня 1790 г. всѣмъ своимъ бременемъ ложится на легкомысліе и недобросовѣстность командовавшаго русскою флотиліей адмирала иностранца, принца Нассау-Зигена. Какъ имя адмирала Чичагова покрылось славою выборгской побѣды за шесть дней до Роченсальма, такъ погромъ при послѣднемъ дѣлаетъ для русскаго человѣка ненавистнымъ имя этого иноземца, искателя отличій.

Желая сдѣлать Императрицѣ Екатеринѣ пріятный сюрпризъ въ день восшествія ея на престолъ, 28-го числа, Нассау повелъ въ этотъ день свою флотилію въ аттаку противъ шведовъ безъ всякихъ рекогносцировокъ, не сформировавъ даже отрядовъ, какъ должно, не ознакомясь съ людьми, не имѣя на иныхъ судахъ вовсе офицеровъ. Многіе изъ его помощниковъ не знали совсѣмъ по-русски и должны были командовать черезъ переводчиковъ. Многочисленную флотилію свою онъ повелъ въ роченсальмскую тѣснину при попутномъ вѣтрѣ, который не замедлилъ обратиться въ бурю, лишавшую возможности отступить въ случаѣ надобности. На авангардныхъ судахъ люди, только что набранные изъ разныхъ сухопутныхъ частей, не имѣвшіе до того понятія о морѣ, вынуждены были проработать на веслахъ цѣлую ночь, спѣша къ мѣсту боя, и немедленно вступить въ дѣло. Теперь они падали

Россіи и забываются въ своихъ претензіяхъ. Вы не должны огорчаться тѣмъ, что Ваши указанія въ настоящее время остаются, повидимому, безплодными: всякая высказанная истина найдетъ когда-нибудь признаніе, и Вы можете того же ожидать для своихъ статей въ будущемъ». (15 мая 1888 г.)

«Вы знаете, какъ высоко я цѣню Ваши изслѣдованія». (11 декабря 1888 г.)

«Спѣшу принести Вамъ мое сердечное поздравленіе: сегодня Академія Наукъ присудила Вамъ Макарьевскую премію». (17 мая 1889 г.).

«Интересъ этой новой по содержанію для русскаго общества книги («Покореніе Финляндіи») такъ великъ, что я тотчасъ по полученіи ея не могъ удержаться отъ перелистыванія и зачитывался многими страницами». (14 декабря 1889 г.).

«Позвольте принести Вамъ искреннѣйшее мое поздравленіе съ наступившимъ сегодня Новымъ Годомъ и при этомъ пожелать Вамъ полноты всякихъ благъ, нужныхъ для истиннаго счастія, а, такъ какъ Вы между многими почетными атрибутами носите съ честью и званіе даровитаго автора,— то позвольте въ эти блага включить съ нѣкоторымъ удареніемъ и справедливо подобающій Вашимъ трудамъ и вполнѣ заслуженный успѣхъ». (1 января 1890 г.).

«Что касается намѣренія Вашего отвѣчать «гг. финляндцамъ», то позвольте сообщить Вамъ, въ видѣ матеріала, одну мысль, которую высказалъ мнѣ посѣтившій меня вчера шведскій посланникъ. Пусть бы, говорилъ онъ, финляндцы обладали и спокойно пользовались большими льготами, но зачѣмъ они при этомъ всегда выказывали такое нерасположеніе, даже враждебное чувство къ русскимъ? На что, напр. похоже, что въ почтовый ящикъ по всей Финляндіи нельзя опустить письма съ русскимъ штемпелемъ, или что, напр., не всегда принимаютъ тамъ русскіе кредитные билеты... А явно пристрастное отношеніе финскихъ судовъ ко всему русскому, чему было множество примѣровъ?

Дѣйствительно, нѣтъ никакого сомнѣнія, что именно это враждебное чувство, которое въ столькихъ случаяхъ проявлялось у финляндцевъ противъ русскихъ, вызвало и въ послѣднихъ неудовольствіе, которое постепенно возрастало и, наконецъ, обострилось и распространилось до нынѣшнихъ размѣровъ. Русскій народъ добродушный и безъ такого безпрестанно повторявшагося вызова, конечно, не было бы у насъ существующаго общаго раздраженія.

Мы у себя всегда трактовали финновъ, какъ своихъ братьевъ, а они насъ—какъ ненавистныхъ иноземцевъ. Вотъ что, наконецъ, надобно имъ высказать прямо и рѣзко. Это истина неоспоримая! (15 января 1890 г.).

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Нижеслѣдующіе акты были напечатаны К. Ф. Ординымъ, какъ приложеніе къ изданной имъ въ 1888 г. книгѣ «Конституція Финляндіи» въ изложеніи мѣстнаго сенатора Л. Мехелина.

1) **Манифестъ 20-го марта 1808 г. о покореніи шведской Финляндіи и о присоединеніи оной навсегда къ Россіи** [1]).

Изъ декларацій въ свое время изданныхъ, извѣстны праведныя уваженія подвигнувшія Насъ къ разрыву съ Швеціею и къ введенію войскъ Нашихъ въ шведскую Финляндію. Безопасность отечества Нашего взыскивала отъ Насъ сея мѣры.

Явная преклонность короля шведскаго къ державѣ Намъ непріязненной, новый союзъ его съ нею и наконецъ насильственный и неимовѣрный поступокъ съ посланникомъ Нашимъ въ Стокгольмѣ учиненный, происшествіе столько же оскорбительное Имперіи Нашей, какъ и противное всѣмъ правамъ въ просвѣщенныхъ странахъ свято наблюдаемымъ, превратили мѣру воинской предосторожности въ необходимый разрывъ и содѣлали войну неизбѣжною.

Всевышній пріосѣнилъ помощію Своею праведное Наше дѣло. Войска Наши съ мужествомъ имъ обычнымъ, борясь съ препятствіями и превозмогая всѣ трудности имъ предстоявшія, пролагая себѣ путь чрезъ мѣста, кои по настоящее время считались непроходимыми, повсюду встрѣчая непріятеля и храбро поражая его, овладѣли и заняли всю почти Финляндію.

Страну сію оружіемъ Нашимъ такимъ образомъ покоренную, Мы присоединяемъ отнынѣ навсегда къ Россійской Имперіи, и вслѣдствіе того повелѣли Мы принять отъ обывателей ея присягу на вѣрное престолу Нашему подданство.

Возвѣщая о семъ присоединеніи вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ, удостовѣрены Мы, что раздѣляя Наши чувства признательности и благодаренія къ престолу Всемогущаго, пролiютъ они теплыя ихъ молитвы, да вседѣйствующая Его сила предъидетъ храброму воинству Нашему въ дальнѣйшихъ его подвигахъ, да благословитъ и увѣнчаетъ оружіе Наше успѣхами, и отстранитъ отъ предѣловъ отечества Нашего бѣдствія, коими враги потрясти его искали.

(Данъ въ С.-Петербургѣ, 20-го марта 1808 г. Подписанъ Императоромъ Александромъ и контрасигнированъ министромъ иностранныхъ дѣлъ графомъ Николаемъ Румянцевымъ).

[1]) Полное собр. зак. Росс. Имперіи, т. XXX, № 22911.

2) Lettre autographe de l'Empereur Alexandre I à l'Empereur Napoléon [1]).

Monsieur mon frère. J'adresse ces lignes à Votre Majesté pour lui annoncer, que toute la Finlande Suédoise se trouve conquise. Il ne reste que la forteresse de Swéaborg qui tient encore, mais le commandant est entré déjà en pourparlers et j'espère que sous peu elle capitulera. Le roi de Suède a jugé à propos d'imiter les Turcs et d'enfermer mon ministre à Stocbholm. Je n'ai pas voulu user de représailles envers lui, mais j'ai déclaré la Finlande Suédoise province Russe. Comme Votre Majesté l'a très bien jugé, la sureté de ma capitale l'exigeoit. Je regrette que le peu de solidité de la glace empêche le passage par la mer d'Aland à mon armée, ce qui l'aurait portée à 3 marches de Stochholm. Je le fais essayer plus haut du coté de Wasa.

Le debarquement de l'armée de Votre Majesté réunie à celle des Danois en Scanie achevera d'ôter je l'espère aux Anglais toute possibilité de relacher dans la Baltique, si ils y entrent même ils ne pourront guère s'y maintenir n'ayant pas de ports. Sur ce je prie Dieu, Mousieur mon frère, qu'il veuille tenir Vorte Majesté Impériale en Sa sainte et digne garde.

II.

Переводъ письма Императора Александра I къ Наполеону I.

Государь братъ мой. Пишу Вашему Величеству эти строки, чтобы извѣстить, что вся шведская Финляндія завоевана. Остается только Свеаборгская крѣпость, которая еще держится; но комендантъ началъ уже переговоры, и, надѣюсь, въ скоромъ времени она сдастся. Шведскій король нашелъ возможнымъ подражать туркамъ и заточилъ моего министра въ Стокгольмѣ. Я не хотѣлъ отвѣчать ему тѣмъ же, но объявилъ шведскую Финляндію русскою провинціей. Того требовала безопасность моей столицы, какъ Ваше Величество сами совершенно вѣрно находите. Жалѣю, что непрочность льда препятствуетъ движенію моей арміи чрезъ море у Аланда; она была

[1]) О присоединеніи Финляндіи къ Россіи объявлено иностраннымъ дворамъ дипломатическимъ путемъ декларацією 16-го марта 1808 г., Наполеону же Императоръ Александръ сообщилъ письмомъ, проектъ коего, здѣсь приводимый, написанъ имъ собственноручно карандашомъ и хранится въ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

бы тогда всего въ 3-хъ переходахъ отъ Стокгольма. Велѣлъ попытаться выше, у Вазы.

Отплытіе войскъ Вашего Величества и соединеніе ихъ съ датскими въ Шоніи окончательно лишитъ англичанъ возможности распространиться въ Балтійскомъ морѣ; даже если они и войдутъ туда, то не смогутъ удержаться, не имѣя тамъ портовъ. Засимъ, Государь братъ мой, молю Бога да сохранитъ В. И. В. подъ святымъ Своимъ кровомъ.

3) Манифестъ Императора Александра I отъ 5 (17) іюня 1808 г. [1]).

Божіею милостію, Мы Александръ первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, и проч., и проч., и проч.

Намъ вѣрноподданнымъ обывателямъ новоприсоединенной Финляндіи всякаго чина и состоянія.

По непреложнымъ судьбамъ Вышняго, благословляющаго оружіе Наше, присоединивъ навсегда Финляндію къ Россіи, съ удовольствіемъ Мы зрѣли торжественные обѣты, обывателями сего края принесенные на вѣрное и вѣчное ихъ скипетру Россійскому подданство. Вмѣстѣ съ симъ воспріяли Мы на себя священную обязанность хранить сіе достояніе, промысломъ Намъ врученное, во всей его незыблемости и въ непремѣнномъ и вѣчномъ съ Россіею единствѣ.

Въ чредѣ народовъ, скипетру Россійскому подвластныхъ и единую Имперію составляющихъ, обыватели новоприсоединенной Финляндіи съ сего времени воспріяли навсегда свое мѣсто. Отъ сего великаго состава противу воли и предопредѣленій Вышняго ничто отторгнуть ихъ не можетъ. То же самое Провидѣніе, которое споспѣшествовало храброму воинству Нашему въ обладаніи сей страны, будетъ покровительствовать Намъ въ неразрывномъ ея соблюденіи.

Обыватели Финляндіи! Да напечатлѣются истины сіи неизгладимо въ сердцахъ вашихъ. Подъ сѣнію престола Нашего покоятся многочисленные народы, судьбы ихъ равно сердцу Нашему драгоцѣнны; вступивъ въ составъ Имперіи Нашей, вы пріобрѣли тѣмъ самымъ равныя права съ ними. Сверхъ древнихъ установленій, странѣ вашей свойственныхъ и свято Нами хранимыхъ, новое поле вашей дѣятельности и трудолюбію открывается.

---

[1]) Дата по изложенію г. Мехелина. Въ копіи документа въ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, откуда онъ и позаимствованъ, манифестъ помѣченъ іюнемъ безъ числа. Но, вѣроятно, одновременно данный ректору абоскаго университета особый рескриптъ, помѣченъ 4-го іюня.

Подъ сильнымъ щитомъ Россіи, земледѣліе ваше, торговля, промыслы, всѣ источники народнаго богатства и благосостоянія воспріимутъ новую жизнь и расширеніе. Мы познаемъ вскорѣ всѣ ваши нужды и не умедлимъ простереть вамъ руку помощи и облегченія. Оружіе Наше оградитъ предѣлы ваши отъ всякаго къ вамъ прикосновенія и отразитъ всѣ покушенія враговъ, если бы когда либо возмутить спокойствіе ваше они дерзнули. Приверженность, единство и непоколебимая вѣрность есть единое возмездіе, коего Мы за все сіе отъ васъ требуемъ и ожидаемъ несомнѣнно.

Обыватели Финляндіи! Да не колеблется вниманіе ваше слухами и обольщеніями, если бы враги наши паче чаянія разсѣвать ихъ между вами покусились. Судьба страны вашей рѣшена невозвратно. Всякое разглашеніе о возстановленіи шведскаго надъ вами владычества было бы тщетное заблужденіе, единственно во вредъ вамъ устремляемое. Всякая преклонность и пріобщеніе обывателей къ таковымъ внушеніямъ повлекло бы съ собою неминуемую имъ гибель и разореніе.

Намъ извѣстно, что нѣкоторые соотечественники ваши теперь еще служатъ въ войскахъ шведскихъ, противъ васъ самихъ вооружаются. Доселѣ ожидали Мы съ терпѣніемъ раскаянія ихъ и покорности. Долговременное коснѣніе ихъ полагало уже конецъ ожиданію Нашему; но преклоняясь къ судьбѣ семействъ, оставленныхъ ими безъ призрѣнія, Мы еще готовы принять ихъ какъ вѣрныхъ подданныхъ Нашихъ и заблужденія ихъ навсегда изгладить изъ памяти Нашей, если въ теченіе шестинедѣльнаго срока, считая со дня обнародованія сего манифеста Нашего, поспѣшатъ они возвратиться. Да престанутъ они отнынѣ работать чужой власти. Да возвратятся въ нѣдра своего отечества, но да возвратятся немедленно въ назначаемый срокъ. По прошествіи онаго и раскаяніе ихъ не будетъ уже у мѣста.

Вѣрные обыватели Финляндіи! Будьте тверды и непоколебимы въ преданности вашей къ Россіи. Слово Наше о сохраненіи васъ въ единствѣ есть непреложно и Мы всегда Императорскою Нашею милостію пребудемъ вамъ благосклонны.

Въ Санктъ-Петербургѣ, іюня—дня 1808 года

4) Манифестъ о заключеніи мира между Россіей и Швеціей, данный 1-го октября 1809 г.

Всевышній положилъ конецъ войнѣ, между Россіею и Швеціею возникшей. Миръ, столько же славный для Имперіи, сколько и сообразный желаніямъ Нашимъ, возстановленъ на основаніяхъ твердыхъ.

Ботническій заливъ, прейдя западную Ботнію, на отдаленныхъ предѣлахъ ея утвердило свое обладаніе. На семъ великомъ пространствѣ всѣ города, порты, укрѣпленія, самыя твердыни Свеаборга пали во власть его.

Путь къ побѣдамъ, не взирая на всѣ сопротивленія, еще былъ отверзтъ; но какъ скоро надежда къ прочному миру представилась возможною, Мы съ удовольствіемъ оставивъ всѣ выгоды воинскаго Нашего положенія, обратились къ миру.

Въ основаніяхъ его Мы постановили оградить Имперію Нашу естественными и твердыми предѣлами, отдалить и пресѣчь разъ на всегда причину и предлогъ браней, и вмѣстѣ съ тѣмъ утвердить единообразіе политической системы, положенію обоихъ народовъ свойственной и святости Нашихъ союзовъ приличной.

На сихъ основаніяхъ трактатомъ, въ 5-й день сентября мѣсяца съ Швеціею въ Фридрихсгамѣ заключеннымъ, и по торжественномъ его съ обѣихъ сторонъ утвержденіи нынѣ во всеобщее извѣстіе издаваемымъ, постановленъ миръ, коего послѣдствія, утвердивъ доброе сосѣдство на незыблемыхъ началахъ, должны истребить и на всегда уничтожить всѣ причины къ опасенію и раздору.

Сею твердою надеждою, постановленіемъ Имперіи Нашей непреложныхъ и безопасныхъ границъ, измѣряемъ Мы наипаче выгоды сего мира. Новыя владѣнія Наши, съ одной стороны огражденныя Свеаборгомъ и другими крѣпостями, обезпеченныя весьма важнымъ для морской силы положеніемъ Аландскихъ островов, съ другой окруженныя Ботническимъ заливомъ и отдѣленныя отъ сосѣдей большими рѣками Торнео и Муоніо, всегда будутъ составлять твердую и незыблемую ограду Имперіи Нашей.

При таковыхъ существенныхъ выгодахъ сего мира не можетъ быть для сердца Нашего равнодушно присоединеніе къ числу вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ народа финскаго. Бѣдствіями войны доселѣ почти непрерывно обуреваемый, отнынѣ станетъ онъ на чредѣ народовъ, подъ сѣнію престола Нашего покоющихся въ тишинѣ и безопасности. Шесть губерній со всѣми принадлежащими къ нимъ городами и селеніями пріобрѣтаютъ симъ новое бытіе, и благословляютъ уже промыслъ Вышняго, судьбу ихъ тако устроющій.

Обладая всѣми портами и пристанями въ Финскомъ заливѣ, на Аландскихъ островахъ и во всей восточной части Ботническаго залива до самого Торнео, въ странѣ плодоносной, изобилующей лѣсами и разными произведеніями земли, населенной народомъ трудолюбивымъ и къ мореходной промышленности издревле пріобыкшимъ, торговля Наша воспріиметъ новое расширеніе, купеческое мореплаваніе получитъ новую дѣятельность, а съ тѣмъ вмѣстѣ и воинское Наше морское ополченіе пріобрящетъ новыя силы

фантеріи, орденовъ его кавалера и командора, ордена Меча большаго креста, Св. Андрея, Св. Александра Невскаго и Св. Анны перваго класса кавалера, и Андрея-Фридриха Скіэльдебрандта, полковника и его ордена Меча командора,—которые по размѣнѣ взаимныхъ надлежащихъ полномочій постановили нижеслѣдующія статьи:

Ст. I. Миръ, дружба и доброе согласіе пребудутъ отнынѣ между Его Величествомъ Императоромъ Всероссійскимъ и его величествомъ королемъ шведскимъ; высокія договаривающіяся стороны приложатъ все свое стараніе о сохраненіи совершеннаго согласія между ими, ихъ государствами и подданными, избѣгая рачительно того, что могло бы поколебать впредь соединеніе, счастливо нынѣ возстановляемое.

Ст. II. Поелику Его Величество Императоръ Всероссійскій изъявилъ непремѣнную рѣшимость не отдѣлять Своихъ выгодъ отъ пользъ Своихъ союзниковъ, а его величество король шведскій желаетъ въ пользу своихъ подданныхъ по всей возможности распространить благотворное дѣйствіе мира, то его королевское величество обѣщаетъ и обязывается самымъ формальнымъ и наисильнѣйшимъ образомъ не упускать изъ виду ничего, что съ его стороны можетъ споспѣшествовать скорому заключенію мира между имъ и его величествомъ императоромъ французскимъ, королемъ италійскимъ и его величествомъ королемъ датскимъ и норвежскимъ, помощію переговоровъ непосредственно съ сими державами уже открывшихся.

Ст. III. Его величество король шведскій, въ явное доказательство своего желанія возобновить искреннѣйшія отношенія съ августѣйшими союзниками Его Величества Императора Всероссійскаго, обѣщаетъ приступить къ системѣ твердой земли, съ ограниченіями, кои подробнѣе постановлены будутъ въ переговорахъ, имѣющихъ послѣдовать между Швеціею, Франціею и Даніею.

Между тѣмъ его величество король шведскій съ самаго размѣна ратификацій сего трактата обязуется повелѣть, чтобы входъ въ порты королевства шведскаго былъ воспрещенъ, какъ военнымъ кораблямъ, такъ и купеческимъ судамъ великобританскимъ, предоставляя привозъ соли и колоніальныхъ произведеній содѣлавшихся отъ употребленія необходимыми для жителей шведскихъ.

Съ своей стороны Его Величество Императоръ Всероссійскій обѣщаетъ впредь принять за благо всѣ ограниченія, какія союзники Его почтутъ справедливыми и приличными допустить въ пользу Швеціи относительно торговли и купеческаго мореплаванія.

Ст. IV. Его величество король шведскій, какъ за себя, такъ и за преемниковъ его престола и королевства шведскаго, отказывается

неотмѣняемо и навсегда въ пользу Его Величества Императора Всероссійскаго и преемниковъ Его престола и Россійской Имперіи, отъ всѣхъ своихъ правъ и притязаній на губерніи, ниже сего означенныя, завоеванныя оружіемъ Его Императорскаго Величества въ нынѣшнюю войну отъ державы шведской, а именно: на губерніи Кюмменегордскую, Нюландскую и Таваступскую, Абовскую и Біернеборгскую съ островами Аландскими, Саволакскую и Корельскую, Вазовскую, Улеаборгскую и часть западной Ботніи до рѣки Торнео, какъ то постановлено будетъ въ слѣдующей статьѣ о назначеніи границъ.

Губерніи сіи со всѣми жителями, городами, портами, крѣпостями, селеніями и островами, а равно ихъ принадлежностями, преимуществами, правами и выгодами будутъ отнынѣ состоять въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской и къ ней навсегда присоединяются.

На сей конецъ его величество король шведскій обѣщаетъ и обязуется самымъ торжественнымъ и наисильнѣйшимъ образомъ, какъ за себя, такъ преемниковъ своихъ и всего королевства шведскаго, никогда не чинить притязанія ни посредственнаго, ни непосредственнаго на помянутыя губерніи, области, острова и земли, коихъ всѣ жители, по силѣ вышеупомянутаго отреченія, освобождаются отъ подданства и присяги въ вѣрности, учиненной ими державѣ шведской.

Ст. V. Море Аландское (Alandshaff), заливъ Ботническій и рѣки Торнео и Муоніо будутъ впредь служить границею между Имперіею Россійскою и королевствомъ Шведскимъ.

Въ равномъ разстояніи отъ береговъ, ближайшіе острова къ твердой землѣ аландской и финляндской будутъ принадлежать Россіи, а прилежащіе къ берегамъ Швеціи, будутъ принадлежать ей.

Въ устьѣ р. Торнео, островъ Бьоркіо, портъ Ріодгамъ и полуостровъ, на которомъ лежитъ гор. Торнео, будутъ самыми дальними пунктами россійскихъ владѣній и граница простираться будетъ вдоль р. Торнео, до соединенія обоихъ рукавовъ сей рѣки близъ чугуннаго завода Кенгисъ, откуда граница пойдетъ по теченію р. Муоніо, мимо Муоніониски, Муоніоефреби, Палоіонса, Кютане, Енонтекиса, Келоттіерва, Петтико, Нюймакки, Раунулы и Кильписьярви, даже до Норвегіи.

По вышеписанному теченію рѣкъ Торнео и Муоніо острова, лежащіе съ восточной стороны ихъ фарватера, будутъ принадлежать Россіи, а лежащіе съ западной Швеціи.

По размѣнѣ ратификацій, немедленно назначены будутъ инженеры съ одной и другой стороны, кои явятся на мѣста, для постановленія границъ вдоль рѣкъ Торнео и Муоніо, по вышеначертанной линіи.

Ст. VI. Поелику Его Величество Императоръ Всероссійскій самыми несомнѣнными опытами милосердія и правосудія ознаменовалъ уже образъ правленія своего жителямъ пріобрѣтенныхъ имъ нынѣ областей: обезпечивъ по единственнымъ побужденіямъ великодушнаго своего соизволенія, свободное отправленіе ихъ вѣры, права собственности и преимущества, то его шведское величество тѣмъ самымъ освобождается отъ священнаго впрочемъ долга, чинить о томъ въ пользу прежнихъ своихъ подданныхъ какія-либо условія.

Ст. VII. Съ подписаніемъ настоящаго трактата будетъ о семъ непосредственно и въ самой скорости доставлено извѣстіе генераламъ обоюдныхъ армій, и непріятельскія дѣйствія совершенно и обоюдно, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ прекратятся; воинскія дѣйствія, кои могли бы произойти во время сихъ переговоровъ, почтены будутъ какъ бы неслучившимися и отнюдь не сдѣлаютъ въ трактатѣ семъ какого-либо нарушенія. Все, что могло бы быть между тѣмъ взято и завоевано съ той или другой стороны, будетъ возвращено въ точности.

Ст. VIII. Въ теченіе четырехъ недѣль, по размѣнѣ ратификацій сего трактата войска Его Величества Императора Всероссійскаго выступятъ изъ провинціи Западной Ботніи и возвратятся за рѣку Торнео.

Въ продолженіе помянутыхъ четырехъ недѣль никакія требованія, какого бы рода они ни были, съ тамошнихъ жителей чинимы не будутъ, и россійская армія для своего содержанія получать будетъ продовольствіе изъ собственныхъ своихъ магазиновъ, учрежденныхъ въ городахъ Западной Ботніи.

Если бы во время сихъ переговоровъ Императорскія войска вошли съ какой другой стороны въ королевство шведское, то они изъ занятыхъ ими мѣстъ выступятъ въ срокъ и на условіяхъ вышепостановленныхъ.

Ст. IX. Всѣ военноплѣнные съ той и другой стороны взятые, какъ на сухомъ пути такъ и на морѣ, а равно и аманаты взятые или данные во время сей войны, имѣютъ быть возвращены всѣ вообще и безъ замѣны коль можно скорѣе, и во всѣхъ случаяхъ не позже какъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, считая со дня размѣны ратификацій настоящаго трактата; но ежели какіе-либо плѣнные или аманаты не могутъ, по болѣзни или другимъ основательнымъ причинамъ, возвратиться въ свое отечество въ положенный срокъ, то ихъ однако потому никакъ не считать лишившимися права вышеизображеннаго. Они обязаны заплатить обывателямъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они содержались, долги нажитые ими во время плѣна, или представить по онымъ порукъ.

Никакіе доносы на нихъ по таковымъ дѣламъ не будутъ впредь пріемлемы, а ежели какіе и учинены, тѣ всѣ оставить и уничтожить и вновь суда по онымъ не начинать. Въ слѣдствіе чего непосредственно будетъ снято запрещеніе съ имѣній арестованныхъ или секвестрованныхъ, кои возвращены будутъ владѣльцамъ ихъ съ тѣмъ однакожъ, что содѣлавшіеся подданными одной изъ двухъ державъ, въ силу постановленій предъидущей статьи, не будутъ имѣть права домогаться у государя, коего подданными они быть перестали, ни о продолженіи доходовъ или пенсіоновъ, какіе они получали изъ милости, или въ видѣ снисхожденія, или жалованья за прежнюю службу.

Ст. XII. Акты на владѣнія, архивы и другіе документы общественные и частные, планы и карты крѣпостямъ, городамъ и землямъ доставшимся по сему трактату Его Величеству Императору Всероссійскому, со включеніемъ картъ и бумагъ, какія могутъ сыскаться въ межевой конторѣ, имѣютъ быть Его Величеству исправно выданы въ теченіе 6 мѣсяцевъ, или буде сіе окажется невозможнымъ, то не позже какъ въ годъ.

Ст. XIII. По размѣнѣ ратификацій настоящаго трактата высокія договаривающіяся стороны повелятъ снять всякое запрещеніе, наложенное на имѣнія, права и доходы взаимныхъ жителей обѣихъ державъ и на общественныя заведенія, въ нихъ находящіяся. Они обязываются удовлетворить всѣ могущіе быть на нихъ долги по капиталамъ, даннымъ имъ заимообразно помянутыми частными людьми и общественными заведеніями, и заплатить или возвратить всѣ доходы, кои въ ихъ пользу съ каждой изъ обѣихъ державъ причтутся.

Рѣшеніе по всѣмъ искамъ между подданными высокихъ договаривающихся сторонъ касательно долговыхъ требованій, собственностей или другихъ притязаній, кои сообразно принятымъ обычаямъ и народному праву, долженствуютъ быть возобновлены по заключеніи мира, предоставляется подлежащимъ судебнымъ мѣстамъ, и правосудіе самое скорое и безпристрастное будетъ оказуемо тѣмъ, кои къ онымъ прибѣгнутъ.

Ст. XIV. Долги общественные и частные, сдѣланные финляндцами въ Швеціи и обратно шведами въ Финляндіи, должны быть заплачены въ сроки и на постановленныхъ условіяхъ; но какъ сообщеніе между сими обѣими землями было прервано войною, то время просрочки продолжается такимъ образомъ, что считая съ 1-го января 1808 года до 6 мѣсяцевъ послѣ ратификаціи сего трактата, никакое право не будетъ почтено уничтоженнымъ по причинѣ несоблюденія онаго въ положенное время. Всякій искъ по сему предмету допущенъ будетъ въ обоюдныхъ судахъ и осо-

бенно защищаемъ обоими правительствами, дабы участвующимъ сторонамъ оказано было правосудіе самое скорое и безпристрастное.

Ст. XV. Подданные одной изъ высокихъ договаривающихся сторонъ, коимъ достанутся въ областяхъ другой, имѣнія по наслѣдству, даровому праву или другимъ образомъ, могутъ оныя получать безъ затрудненія, и въ случаѣ нужды будутъ пользоваться всякою защитою законовъ и пособіемъ судебныхъ мѣстъ, для вступленія во владѣніе онымъ и во всѣ права отъ владѣнія, сего проистекающія; но пользованіе сими правами, касательно имѣній въ Финляндіи лежащихъ, подлежать будутъ условіямъ, изображеннымъ въ X ст., которою обязываются владѣльцы ихъ основать жилище свое въ оной землѣ, или продать, или же уступить, въ теченіе 3-хъ лѣтъ, владѣемое ими имѣніе. Сей 3-хъ годичный срокъ будетъ данъ всѣмъ тѣмъ, кои изберутъ сіе послѣднее средство, считая со дня открытія наслѣдства или дароваго права.

Ст. XVI. Поелику срокъ торговаго трактата между обѣими высокими договаривающимися сторонами опредѣленъ до 17/29 октября 1811 г., то Его Величество Императоръ Всероссійскій соглашается не полагать въ исчисленіе срока все то время, когда договоръ сей войною былъ остановленъ, и потому продолжается дѣйствіе и сила его до 1/13 февраля 1813 г. во всемъ томъ, что не будетъ противно постановленіямъ манифеста о торговлѣ, изданнаго въ С.-Петербургѣ 1-го января 1807 года.

Ст. XVII. Поелику области, присоединенныя къ Россійской Имперіи, по силѣ сего трактата, имѣютъ со Швеціею по торговымъ отношеніямъ связь, которую долговременная привычка, сосѣдство и взаимныя нужды содѣлали почти необходимою, то высокія договаривающіяся стороны, равномѣрно желая сохранить для ихъ подданныхъ сіи сношенія, взаимно имъ полезныя, положили принять надлежащія мѣры къ утвержденію оныхъ. Но доколѣ не будетъ сей предметъ съ точностію и обоюдно опредѣленъ, финляндцамъ позволяется изъ Швеціи вывозить руды, желѣзо въ крицахъ, известь, камни для строенія плавильныхъ печей и вообще всякія другія произведенія земли сего королевства.

Во взаимство того шведы могутъ изъ Финляндіи вывозить скотъ, рыбу, хлѣбъ, холстъ и смолу, доски, деревянную всякую посуду, строевой и дровяной лѣсъ и вообще всѣ другія произведенія земли сего великаго княжества.

Сія торговля будетъ возстановлена и въ точности соблюдена до 1/13 октября 1811 года, на томъ самомъ основаніи, на какомъ оная была до войны; она не будетъ ни подъ какимъ предлогомъ запрещаема, ниже отягощаема какою либо пошлиною, кромѣ той, какая могла быть наложена до послѣдней войны, за исключеніемъ

однако ограниченій, кои политическія отношенія обоихъ народовъ могутъ сдѣлать необходимыми.

Ст. XVIII. Ежегодный безпошлинный вывозъ 50.000 четвертей хлѣба, съ покупкою его въ принадлежащихъ Его Величеству Императору Всероссійскому портахъ Финскаго залива или Балтійскаго моря, дозволяется его величеству королю шведскому по свидѣтельствамъ, что оная закупка произведена на его счетъ или по его повелѣнію; изъ сего выключаются годы неурожая, когда вывозъ хлѣба вообще запрещенъ будетъ; но по снятіи сего запрещенія, количество по оному неотпущенное замѣнено быть можетъ.

Ст. XIX. Что касается до салютаціи на морѣ между военными кораблями обѣихъ высокихъ договаривающихся сторонъ, то соглашено учредить оную на основаніи совершеннаго равенства между державами. Когда военные ихъ корабли встрѣтятся на морѣ, салютація сообразна будетъ съ чиномъ командующихъ офицеровъ, такимъ образомъ, что офицеръ высшаго чина получитъ сперва салютацію, отвѣчая выстрѣломъ на выстрѣлъ; если же они равнаго чина, то обоюдно не будутъ салютовать другъ друга. Предъ замками, крѣпостями и при входѣ въ порты, пріѣзжающій или отъѣзжающій долженъ салютовать прежде, а ему отвѣтствовано будетъ выстрѣломъ на выстрѣлъ.

Ст. XX. Если бы произошли затрудненія по какимъ либо пунктамъ, о которыхъ не постановлено въ семъ трактатѣ, то оные будутъ разсматриваемы и опредѣляемы дружественно обоюдными послами или полномочными министрами, съ такимъ же миролюбивымъ расположеніемъ, на каковомъ основано заключеніе сего трактата.

Ст. XXI. Настоящій трактатъ будетъ ратификованъ обѣими высокими договаривающимися сторонами и ратификаціи въ доброй и надлежащей формѣ имѣютъ быть размѣнены въ С.-Петербургѣ въ теченіе четырехъ недѣль или ранѣе, буде можно, считая со дня подписанія онаго.

Во увѣреніе чего мы нижеподписавшіеся, по силѣ нашихъ полномочій, сей мирный трактатъ подписали и къ оному гербовъ нашихъ печати приложили.

Въ Фридрихсгамѣ 5 (17) сентября въ лѣто отъ Р. X. 1809.

Ратификація. Того ради, по довольномъ разсмотрѣніи сего мирнаго договора, приняли Мы оный за благо, подтвердили и ратификовали, яко же симъ за благо пріемлемъ, подтверждаемъ и ратификуемъ во всемъ его содержаніи, обѣщая Нашимъ Императорскимъ словомъ за Насъ и наслѣдниковъ Нашихъ, что все въономъ мирномъ договорѣ постановленное наблюдаемо и исполняемо будетъ ненарушимо; во увѣреніе чего Мы сію Нашу Император-

скую ратификацію собственноручно подписали и повелѣли утвердить государственною Нашею печатію.

Дана въ С.-Петербургѣ, октября 1 дня въ лѣто отъ Р. Х. 1809, государствованія же Нашего девятое.

6) Манифестъ 11-го декабря 1811 г. о наименованіи старой и новой Финляндіи совокупно Финляндіею [1].

Съ присоединеніемъ новой Финляндіи къ Россійской Имперіи различіе между старою и новою Финляндіею [2], какъ въ наименованіи ихъ, такъ и въ самомъ образѣ управленія находя излишнимъ и настоящему положенію сего края несвойственнымъ, внявъ мнѣнію Государственнаго Совѣта, признали мы за благо постановить слѣдующее: 1) старую и новую Финляндію отнынѣ совокупно именовать Финляндіею; 2) прежняя Финляндская губернія, наравнѣ съ губерніями въ Финляндіи существующими, отнынѣ состоять будетъ въ главномъ управленіи, для сей страны Нами учрежденномъ.

7) Именной указъ, данный Святѣйшему Синоду.

11-го декабря 1811 г. (№ 24909).

Манифестомъ въ сей день изданнымъ, соединивъ старую и новую Финляндію въ одно гражданское управленіе, духовное вѣдомство церквей православнаго греко-россійскаго исповѣданія, въ сей губерніи состоящихъ, оставляемъ во всемъ на прежнемъ ихъ основаніи, подъ главнымъ управленіемъ Святѣйшаго Синода и настоящаго ихъ епархіальнаго начальства, присоединяя къ оному вѣдомству и всѣхъ православныхъ греко-россійскихъ церквей, въ Финляндіи состоящихъ.

---

[1]) Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи 1811 г., № 24907.

[2]) Старою Финляндіею именовалась часть Финляндіи, завоеванная при Петрѣ I и Императрицѣ Елисаветѣ, т. е. Выборгская губернія до р. Кюмени съ одной и до Ладожскаго озера съ другой стороны.

